Императрица
Екатерина II

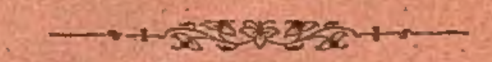
ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

СБОРНИКЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

Изданъ по распоряженію Господина Попечителя Виленскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника В. А. Попова

подъ редакціей преподавателя Виленской I гимназіи

А. Турцевича.

ВИЛЬНА

Типографія **А. Г. Сыркина**, Большая улица, соб. домъ.

1904.

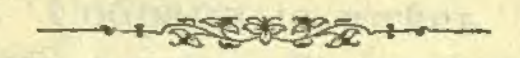
ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

СБОРНИКЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

Изданъ по распоряженію Господина Попечителя Виленскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника В. А. Попова

подъ редакціей преподавателя Виленской I гимназіи

А. Турцевича.

ВИЛЬНА

Типографія А. Г. Сыркина, Большая улица, соб. домъ.

1904.

Дозволено цензурою 9 Сентября 1904 года. Вильна.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый Сборникъ составляетъ третье изданіе, задуманное и исполненное Виленскимъ учебнымъ округомъ въ память Императрицы Екатерины II и въ ознаменованіе постановки и открытія въ Вильнѣ памятника Великой Государынѣ. Первыя два изданія носятъ одинаковое названіе: „Сборникъ документовъ, касающихся административнаго устройства Сѣверо-Западнаго края при Императрицѣ Екатеринѣ II“. Эти два обширные тома, изъ коихъ второй печатается, заключаютъ въ себѣ неизданные еще главнѣйшіе документы, относящіеся къ дѣятельности Императрицы въ Сѣверо-Западномъ краѣ и къ выясненію взаимоотношеній разноплеменнаго народонаселенія этого края за весь періодъ 1772—1796 годовъ. Составляя лишь начало изданія документовъ времени Императрицы Екатерины II, эти томы имѣютъ высокое научное значеніе. Собранные здѣсь документы изъ громаднаго собранія актовъ Виленскаго Центральнаго Архива, впервые появляющіеся въ печати, представляютъ научный интересъ для лицъ, спеціально занимающихся исторіей Россіи по первоисточникамъ.

Въ виду необходимости дать ко дню открытія въ Вильнѣ памятника Императрицы Екатерины II всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ книгу, которая заключала бы рядъ популярныхъ статей, касающихся

жизни и дѣяній Императрицы, управленіе Виленскаго учебнаго округа предприняло изданіе настоящаго Сборника, въ составъ котораго вошли слѣдующія статьи:

1) „Императрица Екатерина II (Біографическій очеркъ)“ —Ѳ. А. Кудринскаго; 2) „Административная дѣятельность Императрицы Екатерины II (Административно-сословныя и финансово-экономическія преобразованія)“—И. А. Глѣбова; 3) „о Финансовой политикѣ Екатерины II“ —А. С. Вруцевича; 4) „Восточная политика Императрицы Екатерины II“—Е. Э. Правосудовича; 5) „Раздѣлы Польши“—Ѳ. А. Кудринскаго; 6) „Литературная дѣятельность Императрицы Екатерины II“ – М. Х. Соколова; 7) „Журнальная дѣятельность Императрицы Екатерины II“—И. М. Дадыкина; 8) „Педагогическія воззрѣнія Императрицы Екатерины II и вліяніе ихъ на реформу духовной школы“—А. И. Миловидова и 9) „Заботы Императрицы Екатерины II о распространеніи образованія въ Полоцкой и Могилевской губерніяхъ“—А. В. Бѣлецкаго.

Этотъ перечень статей, обнимающихъ какъ жизнь Императрицы, такъ внутреннюю и внѣшнюю ея государственную дѣятельность, указываетъ, какое важное мѣсто отведено въ настоящемъ Сборникѣ заботамъ Великой Екатерины о развитіи просвѣщенія и народнаго образованія въ Россіи.

Поповъ.

1 Сентября 1904 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

1. Императрица Екатерина II (Біографическій очеркъ). *Ѳ. А. Кудринскій* 1
2. Административная дѣятельность императрицы Екатерины II (Административно-сословныя и финансово-экономическія преобразованія). *И. А. Глѣбовъ* . . . 121
3. О финансовой политикѣ Екатерины II. *А. С. Вруцевичъ* 151
4. Восточная политика императрицы Екатерины II. *Е. Э. Правосудовичъ*. 193
5. Раздѣлы Польши. *Ѳ. А. Кудринскій* 231
6. Литературная дѣятельность императрицы Екатерины II. *М. Х. Соколовъ*. 315
7. Журнальная дѣятельность императрицы Екатерины II. *И. М. Дадыкинъ* 151
8. Педагогическія воззрѣнія императрицы Екатерины II и вліяніе ихъ на реформу духовной школы. *А. И. Миловидовъ* 393
9. Заботы императрицы Екатерины II о распространеніи образованія въ Полоцкой и Могилевской губерніяхъ. *А. В. Бѣлецкій*. 410

Императрица Екатерина II.

(*Біографическій очеркъ*).

„Величіе Екатерины, необычайная сила ея ума и характера высказывались болѣе всего въ ея умѣньи править людьми и покорять себѣ сердца".

Полевой.

Вступленіе.

Двѣ крупныя царственныя фигуры обрисовываются на двухъ концахъ сложнаго фона русской исторической жизни XVIII вѣка. Обѣ онѣ перешли въ потомство съ эпитетами „великихъ" — Петръ Великій, Екатерина Великая. Первый поражаетъ колосальностью образа, титаническими размѣрами силы, воли и энергіи, непреклоннымъ стремленіемъ къ осуществленію задуманнаго. Вторая — представляетъ обаятельный образъ царицы, сумѣвшей совмѣстить въ своей личности качества мощнаго государственнаго дѣятеля, тонкаго умнаго политика съ симпатичными качествами женщины - человѣка. При „Первомъ" мы были „въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены", такъ говорилъ Головкинъ при заключеніи Ништадскаго мира; „Вторая" окончательно закрѣпила пребываніе Россіи въ этомъ обществѣ. „Первый" ввелъ реформы, „Вторая" укрѣпила и объяснила ихъ. Въ этомъ общій смыслъ политической исторіи Россіи XVIII в.

Изученіе такихъ личностей, какъ Петръ Великій и Екатерина Великая затруднительно главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что эпоха, въ которой они жили и дѣйствовали, XVIII вѣкъ, даетъ основаніе для самыхъ разнообразныхъ угловъ зрѣнія и соотвѣтственно съ этимъ для самыхъ различныхъ, иногда діаметрально противоположныхъ выводовъ и положеній.

„Исторія Россіи въ XVIII вѣкѣ, по словамъ П. Полевого, представляетъ особою нѣчто безпримѣрное, изумительное, не поддающееся спокойному, прагматически послѣдовательному изложенію: за что ни возьмись въ этомъ періодѣ, здѣсь все необычайно. И краски ослѣпительно ярки, и тѣни густы и мрачны, и дѣятели болѣе похожи на полубоговъ и эпическихъ героевъ, нежели на обыкновенныхъ смертныхъ, и событія напоминаютъ собою скорѣе стихійное проявленіе силъ природы, нежели факты обыденной исторической дѣятельности. По всему пространству громадной Россіи совершается какая то безпокойная, непрерывающаяся вулканическая работа: среди мертвыхъ степей возникаютъ города, на пустынныхъ берегахъ появляются гавани, непривѣтныя волны прилегающихъ къ Россіи морей покрываются на глазахъ изумленной Европы грозною русскою армадою". („Сѣверная Семирамида" П. Полевого. Ист. Вѣст. 1896 г. XI, стр. 602 — 603). Самое лѣнивое неповоротливое воображеніе поражается фактами русской исторіи XVIII в. и не безъ основаній нѣкоторые изъ иностранцевъ называли Россію екатерининскихъ временъ волшебной страной („pays de feerie").

По самымъ условіямъ того времени, когда жила и дѣйствовала Императрица Екатерина II, по сложности и обширности ея дѣятельности, при ея жизни было невозможно спокойное, безпристрастное опредѣленіе ея личности и значенія ея царствованія. Если въ XVIII вѣкѣ въ русской литературѣ, вообще, столь важное мѣсто занимаетъ похвальная словесность, если риторы въ своихъ хвалебныхъ одахъ и панегирикахъ восхваляютъ и другихъ преемниковъ и преемницъ Петра Великаго, то тѣмъ понятнѣе панегирическій тонъ, господствующій въ произведеніяхъ русскихъ писателей, когда они еще при жизни самой Екатерины касались оцѣнки ея трудовъ. Екатерина II болѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ вѣнценосцевъ XVIII в., заслуживаетъ хвалы. Внѣшній блескъ екатерининскаго царствованія, его военные и дипломатическіе успѣхи, его широкая программа, охватившая всѣ существенныя стороны тогдашней жизни, цѣлый рядъ важныхъ мѣръ въ разныхъ областяхъ и сферахъ дѣятельности,—все это вызывало хоръ отчасти искреннихъ, отчасти

искусственныхъ похвалъ въ честь государыни, которую называли „Сѣверной Семирамидой“, которая еще при жизни была наречена „Матерью отечества“ и „Великою“. Конечно, въ нѣкоторыхъ мемуарахъ современниковъ и въ немногихъ рукописяхъ того времени мы встрѣчаемъ иное отношеніе къ Екатеринѣ, находившее себѣ соотвѣтствующій отголосокъ въ тогдашней сатирической литературѣ. Но если по хвалѣ трудно судить о дѣйствительной дѣятельности Екатерины, то отрицательные отзывы не даютъ ея полной, безпристрастной оцѣнки. Въ нихъ слѣдуетъ видѣть лишь часть матеріаловъ, нелишенныхъ значенія для оцѣнки эпохи, а не личности императрицы.

Однимъ изъ важныхъ условій объективнаго изученія исторической личности считается хронологическая давность ея жизни, необходимость, чтобы со времени полнаго окончанія ея дѣятельности прошло болѣе или менѣе значительное время. Изученіе эпохи ~~Петра Великаго~~ въ этомъ отношеніи стоитъ въ полныхъ научныхъ условіяхъ. Личность Петра Великаго перестала уже вызывать крупныя разногласія среди историковъ. Для Екатерины II время безпристрастной оцѣнки ея царствованія только что наступаетъ.

Съ общимъ оживленіемъ русской жизни въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XIX в., съ новымъ, благопріятнымъ положеніемъ, въ какое понемногу вступила русская историческая наука, стали мало-по-малу возможными критическія изслѣдованія по исторіи прошлаго вѣка и обнародованіе многхъ подлинныхъ, остававшихся до того подъ спудомъ матеріаловъ екатерининской эпохи. Въ настоящее время русская историческая наука считается уже съ очень значительной литературой второй половины XVIII в.

Старые труды Сумарокова („Обозрѣніе царствованія и свойствъ Екатерины II“, „Черты Екатерины II“), Леформа („Исторія царствованія государыни Екатерины II“), Колотова, Щебальскаго и др. отличаются панегирическимъ тономъ и въ настоящее время серіознаго научнаго значенія не имѣютъ.

Главными печатными трудами по царствованію Екатерины все еще считаются изслѣдованія Брикнера („Исторія Ека-

терины II“) и Соловьева, доведшаго въ своей исторіи Россіи царствованіе Екатерины до Кучукъ - Кайнарджійскаго мира. Общимъ недостаткомъ этихъ изслѣдованій слѣдуетъ признать неполноту историческихъ фактовъ и въ связи съ этимъ неопредѣленность нѣкоторыхъ частныхъ выводовъ, что вполнѣ естественно, такъ какъ эти историки не имѣли возможности располагать историческимъ матеріаломъ, открытымъ и напечатаннымъ впослѣдствіи. Въ частности, исторія Брикнера имѣетъ важный методологическій недостатокъ—изображеніе событій по годамъ, въ строгой хроногологической послѣдовательности, вслѣдствіе чего одинъ и тотъ же фактъ трактуется нѣсколько разъ,—методъ давно уступившій свое мѣсто послѣдовательному изображенію совокупности однородныхъ историческихъ явленій.

Съ изданіемъ „Русскимъ Историческимъ Обществомъ“ „Бумагъ Императрицы Екатерины II“ и ея политической переписки, явилось возможнымъ предоставить самой императрицѣ говорить о себѣ. Эти весьма цѣнныя изданія даютъ возможность ближе подойти къ самой личности императрицы, познакомиться съ ея непосредственными побужденіями и дѣйствіями и дать тѣмъ и другимъ соотвѣтствующую оцѣнку.

Выдающимся историческимъ трудомъ по изученію Екатерины II слѣдуетъ признать изслѣдованіе В. А. Бильбасова; „Исторія Екатерины II“ С. П. Б. 1890 г., т. I (второй томъ вышелъ на нѣмецкомъ языкѣ заграницей). Къ сожалѣнію изслѣдованіе Бильбасова далеко еще не кончено: оно доведено до первыхъ лѣтъ ея царствованія (до 1764 г.). Подробная оцѣнка историческихъ трудовъ Бильбасова въ свое время была сдѣлана въ нашей историко-библіографической литературѣ. На ряду съ безспорными научными достоинствами сочиненія въ нихъ указывалось на рискованность нѣкоторыхъ историческихъ выводовъ автора и поспѣшность его обобщеній.

Насколько трудно, даже при строго научномъ изученіи времени Екатерины II, сохранить спокойствіе и безпристрастіе историка, видно изъ того, что даже такой документальный изслѣдователь ея эпохи, какъ Бильбасовъ, под-

дался обаянію личности императрицы и въ своемъ трудѣ явился помимо своей воли панегиристомъ императрицы. Хвалебнымъ тономъ также отличается его статья, помѣщенная въ „Русс. Стар.“ (1896 г., м. ноябрь), подъ заглавіемъ: „Памяти императрицы Екатерины II“. Большую цѣнность имѣютъ изданія того же автора „Первыя политическія письма Екатерины II“ С. П. Б. 1887 г. и „Дидро въ Петербургѣ“, С. П. Б. 1884 г.

Для характеристики какъ личности, такъ и царствованія императрицы II важны слѣдующіе матеріалы, имѣющіе значеніе историческихъ первоисточниковъ: Письма И. И. Бецкаго, напечатанныя разновременно въ „Русскомъ Архивѣ“, „Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества“ и въ „Чтеніяхъ въ Императорск. Обществѣ Исторіи и Древност. Россійскихъ“.

„Записки, мнѣнія и переписка адмирала Шишкова“.

„Записки о Екатеринѣ II“ Грибовскаго.

„Записки Мертваго“, изд. „Русс. Архива“.

„Дневникъ А. В. Храповицкаго 1782—1793 г.“. По подлинной его рукописи съ біографической статьей. С. П. Б. 1874 г.

„Памятныя записки А. В. Храповицкаго статсъ-секретаря Екатерины II“, въ „Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Рос.“ 1862 г. II и III.

„Автобіографическія записки императрицы“ въ „Рус. Арх.“ 1870 г., 6.

„Письма имп. Екатерины къ митр. Платону“ въ „Чт. въ Общ. Ист.“ 1875. IV.

„Письма и записки импер. Екатерины II къ графу Н. И. Панину“ въ „Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос.“. 1863 г. II.

„Письма кн. Г. Р. Дашковой импер. Екатеринѣ II“ въ „Чт. Общ. Ист. и Др. Рос.“ 1862 г. I.

„Высочайшіе рескрипты Екатерины II и министерская переписка по дѣламъ Крымскимъ“. Изъ семейнаго архива гр. Панина. „Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос.“. 1871, IV, 1872. II.

За послѣднія двадцать лѣтъ издано очень много историческаго матеріала второй половины XVIII вѣка. Не про-

ходитъ года, чтобы въ такихъ журналахъ какъ „Чтенія въ Императ. Общ. Исторіи и древностей Россійскихъ“, „Русская Старина“, „Русскій Архивъ“, „Кіевская Старина“, „Историческій Вѣстникъ“, „Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца“, не появилось статей, касающихся той или другой стороны царствованія императрицы Екатерины. Масса относящагося сюда мелкаго историческаго матеріала ежегодно печатаются въ изданіяхъ археологическихъ и губернскихъ археологическихъ комиссій. Не говоримъ уже о научныхъ изданіяхъ матеріаловъ въ разныхъ „Сборникахъ“, „Трудахъ“, „Извѣстіяхъ“, „Запискахъ“ при нашихъ университетахъ и ученыхъ обществахъ. Библіографія трудовъ, относящихся къ царствованію Екатерины II, съ каждымъ годомъ расширяется и положеніе изслѣдователя, желающаго охватить весь наличный матеріалъ о Екатеринѣ, становится очень затруднительнымъ. Русскія изслѣдованія о царствованіи Екатерины указаны въ библіографическихъ трудахъ Межова по русской исторіи. Иностранная библіографія собрана у Бильбасова: „Исторія Екатерины II“. Берлинъ т. XII, ч. I и II.

Два момента нашей общественной исторической жизни особенно оживили память объ императрицѣ Екатеринѣ II и усилили изученіе ея эпохи. Первымъ былъ 1873 г., когда въ Петербургѣ открывался памятникъ императрицы. Второй выпалъ на 1896 годъ—столѣтіе со дня ея смерти (6 ноября 1796 года). Столѣтняя память Императрицы Екатерины вызвала въ русской литературѣ цѣлый рядъ болѣе или менѣе обстоятельныхъ монографій объ императрицѣ и ея царствованіи. Каждый болѣе или менѣе толстый общественно-литературный русскій журналъ въ 1896 г. далъ мѣсто такой или иной монографіи, посвященной или личности императрицы Екатерины II, или ея царствованію. Лучшими изъ такого рода трудовъ слѣдуетъ признать проф. Ключевскаго: „Императрица Екатерина II“ (въ „Русс. Мысли“ 1896 года, м. ноябрь), Полевого: „Сѣверная Семирамида“ („Ист. Вѣст. 1896 г., м. ноябрь), Иконникова: „Значеніе царствованія Екатерины II“ („Чтенія въ Истор. Общ. Нестора Лѣтописца“ въ т. XII), „Двѣ характеристики“ (изъ записокъ гр. Ѳ. Г. Головкина, въ „Русской Стар.“ 1896 г. XI т.), изъ записокъ Д. П. Рунича — „Сто лѣтъ тому назадъ“ („Ист. Вѣст. 1896 г.

XI т. 281—319 стр.), вторая половина „Записокъ“ напечатана въ „Русскомъ Обоз.“ 1890 г., т. IV и V. Хотя записки Рунича касаются позднѣйшаго времени, главнымъ образомъ царствованія Александра I, но въ нихъ не мало данныхъ для сужденія о времени Екатерины II.

Изъ самыхъ послѣднихъ популярныхъ изслѣдованій о Екатеринѣ отмѣтимъ трудъ С. Нестерова: „Екатерина Вторая“ С. П. Б. 1904 г., производящаго по мѣстамъ впечатлѣніе спѣшной, маловдумчивой работы, не чуждой промаховъ и очень недостаточной въ стилистическомъ отношеніи. Послѣднія главы очерка скомканы и изложены небрежно.

Въ настоящей статьѣ имѣется въ виду, безъ претензіи на полноту историческихъ фактовъ, дать общій біографическій очеркъ императрицы Екатерины II и указать главнѣйшія черты ея характера.

I.

Происхожденіе Софіи-Августы Ангальтъ-Цербстской. Ея воспитаніе и впечатлѣнія дѣтства. Обстоятельства, содѣйствовавшія постепенному политическому возвышенію Софіи-Августы.

Происхожденіе Екатерины не предуказывало на ея будущую блестящую политическую судьбу. Трудно было предвидѣть, что заграницей найдется иностранная принцесса, которая на русскомъ тронѣ будетъ только русской императрицей, одушевленной самыми высокими политически-національными идеалами.

Она происходила изъ захудалаго рода мелкихъ нѣмецкихъ князей: по отцу принадлежала къ малозначительному въ политическомъ отношеніи дому ангальтъ-цербстскихъ герцоговъ, а по матери—къ мелкому голштинскому роду. Въ лицѣ Екатерины соединились такимъ образомъ двѣ мелкихъ княжескихъ династіи сѣверной Германіи. „Всѣ представители княжескаго, цербстскаго рода,—говоритъ Бильбасовъ,—вели обычную жизнь нѣмецкихъ мелкихъ владѣтелей: воевали въ молодости всегда за счетъ какого-либо болѣе сильнаго государя; въ среднихъ лѣтахъ женились на принцессахъ второстепенныхъ германскихъ фамилій и подъ старость поселялись въ родовомъ цербстскомъ замкѣ, гдѣ спокойно

проѣдали небольшіе доходы своей земли. Исторія не знаетъ ни одного цербстскаго князя, который выдвинулся бы изъ рода обычныхъ посредственностей".—(„Ист. Екат. Второй", С.-П. 1890 г., стр. 1).

Отецъ Екатерины, князь Христіанъ-Августъ—(род. въ 1690 г.), по примѣру почти всѣхъ германскихъ небогатыхъ князей, въ ранней молодости вступилъ въ ряды прусской арміи, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ въ Нидерландахъ и Италіи, въ Помераніи и на о. Рюгенѣ, дрался съ французами и шведами и, дослужившись до чина генералъ-маіора на прусской службѣ, долгое время командовалъ ангальтъ-цербстскимъ пѣхотнымъ полкомъ, стоявшимъ въ Штетинѣ. 37 лѣтъ онъ женился на голштинской принцессѣ. Іоганнѣ-Елисаветѣ. Супруги жили очень скромно, занимая частную квартиру. Только послѣ назначенія князя Христіана-Августа комендантомъ крѣпости и губернаторомъ города, они поселились въ старинномъ штетинскомъ замкѣ,—резиденціи померанскихъ герцоговъ и окружили себя нѣкоторымъ комфортомъ. Христіанъ-Августъ пробовалъ было баллотироваться въ герцоги Курляндскіе, но потерпѣлъ въ своихъ планахъ неудачу. Политическая карьера его была увѣнчана должностью прусскаго фельдмаршала, чего онъ достигъ, впрочемъ, не безъ усилій. Этотъ титулъ пожаловалъ ему Фридрихъ II лишь въ 1742 г., въ угоду русской императрицѣ, когда окончательно выяснилось, что его дочь Софія приглашается въ Россію, какъ невѣста наслѣдника русскаго престола.

Софія-Августа, будущая русская императрица, родилась 21 апрѣля 1729 г. въ Штетинѣ. Ее въ дѣтствѣ называли „Фике" (уменьшительное отъ Софіи). Это былъ первый у родителей ребенокъ, крѣпкаго тѣлосложенія, составившій на первыхъ порахъ предметъ родительской ласки и нѣжныхъ заботъ. Для Фике съ няней и гувернанткой были отведены три небольшихъ комнаты. Спальня ея приходилась близъ колокольни, недалеко отъ чердака. Въ дѣтствѣ Фике ничѣмъ не отличалась отъ дѣтей горожанъ, которыя не называли ее принцессой. Когда Софія подросла и явились другія дѣти, родители перестали баловать свою первую дочь. Молодая мать Софіи жила въ противоположномъ концѣ флигеля и

не особенно интересовалась воспитанiемъ дочери, хотя старалась видѣть ее раза два-три въ день. Хозяйственныя заботы и усиленное попеченiе о другихъ, довольно болѣзненныхъ дѣтяхъ, отдалили мать отъ старшей дочери. По мнѣнiю Бильбасова, это обстоятельство спасло маленькую Фике отъ нѣкоторыхъ непривлекательныхъ качествъ: чувство завистливости, страсть къ интригѣ, любовь къ сплетнѣ, даже злословiе не были унаслѣдованы дочерью. Всѣми этими качествами въ достаточной степени обладала мать Софiи.

Сохранилось извѣстiе, что во время дѣтскихъ игръ маленькая Софiя брала на себя роль устроительницы, зачинщицы дѣтскихъ затѣй и любила игры мальчиковъ (напр. стрѣльбу по птицамъ). Но въ общемъ у Софiи было немного развлеченiй въ дѣтскомъ возрастѣ... Это обстоятельство съ раннихъ лѣтъ прiучило ее быть всегда „себѣ на умѣ“, приглядываться къ окружающимъ и понимать свое положенiе. Недаромъ одна изъ воспитательницъ Софiи дала ей названiе „esprit gauche“.

Въ учителяхъ и воспитательницахъ недостатка не было. Отмѣна во Францiи пантскаго эдикта о свободѣ совѣсти имѣла между прочимъ своимъ послѣдствiемъ разселенiе французскихъ учителей и гувернеровъ по всей Германiи, гдѣ они находили для себя большую практику, прiучая германскую молодежь къ изяществу маперъ, къ той „gelanterie francaise“, которой отличались тогда французы и которой не доставало грубоватымъ, неповоротливымъ нѣмцамъ. Умная, живая, подвижная француженка Кордель прiохотила маленькую Софiю къ чтенiю Расина, Корнеля, Мольера, трагедiи и комедiи которыхъ гувернантка, по словамъ Екатерины, знала, „какъ свои пять пальцевъ“. Она же совѣтовала ей не скупиться въ разговорѣ на слово „monsieur“, отчего „челюсти не развалятся“. Влiянiю гувернантки слѣдуетъ также приписать нѣкоторое недовѣрiе Екатерины къ врачамъ, которымъ она отличалась всю жизнь.

Изъ учителей-французовъ, обучавшихъ и воспитывавшихъ Софiю, извѣстны еще: Лоранъ—учитель чистописанiя, Перраръ—придворный проповѣдникъ. Были у нея и нѣмецкiе учителя: учитель нѣмецкой грамматики—Вагнеръ,

законоучитель—пасторъ Дове, учитель музыки—Реличъ. Науками Екатерина занималась охотно, но искусствъ не любила. Нерасположеніе къ музыкѣ она сохранила всю свою жизнь. Она „особенно была нечувствительна къ музыкѣ" (Сегюръ).

Будучи впослѣдствіи императрицей, она посылала нѣкоторымъ изъ своихъ бывшихъ учителей подарки, но нельзя однако сказать, чтобы императрица вспоминала о своихъ штетинскихъ учителяхъ и воспитателяхъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Даже о своей симпатіи—Кардель она впослѣдствіи отзывалась такимъ образомъ: „что дѣлать, госпожа Кардель не могла научить меня большему. Она была старая француженка и образовала меня достаточно, чтобы быть въ замужествѣ за кѣмъ-нибудь изъ нашихъ сосѣдей". А Вагнера она прямо называетъ глупымъ „педантомъ", который надоѣдалъ ей своими „ennuyeuses Prüfungen". Лоранъ, по ея словамъ, былъ „глупъ и пустъ". Никто изъ окружающихъ ея лицъ не предугадывалъ будущей славы Фике. „Принцесса Софья", говоритъ одна изъ камеръ-фрейлинъ ея матери, „на моихъ глазахъ родилась, росла и воспитывалась; я была свидѣтельницей ея учебныхъ занятій и успѣховъ. Я пользовалась настолько ея довѣріемъ, что могла думать, будто знала ее лучше, чѣмъ кто-либо другой, а между тѣмъ никогда не угадала бы, что ей суждено пріобрѣсти знаменитость, какую она стяжала" (баронесса фонъ-Принценъ). Графиня Мелинъ даетъ такой портретъ молодой принцессы: „она была отлично сложена съ младенчества, отличалась благородною осанкою и была выше своихъ лѣтъ. Выраженіе ея лица не было красиво, но очень пріятно, причемъ открытый взглядъ и любезная улыбка дѣлали всю ея фигуру весьма привлекательною. Ее воспитывала сама мать, державшая ее весьма строго и не позволявшая ей ни малѣйшаго проявленія гордости, къ чему дѣвочка была довольно склонна". Мать, напр., заставляла ее цѣловать платье у знатныхъ дамъ, посѣщавшихъ ихъ домъ.

Есть основаніе предполагать, что въ семействѣ штетинскаго губернатора интересовались Россіей болѣе, чѣмъ какой-либо другой державой. Мать Екатерины II приходилась двоюродной сестрой голштинскому герцогу Карлу-Фридриху,

который женатъ былъ на дочери Петра Великаго—Аннѣ Петровнѣ. Родство съ русскимъ императорскимъ домомъ было лестно для мелко-княжеской голштинской семьи. Здѣсь не разъ шелъ разговоръ о Россіи, обширной державѣ, славной своими громкими побѣдами и поражавшей иностранцевъ своими естественными богатствами. Въ Помераніи не такъ давно еще стояли русскія войска. Въ самомъ Штетинѣ были еще свѣжи преданія объ осадѣ города русскимъ царемъ и о томъ, какъ этотъ царь велъ въ сосѣдней Даніи, по поясъ въ водѣ, свои войска къ побѣдѣ. Семейныя мечты штетинскаго губернатора особенно оживились, когда извѣстно стало, что на русскій престолъ вступила Елисавета Петровна, родная сестра Анны, герцогини голштинской. Мать Софіи-Августы, княгиня Іоганна-Елисавета, тотчасъ послала въ Петербургъ заискивающее письмо съ пожеланіемъ императрицѣ Елисаветѣ долгаго царствованія и получила весьма любезный отвѣтъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ Цербстъ, гдѣ жила тогда княжеская семья, стали приходить вѣсти одна другой пріятнѣе. Въ январѣ 1742 г. узнали, что Елисавета Петровна вызвала въ Петербургъ своего племянника, голштинскаго герцога Петра-Ульриха, чтобъ объявить его наслѣдникомъ русскаго престола. Въ сентябрѣ 1743 г. мать Софьи-Августы получила портретъ русской императрицы, осыпанный брилліантами. Екатерина такимъ образомъ имѣла возможность съ самыхъ раннихъ лѣтъ слышать разсказы о той далекой странѣ, которою впослѣдствіи она призвана была управлять.

На развитіе практически-житейскаго склада мыслей Софьи-Августы вліяли ея раннія путешествія, давшія много матеріала для молодого наблюдательнаго ума и показывавшія ей жизнь съ разныхъ сторонъ. Побывала она въ Гамбургѣ, Эйтинѣ, Цербстѣ, въ Брауншвейнѣ, Килѣ и даже въ Берлинѣ, гдѣ имѣла возможность познакомиться со дворомъ прусскаго короля. Большинствомъ этихъ путешествій она обязана главнымъ образомъ своей молодой матери,—красивой и очень подвижной особѣ, тяготившейся скукой въ Штетинѣ, любившей выѣзды и искавшей развлеченій.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ ей случайно довелось увидѣть своего будущаго мужа Карла-Петра-Ульриха.

Позже она такъ описала эту встрѣчу: „Я увидѣла Петра III въ первый разъ, когда ему было одиннадцать лѣтъ, въ Эйтинѣ, у его опекуна, принца-епископа Любекскаго, спустя нѣсколько мѣсяцевъ по смерти герцога Карла-Фридриха, его отца. Принцъ-епископъ пригласилъ къ себѣ въ Эйтинъ, въ 1739 г., всѣхъ членовъ голштинской фамиліи, чтобы представить имъ своего питомца. Моя бабка, мать—принца-епископа, и моя мать, сестра принца, пріѣхали изъ Гамбурга вмѣстѣ со мною... Тутъ то я слышала, какъ собравшіеся родственники говорили между собою, что молодой герцогъ склоненъ къ пьянству и что приближенные не давали ему напиваться за столомъ, что онъ упрямъ и вспыльчивъ, что онъ не любилъ своихъ приближенныхъ, особенно же Брюммера; что, впрочемъ, онъ довольно живого нрава, но болѣзненнаго сложенія и слабаго здоровья. Дѣйствительно цвѣтъ лица его былъ блѣдный, онъ казался худымъ и нѣжнаго тѣлосложенія. Этому ребенку приближенные его хотѣли придать видъ взрослаго и для этого стѣсняли его и держали на вытяжкѣ, что должно было сдѣлать его всего фальшивымъ, отъ внѣшняго вида и характера..."

Раннія и серьезныя житейскія впечатлѣнія въ связи съ разными практическими затрудненіями были причиной преждевременной зрѣлости Софіи. Она была развита не по лѣтамъ и въ 14 лѣтъ казалась взрослой, разсудительной дѣвушкой. Баронесса Принценъ даетъ такую характеристику Софіи: „въ пору ея юности я замѣтила въ ней умъ серьезный, расчетливый и холодный, далекій отъ всего, что считается заблужденіемъ, причудливостью или легкомысліемъ".

Счастливыя и, можно сказать, исключительныя обстоятельства благопріятствовали выходу Софіи-Августы изъ ея скромнаго положенія мелко-помѣстной принцессы. Столкновеніе фамильныхъ интересовъ русскаго царственнаго рода съ интересами германскихъ князей имѣли здѣсь едва ли не самую выдающуюся роль. Принцъ Карлъ-Августъ, герцогъ голштинскій, дядя Софьи-Августы по матери,—предложилъ руку императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, когда она еще была великой княжной. Но принцъ Карлъ вскорѣ по прибытіи въ Россію заболѣлъ и скончался. Елисавета Петровна до

конца жизни хранила однако нѣжную память о своемъ преждевременно умершемъ женихѣ... Ея вниманіе при этомъ было обращено и на юную племянницу своего бывшаго жениха, принцессу Софію. Симпатіи къ послѣдней русской императрицы выразились, между прочимъ, въ присылкѣ ей дорогихъ подарковъ.

Скромное положеніе Софіи-Августы сослужило ей большую службу особенно въ то время, когда при русскомъ дворѣ искали невѣсту наслѣднику русскаго престола, Петру III. Вопросъ о невѣстѣ наслѣдника много занималъ Елисавету Петровну. Европейскіе кабинеты предлагали ей по этому поводу разныя услуги. Англійскій посланникъ рекомендовалъ дочь англійскаго короля. Поговаривали и о французской невѣстѣ. Сама Елисавета склонялась на сторону сестры прусскаго короля. Изъ разныхъ предположеній, касавшихся этого вопроса, вліятельные люди, окружавшіе престолъ Елисаветы, внушили императрицѣ одно, какъ наиболѣе согласованное съ планами императрицы,—выбрать для наслѣдника жену изъ какого-нибудь мелкаго, незначительнаго владѣтельнаго дома, которая была бы всегда признательна императрицѣ за свою судьбу. Высказывались опасенія, что жена изъ важнаго дома, пожалуй, не будетъ оказывать должнаго повиновенія какъ своему жениху, такъ и императрицѣ. Это обстоятельство, настойчиво выясняемое Елисаветѣ ея приближенными, заинтересованными въ могуществѣ русской императрицы, и подкупило выборъ Елисаветы, вопреки желанію канцлера Бестужева, въ пользу малоизвѣстной ангальтъ-цербстской принцессы. Эта княжна притомъ же имѣла одного очень виднаго свата,—прусскаго короля Фридриха II, въ политическіе расчеты котораго входилъ бракъ Петра III на дочери своего коменданта. По его планамъ, этотъ бракъ могъ укрѣпить прусское вліяніе при русскомъ дворѣ. Въ своихъ запискахъ Фридрихъ II откровенно говорилъ, что бракъ Софіи-Августы съ Петромъ III—его дѣло, что онъ считалъ этотъ союзъ необходимымъ для болѣе надежнаго обезпеченія прусскихъ интересовъ при петербургскомъ дворѣ и считалъ Софью-Августу лицомъ, наиболѣе подходящимъ для осуществленія своихъ цѣлей. Дипломатъ

Пецольдъ *), зорко слѣдившій за этимъ дѣломъ въ Петербургѣ, сообщалъ своему министерству депешей отъ 1 февраля 1744 г.: „дѣло о бракосочетаніи наслѣдника императрица рѣшила безъ предварительнаго совѣщанія съ министрами.— Когда выборъ императрицы остановился на принцессѣ цербстской, она сообщила объ этомъ вице-канцлеру Бестужеву подъ условіемъ строжайшей тайны... что она въ концѣ концовъ нашла самымъ лучшимъ избрать въ невѣсты великому князю такую принцессу, которая была бы протестантской религіи хотя изъ знатнаго, но столь малаго рода, чтобы ни связи, ни свита принцессы не возбуждали бы особеннаго вниманія или зависти здѣшняго народа“.

Елисавета тайно, чрезъ одного изъ воспитателей Петра Ѳедоровича, голштинца Брюммера, сообщила свои планы княгинѣ Ангальтъ-Цербстской и пригласила ее съ дочерью немедленно ѣхать въ Россію, Въ это время жениху было 16 лѣтъ, а невѣстѣ 15 лѣтъ. Они состояли между собой въ 6 степени родства (троюродные). Быть можетъ родители Софіи и раньше мечтали объ этомъ бракѣ, но практическое осуществленіе ихъ мечты застало ихъ не вполнѣ подготовленными. А ѣхать надо было немедленно, на этомъ особенно настаивалъ въ своемъ письмѣ Брюммеръ, а также и король Фридрихъ II. Елисавета предусмотрѣла финансовыя затрудненія небогатой семьи и выслала на дорогу необходимыя средства (10,000 рублей). 31 декабря 1743 г. мать и дочь выѣхали изъ Цербста.

II.

„Pro memoria“. Пріѣздъ Софіи-Августы въ Россію. Первые шаги принцессы Софіи-Августы въ Россіи. Присоединеніе ея къ православію и обрученіе.

Отправляя свою дочь въ далекую страну, отецъ Екатерины, Христіанъ-Августъ счелъ нужнымъ дать ей рядъ напутственныхъ наставленій, въ видѣ особыхъ тезисовъ, которые типично озаглавилъ „Pro memoria“. Такъ какъ нѣ-

*) Секретарь саксонскаго посольства въ Петербургѣ.

которыя изъ этихъ наставленій не могли не отразиться на характерѣ будущихъ дѣйствій императрицы, любившей своего отца болѣе, чѣмъ мать—(она помнила его тезисы и впослѣдствіи называла ихъ милостивыми наставленіями, „gracieuses instructions“), то мы приведемъ наиболѣе важныя правила изъ этого любопытнаго документа, предначертывающаго будущее поведеніе Екатерины и характеризующаго строгую натуру отца Софіи-Августы,—стараго солдата, привыкшаго къ опредѣленному и точному образу мыслей и убѣжденій.

„Относительно греческой религіи слѣдовало бы попытаться, писалъ Христіанъ Августъ, нельзя-ли, по примѣру супруги царевича изъ Брауншвейгскаго дома *), чтобы дочь сохранила лютеранскую вѣру, или, по крайней мѣрѣ, осталась при мужицкой вѣрѣ“.

„Никоимъ образомъ не совѣтую принуждать или уговаривать мою дочь принять чужую религію, въ которой она сама замѣтитъ погрѣшности. Такъ какъ всякій долженъ жить своею вѣрою, то отъ ея собственной молитвы къ Богу, отъ ея собственнаго старанія, размышленія и воли будетъ зависѣть, найдетъ ли она греческую вѣру предосудительною или не найдетъ, и лучше предварительно отказаться отъ власти, чѣмъ поступить противъ своей совѣсти“.

„Такъ какъ жить и дѣйствовать въ чужой странѣ, управляемой государемъ, не имѣя близкаго довѣреннаго лица есть дѣло весьма щекотливое, то, послѣ старательной молитвы, болѣе всего слѣдуетъ рекомендовать дочери, чтобъ она униженно оказывала ея императорскому величеству всевозможное уваженіе и, послѣ Господа Бога, величайшее почтеніе и готовность къ услугамъ, какъ вслѣдствіе ея неограниченной власти, такъ и ради признанія благодѣянія, хотя бы и съ пожертвованіемъ своей собственной жизни“.

---

*) Имѣется въ виду брачный договоръ царевича Алексѣя Петровича (сына Петра I) съ принцессою Шарлотою-Христиною-Софіею Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскою, которой „по примѣру королей англійскихъ и датскихъ“ дозволено было остаться въ евангелической лютеранской вѣрѣ, въ которой она родилась и воспитана; для сего имѣть ей въ мѣстѣ своего пребыванія для себя и окружающихъ ее одну капицу“.

„Послѣ ея императорскаго величества дочь моя болѣе всего должна уважать великаго князя, какъ господина, отца и повелителя, и при всякомъ случаѣ угодливостью и нѣжностью снискивать его довѣренность и любовь. Государя и его волю предпочитать всѣмъ удовольствіямъ и ставить выше всего на свѣтѣ; не дѣлать ничего, что ему неугодно или что можетъ причинить ему малѣйшее неудовольствіе и не настаивать на собственномъ желаніи".

„Не входить ни съ кѣмъ въ слишкомъ близкія отношенія, но всегда сохранять, по возможности, собственное достоинство".

„Милостивыми взорами смотрѣть на слугъ и фаворитовъ государя, не требуя отъ нихъ услугъ и вознаграждая ихъ, но во всемъ полагаясь на милость и любовь государя".

„Въ аудіенцъ-залѣ ни съ кѣмъ наединѣ не говорить и подчиняться во всемъ тамошнему этикету".

„Ненавидѣть и избѣгать крупную игру, въ которой проявляется только алчность и скряжничество. Карманныя деньги, какія только будутъ отпускаться, держать у себя и хранить, выдавая понемногу прислугѣ, по счету, чтобы дочь не подпала подъ зависимость своей гофмейстерины или прислуги, а сама бы распоряжалась деньгами, употребляя ихъ на собственныя нужды или удовольствія, и даже дѣлая изъ нихъ благотворенія, такъ чтобы дочь пріобрѣтала любовь и преданность своихъ кліентовъ, а не другихъ за ея счетъ".

„Стараться всегда имѣть небольшой запасъ денегъ, но безъ скупости, отъ которой такъ много страдаетъ благопристойность".

„Въ тяжебныхъ дѣлахъ ни за кого не ходатайствовать, такъ какъ самое дѣло трудно разобрать, а одностороннему докладу нельзя довѣрять, при чемъ сторона потерпѣвшая станетъ отъявленнымъ врагомъ, а та, которой она поможетъ своимъ ходатайствомъ, забудетъ благодѣяніе и будетъ затѣмъ грѣшить еще болѣе".

„Наипаче не вмѣшиваться ни въ какія правительственныя дѣла, чтобы не раздражать сенатъ".

„Ни съ какою дамою и ни съ кѣмъ не сдружаться, стараясь пріобрѣсти довѣріе только ея императорскаго величества и великаго князя; относительно всѣхъ и вся быть сдержанною. Подобнаго рода предпочтенія опасны въ глазахъ народа“.

Путешественницы были удивлены торжественностью пріемовъ, какіе имъ были оказываемы вездѣ, лишь только онѣ переѣхали прусскую границу. Въ Ригѣ, напримѣръ, высокихъ гостей передъ городомъ встрѣтилъ вице-губернаторъ Долгоруковъ съ военными и гражданскими властями. Путешественницы должны были пересѣсть изъ неудобной кибитки въ карету, спеціально приготовленную для торжественнаго въѣзда въ городъ. Лишь только карета поднялась къ городу, изъ крѣпостныхъ городскихъ орудій раздался привѣтственный салютъ. У подъѣзда ихъ встрѣтилъ почетный караулъ, гофъ-фурьеры и кирасиры... „Мнѣ и въ голову не приходитъ, что все это для меня, для бѣдной, описываетъ мать Софьи свое впечатлѣніе отъ встрѣчъ,— для которой въ другихъ мѣстахъ едва били въ барабаны, а въ иныхъ и того не дѣлаютъ. Все происходитъ съ такимъ величіемъ и почетомъ, что, при видѣ роскоши, меня окружающей, мнѣ кажется, что все это сонъ...“ Контрастъ обстановки былъ особенно рѣзокъ при воспоминаніи о постоялыхъ дворахъ Пруссіи, въ которыхъ приходилось останавливаться и которые, по словамъ путешественницъ,— „немногимъ отличались отъ порядочной свинарни“.

Вечеромъ, 9 февраля путешественницы въѣзжали въ Москву, гдѣ находился тогда русскій дворъ, стараясь подогнать такимъ образомъ свой пріѣздъ къ 10 февраля, ко дню рожденія великаго князя. Несмотря на позднее время, въ московскомъ дворцѣ тотчасъ же состоялось свиданіе прибывшихъ съ императрицею. Едва путницы сняли шубы, какъ явился великій князь съ радушнымъ привѣтствіемъ и порученіемъ немедленно отвести „милыхъ гостей“ во внутренніе покои императрицы. Елисавета Петровна находилась въ первой пріемной, рядомъ съ опочивальней. Императрица сдѣлала нѣсколько шаговъ на встрѣчу, обняла и поцѣловала гостей. Мать Софьи-Августы, слѣдуя совѣтамъ Брюммера, поцѣловала руку императрицы и произнесла

заученную рѣчь: „Я пріѣхала повергнуть къ стопамъ вашего величества чувства живѣйшей признательности за благодѣянія, которыя вы изливаете на мою семью и новые знаки которыхъ сопровождали каждый шагъ, сдѣланный мною во владѣніяхъ вашего величества. У меня нѣтъ другихъ заслугъ, кромѣ того, что я такъ живо чувствую эти благодѣянія, чтобы осмѣлиться просить вашего покровительства себѣ, остальному моему семейству и той изъ моихъ дочерей, которой ваше величество удостоили дозволить сопровождать меня въ поѣздкѣ къ вашему двору". Елизавета Петровна отвѣчала: „Все, что я сдѣлала, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я желала бы сдѣлать для своей семьи; моя кровь мнѣ не дороже, чѣмъ ваша. Намѣренія мои всегда останутся тѣми же и моя дружба должна цѣниться по моимъ дѣйствіямъ въ пользу всѣхъ васъ".

Императрица велѣла отвести для гостей удобное помѣщеніе, назначила цѣлый штатъ придворныхъ и пожаловала какъ принцессѣ, такъ и ея матери ордена Св. Екатерины. Цербстская княгиня была въ восторгѣ. „Мы живемъ, какъ королевы", писала она, „все въ галунахъ, выложено золотомъ, великолѣпно, а когда мы выѣзжаемъ, то выѣздъ удивительный". Впрочемъ, цербстская княгиня не долго пользовалась расположеніемъ императрицы. Почти забывая главную цѣль своей поѣздки и смѣшивая по легкомыслію московско-петербургскій дворъ съ цербстскимъ, княгиня то и дѣло заводила политическіе разговоры съ самой императрицей, старалась вліять на великаго князя, переговаривала съ одними, шепталась съ другими и вела обширную переписку о своихъ впечатлѣніяхъ. Елисаветѣ Петровнѣ не нравилось такое поведеніе княгини, и она понемногу отдалила ее отъ себя, не измѣняя своего расположенія къ ея дочери.

Софія-Августа пріѣхала въ Петербургъ совсѣмъ бѣдной невѣстой. Она сама сознается въ своихъ запискахъ, что привезла съ собой въ Россію лишь дюжину сорочекъ и нѣсколько платій, которыя къ тому же были сшиты въ счетъ путевыхъ расходовъ... На первыхъ порахъ ее многое должно было поражать какъ въ Москвѣ, такъ и во дворцѣ. „Это не былъ переѣздъ изъ одного города въ другой,—говоритъ

Бильбасовъ,—это было переселеніе въ совершенно иной міръ, съ иными понятіями, правами и обычаями, гдѣ люди чувствовали и мыслили иначе, иначе одѣвались, иначе ѣли. Фантастическія путешествія Жюля Верне не производятъ на насъ такого сильнаго впечатлѣнія, какое должно было произвести русское общество половины XVIII в. на 14-лѣтнюю принцессу". („Русская старина", ноябрь 1896 г. 244—245 пр.).

Чтобы не потеряться при такихъ обстоятельствахъ въ массѣ новыхъ хлынувшихъ впечатлѣній, умѣть разобраться и найтись въ отношеніяхъ къ окружавшимъ лицамъ, чтобы точно опредѣлить свой образъ дѣйствій сообразно съ новымъ виднымъ положеніемъ,—для этого требовался большой тактъ, умѣнье, выдержка, большая практическая сообразительность. И къ удивленію всѣхъ, наблюдавшихъ Екатерину съ перваго дня ея пріѣзда въ Россію, молодая принцесса обладала этими качествами.

Первые шаги невѣсты Софіи-Августы въ Россіи характиризируютъ ее въ высшей степени осторожной, практичной дѣвушкой. Она шагу не дѣлала не оглянувшись. Не зная ни страны, ни ея духа, ни окружающихъ лицъ, она ясно понимала лишь одно—шаткость своего положенія на первыхъ порахъ... Тѣмъ не менѣе она сумѣла удержать и укрѣпить за собой ту на первыхъ порахъ скользкую позицію, которую предоставила ей судьба. Въ этомъ отношеніи большую услугу оказало Екатеринѣ ея чутье среды и собственнаго положенія, развитое въ ней привычкой жить внѣ дома и ея ранними столкновеніями съ чужими людьми, въ которыхъ она нуждалась болѣе, чѣмъ они въ ней. Она отличалась необыкновенно уживчивымъ характеромъ. „Я могу приноровиться ко всякимъ характерамъ,—говорила она Храповицкому,—уживусь, какъ Алкивіадъ, и въ Спартѣ и въ Аѳинахъ". Императрица Елисавета Петровна въ интересахъ скорѣйшаго обрусѣнія прибывшей нѣмецкой княжны, опредѣлила къ ея двору въ качествѣ подругъ молодыхъ русскихъ дѣвушекъ, которыя своею жизнерадостностью пришлись по душѣ принцессѣ Софіи. Есть извѣстіе, что она иногда по цѣлымъ днямъ пѣла, рѣзвилась и плясала съ своими подругами.

Всѣ свидѣтельства современниковъ единодушно сходятся въ томъ, что юная принцесса поражала окружающихъ своимъ простымъ, здравымъ умомъ, практической сообразительностью, чрезвычайно легкимъ знаніемъ того, что отъ нея требовалось. Прежде всего она поставила своей задачей ознакомиться съ новымъ своимъ отечествомъ. А для этого необходимо было основательно изучить русскій языкъ. И принцесса съ рѣдкимъ прилежаніемъ настойчивой ученицы, принялась за изученіе русской грамматики. Сохранилось извѣстіе, что, нерѣдко даже по ночамъ, въ приступѣ безсонницы, сидя на постели, она заучивала русскія слова и выраженія. Въ своихъ запискахъ она рѣзко осуждаетъ своего будущаго мужа за то, что онъ такъ мало цѣнилъ народъ, которымъ призванъ управлять, и за его явное пренебреженіе къ Россіи и демонстративную приверженность къ лютеранству.

Относительно вѣроисповѣданія ожиданія отца не оправдались. При дворѣ и слышать не хотѣли о сохраненіи принцессой протестантизма, и Екатерина покорно склонила главу подъ благодатную сѣнь новой вѣры, съ которой предварительно постаралась ознакомиться чрезъ приставленнаго къ ней духовнаго учителя Симона Тодорскаго.

28 іюня, въ Москвѣ торжественно происходило присоединеніе къ православію Софіи-Августы. Къ 10-мъ часамъ въ головкинскій дворецъ съѣхались сенаторы, первые чины двора, сановники и генералитетъ. Въ дворцовой церкви синодъ въ полномъ составѣ ожидалъ выхода Высочайшихъ особъ. Получивъ благословеніе отъ новгородскаго архіепископа, принцесса Софія яснымъ и твердымъ голосомъ, чисто русскимъ языкомъ, удивившимъ всѣхъ присутствовавшихъ, произнесла символъ вѣры, не запнувшись ни на одномъ словѣ, и на всѣ вопросы архіепископа отвѣчала съ увѣренностью и твердостью. Въ этотъ день на литургіи впервые была провозглашена эктенья за „благовѣрную Екатерину Алексѣевну“.

На слѣдующій день, 29 іюня произошло еще болѣе важное въ жизни Екатерины событіе, „брачнаго сочетанія обрученіе“. Торжество происходило въ Успенскомъ соборѣ.

Предъ обѣднею архіерей громкимъ голосомъ прочелъ указъ, которымъ императрица объявляла всему государству о помолвкѣ великаго князя наслѣдника, „сына Нашей возлюбленной сестры“, съ свѣтлѣйшею принцессою Ангальтъ-Цербстскою, принявшей наканунѣ православіе и нареченною Екатериною Алексѣевною, и повелѣла эту свѣтлѣйшую принцессу почитать великою княжною съ титуломъ ея императорскаго высочества. Императрица надѣла кольца на пальцы обручавшихся. „Эти кольца, прибавляетъ княгиня, настоящія маленькія чудовища — оба они могутъ стоить 50 тысячъ экю“.

Скромная, юная Фике превратилась въ „обрученную его императорскаго высочества благовѣрную государыню великую княжну Екатерину Алексѣевну“. Съ этого времени императрица Елисавета стала оказывать еще большее вниманіе Екатеринѣ: она постоянно осыпала ее любезностями, назначила ей особый придворный штатъ, дарила деньги.

III.

Характеристика великаго князя Петра Ѳедоровича. Отношеніе его къ своей невѣстѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Бракосочетаніе.

Что представлялъ собою женихъ Екатерины?

Судьба была милостивѣе къ Петру Ѳедоровичу, чѣмъ природа. Первая сдѣлала его принцемъ и предположила широкую политическую карьеру, вторая надѣлила очень скудными способностями. Есть извѣстіе, что мать Петра Ѳедоровича, Анна Петровна (дочь Петра I), послѣ рожденія своего болѣзненнаго сына, посмотрѣла на ребенка и замѣтила о немъ: „бѣдный малютка, не на радость ты родился“. Сердце матери, испытавшей на своемъ вѣку не мало семейныхъ огорченій, этими словами какъ бы пророчески предсказало будущую участь ребенка.

Недалекій по своимъ умственнымъ качествамъ отъ природы вообще, Петръ Ѳедоровичъ съ ранняго дѣтства сжился съ узкой колеей жизни мелкопомѣстнаго нѣмецкаго князя и совершенно не понималъ интересовъ той широкой политической атмосферы, въ которую поселили его обстоятель-

ства, сдѣлавъ наслѣдникомъ русскаго трона. Это былъ не столько наслѣдникъ русскаго престола, сколько голштинскій герцогъ съ его ограниченными, узко-провинціальными интересами, недалекими взглядами, военными привычками, которыя не шли далѣе экзерциціи на парадахъ. Онъ никогда не могъ выйти изъ своего голштинскаго ограниченнаго міросозерцанія.

Рано лишившись отца и матери, Петръ Ѳедоровичъ сразу попалъ въ руки плохихъ воспитателей, которые только мучили его, заставляя выполнять многосложныя, стѣснительныя церемоніи тогдашняго нѣмецкаго двора и почти не заботясь о развитіи его ума.

Капризная судьба роспорядилась такъ, что молодой герцогъ съ раннихъ лѣтъ являлся одновременно возможнымъ кандидатомъ и на шведскій, и на русскій тронъ. Онъ былъ сыномъ дочери Петра I и внукомъ сестры Карла XII (герцогъ Голштинскій). Такимъ образомъ въ лицѣ Петра III историческое привидѣніе какъ бы мирило двухъ величайшихъ соперниковъ начала XVIII в. Одновременная кандидатура на два престола была причиною вліянія на Петра самыхъ противоположныхъ педагогически - воспитательныхъ плановъ.

Физическое его воспитаніе велось плохо.—Кажется, единственное движеніе мальчика заключалось въ танцахъ, которые отнимали очень много времени и даже вызвали однажды у ребенка насмѣшливое замѣчаніе, что его, вѣроятно, готовятъ въ танцоры. По прихоти воспитателя Брюммера, ребенокъ часто голодалъ и это вредно отражалось на его здоровьи. Нравственное воспитаніе принца также шло очень безалаберно. Про его воспитателя Брюммера не безъ основанія говорили, что онъ лучше выѣзжаетъ лошадей, чѣмъ воспитываетъ принцевъ. Эта репутація не помѣшала однако воспитателю сохранить свое положеніе даже по пріѣздѣ Петра въ Россію. Воспитатель и воспитанникъ постоянно ссорились. Однажды Брюммеръ въ припадкѣ ярости чуть не побилъ великаго князя. Въ другой разъ Петръ даже обнажилъ шпагу противъ Брюммера и только вмѣшательство посторонняго свидѣтеля помѣшало расправѣ. Неудиви-

тельно, что Петръ вышелъ неразвитымъ, вспыльчивымъ и лицемѣрнымъ юношей. Трусость была однимъ изъ его отличительныхъ свойствъ. Онъ полюбилъ общество ниже себя, охотно проводилъ время съ челядью и лакеями, предъ которыми хвасталъ своими воображенными подвигами. Поддаваясь все болѣе и болѣе своимъ чувственнымъ инстинктамъ,—онъ былъ очень жестокъ къ людямъ и животнымъ. Видъ мучимыхъ животныхъ доставлялъ ему большое удовольствіе. Къ книгамъ имѣлъ отвращеніе и ни одна серьезная мысль не могла надолго привлечь его вниманія. Латынь такъ ему надоѣла, что позже, будучи уже императоромъ, онъ запретилъ помѣщать въ свою библіотеку латинскія книги.

Для образованія принца въ Россіи къ нему былъ приставленъ академикъ Штеллинъ. Любопытны методы этого воспитателя. Приспособляясь къ ученику, къ его „склонностямъ и вкусамъ“, онъ разсматривалъ съ нимъ книги съ картинками, дѣлалъ математическія модели, по старымъ монетамъ разсказывалъ древнюю русскую исторію, а по медалямъ Петра Великаго новѣйшую исторію. Когда ученикъ не хотѣлъ сидѣть, учитель ходилъ съ нимъ по комнатѣ, занимая его „полезнымъ разговоромъ“. По сознанію самаго Штеллина, „первые полгода, во время пребыванія въ Москвѣ, прошли болѣе въ приготовленіи къ ученію, чѣмъ въ настоящемъ ученіи“. Проходили по глобусу математическую географію, изучали исторію сосѣднихъ государствъ, объясняли „положенія текущихъ государственныхъ дѣлъ“, фортификацію и артиллерію. Для изученія укрѣпленій русскаго государства великому князю была доставлена большая тайная книга подъ названіемъ „Сила имперіи“, въ которой были изображены всѣ укрѣпленія отъ Риги до китайскихъ границъ, въ планѣ и профиляхъ. По вечерамъ разсматривали различныя книги, „особенно такія, въ которыхъ были поучительныя картины“, инструменты, модели изъ кунтскамеры, „съ объясненіемъ посредствомъ разговора“. Въ своемъ отчетѣ „объ учебныхъ занятіяхъ“, недалекій Штеллинъ не удовольствовался цѣлою таблицею съ номенклатурою различныхъ предметовъ, пройденныхъ съ великимъ княземъ, но прибавилъ указанія, по которымъ легко судить, какъ изу-

чались предметы, въ родѣ слѣдующихъ: „Старались извлечь пользу изъ каждаго случая, какъ, напримѣръ, на охотѣ просматривали книги объ охотѣ съ картинками; при плафонахъ объяснены мифологическія метаморфозы; при кукольныхъ машинахъ объяснены механизмъ и всѣ уловки фокусниковъ, при пожарѣ показаны всѣ орудія и ихъ композиціи; при министерскихъ аудіенціяхъ объяснено церемоніальное право дворовъ; на прогулкѣ по городу показано устройство полиціи, въ особенности пожарной и т. п.“ Несмотря на столь „наглядный“ методъ обученія и ознакомленія съ разными сторонами дѣйствительности, Петръ нисколько не интересовался Россіей. Военное дѣло онъ хотя и любилъ, но не изучалъ его, а только забавлялся имъ и, какъ нѣмецъ, благоговѣлъ предъ прусскимъ королемъ Фридрихомъ II, которому хотѣлъ подражать всегда и во всемъ и не умѣлъ этого сдѣлать никогда и ни въ чемъ. Императрица Елисавета заботилась о своемъ племянникѣ, но эта заботливость выражалась главнымъ образомъ въ строгомъ надзорѣ: великій князь не могъ безъ позволенія не только выѣзжать изъ города, но и выходить изъ дому, не могъ свободно вести переписки, не могъ принимать, кого желалъ и т. п. Не зная, на что кинуться отъ скуки, онъ по цѣлымъ часамъ хлопалъ по комнатамъ кучерскимъ кнутомъ и немилосердно упражнялся въ игрѣ на скрипкѣ. Вообще, по словамъ С. М. Соловьева, Петръ III „обнаруживалъ всѣ признаки остановившагося духовнаго развитія. Онъ являлся взрослымъ ребенкомъ“.

Судьба давала Петру III въ супруги умную, талантливую принцессу, но онъ ничѣмъ не могъ расположить къ себѣ сердце Екатерины. Въ своей невѣстѣ онъ видѣлъ дѣвушку — товарища, съ которымъ можно было дѣлиться впечатлѣніями и запросто разговаривать. Петръ Ѳедоровичъ очень любилъ разговоры и особенно былъ доволенъ, когда его слушали. Родство содѣйствовало сближенію молодыхъ, и въ Екатеринѣ великій князь, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, находилъ для себя внимательную слушательницу всѣхъ своихъ рѣчей, которыя не отличались ни связностью, ни тактомъ, ни даже соблюденіемъ обычныхъ формъ вѣжливости. Великой княгинѣ едва ли могли нравиться раз-

сказы жениха о той программѣ отношеній мужа къ женѣ, которую внушилъ ему его камердинеръ, бывшій шведскій драгунъ, и которыя заключались въ томъ, чтобы жена не смѣла ни въ чемъ перечить своему мужу... Екатерина не протестовала, впрочемъ, противъ такой программы. Въ отношеніяхъ своихъ къ невѣстѣ Петръ III не стѣснялся условностями дворцоваго этикета и чрезъ своего камердинера прямо приказывалъ передать своей невѣстѣ, что она въ лѣтнемъ дворцѣ слишкомъ далеко отъ него живетъ и потому онъ не можетъ съ нею часто видѣться и т. п. Рядомъ со своею спальнею онъ устроилъ псарню, а въ самой спальнѣ безобразничалъ съ разными лакеями. Въ ревностномъ исполненіи Екатериной обрядовъ греческой церкви Петръ Ѳедоровичъ находилъ для себя источникъ разныхъ шутокъ и издѣвательствъ. Православное богослуженіе было для него самымъ удобнымъ временемъ для болтовни съ придворными... Цѣлыми днями онъ отдавался игрѣ въ солдатики и даже куклы.

Всѣ наблюдавшіе жениха и невѣсту, эту очень неслаженную пару, которая составилась безъ всякаго сердечнаго участія, исключительно лишь изъ-за политическихъ, династическихъ интересовъ,—отдавали безусловное предпочтеніе уму и такту Екатерины. Превосходство послѣдней предъ своимъ женихомъ во всѣхъ отношеніяхъ было слишкомъ замѣтно. И воспитатель великаго князя, Брюммеръ, не разъ обращался къ Екатеринѣ съ полушутливой просьбой исправить его воспитанника. Несмотря на полную антипатію къ своему жениху, Екатерина ничѣмъ не выдавала своего къ нему нерасположенія и во время болѣзней,—которыя были часты у великаго князя,—принимала въ немъ большое участіе. Осенью 1744 года великій князь сильно хворалъ вѣтренной оспой. Разсказываютъ, что Екатерина расплакалась отъ радости, увидя своего жениха поправившимся отъ болѣзни. Для самолюбія Екатерины обиднѣе всего было то, что она не могла замѣтить въ своемъ женихѣ не только любви, но даже привязанности къ себѣ. Это оскорбляло ее, какъ невѣсту, и она нерѣдко находила утѣшеніе только въ слезахъ. „Я хорошо чувствовала, пишетъ Екатерина въ своихъ запискахъ, какъ ему мало до меня, но я была слиш-

комъ горда, чтобы горевать о томъ; я сочла бы для себя униженіемъ, если бы кто-нибудь смѣлъ изъявить мнѣ сострадапіе. Но тѣмъ не менѣе, оставаясь одна, я заливалась слезами... По мѣрѣ того, какъ приближался день свадьбы, я становилась все болѣе и болѣе грустною. Сердце не предвѣщало мнѣ большого счастья".

Но голосъ сердца женщины на этотъ разъ уступилъ мѣсто чисто практическимъ резонамъ ума... Екатерина не желала сходить съ занятой уже позиціи и, при всей своей антипатіи къ будущему мужу, не отказывалась отъ брака. Елисавета Петровна очень торопила бракомъ, съ которымъ у нея связывались генеалогическія, династическія соображенія.

Бракосочетаніе было совершено 21 августа 1745 г. по обряду церемоніала свадьбы французскаго дофина и сына короля Августа III въ Парижѣ и Дрезденѣ. Празднества, которыя такъ любила Екатерина, продолжались десять дней. Мать новобрачной была въ восторгѣ. Она писала, что эти празднества -самыя веселыя, какія только бывали въ Европѣ. О дочери она писала мужу: „Великая княгиня свидѣтельствуетъ тебѣ свое почтеніе, но сама не имѣетъ времени тебѣ писать,—для нея такъ ново быть еще съ своимъ мужемъ, что оба они не разстаются другъ съ другомъ ни на четверть часа". Такъ писала мать.

„Мой дорогой супругъ нисколько не занимался мною... я зѣвала, скучала, мнѣ не съ кѣмъ было промолвить слова", вспоминала впослѣдствіи Екатерина о своемъ медовомъ мѣсяцѣ.

IV.

Петръ Өедоровичъ и Екатерина Алексѣевна—какъ супруги. Самообразованіе великой княгини. Вліяніе Вольтера и Монтескьё. Политическіе идеалы великой княгини и ея религіозность. Отношеніе Екатерины къ окружающимъ.

Молодая великокняжеская чета была предметомъ общаго вниманія. Странности Петра, малозамѣтныя до бракосочетанія, теперь съ особенною яркостью выдѣлялись и какъ бы предстали на судъ общественнаго мнѣнія.

Иностранные послы наперерывъ одинъ предъ другимъ спѣшили аттестовать у своихъ дворовъ великаго князя, Петра Ѳедоровича, съ самыхъ невыгодныхъ сторонъ. Въ мартѣ 1746 г. Дальтонъ (резидентъ въ Петербургѣ по французскимъ дѣламъ) писалъ о безтактности поведенія наслѣдника и объ обидахъ, причиняемыхъ имъ своей женѣ, „у которой разумъ превосходитъ лѣта". Въ августѣ 1747 г. Финкенштейнъ доносилъ своему королю: „Надобно полагать, что великій князь никогда не будетъ царствовать въ Россіи; не говоря уже о слабомъ здоровьи, которое угрожаетъ ему рановременною смертью, онъ такъ ненавидимъ русскими, что долженъ лишиться короны, еслибъ она и досталась ему по смерти императрицы. И надобно признаться, что поведеніе его вовсе не способно привлечь сердца народа. Непонятно, какъ принцъ его лѣтъ можетъ вести себя такъ ребячески. Нѣкоторые думаютъ, что онъ притворяется, но въ такомъ случаѣ онъ былъ бы мудрѣе Брута и своей тетки. Къ несчастью, онъ дѣйствуетъ безъ всякаго притворства. Великая княгиня ведетъ себя совершенно иначе".

Частыя болѣзни, которымъ подвергался Петръ Ѳедоровичъ, оставляли замѣтный слѣдъ какъ на физическомъ, такъ особенно на психическомъ обликѣ великаго князя. Онѣ возвращали его въ наивное состояніе, въ моменты чисто ребяческаго настроенія. Послѣ болѣзни 1746 г. (простуда послѣ маскарада), великій князь до такой степени пристрастился къ театру маріонетокъ, что наконецъ обратилъ на себя исключительное вниманіе какъ двора, такъ и Елисаветы, видѣвшей въ наслѣдникѣ, каковъ бы онъ ни былъ, династическую опору. Для наблюденія за молодыми и особенно за поведеніемъ великаго князя, къ ихъ двору были приставлены супруги Чеглоковы (мужъ и жена) съ особо выработанной для этой цѣли инструкціей *).

Въ своихъ запискахъ Екатерина разсказываетъ, какъ она проводила дни. „Обыкновенно, говоритъ она, я сидѣла одна-одинешенька въ своей комнатѣ и читала, пока не являлся

---

*) Г-жа Чеглокова, изъ фамиліи Скавронскихъ, приходилась родственницей Императрицѣ Елисаветѣ.

великій князь, принимавшійся ходить по комнатѣ и говорившій мнѣ о предметахъ, которые интересовали его, но для меня не имѣли никакой цѣны. Его прогулки изъ угла въ уголъ продолжались часъ или два и повторялись нѣсколько разъ въ день; надо было ходить съ нимъ рядомъ до истощенія силъ, слушать его внимательно, отвѣчать ему, а въ его рѣчахъ по большей части не было ни смысла, ни толку, часто же это была просто игра воображенія. Помню, въ теченіе всей зимы онъ постоянно толковалъ о своемъ намѣреніи выстроить близъ Ораніенбаума увеселительный домъ на манеръ капуцинскаго монастыря, гдѣ онъ, я и весь его дворъ должны были нарядиться капуцинами; онъ находилъ это одѣяніе восхитительнымъ и удобнымъ. У всякаго должна была быть кляча, чтобы поочередно ѣздить за водой и привозить припасы въ мнимый монастырь. Онъ хохоталъ до упаду и восхищался своимъ изобрѣтеніемъ. Онъ заставилъ меня набросать ему карандашемъ планъ этого прелестнаго произведенія и каждый день нужно было что-нибудь прибавить, или убавить на этомъ рисункѣ. Какъ ни твердо рѣшилась я быть съ нимъ любезной и терпѣливой, часто, признаюсь откровенно, на меня нагоняли чрезвычайную скуку его посѣщенія... Когда онъ уходилъ, самая скучная книга казалась мнѣ пріятнымъ развлеченіемъ".

Лѣто молодые проводили обыкновенно въ Ораніенбаумѣ. Петръ располагался на лѣтній сезонъ лагеремъ съ своими голштинскими офицерами, которыхъ спеціально выписывалъ изъ Голштиніи. Чтобы совершенно уподобиться голштинскому офицеру, онъ началъ курить табакъ, къ которому всегда чувствовалъ отвращеніе. Любилъ онъ также выпить по голштинскому обычаю...

Екатерина не обращала вниманія на шалости своего мужа. По ея словамъ, она старалась не скучать, безпрестанно ходила съ придворными гулять, но „всегда въ противоположную сторону. къ лагерю же мы не подходили ни близко, ни издали". Екатерина полюбила охоту и верховую ѣзду и лѣтомъ много ѣздила. „Поутру я вставала въ три часа, пишетъ она о себѣ, и одѣвалась сама съ ногъ до головы въ мужской костюмъ. Старый егерь ожидалъ уже меня, съ ружьями; на берегу стояла рыбачья ладья; мы проходили

садомъ, съ ружьями на плечахъ; я, егерь, лягавая собака и рыбакъ садились въ лодку. Я стрѣляла утокъ въ тростникѣ, по берегамъ Ораніенбаумскаго канала, который на двѣ версты уходитъ въ море. Нерѣдко мы проходили весь каналъ и выходили въ море на этой ладьѣ, при довольно свѣжемъ вѣтрѣ. Великій князь являлся часомъ или двумя позже, такъ какъ ему непремѣнно нужно было имѣть съ собою завтракъ и, Богъ знаетъ, чего еще онъ не тащилъ за собою. Если онъ встрѣчалъ насъ, мы отправлялись дальше вмѣстѣ; если нѣтъ—стрѣляли и охотились порознь. Часовъ въ десять, иногда и позже я возвращалась домой и одѣвалась къ обѣду".

Зимнее время предназначалось для чтенія и умственныхъ занятій. Располагая громаднымъ досугомъ и имѣя поэтому возможность вполнѣ осмыслить свое положеніе, перебрать въ своихъ воспоминаніяхъ и строго взвѣсить весь запасъ своихъ наблюденій, молодая жена русскаго наслѣдника серьезно занялась своимъ самообразованіемъ. Къ этому влекла ее природная любознательность. Сначала она безъ всякой системы читала все, что попадалось ей подъ руку, и преимущественно романы. „Послѣ свадьбы я безпрестанно читала, говоритъ она о себѣ. Первая книга, прочитанная мною въ замужествѣ, былъ романъ подъ заглавіемъ: „Tiran de blanc", и въ теченіе цѣлаго года я читала одни романы. Но они стали мнѣ надоѣдать; случайно мнѣ попались „Письма госпожи Севиньи", которыя я прочла съ удовольствіемъ и очень скоро".

Случайно попавшіяся сочиненія Вольтера оказали громадное неизгладимое вліяніе на ея умственное развитіе, и произвели, можно сказать, переворотъ въ ея міросозерцаніи. „Мнѣ подвернулись подъ руку сочиненія Вольтера, говоритъ Екатерина, и послѣ нихъ я стала разборчива въ моемъ чтеніи". Сочиненія Вольтера, по ея собственнымъ словамъ, „пріучили ее мыслить". Впослѣдствіи въ 1771 году Екатерина сознавалась, что она „въ молодости всегда хотѣла поступать по идеямъ Вольтера". Она желала бы знать наизусть каждую страницу „Опыта" всеобщей исторіи Вольтера. „Могу Васъ увѣрить, писала Екатерина Вольтеру, что съ 1746 г., когда я стала располагать своимъ временемъ, я

чрезвычайно многимъ вамъ обязана. До того я читала одни романы, но случайно мнѣ попались ваши сочиненія, съ тѣхъ поръ я не переставала ихъ читать. Конечно, если у меня есть какія-либо свѣдѣнія, то ими я обязана вамъ". Она постоянно слѣдила за новыми изданіями Вольтера и пріобрѣтала ихъ. Вступивъ на престолъ, она начала переписку съ фернейскимъ философомъ, сообщала ему о своихъ дѣйствіяхъ по дѣламъ управленія и законодательства, спрашивала его совѣтовъ, разсыпалась въ благодарности и въ восхваленіяхъ. Испытавъ на себѣ лично благотворное вліяніе Вольтера, она была убѣждена, что изученіе его образуетъ гражданъ, геніевъ, героевъ и писателей и разовьетъ сто тысячъ талантовъ.

Конечно, въ настоящее время, богатое книжными, образовательными средствами, трудно представить себѣ такое сильное вліяніе фернейскаго философа, сочиненія котораго теперь навѣваютъ на читателя въ общемъ скуку; но нужно имѣть въ виду эпоху первой половины XVIII в. съ ея крайней скудностью рельефнаго литературнаго выраженія просвѣтительныхъ идей, чтобы понять, почему Екатерина послѣ сочиненій Вольтера не желала брать въ руки ни одной книжки, не убѣдившись, что она принесетъ ей такую же пользу, какъ сочиненія французскаго раціоналиста.

Вольтеръ былъ въ восторгѣ отъ русской императрицы. „Я—ея рыцарь, писалъ Вольтеръ недоброжелательницѣ Екатерины г-жѣ Деффенъ,—и готовъ защищать ее противъ цѣлаго свѣта. Я увѣренъ, что ея мужъ не сдѣлалъ бы ни одного изъ тѣхъ великихъ дѣлъ, которыя ежедневно совершаетъ моя Екатерина". Когда въ 1778 г. Вольтеръ скончался, извѣстіе объ его смерти вызвало въ Екатеринѣ упадокъ духа, и она писала тогда: „въ концѣ концовъ Вольтеръ—мой учитель; онъ, или, лучше сказать, его сочиненія образовали мой духъ, мою голову". Послѣ смерти Вольтера она скупила библіотеку философа съ нѣкоторыми его рукописями и письмами. „Чувствительныя души,—пишетъ Екатерина по тому поводу, при видѣ этой библіотеки всегда будутъ вспоминать, что этотъ великій человѣкъ сумѣлъ внушить человѣчеству то всеобщее доброжелательство, которымъ дышатъ всѣ его произведенія".

Вторымъ французскимъ писателемъ, имѣвшимъ неотразимое вліяніе на Екатерину, былъ Монтескьё, который тоже сдѣлался ея любимымъ философомъ. Она была убѣждена, что произведенія Монтескье должны составлять „молитвенникъ каждаго государя, если только онъ не лишенъ здраваго смысла“. Приступая впослѣдствіи къ сочиненію своего „Наказа“, Екатерина два года читала и перечитывала „Духъ Законовъ“ французскаго мыслителя, разбирала его принципы, старалась поглубже въ нихъ вникнуть.

Въ запискахъ Екатерины упоминаются и другія читанныя ею книги, какъ то: Брантома, Перификса „Исторія Генриха IV“, Баронія „Церковная исторія“, Барра „Исторія Германіи“, сочиненія Платона, словарь Бейля и др. Сильное впечатлѣніе произвели на Екатерину сочиненія древняго историка Тацита. Любила она также читать путешествія, за которыми слѣдила по картамъ. Когда стала появляться выпусками энциклопедія Дидро и Даламбера, Екатерина съ увлеченіемъ принялась за изученіе этихъ выпусковъ. Съ Дидро Екатерина впослѣдствіи лично познакомилась и вела переписку. Она хорошо поняла и вѣрно оцѣнила всѣ прекрасныя стороны личности Дидро. Дидро пріѣзжалъ въ Петербургъ, когда Екатерина была уже императрицей. Государыня поручала ему впослѣдствіи составленіе важныхъ государственныхъ проектовъ и находила величайшее наслажденіе въ бесѣдѣ съ энциклопедистомъ, который, по свидѣтельству лично знавшихъ его, обладалъ даромъ блестящей, необыкновенно увлекательной рѣчи.

Характерная особенность самообразованія императрицы Екатерины заключается въ томъ, что она ничего не читала безъ того, чтобы изъ читаннаго не извлечь хоть какой-либо пользы. Можно сказать, что она всегда читала съ перомъ въ рукахъ. Безчисленныя ея выписки изъ разныхъ сочиненій Плутарха, Тацита и другихъ древнихъ писателей, съ которыми она знакомилась во французскомъ переводѣ, и разныхъ другихъ сочиненій, преимущественно французской литературы, облегчали ей способность запоминанія и предоставили въ ея распоряженіе обширный арсеналъ разныхъ анекдотовъ, острословій, поговорокъ, которыми она такъ

любила успащать свою переписку и которыми блестѣла въ обществѣ на всѣхъ балахъ и вечерахъ.

Такимъ образомъ при посредствѣ книги молодую великую княгиню въ Петербургѣ въ 40-хъ годахъ 18 вѣка охватило и подчинило то вліяніе, которое получило тогда господство во всей Европѣ—вліяніе французскаго просвѣтительнаго направленія. Воспитанница, которую не могли подчинить своему вліянію штетинскіе и русскіе учителя,—сразу подчинилась и добровольно, такъ сказать, отдалась въ плѣнъ французскимъ раціоналистамъ и энциклопедистамъ. „Чтеніе философовъ вѣка, особенно энциклопедистовъ, говоритъ Бильбасовъ, обогатило Екатерину такою политическою зрѣлостью, какая не достигается ни практикой, ни опытомъ; но именно практическія соображенія и житейскій опытъ измѣнили позже въ значительной степени ея политическіе взгляды и убѣжденія".

Подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей XVIII в. у Екатерины рано начали складываться опредѣленные политическіе идеалы. Для характеристики этихъ идеаловъ интересны слѣдующія выдержки изъ ея записокъ. „Богъ мнѣ свидѣтель, пишетъ она, что желаю и хочу только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь. Слава ея дѣлаетъ меня славною. Вотъ мое правило, и я буду счастлива, если мои мысли могутъ въ томъ содѣйствовать. Я хочу, чтобы страна и подданные были богаты: вотъ начало отъ котораго я отправляюсь. Свобода—душа всего на свѣтѣ; безъ нея все мертво. Хочу повиновенія законамъ; не хочу рабовъ; хочу общей цѣли—сдѣлать счастливыми, но вовсе не изъ своеправія, ни чудачества, ни жестокости, которыя несовмѣстны съ нею. Когда на своей сторонѣ имѣешь истину и разумъ, тогда это слѣдуетъ высказывать передъ народомъ, объявляя ему, что такая то причина привела меня къ тому то: разумъ долженъ говорить за необходимость. Будьте увѣрены, что онъ побѣдитъ въ глазахъ большинства. Власть безъ довѣрія народа ничего не значитъ. Легко достигнуть любви и славы тому, кто этого желаетъ: примите въ основу вашихъ дѣйствій, вашихъ постановленій благо народа и справедливость, никогда не разлучныя. Хочу общей цѣли—сдѣлать счастливыми, а не каприза, ни странностей, ни жестокостей.

Лучшими средствами для достиженія этой цѣли служатъ правда и разумъ, которые рано или поздно возьмутъ верхъ. Старые законы не пригодны... нужны новые. Какъ узнать хорошъ ли законъ? Для этого, по мнѣнію Екатерины, необходимо распустить о немъ слухъ на рынкѣ и велѣть докладывать, что о немъ говорятъ. Но кто вамъ донесетъ о послѣдствіяхъ въ будущемъ?" задается далекимъ вопросомъ великая княгиня... Ее возмущаютъ варварскіе обычаи пытокъ, конфискація имуществъ виновныхъ, чрезвычайныя судныя коммиссіи и особенно секретныя, къ которымъ „всю свою жизнь, какъ писала Екатерина,—буду чувствовать отвращеніе. Законы—важная вещь въ государствѣ, но не въ нихъ—суть дѣятельности государя. Снисхожденіе, примирительный духъ государя сдѣлаетъ болѣе, чѣмъ милліоны законовъ... Часто лучше внушать преобразованія, чѣмъ ихъ предписывать. Не слѣдуетъ обращать нашихъ инородцевъ—многоженцевъ въ христіанство. Насильственное обращеніе противорѣчитъ свободѣ убѣжденій, а обширному государству нужно населеніе..." и т. п.

Такъ на досугѣ благодушно размышляла Екатерина сама съ собой, записывая „свои принципы" pro memoria... Правда, эти благодушныя разсужденія нѣсколько туманны, какъ и всякія положенія, въ формулировкѣ которыхъ принимаетъ большее участіе сердце, чѣмъ разсудокъ... Сама Екатерина впослѣдствіи отъ многаго отказалась изъ своихъ принциповъ, но важно, что еще до своего воцаренія, будучи великой княгиней, она широко раскидываетъ свои думы, руководясь въ данномъ случаѣ какимъ то внутреннимъ голосомъ, который, какъ она сознается въ своихъ мемуарахъ, ежеминутно внушалъ ей, что она рано или поздно достигнетъ русскаго престола.

Съ замѣчательной дальновидностью поняла Екатерина, что составляетъ основной устой историческаго существованія Руси, и съ жаромъ принялась изучать православную вѣру. Она усердно молилась, соблюдала всѣ церковные обряды и особенно хранила посты... Всѣ свидѣтельства сходятся въ томъ, что въ отношеніи религіозности она превосходила даже набожную Елисавету. Увлеченіе французскими раціоналистами не мѣшало ей обнаруживать глубо-

кую преданность интересамъ православной вѣры. Даже обстоятельствами своей болѣзни Екатерина пользовалась для того, чтобы заявить о своихъ православныхъ убѣжденіяхъ. Въ своихъ запискахъ она дѣлаетъ въ этомъ отношеніи очень любопытное признаніе, относящееся къ первому году пребыванія въ Россіи. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву она заболѣла. „Когда мнѣ было очень худо, пишетъ она, мать моя пожелала, чтобъ ко мнѣ былъ допущенъ лютеранскій пасторъ. Мнѣ разсказывали позже, что когда я пришла въ себя, то мнѣ передали, что предложено, и что я отвѣчала: „Это зачѣмъ? Позовите лучше Симеона Тодорскаго—*) съ этимъ я охотно побесѣдую". Его призвали и онъ бесѣдовалъ со мною, въ присутствіи всѣхъ, такъ что всѣ остались довольны. Это чрезвычайно помогло мнѣ въ глазахъ императрицы и всего двора".

Въ отношеніяхъ къ окружающимъ она оказывала крайнюю предупредительность. Въ этомъ отношеніи она не дѣлала различія между вліятельными и малозначительными людьми. Никто не замѣчалъ, чтобы она давала кому либо предпочтеніе. Памятуя совѣты своего отца, она на первыхъ порахъ старалась не принадлежать ни къ какой партіи. Мнѣнія свои высказывала съ осторожностью и всегда въ деликатной формѣ. „Больше чѣмъ когда либо я старалась снискать расположеніе всѣхъ вообще, большихъ и малыхъ. Никто не былъ забытъ мною, и я поставила себѣ правиломъ, что я нуждаюсь во всѣхъ, и всячески пріобрѣтать общую любовь, въ чемъ я и успѣла". Екатерина особенно старалась снискать расположеніе императрицы, при чемъ умно пользовалась для этой цѣли совѣтами женщинъ, ее окружавшихъ. Въ позднѣйшее время она любила разсказывать, какимъ образомъ ей удалось расположить къ себѣ большое число лицъ при дворѣ и пріобрѣсти вниманіе и довѣренность. Особенно она старалась угождать всѣмъ старушкамъ въ высшихъ слояхъ русскаго общества, такъ какъ замѣтила, что онѣ имѣли нѣкоторое вліяніе на общественное мнѣніе

---

*) Симеонъ Тодорскій, впослѣдствіи епископъ, преподавалъ великой княгинѣ правила православной вѣры.

при оцѣнкѣ лицъ, находившихся при дворѣ. „И въ торжественныхъ собраніяхъ,—объясняла Екатерина,—и на простыхъ сходбищахъ и вечеринкахъ я подходила къ старушкамъ, сажалась подлѣ нихъ, спрашивала объ ихъ здоровьи, совѣтовала, какія употреблять имъ средства въ случаѣ болѣзни, терпѣливо слушала безконечные ихъ разсказы объ ихъ юныхъ лѣтахъ, о нынѣшней скукѣ, о вѣтренности молодыхъ людей; сама спрашивала ихъ совѣта въ разныхъ дѣлахъ и потомъ искренно ихъ благодарила. Я узнала, какъ зовутъ ихъ мосекъ, болонокъ, попугаевъ, дуръ; знала, когда которая изъ этихъ барынь именинница. Въ этотъ день являлся къ ней мой камердинеръ, поздравлялъ ее отъ моего имени и подносилъ цвѣты".

Завѣтной цѣлью всѣхъ ея стремленій была русская корона, русскій тронъ, къ которому такъ легко, помимо ея воли, подвели ее обстоятельства. Она признается, что охотно разсталась бы съ своимъ мужемъ, но что къ русской коронѣ не была такъ равнодушна. Продолжительныя ея усилія не пропали даромъ. На нее стали смотрѣть при дворѣ какъ на интересную и очень умную, тактичную особу съ вѣрнымъ политическимъ взглядомъ. Англійскій посланникъ въ одной изъ депешъ говоритъ о положеніи, которое занимала при дворѣ Екатерина за пять лѣтъ до смерти Петра III. „Екатерина всѣми зависящими отъ нея средствами съ самаго прибытія въ Россію старалась пріобрѣсти любовь къ русскимъ, и теперь ее уже не только любятъ, но и боятся. Многіе, которые стоятъ въ лучшихъ отношеніяхъ къ императрицѣ, не пропускаютъ случая угодить и великой княгинѣ". Тому же англійскому посланнику Екатерина нѣсколько позже писала, что „не намѣрена, какъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный, просить убѣжища у англійскаго короля, потому что рѣшилась: или царствовать или погибнуть".

V.

Рожденіе Павла Петровича. Занятіе Екатерины голштинскими дѣлами. Партія Екатерины. Отношеніе ея къ Фридриху II.

Отношенія императрицы Елисаветы къ Екатеринѣ, вначалѣ очень хорошія, стали портиться изъ за бездѣтности

великой княгини. Цѣлыхъ 10 лѣтъ у Екатерины не было дѣтей. Но въ 1751 г. 20 ноября у нея родился сынъ, котораго сейчасъ послѣ рожденія императрица взяла къ себѣ. Екатерина такъ, между прочимъ, говоритъ по этому поводу: „Обо мнѣ (послѣ родовъ) вовсе и не думали. Такое забвеніе или презрѣніе не было для меня особенно лестно. Я умирала отъ жажды. Наконецъ, меня перенесли на мою постель, и я въ этотъ день никого уже болѣе не видѣла; никто не присылалъ даже навѣдаться о моемъ здоровьи. Великій князь только пилъ съ своими приближенными, императрица занималась исключительно новорожденнымъ. На другой же день я начала чувствовать нестерпимую боль отъ бедра вдоль голени лѣвой ноги. Боль эта не давала мнѣ спать; къ этому еще привязалась сильная лихорадка. Несмотря на то, и въ этотъ день я удостоилась такого же вниманія. Я никого не видѣла и никто не интересовался моимъ здоровьемъ. Великій князь заходилъ, правда, на минутку, но тотчасъ же ушелъ, сказавъ, что ему некогда оставаться со мною. Я только плакала и стонала“.

25 сентября крестили новорожденнаго. Обрядъ былъ совершенъ съ особенною торжественностью. Воспріемницею отъ купели была императрица—королева Марія-Терезія. По окончаніи церемоніи, императрица пришла въ комнату великой княгини и принесла ей на золотомъ блюдѣ указъ кабинета о пожалованіи 100,000 рублей. Затѣмъ она подарила родильницѣ ожерелье, серьги и два перстня. Деньги очень обрадовали Екатерину, такъ какъ у нея „много было долговъ и ни копѣйки денегъ“, но подарки не понравились. „Такое бѣдное ожерелье и такіе жалкіе перстни я постыдилась бы подарить моей камеръ-фрау“,—писала она о подаркахъ. Подарки остались у Екатерины, а съ деньгами ей пришлось вскорѣ разстаться. „Черезъ четыре или пять дней послѣ того, какъ мнѣ принесли пожалованныя императрицею деньги, баронъ Черкасовъ, секретарь кабинета, именемъ Бога умолялъ дать эти 100,000 р. въ займы кабинету,—императрица спрашиваетъ денегъ, а въ кабинетѣ нѣтъ ни копѣйки. Оказалось, что великій князь, узнавъ, что я получила такую сумму, страшно разсердился, отчего ему ничего не дали. Онъ съ досадою говорилъ объ этомъ графу Шува-

лову; Шуваловъ передалъ это императрицѣ и она приказала выдать великому князю такую же сумму, какую я получила— для этого то и занимали у меня деньги".

Сына у матери отняли, но за то ей предоставили нѣкоторую свободу, ослабивъ надзоръ, и какъ бы отодвинуть Екатерину на второй планъ. У Екатерины впослѣдствіи была еще дочь, которую, вопреки ея желанію, назвали Анною и которую, подобно сыну, тоже отобрали подъ непосредственное попеченіе императрицы. Ребенокъ этотъ, впрочемъ, вскорѣ умеръ. Лишенная естественной материнской привязанности и заботъ, Екатерина, молодая, пылкая и честолюбивая, жаждала дѣятельности. А между тѣмъ въ глазахъ Елисаветы она, исполнивъ свою миссію, утратила всякое, такъ сказать, государственное значеніе. Кто другой, но Екатерина не могла, конечно, примириться съ такимъ положеніемъ. Вскорѣ, однако, обстоятельства дали Екатеринѣ возможность заняться политическими дѣлами, если не Россіи, то страны, очень близкой интересамъ мужа.

Наслѣдникъ русскаго престола, Петръ Ѳедоровичъ, былъ въ тоже время и самостоятельнымъ герцогомъ Голштиніи. Хотя Голштиніей отъ его имени управлялъ особый намѣстникъ, но великій князь тѣмъ не менѣе долженъ былъ принимать участіе въ дѣлахъ герцогства. Для рѣшенія этихъ дѣлъ при немъ состояла цѣлая канцелярія со штатомъ голштинскихъ секретарей.—Такъ какъ серьезныя дѣла мало интересовали Петра вообще, то въ управленіи Голштиніею скоро пошла такая путаница, что никто не могъ разобраться въ дѣлахъ герцогства. Голштинскіе секретари приходили въ отчаяніе, а Петръ смотрѣлъ на все слегка... Онъ мечталъ о томъ времени, когда, будучи состоятельнымъ правителемъ Россіи, онъ отниметъ у Даніи отнятый ею Шлезвигъ. Планы наслѣдника совершенно не согласовались съ планами Елисаветы, которая хотѣла обмѣнять далекую Голштинію на другія какія либо земли, находившіяся поближе къ Россіи, но Петръ на это не обращалъ вниманія...

Чувствуя, наконецъ, что ему не справиться съ голштинскими дѣлами, Петръ рѣшилъ въ 1754 г. привлечь къ управленію этими дѣлами свою жену. „Сперва я не хотѣла при-

нимать это на себя, пишетъ Екатерина, предвидя и затрудненія къ направленію такого безнадежнаго положенія дѣлъ, и ревность, и зависть, которыя это навлечетъ на меня, но, наконецъ, я рѣшилась согласиться, такъ какъ не могла болѣе отказываться, не огорчивъ великаго князя. Я испросила у него, за его подписью и печатью, особый указъ для голштинскихъ чиновниковъ, чтобъ они слушались меня". Какъ управляла Екатерина Голштиніей, это—другой вопросъ, но въ данномъ случаѣ важно отмѣтить, что участіе Екатерины въ этого рода дѣлахъ было для нея нѣкоторой практической школой государственной науки. При разборѣ голштинскихъ дѣлъ могли опредѣленнѣе формироваться ея политическіе взгляды. Подъ ея наблюденіемъ и при ея участіи рѣшались важные вопросы права, образованія и экономіи, дѣла финансовыя, торговыя и промышленныя. Весь сложный механизмъ управленія страной, со всею борьбою честолюбія, корысти, интригъ проходилъ черезъ ея руки. Со всѣми государственными дѣлами она знакомилась по масштабу хотя и малому, но довольно полному. Чѣмъ опаснѣе становилось положеніе ея мужа, навлекшаго на себя общее нерасположеніе, тѣмъ болѣе она мечтала о своемъ величіи. „Я увидѣла", писала она впослѣдствіи, „что мнѣ остаются на выборъ три, равно опасные и трудные пути: 1-е, раздѣлить судьбу великаго князя, какая она ни будетъ; 2-е, находиться въ постоянной зависимости отъ него и ждать, что ему угодно будетъ сдѣлать со мною; 3-е, дѣйствовать такъ, чтобы не быть въ зависимости ни отъ какого событія. Сказать яснѣе, я должна была или погибнуть съ нимъ или отъ него, либо спасти самое себя, моихъ дѣтей и, можетъ быть, все государство отъ тѣхъ гибельныхъ опасностей, въ которыя несомнѣнно ввергнули бы ихъ и меня нравственныя и физическія качества этого государя. Послѣдній путь казался мнѣ наиболѣе надежнымъ; поэтому я рѣшилась попрежнему, сколько могла и умѣла, давать ему благіе совѣты, но не упорствовать, когда онъ мнѣ не слѣдовалъ, и не сердить его, какъ прежде; указывать ему его настоящія выгоды всякій разъ, какъ представится къ тому случай, но въ остальное время хранить самое строгое молчаніе и, съ другой стороны, соблюдать свои интересы по отношенію къ

публикѣ, такъ чтобы сія послѣдняя видѣла во мнѣ спасительницу общественнаго блага".

Еще при жизни Елисаветы въ обществѣ опредѣленно говорили о ея кандидатурѣ на престолъ. Она нестолько была совѣтникомъ, сколько соперникомъ мужа. Бестужевъ, опытный и дальновидный политикъ, не думалъ, чтобы царствованіе Петра было продолжительно. Говорятъ, что прусскій посланникъ сказалъ однажды Екатеринѣ: „Вы будете царствовать или я совсѣмъ глупецъ". Ея духовникъ Тодорскій не разъ говорилъ ей, что на нее обращено вниманіе всего русскаго общества.

У Екатерины довольно опредѣленно сложился планъ рѣшительныхъ дѣйствій на случай смерти Елисаветы, который она однажды высказала англійскому посланнику, будучи еще великой княгиней. „Я иду прямо въ комнату моего сына; если встрѣчу Алексѣя Разумовскаго, то оставлю его подлѣ маленькаго Павла; если же нѣтъ, то возьму ребенка въ свою комнату. Въ ту же минуту посылаю довѣреннаго человѣка дать знать пяти офицерамъ гвардіи, изъ которыхъ каждый приведетъ мнѣ 50 солдатъ, и эти солдаты будутъ слушаться только великаго князя и меня. Въ тоже время я посылаю за Бестужевымъ, Апраксинымъ и Ливеномъ, а сама иду въ комнату умирающей, гдѣ заставлю присягнуть капитана гвардіи и оставлю его при себѣ. Если замѣчу малѣйшее движеніе, то овладѣю Шуваловыми".

На дѣлѣ вышло не такъ, какъ предполагала Екатерина, но ея затаенныя думы ясны... и сотрудники намѣчены довольно опредѣленно.

Неподатливаго вначалѣ вельможу Бестужева Екатерина сумѣла склонить на свою сторону своимъ прямодушнымъ предложеніемъ быть съ нимъ въ дружбѣ. Екатерина въ своихъ письмахъ говорила, что графъ Бестужевъ обрадовался всѣмъ сердцемъ предложенію Екатерины и сказалъ, что „готовъ быть мнѣ полезнымъ и что я могу располагать имъ всякій разъ, какъ то будетъ мнѣ нужно". Въ другомъ мѣстѣ записокъ Екатерина еще опредѣленнѣе говоритъ о своей дружбѣ съ Бестужевымъ: „Болѣзненное состояніе императрицы и ея частыя конвульсіи заставляли всѣхъ ду-

мать о будущемъ. Графъ Бестужевъ и по мѣсту своему, и по своимъ способностямъ, конечно, не менѣе другихъ долженъ былъ заботиться о томъ, что предстояло. Онъ зналъ, что великому князю съ давнихъ поръ внушено къ нему отвращеніе. Ему очень хорошо была извѣстна умственная слабость этого государя, рожденнаго наслѣдникомъ столькихъ престоловъ. Очень естественно было, что этотъ государственный человѣкъ, какъ и всякій другой желалъ удержаться на своемъ мѣстѣ. Онъ зналъ, что я уже много лѣтъ перестала внимать внушеніямъ, которыя сначала отдѣляли меня отъ него, кромѣ того, въ личномъ отношеніи, онъ, можетъ быть, считалъ меня единственнымъ существомъ, на которомъ, въ случаѣ смерти императрицы, могла быть основана надежда общества. Вслѣдствіе такихъ и подобныхъ размышленій, онъ составилъ планъ. чтобы, какъ скоро императрица скончается, великій князь по праву былъ объявленъ императоромъ, но чтобы въ то же время мнѣ было предоставлено публичное участіе въ управленіи; всѣ лица должны были оставаться при своихъ мѣстахъ; Бестужевъ получалъ званіе вице-президента въ трехъ государственныхъ коллегіяхъ: иностранной, военной и адмиралтейской. Такимъ образомъ, желанія его были чрезмѣрны. Онъ прислалъ мнѣ проектъ этого манифеста, но я, поговоривъ съ графомъ Понятовскимъ, черезъ котораго манифестъ былъ мнѣ доставленъ, отвѣчала ему словесно, что благодарю его за добрыя намѣренія относительно меня и считаю, что ихъ очень трудно исполнить. Онъ писалъ и переписывалъ свой проектъ много разъ, перемѣнялъ его, распространялъ, сокращалъ и былъ, повидимому, имъ очень занятъ. Сказать по правдѣ, я смотрѣла на его проектъ почти какъ на бредни и какъ на приманку, посредствомъ которой этотъ старикъ хотѣлъ больше войти ко мнѣ въ довѣренность; но я не думала поддаваться, потому что считала проектъ этотъ вреднымъ для государства, долженствовавшаго терпѣть отъ малѣйшей ссоры между мною и нелюбившимъ меня мужемъ; но такъ какъ все это были одни предположенія, то я не хотѣла противорѣчить упрямому старику, котораго трудно было разубѣдить, когда онъ что нибудь забиралъ себѣ въ голову“.

Апраксинъ,—политикъ внѣ всякихъ партій,—скоро сблизился съ Екатериной, какъ только ближе узналъ ея нравственныя и умственныя качества.

Гетманъ Кириллъ Разумовскій всегда былъ ея вѣрнымъ другомъ и заранѣе увѣрилъ Екатерину, что измайловскій полкъ, въ которомъ онъ былъ подполковникомъ, принадлежитъ ей... Для объединенія своихъ друзей Екатерина просила Разумовскаго забыть свою старую вражду къ Бестужеву.

Такъ, примиряя враговъ и объединяя своихъ друзей, Екатерина постепенно подготовляла для себя удобную и вѣрную почву своей будущей политической дѣятельности.

Труднѣе было ладить съ гр. Шуваловыми, которые были всемогущи при Елисаветѣ. Екатерина опасалась ихъ... Ей было извѣстно, что Шуваловы очень не любятъ Петра Ѳедоровича и непрочь обойти его въ пользу Павла, котораго, по смерти Елисаветы, надѣялись возвести на престолъ при помощи австрійскаго и французскаго пословъ.—Видя въ Шуваловыхъ очень вліятельныхъ временщиковъ, Екатерина, смотря по обстоятельствамъ, вела съ ними очень тонкую, осторожную политику.

Къ своему свату, королю прусскому Фридриху II, Екатерина тоже не благоволила за тѣ интриги, которыя этотъ хитрый король открылъ при русскомъ дворѣ. Между тѣмъ Фридрихъ II думалъ найти въ Екатеринѣ такого же вѣрнаго друга, какого имѣлъ въ ея мужѣ. Пруссія очень нуждалась тогда въ друзьяхъ. Ея другомъ сначала была Франція, но та отшатнулась отъ Пруссіи послѣ того, какъ Фридрихъ II заключилъ союзъ съ Англіей,—врагомъ Франціи. Прусскій король пользовался даже нелегальными средствами—подкупами, чтобы привлечь на свою сторону сначала вице-канцлера Бестужева, а потомъ Апраксина. Но его планы не удались... Они разбились о неподкупность Екатерины, которой въ общемъ были извѣстны всѣ ходы Фридриха II *), а Екатерина въ это же время писала примирившемуся съ нею Бе-

*) Фридриха II въ данномъ случаѣ ввелъ въ заблужденіе англійскій посланникъ, сообщившій прусскому королю, что Екатерина очень расположена къ Пруссіи,—союзницѣ Англіи.

стужеву: „Я прошу васъ рекомендовать нашему общему другу, фельдмаршалу Апраксину, чтобы онъ, побивъ короля прусскаго, ограничилъ его старыми предѣлами, чтобы мы сами не были вынуждены быть вѣчно насторожѣ. Въ этомъ состоитъ ваша система, и я ничего противъ нея не имѣю, потому что я усвоила ее себѣ“. Какъ видно изъ этихъ строкъ, Екатерина, еще будучи великой княгиней, ясно представляла себѣ, въ чемъ заключались интересы Россіи по отношенію къ Европѣ.

VI.

„Политическое“ дѣло Екатерины. Семилѣтняя война. Переписка Екатерины съ Апраксинымъ. Отношеніе къ ней императрицы. Смерть императрицы Елисаветы Петровны.

Въ это время, когда Екатерина довольно успѣшно вербовала въ ряды своихъ друзей вліятельныхъ лицъ, которые могли быть полезны для осуществленія ея будущихъ плановъ,—случилось дѣло, которое стоило Екатеринѣ многихъ безпокойствъ и хлопотъ. Если оно кончилось для нея благополучно, то лишь потому, что въ немъ было замѣшано такъ много разныхъ важныхъ лицъ, что виновность Екатерины отошла на задній планъ. Притомъ же ей удалось очень ловкой политикой оправдаться предъ императрицей и снять съ себя значительную долю отвѣтственности. Мы должны разсказать это дѣло, такъ какъ въ немъ Екатерина вынуждена была употребить всю свою практическую находчивость, чтобы выпутаться изъ сложныхъ обстоятельствъ дворцовой интриги и возстановить свой авторитетъ.

Въ царствованіе Елисаветы Россія долгое время не вмѣшивалась въ войну за австрійское наслѣдство, за интересы Маріи-Терезіи, какъ ни старалась объ этомъ западная дипломатія. Убѣжденія англійскаго и австрійскаго пословъ при петербургскомъ кабинетѣ („Россія останется азіатскою державою, если позволитъ Фридриху II отнимать беззаконно земли“) долгое время были безсильны поколебать мирную политику Россіи, несмотря на то, что Елисавета лично была очень недовольна Фридрихомъ II и не скрывала своихъ антипатій по отношенію къ нему. Но когда Пруссія, заклю-

чивъ союзъ съ Англіей, овладѣла Саксоніею и Дрезденомъ, Елисавета вышла изъ роли молчаливой наблюдательницы слишкомъ смѣлыхъ и безцеремонныхъ дѣйствій Фридриха и послала въ Пруссію войска подъ предводительствомъ Апраксина, который разбилъ въ 1757 г. войска прусскаго короля, взялъ Мемель, Гросъ-Эгерсдорфъ... и вдругъ отступилъ, не воспользовавшись плодами своихъ побѣдъ. Говорятъ, что ему было донесено объ опасномъ положеніи Елисаветы, съ которою, дѣйствительно, случился обычный припадокъ на улицѣ, и онъ хотѣлъ подслужиться Петру Ѳедоровичу, симпатіи котораго къ Пруссіи были хорошо всѣмъ извѣстны. По другимъ извѣстіямъ, отступленіе было необходимо, такъ какъ русская армія, лишенная совершенно припасовъ, не была въ состояніи продолжать военныя дѣйствія. На мѣсто Апраксина тотчасъ же былъ посланъ Ферморъ. Черезъ годъ Апраксинъ, состоя подъ важнымъ политическимъ слѣдствіемъ, умеръ.

Этими обстоятельствами ловко воспользовались враги Бестужева, чтобы подорвать его вліяніе при дворѣ. Императрицѣ было внушено, что Бестужевъ, а не кто другой, посовѣтовалъ отступленіе Апраксина изъ-за политическихъ интересовъ молодого двора. Какъ доказательство справедливости этого обвиненія императрицѣ представили письмо, писанное Екатериной Апраксину. Главная улика противъ Бестужева, друга Екатерины, заключалась въ томъ, что онъ именно переслалъ это письмо Апраксину. Письмо однако оказалось написаннымъ совершенно въ другомъ тонѣ. Екатерина сознается, что „Бестужевъ просилъ меня написать фельдмаршалу, какъ другу моему, и, присоединяя мои увѣщанія къ доводамъ канцлера, убѣдить его снова двинуться впередъ и положить конецъ этому бѣгству, которое его враги объясняютъ самымъ неблагопріятнымъ и позорнымъ для него образомъ. Дѣйствительно, я написала Апраксину письмо, въ которомъ предупреждала его о дурныхъ о немъ слухахъ въ Петербургѣ и сообщала, что друзья его затрудняются оправдывать поспѣшность его отступленія, при чемъ я просила его двинуться опять впередъ и выполнить повелѣнія, данныя императрицей“. Содержаніе письма не оправдало однако Екатерины въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Загово-

рили, что Екатерина находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ Бестужевымъ и Апраксинымъ и принимаетъ слишкомъ большое участіе во внѣшнихъ политическихъ дѣлахъ Россіи и будто питаетъ опредѣленные замыслы на счетъ престолонаслѣдія и т. п. Бестужева арестовали. Такъ какъ у него могли найти записки Екатерины, письма и, главное—проектъ о престолонаслѣдіи, составленный въ ея интересахъ, хотя и безъ ея вѣдома, то положеніе ея стало очень двусмысленнымъ. Ей не „было никакой возможности не быть замѣшанной въ это дѣло“, какъ говорится въ ея запискахъ. Въ день разоблаченія письма Екатерины ей пришлось пережить тяжелыя минуты. Однако она имѣла мужество одѣться и, какъ она говоритъ, „словно съ кинжаломъ въ сердцѣ“, пойти къ обѣднѣ, „видѣла многихъ, но всѣ хранили полное молчаніе“.

Она нѣсколько успокоилась только послѣ того, какъ голштинскій министръ Штамбке принесъ ей на слѣдущій день вѣсточку, что Бестужевъ имѣлъ время „все бросить въ огонь“ и что ей нечего особенно безпокоиться на счетъ того, что она знаетъ.. Доказать существованіе проекта о престолонаслѣдіи, составленнаго Бестужевымъ въ пользу Екатерины, такимъ образомъ, не удалось, за отсутствіемъ прямыхъ уликъ. Въ началѣ 1759 г., почти черезъ годъ послѣ ареста, Бестужевъ былъ сосланъ въ свое имѣніе. Обвиненіе противъ него сводилось къ тому, что онъ „клеветалъ ея императорскому величеству на ихъ высочествъ, въ то же время старался преогорчить и ихъ высочествъ противъ ея императорскаго величества... вплелъ въ непозволенную переписку такой персоны, которой въ дѣлахъ никакого участія имѣть не подлежало, черезъ то нечувствительно въ самодержавное государство вводилъ сопротивленіе и самъ сопротивителемъ сдѣлался“. Въ ожиданіи разныхъ дальнѣйшихъ непріятностей отъ дѣла Бестужева, Екатерина неувѣренная. къ чему можетъ привести процессъ, поспѣшила сжечь многія свои бумаги.

Съ паденіемъ канцлера Бестужева, союзника и друга Екатерины, на котораго она очень разсчитывала, многое измѣнилось въ положеніи Екатерины. Отъ нея было отнято

завѣдываніе голштинскими дѣлами. „Штамбке *) былъ высланъ, и съ его отъѣздомъ окончилось мое завѣдываніе голштинскими дѣлами, говоритъ по этому поводу въ своихъ запискахъ Екатерина, великому князю было сказано, что императрицѣ непріятно мое вмѣшательство въ эти дѣла, да и онъ самъ былъ радъ отставить меня отъ нихъ". Елисавета Петровна, хотя и не предпринимала никакихъ рѣшительныхъ мѣръ относительно великой княгини, не стѣснялась однако выражать свое неудовольствіе по поводу всего случившагося и явно обнаруживала при всякомъ удобномъ случаѣ свое неблаговоленіе Екатеринѣ.—Екатерина нѣсколько падаетъ духомъ. Ей все кажется, что ее вышлютъ изъ Россіи за границу... Но она не теряется. Она хочетъ теперь во что бы то ни стало добиться свиданія съ императрицей и пишетъ ей письмо по-русски, наполненное самыми трогательными выраженіями („какъ умѣла"). Поблагодаривъ императрицу за всѣ ея благодѣянія, оказанныя ей со дня пріѣзда въ Россію, она сознается, что не заслужила этихъ милостей, потому что навлекла на себя ненависть великаго князя и явную немилость ея величества. „Видя свое несчастье и оставаясь одна въ своей комнатѣ, лишенная самыхъ невинныхъ развлеченій, я настоятельно просила ее прекратить мои невзгоды, отправивъ меня къ моимъ родителямъ, подъ тѣмъ предлогомъ, какой она признаетъ болѣе приличнымъ. Что же касается дѣтей моихъ, то хотя я и живу съ ними подъ одною кровлею, но вовсе не вижу ихъ, и поэтому мнѣ все равно, быть ли въ томъ мѣстѣ, гдѣ и они, или въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ отъ нихъ. Я знаю, что ея величество печется о нихъ несравненно болѣе, нежели сколько позволяли бы мнѣ мои малыя способности. Дерзаю просить о продолженіи этихъ попеченій и, убѣжденная въ этомъ, проведу остатокъ дней у своихъ родныхъ, моля Бога за ея величество, за великаго князя, за моихъ дѣтей и за всѣхъ, сдѣлавшихъ мнѣ добро или зло. Состояніе моего здоровья доведено горемъ до того, что я должна сдѣлать все, что могу, лишь бы по крайней мѣрѣ спасти свою жизнь, и въ этихъ то видахъ я обращаюсь къ ней съ просьбой разрѣшить

*) Помощникъ Екатерины по голштинскимъ дѣламъ.

мнѣ отправиться на воды и оттуда къ своимъ роднымъ". Столь рѣшительнымъ письмомъ Екатерина сильно рисковала. Она ставила свою послѣднюю ставку... и не совсѣмъ была увѣрена въ результатахъ своего рѣшительнаго шага. Нервное возбужденіе ея дошло до сильныхъ размѣровъ, когда она скоро узнала, что Елисавета не поддалась впечатлѣнію письма и медлила отвѣтомъ.

Екатеринѣ нужно было прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, чтобы добиться во что бы то ни стало свиданія съ императрицей. Она „сочла нужнымъ говѣть, дабы показать тѣмъ приверженность къ православной греческой вѣрѣ", и, по совѣту своего духовника, однажды ночью позвонила и сказала женщинѣ, что чувствуетъ себя дурно и хочетъ на всякій случай исповѣдываться. Хотѣли было тотчасъ же послать за докторами, но Екатерина настаивала на духовникѣ. Полтора часа бесѣдовалъ духовникъ съ Екатериною и, тронутый бесѣдой, доложилъ императрицѣ, что великая княгиня можетъ умереть отъ печали и горести, если не будетъ подана ей скорая помощь. На другой день послѣдовало объясненіе съ императрицей въ присутствіи Александра Шувалова. Пришелъ и мужъ, съ которымъ жена не встрѣчалась въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль. Онъ радъ былъ болѣзни жены. Онъ уже обѣщалъ Елисаветѣ Романовнѣ Воронцовой жениться на ней, какъ только Екатерина умретъ. Начало сближенію Екатерины съ императрицей было положено, и вскорѣ состоялось новое свиданіе съ Елизаветою, на этотъ разъ безъ постороннихъ свидѣтелей. О немъ великая княгиня говоритъ такъ въ запискахъ: „Я застала императрицу совершенно одну. Въ этотъ разъ въ комнатѣ не было никакихъ ширмъ, слѣдовательно, мы могли говорить совершенно свободно. Я начала благодарностью за это свиданіе, сказавъ, что одно милостивое обѣщаніе его возвратило меня къ жизни". На это Елисавета сказала: „Я требую, чтобы ты сказала мнѣ всю правду, о чемъ я буду тебя спрашивать". Я отвѣчала ей увѣреніемъ, что она услышитъ отъ меня только сущую правду и что я желаю открыть ей всю мою душу безъ малѣйшей утайки. Тогда она опять спросила меня, дѣйствительно ли я писала Апраксину только три письма. Я поклялась, что только три, какъ оно въ дѣй-

ствительности и было. Затѣмъ императрица начала распрашивать подробности объ образѣ жизни великаго князя". Тутъ къ сожалѣнію обрываются „Записки" Екатерины. О чемъ далѣе говорилось и чѣмъ кончилось это второе свиданіе, — неизвѣстно; несомнѣнно только, что Екатерина осталась довольна посѣщеніемъ Елисаветы. Нѣсколько дней спустя Екатерина написала письмо императрицѣ, въ которомъ, между прочимъ, говорила: „лишь я вспомню высочайшихъ милостей, которыхъ я удостоилась слышать изъ благосклонныхъ устъ вашего императорскаго величества, слезы радостныя льются изъ моихъ глазъ".

Вскорѣ Екатеринѣ передали выраженія императрицы, что племянникъ ея — дуракъ, но что великая княгиня очень умна. И въ то время, когда Петръ сталъ разсчитывать, что Екатерина будетъ отправлена въ Германію и что этимъ самымъ ему откроется путь къ браку съ Воронцовой, императрица велѣла просить Екатерину не настаивать болѣе на своемъ отъѣздѣ и даже вовсе выбросить изъ головы это намѣреніе. — Этого то и желала Екатерина. „Такимъ образомъ", говорила она не безъ удовольствія, „я могла быть увѣрена, что меня не вышлютъ".

23 декабря 1761 г. Елисавета почувствовала себя особенно плохо и, простившись 24-го съ приближенными, умерла въ первый день Рождества Христова. Говорятъ, что она въ послѣднія минуты, призвала наслѣдника, просила его любить жену и заботиться о Павлѣ. Князь Трубецкій, старшій сенаторъ, первый объявилъ двору о смерти императрицы. Въ моментъ смерти императрицы Елисаветы Петръ III и его слуга стояли у одра умирающей. Какъ только врачи, — ихъ было въ комнатѣ четыре, — объявили, что императрица умерла, открылись двери въ пріемную: члены сената, высшіе сановники и всѣ придворные вошли. Не было никого, кто бы не высказалъ явно своего горя — всѣ рыдали. Императоръ удалился. Императрица условилась съ нимъ, что она останется въ комнатѣ покойницы, пока онъ не пойдетъ въ церковь. Императрица отдала столь точныя приказанія, что, по прошествіи менѣе двухъ часовъ, весь городъ могъ войти въ апартаментъ, гдѣ было выставлено тѣло Елисаветы. Затѣмъ императоръ далъ ей знать, чтобы она пришла

въ церковь, гдѣ она участвовала въ молитвахъ и присутствовала, въ качествѣ простой зрительницы, при присягѣ на вѣрность, приносимой всѣми собравшимися императору. 26-го декабря, въ дворцовой галлереѣ, представители иностранныхъ дворовъ приносили поздравленіе съ восшествіемъ на престолъ. Пріемъ былъ безъ всякихъ церемоній, совершенно запросто. Ихъ величества вышли вмѣстѣ изъ внутреннихъ покоевъ и чрезвычайно милостиво принимали всѣхъ, приглашая въ тотъ же день къ обѣду. Обѣдъ былъ сервированъ на 100 кувертовъ, при чемъ мѣста занялись по жребію, не исключая императора и императрицы. Въ числѣ приносившихъ поздравленія и обѣдавшихъ былъ и Бретоль, который писалъ по этому поводу: „Въ день поздравленій съ восшествіемъ на престолъ императрица имѣла крайне унылый видъ. Пока очевидно только, что она не будетъ имѣть никакого значенія... Императоръ удвоилъ свое вниманіе къ дѣвицѣ Воронцовой... Императрица—въ ужасномъ положеніи, къ ней относятся съ явнымъ презрѣніемъ. Она нетерпѣливо сноситъ обращеніе съ нею императора и высокомѣріе дѣвицы Воронцовой. Не могу даже себѣ представить, чтобы Екатерина, смѣлость и отвага которой хорошо мнѣ извѣстны, не прибѣгла бы рано или поздно къ какой нибудь крайней мѣрѣ. Я знаю друзей, которые стараются успокоить ее, но которые рѣшатся на все для нея, если она потребуетъ“.

Шесть недѣль стояло тѣло Елисаветы Петровны во дворцѣ, и народъ свободно приходилъ поклониться праху любимой императрицы. Каждый день приходящіе ко гробу видѣли, какъ Екатерина, въ глубокомъ траурѣ, съ опущенными глазами, приходила къ покойной и, ставъ на колѣни, долго и, глубоко молилась. Она ни на кого не смотрѣла, никого не видѣла, но была увѣрена, что на нее смотрятъ. Незадолго до погребенія она сама возложила корону на голову своей нареченной тетки. Приходилъ ко гробу иногда и молодой императоръ съ своей свитой, но своимъ поведеніемъ онъ еще больше оттѣнялъ образъ дѣйствій своей супруги.—Не стѣсняясь, онъ разговаривалъ съ приближенными, шутилъ съ фрейлинами, передразнивалъ священниковъ, дѣлалъ замѣчанія военнымъ и придворнымъ. Различіе между обоими

супругами рѣзко бросалось въ глаза присутствующимъ, и стоустая молва охотно разносила разсказы объ этомъ по всей столицѣ и дальше за ея предѣлами, во внутрь Россіи, создавая тѣмъ для Екатерины и ея плановъ чрезвычайно благопріятную обстановку.

Въ противоположность Петру, Екатерина не снимаетъ траура. Антогонизмъ между супругами усиливается и иностранные дипломаты внимательно слѣдятъ за постепенно разыгрывающеюся драмою. Французскій посланникъ доноситъ своему правительству, что „всеобщее расположеніе къ императрицѣ усиливается. Никто столь ревностно, какъ она, не исполняетъ религіозныхъ обязанностей по случаю погребенія покойной императрицы, никто столь добросовѣстно, какъ она, не соблюдаетъ постовъ и вообще обрядовъ, между тѣмъ какъ императоръ пренебрегаетъ всѣмъ этимъ, хотя въ Россіи такого рода правила имѣютъ большое значеніе. Екатерина старается нравиться и употребляетъ всѣ средства для достиженія этой цѣли. Во всемъ этомъ есть значительная доля самолюбія. Къ тому же она едва ли можетъ забыть, что нынѣшній императоръ, когда былъ великимъ княземъ, грозилъ заключить ее въ монастырь, по примѣру Петра Великаго въ отношеніи къ первой его супругѣ“.

VII.

Царствованіе императора Петра III. Внутреннія реформы и внѣшняя политика. Недовольство, вызванное Петромъ Өедоровичемъ. Заговоръ.

Историческія свѣдѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ царственной четы Петра III и Екатерины пока недостаточны (сравнительно съ данными до восшествія). Въ манифестѣ, изданномъ по поводу вступленія на престолъ Петра III, ни однимъ словомъ не упомянуто о Екатеринѣ, которая поняла, что отъ нея требуется дальнѣйшее продолженіе роли зрительницы... Эта роль ей уже стала надоѣдать. Она начала обнаруживать признаки нетерпѣнія и раздраженія... Но врожденный здравый смыслъ подсказывалъ ей мѣру этому раздраженію. Она продолжала вѣрить и въ свою звѣзду, и въ исторически-неизбѣжный ходъ событій.

Австрійскій посланникъ, спустя мѣсяцъ послѣ смерти Елисаветы, доносилъ своему двору, что императрица живетъ почти въ полномъ отчужденіи и, кажется, не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на все то, что происходитъ, между тѣмъ едва ли возможно, чтобы подъ этой спокойной внѣшностью не скрывалось какого-нибудь тайного мѣропріятія, необходимость котораго государыня должна сознавать болѣе чѣмъ когда либо какъ для себя, такъ и для своего сына, на котораго императоръ со времени вступленія на престолъ, можно сказать, не обращалъ никакого вниманія и къ которому онъ всегда обнаруживалъ всѣмъ замѣтное презрительное нерасположеніе. Штелингъ говоритъ, что Екатерина ежедневно являлась въ кабинетъ императора, но что обѣдали они врозь. Съ обычной своей рѣзкостью Петръ подчеркивалъ свое нерасположеніе къ императрицѣ. Переѣхавъ на святую 1762 г. въ новый зимній дворецъ, онъ въ ближайшихъ къ себѣ апартаментахъ помѣстилъ свою любимицу-фрейлину Елисавету Воронцову, а Екатеринѣ отвелъ помѣщеніе подальше.

При всей неспособности императора Петра III къ управленію государствомъ и несимпатичности его нравственнаго облика, вступленіе его на русскій престолъ произошло сравнительно при довольно благопріятныхъ для него обстоятельствахъ и въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ произвело даже довольно хорошее впечатлѣніе *). Многіе военные кружки были довольны видѣть на царскомъ тронѣ послѣ многихъ государынь—государя. Притомъ же первыя распоряженія Петра: возвращеніе ссыльныхъ (указъ 17 янв.), отмѣна тайной канцеляріи, этого политическаго чистилища XVIII в., производили хорошее впечатлѣніе и, казалось, могли бы создать популярность новому императору. Указъ о правахъ дворянства нравился своей мотивировкой. „При Петрѣ Великомъ, говорилось въ указѣ: нужно было принуждать дворянъ учиться, отчего произошла большая польза, истреблено нерадѣніе къ пользѣ общей, невѣжество; званіе

*) Архіепископъ Дмитрій Сѣченовъ въ своей проповѣди сравнивалъ восшествіе Петра III на престолъ съ появленіемъ Христа Спасителя въ міръ.

и прилежаніе къ службѣ умножили искусныхъ и храбрыхъ генераловъ, также людей свѣдущихъ въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ, благородныя мысли вкоренили въ сердцахъ,—и потому мы не находимъ той необходимости въ принужденіи къ службѣ, какое до сихъ поръ потребно было". Очень гуманно было распоряженіе о раскольникахъ: „Ибо въ россійской имперіи и магометане, и идолопоклонники состоятъ, а тѣ раскольники—христіане... бѣгая за границу въ томъ же состояніи множественнымъ числомъ проживаютъ безполезно". При дворѣ была довольно сильная и опытная въ политическомъ управленіи партія Воронцовыхъ, Шуваловыхъ, Бестужева-Рюмина и др. Эти именно люди внушили Петру рядъ популярныхъ для его царствованія указовъ и мѣръ.

Болѣе всѣхъ заинтересованъ былъ въ продолжительности царствованія Петра III прусскій король, Фридрихъ, нескупившійся на совѣты Петру и между прочимъ писавшій ему: „Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы ваше величество уже короновались, потому что эта церемонія производитъ сильное впечатлѣніе на народъ, привыкшій видѣть коронованіе своихъ государей. Я вамъ скажу откровенно, что не довѣряю русскимъ. Всякій другой народъ благословлялъ бы небо, имѣя государя съ такими выдающимися и удивительными качествами, какія у вашего величества, но эти русскіе, чувствуютъ ли они свое счастье, и проклятая продажность какого-нибудь одного ничтожнаго человѣка развѣ не можетъ побудить его къ составленію заговора или къ поднятію возстанія въ пользу этихъ принцевъ брауншвейгскихъ. Припомните, ваше императорское величество, что случилось въ первое отсутствіе императора Петра I, какъ его родная сестра составила противъ него заговоръ. Предположите, что какой-нибудь негодяй съ безпокойною головой начнетъ въ ваше отсутствіе интриговать для возведенія на престолъ этого Ивана *), составитъ заговоръ съ помощью иностранныхъ денегъ, чтобы вывести Ивана изъ темницы; подговоритъ войско и другихъ негодяевъ, кото-

*) Іоанна Антоновича Брауншвейгскаго.

рые и присоединятся къ нему; не должны ли вы будете тогда покинуть войну противъ датчанъ **), хотя бы все шло съ отличнымъ успѣхомъ, и поспѣшно возвратиться, чтобы тушить пожаръ собственнаго дома. Эта мысль привела меня въ трепетъ, когда пришла мнѣ въ голову, и совѣсть мучила бы меня всю жизнь, если бы я не сообщилъ эту мысль вашему императорскому величеству; я здѣсь въ глубинѣ Германіи, вовсе не знаю вашего двора: ни тѣхъ, къ которымъ ваше величество можетъ имѣть полное довѣріе, ни тѣхъ, кого можете подозрѣвать, поэтому вашему высокому разуму принадлежитъ различить, кто преданъ и кто нѣтъ; я думаю, что если вашему величеству угодно принять начальство надъ арміею, то безопасность требуетъ, чтобы вы прежде короновались и потомъ, чтобы вы вывезли въ своей свитѣ за границу всѣхъ подозрительныхъ людей".

Дальновидный прусскій король издали лучше видѣлъ то, чего совершенно не замѣчалъ вблизи Петръ III. Совѣты Фридриха безспорно имѣли полный резонъ, и обладай Петръ III мало-мальски тактомъ и хоть въ незначительной степени пониманіемъ духа того народа, которымъ онъ призванъ былъ управлять, Екатеринѣ, быть можетъ, пришлось бы разстаться съ своей завѣтной мечтой.

Но прошелъ мѣсяцъ-другой, и объ императорѣ пошли крайне неблагопріятные для него слухи. Петръ началъ игнорировать существенные государственные вопросы и обращать вниманіе на мелочи. Екатерина не безъ основанія говорила про мужа, что онъ—злѣйшій врагъ самому себѣ. Прежде всего императоръ вызвалъ неудовольствіе среди русскаго духовенства. Члену св. синода, архіепископу новгородскому Дмитрію Сѣченову онъ предписалъ закрыть домовыя церкви и очистить русскіе храмы отъ излишнихъ иконъ, оставивъ только главныя—Спасителя и Божьей Матери. Большое недоумѣніе вызвало распоряженіе Петра брить русскому духовенству бороды и носить короткое платье, какое носили нѣмецкіе пасторы. Предпринята была перепись церковныхъ недвижимыхъ имуществъ для отобранія ихъ въ казну, что

**) Петръ III предполагалъ отнять у Даніи Шлезвигъ для Голштиніи.

болѣе всего встревожило духовенство. Оно заявляло протестъ противъ такихъ распоряженій, но безуспѣшно.

Императоръ далѣе совершенно не понималъ духа и настроенія гвардіи, этой избалованной своимъ вліяніемъ и участіемъ въ государственныхъ дѣлахъ части русской арміи. Гвардіи не могло нравиться, что на каждомъ шагу Петръ III старался показать себя горячимъ поклонникомъ Фридриха II, предъ которымъ благоговѣлъ до такой степени, что публично цѣловалъ бюстъ прусскаго короля, а однажды даже на парадномъ обѣдѣ, на глазахъ всего двора торжественно преклонилъ колѣна предъ портретомъ Фридриха II. Императоръ игралъ роль какого то вассала прусскаго короля и называлъ его своимъ начальникомъ. Мундиры были его страстью. У него стояли цѣлые шкапы мундировъ. Того же онъ требовалъ и отъ офицеровъ. Но изъ всѣхъ мундировъ онъ болѣе всего любилъ прусскій, такъ же какъ изъ орденовъ предпочиталъ прусскій. Зеленый просторный мундиръ, въ который одѣлъ русскаго солдата Петръ Великій, былъ замѣненъ узкимъ пестрымъ мундиромъ прусскаго фасона. Ежедневными строгими военными экзерциціями на прусскій манеръ Петръ III думалъ поднять воинственный духъ гвардіи, нѣсколько распущенной въ царствованіе благодушной Елисаветы Петровны. Но эти экзерциціи напоминали не столько военныя упражненія, сколько балетныя представленія. Люди знатнаго происхожденія, числившіеся въ гвардіи и занимавшіе важные военные посты, должны были принимать участіе въ этихъ маневрахъ, подчиняться строгимъ педантичнымъ военнымъ церемоніямъ нѣмецкаго фронта и, конечно, увеличивали собою ряды недовольныхъ. Оскорбительная кличка, которую императоръ далъ гвардейцамъ („янычары"), особенно раздражала военныхъ. Ходили слухи, что императоръ совершенно хочетъ уничтожить гвардію.

Елисаветинскіе вельможи, видѣвшіе въ предшествующее царствованіе только уваженіе къ себѣ, тоже не могли мириться съ нравами новаго двора. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ чуть не на колѣняхъ просилъ Петра освободить его отъ всѣхъ знаковъ его милости.—Кириллъ Разумовскій едва сдерживалъ себя во дворцѣ, видя новые порядки. А Петръ смѣялся надъ ними, заставлялъ ихъ выучивать нѣмецкую

команду и маршировать по плацъ-парадамъ. Онъ издѣвался даже надъ почтенными придворными женщинами и передразнивалъ ихъ.

Личная жизнь Петра также возбуждала недоумѣніе и неудовольствіе. Русскіе люди, бывшіе въ Ораніенбаумѣ, гдѣ любилъ проводить время Петръ III, находили, что при дворѣ императора творится настоящее вавилонское столпотвореніе. Здѣсь раздавались всѣ языки, кромѣ русскаго; здѣсь можно было встрѣтить разныхъ авантюристовъ, которыхъ Петръ охотно бралъ къ себѣ на службу, подражая въ данномъ случаѣ прусскому королю—очень неразборчивому въ отношеніи состава своего двора... День свой императоръ кончалъ часто непристойными и шумными оргіями, происходившими не въ одномъ только дворцѣ. Придворныя безобразія всѣ видѣли. О нихъ писали иностранные послы своимъ дворамъ. У русскихъ людей обливалось сердце кровью отъ стыда за Петра III; имъ хотѣлось „бѣжать неоглядно" отъ его царствованія.

Недовольство замѣчалось и среди мелкихъ дворянъ, несмотря на нѣкоторое вниманіе, оказанное дворянству указомъ объ ихъ вольности. Оно сильно встревожилось, замѣтивши въ дѣлахъ правительства шаткость и капризъ, отсутствіе устойчивости.

Волновались и крестьяне. Въ нихъ давно жило сознаніе что они обязаны работать на помѣщиковъ именно потому, что помѣщики обязаны служить государству. Теперь снята дворянская обязанность — слѣдуетъ снять и крестьянскую. Но крестьяне видѣли, что правительство, разрѣшивъ дворянскій вопросъ, не замѣчаетъ связаннаго съ нимъ вопроса крестьянскаго. Отсюда начались крестьянскія волненія.

Ко всему этому внѣшняя политика Петра оскорбляла національное чувство русскихъ людей. Россія со славой вела при Елисаветѣ войну съ Пруссіей, теряла для нея массу людей и денегъ. Какъ только вступилъ на престолъ Петръ, война была прекращена. Императоръ Петръ III праздновалъ заключеніе мира съ Фридрихомъ. Это былъ миръ, который въ истинно русскихъ людяхъ ничего не могъ вызвать, кромѣ недоумѣнія. Послѣ потоковъ крови, пролитой

русскими солдатами, втянутыми въ семилѣтнюю войну и покрывшими себя военной славой въ битвахъ на прусскихъ поляхъ, — Руси предлагалось соглашеніе, продиктованное прусскимъ посломъ Гольцемъ, по которому всѣ ея труды пропадали даромъ. По этому миру Россія не только ничего не пріобрѣла, но даже возвратила Фридриху тѣ провинціи, которыя самъ прусскій король, по нечуждому ему иногда чувству справедливости, предлагалъ Россіи. Послѣ такого безславнаго мира, русской арміи приказывалось соединиться съ прусской для совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій, направленныхъ противъ Австріи.

Кромѣ того, Петръ предпринялъ еще одну военную авантюру, которая совершенно не вытекала изъ политическихъ интересовъ Россіи... Изъ-за давнихъ личныхъ счетовъ съ Даніей, онъ объявилъ войну датскому двору съ цѣлью отнять Шлезвигъ для Голштиніи. Въ данномъ случаѣ онъ дѣйствовалъ, какъ голштинскій герцогъ, но дѣйствовалъ силами Россіи. Для Голштиніи вербовали солдатъ на русскія деньги; къ походу за Голштинію дѣлали серьезныя приготовленія; голштинцамъ дали первенство и полную волю въ Россіи. Начальникомъ русскихъ войскъ былъ назначенъ дядя Петра Георгъ, принцъ Голштинскій.

Общее недовольство, сначала высказываемое робко, постепенно стало выражаться въ явныхъ формахъ и перешло въ ропотъ. На улицахъ начали громко порицать правительство и толковать о необходимости измѣненія государственнаго режима... Создалась прекрасная почва для политическаго заговора, и заговоръ явился самъ собою, какъ естественный результатъ обстоятельствъ... А заговоръ самъ собою повелъ къ государственному перевороту.

Въ Петербургѣ давно уже носились довольно опредѣленные слухи, что императоръ не въ ладу живетъ съ императрицей. Поговаривали даже, что императрицу ждетъ монастырь, а ея мѣсто скоро займетъ графиня Елисавета Романовна, племянница канцлера Воронцова. Императрица нѣкоторое время не обращала серьезнаго вниманія на эти сплетни. Но случилось событіе, которое заставило императрицу выйти изъ пассивнаго состоянія и обратить болѣе серьезное вни-

маніе на свое положеніе. Однажды въ присутствіи дипломатическаго корпуса и петербургской знати императоръ довольно грубо оскорбилъ императрицу, назвалъ ее „дурой“ и возложилъ екатерининскую ленту на графиню Воронцову. Въ тотъ же вечеръ князю Барятинскому былъ данъ приказъ арестовать императрицу. Хотя петербургское общество было уже подготовлено ко всякимъ неожиданностямъ въ русскомъ дворцѣ, тѣмъ не менѣе этотъ приказъ поразилъ всѣхъ своей радикальностью... Испуганный Барятинскій медлилъ исполненіемъ приказа и не зналъ, какъ ему быть. За императрицу вступился одинъ изъ дядей императора, принцъ Георгій Голштинскій. Онъ бросился предъ нимъ на колѣни и на-силу уговорилъ отмѣнить приказаніе.

Послѣ этого памятнаго для Екатерины вечера она стала очень чутка ко всему, что такъ или иначе могло повліять на ея положеніе. Усиленные совѣты, которые въ это время давались ей ея приближенными, теперь были для нея не выраженіемъ участія, а своего рода программой будущихъ дѣйствій. Въ числѣ совѣтчиковъ-доброжелателей Екатерины были очень вліятельныя лица: архіепископъ новгородскій Дмитрій Сѣченовъ, воспитатель наслѣдника великаго князя—гр. Панинъ, малороссійскій гетманъ, командиръ измайловскаго полка—гр. Кириллъ Разумовскій и др. Къ числу недовольныхъ принадлежала также юная (18-лѣтняя), но поражавшая своимъ умомъ княжна Дашкова. Екатеринѣ совѣтовали открыто устранить отъ престола своего мужа и самой занять его мѣсто. Всѣ заговорщики дѣлились на четыре отдѣленія и во главѣ каждой были свои особые вожди. Главными дѣльцами этого, выдающагося по своимъ обстоятельствамъ, политическаго переворота были люди изъ гвардейской офицерской молодежи. Изъ офицеровъ преображенскаго полка выдавались въ этомъ отношеніи—Пассекъ и Бредихинъ, изъ измайловскаго—Ласунскій и братья Рославлены, коннogвардейскаго—Хитрово и унтеръ офицеръ Потемкинъ. Душей заговорщиковъ, центромъ объединявшимъ ихъ всѣхъ были братья Орловы — очень популярные среди гвардейцевъ.

Екатерина понимала, что пока ничего вполнѣ надежнаго нѣтъ, что все ея будущее зависитъ отъ тысячи случай-

постей, предвидѣть которыя невозможно... что затѣянная ею игра рискована и можетъ имѣть совершенно иной исходъ и планы ея разобьются. Но шаги уже сдѣланы... дѣло зашло далеко и отступленіе невозможно. Екатерина писала Понятовскому о выработанномъ планѣ для государственнаго переворота: „Планъ состоялъ въ томъ, чтобы захватить Петра III въ его комнатахъ и арестовать...“ „Тайна была въ рукахъ трехъ братьевъ Орловыхъ. Они люди рѣшительные и, служа въ гвардіи, очень любимы солдатами. Я имъ многимъ обязана, что подтвердитъ весь Петербургъ. Умы гвардейцевъ были приготовлены, и уже въ заговорѣ было отъ тридцати до сорока офицеровъ и около десяти тысячъ рядовыхъ. Въ этомъ числѣ не нашлось ни одного измѣнника... были четыре отдѣльныя партіи, ихъ начальники были приглашены для осуществленія плана, а настоящая тайна была въ рукахъ трехъ братьевъ. Панинъ хотѣлъ, чтобы провозгласили моего сына, но они ни за что на это не соглашались“.

Такъ умная и дальновидная Екатерина постепенно шагъ за шагомъ, съ замѣчательнымъ тактомъ и пониманіемъ своего положенія, брала свое мѣсто, къ которому лежали ея завѣтныя желанія.

VIII.

Переворотъ. Отреченіе Петра III. Манифесты императрицы Екатерины и ея первыя распоряженія. Заключеніе Петра III и его смерть.

Наступало лѣто 1762 г., м. іюнь. Императоръ избралъ своей резиденціей Ораніенбаумъ, а Екатеринѣ приказано было жить отдѣльно въ Петергофѣ, недалеко отъ Ораніенбаума. Но Екатерина не спѣшила въ Петергофъ. Подъ предлогомъ болѣзни наслѣдника Павла, она осталась въ Петербургѣ, а когда сыну стало лучше, уѣхала въ Петергофъ одна, чѣмъ вызвала сильный гнѣвъ со стороны Петра III. Сознавая кризисъ своего положенія, Екатерина нервничала, но не теряла присутствія духа. Перенесеніе Петромъ своей резиденціи въ Ораніенбаумъ—мало согласовалось съ видами и предположеніями Екатерины. Въ Ораніенбаумѣ у импера-

тора были преданныя ему голштинскія войска и очень вліятельные приближенные. Не создавъ себѣ никакого опредѣленнаго плана относительно Екатерины, Петръ продолжалъ по легкомыслію своему смотрѣть на нее, какъ на очень неважный, хотя и неизбѣжный суррогатъ своего царствованія.

Накапунѣ своего тезоименитства, 28 іюня императоръ былъ особенно благодушенъ. Какъ и у всѣхъ безхарактерныхъ людей, рѣшенія и дѣйствія которыхъ опредѣляются вліяніемъ минуты, онъ почему то пожелалъ провести день своего тезоименитства не въ Ораніенбаумѣ. а въ Петергофѣ, въ обществѣ жены. Предполагалось, что императоръ будетъ присутствовать на большомъ обѣдѣ у императрицы, а вечеромъ за ужиномъ ему принесутъ поздравленія. Поговаривали, что въ этотъ день окончательно рѣшится участь Екатерины. Прямо, съ развода императоръ отправился въ Петергофъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, среди которой было семнадцать дамъ. Было два часа, когда кортежъ прибылъ въ Петергофъ... и императоръ къ удивленію своему узналъ, что дворецъ пустъ и что императрица раннимъ утромъ „потаенно“ отбыла въ Петербургъ.

Что же случилось?

Совершенно неожиданное обстоятельство ускорило давно ожидавшійся переворотъ. Сами заговорщики распустили слухъ, что императрица—въ опасности и чуть не погибла. Одинъ гвардейскій солдатъ прибѣжалъ 27 іюня 1762 г. къ Пассеку и участливо доложилъ ему объ этомъ. Пассекъ постарался успокоитъ солдата и разувѣрить его въ неосновательности слуховъ, неизвѣстно кѣмъ распускаемыхъ. Солдатъ однако не успокоился и побѣжалъ съ тѣмъ же извѣстіемъ къ другому офицеру, маіору Воейкову, не принадлежавшему къ числу заговорщиковъ. Сообщивъ ему тотъ же слухъ, солдатъ прибавилъ, что былъ у Пассека и говорилъ съ нимъ по этому поводу. Воейковъ не медля доложилъ начальству, что по Петербургу идутъ странные слухи и что къ нимъ причастенъ Пассекъ. Тогда заговорщики, полагая, что Пассекъ измѣнилъ ихъ дѣлу и выдалъ ихъ всѣхъ, сразу объединились около братьевъ Орловыхъ. Встревоженные та-

кимъ непредвидѣннымъ оборотомъ дѣла, они немедленно ночью на 28 іюня отправили въ Петергофъ во дворецъ гр. Алексѣя Орлова предупредить Екатерину.

Прискакавъ въ Петергофъ на разсвѣтѣ Алексѣй Орловъ разбудилъ императрицу, сказалъ что „Пассекъ арестованъ“— и что дальше нельзя ждать ни одной минуты. Екатерина успѣла кое-какъ одѣться и, не теряя времени, отправилась въ Петербургъ въ экипажѣ, приготовленномъ по распоряженію княгини Дашковой. Рядомъ съ ней помѣстилась вѣрная камеръ-фрау Чернковская, позади сталъ камердинеръ Шкуринъ (впослѣдствіи тайный совѣтникъ). Орловъ, говорятъ, гналъ лошадей во весь галопъ. Но на половинѣ дороги лошади упали отъ усталости. Они пересѣли въ проѣзжавшую мимо крестьянскую телѣгу. Къ нимъ навстрѣчу приближалась карета. Въ ней сидѣли Григорій Орловъ съ княземъ Барятинскимъ. „Все готово“, сказалъ Орловъ. Въ седьмомъ часу утра она достигла гвардейскихъ казармъ измайловскаго полка, которыя составляли особый лагерь и служили предмѣстьемъ столицы.

Въ первыя минуты Екатерина однако смутилась, когда ее встрѣтили только барабанщикъ и два-три рядовыхъ. Сейчасъ же ударили тревогу. Измайловцы начали собираться. Екатерина обратилась къ нимъ съ рѣчью, прося защиты для себя и сына. Солдаты съ восторгомъ привѣтствовали появленіе императрицы и бросились цѣловать ей руки и ноги... Тотчасъ же былъ приведенъ священникъ, полкъ присягнулъ на вѣрность Екатеринѣ, и всѣ немедля отправились въ казармы семеновскаго полка. Семеновцы вмѣстѣ съ своимъ маіоромъ гр. Брюсомъ встрѣтили императрицу такъ же восторженно. Къ нимъ присоединились преображенцы и конная гвардія. Григорій Орловъ склонилъ на сторону Екатерины артиллеристовъ, которые въ первыя минуты не рѣшались предпринять столь важный шагъ безъ согласія своего начальника Вильбуа. Генералъ Вильбуа нѣкоторое время колебался, но, увлеченный общимъ теченіемъ, перешелъ на сторону императрицы *). Кого нельзя

*) Были и среди войскъ нежелавшіе присягать Екатеринѣ, но въ видѣ лишь исключенія.

было склонить, того арестовали (напр. принца Жоржа—начальника конно-гвардейцевъ). Постепенно прибыли гетманъ Разумовскій, И. И. Шуваловъ, Строгановъ и др.

Солдаты полковъ смѣшались съ народомъ, который выходилъ со всѣхъ сторонъ на улицы и присоединялся къ процессіи. Измайловцы, семеновцы, преображенцы, одни при формѣ и при оружіи, другіе кой въ чемъ, торопливо двигались по серединѣ улицы безпорядочною густою массою, оттѣснявшею, по возможности, простой народъ, толкавшійся около домовъ и заборовъ. Въ толпѣ, безотчетно привлекаемой веселымъ шумомъ, небывалымъ зрѣлищемъ, сознавшей, что творится нѣчто хотя и необыкновенное, но радостное, слышался безконечный гулъ, разносившій по окраинамъ города давно ожидаемую вѣсть о перемѣнѣ царствованія. Окруженная гвардейскими полками, подвигалась Екатерина по „Невской перспективѣ", запруженной народомъ, и къ 9-ти часамъ прибыла къ Казанской церкви, которая была уже полна народу. Архіепископъ новгородскій съ духовенствомъ встрѣтилъ Екатерину и осѣнилъ ее крестомъ. Послѣ краткой литіи и провозглашенія многолѣтія государынѣ императрицѣ „самодержицѣ Екатеринѣ Второй" и государю великому князю „Наслѣднику цесаревичу Павлу Петровичу", подъ торжественный перезвонъ колоколовъ, шествіе двинулось къ зимнему дворцу. Впереди шли священники, въ полномъ облаченіи, съ крестами въ рукахъ.—Екатерина ѣхала парой въ двухмѣстной коляскѣ и привѣтливо раскланивалась съ народомъ и войсками, при безконечномъ „ура", заглушавшемъ звонъ колоколовъ. Съ правой стороны ея на подножкѣ стоялъ Григорій Орловъ, съ лѣвой—генералъ-поручикъ артиллеріи Вильбуа. Коляску сопровождали верхами: гр. К. Разумовскій, гр. Брюссъ, кн. Волконскій и др. Окруженная массой народа, вступила Екатерина въ зимній дворецъ. Панинъ привезъ сюда 8-лѣтняго наслѣдника. Екатерина съ балкона показала мальчика народу... Раздались новые крики привѣтствія. Въ зимнемъ дворцѣ ее уже ждалъ въ полномъ составѣ синодъ и сенатъ, единодушно принявшіе ея сторону при первомъ же извѣстіи о начавшемся переворотѣ. Къ высшимъ государственнымъ учрежденіямъ примкнули чины коллегій, двора... Дворецъ былъ открытъ

для всѣхъ. Екатерина принимала поздравленія часами стоя на одномъ мѣстѣ... Всѣ хотѣли поцѣловать ея руку. Говорятъ, отъ поцѣлуевъ въ этотъ день у нея распухла рука. Дипломатическій корпусъ получилъ офиціальное увѣдомленіе о перемѣнѣ царствованія.

Очень кстати въ интересахъ Екатерины былъ распространенъ въ столицѣ, случайно или умышленно, слухъ о кончинѣ Петра, который какъ говорили, упалъ съ лошади и ушибся до смерти. Нѣкоторые офицеры, нерѣшавшіеся присягать Екатеринѣ, были убѣждаемы этимъ извѣстіемъ признать новое правительство и присягали Екатеринѣ. На всякій случай были приняты необходимыя мѣры предосторожности: подступы къ дворцу защищены артиллеріей, на многихъ пунктахъ поставлены сильные отряды часовыхъ, а сообщеніе съ Петергофомъ и Ораніенбаумомъ совершенно прекращено. Предусмотрительный Разумовскій постарался заранѣе заготовить соотвѣтствующій манифестъ. Еще наканунѣ онъ распорядился, чтобы „въ подземельяхъ академическаго дома засажены были наборщикъ и печатникъ съ ихъ снарядами для печатанія ночью манифеста о переворотѣ, и Таубертъ (содержатель академической типографіи), долженъ быть съ ними, чтобы наблюдать за корректурою“. Манифестъ гласилъ слѣдующее.

„Божіею милостію мы, Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская, и пр., и пр, и пр. Всѣмъ прямымъ сынамъ Отечества россійскаго явно оказалось, какая опасность всему россійскому государству начиналась самымъ дѣломъ. А именно, законъ нашъ православный греческій перво всего возчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій церковныхъ, такъ что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго закона. Второе, слава россійская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, черезъ многое свое кровопролитіе заключеніемъ новаго мира съ самымъ ея злодѣемъ отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе; а между тѣмъ внутренніе порядки, составляющіе цѣлость всего нашего отечества, совсѣмъ испровержены. Того ради убѣждены будучи всѣхъ нашихъ

вѣрноподданныхъ таковою опасностью, принуждены были, принявъ Бога и его правосудіе себѣ въ помощь, а особливо видѣвъ къ тому желаніе всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ ясное и нелицемѣрное, вступили на престолъ нашъ всероссійскій самодержавный, въ чемъ и всѣ наши вѣрноподданные присягу намъ торжественную учинили. Екатерина".

Очень предусмотрительнымъ распоряженіемъ только что занявшей тронъ императрицы была посылка генерала Талызина въ Кронштадтъ для привлеченія на свою сторону флота. Затѣмъ немедленно были разосланы копіи манифестовъ и присяжные листы во всѣ концы имперіи и особенно въ лифляндскія войска, среди которыхъ Петръ могъ найти поддержку. Въ Лифляндіи шли тогда военныя приготовленія противъ Даніи. Екатерина предупредила вездѣ и въ этой политической борьбѣ заняла всѣ входы и выходы. Въ этомъ впервые сказался административный талантъ позой государыни.

Какъ ни оберегали однако Ораніенбаумъ отъ Петербурга, вѣсть о переворотѣ скоро достигла Петра. Приближенные императора, при столь неожиданномъ оборотѣ дѣлъ, подъ разными предлогами отпрашивались изъ Ораніенбаума въ Петербургъ и переходили на сторону Екатерины. Канцлеръ графъ И. Л. Воронцовъ далъ императору слово „усовѣстить" Екатерину и съ этой цѣлью отправился въ Петербургъ. Дѣйствительно, получивъ аудіенцію Екатерины, онъ обратился къ ней съ рѣзкимъ словомъ укора за все совершавшееся.

— „Вы видите, —сказала Екатерина, подведя его къ окну, изъ котораго была видна громадная толпа народа и войска, — не я дѣйствую: я только повинуюсь желанію народа".

Гр. Шуваловъ и гр. Трубецкой, посланные для переговоровъ съ Екатериною, не могли противостоять общему теченію дѣлъ и присягнули ей.

Въ большой сумятицѣ прошелъ день, а вечеромъ на 30 іюня она во главѣ двухъ преданныхъ полковъ двинулась въ Петергофъ, для ареста Петра III... Въ эту критическую для себя минуту Екатерина никому не довѣряла и дѣйствовала вездѣ лично. Уходя на время изъ Петербурга она,

для успокоенія умовъ, нашла нужнымъ дать рескриптъ сенату, въ которомъ говорила: „Я утромъ выхожу съ войскомъ, чтобы утвердить и обнадежить престолъ, оставляя вамъ, яко верхнему моему правительству съ полною довѣренностью, подъ стражу: отечество, народъ и сына моего“.

Въ ясную лѣтнюю ночь Екатерина, верхомъ, въ мужскомъ платьѣ, въ мундирѣ преображенскаго полка, въ шляпѣ, украшенной дубовыми вѣтвями, изъ-подъ которой распускались длинные красивые волосы, выступила съ войскомъ изъ Петербурга.—Возлѣ императрицы ѣхала ея подруга, княгиня Дашкова, тоже верхомъ въ мундирѣ.—Эта картина напоминала Екатеринѣ ея былыя увеселительныя прогулки въ юности, но это была уже не прогулка, а чрезвычайно важное политическое дѣло. Настала, наконецъ, та минута, которую Екатерина предвидѣла съ давнихъ поръ.

Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Петергофа, императрица встрѣтила вице-канцлера кн. Голицына, который привезъ Екатеринѣ собственноручное письмо Петра. Императоръ сознавалъ, что былъ не правъ относительно Екатерины, обѣщалъ исправиться и предлагалъ полное примиреніе. Письмо было оставлено безъ отвѣта, а кн. Голицынъ тутъ же, подъ открытымъ небомъ, принялъ присягу въ вѣрности Екатеринѣ и присоединился къ ея свитѣ. Въ Петергофѣ Екатерина получила второе письмо отъ „бывшаго императора“, привезенное только-что прибывшимъ изъ Ораніенбаума генераломъ Измайловымъ. Петръ вторично просилъ прощенія, отказывался отъ своихъ правъ на русскій престолъ, высказывалъ желаніе получать небольшую сумму на свое содержаніе и умолялъ дозволить ему удалиться въ Голштинію, вмѣстѣ съ генераломъ Гудовичемъ и фрейлиною гр. Е. Р. Воронцовой. Чувство къ Воронцовой было единственнымъ прочнымъ чувствомъ императора. Измайловъ также измѣнилъ Петру и предложилъ даже получить отъ него формальное письменное отреченіе отъ престола.

Совершенно растерявшись, Петръ отдавалъ противорѣчивыя распоряженія и приказы. По совѣту своего приближеннаго, стараго опытнаго моряка Миниха, онъ вздумалъ было завладѣть Кронштадтомъ. Лишь только однако яхта

съ императоромъ приблизилась къ острову, ему объявили, что крѣпость и флотъ—на сторонѣ Екатерины, и что если яхта не отойдетъ, то по ней будутъ стрѣлять. Въ эту критическую минуту только Минихъ не терялъ еще изъ виду положенія дѣла и то совѣтовалъ Петру вспрыгнуть на берегъ, несмотря на отказъ, говоря, что этой мѣрой все можетъ рѣшиться, то плыть въ Ревель, оттуда на первомъ же пароходѣ бѣжать въ Померанію и призвать на помощь заграничную армію... Совѣты однако были напрасны. Подъ вліяніемъ быстроты неожиданно павшихъ на его голову событій, онъ отказался отъ соображеній и готовъ былъ подписать все, что отъ него требовалось, только бы оставили его въ покоѣ. Составленный актъ отреченія онъ подписалъ безъ всякихъ прекословій. Петръ вышелъ изъ дворца, сопровождаемый Воронцовой, Гудовичемъ, Измайловымъ и подъ конвоемъ Орлова съ коннымъ отрядомъ прибылъ въ Петергофъ. Съ трудомъ удерживали солдатъ отъ оскорбленій, которыми они грозили низложенному Петру. Бывшему императору отвели особую комнату, а Гудовича и Воронцову арестовали. Заслуживаетъ вниманія указъ, который Екатерина дала въ тотъ же день сенату по поводу происходившихъ событій.

„Господа сенаторы! Вы сами свидѣтели, какимъ образомъ, при самомъ начатіи нашего предпріятія, Божіе благословеніе предъ нами и всѣмъ отечествомъ нашимъ изліялось, а черезъ сіе я вамъ объявляю, что оная рука Божія почти и конецъ всему дѣлу благословенный оказываетъ. Наше намѣреніе и матернее милосердіе о человѣческомъ родѣ, а паче о вѣрноподданныхъ, скиптру нашему принадлежащихъ, къ тому только склонялась, дабы, при таковомъ важномъ предпріятіи, дойти до благаго конца безъ всякаго кровопролитія. И сіе теперь самимъ дѣломъ уже совершилося. Мы маршировали отъ Петербурга до половины пути въ неизвѣстности, что дѣлается въ Ораніенбаумѣ, и на половинѣ дороги получили подлинное извѣстіе, что бывшій императоръ со всѣмъ находившимся при немъ дворомъ, оставя свои мнимыя голштинскія войска, ретировался на яхтахъ и галереѣ въ Кронштадтъ, куда мужеск. и женск. полъ онаго своего двора, всѣхъ насильно безъ остатка съ

собою взялъ. Но сіе его предпріятіе поздно уже имъ затѣяно было; ибо когда онъ, подъѣхавъ къ гавани кронштадтской, вступилъ на шлюбку и сигналъ далъ съ другихъ обоихъ судовъ прочимъ выступать, дабы удобнѣе войти на берегъ, то входъ ему уже скоро поспѣшнымъ нашего адмирала Талызина предварительнымъ учрежденіемъ воспрепятствованъ былъ, такъ что, когда онъ изъ шлюбки велѣлъ подать голосъ на берегъ, что онъ самъ пріѣхалъ и чтобы въ городѣ вспомоществовали своего государя, тогда имъ въ трубу отвѣтствовано было, что иного въ Кронштадтѣ государя не знаютъ, кромѣ нашего императорскаго величества. И такимъ образомъ, чтобъ немедленно ретировался или въ противномъ случаѣ пушками препровожденъ будетъ. Сіе отъ Кронштадта другое увѣдомленіе о нашемъ къ нему приближеніи столь много отвагу его поразило, что убѣжище онъ немедленно возъимѣлъ къ раскаянію, почему и прислалъ къ намъ два письма, первое черезъ вице-канцлера князя Голицына на французскомъ языкѣ, въ которомъ просилъ помилованія, а другое черезъ генералъ-маіора Михаила Львовича Измайлова своеручное же, писанное карандашемъ, чтобъ была бы только жизнь его спасена, а онъ ничего столько не желаетъ, какъ совершенно на вѣкъ свой отказаться отъ скипетра Россійскаго и намъ оный со всякимъ условіемъ и радостью оставить готовъ торжественнымъ во весь свѣтъ признаніемъ. Мы, принявъ таковыя его къ намъ смиренныя прошенія, послали ему отъ насъ самихъ своеручную же записку, - которою дали ему знать, чтобъ онъ вышеупомянутое удостовѣреніе далъ намъ письменно и своеручное, но такъ добровольно и непринужденно, что мы паче отъ его собственнаго поводу того ожидать будемъ, не употребляя никакихъ дѣломъ самымъ страховъ, съ чѣмъ мы къ нему того же генералъ-маіора Михаила Львовича Измайлова и отправили, ожидая его теперь отвѣта; впрочемъ, весь его дворъ уже къ намъ явился принести намъ въ вѣрности присягу, всѣ присягали. Что будетъ впередъ, о томъ васъ увѣдомимъ, а бывшихъ при немъ ближнихъ для предосторожности, подъ карауломъ, указали содержать. Сей моментъ бывшій императоръ къ намъ въ Петергофъ и удостовѣреніе своеручное, котораго и копію прилагаемъ, намъ

подалъ, а оригинальное мы сами сенату отдадимъ. Екатерина".

Черезъ 6 дней былъ опубликованъ длинный манифестъ всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ „духовнымъ, военнымъ и гражданскимъ", въ которомъ подробно приведены вины бывшаго императора и мотивы переворота, вызваннаго заботами о благѣ Россіи и о собственномъ самосохраненіи. Въ манифестѣ приведенъ и актъ отреченія Петра слѣдующаго содержанія: „Въ прошлое время правительства моего самодержавнаго Россійскимъ государствомъ, самымъ дѣломъ узналъ я тягость и бремя силамъ моимъ несогласное, чтобъ мнѣ не токмо самодержавно, но и какимъ бы то ни было образомъ правительства владѣть Россійскимъ государствомъ. Почему и возчувствовалъ я внутреннюю онаго перемѣну, наклоняющуюся къ... пріобрѣтенію себѣ вѣчнаго... безславія. Того ради помысливъ я самъ въ себѣ, безпристрастно и непринужденно черезъ сіе объявляю не токмо всему Россійскому государству, но и цѣлому свѣту торжественно, что я отъ правительства Россійскимъ государствомъ на весь мой вѣкъ отрицаюся, не желая ни самодержавнымъ, ниже инымъ какимъ-либо образомъ правительства, во всю жизнь мою въ Россійскомъ государствѣ владѣть, ниже онаго когда-либо или черезъ какую-либо помощь себѣ искать, въ чемъ клятву мою чистосердечную предъ Богомъ и всецѣлымъ свѣтомъ приношу нелицемѣрно, все сіе отрицаніе написавъ и подписавъ моею собственною рукою: Іюня 29 дня, 1762 года".

Екатерина щедро наградила своихъ приближенныхъ за содѣйствіе въ возведеніи ея на престолъ. Значительный наградный списокъ заключалъ въ себѣ четыре категоріи наградъ. Первая, состоявшая въ пожизненной пенсіи въ 5000 руб., была дана фельдмаршалу и малорос. гетману гр. К. Г. Разумовскому, оберъ-гофмейстеру великаго князя наслѣдника цесаревича, сенатору Н. П. Панину и генералъ-аншефу, сенатору кн. М. Н. Волконскому. Вторая въ 800 душъ крестьянъ (или въ 24,000 руб., считая душу по 30 руб.)—дана была 17 лицамъ. Третья въ 600 душъ (18,000 р.)—11 лицамъ. Четвертая отъ 500 до 300 душъ—9 лицамъ или, по желанію, соотвѣтствующее денежное вознагражденіе. Всего было роздано 18,000 душъ и 526,000 руб.

Изъ трехъ мѣстъ, представленныхъ на выборъ Петру, бывшій императоръ избралъ для себя Ропшу, гдѣ подъ строгимъ надзоромъ Орловыхъ, проводилъ время, не нуждаясь ни въ чемъ. Его неоднократно повторяемая просьба объ отправкѣ его въ Голштинію, какъ противорѣчившая планамъ Екатерины, каждый разъ была отклоняема.—Пребываніе въ Германіи бывшаго императора, который за границей легко могъ сдѣлаться орудіемъ политическихъ интригъ берлинскаго двора, во всякомъ случаѣ было не желательно.

Придя нѣсколько въ себя, ропшинскій узникъ сталъ очень раздражителенъ. Эта раздражительность была причиною его преждевременной смерти.—Поведеніе Петра очень раздражало караульныхъ гвардейцевъ. При всемъ этомъ и состояніе здоровья узника было очень ненадежно. Екатерина присылала къ нему врачей, сначала Лидерса, потомъ Паульсона, но они не находили ничего опаснаго. Онъ неожиданно умеръ 6 іюля послѣ ссоры съ княземъ Ѳеодоромъ Сергѣевичемъ Барятинскимъ.

Послѣ кончины бывшаго императора, его тѣло было привезено въ Петербургъ въ Александро-Невскую лавру и выставлено для прощанія народа. Лицо покойника открыли Всѣ могли его видѣть. Народа перебывало множество.

По просьбѣ сенаторовъ и согласно особому опредѣленію сената, въ заботахъ о слабомъ здоровьи Екатерины, она „не шествовала къ погребенію императора Петра III“. Екатерина была поражена преждевременной смертью своего мужа. „Эта смерть наводитъ на меня ужасъ, этотъ ударъ меня сокрушаетъ“, говорила она своей приближенной Дашковой.

По поводу смерти Петра III былъ изданъ манифестъ, который гласилъ: „Въ седьмой день послѣ принятія Нашего престола Всероссійскаго, получили Мы извѣстіе, что бывшій императоръ Петръ Третій, обыкновеннымъ и прежде часто случавшимся ему припадкомъ гемороидическимъ, впалъ въ прежестокую колику. Чего ради, не презирая долга Нашего христіанскаго и заповѣди святой, которою мы одолжены къ соблюденію жизни ближняго своего, тотчасъ повелѣли от-

править къ нему все, что потребно было къ предупрежденію слѣдствъ, изъ того приключенія опасныхъ во здравіи его, и къ скорому вспоможенію врачеваніемъ. Къ крайнему Нашему прискорбію и смущенію сердца, вчерашняго вечера, получили Мы другое, что онъ волею Бога скончался. Чего ради Мы повелѣли тѣло его привести въ монастырь Невскій для погребенія въ томъ-же монастырѣ; а между тѣмъ всѣхъ вѣрноподданныхъ возбуждаемъ и увѣщеваемъ Нашимъ Императорскимъ и Матернимъ словомъ, дабы безъ злопамятствія всего происшедшаго, съ тѣломъ Его послѣднее учинили прощаніе и о спасеніи души его усердныя къ Богу приносили молитвы; сіе же бы нечаянное въ смерти его Божіе опредѣленіе, принимали за промыслъ Его божественный, который онъ судьбами своими неисповѣдимыми Намъ, Престолу Нашему и всему отечеству строитъ путемъ, Его только святой воли извѣстнымъ. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, мѣсяца іюля 7 дня 1762 г. Екатерина".

IX.

Коронація императрицы Екатерины. Возвращеніе ссыльныхъ. Самостоятельность императрицы. Проектъ Панина ограниченія самодержавной власти. Переписка Екатерины съ Фридрихомъ прусскимъ, Іосифомъ австрійскимъ и др.

Коронованію Екатерина придавала громадное значеніе, и на пятый день послѣ 28 іюня ею уже было сдѣлано общее распоряженіе, касавшееся коронаціи. Главнымъ распорядителемъ торжества назначенъ князь Н. Ю. Трубецкій. На коронацію спеціально было ассигновано изъ государственнаго казначейства 50,000 руб.

Перваго сентября 1762 г. императрица отправилась въ Москву со всѣми высшими находившимися въ Петербургѣ правительственными лицами и дипломатическимъ корпусомъ. Москва на время опять стала средоточеніемъ всего государственнаго управленія. Въ Петербургѣ осталось только пять сенаторовъ, изъ которыхъ старѣйшему И. И. Неплюеву было предоставлено главноуправленіе, ввѣрялась главная команда „надъ всѣми гражданскими и военными дѣлами". 13 сентября состоялся торжественный въѣздъ Екатерины въ

Москву, а 22 сентября—коронація въ Успенскомъ соборѣ. Екатерина въ полномъ императорскомъ облаченіи, въ коронѣ и порфирѣ, съ державою и скипетромъ прошла по окончаніи литургіи въ архангельскій и благовѣщенскій соборы, чтобы приложиться къ мощамъ, причемъ по всему этому пути „метаны были въ народъ золотые и серебряные жетоны". Для раздачи денегъ народу изъ Петербурга были привезены 120 дубовыхъ бочекъ, вмѣщавшихъ каждая по 5,000 руб. серебряной монеты. Такъ же торжественно Екатерина возвратилась въ Кремлевскій дворецъ, гдѣ многимъ были назначены разныя отличія и почести. Вечеромъ дворецъ и весь Кремль были иллюминованы, а съ слѣдующаго дня начались коронаціонныя празднества, народные обѣды и балы для высшаго общества, богатое угощеніе простому народу съ фонтанами краснаго и бѣлаго вина, съ уставленными на нѣсколькихъ улицахъ столами съ яствами, питьями. 8 октября Екатерина посѣтила Троицкую лавру. Въ честь коронаціи, въ Москвѣ всю зиму продолжались празднества, маскарады, театральныя зрѣлища. Московское торжество закончилось путешествіемъ на богомолье въ Ростовъ, для поклоненія мощамъ св. Дмитрія Ростовскаго, открытымъ при Елисаветѣ. Екатерина рѣшила въ своемъ присутствіи поставить серебряную раку, которую приказала соорудить еще императрица Елисавета, неуспѣвшая осуществить своего намѣренія.

Императрица Екатерина вступила на престолъ и короновалась въ томъ возрастѣ, когда привычки и образъ дѣйствій болѣе или менѣе прочно устанавливаются и придаютъ лицу опредѣленную нравственную физіономію и устойчивость. Современники Екатерины, ближайшіе свидѣтели ея первыхъ самостоятельныхъ политическихъ шаговъ, довольно единодушно говорятъ, что, вступивъ на русскій тронъ, она нисколько не измѣнила своимъ привычкамъ, усвоеннымъ ею въ предшествовавшій періодъ своей жизни и попрежнему очаровывала всѣхъ своей величавой простотой.—Приближая къ себѣ людей самаго разнообразнаго положенія, она охотно выслушивала ихъ мнѣнія и совѣты, но всегда оставляла за собой право поступать по собственному усмотрѣнію.

Императрица далека была отъ мысли мстить своимъ личнымъ врагамъ, что, въ связи съ возвращеніемъ изъ ссылки многихъ лицъ, сосланныхъ при Елисаветѣ и Петрѣ, сразу создало популярность новому царствованію.

Гр. Елисавета Романовна Воронцова, изъ-за которой Екатеринѣ угрожало нѣкогда заточеніе въ монастырь, получила право свободнаго выѣзда за границу.

Въ дни переворота при Петрѣ находился старый приверженецъ Петра Ѳеодоровича —фельдмаршалъ Минихъ. По смерти Петра онъ также присягнулъ Екатеринѣ. Императрица хотя не приблизила его къ себѣ, но дала ему почетную должность главнаго начальника остзейскихъ портовъ.

Одного изъ наиболѣе приближенныхъ къ Петру, Гудовича, котораго низложенный императоръ просилъ увезти съ собою въ Голштинію, совершенно не безпокоили. Онъ удалился въ свою деревню. Другого близкаго человѣка къ Петру, Волкова. Екатерина назначила губернаторомъ. Шуваловы, хотя и играли при Петрѣ гораздо меньшую роль, чѣмъ при Елисаветѣ, продолжали въ новое царствованіе оставаться въ тѣни, но и относительно ихъ Екатерина не предприняла чего-либо въ возмездіе ихъ долгой къ ней вражды.

Болѣе опаснымъ врагомъ считался самолюбивый, умный Панинъ, желавшій вмѣсто Екатерины видѣть на престолѣ Павла и бывшій сторонникомъ ограниченія монархической власти... Екатерина приблизила его къ себѣ, внимательно выслушивала его совѣты и оказывала ему всевозможные знаки монаршаго благоволенія. Полагаютъ, что императрица потому именно и приблизила къ себѣ Панина, что предполагала въ немъ очень опаснаго для себя политическаго агитатора. Въ близкомъ и дружественномъ общеніи съ Панинымъ Екатерина видѣла лучшую гарантію безопасности его плановъ.

Кабинетамъ западно-европейскихъ дворовъ интересно было узнать, какой внѣшней политики будетъ держаться Россія въ международныхъ отношеніяхъ, кто будетъ главнымъ руководителемъ и вдохновителемъ политики новаго царствованія.

При своемъ вступленіи на престолъ Екатерина застала канцлеромъ Воронцова, имѣвшаго большую роль при Петрѣ III. Воронцовъ сначала отказался присягнуть императрицѣ, и его посадили подъ домашній арестъ. Послѣ смерти Петра онъ принесъ требуемую присягу и даже оставался нѣсколько мѣсяцевъ въ званіи канцлера, хотя не имѣлъ большого политическаго вліянія. Въ скоромъ времени онъ уѣхалъ заграницу. Впрочемъ, удаленіе отъ дѣлъ Воронцова и выѣздъ его заграницу объясняются недоразумѣніями не съ императрицею, а съ Панинымъ и Орловыми.

Императрица поспѣшила возвратить изъ ссылки своего стараго сторонника и друга Бестужева, бывшаго канцлера, который хотя и не имѣлъ прежняго политическаго значенія при дворѣ, тѣмъ не менѣе много помогъ императрицѣ своей государственной опытностью.—Кромѣ того, старшимъ членомъ иностранной коллегіи былъ назначенъ Н. Панинъ.

Такимъ образомъ при дворѣ номинально считалось нѣсколько лицъ съ важными политическими полномочіями, завѣдывавшими преимущественно иностранными дѣлами, но фактически ихъ вела самолично Екатерина.—Коллегія иностранныхъ дѣлъ постоянно испрашивала указаній императрицы по болѣе важнымъ дѣламъ, и Екатерина проявила въ этихъ дѣлахъ большую самостоятельность.

Первой нотой русскаго двора, касавшейся внѣшней политики, было объявленіе „всѣмъ дворамъ желанія императрицы о возстановленіи генеральной тишины“. И дѣйствительно, первые два года она посвятила главнымъ образомъ заботамъ объ укрѣпленіи своей власти.

Въ началѣ царствованія Екатерины II возобновилась попытка создать учрежденіе, напоминавшее верховный тайный совѣтъ или замѣнившій его кабинетъ, въ новой формѣ, подъ именемъ постояннаго совѣта императрицы. Составителемъ этого проекта высшей правительственной реформы былъ гр. Панинъ. По его плану, въ составъ императорскаго совѣта должно было войти 6—8 членовъ, на которыхъ возлагалось завѣдываніе различными отдѣльными частями управленія. Генер.-фельдцехмейстеръ Вильбуа писалъ императрицѣ по поводу этого проекта: „я не знаю, кто состави-

тель этого проекта, но мнѣ кажется, какъ будто онъ, подъ видомъ защиты монархіи, тонкимъ образомъ склоняется къ аристократическому правленію...“ Вильбуа былъ правъ. Императрица, впрочемъ, и сама прекрасно понимала олигархическій характеръ проекта Тяготѣя съ самаго ранняго возраста къ западно-европейскому либерализму и сочувствуя его главнѣйшимъ основаніямъ, она однако житейскимъ опытомъ понимала, что многое, пригодное на западѣ, непригодно для Россіи и старалась подъ разными предлогами откладывать разсмотрѣніе проекта... Чтобы не оскорбить однако автора, она не устраняла его окончательно, но послѣ коронаціи проектъ былъ окончательно сданъ въ архивъ.

Царствованіе Екатерины было не только самодержавнымъ, но, можно даже сказать, единоличнымъ. Самодержавная власть при Екатеринѣ находилась на необыкновенной высотѣ. Она сама была первымъ министромъ и, вставая въ 5 час. утра, отводила большую часть своего времени государственнымъ дѣламъ. На представленія Екатерины о самодержавіи вліялъ общій характеръ политическихъ идей времени, выразившихся, между прочимъ, въ теоріи просвѣщеннаго абсолютизма, теоріи, дававшей господствующее направленіе вѣнценоснымъ политикамъ XVIII в. Сущность этой теоріи заключается въ возведеніи центральной власти на степень разумнаго абсолютизма, освобожденія отъ стѣснительныхъ придатковъ. Идеи просвѣщеннаго абсолютизма ввели новыя оттѣнки въ понятіе государства и наложили на центральную власть сознаніе не только правъ, но и обязанностей. „Россійская имперія есть столь обширна, писала Екатерина, что, кромѣ самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей, ибо все прочее медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣетъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы втянутъ, нежели единаго государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію вреда и почитающаго общее добро своимъ собственнымъ“.

Понимая положеніе совѣтниковъ при тронѣ, императрица ищетъ полезныхъ людей, приближаетъ къ себѣ кн. Шаховскаго, котораго считаетъ опытнымъ въ государственныхъ дѣлахъ, Бецкаго,—тщеславнаго, но умнаго вельможу, начинаетъ переписку съ образованнымъ Сиверсомъ, но охотно

переписывается и съ простымъ Румянцевымъ. Люди самаго разнообразнаго общественнаго положенія находятъ для себя соотвѣтствующее мѣсто при тронѣ императрицы Екатерины. Стремленіе Екатерины найти для себя опору въ совѣтникахъ и приближенныхъ находитъ для себя оправданіе въ томъ обстоятельствѣ, что сенатъ, по характеру своей дѣятельности и особенностямъ въ рѣшеніи дѣлъ, далеко не оправдывалъ задачъ высшаго правительственнаго учрежденія въ Россіи. Екатерина не безъ удивленія узнала, что сенату не было извѣстно даже количество городовъ въ имперіи и что назначеніе имъ воеводъ производилось безъ всякаго соображенія съ государственными нуждами. На воеводство при Екатеринѣ, по старой памяти, смотрѣли, какъ на выгодную статью „кормленія". Карта россійской имперіи была неизвѣстна въ сенатѣ, и Екатерина не безъ юмора разсказываетъ, какъ она „послала пять рублей въ Академію Наукъ черезъ рѣку отъ сената и купленный тамъ Кирилловскій печатный атласъ въ тотъ же часъ подарила Правительствующему Сенату".

На докладѣ одной изъ комиссій о прежнемъ порядкѣ дѣлъ, по которому „для неутружденія многимъ и излишнимъ читаніемъ, подносимы были государямъ экстракты только изъ министерскихъ реляцій, заключавшіе въ себѣ нужнѣйшее къ свѣдѣнію", Екатерина написала резолюцію, которой приказывала доставлять ей точныя реляціи, а не экстракты. Она „желаетъ знать состояніе всякаго двора, какія производятся негоціаціи такъ же, какъ и внутреннія распоряженія". Съ особенной внимательностью она относилась къ докладамъ иностранныхъ пословъ... Въ бесѣдѣ съ ними она изощряла свою политическую опытность.

Стараясь по возможности обходится безъ собственныхъ министровъ, Екатерина стремится также устранить посредничество иностранныхъ и охотно заводитъ прямыя сношенія съ самыми коронованными лицами. Собственноручная переписка ея, напр., съ прусскимъ королемъ за время съ 1762 по 1781 г. заключаетъ около 200 писемъ. Главнымъ предметомъ содержанія этихъ писемъ служатъ польскія и турецкія дѣла.

Брикнеръ такъ говорилъ объ этой перепискѣ. „Императрица и король обращаютъ большое вниманіе на внѣшнюю сторону писемъ, соблюдая при этомъ нѣкоторыя правила этикета. Однако, въ оживленной бесѣдѣ между этими коронованными лицами, имѣющей иногда характеръ остроумной болтовни, есть много веселости и живости. Комплименты, лесть занимаютъ въ этихъ письмахъ видное мѣсто. Средоточіемъ переписки остаются дѣла; въ ней оказывается главною чертою холодный расчетъ двухъ государей, бывшихъ каждый своимъ собственнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Фридрихъ и Екатерина отличаются при этомъ случаѣ замѣчательнымъ политическимъ искусствомъ". Для политической исторіи Россіи и Пруссіи второй половины XVIII в. переписка Екатерины II съ Фридрихомъ даетъ богатый матеріалъ. Она велась почти двадцать лѣтъ, до 1780 г. Моменты нѣкотораго неудовольствія во взаимныхъ отношеніяхъ Екатерины и Фридриха (во время турецкой войны) не прекращали переписки. Въ общемъ интересы Россіи и Пруссіи во все это время шли рука объ руку. Иногда Фридрихъ и Екатерина посылали другъ другу подарки, и нерѣдко въ своихъ письмахъ затрагивали частныя личныя дѣла.

Отношеніе Екатерины къ вопросамъ внѣшней политики нашло для себя болѣе полное выраженіе въ ея перепискѣ съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II. Со времени пребыванія Іосифа II въ Россіи, отношенія его къ императрицѣ принимаютъ характеръ личной симпатіи и дружественнаго политическаго союза. Іосифъ II и Екатерина любили дѣйствовать вполнѣ самостоятельно и сами управляли всѣми дѣлами, не нуждаясь въ помощи своихъ секретарей. Поэтому ихъ переписка представляетъ собою свободное выраженіе ихъ политическихъ взглядовъ, чуждыхъ офиціальностей и этикетныхъ условностей. Важнѣйшіе политическіе вопросы трактуются здѣсь наравнѣ съ семейными дѣлами. О привитіи оспы князьямъ Александру и Константину говорится въ томъ же тонѣ, въ какомъ обсуждается вопросъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы; пребываніе Павла Петровича и Маріи Θеодоровны въ Вѣнѣ оказывается столь же важнымъ предметомъ переписки, какъ вопросъ объ обмѣнѣ Нидерландовъ на Баварію.

Императрица Екатерина II вела также переписку съ польскимъ королемъ, Понятовскимъ, со шведскимъ королемъ Густавомъ III и др. Вездѣ встрѣчается остроуміе, склонность къ шуткамъ и колкостямъ, въ тѣсной связи съ необычайною ясностью и проницательностью въ отношеніи къ политическимъ вопросамъ, полнѣйшее пониманіе частностей и техники политическихъ дѣлъ, соединенное съ блестящимъ литературнымъ талантомъ. Тѣми же чертами отличается и переписка императрицы съ находившимися при иностранныхъ дворахъ русскими дипломатами, съ разными полководцами, сановниками, корреспондентомъ Гримомъ и другими.

X.

Бунты и заговоры въ царствованіе Екатерины. Попытка освобожденія Іоанна Антоновича. Мелкіе бунтовщики. Пугачевскій бунтъ.

Въ царствованіе Екатерины было много бунтовъ и заговоровъ. Можно даже сказать, что бунты и заговоры, возникавшіе въ разныхъ мѣстахъ государства, не прекращались во все время ея царствованія. Заговоры возникали преимущественно среди высшаго общества военныхъ, а бунты— среди крестьянъ.

Недовольство нѣкоторыхъ военныхъ противъ Екатерины выростало на почвѣ зависти къ тѣмъ изъ товарищей, кто содѣйствовалъ ея возведенію на престолъ и кто былъ облагодѣтельствованъ императрицей, которая однако не могла въ равной степени отблагодарить всѣхъ, такъ какъ въ переворотѣ 27—30 іюня участвовала масса войскъ (по словамъ Екатерины, „послѣдній солдатъ гвардіи считалъ себя виновникомъ ея воцаренія“). Особеную зависть возбуждали братья Орловы, къ которымъ Екатерина обнаруживала вниманіе.

Дни коронаціи Екатерины омрачились заговоромъ офицеровъ Хрущева и Гурьева, которые, ставъ во главѣ партіи недовольныхъ новымъ царствованіемъ, задумали свергнуть императрицу съ престола. До какихъ либо рѣшительныхъ дѣйствій заговоръ однако не дошелъ. Заговорщики своевременно были открыты и преданы суду. Фельдмаршалъ Разу-

мовскій, сенаторъ Суворовъ и генералъ-поручикъ Вадковскій въ теченіе четырехъ дней производили тайное разслѣдованіе по этому поводу и ничего особенно преступнаго не нашли, кромѣ „произношенія непристойныхъ рѣчей", за которыя они предлагали императрицѣ перевести виновниковъ въ армію".—Но Екатерина взглянула на дѣло иначе и пожелала, чтобы дѣло вторично было разсмотрѣно сенатомъ. Строгіе сенаторы послѣ однодневнаго разбирательства приговорили не только виновныхъ къ смертной казни, но даже постановили сослать двухъ такихъ виновныхъ (Сухотиныхъ), у которыхъ „по дѣлу никакой вины не значится". Екатерина не согласилась ни съ тѣмъ, ни съ другимъ судебнымъ опредѣленіемъ и приказала сослать виновныхъ въ Сибирь. 28 октября 1763 г. въ Москвѣ раздался барабанный бой, созывавшій народъ. Толпы народа устремились на Красную площадь, гдѣ послѣ прочтенія объявленія преступники „были шельмованы".

Вскорѣ послѣ этого былъ открытъ въ Москвѣ новый заговоръ камеръ-юнкера Хитрово, который въ сообществѣ съ нѣкоторыми офицерами возсталъ противъ предполагаемаго брака Екатерины съ Григоріемъ Орловымъ (чему между прочимъ сочувствовалъ Бестужевъ). Тайный арестъ и высылка Хитрово вызвали въ Москвѣ волненіе, побудившее Екатерину издать и огласить оригинальный манифестъ, который она сама, въ письмѣ къ генералъ-прокурору Глѣбову, мѣтко назвала „манифестомъ о молчаніи". Манифестомъ воспрещались непристойныя разсужденія и толки по дѣламъ, до правительства относящимся. „Противу всякаго чаянія", говорилось въ манифестѣ, „являются такіе, развращенныхъ нравовъ и мыслей люди, которые не о добрѣ общемъ и спокойствіи помышляютъ, но какъ сами заражены странными разсужденіями о дѣлахъ, совсѣмъ до нихъ не принадлежащихъ, не имѣя о томъ прямого свѣдѣнія, такъ стараются заражать и другихъ слабоумныхъ... но мы прежде употребленія въ семъ случаѣ всей строгости, по природному нашему человѣколюбію, всѣхъ таковыхъ, зараженныхъ неспокойными мыслями, матерински увѣщаемъ удалиться отъ всякихъ вредныхъ разсужденій, нарушающихъ покой и тишину, прилежа единственно званію своему и препровождая

время не въ праздности или невѣжествѣ и бранствѣ, но въ полезныхъ и свойственныхъ каждому упражненіяхъ на пользу свою и ближняго".

Манифестъ однако не достигъ своей цѣли. Онъ далъ лишній поводъ къ разнымъ толкамъ въ провинціи, которой до этого времени совершенно были безразличны придворныя сплетни.

Тяжелое впечатлѣніе произвело на общество дѣло Мировича, кончившееся преждевременной, насильственной смертью Іоанна Антоновича, который сначала жилъ въ Холмогорахъ, а затѣмъ съ 1751 года былъ переведенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Въ 1762 г. Іоанну Антоновичу было 22 года. Екатерина въ манифестѣ по дѣлу Мировича всенародно заявила, что она „увидѣла въ принцѣ Іоаннѣ, кромѣ весьма ему тягостнаго и другимъ почти невразумительнаго косноязычества, лишеніе разума и смысла человѣческаго". Бильбасовъ цѣлымъ рядомъ интересныхъ, документальныхъ сопоставленій, опровергаетъ это мнѣніе. Тѣмъ нежелательнѣе былъ, конечно, для Екатерины этотъ невольный претендентъ на престолъ, содержавшійся въ строгомъ заключеніи. Строго держали Іоанна при Елисаветѣ, но Петръ III, по вступленіи на престолъ, усилилъ эту строгость новымъ распоряженіемъ: „буде сверхъ нашего чаянія, ктобъ отважился арестанта у васъ отнять, въ такомъ случаѣ противиться сколько можно и арестанта живаго въ руки не отдавать". Это приказаніе Екатериною отмѣнено не было и оно косвенно послужило поводомъ къ убійству Іоанна Антоновича.

Дѣло было такъ. Одинъ изъ офицеровъ стоявшаго въ Шлиссельбургѣ смоленскаго пѣхотнаго полка, подпоручикъ Василій Мировичъ, случайно узнавъ, что въ Шлиссельбургской крѣпости, въ которой смоленскій полкъ держалъ караулъ, находится „бывшій императоръ", составилъ планъ освободить арестанта и совершить въ его и, конечно, въ свою пользу новый государственный переворотъ. Мировичъ понималъ, что одному ему не справиться съ столь сложнымъ дѣломъ и нашелъ себѣ единомышленника въ лицѣ поручика Ушакова. Случилось однако, что Ушакову начальство дало порученіе итти въ Смоленскъ, и онъ на возвратномъ пути утонулъ въ р. Шелони. Тогда Мировичъ рѣ-

шился дѣйствовать одинъ. Охотно заступая своихъ товарищей въ караульной службѣ и подробно ознакомившись съ расположеніемъ крѣпости, находившейся на островкѣ, противъ города, онъ въ началѣ іюня 1764 г. рѣшился привести свой планъ въ исполненіе.—Незадолго до происшествія онъ подговаривалъ нѣкоторыхъ капраловъ и солдатъ къ участію въ бунтѣ и даже успѣлъ склонить на свою сторону тюремщика, капитана Власьева. Власьевъ, сначала соглашавшійся съ планами Мировича, потомъ раздумалъ и далъ знать о готовившемся переворотѣ графу Панину, которому Екатерина поручила вѣдать всѣ „тайныя дѣла".

Стоя однажды на караулѣ ночью, Мировичъ ударилъ тревогу, собралъ солдатъ до 45 человѣкъ и повелъ ихъ на гарнизонъ крѣпости, состоявшей изъ 30 солдатъ, коменданта Бередникова и двухъ офицеровъ Чекина и Власьева. Заслышавъ шумъ, Бередниковъ вышелъ изъ своего помѣщенія и тотчасъ же былъ раненъ и взятъ подъ караулъ. Подойдя къ казармѣ, гдѣ заключался Іоаннъ Антоновичъ, Мировичъ завязалъ перестрѣлку съ стражей.—Для большаго воодушевленія своихъ приверженцевъ Мировичъ прочиталъ имъ заранѣе составленный манифестъ и велѣлъ выдать „императора", грозя въ противномъ случаѣ стрѣлять съ бастіонной пушки, которую зарядилъ. Власьевъ и Чекинъ, видя колебаніе своихъ солдатъ и памятуя пунктъ инструкціи, по которому арестанта ни въ какомъ случаѣ не велѣно было отдавать живымъ, убили несчастнаго плѣнника. Видя весь свой планъ разрушеннымъ, Мировичъ безъ сопротивленія отдался во власть пришедшаго коменданта. Екатерина въ то время путешествовала по остзейскому краю и находилась въ Ригѣ. Панинъ послалъ ей подробный отчетъ о всемъ дѣлѣ. Императрицѣ пришлось вторично пережить потрясеніе, при вѣсти о смерти претендента. Конечно, ей было пріятно, что послѣдній претендентъ на престолъ былъ устраненъ, но она не могла быть покойной. Императрица могла предполагать обширный планъ заговора многихъ участниковъ. Притомъ же у Іоанна Антоновича были братья, жившіе въ Холмогорахъ. Скорбь и негодованіе по случаю быстро распространившагося извѣстія о кончинѣ Ивана были общими. По наблюденію одного изъ современниковъ, даже простолю-

дины рѣзко и смѣло разсуждали публично объ этомъ событіи. Хотя Панинъ не придавалъ бунту Мировича общаго значенія и не думалъ, чтобы оно могло чѣмъ либо осложниться, Екатерина однако поспѣшила въ Петербургъ. „У меня сердце щемитъ, пишетъ она съ дороги Панину, когда я думаю объ этомъ дѣлѣ... Провидѣніе дало мнѣ ясный знакъ своей милости, давши такой оборотъ этому предпріятію. А наше зло пресѣчено въ корню, однако я боюсь, чтобы въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, глухіе слухи не надѣлали бы много несчастныхъ... Надо до фундамента знать, сколь далеко дурачества распространились...“ Судъ надъ Мировичемъ назначенъ былъ изъ членовъ сената и синода, президентовъ коллегій, разныхъ высшихъ сановниковъ, всего въ составѣ 48 лицъ. Мировичъ повинился во всемъ. 9-го сентября виновному былъ произнесенъ смертный приговоръ, а 15-го совершена казнь. Изданный Екатериною по этому поводу обстоятельный манифестъ вызвалъ, какъ это всегда бываетъ, оживленные толки не только въ Россіи, но и заграницей.—Екатерину между прочимъ упрекали въ преданіи дѣлу излишней гласности. По этому поводу императрица въ одномъ дружескомъ письмѣ даетъ объясненіе, свидѣтельствующее о ея глубокомъ государственномъ умѣ: „Вы разсуждаете о манифестѣ, какъ слѣпой о цвѣтахъ; онъ былъ сочиненъ вовсе не для иностранныхъ державъ, а для того, чтобы увѣдомить россійскую публику о смерти Іоанна; надобно было сказать, какъ онъ умеръ; болѣе ста человѣкъ были свидѣтелями его смерти“.

Характернымъ представляется тотъ фактъ, что память о Петрѣ III, нелюбимомъ и самомъ непопулярномъ императорѣ,—пустила тѣмъ не менѣе глубокіе корни въ народѣ и создала почву, на которой низшіе классы, недовольные своимъ бытомъ, основали лучшія свои чаянія и мечтанія. Хотя эти мечтанія имѣли утопическій характеръ, тѣмъ не менѣе народъ, во имя своихъ затаенныхъ думъ, часто подымалъ бунты, которые, по выраженію Брикнера, служили вѣрнымъ показателемъ обще-патологическаго состоянія народныхъ массъ въ царствованіе Екатерины. Основаніемъ для народной политической идеализаціи личности Петра III могли отчасти послужить распоряженія Петра III

объ отобраніи отъ монастырей земель. Раскольники при Петрѣ также чувствовали себя лучше. Правда, въ противовѣсъ этимъ слухамъ, царствованіе Екатерины могло противопоставить молву объ освобожденіи крестьянъ... Это привлекло въ первые годы симпатіи крестьянъ къ Екатеринѣ. Но такъ какъ эти слухи не оправдывались, то народъ съ тѣмъ большей легкостью отшатнулся отъ Екатерины. Много также народныхъ неудовольствій было вызвано обстоятельствами, которыми сопровождались въ 1770—1771 г. мѣры къ прекращенію чумы въ Москвѣ.

Чѣмъ бы ни объяснять неудовольствія народа въ царствованіе Екатерины, фактъ безспорный, что оно существовало въ широкихъ размѣрахъ. По счету самой Екатерины, въ народныхъ движеніяхъ и бунтахъ въ первые годы ея царствованія участвовало до 200,000 крестьянъ, противъ которыхъ предпринимались настоящія военныя экспедиціи съ пушками.—Лже-Петры не переводились во все время пребыванія Екатерины на престолѣ. Любопытенъ перечень этихъ самозванцевъ въ ихъ хронологической преемственности (по Брикнеру—„Ист. Екат. II", ч. I. 208—214).

Солдатъ Гаврила Кремневъ въ 1765 г. ѣздилъ по разнымъ селамъ Воронежской губ., называясь Петромъ III и обѣщая народу разныя льготы. Кремнева схватили, сѣкли кнутомъ во всѣхъ селахъ, гдѣ онъ о себѣ разглашалъ и сослали на вѣчную каторгу.

Бѣглый солдатъ Петръ Чернышевъ объявилъ себя государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ въ слободѣ Купянкѣ (нынѣшней Харьковской губ.). Его также сослали на каторгу въ Нерчинскъ, гдѣ онъ, впрочемъ, продолжалъ выдавать себя за императора.

Въ 1771 г. на юго-востокѣ Россіи, близъ Дубовки, появился новый лже-Петръ, но бунтъ былъ прекращенъ въ самомъ началѣ,

Въ 1773 г. появлялся Пугачевъ.

Въ 1774 г. выдавали себя за Петра III Ѳома Мосягинъ и Метелка.

Въ 1776 г. назвалъ себя Петромъ III воронежскій крестьянинъ Сергѣевъ.

Въ 1780 г. въ низовьяхъ Волги нѣкто Ханинъ выдавалъ себя за Пугачева и тѣмъ самымъ за Петра III.

Были въ царствованіе Екатерины самозванцы, принимавшіе на себя имена мнимыхъ сыновей и дочерей императрицы Елисаветы.

Въ 1769 году въ Нарвѣ молодой офицеръ Опочининъ самозванно выдавалъ себя за сына императрицы Елисаветы Петровны и англійскаго короля, который будто-бы пріѣзжалъ въ Россію. Самозванецъ, впрочемъ, признавалъ права Екатерины и ея сына Павла на русскій престолъ. Онъ отводилъ себѣ мѣсто царствованія вслѣдъ за Павломъ, который „очень слабъ здоровьемъ". Опочинина сослали въ Сибирь. Въ 1780 г. онъ получилъ разрѣшеніе поселиться безвыѣздно у родственниковъ.

Къ 1774 г. совершенно неожиданно открылась мнимая дочь Елисаветы, извѣстная подъ именемъ княжны Таракановой, съ именемъ которой въ царствованіе Екатерины соединялось очень много разныхъ вымышленныхъ исторій. Эта самозванка славилась необыкновенной красотою. Заграницею она вращалась въ разныхъ высшихъ слояхъ общества, гдѣ многихъ сводила съ ума, и вскорѣ примкнула къ польской эмиграціонной партіи. Сама-ли она додумалась до необычайнаго самозванства, или ей оно было внушено, судить трудно; но во всякомъ случаѣ княжна явилась очень послушнымъ орудіемъ въ рукахъ лицъ, желавшихъ ослабить величіе царствованія Екатерины предъявленіемъ хоть какой-нибудь конкурентки на ея тронъ. Несмотря на то, что княжну Тараканову негласно поддерживало, какъ говорили, французское правительство и даже такіе опытные интриганты, какъ іезуиты, она вела себя неосторожно и неумно. То ей во что бы то ни стало хотѣлось склонить на свою сторону Алексѣя Орлова, стоявшаго въ то время съ русскою эскадрою въ итальянскихъ водахъ; то она почему то разсчитывала на рѣшительную помощь турецкаго султана; Пугачева назвала своимъ братомъ и т. п. Орловъ донесъ о сумасбродкѣ императрицѣ, и Екатерина приказала ему, если можно, хитростью овладѣть самозванкою, а въ случаѣ невозможности, употребить угрозы и даже военную силу.

Но до этого не дошло. Орловъ сумѣлъ обманомъ завлечь авантюристку въ Ливорно, а потомъ заманить на свой корабль, гдѣ она была арестована. Въ маѣ 1775 г. ее доставили въ Петербургъ и заточили въ Петропавловскую крѣпость. Но замѣчательно, что даже пойманная и изобличенная въ распространеніи ни на чемъ неоснованныхъ слуховъ, княжна Тараканова упорно продолжала вести свою роль: писала разнымъ лицамъ письма и даже самой Екатеринѣ, пока не заболѣла скоротечной чахоткой, отъ которой и умерла 4 декабря 1775 г. Хотя смерть ея была удостовѣрена свидѣтелями очевидцами, молва разнесла слухъ, что мнимая принцесса погибла будто бы во время бывшаго въ 1777 году наводненія, когда всѣ казематы Петропавловской крѣпости были залиты водою; при этомъ разсказывалось, что русское правительство, желая смерти Таракановой, нарочно не приняло мѣръ для ея спасенія. Вымышленный трагическій конецъ кн. Таракановой художественно увѣковѣченъ картиной художника Флавицкаго, находящейся въ Москвѣ, въ извѣстной третьяковской галлереѣ.

Въ 1778 г. въ Курляндіи явился самозванецъ, выдавшій себя за Іоанна Антоновича. По разслѣдованіи оказалось, что это былъ кременчугскій купецъ Тимоѳей Курзиловъ, бѣжавшій отъ своихъ кредиторовъ.

Кромѣ самозванцевъ, Екатеринѣ приходилось еще бороться съ довольно сильнымъ общественнымъ теченіемъ въ пользу политическихъ правъ наслѣдника Павла, который былъ ея соперникомъ на престолъ еще при Елисаветѣ, предполагавшей одно время устранить Петра въ пользу Павла. Въ 1767 г., когда Екатерина была въ Москвѣ, нѣкоторая часть военныхъ открыто заговорила о томъ, что „надобно возвести на престолъ его высочество, чтобы отвратить народное отягощеніе“. Во главѣ этого движенія сталъ Озеровъ. Послѣ допроса онъ былъ сосланъ въ Сибирь.

Въ 1769 г. вмѣстѣ съ Опочининымъ затѣялъ заговоръ противъ Екатерины корнетъ Батюшковъ, тоже въ пользу Павла. Его также сослали и помиловали только по воцареніи Павла, который облагодѣтельствовалъ всѣхъ, хоть чѣмъ-нибудь заявившихъ къ нему свою симпатію.

Въ 1771 г. въ самомъ отдаленномъ углу Россіи, въ Камчаткѣ возникъ бунтъ въ пользу Павла Петровича, начатый сосланнымъ туда военноплѣннымъ венгерцемъ Беневскимъ, къ планамъ котораго присоединились другіе политическіе ссыльные. Бунтовщики имѣли нѣкоторый успѣхъ: овладѣли казной и приводили жителей къ присягѣ императору Павлу. Но бунтъ былъ лишь предлогомъ для болѣе или менѣе безопаснаго бѣгства въ Европу. Нѣкоторые участники погибли во время плаванія, а другіе получили въ 1772 г. разрѣшеніе Екатерины вернуться въ Россію.

Въ 1772 г. нѣсколько молодыхъ гвардейскихъ солдатъ и офицеровъ снова задумали устранить Екатерину и возвести на престолъ Павла. Заговорщики были сосланы въ Сибирь.

Даже заграницей, на далекомъ Балканскомъ полуостровѣ появлялись въ разное время трое лже-Петровъ; но конечно, это были для Екатерины самые безопасные самозванцы.

Всѣ эти бунты и заговоры не привели ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Но они показывали, какъ много въ различныхъ слояхъ русскаго общества возбудительныхъ, горячихъ, такъ сказать, элементовъ, которые, при малѣйшемъ поводѣ, готовы были вспыхнуть. Это обстоятельство создавало для царствованія Екатерины очень нервную обстановку, и если ни одинъ изъ этихъ бунтовъ не принялъ серьезныхъ размѣровъ, то благодаря лишь тому, что Екатерина каждый разъ, при начинавшемся серьезномъ теченіи недовольства, сумѣла показать силу своей власти и яснаго политическаго такта, который не измѣнялъ ей во все время ея царствованія.

Былъ однако въ царствованіе Екатерины бунтъ, который, вслѣдствіе благопріятно сложившихся для бунтовщика обстоятельствъ, слилъ въ себѣ значительную часть всѣхъ предшествовавшихъ бунтовъ, принялъ очень широкіе размѣры народнаго движенія и стоилъ государству большихъ хлопотъ. Крупной фигурой, давшей свое имя этому народному движенію, былъ извѣстный Пугачевъ.

Емельянъ Пугачевъ,—сынъ донского казака,—состоялъ офицеромъ на русской военной службѣ, участвовалъ въ се-

милѣтней и турецкой войнѣ и нѣкоторое время скитался у раскольниковъ. Это была натура рѣшительная, энергичная, отзывчивая на всякія рискованныя предпріятія, безъ всякаго соображенія о законности и нравственномъ достоинствѣ этихъ предпріятій. За содѣйствіе бѣгству одного преступника Пугачевъ былъ заключенъ въ казанскую тюрьму. Спасаясь отъ суда, онъ бѣжалъ на Яицкъ, гдѣ легко поднялъ бунтъ среди яицкихъ казаковъ, желавшихъ напомнить русскому правительству о своихъ прежнихъ вольностяхъ и правахъ. Пугачевъ важно обращался съ простымъ народомъ, который жаловалъ вольностью, а раскольниковъ—крестомъ и бородою. Онъ окружилъ себя оригинальнымъ дворомъ, состоявшимъ изъ разныхъ проходимцевъ, которые однако очень мало оказывали почтенія своему повелителю и подчасъ обращались съ нимъ грубо. Въ ихъ рукахъ Пугачевъ былъ лишь мишенью, около которой группировались недовольные...

Въ пугачевскомъ бунтѣ, принимала главное участіе толпа, чернь, раздраженная непорядками государственнаго строя, тяжелыми податями и рекрутскими наборами. Важнымъ элементомъ въ войскахъ Пугачева явились также разнаго рода бродяги, искавшіе случая пограбить, беззаботно пожить въ свое удовольствіе. Пугачевскій бунтъ былъ борьбою низшихъ сословій за право своего лучшаго существованія.

— „У насъ на границахъ казанскаго царства свирѣпствуетъ политическая чума, которая доставляетъ намъ много заботъ", писала Екатерина въ 1773 г., не предполагая еще въ то время, до какихъ размѣровъ можетъ дойти эта чума. Она продолжалась болѣе года и охватила значительный районъ русскаго государства.

Пугачевъ, обѣщая крестьянамъ свободу, предполагалъ истребить притѣснителей-дворянъ. Никакая другая программа не могла такъ хорошо подойти подъ обще-народное недовольство... и успѣхъ дѣла, поднятаго Пугачевымъ, вначалѣ былъ обезпеченъ. Вся осень 1773 г. была почти сплошнымъ тріумфомъ бунтовщиковъ. Одинъ за другимъ имъ сдаются города и крѣпости. Занята Самара, предпринята осада Оренбурга. Мятежъ охватилъ весь юго востокъ Россіи. У Пугачева насчитывалось до 25,000 войска, правда неособенно

дисциплинированнаго, но вполнѣ достаточнаго, чтобы, пользуясь отдаленностью края военныхъ дѣйствій и нѣкоторыми слабыми сторонами русской арміи,—произвести временную панику въ странѣ и поднять надежды массъ на осуществленіе ихъ чаяній. Русскій генералъ Каръ струсилъ предъ полчищами Пугачева. Размѣры бунта приняли бы болѣе широкіе размѣры, если бы Пугачевъ не стоялъ безплодно полъ года подъ Оренбургомъ, а пошелъ бы въ Москву, гдѣ ему въ тайнѣ сочувствовалъ весь простой народъ. („То ли будетъ еще.. Такъ ли тряхнемъ Москвой", говорили пугачевцы).

Приходилось принимать серьезныя мѣры. Противъ Пугачева былъ посланъ А. И. Бибиковъ, опытный въ бояхъ генералъ, съ нѣсколькими полками, въ подкрѣпленіе мѣстныхъ, правда немногочисленныхъ войскъ. Казанское дворянство вооружило на свой счетъ войска. „Колико возможно, не теряйте времени и старайтесь прежде весны окончить сіи хлопоты", пишетъ Бибикову императрица. Бибиковъ вполнѣ ясно понялъ положеніе вещей. „Не Пугачевъ важенъ, а важно всеобщее негодованіе, а Пугачевъ чучела, котораго воры яицкіе казаки играютъ", писалъ Бибиковъ Екатеринѣ. Онъ жалуется на неспособность и недобросовѣстность служащихъ, на слабость и глупость офицеровъ, на ненадежность гарнизоновъ, на невѣжество и „слѣпоту жителей". „Поздненько хватились", говоритъ онъ въ другомъ письмѣ. Побѣды другого генерала, Голицына, нѣсколько поправили положеніе вещей, но осада Оренбурга прекратилась только въ мартѣ 1774 года. Въ апрѣлѣ Бибиковъ умеръ отъ изнеможенія и напряженія силъ. Нѣкоторое время, до пріѣзда П. И. Панина, военными дѣйствіями руководилъ Павелъ Потемкинъ, человѣкъ нерѣшительный и малоспособный въ военномъ дѣлѣ. Пользуясь временной обстановкой наступательнаго движенія русскихъ войскъ, мятежники опять сплотились и заняли Казань. Обстоятельства благопріятствовали имъ. Въ Казани было сосредоточено нѣсколько тысячъ разнаго рода арестантовъ и колодниковъ. Получивъ свободу, они усилили собою количество бунтовщиковъ. Городъ былъ весь ограбленъ, около 2,000 домовъ предано пламени. Задумавъ исправить свою прошло-

годнюю ошибку, Пугачевъ теперь окончательно рѣшилъ итти на Москву. Только Петръ Ивановичъ Панинъ (братъ Никиты Ивановича) сумѣлъ объединить военныя отдѣльныя мѣры, пополнить недостатокъ военныхъ припасовъ и внушить солдатамъ нѣкоторую дисциплинарную выдержку и мужество. По мѣрѣ того, какъ русскія войска постепенно пріобрѣтали стойкость и правильную военную организацію, въ войскахъ Пугачева началась дизорганизація. Пугачевъ зазнавался и позволялъ себѣ дѣйствія, возмущавшія его сообщниковъ. Народъ тоже постепенно разочаровывался въ Пугачевѣ, который часто дѣйствовалъ террористически, насильно заставляя присоединиться къ своимъ полчищамъ. Положеніе народа въ восточныхъ областяхъ было самое ужасное. Съ одной стороны, его грабятъ бунтовщики и подъ угрозою смерти принуждаютъ помогать мятежу, съ другой, немного погодя, являются представители военной власти и жестоко расправляются за участіе въ бунтѣ. Наконецъ, снова приходятъ сторонники Пугачева и вѣшаютъ всѣхъ, непризнававшихъ Петра III. Отсутствіе правильной организаціи у бунтовщиковъ и начавшаяся взаимная рознь между ихъ предводителями значительно облегчили задачу правительственныхъ войскъ. Въ августѣ 1770 г. генералу Михельсону удалось нанести мятежникамъ большое пораженіе при Царицынѣ. Пугачевъ бѣжалъ на Уралъ. Когда къ войску прибылъ Суворовъ, самозванецъ еле держался и вскорѣ былъ выданъ своими же товарищами. Голова его была оцѣнена сначала въ 500 р., а потомъ въ 28,000 руб. Его заключили въ клѣтку, отправили въ Москву, гдѣ онъ и былъ казненъ 10 января 1775 г.

Пугачевскій бунтъ имѣлъ большое значеніе для Екатерины. Онъ обнаружилъ недостатки какъ военной русской организаціи, такъ и двоедушный характеръ многихъ русскихъ правительственныхъ учрежденій, предававшихся самозванцу, а главное, онъ показалъ всѣ больныя мѣста народной жизни, имѣвшей право на большое вниманіе къ себѣ со стороны правительства. На обстоятельствахъ, сопровождавшихъ пугачевскій бунтъ, Екатерина имѣла полную возможность убѣдиться, что десятилѣтнее ея царствованіе далеко не дало тѣхъ плодотворныхъ результатовъ, о которыхъ

она мечтала еще до воцаренія, и, быть можетъ, считала до извѣстной степени достигнутыми,—убаюканная льстивыми отчетами и докладами своихъ помощниковъ.

XI.

Вопросъ о церковныхъ и монастырскихъ владѣніяхъ. Дѣло Арсенія Мацѣевича. Отношеніе императрицы Екатерины къ іезуитамъ, католикамъ, евреямъ.

Хотя Екатерина по происхожденію принадлежала къ протестантской семьѣ, но, принявъ православіе, она стала ревностной исполнительницей всѣхъ обрядовъ православія.— Она исполняла посты, часто посѣщала православныя богослуженія, и никто не могъ упрекнуть императрицу въ томъ, чтобы она когда-либо поступилась интересами своего новаго вѣроисповѣданія, которое вначалѣ приняла не безъ внутренняго колебанія. Энергично защищая права православія, она умѣла отдѣлять интересы вѣроисповѣданія отъ личныхъ интересовъ духовныхъ лицъ. Въ лицѣ Бестужева она нашла себѣ ревностнаго единомышленника въ проведеніи своихъ духовныхъ реформъ.

Вниманіе императрицы привлекъ прежде всего старый вопросъ объ имущественныхъ владѣніяхъ церквей и монастырей. Еще въ царствованіе Елисаветы вопросъ о монастырскихъ крестьянахъ принялъ острый характеръ. Въ началѣ своего царствованія Елисавета возвратила имѣнія монастырямъ и церквамъ. Но подъ конецъ царствованія, въ 1787 г. и она, съ окружавшими ее сановниками пришла къ убѣжденію въ необходимости передать управленіе церковными имуществами въ свѣтскія руки. Исполняя предначертанія Елисаветы, Петръ III приказалъ передать управленіе церковными имуществами коллегіи - экономіи. Но производимыя для этой цѣли описи церковныхъ имуществъ велись при Петрѣ III крайне произвольно.

При вступленіи на престолъ Екатерины II, архіереи просили о возвращеніи имъ управленія церковными имуществами. Екатерина, по совѣту Бестужева-Рюмина, вначалѣ какъ бы удовлетворила ихъ желаніе, отмѣнила коллегію—экономію, но не надолго. По ея распоряженію, въ первые же

годы ея царствованія были снова произведены новыя описи монастырскимъ и церковнымъ имуществамъ, при чемъ оказалось, что нѣкоторые русскіе монастыри представляли собой слишкомъ крупныя землевладѣльческія единицы. Кирилловскій бѣлозерскій, напр., монастырь владѣлъ 35,000 д. крестьянъ, а количество монастырскихъ крестьянъ Троице-Сергіевской лавры доходило даже до 120,000. Число всѣхъ духовныхъ крестьянъ исчислялось въ 910,866. Эти крестьяне были изъяты изъ вѣдѣнія духовныхъ лицъ, подчинены общему вѣдѣнію коллегіи-экономіи, отчего и получили названіе „экономическихъ“. Результаты реформы были благодѣтельны. По словамъ Екатерины, послѣ отдачи монастырскихъ и архіерейскихъ деревень въ управленіе коллегіи-экономіи монастырскихъ крестьянъ „непослушаніе разомъ пресѣклось“. Впослѣдствіи значительная часть ихъ была роздана разнымъ владѣтелямъ, что значительно ослабило значеніе предпринятой реформы. Экономическіе крестьяне были обложены государственною податью: по 1 р 50 к. съ души на содержаніе духовенства и разныя просвѣтительныя учрежденія. Вводя такую реформу, Екатерина какъ бы доводила до конца мысли Петра Великаго объ освобожденіи духовенства отъ крупныхъ имущественно-рабовладѣльческихъ интересовъ и о созданіи изъ духовныхъ лицъ особой касты, преданной исключительно духовнымъ интересамъ и живущимъ на счетъ государственной казны.

Но практическое осуществленіе такихъ идей вызвало большой ропотъ среди духовенства. Типичнымъ представителемъ недовольства явился митрополитъ ростовскій Арсеній Мацѣевичъ, исключительный защитникъ неприкосновенности государственныхъ имуществъ. Въ мартѣ 1763 г. онъ послалъ по поводу церковно-имущественной реформы два донесенія въ синодъ (напеч. въ „Чт. моск. общ. ист.“ 1862 г., т. II и III), наполненныя столь рѣзкими сужденіями объ императрицѣ, что синодъ счелъ нужнымъ доложить Екатеринѣ объ Арсеніи Мацѣевичѣ, какъ „оскорбителѣ ея величества“. Дѣлая такое донесеніе, синодъ предполагалъ (какъ думаетъ Соловьевъ), что императрица и на этотъ разъ выкажетъ свою обычную мягкость, примѣровъ которой было много въ криминальныхъ дѣлахъ, восходившихъ на усмо-

треніе императрицы. Но на этотъ разъ надежда не оправдалась. Донесеніе Арсенія вызвало такое раздраженіе въ Екатеринѣ, какого не замѣчали въ ней ни прежде, ни послѣ.—Она не могла простить Арсенію сравненія ея съ Юліаномъ и Іудою и желанія выставить ее во что бы то ни стало нарушительницею своего слова. Не менѣе возмутило Екатерину и то обстоятельство, что Арсеній Мацѣевичъ, совершая обрядъ анаѳематствованія 9 февр. 1763 г., самовольно прибавилъ къ числу анаѳемъ еще два: противъ похитителей церковныхъ имуществъ и противъ „насильствующихъ и обидящихъ святыя Божіи церкви и монастыри", которые „принимаютъ данныя тѣмъ отъ древнихъ боголюбцевъ имѣнія". По приказанію императрицы, Арсеній былъ преданъ суду „за превратныя и возмутительныя толкованія св. Писанія и посягательство на спокойствіе подданныхъ"

Семь дней длился процессъ, представляющій собою очень любопытный эпизодъ изъ судебной хроники временъ Екатерины. Судопроизводство должно было считаться здѣсь съ личностью, для которой никакіе законы не писаны, которая не поддавалась никакимъ резонамъ и съ чисто раскольничьимъ фанатизмомъ и упорствомъ держалась своего мнѣнія. Въ апрѣлѣ Арсенія приговорили къ ссылкѣ въ Архангельскую епархію, въ Николаевскій Корельскій монастырь, но и здѣсь онъ не успокоился и продолжалъ свои обличительныя рѣчи противъ императрицы. Вслѣдствіе новыхъ обвиненій его приговорили къ лишенію монашескаго сана и пожизненному заточенію въ Ревель, гдѣ подъ именемъ „Андрея Враля" онъ жилъ въ крѣпостномъ казематѣ до самой смерти (1722 года).

Для характеристики императрицы Екатерины любопытны ея отношенія къ папѣ, іезуитскому ордену, разнымъ иновѣрцамъ, раскольникамъ и евреямъ.

Пріобрѣтеніе Бѣлоруссіи, въ которой проживало значительное число католиковъ, заставило императрицу вступить въ сношенія съ папою, которыя, впрочемъ, во все время ея царствованія, никогда не были дружественными. Въ 1772 году она объявила, что никакія папскія буллы не могутъ быть обнародованы въ Россіи безъ ея разрѣшенія. Десять

лѣтъ спустя она безъ разрѣшенія папы возвела Сестренцевича въ санъ католическаго архіепископа. Папа протестовалъ, но императрица пригрозила рѣшительными мѣрами, и римскій первосвященникъ долженъ былъ уступить *).

Не желая связывать себя какими-либо обязательствами по вѣроисповѣднымъ дѣламъ, императрица отклоняла всѣ попытки папскаго правительства заключить съ нею конкордатъ и не обращала никакого вниманія на недовольство папы. Къ его враждебности она относилась очень равнодушно. „Я отлучена папою отъ церкви, при чемъ однако чувствую себя довольно хорошо", не безъ ироніи говорила она.

Отчасти изъ-за той же вражды съ папой Екатерина поддерживала іезуитскій орденъ, повсемѣстно уничтоженный папской буллой. Нигдѣ іезуиты не находили для себя такой правительственной поддержки, какъ въ Россіи, при Екатеринѣ. До XVIII вѣка въ Россіи насчитывалось лишь нѣсколько лицъ іезуитовъ. Въ царствованіе Петра I число ихъ сразу увеличилось. Замѣтная пропаганда католичества, начатая іезуитами среди московскаго населенія, обратила на нихъ вниманіе Петра, и императоръ указомъ 18-го апрѣля 1719 г. изгналъ всѣхъ іезуитовъ изъ Россіи. При Екатеринѣ, съ возвращеніемъ по первому раздѣлу Польши Бѣлоруссіи, іезуиты снова появляются въ Россіи и образуютъ орденскую литовскую вице-провинцію, въ которой насчитывалось въ то время около 200 іезуитовъ. Главою ихъ былъ Станиславъ Черневичъ, ректоръ полоцкой коллегіи. Владѣя 6 коллегіями: въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Оршѣ, Мстиславлѣ, Могилевѣ, Динабургѣ, разными миссіями и резиденціями въ предѣлахъ Бѣлоруссіи, іезуиты чувствовали себя довольно хорошо и широко распространяли свою дѣятельность. Императрица обратила вниманіе на эту дѣятельность и не разъ предписывала бѣлорусскому ген.-губернатору Чернышеву переписать всѣ іезуитскія учрежденія и подвергнуть членовъ ордена строгому административному надзору. Но іезуиты посту-

*) Капуцинскіе монахи отказались въ Москвѣ похоронить одного француза, умершаго скоропостижно безъ причастія. Екатерина велѣла выслать ихъ изъ города.

пили по-іезуитски: они дали обѣщаніе безпрекословно служить русскимъ интересамъ въ краѣ. Екатерина поддалась политикѣ іезуитовъ и не только разрѣшила дальнѣйшее существованіе іезуитовъ въ Бѣлоруссіи, но когда въ 1773 году 16 августа появился папскій указъ объ уничтоженіи іезуитскаго ордена, она не дозволила обнародовать его въ своихъ владѣніяхъ, и орденъ продолжалъ существовать въ Россіи. Напрасно старался папа убѣдить русскую императрицу признать его бреве: какъ бы въ отвѣтъ на эти убѣжденія Екатерина только расширяла права іезуитовъ. Имъ дозволено было открыть новиціаты въ Полоцкѣ и Динабургѣ, избрать себѣ генеральнаго викарія. Видя невозможность уничтожить іезуитскій орденъ въ Бѣлоруссіи правительственными русскими мѣрами, папа рѣшилъ достигнуть своей цѣли окольнымъ путемъ и для этого снабдилъ особыми полномочіями Сестренцевича. Но и эта мѣра кончилась полнымъ неуспѣхомъ. Сестренцевичъ, стѣсненный русской администраціей, не только не предпринялъ никакихъ мѣръ противъ іезуитовъ, но вынужденъ былъ дѣйствовать согласно инструкціямъ императрицы, которая въ корпораціи іезуитовъ видѣла лучшее средство для проведенія своихъ политическихъ взглядовъ во вновь присоединенныхъ и крайне неустойчивыхъ еще въ вѣроисповѣдномъ и политическомъ отношеніи областяхъ.

По отношенію къ протестантамъ, магометанамъ, геррнгутерамъ и др. Екатерина руководствовалась правилами терпимости, глубоко привитыми ей ея учителемъ—Вольтеромъ По поводу одного сенатскаго доклада она велѣла отмѣтить, что „какъ Всевышній Богъ на землѣ терпитъ всѣ вѣры, языки и исповѣданія, то и она (императрица) изъ тѣхъ-же правилъ сходствуя Его святой волѣ, и въ семъ поступаетъ, желая только, чтобъ между подданными ея всегда любовь и согласье царствовали“.

Такъ же гуманно относилась императрица Екатерина и къ раскольникамъ. Она не разъ высказывала желаніе, чтобы представители свѣтской и духовной власти, вмѣсто мѣръ строгости и преслѣдованія, дѣйствовали на раскольниковъ путемъ убѣжденія. Она охотно смягчала предположенныя наказанія. По поводу возникшей скопческой ереси, она

особымъ указомъ потребовала, чтобы „невиннымъ людямъ не было привязокъ и притѣсненій, и сіе дѣло трактовали какъ обыкновенное гражданское, а отнюдь не инако". Въ 1763 г. была уничтожена особая раскольничья контора, и раскольники подчинены вѣдѣнію общихъ присутственныхъ мѣстъ. Въ 1767 г. она поручаетъ архіепископу Дмитрію Сѣченову побудить бѣжавшихъ въ Польшу раскольниковъ (болѣе 300000) вернуться въ Россію. Въ 1769 г. за раскольниками признано право выступать свидѣтелями на судахъ; въ 1782 г. они освобождены отъ двойного оклада; въ 1783 г. запрещено употреблять слово „раскольникъ" въ офиціальныхъ бумагахъ; въ 1785 г. раскольникамъ разрѣшено выбирать на общественныя должности. Но на ряду съ этими мѣропріятіями, характеризующими широкую вѣротерпимость Екатерины, ею предпринимались иногда мѣры ограничительнаго характера, вызванныя государственными соображеніями. Такъ, напримѣръ, въ 1768 г. раскольникамъ было запрещено строить часовни, церкви, имѣть колокола. Несмотря на повтореніе этого запрещенія въ 1778 г., этотъ указъ на практикѣ не соблюдался, и при Екатеринѣ возникаютъ въ Москвѣ особыя раскольничьи кладбища. Раскольники при Екатеринѣ постепенно получили всѣ гражданскія права. Екатерина думала, что „въ 60 лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ; коль скоро заведутся и утвердятся народныя школы, то невѣжество истребится само собою; тутъ насилія не надобно". Это убѣжденіе, котораго, какъ извѣстно, держатся и въ настоящее время миссіонеры, дѣлаетъ честь дальновидности императрицы Екатерины.

Только евреи вызвали съ ея стороны нѣкоторыя ограничительныя мѣры, но и эти мѣры касались главнымъ образомъ государственныхъ правъ евреевъ, а не ихъ вѣроисповѣданія. По дѣламъ, касавшимся евреевъ, предыдущая исторія хранила два главныхъ законодательныхъ распоряженія: Екатерины I, повелѣвшей въ 1727 г. „выслать жидовъ какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, которые обрѣтаются на Украйнѣ и въ другихъ россійскихъ городахъ... и впредь ихъ ни подъ какимъ образомъ въ Россію не впускать", и Елисаветы, которая на предложенія о допущеніи въ Россію евреевъ-торговцевъ съ цѣлью увеличенія государственныхъ

доходовъ,—написала: „отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли“. Екатерина не могла слѣдовать ни тому, ни другому указу. Практика и ходъ государственной жизни выдвигали новыя условія еврейскаго вопроса.

Въ вошедшихъ въ составъ Россіи новыхъ областяхъ было многочисленное еврейское населеніе, съ которымъ пришлось считаться, какъ съ крупнымъ новымъ этнографическимъ элементомъ западной Россіи. Съ этого времени собственно и возникаетъ въ Россіи еврейскій вопросъ. Любопытны манифесты о евреяхъ, изданные при Екатеринѣ. Указомъ, изданнымъ вскорѣ по вошествіи на престолъ (1762 г.), вызывались разные иностранцы для поселенія въ Россіи, но евреи были исключены изъ списка приглашаемыхъ народностей. Въ 1769 г., евреямъ дозволенъ въѣздъ въ Россію, но съ условіемъ, чтобъ они селились только въ одной новороссійской губерніи. Такимъ образомъ еще въ 1769 г. было положено начало знаменитой чертѣ осѣдлости, которая до настоящаго времени составляетъ главное ограниченіе, установленное для евреевъ. Правительству предстояло такъ или иначе опредѣлить права новыхъ подданныхъ русскаго государства. Въ основаніи законодательныхъ мѣръ Екатерины II, принятыхъ для этой цѣли, лежали слѣдующія основныя положенія: евреи, по самому существу своей религіи, являются противниками христіанства, опасными для господствующей церкви; по роду своей жизни и занятіямъ евреи—непроизводительный и вредный элементъ народонаселенія, который необходимо обратить насколько возможно къ полезному для государства и общества труду. Впрочемъ, многіе изъ предполагавшихся стѣснительныхъ мѣръ по разнымъ причинамъ не были приведены въ исполненіе. Всѣ законодательныя мѣры царствованія Екатерины II, относящіяся къ еврейскому вопросу, можно свести къ слѣдующимъ двумъ общимъ мѣрамъ: 1) евреи, живущіе въ мѣстностяхъ, пріобрѣтенныхъ по раздѣлу Польши, пользуются почти всѣми правами природныхъ русскихъ подданныхъ; 2) переселеніе евреевъ въ другія мѣстности имперіи, гдѣ ихъ до тѣхъ поръ не было, ограничивается разными запретительными правилами. Въ купеческія гильдіи евреи могли записываться на общихъ основаніяхъ. Черта первоначальной

еврейской осѣдлости впослѣдствіи по причинѣ наплыва евреевъ была расширена новыми мѣстностями. Кромѣ прежняго екатеринославскаго намѣстничества, евреи могли селиться еще въ таврической области, и здѣсь евреямъ предоставлялось „полное право гражданства и мѣщанства". Къ концу царствованія Екатерины по отношенію къ евреямъ были предприняты нѣкоторыя исключительныя мѣры. Указомъ 1794 г. повелѣвалось взыскивать съ евреевъ, записавшихся по городамъ въ мѣщанство и купечество, двойныя подати „противу положенныхъ съ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона разныхъ исповѣданій". Караимы, представляющіе собой видъ еврейства, не подлежали дѣйствію закона 1794 г.

XII.

Общій характеръ внѣшней и внутренней политики императрицы Екатерины.

Внѣшняя политика императрицы Екатерины—самая блестящая сторона ея дѣятельности. Поэтъ не преувеличиваетъ, когда, говоря о войнахъ Екатерины, восклицаетъ: „тщетны россамъ всѣ препоны..." Внѣшняя политика, съ ея нескончаемымъ громомъ оружій, была, лучшимъ поприщемъ, на которомъ Екатерина II могла въ глазахъ всего свѣта оправдать свое насильственное вступленіе на русскій престолъ и пріобрѣсти популярность въ средѣ русскаго народа. Личное участіе Екатерины въ дѣлахъ внѣшней политики было очень значительно, но не имѣло однако рѣшающаго значенія. Симпатіи императрицы въ началѣ царствованія склонялись больше къ миру, чѣмъ къ войнѣ. По вступленіи на престолъ, она разсчитывала воспользоваться продолжительнымъ миромъ, наступившимъ по окончаніи семилѣтней войны, и всецѣло отдаться внутреннимъ дѣламъ. Въ бесѣдѣ съ французскимъ посланникомъ Бетейлемъ въ 1763 г. она признается, что о ней не слѣдуетъ судить до извѣстнаго времени, что ей нужно по крайней мѣрѣ пять лѣтъ мира, чтобы привести въ порядокъ внутреннія дѣла государства. Въ своихъ офиціальныхъ сношеніяхъ съ иностранными дворами она держалась съ большимъ достоинствомъ, оправившемся на сознаніи политическаго могущества великой дер-

жавы,—но никого не трогала, хотя для этого было много поводовъ. Вопросы внѣшней политики возникли сами собой, помимо ея воли.

Внѣшняя политика Екатерины въ первой половинѣ ея царствованія представляетъ нѣкоторое отступленіе отъ системы, принятой Петромъ Великимъ. Преобразователь Россіи, которой Турція причинила много безпокойствъ, видѣлъ въ Австріи надежную союзницу противъ Порты. Ослабленіе Порты составляло одинъ изъ важныхъ пунктовъ дипломатіи обоихъ государствъ. Систему Петра Великаго съ успѣхомъ продолжали его преемники: Остерманъ въ царствованіе Екатерины I, Петра II и Анны; Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ въ царствованіе Елисаветы. Слѣдуя этой системѣ, Россія вела войны съ Турціей въ союзѣ съ Австріей при Аннѣ и воевала съ Пруссіей въ союзѣ съ той Австріей при Елисаветѣ. Чѣмъ ближе входила Россія въ союзъ съ Австріей, тѣмъ яснѣе однако становились для русскихъ политиковъ всѣ невыгоды этого союза. Австрія, съ ея неустановившейся политической и смѣшанно-этнографической организаціей, извлекавшая выгоды изъ счастливыхъ политическихъ комбинацій европейскихъ дворовъ, не могла быть надежнымъ союзникомъ. Выгоды русско-австрійскихъ войнъ были очень невелики для насъ. По бѣлградскому миру 1739 г., онѣ свелись къ пріобрѣтенію пустыхъ земель между Днѣстромъ и Бугомъ, да къ тому, что фельдмаршалъ Минихъ, не умѣвшій щадить русскихъ войскъ, проложилъ впервые ту военную дорогу въ Турцію, которою не разъ послѣ него пользовалась Россія въ своихъ наступательныхъ турецкихъ войнахъ. Екатерина отшатнулась отъ Австріи и только въ концѣ своего царствованія протянула руку союза Іосифу австрійскому, въ виду исключительной необходимости гарантировать для себя пріобрѣтеніе Крыма. „Система Петра Великаго“ въ первую половину царствованія Екатерины была замѣнена извѣстной „сѣверной системой“, вдохновителемъ которой при дворѣ Екатерины былъ Никита Панинъ.

Сѣверная система состояла въ томъ, чтобы соединить подъ руководствомъ Россіи всѣ сѣверныя державы Европы, образовавши изъ нихъ могущественный сѣверный союзъ для противодѣйствія союзу южныхъ европейскихъ государствъ.

Въ этотъ союзъ должны были войти: Россія, Турція, Пруссія, Данія, Саксонія, Польша и Англія.—Достаточно сопоставить вмѣстѣ эти названія, чтобы, не будучи даже политикомъ, рѣшить, могъ ли быть осуществленъ на практикѣ этотъ союзъ. И по характеру государственнаго устройства, и по политико-національнымъ стремленіямъ, и по вѣроисповѣданіямъ эти государства представляли значительное разнообразіе, а иногда полную противоположность своихъ интересовъ. Самодержавная Россія должна была, согласно этой системѣ, поддерживать интересы анархической Польши, которую въ тоже время, совмѣстно съ Пруссіей и Австріей, собиралась уничтожить. Польша вынуждалась къ союзу съ Швеціей, съ которой съ давнихъ поръ враждовала; а Пруссія—съ Саксоніей, прекрасно понимавшей стремленія къ захватамъ прусскаго короля. Что касается Англіи, то, преслѣдуя исключительно свои торговые интересы, эта держава въ то время совершенно игнорировала интересы континентальныхъ государствъ.

При всей своей практической малопригодности, „сѣверная система" нѣкоторое время служила руководящимъ началомъ въ международныхъ отношеніяхъ и давала тонъ внѣшней политикѣ. Обстоятельства благопріятствовали внѣшней политикѣ Екатерины. Съ одной стороны, западно-европейскія государства, принимавшія участіе въ семилѣтней войнѣ, вышли изъ нея утомленными, истощенными. Фридрихъ II, несмотря на всѣ достигнутые успѣхи, чувствовалъ себя безсильнымъ продолжать военныя дальнѣйшія операціи. Но Россія не израсходовала еще богатаго запаса своихъ силъ. „У меня — лучшая армія въ цѣломъ мірѣ; у меня есть деньги,—говорила Екатерина Бетейлю въ 1763 г.,—а чрезъ нѣсколько лѣтъ у меня будетъ больше денегъ".

Два очень важныхъ практическихъ вопроса составляли главное основаніе всей внѣшней политики Екатерины II. Первый былъ вызванъ давно сознанной русскими политиками необходимостью освобожденія православно-русскаго населенія Польши отъ католическаго владычества. Для этого нужно было отнять у Польши древне-русскія земли. Второй заключался въ необходимости достигнуть естественныхъ территоріальныхъ границъ на югѣ государства. Для этой

цѣли необходимо было отнять у турокъ Крымъ и сѣверные плодородные берега Чернаго моря. При общности окончательныхъ цѣлей, указанные вопросы имѣли не одинаковое государственное значеніе. Первый вопросъ былъ важнымъ церковно-національнымъ дѣломъ, чуждымъ экономическихъ расчетовъ. Второй былъ вопросомъ чисто экономическаго характера. Россія не могла допустить, чтобы русская національность была расколота и западная часть ея терпѣла притѣсненія отъ иновѣрнаго правительства. Въ этомъ — смыслъ перваго вопроса. Русское народное хозяйство не могло на югѣ свободно развиваться безъ черноземной степной области, которою владѣли татары, тормозившіе торговыя сношенія русскихъ. Въ этомъ—смыслъ второго вопроса. Итакъ, экономически-территоріальное и этнографически-національное объединеніе — вотъ общая задача внѣшней политики императрицы Екатерины. Въ осуществленіи этой задачи Екатерина Великая достигла такихъ крупныхъ результатовъ, о которыхъ не могъ мечтать даже Петръ Великій, прозрѣвшій очень многое своимъ дальновиднымъ взоромъ.

Первый, польскій вопросъ тянулся во все время царствованія Екатерины, имѣлъ много различныхъ фазъ, вызванныхъ международными осложненіями и кончился паденіемъ польскаго королевства и возсоединеніемъ съ Россіей западно-русскихъ областей.

Второму вопросу о территоріальныхъ русскихъ границахъ на югѣ Россіи была дана очень широкая постановка. Онъ былъ тѣсно связанъ съ общимъ вопросомъ европейской политики того времени объ изгнаніи турокъ изъ Европы. Вольтеръ, переписывавшійся съ Екатериной, въ одномъ изъ своихъ писемъ, писанныхъ незадолго до первой турецкой войны, льстиво намекнулъ ей, что война Россіи съ Турціей легко можетъ кончиться превращеніемъ Константинополя въ столицу россійской имперіи. Эти слова, брошенныя Вольтеромъ случайно, въ видѣ политическаго комплимента, вскружили голову русскимъ дипломатамъ, увидѣвшимъ въ тонкой лести серьезное политическое пророчество. Екатерина Великая составила грандіозный планъ превращенія оттоманской имперіи въ византійскую... Русскій великій князь былъ уже предназначенъ въ императоры по-

вой имперіи. Рѣшительные и пылкіе братья Орловы, Григорій и Алексѣй, смѣло взялись за осуществленіе этого плана и предприняли знаменитую „Морейскую экспедицію". Русская вооруженная эскадра, прошедшая въ Турцію по европейскимъ морямъ въ 1769—1770-хъ годахъ, серьезно напугала западно-европейское общество, которое, наглядно видя силы Россіи, простодушно повѣрило, что Россія уничтожитъ Турцію, и боялось, какъ бы за разгромомъ Турціи не послѣдовало разгрома и западной Европы.

Турецкими и польскими войнами Екатерины территорія русскаго государства была доведена до своихъ естественныхъ границъ: на югѣ—до моря, на западѣ—до старой этнографической черты славянства. Изъ областей, завоеванныхъ при Екатеринѣ было образовано 11 губерній, не считая земли черноморскаго войска: три на югѣ (Таврическая, Екатеринославская и Херсонская) и восемь на западѣ. Пятая часть пятидесяти губерній Европейской Россіи пріобрѣтены въ царствованіе Екатерины. Это главная заслуга внѣшней политики ея царствованія.

Эта заслуга царствованія Екатерины II станетъ для насъ еще очевиднѣе при статистическомъ сопоставленіи количества населенія Россіи въ началѣ ея царствованія и въ концѣ. Въ 1762—63 г. была произведена третья по общему счету ревизія населенія, по которой населеніе имперіи по ревизскимъ душамъ было исчислено въ количествѣ около 20.000,000. Къ концу царствованія Екатерины, по V ревизской переписи населеніе Россіи равнялось уже 34.000,000. Населеніе государства такимъ образомъ значительно увеличилось.

На внѣшнюю политику Екатерины обращалось болѣе вниманія, чѣмъ на внутреннюю. Бильбасовъ объясняетъ это несголько громомъ и блескомъ военныхъ подвиговъ, всегда весьма шумныхъ, сколько тѣмъ, что до послѣдняго времени о Екатеринѣ писали больше иностранцы, незнакомые съ внутренней жизнью Россіи и мало ею интересовавшіеся. Между тѣмъ внутреннія реформы царствованія Екатерины значительно важнѣе и плодотворнѣе внѣшнихъ успѣховъ. Объ этомъ яснѣе всего свидѣтельствуетъ итогъ государ-

ственной дѣятельности Екатерины, подведенный Бецкимъ за 15 лѣтъ до смерти Екатерины въ 1781 г.

Въ теченіе послѣднихъ 19 лѣтъ:

Губерній образовано по новому положенію . .	29
Городовъ учреждено и обстроено	144
Конвенцій и договоровъ заключено	30
Побѣдъ одержано	78
Законовъ и учрежденій издано	88
Распоряженій по облегченію народа	123
Итого . . .	492

Итакъ, изъ общей цифры 492 дѣлъ внутреннимъ вопросамъ посвящено 384, а внѣшнимъ только 108. При этомъ въ спискѣ, „упомянуты только дѣла государственныя, и ни одно частное не внесено въ этотъ списокъ". Сама Екатерина ставила внутреннія дѣла выше внѣшнихъ, но не гордилась этимъ. „Россія велика, а я что ни дѣлаю,—подобно каплѣ, падающей въ море", говорила она.

Наиболѣе богатая внутренними реформами эпоха въ екатерининское царствованіе настала вслѣдъ за Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ и продолжалась двѣнадцать лѣтъ. Эту эпоху Екатерина характерно называетъ „législomanie" (законобѣсіе). И дѣйствительно въ это время кипѣла работа по переустройству почти всѣхъ внутреннихъ сторонъ жизни государства: вводились важныя судебно-административныя реформы, новыя губернскія учрежденія, учреждался банкъ, вырабатывались уставы народныхъ училищъ (1786 г.), жалованныя грамоты городамъ, дворянству, улучшалось учебное, военное, финансовое дѣло, разрабатывались вопросы о правахъ сословій, общественномъ благоустройствѣ и т. п. Въ сознаніе подданныхъ чрезъ коммиссіи, составленныя изъ разныхъ членовъ всѣхъ областей Россіи, вводились понятія и принципы „Наказа", этой широкой политической программы, построенной на гуманныхъ началахъ.

Екатерина неоднократно заявляла, что во внутренней политикѣ „иныхъ видовъ не имѣетъ, какъ наивящшее благополучіе и славу отечества".—„Мы можемъ, не похвалившись, передъ Богомъ цѣлому свѣту сказать, что отъ руки Божьей пріемлю всероссійскій престолъ не на свое собствен-

ное удовольствіе, но на расширеніе славы его и на учрежденіе добраго порядка и утвержденіе правосудія въ любезномъ нашемъ отечествѣ".

Екатерина сдержала свое царственное слово. Въ теченіе ея 34-лѣтняго царствованія Россія не только окрѣпла внѣшнимъ положеніемъ, но и культивировалась духовно.

Хотя во многихъ отрасляхъ дѣятельности Екатерины не видно постоянства и устойчивости, которыя должны бы были вытекать изъ твердо установленной и строго обдуманной системы; хотя въ области внутренней политики ея царствованія встрѣчаются постоянныя отступленія и колебанія подъ вліяніемъ условій времени и случайныхъ обстоятельствъ, тѣмъ не менѣе потомство не можетъ не признать могущественнаго вліянія, оказавшаго реформаторскимъ направленіемъ екатерининскаго царствованія на русскую жизнь. И тѣмъ яснѣе для насъ сила этого направленія, что хотя оно и не было выдержано, не было проведено съ цѣльностью, результаты его все-таки были значительны. Мы обязаны XVIII вѣку, временамъ Екатерины, общими гуманными началами, имѣющими крупную роль въ ходѣ нашей общественной мысли. Иностранцы перестали смотрѣть на русскихъ, какъ на москвитовъ „rien du Sarmate et Goth".

XIII.

Послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины. Неудачное сватовство шведскаго короля на великой княжнѣ. Смерть Екатерины.

Послѣдніе годы царствованія Екатерины II приняли реакціонное направленіе. Въ концѣ XVIII вѣка, какъ извѣстно, вспыхнула французская революція. Европейскіе дворы направили всѣ свои дипломатическія усилія къ подавленію политическаго пожара, готовившагося охватить всю Европу. Западнымъ правителямъ очень хотѣлось втянуть Россію въ войну съ Франціей. Но такъ какъ эта борьба была совершенно чужда прямымъ національнымъ интересамъ Россіи, то Екатерина говорила западно-европейскимъ дипломатамъ лишь одни любезныя слова и не дала ни одного

солдата... Тогда усилились подкопы подъ тронъ Екатерины II. Начали ходить слухи, что Екатерина незаконно занимаетъ престолъ, принадлежащій Павлу Петровичу. Слухи о чрезвычайномъ свободомысліи Екатерины получили въ это время особенно яркій колоритъ. Основаніемъ этихъ слуховъ служили, между прочимъ, какъ нѣкоторыя свободолюбивыя убѣжденія Екатерины, такъ и ея содѣйствіе къ распространенію перевода Вольтера. Сама Екатерина участвовала въ переводахъ „Велизарія", повѣсти Мармонтеля, которую находили антирелигіозной, такъ какъ въ ней не было указано различія между добродѣтелью христіанской и языческой. Конечно, эти и многіе другіе въ этомъ родѣ слухи не могли поколебать прочнаго положенія императрицы, но они все-таки доставляли ей минуты раздраженія, которыя подъ старость чаще и чаще находили на Екатерину.

Есть основаніе предполагать, что въ 1790 г. готовилась попытка возвести Павла Петровича на престолъ. Съ этой попыткой, вѣроятно, соединена была высылка изъ Петербурга принца Фридриха Вюртембергскаго.

И вотъ при такихъ обстоятельствахъ въ 1790 г. появляется книга Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" съ проектомъ освобожденія крестьянъ. Хотя этотъ проектъ вполнѣ былъ согласованъ съ духомъ екатерининскаго „Наказа", тѣмъ не менѣе авторъ статьи былъ преданъ суду, кончившемуся смертнымъ приговоромъ. Императрица, впрочемъ, замѣнила смертную казнь ссылкою въ Сибирь.

Въ 1792 г. былъ посаженъ въ Шлиссельбургъ Новиковъ. Основаніемъ къ такой карѣ послужили слухи о томъ, что Новиковъ симпатизируетъ Павлу Петровичу и тайно о чемъ-то сносится съ нимъ...

Бильбасовъ оспариваетъ мнѣніе, будто въ Екатеринѣ подъ конецъ царствованія, подъ вліяніемъ лѣтъ и подъ впечатлѣніями французской революціи, произошла перемѣна: „какою Екатерина была до революціи, такою же осталась она и послѣ революціи", говоритъ онъ. Судьбу Новикова и Радищева Бильбасовъ старается объяснить не тѣмъ, что перемѣнилась Екатерина, а тѣмъ, что эти дѣятели пошли дальше, чѣмъ императрица вообще считала дозволеннымъ. Съ этимъ можно было бы согласиться, если бы въ самой

дѣятельности Новикова или Радищева произошли какія нибудь наглядныя перемѣны. Но этого не было. Радищевъ, напримѣръ, въ 1789 г., до революціи, высказывалъ печатно тѣ же идеи, которыя вызвали на него такую кару, когда были имъ высказаны черезъ годъ въ его „Путешествіи"; также и Новиковъ не дѣлалъ ничего такого въ 1792 г., чего бы онъ не дѣлалъ и за нѣсколько лѣтъ раньше. Перемѣна была не въ ихъ дѣятельности, а именно въ Екатеринѣ, которая вообще подъ старость сдѣлалась болѣе подозрительной, обидчивой и легче поддавалась постороннему вліянію. Историческій образъ Екатерины нисколько не потеряетъ въ своемъ величіи, если мы признаемъ, что въ послѣднее пятилѣтіе въ ней дѣйствительно произошла перемѣна убѣжденій.

Съ этой точки зрѣнія понятными станутъ и другіе факты послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины. Извѣстно, напримѣръ, что въ 1783 г. писатель Княжнинъ былъ преслѣдуемъ за свою трагедію „Вадимъ". И если теперь отвергнуто преданіе объ истязаніи, которому будто бы онъ былъ подвергнутъ за свою трагедію, то не потому, что такое истязаніе автора было бы тогда невозможнымъ, а потому, что Княжнинъ умеръ раньше напечатанія трагедіи, и за нее пришлось отвѣчать другимъ. Даже Державинъ въ 1795 году былъ заподозрѣнъ въ революціонномъ направленіи за переложеніе 81 псалма, озаглавленнаго въ переводѣ—„Властителямъ и Судьямъ".

Замѣчательно, что до зрѣлаго возраста Екатерина не обнаруживала предрасположенія къ какой-либо серьезной болѣзни. Здоровая организація отъ природы, почти всегдашнее благодушіе давали ей много жизнерадостности и отдаляли мысль о неизбѣжномъ роковомъ концѣ жизни.

Она никогда почти не говорила о смерти. Дни своихъ рожденій съ ихъ торжественнымъ празднованіемъ она ненавидѣла. „Было бы прекрасно, если бы императрица всю жизнь оставалась въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ",—сказала она однажды на поздравленіе съ днемъ ангела. „Когда пробьетъ мой часъ,—писала Екатерина, я удалю отъ своего смертнаго одра всѣхъ слабосердечныхъ, пусть только зака-

лепныя сердца и улыбающіяся лица присутствуютъ при моемъ послѣднемъ вздохѣ".

Послѣ продолжительной, трудолюбивой жизни, полной хлопотъ и треволненій какъ личнаго, такъ и общегосударственнаго характера,—къ Екатеринѣ приблизилась физіологическая старость.

Обстоятельствомъ, подточившимъ силы Екатерины и ускорившимъ ея смерть, было неудачное сватовство шведскаго короля Густава IV на великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ. Какъ извѣстно, главнымъ поводомъ къ разрыву этого сватовства послужило несогласіе въ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ. Переговоры по этому поводу велись очень долго. Но рѣшительнымъ днемъ, кончившимъ всѣ переговоры, было 11 сентября 1796 г. Въ этотъ день, назначенный для обрученія короля Густава IV съ великой княжной, въ седьмомъ часу вечера, въ тронной залѣ зимняго дворца, въ присутствіи императрицы, явившейся въ полномъ парадѣ, собрались члены ея семейства, весь дворъ, иностранные послы, митрополитъ съ архіереемъ и придворнымъ духовенствомъ. Ожидалась минута, „когда благословеніемъ церкви будетъ положено начало брачному союзу", столь желанному Екатериной. Все было готово, не было только жениха, который, несмотря на условленное время, еще не являлся. Всѣ удивлялись, не зная чему приписать это промедленіе. Между тѣмъ вотъ что случилось. Въ 6 часовъ Гр. Марковъ принесъ королю для подписанія брачныя условія, между которыми было и то, чтобы великая княжна, вступивъ въ бракъ, имѣла у себя православную церковь съ причтомъ. Король на это не соглашался. Несмотря на всѣ убѣжденія какъ съ нашей стороны, такъ и близкихъ къ нему лицъ, Густавъ IV не хотѣлъ объ этомъ и слышать. Цѣлыхъ три часа шли переговоры по этому пункту. Напрасно Марковъ, Безбородко и Зубовъ напоминали королю что императрица уже—въ тронной залѣ и ждетъ его, что, вѣроятно, онъ не захочетъ сдѣлать разрыва, который былъ бы неслыханнымъ оскорбленіемъ для государыни, для великой княжны и для всей имперіи Упрямый шведъ запальчиво отвѣчалъ: „Нѣтъ, нѣтъ. Не хочу, не хочу, не подпишу". Онъ удалился въ свою комнату и заперъ за собою

дверь, повторивъ еще разъ прямой и рѣзкій отказъ подписать что-либо противное законамъ своей страны. Наши министры не знали, что дѣлать съ упрямцемъ и рѣшились, наконецъ, сказать императрицѣ, что все расстроилось и короля не будетъ. Можно представить себѣ эту минуту... Когда кн. Зубовъ съ таинственнымъ видомъ подошелъ къ ней и шепнулъ на ухо нѣсколько словъ, она встала, хотѣла что-то сказать, и не могла произнести ни одного слова. Ей сдѣлалось дурно; камердинеръ Зотовъ поспѣшилъ принести ей стаканъ воды. Другіе говорятъ, что выслушавъ роковое извѣстіе, она замахнулась на Маркова тростью, но отъ дурноты зашаталась, что и сочли за легкій ударъ. („Memoires secrets" Массона въ „Рус. Стар." 1876 г., л. XVIII, стр. 700—701).

Властолюбивая, дѣятельная Екатерина, привыкшая видѣть около себя исполненіе всѣхъ плановъ, не могла забыть этой сцены. „Примѣтнымъ образомъ въ императрицѣ приближенные увидѣли перемѣну,—говоритъ современникъ Голицынъ. Она стала задумчивѣе и въ лицѣ измѣнилась... Неудача сего предпамѣреннаго брака произвела въ государынѣ сильное потрясеніе" („Рус. Арх." 1874 г. I, ст. 305). Настроеніе угрюмости легло на зимнемъ дворцѣ осенью 1796 г. Этого настроенія не могли измѣнить два бала,—данные 12 сентября, по случаю дня рожденія великой княжны Анны Ѳеодоровны, и 22 сентября въ день коронаціи императрицы. По свидѣтельству Голицыной, „оба были непродолжительны, и подъ вліяніемъ тяготѣвшихъ надъ дворомъ непріятныхъ впечатлѣній, не отличались оживленіемъ" („Ист. Вѣст." 1887 г., № 10, стр. 103—106).

Императрица хилѣла и жаловалась на нездоровье. Ноги отказывались ей служить. Она съ большимъ трудомъ поднималась по лѣстницѣ. „Здоровье плохо. Уже больше не ходятъ. Не могутъ оправиться отъ впечатлѣнія взрыва, который произошелъ въ послѣднихъ числахъ сентября (по новому стилю). Не выходятъ изъ своихъ компатъ" („Русскій Арх." 1876 г. 4, стр. 414). Такъ писалъ Ростопчинъ объ императрицѣ графу С. Воронцову.

Императрица измѣнила свои привычки, только по воскресеньямъ появлялась у обѣдни и къ обѣду, лишь изрѣдка

допускала близкихъ себѣ лицъ въ брилліантовую комнату или въ Эрмитажъ. Почти всѣ вечера она проводила въ своей комнатѣ съ нѣсколькими лицами, которымъ оказывала совершенно особое благоволеніе.

Въ воскресенье 2 ноября 1796 г. императрица Екатерина въ послѣдній разъ появилась публично. Казалось, она вышла, чтобы проститься со своими подданными. Послѣ обѣдни императрица довольно долго оставалась въ тронной залѣ, гдѣ Ле-Бренъ выставила только-что оконченный ею портретъ великой княгини Елисаветы во весь ростъ. Ея величество долго разсматривала этотъ портретъ и говорила о немъ съ лицами, приглашенными къ обѣду. Затѣмъ состоялся большой обѣдъ, какъ это было принято по воскресеньямъ. Среди приглашенныхъ находились великіе князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ, а также ихъ супруги.

Еще утромъ на слѣдующій день она чувствовала себя вполнѣ хорошо, обычно встала въ ранній часъ, принимала Зубова и секретарей. Но, выйдя въ сосѣднюю съ кабинетомъ гардеробную, она лишилась чувствъ, упала... и больше не приходила въ себя.

Павелъ Петровичъ такъ мало ожидалъ вошествія на престолъ, что когда въ Гатчину прибылъ 5 ноября 1896 г. графъ Н. А. Зубовъ, посланный великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ съ вѣстью о смерти Екатерины отъ апоплексіи, то онъ перепугался, думая, что его тотчасъ арестуютъ и сошлютъ въ замокъ Лоде, о чемъ давно поговаривали, и въ волненіи сказалъ женѣ: „Милая, мы погибли“. Узнавъ же, что его ожидалъ престолъ, былъ такъ потерянъ, что, по словамъ Шильдера, „внезапный переходъ отъ страха къ противоположному чувству подѣйствовалъ погубнымъ образомъ на его нервы и самый мозгъ; даже Кутайсовъ (тогда камеръ-фурьеръ и брадобрей) выразилъ впослѣдствіи сожалѣніе, что не пустилъ немедленно крови молодому князю“.

Императрица безъ чувствъ лежала на полу, на матрацѣ, отгороженная ширмой. Комната была еле освѣщена. Екатерину окружали лишь Протасова, первая камерфрейлина, и Алексѣева, одна изъ первыхъ камеръ-юнгфрау. Ихъ рыданія смѣшивались съ страшнымъ хрипѣніемъ императрицы.

Это были единственные звуки, нарушавшіе глубокое безмолвіе... Великій князь Александръ и сопровождавшая его великая княгиня Елисавета не оставались долго передъ этимъ зрѣлищемъ, глубоко взволновавшимъ ихъ. Они отправились къ великому князю Константину, помѣщеніе котораго находилось по близости. Но и тамъ оставались лишь нѣсколько минутъ, такъ какъ въ это время прибылъ ихъ отецъ великій князь Павелъ.

Павелъ, не заходя къ себѣ, такъ же какъ и его супруга водворились въ апартаментахъ императрицы. Будущій императоръ устроился въ кабинетѣ, прилегавшемъ къ спальнѣ его матери, такъ что всѣ тѣ, кому онъ отдавалъ приказанія, проходили, направляясь въ кабинетъ и обратно мимо императрицы Екатерины, еще продолжавшей дышать.

Почти двое сутокъ боролся въ безсознательномъ состояніи крѣпкій организмъ императрицы со смертью. 6 ноября 1796 г. „Россійское солнце погасло“ (Шишковъ). Родственники и близкіе, люди различныхъ партій и убѣжденій, склонились предъ прахомъ той, которая въ благодарность за гостепріимный сердечный пріемъ Россіи, полюбила новое свое отечество, отдала ему всѣ свои силы и возвысила его.

XIV.

Главныя черты характера императрицы Екатерины II. Положительныя и отрицательныя достоинства ея личности. Практическій характеръ царствованія Екатерины. Автобіографическія ея замѣчанія.

Императрица Екатерина II обладала отъ природы прекраснымъ физическимъ здоровьемъ и богатыми разносторонними способностями, развитію которыхъ вполнѣ благопріятствовали условія и обстоятельства ея долговременной жизни.

Хотя сама Екатерина находила, что она много теряетъ при ближайшемъ знакомствѣ съ нею и выигрываетъ лишь издали,—„je ne suis bonne qu'à être vue de loin“,—писала она не разъ,—личность Екатерины,—будемъ ли мы разсматривать ее какъ образъ правительницы, государственнаго дѣ-

ятеля, или какъ—частнаго лица въ сферѣ личныхъ житейскихъ отношеній,—производитъ сильное впечатлѣніе и заслуживаетъ вниманія какъ историка, такъ и психолога.

Всѣ современники, видѣвшіе и говорившіе съ императрицей, поражались ея обширнымъ административнымъ тактомъ и были въ восторгѣ отъ ея любезнаго обращенія въ житейскомъ быту. Силу любезности Екатерины испытали всѣ, кому только приходилось встрѣчаться съ императрицей, начиная отъ камеръ-фрау Перекусихиной и кончая вѣнценосными особами и выдающимися писателями того времени. Общимъ тономъ удивленія къ императрицѣ проникнуты почти всѣ письма и мемуары современниковъ. Одинъ только мужъ императрицы, Петръ III, не видѣлъ въ своей женѣ никакихъ достоинствъ. Но никто и не признавалъ въ немъ по этой части компетентнаго цѣнителя.

Въ характерѣ Екатерины нельзя указать одной какой-либо исключительно выдающейся черты. Это былъ многогранный характеръ, всѣ стороны котораго были симметрично сложены, и ни одна изъ нихъ не выдѣлялась рѣзко. Характеръ Екатерины выработался не въ одиночествѣ, а среди житейской толкотни, на будничной аренѣ живого общенія съ людьми. А такого рода характеры бываютъ наиболѣе цѣльными и уравновѣшенными.

У нея былъ чисто мужской складъ ума, чуждый безпочвенныхъ, фантастическихъ увлеченій,—воспитанный на философски-политическихъ идеяхъ XVIII вѣка. Однимъ изъ отличительныхъ свойствъ этого ума было умѣніе быстро, концентрически обнимать всѣ положительныя стороны дѣла не только со стороны его сущности, но и со стороны второстепныхъ обстоятельствъ. Она никогда не теряла изъ виду того, что принято называть „ensambl'емъ“ дѣла. Ея фантазія была самой слабой способностью. Она вѣрила въ свой разумъ и въ силу разума, въ здравый смыслъ того народа, которымъ была призвана управлять. При серьезности, быстротѣ и поразительной ясности соображеній, умъ Екатерины отличался въ тоже время тонкой женской разсчетливостью, памятливостью, умѣніемъ догадываться, чувствовать положеніе минуты...

Это былъ очень гибкій, разнообразный въ своихъ проявленіяхъ умъ. Смотря по надобности, онъ принималъ разныя формы. Отъ житейской мелкой разсчетливости онъ переходилъ къ политической дальновидности, къ рѣшенію сложныхъ международныхъ вопросовъ, иногда возвышался до отвлеченныхъ, академическихъ теорій (какъ, напр., къ рѣшенію проблемъ о первобытныхъ формахъ языка). Находчивость въ средствахъ для достиженія разъ намѣченной цѣли была у Екатерины удивительна. Извѣстно, какія тонкости и уловки она вносила въ дипломатію...

Хотя Екатерина говорила, что не любитъ людей, натертыхъ чужимъ умомъ и знаніями, тѣмъ не менѣе она сама съ удивительной воспріимчивостью и точностью перенимала чужія мысли. Ея умственный арсеналъ былъ очень обширенъ. Всему тамъ находилось мѣсто, и ничего въ немъ не пропадало даромъ. Недаромъ ее называли „Царскосельской Минервой". Вольтеръ, Дидро, энциклопедисты, Бюфонъ, Гиббонъ, Блекстонъ, Куръ-де-Жебеленъ и многіе другіе лежали каждый на своемъ мѣстѣ въ ея умственномъ арсеналѣ, и изъ каждаго она умѣла извлекать то, что требовалось въ ту или другую минуту. Она всегда умѣла найтись, и ее трудно было застать врасплохъ. „Точность и справедливость въ разсужденіяхъ, говоритъ о ней князь О. Н. Голицынъ, большая память и даръ объяснять свои мысли самымъ лучшимъ и яснымъ образомъ, съ прочими всѣми пріятностями женскаго пола, а притомъ, когда ей надлежало, имѣла самый величественный видъ, умѣла себя воздерживать въ первомъ движеніи и властвовать во многомъ собой" („Р. Ст." 1896 г., ноябрь 278).

Нѣжная чувствительность, сантиментальныя настроенія и платоническіе порывы не составляютъ отличительной особенности Екатерины. Она больше справляется съ умомъ, чѣмъ съ сердцемъ. Оставшись въ уединеніи отъ государственныхъ дѣлъ, она скорѣе отдается остроумію и игривымъ шуткамъ, чѣмъ проявленіямъ сердечности. Ея остроуміе тяжело, какъ и всякое мыслительное остроуміе... Но иногда шутки императрицы (какъ показываютъ ея письма, записки) достигали удовлетворительной высоты: Екатерина легко умѣла нахо-

дить соотношеніе между самыми, повидимому, несродными предметами.

Одною изъ основныхъ чертъ личности Екатерины было правдолюбіе и ненависть ко лжи. Въ одѣ Державина „Фелица“ Екатеринѣ особенно нравилось мѣсто:

Еще же говорятъ неложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

Еще въ дѣтствѣ она ненавидѣла ложь и обманъ. „Самою мерзкою изъ всѣхъ ролей мнѣ всегда казалось роль обманутой; бывши еще ребенкомъ, я горько плакала, когда меня обманывали“, писала Екатерина. Въ своемъ Наказѣ она рѣшительно заявляетъ, что „ложь изо всѣхъ вреднѣйшій есть порокъ“. Ее однако не разъ обманывали и ея именемъ злоупотребляли. Она это знала и должна была, скрѣпя сердце, мириться съ нѣкоторыми неудобствами своего положенія. „Императрица,—какъ замѣтилъ одинъ изъ ея современниковъ,—должна поневолѣ вѣрить, что города, для которыхъ отпущены ею громадныя суммы, уже застроены, между тѣмъ какъ нерѣдко встрѣчаются города безъ улицъ, улицы безъ домовъ, дома безъ крышъ и оконъ“ („Р. Ст.“, 1896 г., XI. 278).

Поставивъ себѣ за образецъ Петра Великаго, именемъ котораго она охотно начинала свои манифесты и указы, она старалась подражать энергіи неутомимаго преобразователя Россіи... Въ одномъ частномъ письмѣ Екатерина такъ описываетъ свой „ordre de jour“. „Я встаю всегда въ 6 часовъ утра, читаю и пишу одна до 8, потомъ приходятъ ко мнѣ съ докладами и это продолжается до 11 часовъ и болѣе, послѣ чего я одѣваюсь. По воскресеньямъ и праздникамъ я хожу къ обѣднѣ, а въ другіе дни выхожу въ пріемную комнату, гдѣ обыкновенно дожидается меня цѣлая толпа людей; поговоривъ съ ними полъ часа или три четверти, сажусь обѣдать а по выходѣ изъ-за стола является гадкій генералъ („le vilain général“), такъ шутливо Екатерина называла Бецкаго, для моего наученія, беретъ книгу, а я—свою работу. Наше чтеніе, если не прервется приходомъ писемъ или другими препятствіями, продолжается до 5 часовъ съ половиною, затѣмъ я иду въ театръ или болтаю съ кѣмъ-либо до ужина,

который оканчивается въ 11 часовъ, когда я ложусь спать".

Екатерина находила, что человѣкъ только тогда счастливъ, когда работаетъ. Это убѣжденіе вынесла она изъ своего личнаго опыта. Она вѣчно, суетилась и любила, чтобы ее тормошили и не давали бы возможности скучать. Чѣмъ больше она работала, тѣмъ была веселѣе. Когда наступали особенно важныя государственныя дѣла, она обнаруживала изумительную дѣятельность, работала по шестнадцати часовъ подъ рядъ, до тѣхъ поръ, пока голова не валилась на подушки. И даже во снѣ ея мысли не знали отдыха. „Во снѣ, говоритъ она, приходитъ на мысль все, что надо бы сказать, написать или сдѣлать". Фридрихъ II, тоже извѣстный работникъ на престолѣ, поражался неутомимостью ея работы и не безъ досады спрашивалъ русскаго посла: „Неужели императрица такъ много занимается? Мнѣ сказывали, что она работаетъ больше меня".

Хотя Екатерина, еще будучи великой княгиней, составила себѣ опредѣленные теоретическіе принципы управленія государствомъ и даже имѣла случай примѣнять ихъ отчасти и на практикѣ, но ставъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, она поняла, что отъ многаго необходимо отступиться совершенно, многое отложить на долгое время. Мудрость Екатерины, какъ правительницы, заключается въ томъ, что, не сознавая въ себѣ творческой силы и энергіи, способныхъ идти на проломъ, какъ это дѣлалъ Петръ Великій, она подчинила свои личные взгляды условіямъ времени и мѣста; приложила всѣ старанія къ послѣдовательнымъ по частямъ измѣненіямъ и улучшеніямъ общаго государственнаго механизма. Смотря въ годы своей юности на государство и на народъ, какъ на нѣчто отвлеченное, Екатерина естественно впала въ ошибки всѣхъ теоретиковъ, которые устанавливали прекрасную и стройную систему въ идеѣ, а на практикѣ мало пригодную къ мѣстному быту и исторически сложившимся отношеніямъ. „Я вполнѣ понимаю ваши великія начала, говорила она Дидро въ 1774 г., — только съ ними хорошо писать книги, но плохо дѣйствовать. Вы имѣете дѣло съ бумагой, которая все терпитъ, а я, бѣдная императрица, имѣю дѣло съ людьми, которые почувствительнѣе и пощекотливѣе бумаги". Природный умъ подсказалъ Ека-

теринѣ односторонность теоріи Монтескье (сочиненіе котораго „О духѣ законовъ“ она знала до мельчайшихъ подробностей), и она бесѣдуетъ о различныхъ государственныхъ и экономическихъ вопросахъ съ гр. Сиверсомъ, Панинымъ, Бестужевымъ, Минихомъ, Шаховскимъ, Вяземскимъ и др. Этихъ людей она не только наблюдаетъ, но внимательно изучаетъ и даетъ имъ въ волю высказываться, когда они начинали говорить. Современники удивлялись ея искусству слушать, кто бы о чемъ ни говорилъ. Собесѣдниковъ своихъ она изучала внимательнѣе, чѣмъ вещи. Люди были для нея необходимѣе. Чрезъ вѣрныхъ людей-помощниковъ она могла установить всякія отношенія между вещами, какія хотѣла

Привычка съ малыхъ лѣтъ жить среди самыхъ разнообразныхъ по характеру и общественному положенію людей содѣйствовала развитію въ Екатеринѣ наблюдательности. Но ея наблюдательность была направлена не на недостатки и слабость людей, пользуясь которыми многіе умѣютъ устраивать свои дѣла, а на достоинства, на лучшія стороны ихъ характера, знаніе которыхъ давало Екатеринѣ могущественное средство для достиженія намѣченныхъ ею цѣлей.

Екатерина умѣла пріобрѣтать нужныхъ для себя людей, и въ этомъ—едва ли не одна изъ главнѣйшихъ причинъ блеска ея царствованія. Въ выборѣ сотрудниковъ она держалась правила: если нѣтъ способныхъ людей, то нужно ихъ сдѣлать изъ тѣхъ, какіе есть. „Всякая страна, говорила Екатерина, способна доставлять людей, необходимыхъ для дѣла. Я никогда не искала и всегда находила подъ рукою людей, которые мнѣ служили и большею частью служили хорошо“. „Богъ намъ свидѣтель, что мы, круглые невѣжды, не имѣемъ никакой особенной склонности къ дуракамъ на высокихъ мѣстахъ“.

Въ отношеніи къ своимъ помощникамъ она предпочитала систему подсказыванія и внушенія системѣ повелѣнія и начальственнаго принужденія. Съ замѣчательнымъ тактомъ Екатерина умѣла возбуждать у своихъ ближайшихъ помощниковъ служебную ревность, соревнованіе въ ихъ общей работѣ, умѣрять соперничество и примирять партіи враждую-

щихъ. По ея собственнымъ словамъ, она выступала курцъ-галопомъ между постоянно враждовавшими гр. Орловымъ и Панинымъ... и это не мѣшало общему теченію государственныхъ дѣлъ: „дѣла шли и шли большимъ ходомъ".

Привязываясь къ государственнымъ дѣятелямъ, она тѣмъ не менѣе считала полезнымъ періодически освѣжать правительственную атмосферу притокомъ новыхъ силъ. Смѣна государственныхъ дѣятелей практиковалась при ней довольно часто. Около старыхъ государственныхъ дѣятелей она любила ставить молодыхъ, для того, чтобы, какъ она говорила, мѣшать ржавчинѣ останавливать колеса и пришпоривать бездарности.

Обладая ненасытной жаждой широкой административно-государственной дѣятельности, Екатерина по самому складу своего характера не могла допустить прямой самостоятельности своихъ министровъ и приближенныхъ. „Изъ всѣхъ преемниковъ Петра Великаго, говоритъ Бильбасовъ, одна Екатерина не только царствовала, но и управляла Россіей. Не по недовѣрію къ людямъ, ею же избираемымъ, а по любви и участію къ Россіи и русскому народу, Екатерина никогда не полагалась на представляемые ей доклады и всегда, по всѣмъ частямъ управленія, сама разсматривала всѣ вопросы и разбирала всѣ дѣла. Кромѣ массы напечатанныхъ уже ея рѣшеній, въ архивахъ хранятся несчетные томы бумагъ, ею прочитанныхъ и отмѣченныхъ поправками ея руки. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ ограничивалась она „быть по сему"; по большей части доклады исправлялись ею, иногда же, особенно предназначенные для обнародованія, ею и составлялись. При рѣшеніи дѣлъ Екатерина была очень осторожна; она обыкновенно не рѣшала ни одного дѣла глазъ-на-глазъ съ докладчикомъ. Она всегда провѣряла докладъ, совѣщалась, совѣтовалась и никогда никому не удавалось у ней „вырвать" Высочайшее повелѣніе, предрѣшающее вопросъ или узаконяющее мѣру, предлагаемую докладчикомъ. За эту осторожность С. Р. Воронцовъ воздалъ ей должное въ письмѣ къ ея внуку, который нерѣдко клалъ резолюціи по личнымъ указаніямъ министра.

Екатерина всегда была бодра и никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, какъ бы плохи они ни были, не падала

духомъ. Когда въ 1769 году русскія военныя дѣла шли очень не важно и давали серьезный поводъ всѣмъ недругамъ Россіи злорадствовать по ея адресу и даже предсказывать скорое ея паденіе, Екатерина писала подругѣ своей матери: „Пойдемъ бодро впередъ. Это—поговорка, съ которою я одинаково провела и хорошіе и худые годы, и вотъ прожила цѣлыхъ 40 лѣтъ, и что значитъ настоящая бѣда въ сравненіи съ прошлыми". Уныніе было не въ ея характерѣ. Только въ 1788 году, когда было получено извѣстіе, что турки объявили Россіи вторую турецкую войну, Екатерина какъ будто поддалась робости, и очевидцы разказывали, что императрица чуть ли не первый разъ въ жизни заговорила необычнымъ тономъ о непрочности земного величія и превратности судьбы. Но такое настроеніе императрицы длилось недолго. Скоро она пришла въ себя и заговорила съ веселымъ видомъ о своей увѣренности въ успѣхѣ. Она хвалилась, что никогда не оставляла себя и никогда не падала въ обморокъ. Она прошла прекрасную школу самообладанія, когда, брошенная мужемъ и оскорбленная въ своихъ лучшихъ чувствахъ женщины, вырабатывала планъ, какъ уйти отъ монашескаго клобука, который совершенно неподходилъ къ ея головѣ, наполненной идеями Вольтера, Дидро, Монтескье...

При всемъ своемъ величіи Екатерина была близка къ народу, съ которымъ держала себя просто. Народу нравилось, что она, напримѣръ, ходила пѣшкомъ. Чтобы войти глубже въ общество, чтобы наблюдать его не свысока, не изъ Петербурга, она предпринимала въ первые годы рядъ путешествій. Такъ, въ 1763 г. она совершила путешествіе пѣшкомъ изъ Москвы въ Ростовъ, проходя по 10 верстъ въ день и садясь въ карету только въ ненастные дни. Выйдя 12 мая, она чрезъ 12 дней была уже въ Ростовѣ, гдѣ въ ея присутствіи было торжество перенесенія мощей Св. Димитрія Ростовскаго. До какой степени она была предусмотрительна относительно фактовъ, которые могли бы имѣть нежелательныя послѣдствія, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать хотя бы слѣдующее ея распоряженіе, которое она сдѣлала изъ Ростова во

время своего путешествія въ 1772 г.: „завтра ѣду далѣе въ путь... а преосвященный Сѣченовъ хочетъ запечатовать раку, дабы мощей не украли; однако я просила, чтобы народъ не подумалъ, что мощи отъ меня скрылись, оставить ихъ еще нѣсколько времени снаружи“.

Въ 1764 г. она объѣхала Прибалтійскія губерніи; весною 1767 г. рѣшилась проплыть по Волгѣ. Она отправилась съ многочисленной свитой и со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ. Въ Твери сѣла на барку и спустилась до Симбирска. Это путешествіе было для нея въ высшей степени назидательно. Она не знала, достанетъ ли у нея средствъ упрочить за собою народную любовь, успѣетъ ли она сладить съ общественнымъ мнѣніемъ... Поѣздка убѣдила ее, какъ мало нужно сдѣлать для этого народа, чтобы вызвать съ его стороны самую искреннюю преданность. Когда еще ничего не было сдѣлано, а много пообѣщано, Екатерину уже всюду встрѣчали съ неописаннымъ восторгомъ.

Во всякомъ почти дѣлѣ она преслѣдовала практическія цѣли, и начинанія безъ практически-опредѣленныхъ результатовъ казались ей пустыми. На любимой ея печати вырѣзаны были улей, кустъ цвѣтовъ и надпись—„полезное“. Такой именно гербъ былъ данъ ею „Вольно-Экономическому Обществу“.

Палласъ, Гмелинъ, Лепехинъ, Крашенинниковъ, Миллеръ Фишеръ, Лакеманъ и др. посылаются ею въ различныя области для практическаго изученія далекихъ странъ, или какого либо практическаго дѣла. Руководясь тѣми же практическими соображеніями, она открываетъ вмѣсто предлагаемаго ей университета горное, лѣкарское, водоходное училища и учреждаетъ массу элементарныхъ народныхъ училищъ. Ее въ высшей степени интересуетъ борьба съ монополіями, пониженіе цѣнъ на хлѣбъ, борьба съ лихоимствомъ. Даже такое, повидимому, отвлеченное начинаніе, какъ предложеніе вооруженнаго нейтралитета было въ сущности дѣломъ дальновидныхъ практическихъ соображеній въ дѣлахъ международной политики.

Обладая рѣшительнымъ характеромъ, она всегда стремилась къ тому, чтобы скоро и хорошо дѣлать только то, что достославно въ исторіи и за что можно разсчитывать на благословеніе потомства. Ей нравилась „та слава, которая не только въ настоящемъ производитъ добро, но и въ будущемъ создаетъ безчисленныя поколѣнія добрыхъ". Торопясь проявить всесторонне свой геній въ самыхъ разнообразныхъ сторонахъ дѣятельности, но въ тоже время обладая большой выдержкой сдержанности, терпѣнія и разсудительности, Екатерина съ чисто тевтонской осторожностью слѣдила, чтобы не допустить въ государственныхъ дѣлахъ путаницы, чего-либо недостойнаго ея имени. Она имѣла привычку колебаться предъ рѣшеніемъ того или другого крупнаго вопроса, систематически взвѣшивать вѣроятности успѣха и неудачи. На всѣхъ ея дѣлахъ лежитъ печать искренней любви къ Россіи, уваженія къ ея обычаямъ и преданіямъ, которые она понимала такъ, какъ будто бы была коренной русской женщиной.

Екатерина очень любила искусство: театръ, картинныя галлереи, скульптурныя изображенія .. Но музыки не понимала. Въ сложныхъ музыкальныхъ композиціяхъ она видѣла лишь шумъ и больше ничего. Бывая въ театрѣ на концертахъ, она просила своихъ меломановъ давать ей знакъ, когда и кому слѣдуетъ аплодировать.

Она очень любила веселиться и сознавалась, что веселіе — одна изъ сильныхъ сторонъ ея характера. Она охотно слушала комическую оперу. Для ея удовольствія былъ спеціально выписанъ изъ Италіи маэстро Панзіелло, который развлекалъ ее своими представленіями въ Эрмитажѣ. Она предложила посѣщать комическія представленія даже членамъ Св Синода, которые хохотали до слезъ...

Художественныя богатства царствованія Екатерины обширны. Они собраны главнымъ образомъ въ Эрмитажѣ, который является лучшимъ памятникомъ художественнаго вкуса императрицы. Въ Петербургѣ и его окрестностяхъ сохранились многія сооруженія Тромбара, Кваренги, Камерона, Кле-

риссо, Фальконата, мастеровъ, работавшихъ по указанію императрицы, не говоря уже о русскихъ художникахъ: Баженовѣ, Чевекинскомъ и др.

Современники находили въ Екатеринѣ и недостатки. Ее наприм. упрекали въ непомѣрномъ самолюбіи, тщеславіи, въ первподушіи къ славѣ. Но эти недостатки, дѣйствительно бывшіе въ Екатеринѣ, блѣднѣютъ и расплываются предъ ея достоинствами. Нѣкоторые изъ указанныхъ недостатковъ нельзя назвать таковыми, напр., славолюбіе. Представляя собою открытую пружину всѣхъ хорошихъ начинаній, славолюбіе является въ тоже время причиной источниковъ государственныхъ доблестей. Не даромъ Фридрихъ II былъ убѣжденъ, что государей приводитъ въ движеніе честолюбіе. Екатеринѣ необходимо было развить въ себѣ эти качества для того, чтобы славою царствованія закрыть шероховатости своего вступленія на престолъ. Не нужно забывать, что Екатерина взяла престолъ, а не получила его. А взятая власть является въ своемъ родѣ какъ бы неоплаченнымъ счетомъ, который представляетъ общество. Екатеринѣ нужно было „прославиться“, чтобы этимъ фондомъ покрыть предъявленный вексель... Извѣстно, что она съ избытковъ оправдала ожиданія общества и очень скоро оплатила счетъ. Но славолюбіе никогда не ослѣпляло Екатерину, не доводило ее до самомнѣнія. Ея письма и записки, имѣющія характеръ глубокаго самоанализа, показываютъ, что Екатерина до мельчайшихъ нитей разматывала ткани своихъ душевныхъ настроеній и больше всего боялась быть смѣшной, предстать въ невыгодномъ для себя свѣтѣ.

Будучи нѣсколько мнительной и боясь суда общественнаго мнѣнія, Екатерина, при всей своей любви къ правдолюбію, допускала къ себѣ слабость лести, потому что считала послѣднюю показателемъ, хотя и преувеличеннымъ общественнаго мнѣнія. Умѣренная лесть притомъ же пробуждала въ Екатеринѣ чувства здороваго самодовольства и возбуждала энергію къ еще большей дѣятельности. Она любила тонкую, умную лесть. Напыщенныя риторическія похвалы возбуждали въ ней недовольство.

Привычка къ удачамъ, къ счастью во всѣхъ своихъ дѣлахъ, сдѣлала ее нѣсколько самонадѣянной и обидчивой. Какъ женщина, знающая себѣ цѣну, она была горда, но ея гордость опиралась на дѣйствительныя качества ума и потому знала мѣру и никогда не преходила въ самомнительное величіе.

Екатерину разные историки упрекали въ фаворитизмѣ. „Человѣкъ не властенъ въ своемъ сердцѣ; онъ не можетъ по произволу сжимать его въ кулакъ и потомъ опять давать свободу",—говоритъ Екатерина въ своей автобіографіи, имѣя въ виду нѣкоторыя свои сердечныя увлеченія. Но къ чести Екатерины нужно однако сказать, что она никогда не подчиняла фаворитамъ государственныхъ интересовъ, какъ это дѣлали Екатерина I (Меньшиковъ) или Анна Ивановна (Биронъ). „Nous sommes hommes avant que d'etre ceci ou cela", говорила Екатерина и этими словами не только опредѣлила свое отношеніе къ людямъ вообще, но и выразила косвенно ту мысль, что государи цѣнятся не по ихъ частнымъ дѣламъ, не чуждымъ недостатковъ, но по государственнымъ дѣламъ, въ которыхъ все частное, личное забывается, а остается лишь то, что сдѣлано для народа, государства и съ чѣмъ историческія лица переходятъ въ память потомства. „Не всѣ политическіе пороки суть пороки моральные и не всѣ пороки моральные суть политическіе пороки",—писала Екатерина въ своемъ „Наказѣ",

„Клевета, вырвавшая цвѣты съ могилы Маріи-Антуанеты, захочетъ, быть можетъ, вырвать и лавры съ могилы Екатерины Великой. Самозванные собиратели анекдотовъ, памфлетисты, историки-дилетанты, люди пустые, злонамѣренные или коварные захотятъ, быть можетъ, умалить славу Екатерины; это имъ не удастся, и она восторжествуетъ благодаря тому, что̀ я самъ видѣлъ, путешествуя съ нею по Россіи: благодаря любви и восторгу ея подданныхъ, ея народа". Это говоритъ иностранецъ Де-линь, менѣе всего заинтересованный въ возвеличіи Екатерины.

Австрійскій король вначалѣ, въ письмѣ своемъ къ матери, Маріи-Терезіи, называетъ Екатерину „ангельтинкой"; въ служебномъ письмѣ къ Кауницу — „la princesse de Zerbst

Cathérinisée", а въ предсмертномъ посланіи къ Екатеринѣ, тотъ же Іосифъ называетъ себя „le plus loyal de ses amis et le plus juste de ses admirateurs" и молитъ русскую императрицу помочь его преемнику, поддержать его монархію.

Сжатый очеркъ о своей личности даетъ сама императрица. Въ шутливую минуту она сама составила себѣ надгробную надпись: „Здѣсь лежитъ Екатерина Вторая, родилась въ Штетинѣ 21 апрѣля (2 мая) 1729 г. Она прибыла въ Россію въ 1744 году, чтобы выйти замужъ за Петра III. Четырнадцати лѣтъ отъ роду она имѣла тройное намѣреніе— понравиться своему мужу, Елисаветѣ и народу. Она ничего не забывала, чтобы успѣть въ этомъ. Въ теченіе 18 лѣтъ скуки и уединенія, она поневолѣ прочла много книгъ. Вступивъ на Россійскій престолъ, она желала добра и старалась доставить подданнымъ счастье, свободу и собственность. Она легко прощала и не питала ни къ кому ненависти. Пощадливая, обходительная, отъ природы веселонравная, съ душою республиканскою и съ добрымъ сердцемъ, она имѣла друзей. Работа ей легко давалась, она любила искусство и быть на людяхъ". Нѣсколько позднѣе она въ одномъ частномъ письмѣ такъ очерчивала свою личность: „Вотъ приблизительно мой портретъ. Я никогда не признавала за собою творческаго ума. Мною всегда было очень легко руководить, потому что для достиженія этого нужно только было представить мнѣ мысли несравненно лучше и основательнѣе моихъ: тогда я была послушна, какъ агнецъ. Причина этого заключается въ крайнемъ моемъ желаніи блага государству, я была такъ счастлива, что попала на добрыя и истинныя начала, которымъ я была обязана великими успѣхами. Я испытала и большія невзгоды, происшедшія отъ ошибокъ, въ которыхъ я не имѣла никакого участія, а можетъ быть и отъ того, что предписанное мною исполнялось не въ точности. Несмотря на мою природную гибкость, я умѣла быть упрямою или твердою (какъ угодно), когда это было нужно. Я никогда не стѣсняла ничьего мнѣнія, но въ случаѣ необходимости имѣла свое собственное. Я не любила споровъ, убѣдившись, что каждый всегда остается при своемъ мнѣніи: при томъ же я не умѣю гово-

рить особенно громко. Я никогда не была злопамятна, потому что такъ поставлена Провидѣніемъ, что не могла питать этого чувства къ частнымъ лицамъ и находила обоюдныя отношенія слишкомъ неравными, если смотрѣть на дѣло справедливо. Вообще, я люблю правосудіе, но нахожу, что вполнѣ строгое правосудіе не есть правосудіе и что одна только справедливость соразмѣрна съ слабостью человѣка. Но во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе и снисхожденіе къ человѣческой природѣ предпочитала я правиламъ строгости, которыя, какъ мнѣ казалось, превратно понимаютъ. Къ этому влекло меня собственное мое сердце, которое я считаю кроткимъ и добрымъ. Когда старики проповѣдывали мнѣ строгость, я, заливаясь слезами, сознавалась имъ въ своей слабости, и случалось, что иныя изъ нихъ, также со слезами на глазахъ, принимали мое мнѣніе. Нравъ у меня веселый и откровенный, но на своемъ долгомъ вѣку я не могла не узнать, что есть желчные умы, которые не любятъ веселости: не всѣ люди могутъ переносить правду и искренность".

Ни одно царствованіе, по крайней мѣрѣ, въ XVIII вѣкѣ, даже царствованіе Петра Великаго, не оставило послѣ себя такого энтузіастическаго впечатлѣнія въ обществѣ, какъ царствованіе Екатерины II, говоритъ Ключевскій („Русск. Мысль" 1896 г, ноябрь), и ни одинъ изъ русскихъ государей кромѣ Петра I, не удостоился такой высокой похвалы въ нашей народной поэзіи, какъ Екатерина II. Смерть ея произвела большое впечатлѣніе на народѣ, который любилъ вспоминать свою „матушку-государыню" и возносить къ ней свои взоры въ тяжкія годины жизни:

„Подымитесь, вѣтры буйные,
Разнесите всѣ желты пески,
Размахнися шелкова парча,
Разломися гробова доска,
Поднимися наша матушка,
Милосердная государыня,
Катерина Алексѣевна.
Безъ тебя намъ жить похужѣло
Всему царству потяжелѣло".

(„Русск. Ст." 1896 г. XI. 280).

Если справедливо, что общая мысль народа есть отраженіе голоса самого Неба, то слѣдуетъ признать, что въ лицѣ императрицы Екатерины Алексѣевны Провидѣніе дало образъ исключительнаго царствованія, рѣдкаго въ исторіи народовъ вообще. Это было царствованіе, которое началось общимъ неподдѣльнымъ восторгомъ всѣхъ русскихъ людей, сопровождалось исключительнымъ счастьемъ и кончилось блескомъ, надолго озарявшемъ пути царствованной дѣятельности послѣдующихъ русскихъ вѣнценосцевъ.

Ѳ. А. Кудринскій.

Административная дѣятельность Императрицы Екатерины II.

(Административно-сословныя и финансово-экономическія преобразованія).

I.

Состояніе Россіи при вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II. Наказъ. Комиссія для составленія проекта новаго уложенія. Ходъ работъ комиссіи. Причины неудачи комиссіи. Значеніе комиссіи и наказа. Преобразованія въ центральномъ управленіи. Сенатъ. Проектъ Н. И. Панина объ учрежденіи постояннаго императорскаго совѣта. Преобразованія въ сферѣ областнаго управленія. Всеобщее обмежеваніе. Губернскія учрежденія. Мѣры о сословіяхъ. Жалованная грамота дворянству. Городовое положеніе. Крестьянскій вопросъ. Волненія народныя въ царствованіе императрицы Екатерины II. Пугачевщина и ея значеніе. Расцвѣтъ крѣпостного права.

Императрица Екатерина II вступила на престолъ съ самыми широкими преобразовательными идеями, но ей только отчасти удалось привести эти идеи въ исполненіе, большинство же ихъ было выполнено только въ послѣдующія царствованія. Тѣмъ не менѣе, послѣ Петра Великаго царствованіе Екатерины II въ нашей исторіи является временемъ наиболѣе внимательнаго изученія нуждъ Россіи и работы на пользу ея.

Уже въ первомъ своемъ манифестѣ императрица выразила желаніе „привести всѣ правительственныя мѣста въ должный порядокъ, дать имъ точные предѣлы и законы".

Но первые 5 лѣтъ царствованія протекли въ томъ, что молодая государыня присматривалась къ дѣламъ, усердно изучала положеніе страны, подбирала себѣ сотрудниковъ и знакомилась съ самой Россіей, предпринимая цѣлый рядъ поѣздокъ по государству. Ея богатыя способности, привычка къ труду, наблюдательность и широкая степень умственнаго развитія вскорѣ дали ей возможность вникнуть во всѣ подробности управленія и намѣтить основныя черты будущихъ преобразованій.

Положеніемъ дѣлъ, какое она застала при вступленіи на престолъ, она имѣла причины быть недовольной. Русская армія, стоявшая въ Пруссіи, не получала жалованья 8 мѣсяцевъ. Россія не имѣла кредита за границей, и во время семилѣтней войны императрица Елизавета Петровна не могла занять въ Голландіи двухъ милліоновъ рублей даже подъ высокіе проценты. Государственныхъ доходовъ по вѣдомостямъ значилось 16 милл. рублей въ годъ, императрица подсчитала ежегодные доходы, и оказалось по счету, что изъ 28 милл., 12 милл. куда-то улетучивались. Внѣшней русской торговлей совсѣмъ завладѣли иностранцы, внутренняя торговля и производства также оставляли желать много лучшаго, такъ какъ важнѣйшія отрасли производства составляли монополію частныхъ лицъ. Главное правительственное учрежденіе—сенатъ не зналъ точно цифры доходовъ и расходовъ государственныхъ, въ немъ не было даже списка русскихъ городовъ, въ которые онъ назначалъ правителей, за дѣятельностью же послѣднихъ онъ самъ долженъ былъ наблюдать. Когда на одномъ засѣданіи Екатерина II попросила навести справку по атласу о городахъ, атласа не оказалось, она вынула 5 рубл. и послала секретаря купить атласъ и подарила его сенату. Въ то же время сенатъ присвоилъ себѣ, по мнѣнію императрицы, слишкомъ много власти и подавилъ всякую самостоятельность подчиненныхъ ему учрежденій, самъ же рѣшалъ дѣла необыкновенно медленно, потому что слушалъ не краткія извлеченія изъ дѣлъ, а самыя дѣла со всѣми обстоятельствами, такъ напримѣръ, цѣлыхъ 6 недѣль онъ слушалъ только доклады о выгонѣ г. Масальска и подгородныхъ лугахъ. Между тѣмъ въ губерніяхъ сенатскія предписанія исполнялись такъ небрежно, что обыкновенно первый и второй указы оставлялись безъ вниманія, и вошло въ поговорку выраженіе: „ждутъ третьяго указа“. Губернаторы, воеводы и чиновники различныхъ канцелярій не получая жалованья, кормились отъ дѣлъ по-старому, т.-е. брали взятки, несмотря на строгіе указы, ихъ запрещавшіе. Внутри государства крестьяне монастырскіе и заводскіе, волнуемые слухами о волѣ, нерѣдко оказывали явное непослушаніе властямъ, къ нимъ кое-гдѣ начинали приставать и помѣщичьи. Флотъ, любимое созданіе Петра Великаго, пришелъ въ полный упадокъ и на смотру 1765 года

предсталъ передъ императрицей въ такомъ жалкомъ видѣ, что по окончаніи смотра она замѣтила, что этотъ флотъ годится развѣ только для ловли сельдей.

Таково было положеніе дѣлъ, съ какимъ приходилось считаться императрицѣ въ первые годы ея царствованія. Широкое поле открывалось для ея преобразовательной дѣятельности, но къ реформамъ императрица приступала осторожно, неторопливо и вполнѣ примѣнялась къ окружавшей ее дѣйствительности, такимъ образомъ при проведеніи въ жизнь различныхъ преобразованій дѣятельность императрицы существенно отличалась по своимъ внѣшнимъ пріемамъ отъ предыдущаго періода реформъ петровскаго. Екатерина II руководилась основами философіи XVIII в. и осторожно пересаживала на русскую почву только то лучшее, что могло приняться легко на этой почвѣ, и отъ многихъ своихъ завѣтныхъ думъ и плановъ впослѣдствіи она должна была отказаться, такъ какъ приходилось дѣлать уступки русской дѣйствительности.

Прежде всего наиболѣе настоятельная необходимость чувствовалась въ составленіи новаго законодательства. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 г. давно уже устарѣло, накопилось огромное количество разныхъ новыхъ законовъ, изданныхъ въ разное время съ разныхъ точекъ зрѣнія и ставившихъ себѣ различныя цѣли. Требовалось такимъ образомъ собрать и привести въ систематическій порядокъ всѣ прежніе законы, пополнить ихъ пробѣлы и устранить противорѣчія. Попытки въ такомъ родѣ были и прежде: уже съ Петра I русское правительство не переставало заботиться о составленіи свода законовъ, неоднократно призывались въ XVIII стол. для этого выборные отъ дворянъ, но всѣ эти законодательныя работы до Екатерины II были безуспѣшны. Императрица Екатерина II уклонилась отъ этой цѣли, она рѣзко отзывалась о старыхъ русскихъ законахъ, считала ихъ прямо вредными, а поэтому и не желала приводить ихъ въ систему; вмѣсто того она остановилась на другой блестящей цѣли: она желала прямо установить отвлеченныя общія правила, принципы законодательства и на основаніи ихъ уже выработать совершенно новое уложеніе. Первую часть этой работы, т.-е. установленіе принциповъ законодательства, Екатерина приняла на себя, и уже съ 1765 г. принялась за усидчивую работу. Два года

она читала и писала, „не говоря о томъ, по ея собственнымъ словамъ, полтора года никому, послѣдуя единственно уму и сердцу своему съ ревностнымъ желаніемъ пользы и счастія имперіи“, затѣмъ. подвинувшись достаточно и успѣшно въ своей работѣ, она начала по частямъ показывать „статьи, изготовленныя ею, разнымъ людямъ, всякому по его способностямъ; болѣе одного или двухъ листовъ не показывала“. Эти то статьи, приготовленныя Екатериной II, и были ея извѣстнымъ наказомъ въ его первоначальной редакціи. Къ началу 1767 г. наказъ былъ готовъ, и такимъ образомъ онъ былъ написанъ въ 1765 и 1766 г.г.

Наказъ можно считать первымъ актомъ преобразовательной дѣятельности Екатерины II. Литературные его источники извѣстны: это:—„Духъ законовъ“ Монтескье и вышедшее въ 1764 г. сочиненіе итальянскаго философа Беккаріа: „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“. Книга эта тогда была переведена на французскій и нѣмецкій языки и надѣлала много шума въ Европѣ. Сочиненіе Беккаріа было направлено противъ средневѣковаго права и всѣхъ его формъ, оно вооружалось противъ пытки и другихъ судебныхъ доказательствъ средневѣковаго процесса, настаивая на необходимости взвѣшивать степень вмѣняемости, нравственнаго побужденія въ преступленіи и т. д. Сочиненіе же Монтескье „Духъ законовъ“ сама Екатерина называла молитвенникомъ государей, у которыхъ уцѣлѣлъ здравый смыслъ. Оба эти сочиненія были широко использованы Екатериной II: изъ 526 статей наказа около 250, по крайней мѣрѣ, прямо заимствованы изъ „Духа законовъ“, самая же обширная глава наказа—10-я, трактующая объ уголовномъ судопроизводствѣ, имѣющая болѣе 100 статей, почти вся заимствована изъ книги Беккаріа.

Такимъ образомъ свои принципы новаго русскаго законодательства императрица установила на основаніи новыхъ либеральныхъ идей, проповѣдывавшихся писателями-философами XVIII в. Эти идеи однако находились въ полномъ противорѣчіи съ большей частью старыхъ политическихъ учрежденій и общественныхъ отношеній даже на Западѣ Европы, не переходили нигдѣ въ жизнь и не были началами дѣйствительнаго быта. Еще болѣе чуждыми онѣ были для русской жизни и совершенно не соотвѣтствовали своимъ либерализмомъ рус-

скому быту. Императрица сознавала это, и вотъ на ряду съ общими либеральными идеями, которыя легли въ основу наказа, въ немъ мы находимъ ясно высказанное и обоснованное утвержденіе о необходимости для Россіи самодержавія, какъ единственной возможной формы власти. Необходимость ея доказывается во-первыхъ, тѣмъ положеніемъ, что лучше повиноваться одному господину, чѣмъ угождать многимъ, во-вторыхъ, тѣмъ, что Русское государство по самой обширности своего пространства предполагаетъ необходимость самодержавной власти. Отвлеченность своихъ новыхъ принциповъ и несоотвѣтствіе ихъ русской жизни Екатерина II также стремилась оправдать положеніемъ, что Россія есть европейская держава, слѣдовательно законы, предназначенные для русскаго народа, должны имѣть и общеевропейскія основы.

Когда въ 1767 г. наказъ былъ уже закончень и показанъ Екатериной II нѣкоторымъ приближеннымъ лицамъ, то съ ихъ стороны послѣдовало много возраженій, и даже либеральный Панинъ, поклонникъ шведской конституціи, прочитавъ наказъ, тонко замѣтилъ: „о, эти истины способны опрокинуть стѣны“ [1]). Такое отношеніе къ наказу заставило императрицу по ея собственнымъ словамъ, „зачеркнуть, изорвать и сжечь больше половины написаннаго. Затѣмъ наступила вторичная цензура со стороны избранныхъ депутатовъ „разныхъ вельми разномыслящихъ персонъ“, которымъ Екатерина II предоставила чернить и марать, что имъ захочется. При всемъ разномысліи этихъ лицъ, они зачеркнули болѣе половины того, что прочитали въ наказѣ. Уцѣлѣвшія статьи и были напечатаны лѣтомъ 1767 г. Слѣдовательно въ напечатанномъ наказѣ сохранилось лишь менѣе четверти того, что было составлено императрицей.

Сокращенный и выдержавшій цензуру сотрудниковъ Екатерины II наказъ, будучи напечатанъ, произвелъ все-таки сильное впечатлѣніе и въ Россіи и за границей. Во Франціи онъ былъ даже запрещенъ. Содержаніе Наказа очень разнообразно. Въ 20 его главахъ, содержащихъ 526 параграфовъ или краткихъ статей, мы читаемъ о естественномъ положеніи государ-

---

[1]) Ce sont des axiomes à renverser des murailles.

ства, объ образѣ правленія, объ учрежденіяхъ, о судопроизводствѣ, объ общественныхъ классахъ, о размноженіи народа, о торговлѣ и ремеслахъ, о воспитаніи, о порядкѣ наслѣдованія, о составленіи и слогѣ законодательства, о разныхъ статьяхъ, требующихъ особеннаго изъясненія, какъ-то: о преступленіяхъ въ оскорбленіи величества, о чрезвычайныхъ судахъ, учрежденныхъ особо для извѣстныхъ преступленій, о вѣротерпимости и наконецъ изъясненіе отвѣта на вопросъ, какъ можно узнать, что государство приближается къ паденію и къ конечному разрушенію. Послѣ въ 1768 г. къ 20-ти главамъ наказа были прибавлены двѣ новыя: о полиціи и о государственномъ хозяйствѣ. Таково содержаніе наказа въ общихъ чертахъ. Изложено оно въ видѣ отдѣльныхъ афоризмовъ отдѣльными и краткими статьями. Читая „Духъ законовъ“ и „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“, Екатерина II отмѣчала карандашемъ наиболѣе рѣзко, афористически формулированныя положенія ихъ авторовъ; потомъ приведя эти мѣста въ нѣкоторый порядокъ, она ихъ излагала или въ дословномъ переводѣ или описательно, съ нѣкоторыми измѣненіями, и изрѣдка вставляла свою статью, свою строчку, даже свое одинокое слово. Такъ и составился наказъ. Императрица сама думала, что всего оригинальнаго, ею написаннаго, „не наберется въ наказѣ и двухъ листовъ“. Тѣмъ не менѣе, наказъ своимъ содержаніемъ дѣйствительно довольно полно охватываетъ сферу тѣхъ вопросовъ, какіе необходимы были для составленія новаго законодательства, и въ этомъ смыслѣ Екатерина II считала свою задачу исполненной, хотя нельзя не видѣть, что нѣкоторая неудача въ исполненіи задуманнаго ею плана изложить общіе принципы новаго законодательства—постигла ея твореніе—Наказъ, три четверти котораго были зачеркнуты ея сотрудниками.

Теперь оставалось только приступить къ исполненію второй наиболѣе важной части грандіознаго плана—къ составленію, на основаніи выработанныхъ общихъ принциповъ, новаго законодательства.

Для этой цѣли манифестомъ 14 дек. 1766 г. были созваны въ Москву выборные представители отъ правительственныхъ учрежденій, отъ сословій и городовъ и даже отъ племенъ, населявшихъ Россію, за исключеніемъ кочевыхъ и представителей отъ помѣщичьихъ крестьянъ. Общее ихъ собраніе, чрез-

вычайно пестрое по своему составу, получило название „Комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія". По виду это собраніе представляло самое величественное явленіе въ Россіи послѣ собора для уложенія 1649 г. и является чуть ли не самымъ шумнымъ событіемъ царствованія Екатерины II, обратившимъ на себя вниманіе какъ за границей, такъ и въ Россіи. Такого собранія до сихъ поръ небыло во всей нашей исторіи, а поэтому и неудивительно, что изслѣдователи долго затруднялись вопросомъ, къ какому изъ извѣстныхъ государственныхъ учрежденій причислить комиссію. Она съ одной стороны не была похожа ни на англійскій парламентъ, ни на французскіе генеральные штаты, съ другой мало походила и на старинный московскій земскій соборъ. По мнѣнію профессора Ключевскаго „форма комиссіи по составу не была заимствована ни изъ-за границы ни изъ русской политической старины. Она была составлена по образцу кодификаціонной комиссіи, дѣйствовавшей съ Петра 1-го до Екатерины II", видоизмѣнявшейся неоднократно по своему составу и имѣвшей цѣлью составить новое уложеніе законовъ.

Комиссіи были указаны двѣ цѣли: 1) заявить нужды и желанія населенія; 2) принять участіе въ составленіи уложенія. Такъ какъ разнородное собраніе немогло въ полномъ своемъ составѣ заняться составленіемъ новыхъ законовъ, то являлась необходимость выдѣлить изъ него особыя комиссіи для производства всѣхъ подготовительныхъ и вспомогательныхъ работъ. Эти комиссіи были 2-хъ родовъ: однѣ распорядительныя, а другія собственно законодательныя. Распорядительныя комиссіи подраздѣлялись на: дирекціонныя, экспедиціонныя и подготовительныя. Дирекціонная комиссія руководила занятіями какъ всѣхъ частныхъ комиссій, такъ и общаго собранія, была главной пружиной всего дѣла. Экспедиціонная комиссія должна была редактировать выработанный проектъ со стороны языка и слога, устранять мѣста „неудобовразумительныя и выраженія двусмысленныя". Подготовительная комиссія должна была вырабатывать сводъ депутатскихъ наказовъ. Каждый депутатъ долженъ былъ являться въ комиссію съ наказомъ отъ своихъ избирателей, въ этомъ наказѣ или инструкціи избиратели выражали свои нужды и желанія. Необходимо было поэтому разсмотрѣть эти наказы депутатовъ, кото-

рые получили названіе депутатскихъ, въ отличіе отъ наказа Екатерины II, который сталъ называться „Большимъ Наказомъ“, затѣмъ сдѣлать изъ нихъ извлеченія и передать эти извлеченія въ общее собраніе, какъ руководство для работъ. Для выработки разныхъ частей уложенія образовано было 16 частныхъ комиссій по разнымъ отраслямъ законодательства и наряду съ ними также и нѣсколько частныхъ комиссій, разрабатывавшихъ спеціально различныя отрасли народнаго хозяйства. Множество частныхъ комиссій вносило большую сложность въ дѣлопроизводство и сильно замедляло его. Каждый вопросъ проходилъ черезъ нѣсколько комиссій и по нѣскольку разъ черезъ одну и ту же. Все это при общей неопредѣленности отношеній частныхъ комиссій и общаго собранія только усиливало безпорядки и путаницу въ дѣятельности комиссій и создавало большія препятствія для успѣшнаго веденія дѣла.

Въ краткомъ изложеніи ходъ работъ комиссіи былъ слѣдующій: засѣданія ея были торжественно открыты въ Москвѣ въ Грановитой Палатѣ 30 іюля 1767 г. Всѣхъ депутатовъ явилось 565, отъ дворянъ 30%, отъ городовъ 39%, отъ черносошныхъ крестьянъ 14%, отъ учрежденій—30 человѣкъ. 31 іюля комиссія открыла свои дѣйствія въ Москвѣ. Первыя 8 засѣданій были посвящены предварительнымъ работамъ: 1, читался наказъ. Онъ былъ выслушанъ съ неописаннымъ восхищеніемъ. 2. Собраніе избрало своимъ маршаломъ или предводителемъ, послѣ отказа графа Г. Г. Орлова, представителя Костромского дворянства А. И. Бибикова. Затѣмъ приступили къ чтенію наказовъ депутатовъ и впродолженіе 14 засѣданій прочитали около 12 крестьянскихъ наказовъ—количество незначительное въ сравненіи съ общимъ числомъ наказовъ, превосходившимъ 500. Не окончивъ чтенія крестьянскихъ наказовъ, комиссія занялась разработкой вопроса о правахъ высшаго сословія—дворянъ. Начали читать изданные прежде законы о дворянствѣ; эти разновременные законы оказались очень запутанными, непонятными. Не докончивъ ихъ чтенія, перешли къ чтенію законовъ о купечествѣ—37 засѣданій. Не кончивъ чтенія законовъ, изданныхъ о купечествѣ, перешли къ чтенію привилегій прибалтійскихъ провинцій, впрочемъ по временамъ возвращались къ обсужденію и правъ купече-

ства. Въ концѣ года комиссію перевели въ Петербургъ, гдѣ она также переходила отъ предмета къ предмету и ничего не достигла. 17 декабря 1768 г. общее собраніе комиссіи было закрыто на неопредѣленное время, въ виду войны съ Турціей; эти засѣданія уже и не возобновлялись. Частныя комиссіи работали немногимъ лучше и продолжали свои работы до 1774 г. Вся комиссія работала 1½ года и имѣла 203 засѣданія. Такъ кончилась дѣятельность этого собранія. Возложенная на комиссію задача не была исполнена: она не составила проекта новаго уложенія, а съ 1775 г. сама Екатерина II стала забывать о своей комиссіи и рѣшилась повести свою законодательную дѣятельность безъ ея участія. Комиссія не была созвана вторично, и такимъ образомъ блестящіе и широкіе планы составленія новаго законодательства не осуществились.

Эта неудача, по мнѣнію изслѣдователей, произошла отъ различныхъ причинъ: 1. Отъ разнороднаго и многочисленнаго состава комиссіи. 2. Отъ двоякой задачи, возложенной на комиссію, а двойственность задачи въ такомъ дѣлѣ всегда условіе неуспѣха. 3. Отъ отсутствія подготовительныхъ работъ. 4. Отъ непрактичности и неопредѣленности внѣшней организаціи дѣла и въ 5. Отъ практическаго неумѣнія руководителей, къ тому же и самъ величественный проектъ новаго законодательства былъ недостижимой мечтой прежде всего по количеству необходимаго для этой цѣли труда, да и нельзя было примирить либеральныя мысли французской философіи со стариннымъ русскимъ законодательствомъ, а также и съ часто противорѣчивыми нуждами и желаніями сословій. Эта неисполнимость до очевидности выразилась въ ходѣ преній депутатовъ.

Такъ неудача постигла и 2-ю часть плана Екатерины II —составить новое уложеніе законовъ. Однако, несмотря на полную неудачу комиссіи, она не прошла безслѣдно въ развитіи нашего законодательства, такъ какъ работы ея послужили основаніемъ для всей послѣдующей дѣятельности императрицы. Въ этомъ вліяніи комиссіи на правительственную дѣятельность Екатерины II и заключается историческое значеніе знаменитаго собранія депутатовъ 1767—68 г г. Такъ, областное управленіе, губернскія учрежденія, городовое положеніе и дворянская грамота 1785 г. были основаны на работахъ комиссіи. Сама

императрица признавалась, что „коммиссія эта подала ей свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно", да и сами депутаты „стали знать волю законодавца и по оной поступать".

Дѣятельностью коммиссіи опредѣляется и значеніе наказа, даннаго ей въ руководство. Онъ имѣетъ мало значенія въ ходѣ нашего законодательства, такъ какъ то, что было сдѣлано законодательствомъ Екатерины II было развитіемъ не идей наказа, а фактовъ жизни Наказъ скорѣе потому—характерная черта изъ біографіи императрицы, такъ какъ онъ выражаетъ собою гуманное стремленіе Екатерины II исправить недостатки общественнаго строя, сознаніе непригодности прежняго порядка, высказанное съ высоты трона.

Въ центральномъ управленіи Екатерина II прежде всего начала съ преобразованія Сената. Послѣ Петра Великаго сенатъ два раза терялъ свое высшее правительственное значеніе, когда при Екатеринѣ 1 и Петрѣ II надъ нимъ стоялъ Верховный тайный совѣтъ, а при Аннѣ Іоанновнѣ—кабинетъ. Со вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны сенату, повидимому, возвращено было все его прежнее значеніе, и онъ сталъ снова высшимъ органомъ государственнаго управленія; однако сенатъ временъ Елизаветы, которому. по мысли Петра Великаго, должна была принадлежать административно-судебная власть, перешелъ эту границу и сталъ присваивать себѣ и законодательную дѣятельность. По мнѣнію профессоровъ Платонова и Градовскаго, сенатъ управлялъ государствомъ при Елизаветѣ Петровнѣ, и его указы по существу своему были законодательными актами. Императрица Екатерина II подмѣтила это стремленіе сената и постаралась устранить неправильности въ его положеніи, и цѣлымъ рядомъ осторожно проведенныхъ мѣропріятій сенатъ мало-по-малу былъ сведенъ на степень прежняго петровскаго административно-судебнаго учрежденія, при чемъ законодательная дѣятельность ему была воспрещена. Для скорѣйшаго производства дѣлъ онъ былъ, какъ и при Аннѣ Іоанновнѣ, раздѣленъ на 6 департаментовъ, и каждому изъ нихъ былъ приданъ спеціальный характеръ. Съ сенатомъ государыня сносилась черезъ генералъ-прокурора А. А. Вяземскаго; послѣдній получилъ отъ Екатерины II секретную инструкцію не поощрять сената на законодательную дѣятельность;

наконецъ, всѣ свои важнѣйшія мѣропріятія императрица повела помимо сената своей личной инициативой и авторитетомъ. Такъ постепенно произошла существенная перемѣна въ центральномъ управленіи: сенатъ, ограничивъ свою дѣятельность, являлся попрежнему высшимъ административнымъ органомъ въ государствѣ и высшей судебной инстанціей, но за то усилилась власть губернаторовъ и воеводъ, и оживилась на первое время дѣятельность коллегій.

Въ то же время императрица легко избѣгнула и другой опасности, грозившей ея самодержавной власти. Ближайшій ея сотрудникъ, завѣдывавшій около 20 лѣтъ иностранной политикой графъ Н. И. Панинъ подалъ ей проектъ учрежденія постояннаго императорскаго совѣта изъ немногихъ лицъ съ законодательнымъ характеромъ. Такой совѣтъ въ сущности представлялъ собою видоизмѣненіе существовавшихъ раньше учрежденій верховнаго тайнаго совѣта и кабинета и ограничивалъ верховную власть; поэтому императрица, легко замѣтившая, что Панинъ мечтаетъ превратить Россію изъ самодержавной имперіи въ монархію, управляемую олигархическимъ совѣтомъ чиновной аристократіи, отклонила проектъ Панина послѣ совѣщанія съ окружавшими ее сановниками.

Такимъ образомъ Екатерина II вообще не поставила въ государственномъ управленіи ничего выше сената, и только съ 1768 г. по поводу начавшейся 1-й турецкой войны она учредила при своей особѣ изъ немногихъ сановниковъ совѣтъ, въ которомъ лично предсѣдательствовала, и съ тѣхъ поръ уже рѣдко наѣзжала въ сенатъ. Но и этотъ совѣтъ, не имѣя опредѣленной организаціи, въ общемъ мало вліялъ на управленіе. Этимъ и ограничилась преобразовательная дѣятельность императрицы въ области центральнаго управленія.

За то въ сферѣ областного управленія императрица произвела цѣлый рядъ преобразованій, и ея губернскія учрежденія составили эпоху мѣстнаго управленія и сохраняли свою силу до послѣдняго времени.

Для того, чтобы уяснить себѣ особенности введенныхъ Екатериною II губернскихъ учрежденій, необходимо имѣть въ виду, что при Петрѣ I все государство было раздѣлено на 12 крупныхъ губерній, каждая изъ которыхъ вмѣщала въ себѣ

нѣсколько нынѣшнихъ. Губернія раздѣлялась на провинціи, которыя въ свою очередь дѣлились на уѣзды. Послѣ этого раздѣленія, когда территорія имперіи увеличилась по окончаніи великой сѣверной и другихъ войнъ, всѣхъ губерній стало 20. Главнымъ органомъ управленія въ губерніяхъ, провинціяхъ и уѣздахъ были губернаторы и воеводы со своими канцеляріями. Земскій элементъ, введенный въ областное управленіе Петромъ Великимъ, удержался только въ городскомъ самоуправленіи и исчезъ изъ губернскаго управленія, почему мѣстная администрація стала чиновнической или бюрократической. Судъ, отдѣленный при Петрѣ отъ администраціи, вскорѣ снова слился съ ней. Такимъ образомъ смѣшеніе вѣдомствъ и бюрократизмъ были отличительными признаками мѣстнаго управленія, къ тому же составъ администраціи былъ малочисленъ и слабъ. Всѣ такіе недостатки дѣйствовавшаго областнаго управленія были отмѣчены императрицей въ ея манифестѣ 7 ноября 1775 г., и новыя губернскія учрежденія Екатерины II устраняли всѣ эти недостатки.

Прежде всего, чтобы устранить путаницу въ областномъ управленіи и поточнѣе узнать страну, произведено было всеобщее обмежеваніе земель, проектъ котораго былъ составленъ при Елизаветѣ Петровнѣ. Затѣмъ введено было новое областное дѣленіе: границы прежней крупной губерніи опредѣлялись частью географическими свойствами мѣстности, частью исторически. Императрица приняла единственнымъ основаніемъ новаго губернскаго дѣленія — статистику — количество населенія. Губернія — Екатерины II — округъ съ населеніемъ въ 300 или 400 тысячъ жителей. Онѣ подраздѣлялись на уѣзды съ населеніемъ въ 20 или 30 тысячъ жителей. Новыхъ губерній, созданныхъ такимъ дѣленіемъ, вышло 50. Большинство изъ нихъ и до сихъ поръ осталось въ тѣхъ границахъ, какія были проведены Екатериной II. Каждая губернія получила новое правительственное устройство, въ которомъ можно легко отмѣтить модный принципъ строгаго раздѣленія 3-хъ вѣдомствъ: административнаго, судебнаго и финансоваго, по теоріи Монтескье.

Въ каждомъ губернскомъ городѣ во главѣ административныхъ учрежденій было поставлено губернское правленіе съ губернаторомъ во главѣ. Оно имѣло административно-полицейскій характеръ. Губернское правленіе передаетъ мѣстнымъ

учрежденіямъ законы и указы высшаго центральнаго правленія, наблюдаетъ за правильнымъ теченіемъ дѣлъ въ губернскихъ управахъ, смотритъ за порядкомъ и тишиною въ губерніи. Губернское правленіе руководитъ также исполнительными полицейскими уѣздными учрежденіями, называвшимися нижними земскими судами. Во главѣ нижнихъ земскихъ судовъ въ уѣздахъ стоитъ исправникъ или капитанъ. Капитанъ-исправникъ—блюститель полицейскаго порядка въ уѣздѣ; онъ принимаетъ мѣры противъ заразы, наблюдаетъ за безопасностью и политическою благонадежностью обывателей уѣзда, предупреждаетъ и пресѣкаетъ преступленія, помогаетъ суду, т. е. производитъ предварительное слѣдствіе и т. д. Капитанъ-исправникъ и засѣдатели въ нижнихъ земскихъ судахъ избирались изъ дворянъ уѣзда. Финансовое управленіе было въ вѣдѣніи губернской казенной палаты: она завѣдывала казенными сборами, постройками и подрядами; отъ нея зависѣли казначейства губернскія и уѣздныя, которыя собирали и хранили казенные доходы. Такъ устроена была администрація полицейская и финансовая. Особенно сложную организацію получилъ судъ. Уголовныя дѣла вѣдала губернская уголовная палата, гражданскія дѣла —гражданская палата, Обѣ палаты составляли верхній слой судебныхъ гражданскихъ учрежденій, подъ нимъ лежалъ 2-й слой судебныхъ учрежденій. Въ первомъ слоѣ строго были раздѣлены дѣла по существу, во 2-мъ слоѣ они были смѣшаны по существу, но раздѣлены по сословіямъ. Это былъ верхній земскій судъ по дѣламъ дворянъ, губернскій магистратъ по дѣламъ купечества и мѣщанъ; верхняя земская расправа по дѣламъ однодворцевъ и крестьянъ государственныхъ. Эти оба слоя судебныхъ мѣстъ сосредоточивались въ губернскихъ городахъ. Въ уѣздныхъ городахъ дѣйствовалъ 3-ій низшій слой учрежденій судебныхъ, также съ сословнымъ характеромъ; это были: уѣздный судъ по дѣламъ дворянства, городовой магистратъ по дѣламъ купечества и мѣщанъ; нижняя земская расправа—по дѣламъ государственныхъ крестьянъ.

Какъ при губернскихъ, такъ и при уѣздныхъ судебныхъ мѣстахъ образованы были еще учрежденія спеціальнаго характера. Такъ въ губернскихъ городахъ устроенъ былъ совѣстный судъ; онъ вѣдалъ дѣла уголовныя и гражданскія осо-

баго характера; при уѣздномъ судѣ въ уѣздномъ городѣ—дворянская опека съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, при городовомъ магистратѣ—сиротскій судъ съ городскимъ головою во главѣ. Дворянская опека вѣдала дѣла по опекѣ вдовъ и дѣтей дворянскихъ, сиротскій судъ—дѣла по опекѣ вдовъ и сиротъ купеческихъ и мѣщанъ. Въ каждомъ губернскомъ городѣ для завѣдыванія школами, сиротскими домами и др. благотворительными учрежденіями возникъ приказъ общественнаго призрѣнія, составленный изъ депутатовъ двухъ сословій: дворянства и городского населенія

Такова была сложная система губернскихъ учрежденій императрицы Екатерины II. Эти учрежденія дали участіе въ управленіи мѣстномъ всѣмъ классамъ населенія: дворянству, горожанамъ и даже людямъ низшихъ классовъ, и вслѣдствіе этого мѣстная администрація приняла видъ земскаго самоуправленія, которое вышло и очень симпатичнымъ и либеральнымъ и въ такомъ смыслѣ отвѣчало до нѣкоторой степени и отвлеченнымъ теоріямъ императрицы, потому что отражало на себѣ либеральныя идеи западно-европейскихъ философовъ, и желаніямъ сословій, потому что имѣло несомнѣнную связь съ желаніями депутатовъ, которые въ комиссіи 1767—68 г.г. говорили о самоуправленіи. Съ другой стороны, устройство мѣстнаго управленія оказало вліяніе на центральное, во главѣ котораго стояли коллегіи.

Послѣднія за отсутствіемъ дѣлъ мало-по-малу стали уничтожаться, и нѣкоторыя изъ нихъ были совершенно закрыты въ царствованіе Екатерины II.

Учрежденія для управленія губерніями, какъ дѣло сопряженное съ большими трудностями, вводились постепенно въ продолженіе 20 лѣтъ. Они были распространены и на вновь присоединенныя къ Россіи области послѣ второго и третьяго раздѣла Польши, а также на Малороссію и Новороссію.

Въ связи съ губернскими учрежденіями стоятъ и мѣры императрицы Екатерины II о сословіяхъ. Губернскія учрежденія 1775 г. поставили дворянство во главѣ губернскихъ обществъ съ руководящимъ значеніемъ по выборамъ и по назначенію отъ правительства. Въ каждой губерніи всѣ мѣстные дворяне съѣзжались разъ въ три года въ губернскій городъ на

дворянскія собранія и здѣсь совѣщались о дѣлахъ своего сословія, производили выборы изъ своей среды губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства и лицъ на различныя общественныя должности, напримѣръ капитанъ-исправника, засѣдателей судебныхъ палатъ, уѣздныхъ судей и др. Въ этихъ дворянскихъ собраніяхъ присутствовать могъ каждый дворянинъ, но принимать участіе въ выборахъ имѣли право только тѣ дворяне, которые въ государственной службѣ достигли офицерскаго чина; послѣднее обстоятельство косвеннымъ образомъ заставляло дворянъ служить.

Такимъ образомъ съ 1775 г. дворяне русскіе, по своему сословному положенію, становятся не только землевладѣльцами въ уѣздахъ, но и сосредочиваютъ въ своихъ рукахъ все областное управленіе, а такъ какъ дворяне давно уже принимали дѣятельное участіе въ управленіи центральными учрежденіями, то можно сказать, что вся Россія съ введенія въ дѣйствіе учрежденій 1775 г., стала управляться дворянствомъ, какъ въ центральныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ областныхъ.

Позднѣе императрица въ своей жалованной грамотѣ дворянству 1785 г., подтвердивъ права, данныя дворянству Петромъ III, изложила въ системѣ всѣ политическія и гражданскія права дворянъ, расширивъ ихъ такимъ образомъ, что дворянство являлось отнынѣ первенствующимъ сословіемъ въ государствѣ. Этой жалованной грамотой 1785 г., не бывшей по существу своему новымъ закономъ о дворянствѣ, но являвшейся только систематическимъ изложеніемъ ранѣе существовавшихъ правъ и преимуществъ дворянъ съ нѣкоторыми только прибавленіями, былъ завершенъ тотъ процессъ сложенія и возвышенія дворянскаго сословія, какой можно наблюдать на пространствѣ всего XVIII вѣка. Дѣйствительно, при Петрѣ Великомъ дворянинъ долженъ былъ служить всю жизнь безсрочно и пользовался правами личнаго землевладѣнія, хотя эти права и не составляли исключительно ему одному принадлежащихъ привилегій. При Аннѣ Іоанновнѣ срокъ обязательной службы былъ сокращенъ до 25 лѣтъ, были увеличены землевладѣльческія права дворянъ.

При Елизаветѣ Петровнѣ дворянство стало уже обособляться въ совершенно замкнутое наслѣдственное привилегирован-

ное сословіе, отличіемъ котораго сдѣлались особыя исключительныя права: владѣніе землей и людьми. Получивъ такія имущественныя права, дворяне стали мечтать объ освобожденіи отъ обязательной государственной службы, чего и достигли при Петрѣ III, который манифестомъ 18 февраля 1762 г. освободилъ дворянъ отъ личной государственной службы. Такимъ образомъ, ко времени императрицы Екатерины II дворянство сдѣлалось уже вполнѣ привиллегированнымъ сословіемъ, но это сословіе не имѣло еще внутренней организаціи; до сихъ поръ организацію ему давала самая служба по полкамъ; его соединяли служебныя связи, но эта организація теперь должна была потерять свою прежнюю роль, потому что дворянство стало усиленно уходить изъ службы въ свои деревни, и вотъ эту новую сословную организацію и дала дворянству Екатерина II, когда каждый дворянинъ сталъ членомъ губернскаго дворянскаго общества, привиллегированнаго и державшаго въ своихъ рукахъ все мѣстное управленіе. Жалованная грамота 1785 г. установила главнѣйшія права всякаго дворянина: дворянинъ владѣетъ какъ неотъемлемой собственностью всѣмъ, что находится въ его имѣніи, въ томъ числѣ и крестьянами, передаетъ свое званіе женѣ и дѣтямъ, ни въ какомъ случаѣ не лишается своего званія, кромѣ судебнаго обвиненія въ извѣстныхъ преступленіяхъ и притомъ не иначе, какъ по разсмотрѣніи его дѣла въ сенатѣ и съ утвержденія верховной власти, судится только лицами, равными ему по происхожденію, свободенъ отъ податей, рекрутской повинности и тѣлесныхъ наказаній, свободенъ и отъ государственной службы. Кромѣ участія дворянскихъ обществъ въ мѣстномъ управленіи, они пользовались широкимъ просторомъ и въ устройствѣ своихъ общественныхъ дѣлъ. Дворянскія собранія получили также право заявлять о нуждахъ своего сословія не только намѣстнику и сенату, но даже обращаться прямо къ верховной власти. Для награжденія лицъ гражданской службы Екатерина II учредила орденъ св. Владимира, а для военныхъ—орденъ св. Георгія. Эти ордена имѣли нѣсколько степеней, вслѣдствіе чего ихъ могли получать и низшія должностныя лица, между тѣмъ какъ ордена св. Андрея Первозваннаго и св. Александра Невскаго, учрежденныя Петромъ Великимъ, обыкновенно получали только высшіе сановники.

Одновременно съ жалованною грамотою дворянству императрица Екатерина II обнародовала и городовое положеніе. По этому положенію устраивалось городское промышленное общество. Городское общество, это tiers état—по мысли императрицы, раздѣлялось на купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ. Всѣ они платили подати. Купечество было раздѣлено на 3 гильдіи по капиталу: къ 1-ой причислялись вносившіе въ торговлю не менѣе 10000 рубл., ко 2-ой—купцы съ капиталомъ не менѣе 1000 р. и къ 3-ьей—купцы съ капиталомъ не менѣе 500 р. Всѣ городскіе обыватели, которые не могли представить капитала или имущества на 500 р., должны были записываться въ мѣщане. Ремесленники раздѣлялись на различные цехи, и каждый цехъ могъ заниматься только однимъ какимъ-нибудь ремесломъ. Купцы платили въ казну вмѣсто подушной подати 1% съ объявленнаго ими по совѣсти капитала и могли освобождаться отъ личной рекрутской повинности, внося за себя извѣстный денежный выкупъ; купцы двухъ первыхъ гильдій были свободны отъ тѣлесныхъ наказаній, а высшій слой купечества—именитые граждане могли при извѣстныхъ условіяхъ даже получать дворянство. Купцамъ и мѣщанамъ было предоставлено Екатериною II право самоуправленія и собственнаго суда. Городскіе податные жители имѣли право собираться вмѣстѣ одинъ разъ въ 3 года въ „общую городовую думу", гдѣ они избирали изъ своей среды для управленія городскими дѣлами въ теченіе 3 лѣтъ городского голову и 6 гласныхъ, которые составляли „шестигласную думу". Послѣдняя имѣла постоянныя засѣданія и завѣдывала текущими дѣлами города, его расходами и доходами, общественными постройками, но главное назначеніе этой думы состояло въ томъ, чтобы заботиться о раскладкѣ и сборѣ податей, объ исполненіи казенныхъ повинностей, за исправность которыхъ отвѣчало все городское общество. О нуждахъ своего общества шестигласная дума могла ходатайствовать у губернатора, которому принадлежалъ надзоръ надъ городскимъ самоуправленіемъ, исполнительными органами котораго были купеческія и мѣщанскія управы, составлявшіяся изъ выборныхъ отъ купеческаго и мѣщанскаго сословій.

5 Съ освобожденіемъ дворянства отъ государственныхъ повинностей, по логикѣ исторіи, и съ крестьянъ должна была

быть снята ихъ частная зависимость, потому что исторически эта зависимость была обусловлена дворянскими повинностями: крестьянинъ долженъ былъ служить дворянину, чтобы дворянинъ могъ исправно служить государству. Поэтому съ освобожденiемъ дворянства выступилъ вопросъ и объ освобожденiи крестьянъ, который при Екатеринѣ II и сталъ на очереди. Крестьяне волновались уже съ манифеста о вольности дворянства, потому что смутно помнили ходъ закрѣпощенія. Но освобожденіе крестьянъ казалось въ половинѣ XVIII в. вещью невозможной: оно затрагивало и привилегіи дворянъ, только что установленныя, и хозяйственные интересы, потому что лишило бы дворянъ дарового труда. Дворянство, составлявшее правительственный и административный классъ XVIII в. и ставшее привилегированнымъ землевладѣльческимъ сословіемъ, хотя и задумывалось надъ крестьянскимъ вопросомъ, но было далеко отъ его разрѣшенія, поэтому и крѣпостное право продолжало не только существовать, но и развиваться.

Императрица Екатерина II, воспитавшаяся на освободительныхъ теоріяхъ XVIII в., не могла сочувствовать крѣпостному праву и мечтала объ освобожденіи крестьянъ, но въ этомъ важномъ дѣлѣ она встрѣтила противодѣйствіе со стороны самыхъ приближенныхъ своихъ совѣтниковъ, даже такія лица какъ Державинъ, Дашковъ и Сумроковъ не сочувствовали освобожденію. Въ самой комиссіи 1767 г. большинство земскихъ представителей оказались поборниками крѣпостного права, и нѣкоторые депутаты потребовали права владѣть крѣпостными для духовенства, казачества и купечества. Императрица осталась очень недовольна такими проявленіями рабовладѣльческихъ поползновеній, но принуждена была скрывать свои мнѣнія и желанія и отказаться отъ нихъ по внѣшности, не отступаясь отъ своихъ внутреннихъ убѣжденій. Тѣмъ не менѣе, ей удалось освободить крестьянъ, жившихъ на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ.

Вопросъ о монастырскихъ и церковныхъ недвижимыхъ имуществахъ впервые былъ поднятъ еще на духовномъ соборѣ 1504 г. въ княженіе Іоанна III; съ тѣхъ поръ онъ неоднократно возбуждался и окончательно былъ рѣшенъ въ царствованіе Екатерины II. Была образована подъ личнымъ предсѣдательствомъ императрицы особая комиссія изъ духовныхъ и

свѣтскихъ лицъ, которая составила опись всѣхъ церковныхъ, монастырскихъ и архіерейскихъ земель съ принадлежавшими имъ крестьянами и доходами, при чемъ оказалось такихъ крестьянъ 910,866 душъ: между прочимъ Троицкой лаврѣ принадлежало болѣе 120000 крестьянъ, Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь владѣлъ 35000 душъ. Положено было всѣ эти земли съ крестьянами изъять изъ духовнаго вѣдомства въ 1764 г. и передать въ вѣдѣніе особой коллегіи экономіи, которая стала взимать съ крестьянъ по 1 р. 50 коп. въ годъ съ души вмѣсто прежнихъ оброковъ и повинностей. Такіе крестьяне получили названіе экономическихъ, духовенству же было положено жалованье отъ казны.

Но лучшее положеніе экономическихъ крестьянъ въ свою очередь послужило причиной къ волненіямъ среди помѣщичьихъ, которые тщетно ожидали воли; вслѣдствіе этого начинается рядъ крестьянскихъ бунтовъ и волненій, которые приходилось подавлять силою.

Вообще первая половина царствованія Екатерины II, несмотря на блескъ двора и громъ побѣдъ, несмотря на крупныя преобразованія, была временемъ тревожнымъ для нея, и не разъ являлись попытки поколебать ея престолъ. Къ нимъ принадлежитъ извѣстное покушеніе подпоручика Мировича освободить въ 1764 г. изъ Шлиссельбургской крѣпости Іоанна Антоновича и провозгласить его императоромъ. Но замыселъ не удался, и Мировичъ былъ казненъ. Въ Зап. Европѣ появилась какая-то искательница приключеній, назвавшаяся принцессой Таракановой и выдававшая себя за дочь Елизаветы Петровны. Но она была доставлена въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ вскорѣ и умерла отъ чахотки въ 1775 г. за два года до наводненія каземата. Столь же безумны, но болѣе опасны были самозванства во имя Петра III. Въ 15 лѣтъ было 15 самозванцевъ изъ бѣглыхъ солдатъ, казаковъ, армянъ и т. п. да еще не всѣ извѣстны, было даже два въ Черногоріи и одинъ въ Албаніи. Всѣ эти мелкія проявленія недовольства не представляли опасности для императрицы, они были нерѣдко просто нелѣпой игрой личнаго честолюбія. Все кончалось болтовней ничтожныхъ безумцевъ, которыхъ выдавали собственные же товарищи. Наконецъ, отчаянный порывъ крестьянства

нашелъ себѣ откликъ въ массѣ раскольниковъ, а ихъ было много среди казачьей вольницы юго-востока, приволье которой стѣснялось понемногу требованіями государства. Къ нимъ присоединились и поднявшіеся инородцы, особенно калмыки и башкиры, которыхъ доводили до отчаянія алчность и злоупотребленія мѣстныхъ властей. Развитію варварскаго духа безначалія полудикой черни содѣйствовали физическія бѣдствія—голодъ, пожары, въ особенности же ужасная чума, занесенная изъ Турціи войсками во время первой турецкой войны. Она съ особенной силой разразилась весною 1771 г. въ Москвѣ и вызвала мятежъ черни, который былъ усмиренъ только пушечными выстрѣлами послѣ того, какъ суевѣрная толпа звѣрски умертвила архіепископа Амвросія.

Но когда Москва успокоилась, въ степяхъ стало волноваться казачество, нашедшее себѣ вождя. Донской казакъ Емельянъ Пугачевъ сталъ выдавать себя за императора Петра Ш. Впрочемъ, самозванство именемъ Петра III было случайнымъ предлогомъ, внѣшнимъ средствомъ объединенія массъ, объявлявшихъ войну привилегированному слою, всякой власти и богатству, а также зачаткамъ европейскаго просвѣщенія и гражданственности. Пугачевъ собравъ вокругъ себя шайку отчаянныхъ головорѣзовъ, сталъ повсюду распространять слухъ, будто идетъ освобождать народъ отъ крѣпостной зависимости и отъ тягости податей. На сторону самозванца стали переходить не только казаки и крестьяне, но и степные кочевники и приволжскіе инородцы. Онъ возмутилъ все Поволжье до Нижняго, и силы его росли непрерывно, потому что правительство не могло сразу принять надлежащія мѣры для подавленія этого возстанія за недостаткомъ войскъ, отвлеченныхъ войною въ Турціи и Польшѣ. Пугачевъ взялъ Саратовъ, Казань, Пензу, мятежъ перекинулся на правый берегъ Волги и изъ казацкаго бунта превратился въ крестьянскую войну: народъ расправлялся съ помѣщиками, чиновниками и духовенствомъ, шайки разбойниковъ грабили по дорогамъ, волненіе доходило до Москвы, гдѣ глухо волновались крѣпостные. Но пожаръ былъ погашенъ въ потокахъ крови такъ же быстро, какъ быстро онъ запылалъ въ нихъ. Пугачевъ, разбитый правительственными войсками, былъ выданъ сообщниками, привезенъ въ Москву и здѣсь въ 1775 г. казненъ.

Пугачевщина имѣетъ внутреннее значенiе въ исторiи Россiи Это была борьба Европы съ Азiей, западной гражданственности съ воззрѣнiями и пороками Домостроевской Руси и азiатскихъ кочевниковъ: ученица Вольтера и энциклопедистовъ стояла противъ безграмотнаго казака-разбойника, какъ нѣкогда Петръ Великiй противъ Булавина и стрѣльцовъ и царь Алексѣй Михайловичъ противъ Степьки Разина.

Государственная и интеллигентная Русь, поборовъ казацко-разбойничью Русь, должна была сознаться, что просвѣщенная императрица вѣрнѣе смотрѣла на язву крѣпостничества, чѣмъ ея практическiе совѣтники. Тѣмъ не менѣе, вопреки первоначальной мысли императрицы освободить крѣпостныхъ крестьянъ, частыя волненiя ихъ были причиною мѣръ совершенно противоположныхъ, такъ что, по замѣчанiю изслѣдователей, царствованiе Екатерины II было временемъ наибольшаго развитiя крѣпостного права. По жалованной грамотѣ дворянству, помѣщики сдѣлались полными господами надъ личностью и трудомъ своихъ крѣпостныхъ. Крестьянамъ даже запрещено было указомъ 22 авг. 1767 г. подавать жалобы на своихъ помощниковъ подъ страхомъ наказанiя кнутомъ и ссылки въ каторжныя работы. Въ то же время императрица, все-таки, рядомъ указовъ старалась ограничить распространенiе крѣпостного права и прямо запрещала свободнымъ людямъ и вольноотпущеннымъ вновь вступать въ крѣпостную зависимость; запрещено было также записывать въ крѣпостные незаконнорожденныхъ, что практиковалось раньше. Когда учреждались новые города изъ селъ, населенныхъ крѣпостными, правительство выкупало крестьянъ и обращало ихъ въ горожанъ. Но рядомъ съ этимъ Екатерина II щедро раздавала приближеннымъ своимъ имѣнiя, и число новыхъ крѣпостныхъ въ этихъ имѣнiяхъ достигало громадной цифры, такъ князь Потемкинъ-Таврическiй подъ конецъ жизни владѣлъ 200000 душъ, прiобрѣтенныхъ преимущественно путемъ пожалованiя. Послѣ изданiя жалованной грамоты, императрица составила даже проектъ закона о томъ, чтобы объявить свободными всѣхъ дѣтей крѣпостныхъ крестьянъ, рожденныхъ послѣ 1785 г. Проектъ этотъ однако не получилъ силы закона. Но между тѣмъ Екатерина II воспретила въ 1783 г. свободный переходъ крестьянъ къ Малороссiи и тѣмъ водворила въ ней крѣпостное право

такъ что пространство, на которомъ оно дѣйствовало. было даже расширено. Также и большая часть экономическихъ крестьянъ путемъ пожалованій перешла въ помѣщичьи.

Такія противорѣчивыя мѣропріятія по отношенію къ крестьянамъ объясняются, по мнѣнію изслѣдователей, отсутствіемъ твердаго взгляда на крестьянскій вопросъ у самого правительства и противоположными мнѣніями объ этомъ дѣлѣ самой императрицы и ея приближенныхъ.

Результатомъ такихъ противорѣчій было не прекращеніе или ограниченіе крѣпостного права, а еще большій его расцвѣтъ.

II.

Финансовая дѣятельность. Бюджетъ и его источники. Прямые и косвенные налоги. Откупная система. Выпускъ ассигнацій. Внѣшніе займы. Экономическая политика. Медленный ростъ торгово-промышленнаго класса. Фритредерская система. Заселеніе Новороссіи. Иностранные колонисты. Устройство Малороссіи. Уничтоженіе Запорожской Сѣчи. Мѣры для сохраненія народнаго здравія. Увеличеніе территоріи и количества народонаселенія въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II.

Мы уже видѣли, въ какомъ разстроенномъ положеніи застала императрица при своемъ вступленіи на престолъ финансы и экономическую жизнь государства. Съ финансовыми затрудненіями пришлось бороться ей и во все время царствованія. Въ первые годы своего правленія Екатерина II успѣла настолько поправить финансы, что образовался запасный капиталъ въ 5 милліоновъ рублей. Между тѣмъ кипучая дѣятельность правительства, пышность двора, преобразованія и въ особенности скоро начавшіяся войны—требовали громадныхъ матеріальныхъ средствъ, крѣпостное же право чрезвычайно вредно вліяло на всѣ стороны народнаго и государственнаго хозяйства, приходилось такимъ образомъ прибѣгать къ займамъ внѣшнимъ и внутреннимъ и повышать косвенные налоги. Такъ въ 1764 г. подушный налогъ съ оброкомъ составлялъ съ небольшимъ 9 милліоновъ рублей, весь же государственный доходъ простирался въ это время до 21 милл.

причемъ винный откупъ давалъ 5 съ небольшимъ милліоновъ рублей, т. е. почти вдвое меньше сравнительно съ общей суммой прямыхъ налоговъ. Постепенно откупные оклады повышались въ царствованіе Екатерины II, и винный доходъ росъ съ поражающей быстротой, такъ въ 1787 г. государственный доходъ простирался почти до 43 милліоновъ, въ томъ числѣ подушнаго сбора было около 8 милліоновъ, а питейный доходъ давалъ уже 9 милліоновъ и такимъ образомъ уже переросъ подушный сборъ. Въ 1795 г. государство получало уже 68 милл., подушный сборъ давалъ государству около 11 съ небольшимъ мил. (онъ былъ повышенъ въ 1794 г. съ 70 коп. до 1 р.), питейный доходъ достигъ 24 милліоновъ, т. е. болѣе, чѣмъ вдвое переросъ подушный сборъ. Такъ сильно росли косвенные налоги въ сравненіи съ прямыми вслѣдствіе системы широкаго развитія виннаго откупа, введеннаго въ 1765 г.

Таково было одно средство, которымъ пользовалось правительство, для увеличенія государственнаго дохода. Другимъ финансовымъ средствомъ былъ государственный кредитъ. Старыя русскія правительства почти не знали этого средства. Разъ царь Алексѣй Михайловичъ попробовалъ его, выпустивъ на время мѣдную монету, но эта операція сопровождалась такими тревожными послѣдствіями, что правительство послѣ прекращенія ея, долго къ ней не обращалось. Петръ Великій, не желая знать государственнаго кредита, расплачивался чистыми деньгами, расходуя, сколько было въ казнѣ или переставая платить, когда въ казнѣ ничего не оказывалось.

Въ царствованіе Екатерины II, когда политико-экономическія и финансовыя идеи Зап. Европы стали сильно распространяться въ Россіи, государство обратилось и къ этому средству: Екатерина II первая стала занимать. Въ 1768 г. въ началѣ 1-й турецкой войны былъ учрежденъ государственный ассигнаціонный банкъ; онъ выпустилъ на милліонъ руб. бумажныхъ денегъ—ассигнацій. Потребность въ бумажныхъ деньгахъ чувствовалась на рынкѣ: для мелкаго труда тяжела мѣдная монета, ее было полезно замѣнить денежными знаками. Правительство положило въ банкъ фондъ тоже въ 1

милл. рублей золотомъ и серебромъ, такъ что размѣнъ ассигнацій былъ вполнѣ обезпеченъ. Вотъ почему ассигнаціи ходили на рынкѣ по одной цѣнѣ съ серебряными деньгами; онѣ были даже нѣсколько дороже мѣдныхъ денегъ и носили названіе лажа.

И такъ предпринятая въ 1768 г. мѣра была только выгодна для народнаго оборота; потомъ выпускъ ассигнацій усилился; въ 1774 г. выпущено было въ оборотъ уже 20 милл. бумажныхъ денегъ. При началѣ 2-й турецкой войны правительство, не имѣя наличныхъ средствъ, рѣшило энергически пользоваться кредитомъ и выпустило уже бумажныхъ денегъ на 100 милл. рублей. Къ концу 2-й турецкой войны, какъ извѣстно очень дорогой, на рынкѣ обращалось уже 150 мил. бумажныхъ денегъ; къ концу царствованія это количество было сокращено до 82 мил. рублей.

Однако выпущенная масса бумажныхъ денегъ почувствовалась на рынкѣ и сопровождалась упадкомъ бумажнаго рубля. Впродолженіе 2-й турецкой войны бумажный рубль падалъ до 40 коп.; къ концу царствованія Екатерины II установился курсъ рубля въ 68 коп., т. е. съ потерей въ 32%; недостающіе проценты должны были возмѣщаться усиленіемъ прямыхъ или косвенныхъ налоговъ. Такъ при Екатеринѣ II создался внутренній долгъ, представленный бумажными деньгами, но этотъ долгъ былъ безпроцентнымъ. Кромѣ того, Екатерина II должна была обращаться и къ заграничнымъ банкамъ, т. е. дѣлать внѣшніе займы. Къ концу ея царствованія внѣшняго долга накопилось 44 мил. руб.; на покрытіе процентовъ по этому долгу государство ассигновало ежегодно уже безъ малаго 5 мил. руб. Такимъ образомъ внѣшній долгъ въ 44 мил. руб., сложенный съ 82 мил. внутренняго долга и процентами 5 мил. руб. по внѣшнему долгу, составляли сумму въ 131 мил. руб. въ концѣ царствованія Екатерины II, т. е. цифру, почти вдвое превышавшую годовой бюджетъ государства въ 68 мил. рублей. Вмѣсто дворянскаго и купеческаго банковъ, учрежденныхъ при Елизаветѣ Петровнѣ, былъ учрежденъ при Екатеринѣ II въ 1786 г. государственный заемный банкъ съ капиталомъ въ 33 мил. рублей, изъ котораго дворяне и городскіе обыватели могли брать въ ссуду деньги за 5%, съ разложе-

ніемъ уплаты на 20 лѣтъ для дворянъ и на 22 года для городскихъ обывателей.

Крѣпостное право неблагопріятно отзывалось и на ростѣ городского населенія и успѣхахъ городскихъ ремеслъ и фабричнаго производства. Въ началѣ XVIII в., когда еще заводились новые роды промышленности, городское населеніе составляло очень незначительную долю всей массы населенія въ государствѣ: именно по 1-й ревизіи городскихъ торговопромышленныхъ обывателей, купцовъ, цеховыхъ и мѣщанъ насчитывалось болѣе 172000 душъ на 6 почти милл. всего податнаго населенія имперіи; слѣдовательно, городской торгово-промышленный классъ составлялъ едва $^1/_{24}$ долю всего податнаго населенія. Петръ Великій очень много заботился о развитіи городскихъ промышленныхъ и ремесленныхъ людей, т. е. о развитіи городского класса, но дѣло его не было продолжено его преемниками: городское ремесло и фабричное производство падаютъ послѣ него. Петру Великому помощью казенныхъ субсидій и принужденій удалось образовать небольшой кружокъ крупныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ, но этотъ кружокъ не разрастается послѣ него: русская промышленность и торговля, о которыхъ такъ хлопоталъ преобразователь, послѣ него не становятся на свои ноги и попадаютъ въ руки иностранныхъ капиталистовъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе становится замѣтно, что внутренними ремеслами руководятъ иностранныя фирмы; въ царствованіе Екатерины II это господство иноземныхъ капиталовъ становится даже подавляющимъ: всѣ крупные обороты страны находятся въ рукахъ преимущественно голландскихъ и англійскихъ капиталистовъ. Петру Великому удалось создать значительное преобладаніе вывоза надъ ввозомъ; это преобладаніе остается и послѣ него: до конца XVIII ст. Россія вывозила за границу значительно больше товаровъ, чѣмъ привозила, но барышъ, какой происходилъ отъ этого преобладанія, доставлялся не русскому труду, а шелъ въ руки руководителей—иностранныхъ капиталистовъ. Вотъ почему мы не замѣчаемъ значительнаго роста городского промышленно-ремесленнаго класса по смерти Петра Великаго, такъ при Екатеринѣ II въ 1769 г. насчитано было городскихъ обывателей 228000 ревизскихъ душъ; сравнивая эту цифру съ количествомъ податнаго населенія въ то время, находимъ, что

она составляетъ также едва $^1/_{34}$ долю; такимъ образомъ городской классъ по смерти Петра Великаго впродолженіе почти полувѣка не дѣлалъ замѣтныхъ успѣховъ.

Императрица Екатерина II много хлопотала о такъ называемомъ третьемъ сословіи; это 3-ье сословіе, т. е. городское промышленно-ремесленное, тогда, какъ извѣстно, было моднымъ словомъ въ Зап. Европѣ, о немъ много писали въ тѣхъ книгахъ, которыя читала Екатерина II; на 3-мъ сословіи покоились всѣ надежды тогдашнихъ либераловъ; понятны заботы, какія прилагала императрица къ развитію этого класса. Черты этой заботы встрѣчаются въ любопытной перепискѣ ея съ одной французской знакомой m—me Жофренъ. Эта дама, вся пропитанная политико-экономическими идеями времени неотступно просила императрицу позаботиться о созданіи 3-го класса въ Россіи; Екатерина II отвѣчала ей: „обѣщаю Вамъ, m-me, еще разъ позаботиться объ этомъ; но и какъ же будетъ мнѣ трудно устроить это 3-ье сословіе въ Россіи". Мы уже видѣли заботы императрицы, выразившіяся въ созданіи городового положенія, къ концу ея царствованія считалось до 755000 городскихъ ревизскихъ душъ; сравнивъ эту цифру съ податнымъ населеніемъ имперіи по 5-й ревизіи, узнаемъ, что городской классъ составлялъ $^1/_{25}$ долю всего податнаго населенія имперіи. Разсматривая причины такого медленнаго развитія городского класса, мы должны поставить на первомъ мѣстѣ крѣпостное право; оно имѣло двоякое вредное дѣйствіе на успѣхъ городского класса, какъ и городской промышленности. Прежде всего оно создавало опасныхъ соперниковъ городскому производству; каждый значительный помѣщикъ, основавшійся въ своемъ селѣ или въ своемъ городскомъ домѣ, спѣшилъ обзавестись всѣми удобствами, пользуясь крѣпостнымъ трудомъ; изъ крѣпостного населенія онъ создавалъ себѣ всякихъ ремесленниковъ и мастеровъ, начиная отъ кучера и кузнеца и кончая живописцемъ, музыкантомъ, артистомъ и даже учителемъ дѣтей; такимъ образомъ крѣпостное село со своимъ дворовымъ ремесломъ явилось соперникомъ городу съ его свободнымъ городскимъ ремесломъ.

Вслѣдствіе этого у городского промышленнаго труда исчезъ наиболѣе зажиточный и крупный потребитель, какимъ былъ

дворянинъ. Дворянину мало нуженъ былъ городской магазинъ; то, что онъ могъ здѣсь получить, большею частью доставляло ему дворовое ремесло; то, что не могло доставить ему последнее, доставлялъ иностранецъ; на помѣщика одно дѣлалъ дворовый ремесленникъ, а другое ремесленникъ парижскій; свой русскій городской ремесленникъ оставался безъ хорошаго заказчика. Съ другой стороны, чѣмъ больше развивалась власть помѣщика надъ личностью крестьянина, тѣмъ больше стѣснялась свобода послѣдняго въ распоряженіи движимымъ имуществомъ; притомъ и это движимое имущество, благодаря возвышавшимся помѣщичьимъ требованіямъ, становилось все скуднѣе, крестьянинъ все меньше потреблялъ въ городѣ, потому что имѣлъ и меньше свободы для этого и меньше средствъ; одновременно съ исчезновеніемъ крупныхъ и зажиточныхъ заказчиковъ у городского труда исчезли и потребители мелкіе, но многочисленные. Вотъ чѣмъ объясняются незначительные успѣхи городского класса и промышленнаго ремесленнаго труда впродолженіе XVIII ст.

Въ общемъ экономическая политика Екатерины II отличалась существенно отъ политики предыдущихъ царствованій. Съ Петра Великаго у насъ установилась надъ торговлей и промышленностью система строгаго правительственнаго надзора, и дѣятельность торгово-промышленнаго класса была стѣснена регламентаціей Екатерина II сняла эти стѣсненія, уничтожила самые органы контроля, Бергъ и Мануфактуръ-коллегіи, и стала держаться въ отношеніи торговли и промышленности извѣстнаго принципа: „laisser passer, laisser faire“. Этотъ принципъ въ ея время былъ уже высказанъ и англійскими и французскими экономистами и сочувственно принимался корифеями французской философіи. Екатерина усвоила его: она содѣйствовала развитію промышленности и торговли, но она не направляла это развитіе въ ту или другую сторону. Подобно Петру I, Екатерина II прибѣгала ко многимъ мѣрамъ для улучшенія сельскаго хозяйства, торговли и промышленности. Въ 1765 г. по ходатайству Григорія Орлова и 15 другихъ патріотовъ было учреждено въ С.-Петербургѣ Вольное экономическое общество для поощренія полезныхъ знаній въ области экономіи и земледѣлія, и съ первыхъ же дней его дѣятельности былъ возбужденъ въ немъ вопросъ о бытѣ кре-

стьянъ. Еще при Елизаветѣ Петровнѣ для заселенія пустынныхъ степей на югѣ Россіи поселилось нѣсколько тысячъ православныхъ сербовъ, выѣхавшихъ изъ Турціи и Австріи. Они образовали на границахъ Украйны такъ называемую „Новую Сербію". Екатерина II стала вызывать иностранныхъ колонистовъ-нѣмцевъ. Колонистовъ привлекали разными льготами. Въ іюлѣ 1763 г. была учреждена канцелярія опекунства иностранныхъ колонистовъ, изданъ манифестъ о дозволеніи всѣмъ иностранцамъ, въ Россію въѣзжающимъ, поселяться, въ которыхъ губерніяхъ они пожелаютъ; колонистамъ давались подъемныя деньги, безпроцентная ссуда капитала на 10 лѣтъ для обзаведенія на новыхъ мѣстахъ, они освобождались отъ всякой службы и ото всякихъ податей на 30 лѣтъ, могли судиться по своимъ законамъ, свободно исповѣдывать свою вѣру и выбирать своихъ пасторовъ. Привлекаемые такими льготами переселенцы хлынули въ Россію толпами, преимущественно изъ Пфальца, и поселились по Волгѣ въ нынѣшнихъ Саратовской и Самарской губерніяхъ. Когда переселенческое движеніе остановилась, то въ 1774 г. число однихъ нѣмецкихъ колонистовъ простиралось до 26000 человѣкъ. По призыву императрицы возвратилось также изъ-за границы много раскольниковъ, въ 1782 г. они были освобождены отъ двойного оклада, который собирался съ нихъ по указу Петра Великаго. При Екатеринѣ II только началось въ Россіи разведеніе картофеля, неизвѣстнаго до тѣхъ поръ. Купеческая молодежь посылалась за границу для обученія, а оттуда выписывались рудокопы и солевары, наряду съ учеными офицерами; строились каналы и развивались пути сообщенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ произошло окончательное преобразованіе въ устройствѣ Малороссіи и въ бытѣ запорожскихъ казаковъ, населившихъ южныя степи. Гетманское достоинство въ Малороссіи было окончательно отмѣнено въ 1764 г., и Малороссія образовала двѣ губерніи Кіевскую и Малорусскую. Между тѣмъ южныя степи заселялись колонистами, здѣсь при Екатеринѣ II изъ нихъ была образована въ 1764 г. новая губернія Новороссійская, вслѣдствіе чего начались столкновенія запорожцевъ съ правительствомъ: запорожцы стали жаловаться, что имъ тѣсно, что у нихъ отнимаютъ земли, нужныя имъ для скотоводства и охоты, они ссорились за землю съ поселен-

цами Новороссіи, не пускали въ свою область правительственныхъ землемѣровъ, и иногда по-прежнему составляли разбойничьи шайки гайдамаковъ, однимъ словомъ, являлись врагами государственнаго порядка, которому совершенно не хотѣли подчиняться. Между тѣмъ прежнее назначеніе запорожцевъ охранять южные предѣлы Россіи теперь уже съ заселеніемъ ея южныхъ окраинъ не имѣло смысла, поэтому рѣшено было покончить съ существованіемъ Сѣчи, и въ 1775 г. она была занята русскими войсками и перестала существовать. Часть казаковъ успѣла уйти въ турецкіе предѣлы, гдѣ поддалась турецкому султану, остальнымъ было позволено или возвратиться на прежнія мѣста жительства или жить въ Новороссіи на правахъ всѣхъ остальныхъ ея жителей. Въ 1783 г. изъ бывшихъ запорожцевъ Потемкинъ образовалъ войско черноморскихъ казаковъ, а въ 1792 г. имъ были отведены земли между Кубанью, Азовскимъ и Чернымъ морями.

Наряду съ упорядоченіемъ южной окраины предпринимались мѣры и для сохраненія народонаселенія и для охраненія народнаго здравія: такъ вмѣсто прежней петровской медицинской канцеляріи учреждена была въ 1763 г. медицинская коллегія, которая составляетъ эпоху въ этомъ дѣлѣ у насъ. Она создала много врачей, завела больницы, госпитали, аптеки по губерніямъ, много докторовъ также было вызвано изъ Германіи на службу въ Россію. Когда изъ Турціи была занесена войсками чума, медицинская коллегія, департаментъ которой былъ въ Москвѣ, помогла принять небывалый рядъ карантинныхъ и гигіеническихъ мѣръ. Учреждены были фабрики для хирургическихъ инструментовъ, приказы общественнаго призрѣнія заводили дома для неизлѣчимыхъ больныхъ и умалишенныхъ. Екатерина II ввела даже въ 1768 г. оспопрививаніе, незадолго передъ тѣмъ открытое на Западѣ Европы; чтобы подать добрый примѣръ, императрица привила оспу себѣ и своему сыну, наслѣднику престола Павлу Петровичу. Ни одинъ лѣкарь, ни одинъ священникъ въ Россіи не противился оспопрививанію, какъ это было въ Зап. Европѣ. Оспопрививаніе стало быстро распространяться и въ 1772 г., появилось даже среди сибирскихъ инородцевъ. Въ Москвѣ въ 1763 г., потомъ и въ С.-Петербургѣ были устроены воспитательные дома, чтобы не погибали заброшенные младенцы.

Въ общемъ вслѣдствіе присоединенія къ Россіи земель, завоеванныхъ у Турціи и пріобрѣтеній по 3 раздѣламъ Польши, народонаселеніе Россійской имперіи въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II увеличилось съ 20 милліоновъ до 36; а территорія расширилась на 12000 кв. миль.

И. Г.

О финансовой политикѣ Екатерины II.

Источники государственныхъ доходовъ и финансовая администрація до-екатерининскаго времени. Финансовыя реформы Петра Великаго и послѣдующія ихъ искаженія. Финансовыя реформы Екатерины II. Выпускъ бумажныхъ денегъ. Учрежденіе экспедиціи о государственныхъ доходахъ, казенныхъ палатъ и уѣздныхъ казначействъ. Внѣшніе займы. Банковая реформа.

Скудость государственнаго бюджета была, можно сказать, постояннымъ спутникомъ русской государственности во всѣ періоды,—княжескій, царскій и частью императорскій. Главное богатство Россіи—обширныя земельныя пространства и сравнительное обиліе естественныхъ произведеній слабо эксплоатировалось при рѣдкости и подвижности народонаселенія, силы котораго въ большей части уходили на процессъ „собиранія" земли русской, сосредоточенія и объединенія власти. Не говоря уже о періодѣ удѣльныхъ междоусобицъ и татарскаго ига, когда вся народная дѣятельность поглощалась вопросами самосохраненія, но и въ позднѣйшее время, послѣ того какъ Русь сложилась въ единое независимое государство, задачи ея стали немногимъ легче, такъ какъ она очутилась въ весьма невыгодномъ положеніи относительно границъ: на юго-востокѣ степь съ кочевыми хищниками, отъ которыхъ постоянно нужно было то отбиваться, то откупаться; на западной границѣ еще болѣе трудная и непрерывная борьба съ непримиримыми врагами, требовавшая не только физической силы, но еще болѣе матеріальныхъ средствъ. А источники этихъ средствъ были весьма немногочисленны; промышленность ограничивалась добываніемъ земледѣльческихъ сырыхъ продуктовъ, рыболовствомъ, звѣроловствомъ, да ремеслами; торговля внутренняя, благодаря отсутствію раздѣленія труда, удобныхъ средствъ сообщенія и безопасности путей была мало развита; для внѣшней торговли условія были еще менѣе благопріятны, и она почти

не существовала, ограничиваясь отпускомъ за границу немногихъ сырыхъ произведеній въ обмѣнъ на иностранные товары или на серебро, котораго въ Россіи вовсе не добывалось. Городовъ съ ихъ промыслами, ремеслами и торговлей, а слѣдовательно и съ зажиточнымъ народонаселеніемъ было очень мало. Не имѣя крупныхъ статей дохода, правительство вынуждено было постоянно изощряться въ придумываніи различныхъ мелочныхъ налоговъ: каждое дѣйствіе, чуть-ли не каждое движеніе русскаго человѣка вплоть до черпанія воды и мытья бѣлья въ проруби было обложено пошлинами. Однѣхъ только заставныхъ пошлинъ было семь видовъ. И все-таки въ общемъ итогѣ государственный бюджетъ былъ крайне ограниченный и даже въ концѣ царствованія Михаила Θеодоровича, когда земля русская уже успѣла оправиться отъ разоренія временъ междуцарствія, чистаго дохода поступало въ царскую казну менѣе $1^1/_2$ милліона руб. *).

Скудость денежныхъ рессурсовъ пополнялась многочисленными натуральными повинностями, отбываемыми населеніемъ въ пользу государства, начиная съ самой тяжелой изъ нихъ ратной или воинской и кончая всевозможными натуральными въ пользу казны сборами. Постройка городовъ и укрѣпленій, устройство дорогъ и почтовая гоньба, постройка казенныхъ и общественныхъ зданій и все тому подобное выполнялось способомъ натуральныхъ повинностей.

Весьма существеннымъ подспорьемъ государственнымъ рессурсамъ служили личныя средства государей. Московскій царь былъ самый богатый вотчинникъ на Руси; къ нему въ усиленной степени можетъ быть примѣненъ стихъ Пушкина о Кочубеѣ:

Кругомъ... Москвы хутора
Окружены его садами...
И много у него добра,
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду, и подъ замками

*) Соловьевъ. т. VII.

Государственныя имущества, согласно тогдашнимъ экономическимъ понятіямъ и по самой неограниченности власти монарха, главнаго владыки надъ цѣлымъ государствомъ, долгое время не были различаемы отъ удѣльныхъ владѣній государя: какъ тѣ, такъ и другія были неограниченною его собственностью. Начало сихъ имуществъ современно съ началомъ государства *), т. е. съ приходомъ въ славянскія земли варяго-руссовъ. Видимъ изъ лѣтописей, что первые наши князья владѣли пространными землями, по большей части завоеванными ими у первыхъ поселенцевъ. Цѣлый рядъ послѣдующихъ грамотъ показываетъ, что великіе и удѣльные князья имѣли значительныя земельныя владѣнія. „А будетъ у самого Царя", говоритъ Котошихинъ, „подъ Москвою, и въ городѣхъ, въ дворцовыхъ волостяхъ и селѣхъ крестьянъ съ 30,000 дворовъ, кромѣ бобылей. Да въ царскихъ же черныхъ волостяхъ и слободахъ крестьянъ съ 20.000 дворовъ". Весьма основательно предположеніе Рейца, что князья постоянно увеличивали свои имѣнія завладѣніемъ такъ называемыхъ пустопорожнихъ земель, которыя они обрабатывали по большей части плѣнными. Значительность государственныхъ и удѣльныхъ имуществъ лучше всего доказывается тѣмъ, что несмотря на щедрую раздачу ихъ въ помѣстья и вотчины служилымъ людямъ, Россія все-таки и теперь владѣетъ огромнымъ фондомъ государственныхъ имуществъ, простирающихся (вмѣстѣ съ удѣльными) до 200 милліоновъ десятинъ.

Несмотря однако на эти земельныя богатства и значительные доходы съ нихъ, не смотря на тяжелыя подати, которыми облагалось населеніе, средствъ вообще и наличныхъ денегъ въ особенности постоянно не хватало въ казнѣ и нужно было изыскивать разныя другія средства для ея пополненія. Внѣшнихъ займовъ тогда еще не знали, а потому единственнымъ рессурсомъ могли быть только внутренніе займы въ самой примитивной формѣ одолженій подданныхъ своему государю, какъ частному лицу. Въ многочисленныхъ царскихъ грамотахъ, особенно въ теченіи всего

*) Граф. Д. А. Толстой „Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи".

17-го вѣка послѣ полнаго разоренья государства во время „лихолѣтья“, мы видимъ подобныя обращенія царей то ко всѣмъ своимъ подданнымъ въ совокупности, то къ отдѣльнымъ сословіямъ и лицамъ съ просьбами о ссудахъ. Такъ Михаилъ Ѳеодоровичъ вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ, а именно 24 мая 1613 г., писалъ Строгоновымъ: „Въ казнѣ нашей денегъ и въ житницахъ хлѣба на Москвѣ нѣтъ нисколько. У васъ указали есма просити въ займы денегъ, и хлѣба, и рыбы, и соли, и суконъ, и всякихъ товаровъ, какъ мочь сяжетъ, что дати ратнымъ людямъ... а сколько чего въ займы дадите денегъ, и хлѣбомъ, и товарами, и то указали есма записывати въ книги, а вамъ давати съ нихъ выписи за архимаритовыми, и за игуменскими, и за сборщиковыми руками... а какъ въ нашей казнѣ деньги въ сборѣ будутъ, и мы вамъ тѣ деньги велимъ заплатить тотчасъ безъ всякаго мотчанія“. Особенность этой грамоты заключается въ томъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ, ясно сознавая, что его личнаго кредита еще было слишкомъ недостаточно для успѣшнаго заключенія займа, предлагаетъ Строгоновымъ поручительство духовенства въ исправной уплатѣ долга. Несмотря однако на такое серьезное поручительство, Строгоновы нашли возможнымъ прислать только 3,000 рублей.

Правительству царскаго періода не чужды были также попытки къ заключенію внѣшнихъ займовъ, но онѣ заканчивались либо полною неудачею, либо весьма скромными результатами. Такъ въ царствованіе того же Михаила Ѳеодорича въ 1617 г. отправлено было въ Англію посольство, которому между прочимъ поручено было просить у казны тысячъ на 200 или на 100, по самой послѣдней мѣрѣ на 80 или 70, а меньше 40 тысячъ не брать“. Въ результатѣ этой просьбы Московскій царь получилъ отъ англійскаго короля 20,000 рублей, которые тотъ вскорѣ же потребовалъ назадъ подъ тѣмъ предлогомъ, что „король нуждается въ деньгахъ“. Со времени этой и нѣсколькихъ другихъ неудачныхъ попытокъ намъ ничего не извѣстно о внѣшнихъ займахъ вплоть до царствованія императрицы Екатерины II.

Наконецъ, нельзя не упомянуть для полноты еще объ одномъ способѣ пополненія государственной казны, хотя и

фиктивномъ, но по современнымъ ему экономическимъ понятіямъ казавшимся дѣйствительнымъ—это такъ называемая демонетизація или ухудшеніе монеты. Исходя изъ ложнаго экономическаго взгляда, что цѣнность монеты обусловливается ея названіемъ, а не зависитъ отъ стоимости входящаго въ нее матерьяла, и наше правительство не избѣгло общеевропейскаго заблужденія относительно сущности денегъ. Основныя начала этой злополучной операціи объяснены были въ изданномъ по этому поводу 8 апрѣля 1656 г. указѣ и состояли въ слѣдующемъ:

1) Правительство приступаетъ къ выпуску мѣдныхъ денегъ, *имѣющихъ нарицательную цѣну серебряныхъ.* Этими новыми деньгами приказано было торговать и вносить въ казну всякія пошлины.

2) Строго запрещалось употребленіе новыхъ денегъ въ торгахъ съ иностранцами; съ послѣдними слѣдовало производить торгъ серебряными мелкими деньгами.

Мѣра эта не сразу проявила свои дурныя послѣдствія; увеличивъ количество мѣновыхъ знаковъ, она на первыхъ порахъ даже оживила торговлю. Такъ, по крайней мѣрѣ, по отзыву Котошихина „и ходили тѣ мѣдныя деньги многое время съ серебряными заровно, и возлюбили тѣ деньги всѣмъ Государствомъ, что всякіе люди ихъ за товары принимали и выдавали“. Но любовь эта къ мѣднымъ деньгамъ длилась не долго. Не долѣе какъ 2½ года спустя послѣ перваго выпуска, мѣдныя деньги начали падать въ цѣнѣ какъ вслѣдствіе излишняго выпуска ихъ, такъ и особенно вслѣдствіе появленія массы фальшивыхъ денегъ, поддѣлка которыхъ была чрезвычайно выгодна: изъ пуда мѣди, стоившаго 5 рублей, можно было надѣлать денегъ на 312 рублей. И вотъ монету стали поддѣлывать всѣ—и знатные и бѣдные, поддѣлка была открыта даже на царскомъ денежномъ дворѣ; фальшивую монету стали привозить и изъ-за границы.

Напрасно правительство принимало жестокія мѣры противъ поддѣлывателей: за поддѣлку денегъ казнено было смертью болѣе семи тысячъ людей, да больше пятнадцати тысячъ наказано отсѣченіемъ рукъ, ногъ, ссылкою, конфис-

кацiею имущества; ничего не помогало; поддѣлка продолжалась. Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжали падать въ цѣнѣ и мѣдныя деньги, такъ что въ 1663 г. за 1 р. серебра давали 14 р. мѣдью, т. е. лажъ достигъ 1400%.

Такое обезцѣненiе мѣдныхъ денегъ имѣло самое гибельное влiянiе на экономическiй бытъ народа, на народное хозяйство и даже на нравственность. Влiянiе это обнаружилось прежде всего въ обезцѣненiи постоянныхъ полученiй долговыхъ требованiй, заработной платы, а съ другой стороны возрасли цѣны на товары, особенно на предметы первой необходимости *). „Крестьяне", говоритъ теперь тотъ же Котошихинъ, „увидѣвъ такiе въ одну пору худые дѣланы деньги... не почали въ города возить сѣно, и дровъ, и съѣстныхъ запасовъ и почала быть отъ тѣхъ денегъ скудость большая на всякiе товары, хотя о деньгахъ тѣхъ былъ указъ жестокiй и казни, чтобъ для нихъ товаровъ и запасовъ не подвышали, однако на то не смотрѣли".

Хотя правительство и обратило вниманiе на угрожающее возрастанiе цѣнъ на всѣ товары, но оно не понимало истинной причины этого явленiя, равно какъ не понимали ее и тогдашнiе торговые люди, которые, будучи спрошены о причинахъ дороговизны въ Москвѣ и средствахъ противодѣйствiя ей,—указали эту причину въ стачкѣ откупщиковъ и совѣтовали принять противъ нихъ строгiя мѣры. А не понимая причины явленiя, нельзя было ожидать и цѣлесообразныхъ мѣръ къ его устраненiю. Народъ сталъ волноваться, во многихъ городахъ и въ Москвѣ вспыхнулъ мятежъ, который офицiальная грамота объясняла тѣмъ, что „учинили мятежъ худые людишки... а наши Великаго Государя всякихъ чиновъ ратные и торговые и земскiе люди къ тому ихъ воровству никто не приставали..." Мятежъ былъ подавленъ суровыми мѣрами.

---

*) Возвышенiе цѣнъ на предметы необходимости можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ, приведенныхъ у Брикнера. Такъ напр. четверть ржи стоила: въ 1652 г. 40 к., въ сентябрѣ 1661 г. 1 р. 20 к., а въ 1662 г. повышенiе шло такъ: въ январѣ 3 р., въ iюнѣ 5 р., въ октябрѣ 7 р., въ декабрѣ 9 р. Въ 1663 г. въ январѣ 12 р., въ мартѣ 17 р., въ маѣ 25 руб.

Несмотря однако на столь вѣское, какъ мятежъ и дороговизна, доказательство непригодности мѣдныхъ денегъ, правительство не сразу рѣшилось на изъятіе ихъ изъ обращенія и только годъ спустя послѣ мятежа „умышляя царь, чтобы еще чего межъ людьми о деньгахъ не учинилося, велѣлъ тѣ мѣдныя деньги отставить“, т. е. изъять ихъ изъ обращенія, давая за одинъ рубль мѣдныхъ денегъ по двѣ деньги серебряныхъ. Даже теперь, объявляя о своемъ банкротствѣ, правительство винило въ дискредитированіи мѣдныхъ денегъ „гостей и иныхъ всякихъ чиновъ людей“.

Хотя попытки выпускать неполновѣсныя деньги неоднократно повторялись и впослѣдствіи, но не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ 1656 г., а потому и вредныя послѣдствія отъ того были соотвѣтственно меньше.

Располагая незначительными средствами, правительство не могло удѣлять сколько-нибудь значительныя суммы на производительные расходы. ³/₄ государственнаго бюджета уходило на содержаніе военной силы, а остальная четверть на содержаніе двора и администраціи, на прочія же надобности, признаваемыя нынѣ весьма существенными, какъ напр., народное образованіе, пути сообщенія, поощреніе промышленности и торговли, благотворительность и т. п. отъ казны почти ничего не отпускалось.

Охарактеризовавъ вкратцѣ источники государственныхъ доходовъ, необходимо сказать нѣсколько словъ и о финансовой администраціи до-екатерининскаго времени.

Соотвѣтственно скудости государственнаго бюджета, отсутствовала и правильная система его собиранія и расходованія. Нынѣ признано обязательнымъ, чтобы всѣ государственные доходы со всего государства стекались въ одно государственное учрежденіе—министерство финансовъ и оттуда распредѣлялись бы, согласно бюджетнымъ смѣтамъ, опять по всему государству, при чемъ какъ приходованіе, такъ и расходованіе суммъ подлежало бы контролю особаго учрежденія. Не такъ было въ Московской Руси: каждое почти учрежденіе имѣло свои спеціальные доходы, которые оно собирало и расходовало на свои потребы, независимо отъ другихъ учрежденій и при полнѣйшемъ отсутствіи контроля.

Не говоря уже о томъ, что при такомъ порядкѣ представлялось самое широкое поле для злоупотребленій, но даже невозможно было свести въ одно общее цѣлое всю картину финансовъ страны; даже центральное правительство не знало въ точности приходо-расхода, дефицитовъ и недоимокъ своихъ финансовъ. Несмотря на энергичныя попытки великаго преобразователя Россіи Петра I ввести и въ эту область государственной дѣятельности необходимыя улучшенія, въ общемъ финансовое дѣло у насъ оставалось почти неизмѣнно въ вышеописанномъ состояніи вплоть до царствованія императрицы Екатерины II.

Приступая къ описанію экономической политики этого 35-лѣтняго царствованія, мы должны указать на непосильную для насъ трудность дать достаточно яркую и полную картину этой отрасли государственнаго управленія, во-первыхъ потому, что вопросъ этотъ еще далеко не вполнѣ разработанъ въ нашей литературѣ, отчасти за недостаткомъ необходимыхъ матеріаловъ, а отчасти потому, что финансовое дѣло не только въ то время, но и долгое время спустя считалось государственной тайною, которую слѣдовало тщательно скрывать какъ отъ иностранцевъ, такъ и отъ собственныхъ подданныхъ. А между тѣмъ эпоха императрицы Екатерины II имѣетъ особенный интересъ въ финансовомъ отношеніи, такъ какъ именно въ это время совершился крутой поворотъ въ нашей финансовой политикѣ, продолжавшейся почти безъ перемѣнъ до царствованія императора Александра II, когда въ основу финансоваго управленія положены были нѣкоторыя новыя начала, между прочимъ гласность.

Въ какомъ состояніи находились финансы ко времени вступленія на престолъ Екатерины II, мы видимъ изъ собственныхъ ея словъ: *)

„Въ 1762 году при вступленіи моемъ на престолъ я нашла сухопутную армію въ Пруссіи за двѣ трети жалованья не получившую. Въ Штатсъ-Конторѣ именные указы на выдачу 17 милліоновъ рублей не выполненные. Монетный дворъ

*) Сборникъ императорскаго русскаго историч. общества, томъ XXVII.

со времени царя Алексѣя Михайловича считалъ денегъ въ обращеніи 100 мил. рублей, изъ которыхъ 40 мил. считалъ вышедшими изъ Имперіи вонъ и натурою отправленными, понеже тогда вексельнаго оборота либо вовсе не знали, либо мало употребляли. Почти всѣ отрасли торговли были отданы частнымъ людямъ въ монополію. Таможни всей Имперіи были отданы Сенатомъ на откупъ за два милліона. Шестьдесятъ милліоновъ денегъ, кои остались въ Имперіи, были двѣнадцати разныхъ вѣсовъ; серебряныя деньги отъ 82-ой пробы по 65-ую, мѣдныя отъ 32 рублей до 40 въ пудѣ. Блаженныя памяти государыня императрица Елизавета Петровна во время семилѣтней войны искала занять два милліона рублей въ Голландіи, но охотниковъ на тотъ заемъ не явилось, слѣдовательно кредита или довѣрія къ Россіи не существовало. Внутри Имперіи заводскіе и монастырскіе крестьяне почти всѣ были въ явномъ непослушаніи властей и къ нимъ начали присоединяться мѣстами и помѣщичьи".

Къ этой картинѣ можно было бы прибавить еще одну существенную черту, именно ту, что государственные доходы находились въ завѣдываніи цѣлаго ряда независимыхъ другъ отъ друга финансовыхъ и другихъ чисто административныхъ учрежденій, которыя обязаны были удовлетворять изъ стекавшихся къ нимъ суммъ опредѣленные расходы. При такомъ положеніи дѣлъ не могло быть и рѣчи ни о единствѣ въ управленіи доходами, ни объ экономіи и бережливости въ расходахъ.

Петръ Великій въ своихъ преобразованіяхъ всего государственнаго строя, не упустилъ, конечно, изъ виду и важнѣйшую отрасль государственнаго управленія — финансовую.

Учреждая коллегіи взамѣнъ приказовъ, Петръ I сосредоточилъ завѣдываніе всѣми хозяйственными дѣлами въ пяти коллегіяхъ, которыя должны были взаимно другъ другу помогать и поддерживать. Камеръ-коллегія была поставлена во главѣ всѣхъ финансовыхъ учрежденій, имѣла такъ сказать руководящую роль: она должна была не только собирать доходы, но изыскивать и создавать новые источники дохо-

довъ. Расходованіемъ государственныхъ суммъ завѣдывала собственно штатсъ-контора, или какъ она называлась первоначально — штатсъ-коллегія; мануфактуръ, бергъ и коммерцъ-коллегіи завѣдывали дѣлами промышленности и торговли. Ревизіонъ-коллегія должна была ревизовать дѣятельность прочихъ коллегій. Только весьма немногія статьи государственныхъ доходовъ остались въ вѣдѣніи нѣсколькихъ второстепенныхъ канцелярій, конторъ и даже приказовъ. Такимъ образомъ данная Петромъ Великимъ нашему финансовому управленію организація была достаточно пригодна не только для правильнаго завѣдыванія, но и для цѣлесообразнаго направленія и развитія финансово-экономической жизни страны; степень достиженія возможно хорошихъ результатовъ зависѣла уже отъ послѣдующихъ исполнителей и продолжателей предначертаній геніальнаго преобразователя. Этихъ то именно исполнителей и не нашлось впослѣдствіи, такъ что при его преемникахъ финансовое управленіе пришло въ прежнее хаотическое состояніе.

Изъ даннаго Петромъ I въ 1719 году для управленія камеръ-коллегіею регламента мы видимъ, что ея дѣятельность должна была соотвѣтствовать не только теперешнему министерству финансовъ, но главнымъ образомъ министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Прежде всего коллегія должна была „тщеться" о немедленномъ полученіи всѣхъ вѣдомостей, изъ которыхъ она могла бы совершенно увѣдомиться о натурѣ и ситуаціи и расположеніи, о расходахъ и оброчныхъ статьяхъ государства и подлежащихъ къ оному народовъ и провинціи и потомъ расходамъ и податямъ извѣстное число положить. Коллегія должна была заботиться о томъ, чтобы были сочинены описанія „каждому помѣстью или погосту, потомъ дистрикту, а напослѣдъ всей провинціи; она должна была смотрѣть, чтобы всѣ окладныя земскія подати были соотвѣтственны не только матеріальнымъ силамъ и средствамъ каждой провинціи, но и при распредѣленіи податей она должна была „межъ вышними и нижними, убогими и богатыми по пропорціи подлежащее равенство въ разсмотрѣніи имѣть... и наипаче стараться, чтобы какъ возможно запустѣлые дворы и земли по-малу паки населять и всякой пустоты осторожнымъ домо-

державствомъ впредь предостерегать и отвращать". Коллегія должна была заботиться о сбереженіи лѣсовъ, улучшеніи земледѣлія и садоводства „и во всѣхъ такихъ къ приращенію всего государства подлежащихъ дѣлахъ всякимъ образомъ споспѣшествовать"; ей же поручено было и завѣдываніе монетнымъ дѣломъ.

Всѣ эти постановленія распространяютъ дѣятельность камеръ-коллегіи на заботу о государственномъ хозяйствѣ вообще, т. е. далеко выводятъ ее по значенію за предѣлы учрежденія, только собирающаго доходы. Для достиженія этой важной цѣли она должна была имѣть всѣ свѣдѣнія о государственныхъ расходахъ, а потому штатсъ-контора должна была присылать ей ежегодно вѣдомости обо всѣхъ годовыхъ окладныхъ расходахъ, дабы камеръ-коллегія могла вѣдать „коликое число расхода по вся годы востребуется, дабы когда нужда позоветъ, она могла чрезвычайные налоги наложить и нужное число денегъ заранѣе приготовить". Такимъ образомъ регламентъ, данный камеръ-коллегіи, ставилъ ей такія задачи, которыя дѣлали ее дѣйствительно настоящимъ мѣстомъ „высшаго надзиранія и *правленія* надъ окладными и неокладными приходами Его Царскаго Величества и всего государства", а не только мѣстомъ наблюденія за поступленіемъ государственныхъ доходовъ. Для облегченія коллегіи отъ мелочныхъ дѣлъ, которыя могли отвлекать ее отъ главной задачи—руководительства экономической жизнью страны, при ней должны были быть учреждены конторы.

Такимъ образомъ финансовое управленіе при Петрѣ Великомъ сложилось въ главныхъ чертахъ слѣдующимъ образомъ: подушныя деньги собираемы были въ провинціи особыми земскими комисарами подъ ближайшимъ надзоромъ губернаторовъ и воеводъ; распоряжалась этими сборами военная коллегія, а губернаторы сообщали свои отчеты по этимъ сборамъ въ камеръ-коллегію; сборы таможенные собирала коммерцъ-коллегія и деньги отсылала въ штатсъ-контору, сообщая свѣдѣнія о суммахъ ежемѣсячными вѣдомостями въ камеръ-коллегію; всѣ сборы въ городахъ вѣдали магистраты и сами разсылали деньги въ опредѣленныя мѣста по указанію камеръ-коллегіи; соляные сборы вѣдала особая

соляная контора; наконецъ, сама камеръ-коллегія вѣдала сборы питейные и сборы съ отдаваемыхъ въ оброчное содержаніе арендныхъ статей, извѣстные подъ общимъ наименованіемъ канцелярскихъ.

Къ сожалѣнію эта стройная и разумная организація финансоваго управленія страны удержалась не долго, не уцѣлѣла отъ искаженій. Камеръ-коллегія мало-по-малу завалена была различными мелочными дѣлами, ей нествойственными, вслѣдствіе чего она лишилась возможности быть руководящимъ органомъ общегосударственной финансовой политики и кромѣ того она и въ техническомъ отношеніи поставлена была въ невозможность добросовѣстно исполнять свои обязанности. Постепенно на коллегію возложено было завѣдываніе весьма сложнымъ солянымъ дѣломъ, дворцовыми деревнями, шлюзами, постройкою дороги между Петербургомъ и Москвою и т. д. Несмотря на усилившееся обремененіе коллегіи разными дѣлами, указомъ 16-го іюня 1726 г., численный составъ служащихъ въ ней былъ уменьшенъ болѣе чѣмъ въ три раза и вмѣстѣ съ тѣмъ введено было правило, что половина всего личнаго состава коллегій, перемѣняясь ежегодно, будетъ проводить время у себя въ помѣстьяхъ „для лучшаго управленія своимъ хозяйствомъ и для экономіи въ государственныхъ расходахъ"; отсутствующіе жалованья не получали. Послѣ такой своеобразной реформы, для коллегіи совершенно отпадала возможность дѣлать что либо, кромѣ формальной, да и то неудовлетворительно, очистки текущихъ дѣлъ; для обсужденія вопросовъ государственнаго управленія въ широкихъ размѣрахъ, какъ предполагалось регламентомъ Петра Великаго, не оставалось уже ни времени, ни силъ и, дѣйствительно, въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II по адресу коллегіи раздается упрекъ въ томъ, что она „въ безмолвномъ состояніи пребываетъ" и что въ состояніе это она приведена „нѣкоторыми неуваженіями отъ высшаго правительства", т. е. сената и конференціи. Въ чемъ выражалось это „безмолвное состояніе" или проще бездѣятельность коллегіи, мы видимъ изъ отчета назначеннаго Екатериною Великою президентомъ ея князя Куракина. Черезъ полгода послѣ вступленія въ должность князь такъ характеризуетъ ввѣренное

ему учрежденіе: въ ней „безъ всякаго присмотра лежало и по разнымъ мѣстамъ разбросаны были дѣла десятками тысячъ, годовые отчеты за прошлые года запущены были въ количествѣ 14.672, а городовыя книги въ количествѣ 1805, отдѣльныхъ же дѣлъ, которыя не были разобраны и описаны, найдено болѣе 25.000, но по болѣе тщательномъ ознакомленіи съ дѣлами оказалось, что такихъ неописанныхъ и неразобранныхъ дѣлъ и счетовъ до 96.000, т. е. почти треть всѣхъ дѣлъ, проходящихъ черезъ коллегію“.

Таково было, кажущееся невѣроятнымъ, запущеніе дѣлъ коллегіи, несмотря на весьма энергичныя побужденія къ дѣятельности ея членовъ, доходившія до того, что по указу 30 марта 1733 года на имѣнія всѣхъ служащихъ въ камеръ-коллегіи были наложены запрещенія продавать, дарить, завѣщать ихъ въ виду огромныхъ недоимокъ, запущенныхъ камеръ-коллегіей, впредь до выясненія степени виновности каждаго члена въ упущеніяхъ.

Коллегія въ свою очередь оправдывалась тѣмъ, что она никакъ не можетъ добиться отъ подлежащихъ мѣстъ и лицъ необходимыхъ для нея свѣдѣній и отчетовъ, несмотря на то, что она посылала нѣкоторымъ губернаторамъ указы объ этомъ по двѣнадцати разъ и даже предписала взять подъ караулъ нѣкоторыхъ воеводъ и даже губернаторовъ и держать ихъ до представленія отчетовъ. Воеводы и губернаторы въ свою очередь сваливали вину на ниже стоящихъ по іерархической лѣстницѣ, увѣряя, что не могутъ отъ нихъ получить требуемыхъ свѣдѣній, несмотря на самыя крайнія понудительныя мѣры, доходившія до того, что нѣкоторые неисправные приказные служители и секретари держались прикованными къ своимъ столамъ, „доколѣ оныя вѣдомости не будутъ сочинены ими“.

Но напрасно было искать виновныхъ тамъ, гдѣ главнымъ виновникомъ былъ общій строй тогдашняго дѣлопроизводства, погрязшаго въ канцелярщинѣ. Могли-ли быть исправными воеводскія канцеляріи, если онѣ обязаны были высылать въ разныя центральныя, не считая мѣстныхъ, учрежденія свыше 1700 вѣдомостей въ годъ каждая и высылать, по заключенію сената, не на законномъ основаніи, а „сіи

вѣдомости либо случайно учреждены, либо требуются присутственными мѣстами по однѣмъ только прихотямъ, чтобы не имѣть у себя труда выправляться и дѣлать сличенія". Понятно, что всѣ присутственныя мѣста отъ низшихъ и до высшихъ топули въ этой массѣ канцелярщины и немогли ни выполнить ее, ни разобраться въ ней.

Послѣ вступленія на престолъ императрицы Екатерины II не сразу приступлено было къ коренной реформѣ финансоваго управленія; для этого не было ни времени ни подготовленныхъ силъ; на очереди стояли другія дѣла, казавшіяся болѣе важными. На первыхъ порахъ довольствовались различными мелочными поправками.

Высшее управленіе финансами сосредоточено было въ первомъ департаментѣ сената, который исполнялъ столь разнообразныя и сложныя функціи, что финансовымъ вопросамъ не могъ удѣлить достаточно вниманія, несмотря на то, что въ этомъ учрежденіи были собраны лучшія силы того времени. Призванный въ 1762 году высказаться о финансовомъ положеніи текущаго года, сенатъ долженъ былъ ограничиться только общимъ замѣчаніемъ, что если прекратятся чрезвычайные военные расходы, то „тогда не будетъ такого недостатка", какой оказывался. Отсутствіе возможности дать на предложенный ему вопросъ болѣе опредѣленный отвѣтъ сенатъ объяснилъ такъ: „Государственные доходы такъ спутаны и замѣшаны, что едва по сіе время можно узнать о всѣхъ прямыхъ названіяхъ; къ сему доказательствомъ служитъ, что въ сенатѣ, какъ первѣйшемъ правительствѣ, о названіи доходовъ никакихъ свѣдѣній нѣтъ, а по посылаемымъ о семъ указамъ въ камеръ-коллегію опая объявила, что и у ней такого свѣдѣнія не имѣлось; и такъ оставались они вѣдомы только въ тѣхъ мѣстахъ, куда изъ плательщиковыхъ рукъ вступали, отчего и происходило, какъ нынѣ открывается, что нѣкоторые доходы, опредѣленные еще отъ времепъ государя Іоанна Васильевича, никогда разсматриваемы не были, а по разнымъ государственнымъ перемѣнамъ и учрежденіямъ болѣе вреда обществу, нежели государственной казнѣ прибыли приносятъ".

Подъ главнымъ управленіемъ и высшимъ надзоромъ сената участвовали въ собраніи доходовъ и расходованіи

ихъ: 1) всѣ коллегіи и ихъ конторы (числомъ 21), 2) особыя учрежденія, ближайшимъ образомъ связанныя съ военною и адмиралтействъ коллегіями и 3) разныя самостоятельныя конторы и канцеляріи, всего до пятидесяти учрежденій.

Первое мѣсто послѣ сената по своему значенію въ финансовомъ управленіи занимала по прежнему камеръ-коллегія, которая однако нисколько не измѣнила своего прежняго характера, но продолжала пребывать „въ безмолвномъ состояніи“. Должна была коллегія собирать свѣдѣнія объ урожаяхъ и видахъ на урожай, но „дѣйствительнаго исполненія по сему не чинила“; сенатъ требовалъ отъ нея составленія генеральной вѣдомости о числѣ душъ въ каждой губерніи и городѣ, но и это требованіе осталось безъ исполненія

Наблюденіе коллегіи надъ сельскимъ хозяйствомъ сводилось лишь къ тому, что иногда какая нибудь провинціальная или воеводская канцелярія присылала донесеніе, что хлѣбъ не родился, что крестьяне питаются хлѣбомъ съ корою и мохомъ; сообщеніе иногда даже иллюстрировалось приложеніемъ образцовъ подобнаго хлѣба, но коллегія подобныя донесенія принимала лишь къ свѣдѣнію. Дѣлопроизводство камеръ-коллегіи также нисколько не улучшилось сравнительно съ прежнимъ, и медленность въ дѣлахъ была чрезвычайная, напр. даже такія мелочныя дѣла, какъ объ употребленіи неточныхъ винныхъ мѣръ, о затопленіи нѣсколькихъ оброчныхъ мельницъ, о сложеніи оброка съ прекратившихъ свое существованіе оброчныхъ статей тянулись десятками лѣтъ.

Раздѣленіе учрежденія собирающаго доходы отъ учрежденія расходующаго —административный пріемъ общій всему XVIII вѣку и не у насъ однихъ; раздѣленіе это сохранилось и впослѣдствіи при реформѣ высшаго финансоваго управленія. Штатсъ-контора должна была входить въ точнѣйшее разсмотрѣніе и провѣрку каждаго расхода; такъ, при выдачѣ жалованья служащимъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ она общею суммою выдавала ассигновки только на низшихъ служащихъ и на канцелярскіе расходы, а для высшихъ она должна была выдавать именныя ассигновки, и при этомъ

производила справки объ отпускахъ и командировкахъ каждаго служащаго, о небытіи на службѣ, недосидѣніи указныхъ часовъ и лишь послѣ этого „съ немалымъ продолженіемъ“ производила расчеты и выдачи назначала не по штату, а по особымъ опредѣленіямъ; отъ этого, по признанію самой конторы, „происходило великое затрудненіе и въ прочихъ текущихъ дѣлахъ остановка и помѣшательство“. Вообще дѣлопроизводство въ штатсъ-конторѣ шло приблизительно также, какъ и въ камеръ-коллегіи.

Адмиралтействъ-коллегія имѣла свои опредѣленные источники доходовъ, которыми завѣдывала непосредственно, такъ что въ случаѣ, если воеводы или губернаторы неисправно высылали слѣдуемыя ей деньги, то она сама имѣла право налагать на нихъ штрафы. Относительно внутреннихъ порядковъ дѣлопроизводства и эта коллегія не составляла, конечно, исключенія изъ общаго правила. Сама коллегія отзывалась, что точно не знаетъ своихъ расходовъ, потому что счеты ея вѣдомства „сочиняются, кромѣ С.-Петербурга, въ Ревелѣ, у города Архангельскаго и въ другихъ многихъ отдаленныхъ портахъ и во флотѣ“, а такъ какъ расходы и покупки шли черезъ разныя конторы и канцеляріи, то „чинились многіе не вовсе порядочные расходы и покупки излишнихъ вещей и матеріаловъ“.

Наконецъ, третьимъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ самостоятельно значительную статью государственныхъ доходовъ, была главная соляная контора. Она претендовала, что не только не должна, но и права не имѣетъ давать свѣдѣнія о своихъ доходахъ какому либо правительственному учрежденію, въ томъ числѣ и камеръ-коллегіи, на томъ основаніи, что по именному повелѣнію императрицы Анны Іоанновны соляная контора не должна никому сообщать свѣдѣнія иначе, какъ по именному же указу. Сенатъ освободилъ ее однако отъ этой обязанности хранить свои дѣла въ тайнѣ. И въ соляной конторѣ счетоводство было весьма неудовлетворительно, такъ что еще въ 1770 г. изъ многихъ городовъ не были получены отчеты по продажѣ соли и о вырученныхъ деньгахъ съ 1762 года; въ томъ же году раскрылось, что соляная контора имѣетъ чрезвычайно не точныя свѣ-

дѣнія о количествѣ заготовленной соли и не только не знаетъ о своемъ доходѣ, но и въ самыхъ суммахъ запуталась.

Въ царствованіе Екатерины II прибавилось еще одно учрежденіе, собиравшее довольно значительныя суммы и само ихъ распредѣлявшее на специально указанные расходы, именно коллегія-экономіи, учрежденная въ 1763 г. „для управленія тѣми казенными доходами, которые, сверхъ опредѣленнаго расхода на содержаніе духовнаго чина, по благопристойности употреблены быть имѣютъ на установленіе и содержаніе въ государствѣ богоугодныхъ дѣлъ“. На коллегію эту постепенно были возложены пенсіи, содержаніе инвалидовъ, богадѣленъ, отчасти содержаніе арестованныхъ и на разныя другія назначенія. Эта коллегія собирала суммы, поступавшія съ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ.

Перечисленныя учрежденія собирали и расходовали отъ 85 до 90 процентовъ всего тогдашняго бюджета. Изъ сборовъ иные самими мѣстами и расходовались, иные же препровождались въ другія учрежденія. Вообще едва ли окажется когда либо возможнымъ точно установить всю сумму, такъ или иначе проходившую черезъ руки администраціи XVIII вѣка, во всякомъ случаѣ есть основаніе думать, что проходили суммы значительно большія, чѣмъ тѣ, о какихъ знаютъ официальные источники. Единство кассы у насъ установлено было лишь въ серединѣ XIX вѣка, а раньше эта мысль лишь мелькала въ сознаніи въ видѣ неясныхъ проблесковъ. Князь М. Н. Волконскій, въ своемъ проектѣ о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ, высказалъ эту мысль съ наибольшею опредѣленностью, именно, чтобы на всякіе расходы деньги были ассигнуемы „не взирая ни той или другой суммы, а различія суммы содержать только для одного счету, а не такъ, какъ нынѣ разныя суммы на разныя употребленія опредѣлены“, и находилъ, что „лучше, чтобы всѣ остатки отъ года въ одномъ мѣстѣ были и тако всѣ источники будутъ течь въ одинъ колодезь, и изъ него куда надо черпать удобнѣе и свѣдомо будетъ“. Но мысли эти не имѣли практическаго успѣха.

Спеціализація доходовъ—это явленіе общее въ финансовой исторіи всѣхъ европейскихъ государствъ *) Оно явилось естественнымъ послѣдствіемъ того факта, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ при переходѣ отъ средневѣковаго государственнаго хозяйства къ государственному хозяйству новаго времени, когда значительно развились и усилились государственныя потребности, при общемъ тогда нерасположеніи къ налогамъ, всякій новый налогъ вводился не иначе, какъ для удовлетворенія спеціальной, опредѣленной потребности, а такъ какъ вслѣдствіе этого средства, имѣвшіяся въ распоряженіи государства, оказывались всегда уже распредѣленными на спеціально обозначенныя потребности, то для всякой новой потребности приходилось вводить новый или увеличивать старый налогъ, при чемъ обыкновенно указывалось спеціальное назначеніе прибавки. Съ теченіемъ времени образовался какъ бы особый пріемъ финансоваго управленія—всякую статью дохода опредѣлять на извѣстную статью расхода. И въ Московскомъ государствѣ мы наблюдаемъ подобное же явленіе. Помимо того, что въ немъ развиты были натуральныя повинности, которыя по существу представляли изъ себя тоже полученіе съ населенія средствъ на удовлетвореніе спеціальныхъ потребностей,—таковы, напримѣръ, были обязанность укрѣплять городъ своего уѣзда, доставлять лошадей царскимъ гонцамъ и чиновникамъ и т. п.; помимо этого существовали такія подати, какъ полоняничныя деньги, стрѣлецкія деньги, ямскія деньги, сборы на жалованье ратнымъ людямъ и другіе, чисто спеціальные доходы. Когда Петръ Великій вводилъ свои реформы въ финансовое управленіе, онъ поступилъ вполнѣ согласно и съ Московскою практикою и съ практикою другихъ современныхъ ему государствъ, устроивъ русскіе финансы такъ, что важнѣйшіе источники расходовъ покрывались изъ спеціально назначенныхъ источниковъ доходовъ: содержаніе арміи было разложено на все податное

---

*) Н. Д. Чечулинъ. Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. Ж. М. Н. Пр., январь 1904 г.

населеніе, прямо на число душъ; дѣленіемъ суммы, потребной для арміи, на число душъ опредѣлился и размѣръ подушной подати—въ 70 коп.; на содержаніе флота назначены были сборы таможенные и питейные, на содержаніе двора былъ образецъ соляной сборъ и т. д. Этотъ порядокъ въ существенныхъ своихъ чертахъ удержался въ теченіе всего столѣтія. Была еще и другая причина, обусловившая подобный порядокъ, именно та, что самою распространенною тогда монетою была мѣдная монета, вѣсившая отъ 25 до 62 пудовъ въ тысячѣ рублей; при тогдашнемъ бездорожьѣ, а иногда и при полномъ прекращеніи путей во время осенней и весенней распутицы, передвиженіе денегъ сопровождалось большими расходами и затрудненіями, а потому необходимо было черпать на мѣстѣ деньги для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ.

Такъ поддерживалась и сохранялась у насъ спеціализація доходовъ. Когда съ учрежденіемъ губернскихъ и уѣздныхъ казначействъ явились въ провинціи органы финансоваго управленія въ значительномъ числѣ, имъ предоставлена была въ распредѣленіи поступившихъ суммъ нѣсколько большая свобода, но и то доходы, имѣвшіе цѣликомъ спеціальное назначеніе, строго предписывалось „собирать особо и доставлять въ тѣ мѣста, до которыхъ какой доходъ принадлежитъ на прежнемъ основаніи". Такой видъ приняло финансовое управленіе въ Россіи ко времени начала царствованія императрицы Екатерины II. Петръ В. стремился выдѣлить и сконцентрировать управленіе финансами, но въ послѣдующее время эта мысль не только не получила дальнѣйшаго развитія, а напротивъ, была искажена послѣдующими отступленіями: учрежденія, которое руководило бы и объединяло всю экономическую дѣятельность страны—не было; камеръ-коллегія совершенно утратила значеніе такого мѣста; экономическое положеніе государства улучшилось очень мало сравнительно съ тѣмъ, какъ оно было послѣ тяжелыхъ войнъ Петра В.; реформа финансоваго управленія являлась настоятельно необходимою. Екатерина II чувствовала это и обратила вниманіе на финансы.

Въ какомъ положеніи были государственные финансы при вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II, мы

уже видѣли изъ приведенныхъ ея собственныхъ словъ. Въ государственномъ бюджетѣ былъ серьезный дефицитъ, а между тѣмъ деньги особенно были нужны какъ на веденіе войны, такъ и на покрытіе особыхъ расходовъ, связанныхъ съ перемѣною царствованія.

30 марта 1764 года императрица назначила президентомъ камеръ-коллегіи довѣренное лицо—кн. Куракина и издала по этому случаю замѣчательный указъ, въ которомъ проводятся мысли довольно близкія къ тѣмъ, которыя положены были въ основу наказа 1719 г. „Попеченіе о государственныхъ доходахъ, говорится въ этомъ указѣ, произвело во всѣхъ государствахъ особыя подъ разными наименованіями правительства. Петръ Великій учредилъ у насъ къ тому камеръ-коллегію. Сіе правительство не что иное есть, какъ мѣсто общественнаго въ Имперіи хозяйства". Излагая затѣмъ обязанности камеръ-коллегіи, императрица стоитъ ближе къ регламенту 1719, нежели 1731 года. Камеръ-коллегія, по ея опредѣленію „должна закономъ имѣть: надзирать за всѣми государственными окладными и неокладными доходами, какого бы званія они ни были, сбирать подробныя изо всѣхъ мѣстъ о государственныхъ доходахъ и всякихъ сборахъ вѣдомости, внося оныя въ общую окладную книгу; наблюдать, чтобы все по той окладной книгѣ бездоимочно положенное на нихъ платили; знать о всѣхъ государственныхъ расходахъ, примѣчая при томъ, соотвѣтствуетъ ли приходъ съ расходомъ, разсматривать счеты губернскихъ и воеводскихъ канцелярій и отсылать потомъ на ревизію, разсуждать и высматривать, не можно-ли пріобрѣсти откуда новыхъ доходовъ безъ отягощенія народнаго и о томъ представлять". Послѣдняя слова свидѣтельствуютъ, что снова мелькаетъ та мысль, которая была у Петра Великаго,—мысль создать учрежденіе, дѣйствительно завѣдующее государственнымъ хозяйствомъ, и которая была оставлена въ 1731 году. Указъ 1764 г. признаетъ, что камеръ-коллегія частью отъ неумѣнія членовъ, частью отъ недостатка усердія „удалилась совершенно отъ указаннаго ей прeполезнаго предмета, состоящаго въ приращеніи доходовъ и обогащеніи государства, и занялась только производствомъ канцелярскимъ порядкомъ текущихъ дѣлъ".

Князь Куракинъ пробылъ президентомъ камеръ-коллегіи менѣе года и не успѣлъ сдѣлать ничего сколько-нибудь существеннаго по переустройству коллегіи. Изъ представленнаго имъ отчета о вступленіи своемъ въ должность мы видимъ лишь, что коллегія продолжала страдать хроническимъ недугомъ администраціи того времени—неисполненіемъ дѣйствующихъ законовъ. „По многимъ изъ правительствующаго сената указамъ, не только начавъ отъ 1740 года, но и въ нынѣшнемъ 1764 году, до семидесяти дѣйствительнаго исполненія было не учинено, равно какъ и требующихся въ слѣдующія мѣста вѣдомостей нежели не отправлено, но большинство частью оныхъ сочинять не начато".

24-го іюня 1764 г. въ должность президента камеръ-коллегіи вступилъ Ал. Петр. Мельгуновъ, въ назначеніи котораго вполнѣ выразилось замѣчательное умѣніе императрицы избирать подходящихъ людей на соотвѣтственныя мѣста. Въ представленномъ въ 1767 г. докладѣ на имя императрицы Мельгуновъ высказываетъ слѣдующіе замѣчательные по тому времени взгляды на роль камеръ-коллегіи. Для того, чтобы коллегія „должность свою безъ запущенія выполняла и вѣдала государственное хозяйство, чтобы новыя струи коренныхъ доходовъ и всеобщаго обогащенія... не были отводимы изъ настоящей ихъ цѣли, но всѣ равно содѣйствовали общему государственному хозяйству, необходимо надобно совсѣмъ другая камеръ-коллегія, нежели какова она была". Новая коллегія должна быть прежде всего выведена изъ второстепеннаго положенія, которое она занимала и которое совершенно не нормально для учрежденія, вѣдающаго такую важную отрасль; она должна быть поставлена въ ближайшее отношеніе къ государынѣ, чтобы твердо и ясно знать и смѣло осуществлять ея намѣренія. Приходъ и расходъ государственныхъ суммъ долженъ быть только частью, хотя и важною, но не главною въ дѣятельности этой коллегіи, главнымъ же дѣломъ ея должно быть, по мнѣнію Мельгунова, „чтобы источники государственныхъ доходовъ, народъ и хлѣбопашество, яко главнѣйшіе, не истощалися, но всегда возрастая, дѣлали всеобщее обогащеніе: чтобы всѣ мелочные доходы, кои наи-

большее затрудненіе приносятъ, уничтожа, приложить къ главнымъ, или превратить оные въ надежные; чтобы смотрѣть и соображать, какіе сборы государству въ тягость и какими поощряется паче государственное и общее домостроительство. Для осуществленія своей задачи камеръ-коллегія должна имѣть необходимыя свѣдѣнія о государственныхъ крестьянахъ, о лѣсахъ, водахъ, земляхъ, минералахъ, о засѣвѣ и урожаѣ хлѣба и цѣнахъ хлѣбныхъ, чѣмъ каждый уѣздъ недостаточенъ, чѣмъ прибыленъ, также и о числѣ людей по званіямъ и по ревизіямъ". Но для того чтобы коллегія могла успѣшно работать, составъ ея долженъ быть значительно усиленъ не только въ центральномъ управленіи, но и снабженъ мѣстными органами, именно „для точнаго о каждомъ уѣздѣ по камернымъ дѣламъ свѣдѣнія въ каждомъ городѣ камериръ, особо зависящій отъ коллегіи, состоять долженъ". Если бы предложенная Мельгуновымъ организація осуществилась, она едва-ли осталась бы безъ весьма замѣтныхъ послѣдствій для экономическаго развитія страны, но этого, къ сожалѣнію, не случилось, и вся реформа ограничилась лишь нѣкоторымъ увеличеніемъ штатовъ коллегіи. Причину этого слѣдуетъ приписать отчасти быть можетъ тому, что благодаря двумъ принятымъ мѣрамъ, острая нужда въ деньгахъ миновала, на чемъ и успокоились. Мѣрами этими были—сбавка съ цѣны на соль 10 коп., и отобраніе въ казну монастырскихъ крестьянъ. Вмѣсто ожидаемаго уменьшенія дохода отъ такого пониженія цѣны на соль, получилось значительное приращеніе, что вмѣстѣ съ сборами съ монастырскихъ крестьянъ дало повышеніе бюджета на 25%—что и дало возможность выйти изъ финансовыхъ затрудненій 1764 г. А такой результатъ отодвинулъ на второй планъ мысль о финансовой реформѣ. Впрочемъ, для такихъ реформъ не назрѣло еще время, потому что ни въ современной наукѣ, ни въ сознаніи общества не зародились еще идеи, могущія служить основаніемъ для стройной финансовой системы. Мысль императрицы болѣе занимали общіе вопросы законодательства, чѣмъ устройство такой спеціальной отрасли администраціи, какъ финансы: явная недобросовѣстность и продажность администраціи, крѣпостное пра-

во, несовершенства судопроизводства, жестокія наказанія, пытки—на этихъ явленіяхъ прежде всего и останавливалось вниманіе лучшихъ людей того времени; по этимъ вопросамъ легче было и усвоить чужіе прогрессивные взгляды и сказать свое, иногда вѣское и полезное слово; вопросы же финансовой организаціи требовали обширной подготовительной работы, огромнаго количества точныхъ свѣдѣній, которыхъ даже и невозможно было тогда получить. Въ сферѣ этихъ вопросовъ императрица, преданность которой просвѣтительнымъ идеямъ несомнѣнна, не могла стать выше своего времени. Второе дополненіе къ наказу—глава XXII—„О расходахъ, доходахъ, и о государственномъ опыхъ управленіи" ясно свидѣтельствуетъ, какъ не глубоки были тѣ мысли, которыми могла императрица подѣлиться по этому вопросу, хотя при составленіи этой главы она непосредственно пользовалась лучшимъ пособіемъ того времени, „Энциклопедіей"; эта часть наказа не можетъ быть поставлена въ сравненіе съ тѣми его частями, гдѣ императрица говоритъ противъ пытокъ и жестокихъ наказаній или о свободѣ и правахъ человѣка. Еще менѣе могли заняться реформою финансовой организаціи кто-либо изъ сотрудниковъ императрицы. Дворянскіе и городскіе наказы, привезенные въ комиссію 1767 года, даютъ весьма характерный матеріалъ для того, чтобы представить себѣ кругъ финансовыхъ идей, доступныхъ тогда большинству. Матеріалъ этотъ очень характеренъ своею бѣдностью. Избиратели были чрезвычайно обстоятельны и краснорѣчивы, когда говорили о своихъ сословныхъ правахъ и привилегіяхъ; они были отличными знатоками и компетентными цѣнителями современныхъ имя судебныхъ порядковъ, особенно уголовнаго и гражданскаго процесса; они затрогивали и вопросы финансовые, но по этимъ вопросамъ они не шли дальше просьбъ объ уменьшеніи или уничтоженіи тѣхъ или другихъ поборовъ, вопросовъ же о поднятіи или поддержкѣ той или иной отрасли промышленности или отдѣльнаго района не поднималъ никто. Дѣятельность въ этомъ направленіи, конечно, была, но эти вопросы въ своей связи еще не выдѣлялись для тогдашнихъ людей, подобно тому какъ и теперь, безъ сомнѣнія, существуютъ около насъ какія-то отношенія,

какія-то связи фактовъ, которые вліяютъ на современную намъ жизнь, но намъ еще не ясны, не поддаются еще для насъ формулировкѣ, а когда-нибудь будутъ выдѣлены, поняты и, быть можетъ, даже разрѣшены.

Тому, что финансовая реформа отодвинулась на второй планъ, содѣйствовало, быть можетъ, слѣдующее обстоятельство: въ теченіе войны, которая прервала засѣданія комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, правительство прибѣгло къ выпуску бумажныхъ знаковъ. Первое время, когда соблюдаема была умѣренность въ выпускѣ ассигнацій, они создали казнѣ сравнительно съ прежнимъ столь благопріятное финансовое положеніе, что явилось убѣжденіе, будто финансовыя затрудненія устранены. Реформа финансоваго управленія была произведена позже и не самостоятельно, а въ связи и какъ бы въ зависимости отъ реформы областнаго управленія. Съ этою реформою связано и закрытіе камеръ-коллегіи съ 1 января 1785 года.

Начало новой организаціи финансоваго управленія въ царствованіе императрицы Екатерины II было положено 19 марта 1773 года учрежденіемъ при I департаментѣ сената экспедиціи о государственныхъ доходахъ, а завершена она была учрежденіемъ въ 1780 г. казначействъ для штатныхъ и остаточныхъ суммъ; все главное въ новой организаціи было введено изданнымъ 7 ноября 1775 года „Учрежденіемъ для управленія губерній Всероссійской Имперіи". Новая организація коренными образомъ отличалась отъ прежней: теперь центральное управленіе сосредоточивалось все болѣе и болѣе въ рукахъ одного лица, а въ областяхъ создана была цѣлая сѣть учрежденій, вѣдавшихъ спеціально и только дѣла финансоваго управленія и государственнаго хозяйства. Для высшаго управленія финансовыми дѣлами предположено было создать особый органъ — государственнаго казначея До учрежденія этой должности обязанности государственнаго казначея были возложены на генералъ-прокурора, который съ этого времени является какъ бы министромъ финансовъ. Согласно данной ему инструкціи, онъ долженъ былъ ежегодно представлять вѣдомости: 1) о всѣхъ доходахъ, 2) сколько собрано, 3) чего не добрано, 4) сколько изъ собранныхъ доходовъ въ расходъ употреблено, 5) сколько

затѣмъ въ остаткѣ состоитъ и гдѣ оные остатки находятся, 6) какія именно доимки остались или начеты и нѣтъ ли неуказныхъ расходовъ и гдѣ, по какимъ мѣстамъ и 7) разсужденіе свое о всемъ вышеписанномъ.

Съ ноября 1768 г. засѣдалъ при императорскомъ дворѣ совѣтъ, въ которомъ генералъ-прокуроръ являлся представителемъ финансоваго вѣдомства. Къ нему обращаются всѣ требованія чрезвычайныхъ, сверхштатныхъ суммъ, онъ представляетъ совѣту свои соображенія о мѣрахъ, необходимыхъ для удовлетворенія финансовыхъ нуждъ, отъ него спрашиваютъ въ совѣтѣ всевозможныхъ свѣдѣній и ему даютъ всѣ указанія по финансовой части. Такимъ образомъ генералъ-прокуроръ началъ управлять финансовою частью и у него появились спеціально созданныя учрежденія—экспедиція о государственныхъ доходахъ и казначейства для штатныхъ и для остаточныхъ суммъ.

24 октября 1780 г. экспедиція о государственныхъ доходахъ была преобразована, расширена и подраздѣлена на четыре экспедиціи, изъ которыхъ первая собирала всевозможныя свѣдѣнія о доходахъ, вторая—слѣдила за правильностью, согласно штатамъ, расходовъ, третья — провѣряла счеты, четвертая—взыскивала недоимки. Но всѣ эти экспедиціи не имѣли самостоятельнаго значенія, а были лишь отдѣленіями канцеляріи генералъ-прокурора по должности его какъ государственнаго казначея. Экспедиціи, согласно данному имъ „Наставленію“, между прочимъ должны были „всѣ ввѣренныя имъ дѣла по долгу присяги своей содержать въ высочайшей тайности и не только сказывать или писать, но ниже въ разговорахъ околичными изъясненіями дать кому либо знать о томъ“.

Для завѣдыванія финансовыми дѣлами въ областяхъ и провинціяхъ созданы были въ губернскихъ городахъ казенныя палаты, а въ каждомъ уѣздномъ городѣ учреждены были уѣздные казначеи. По „Учрежденію о губерніяхъ“ „казенныя палаты ни что иное есть, какъ соединенный департаментъ камеръ и ревизіонъ-коллегіи, которому поручаются въ смотрѣніе домостроительныя и казенныя дѣла той губерніи, какъ то: вѣдомости о числѣ народа, ревизіон-

ныя сказки, свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ, ревизія счетовъ, соляныя дѣла, винный откупъ и подряды, казенныя всякія права, казенныя и публичныя строенія и ихъ содержаніе, съ такою противъ камеръ-коллегіи отмѣною, что казенная палата никого не судитъ".

Непосредственно казенной палатѣ подчинены были уѣздные казначеи, которыхъ казенная палата должна была ежегодно учитывать. „Всѣ казенные доходы уѣзда какого бы званія ни были, должны поступать въ пріемъ и подъ сохраненіе уѣзднаго казначея. Порядокъ храненія и расходованія суммъ былъ установленъ такой: часть доходовъ казначеи должны были передавать мѣстнымъ органамъ, остальное поступало въ казначейства для остаточныхъ суммъ, устроенныя въ Петербургѣ и Москвѣ, и въ казначейства для штатныхъ суммъ, устроенныя тамъ же. Послѣднія получали деньги на всѣ, по штатамъ опредѣленные, расходы, за исключеніемъ того, что казначейства сами уже передавали на мѣстную администрацію и по распоряженію комиссаріата и адмиралтействъ-коллегіи, первыя—все, что оставалось за этимъ. Въ казначейства для остаточныхъ суммъ были затѣмъ направляемы всѣ вновь установляемые расходы и всякія сверхштатныя чрезвычайныя ассигнованія; изъ нихъ деньги расходовались не иначе, какъ по именнымъ указамъ. Вотъ нѣкоторыя цифры, которыя обрисуютъ отчасти распредѣленіе доходовъ между различными учрежденіями. Въ 1781 г., въ первомъ послѣ введенія въ дѣйствіе экспедиціи о государственныхъ доходахъ и новыхъ казначействъ, бюджетъ былъ сведенъ въ суммѣ 28 мил. рублей; изъ нихъ на расходы въ губерніяхъ оставалось 6 мил. (21%), выслано въ казначейства для штатныхъ суммъ 5,4 мил. (16%) и въ казначейства для остаточныхъ суммъ 3,1 мил. (11%), на войско и флотъ шло около 12 мил. (отъ 43 до 45%); остальные 1½ мил. (5%) употреблялось на дворъ и разные мелкіе расходы. Бюджетъ на 1796 годъ былъ сведенъ въ суммѣ 68 мил., изъ нихъ въ губерніяхъ расходовалось 27 мил. (35%), выслано въ штатныя казначейства 15 мил. (21%), въ остаточныя казначейства 7 мил. (10%), на войско употреблялось до 19 мил. (28%), остальные 3 мил. (6%) на прочія надобности. . . . . . .

Новое устройство, несомнѣнно, внесло значительный порядокъ въ дѣлопроизводство и отчетность: важно уже то, что экспедиціи могли составлять бюджетъ на наступающій годъ и черезъ два года—отчетъ объ исполненіи государственной росписи. Но это упорядоченіе счетоводства далеко не означало еще собою улучшенія финансоваго хозяйства и финансоваго положенія страны, а скорѣе отягощало ихъ. Прежде всего вся областная реформа стоила очень дорого. Значеніе ея было громадно и плодотворно въ различныхъ отношеніяхъ: она и приблизила судъ и управленіе къ населенію, она и вызвала въ провинціи почти заглушенное уже самоуправленіе и самодѣятельность, она, наконецъ, сдѣлала то, что больше трети всѣхъ доходовъ расходовалось въ провинціи, гдѣ при началѣ царствованія не тратилось и 5% бюджета. Но реформа эта стоила на $2^1/_2$ мил. рублей дороже противъ прежняго, что составляло отъ 12 до 15% бюджета того времени. За тѣмъ и дѣятельность экспедицій не была организована вполнѣ хорошо. Финансовое хозяйство Россіи стало уже тогда такъ сложно и такъ обширно, что успѣшно руководить имъ черезъ какія то четыре экспедиціи было уже не возможно. Не могли быть съ успѣхомъ примѣнены тутъ и частныя передѣлки; нужна была коренная и крупная реформа, на которую не сразу явились способные люди. Дать же суровую критику финансоваго управленія императрицы оказалось не подъ силу даже ея непосредственному преемнику. 17 декабря 1797 г. изданъ былъ манифестъ, начинавшійся словами: „По вступленіи нашемъ на Всероссіскій Императорскій престолъ, входя по долгу нашему въ различныя части государственнаго управленія, при самомъ начальномъ ихъ разсмотрѣніи увидѣли мы, что хозяйство государственное, не взирая на учиненныя въ разныя времена умноженія доходовъ, отъ продолженія черезъ многіе годы безпрерывной войны и отъ другихъ обстоятельствъ, о которыхъ, яко о прошедшихъ, излишнимъ почитаемъ распространяться, подвержено было крайнимъ неудобностямъ. Расходы превышали доходъ. Недостатокъ годъ отъ году возросталъ, умножая долги внутренніе и внѣшніе; къ наполненію же части таковаго недостатка заимствованы были средства, большій вредъ и разстройство

за собою влекущія". Но и къ этой критикѣ вполнѣ приложимо замѣчаніе, что критика легка, а искусство трудно. Какъ ни существенны были недостатки финансоваго управленія продолжительнаго царствованія императрицы Екатерины, но отъ него нельзя отнять той несомнѣнной заслуги, что оно по мѣрѣ возможности старалось избѣжать излишняго обремененія народа налогами, нѣкоторые же, особенно обременительные или стѣснительные налоги значительно облегчило или совершенно отмѣнило, что не осталось безслѣднымъ и на повышеніи народнаго благосостоянія; новое же царствованіе, такъ сурово осудившее предшествовавшее, начало именно съ того, что повысило подушную подать съ крестьянъ сразу на 26%, тогда какъ Екатерина за все свое царствованіе повысила лишь на 40%.

Изложивъ въ общихъ чертахъ управленіе финансами въ царствованіе императрицы Екатерины II, мы должны коснуться еще двухъ важныхъ по своимъ послѣдствіямъ экономическихъ явленій, получившихъ начало въ это царствованіе—именно выпуска бумажныхъ денегъ или ассигнацій и внѣшніе государственные займы.

Относительно послѣднихъ мы уже видѣли, что русскіе государи давно уже въ трудные минуты государственной жизни старались наполнить свою казну какъ внутренними, такъ и внѣшними займами, но попытки эти носили примитивный характеръ, и займы скорѣе являлись частными долгами государя, а не государственными долгами въ теперешнемъ ихъ значеніи. Въ затруднительныхъ случаяхъ московскіе государи обращались къ патріотическому чувству своихъ подданныхъ, въ лицѣ болѣе состоятельныхъ классовъ, каковыми тогда были духовенство, въ особености монастыри, дворяне и торговые люди, прося у нихъ вспомоществованія государевой казнѣ на содержаніе ратныхъ людей и другія потребы. Обращенія эти въ большей или меньшей степени не оставались безрезультатными. Что же касается внѣшнихъ займовъ, то попытки къ ихъ заключенію, не смотря на чрезвычайную скромность требуемой суммы, были обыкновенно безуспѣшны. Екатерина II въ своей характеристикѣ того состоянія, въ которомъ она приняла

финансы страны, упоминает, „что блаженныя памяти государыня императрица Елизавета Петровна во время семилѣтней войны искала занять 2 мил. рублей у Голландіи, но охотниковъ на тотъ заемъ не явилось, слѣдовательно кредита или довѣрія къ Россіи не существовало". Громкія побѣды Екатерины II надъ турками сразу открыли Россіи широкій кредитъ за границей, и правительство широко воспользовалось этимъ новымъ источникомъ пополненія государственныхъ ресурсовъ. Первый внѣшній заемъ былъ заключенъ въ 1769 году. Поводомъ къ нему была необходимость имѣть за границей значительныя суммы, которыя были необходимы для покрытія издержекъ по содержанію русскаго флота въ Средиземномъ морѣ и для поддержанія русскаго вліянія въ Польшѣ. „Негоція" или веденіе переговоровъ съ голландскими банкирами де-Сметами возложена была на генералъ-прокурора князя Вяземскаго, графа Чернышева и князя Голицына. Результатомъ этой „негоціи" было заключеніе у названныхъ банкировъ крупнаго для того времени займа въ $7^1/_2$ мил. гульденовъ, въ счетъ котораго поступило однако только 4 мил. Не поступленіе же остальной суммы банкиры оправдывали оказавшимся недостаткомъ наличныхъ средствъ въ Голландіи и въ доказательство приводили „безплодныя покушенія" французскаго правительства въ пріисканіи тамъ денегъ; впрочемъ въ послѣдующіе два года въ счетъ этого займа поступило еще $1^1/_2$ мил. гульденовъ. Предполагая, что быть можетъ банкиры де-Сметъ не пользуются большимъ довѣріемъ у голландскихъ капиталистовъ, комитетъ поручилъ нашему посланнику въ Голландіи кн. Голицыну войти въ переговоры съ другими банкирами и между прочимъ съ Гопе и К° въ Амстердамѣ, которые согласились принять на себя впредь веденіе денежныхъ порученій русскаго правительства. Для укрѣпленія довѣрія къ русскимъ займамъ, Гопе совѣтовали обезпечить уплату процентовъ по прежнимъ займамъ высылкою въ Амстердамъ русскаго желѣза, мѣди и вообще товаровъ, находившихъ вѣрный сбытъ въ этомъ торговомъ городѣ. Почти одновременно съ этимъ правительство искало занять денегъ и въ Италіи черезъ маркиза Мавруціо въ Генуѣ, но въ счетъ условленнаго одного милліона піастровъ, собрано было только 500

тысячъ, слѣдовательно и здѣсь кредитъ Россіи былъ не очень популяренъ.

Между тѣмъ произошли событія, заставившія говорить о Россіи всю Европу. Русскія войска одержали блистательныя побѣды надъ турками: пораженіе турецкихъ войскъ при Кагулѣ, сожженіе турецкаго флота при Чесмѣ, вступленіе русскихъ войскъ въ Мингрелію разнесли далеко славу русскаго оружія; а по первому раздѣлу Польши территорія имперіи увеличилась присоединеніемъ Бѣлоруссіи. Такія событія должны были оказать сильное вліяніе на поднятіе кредита Россіи, и дѣйствительно де-Сметы извѣстили комитетъ, что въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, они считаютъ возможнымъ приступить не только къ окончанію начатой негоціи, но и къ открытію новаго займа въ 2½ мил. гульденовъ. Правительство не замедлило согласиться на это предложеніе.

Первая турецкая война кончилась удачно для Россіи. Между прочимъ на основаніи одной изъ статей Кучукъ-Кайнарджійскаго мира Порта обязалась уплатить Россіи 4½ мил. рублей за военныя издержки, выговоривъ себѣ однако, что Россія „будетъ содержать въ секретѣ обѣщанную ей сумму денегъ“. Какъ эти деньги, такъ равно и оставшаяся неупотребленною часть военнаго капитала, назначены были на досрочное погашеніе внѣшнихъ займовъ.

Эта поспѣшность въ погашеніи внѣшнихъ долговъ, обнаруженная правительствомъ тотчасъ же по окончаніи войны, принята не безъ расчета и объясняется свѣдующими соображеніями императрицы, высказанными ею въ письмѣ къ гр. Н. Репнину отъ 11 іюля 1775 г.: „Вамъ извѣсна наша заботливость о точномъ выполненіи всяческихъ платежей и въ этомъ отношеніи мы достигли аккуратности, прежде никогда не существовавшей; это не только открываетъ намъ кредитъ за границей, но и вызываетъ удивленіе иностранцевъ. Я должна голландцамъ изрядныя суммы и этимъ преждевременнымъ платежемъ части долга и при томъ въ такой трудный моментъ тотчасъ послѣ окончанія войны я надѣюсь достигнуть дальнѣйшаго расширенія нашего кредита болѣе чѣмъ замедленіемъ платежей“.

По окончаніи войны въ 1784 г. кн. Вяземскій представилъ на Высочайшее усмотрѣніе планъ погашенія внѣшняго долга, согласно которому голландскіе займы были погашены болѣе чѣмъ на половину; дальнѣйшему погашенію внѣшняго долга помѣшала вспыхнувшая снова война, которая потребовала заключенія новыхъ займовъ. На сдѣланное объ этомъ предложеніе банкирскому дому Гопе и К° въ Голландіи, полученъ былъ отвѣтъ, что, по ихъ мнѣнію, занять можно отъ 1 до 1½ мил. гульденовъ изъ 4½%, „не потому, что Россія нуждается въ такой суммѣ, но чтобъ начать, а тамъ открыть можно будетъ и другой заемъ, хотя бы на 20 мил. гульденовъ и болѣе“, въ счетъ коего они и готовы были внести авансъ. Вслѣдъ за этимъ третьимъ голландскимъ займомъ послѣдовали ежегодно другіе займы, такъ что 1 января 1790 г. выпущенъ уже былъ девятый заемъ, а затѣмъ еще три займа, что повидимому возбудило какія-то опасенія въ Голландіи, какъ видно изъ письма банкировъ Гопе въ комитетъ отъ 1 апрѣля 1791 г. „Мы имѣемъ положительное извѣстіе, пишутъ они, что займы ваши возбудили великое негодованіе, и что нынѣ совѣщаются о способахъ воспрепятствовать продолженію ихъ. Хотятъ представить объ этомъ собранію генеральныхъ штатовъ, прося ихъ запретить предварительно вообще займы для чужестранныхъ державъ. Раздѣляя съ вами скорбь о такихъ махинаціяхъ, мы убѣждены, что, въ случаѣ войны, получаемыя нынѣ вами денежныя пособія изсякнутъ въ Голландіи“. Опасенія Гопе оказались однако напрасными: запрещеніе открывать подписку на иностранные займы не состоялось.

Одновременно съ займами въ Голландіи дѣлались займы и въ Италіи, но въ незначительныхъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ возрастала постепенно капитальная сумма долговъ и увеличивались процентные платежи по онымъ. Пора было подумать уже и о томъ, откуда взять средства на уплату процентовъ и срочное погашеніе долговъ при хроническомъ дефицитѣ въ бюджетѣ. Еще въ 1792 году кн. Вяземскій снова представилъ на Высочайшее усмотрѣніе составленный имъ „проектъ о платежѣ государственныхъ долговъ“, но проектъ этотъ не получилъ примѣненія, вѣроятно, по той причинѣ, что онъ не предвидѣлъ

дальнѣйшаго увеличенія долговъ и не указывалъ, откуда взять средства на производство необходимыхъ платежей. Въ слѣдующемъ 1793 г. Самойловъ представилъ свой проектъ, который и былъ принятъ. Изъ исчисленія, приложеннаго къ этому проекту видно, что „ежели отдѣлится на уплату внѣшняго долга ежегодная сумма по 4 мил. рублей, то выполнятся всѣ оные долги, съ пересрочкою ближнихъ на нѣкоторые еще сроки, въ 15 лѣтъ и выплатится такимъ образомъ настоящаго капитала 39.365.217 р., да процентовъ ежегодныхъ и при пересрочкахъ провизіи 18.136.937, а всего вообще 57.502.174 р., каковою суммою погасится весь внѣшній долгъ“.

Останавливаясь затѣмъ на вопросѣ, откуда взять необходимые 4 милліона рублей на ежегодные платежи по внѣшнимъ долгамъ, когда и безъ того „недостаетъ на самые необходимые расходы“, Самойловъ приходитъ къ убѣжденію, что сумму „на уплату показаннаго долга необходимо потребно изобрѣсти вновь, чтобы, имѣя на то особый и вѣрный доходъ, имъ однимъ. . весь платежъ казеннаго долга произвести“. Ближайшимъ къ тому средствомъ, по мнѣнію Самойлова, было „наложить на продаваемое въ государствѣ вино по рублю на ведро“. Проектъ Самойлова былъ принятъ и 23 іюня 1794 г. послѣдовалъ указъ о наложеніи 4-го руб. на ведро вина съ тѣмъ, чтобы этотъ четвертый рубль употреблялся на исправный платежъ процентовъ и погашеніе внѣшнихъ займовъ. Но и проектъ Самойлова постигла неудача, потому что собранныя за вино деньги стали обращать „на возможное пособіе и для другихъ по казначейству расходовъ“.

Между тѣмъ Гопе, вслѣдствіе критическаго положенія дѣлъ въ Голландіи, перевели на время свою контору въ Лондонъ и отказались отъ дальнѣйшаго посредничества по заключенію русскихъ займовъ. Пробовали занять денегъ въ Гамбургѣ, но безъ успѣха, потому что капиталисты этого города, занимаясь исключительно торговлею, были совершенно незнакомы съ операціями государственнаго кредита и не желали помѣщать свои капиталы въ внѣшніе займы.

На этомъ оканчивается исторія внѣшнихъ займовъ царствованія Екатерины II.

Еще болѣе существеннымъ ресурсомъ для пополненія государственной казны былъ выпускъ бумажныхъ денегъ впервые введенныхъ въ Россіи въ это царствованіе. Мы уже упоминали о тѣхъ примитивныхъ способахъ, которыми допетровское правительство старалось покрыть недочеты въ государственныхъ финансахъ. Порча монеты была важнѣйшимъ изъ этихъ способовъ. Въ 18 вѣкѣ обстоятельства перемѣнились. Мало-по-малу среди европейскихъ государствъ Россія заняла видное мѣсто, получила большое политическое значеніе, которымъ она была обязана успѣхами своего оружія; поэтому развитіе и увеличеніе военной силы было предметомъ особенной заботливости правительства: на ея содержаніе шло болѣе $^3/_4$ всѣхъ государственныхъ доходовъ. Развивался и все большія требованія предъявлялъ и внутренній государственный строй. Потребности росли быстро, а доходы увеличивались между тѣмъ весьма туго. Всѣ старыя средства, какъ напр. откупа, монополіи, порча монеты признаны несостоятельными, а между тѣмъ недостатокъ въ деньгахъ становился чувствительнѣе съ каждымъ годомъ. При такихъ обстоятельствахъ легко могла родиться мысль о бумажныхъ деньгахъ, какъ якорѣ опасенія.

Понятіе о бумажныхъ деньгахъ не было чуждо и правительству Московскаго государства. Но ни въ 17-мъ, ни въ первой половинѣ 18-го столѣтія не встрѣчается у насъ попытокъ прибѣгнуть къ выпуску бумажныхъ денегъ для поправленія финансовыхъ затрудненій; этотъ періодъ былъ временемъ рискованныхъ предпріятій съ мѣдными деньгами, на бумажныя же деньги само правительство смотрѣло, какъ на „не токмо не за обыкновенное и незнаемое въ Россіи дѣло, но и самое вредительное. Къ тому же сіе весьма предосудительно будетъ, что вмѣсто денегъ будутъ ходить бумажки, да и опасно, чтобы не подать причины впредь худымъ разсужденіямъ“ *).

Таково было мнѣніе правительства о бумажныхъ деньгахъ въ 1744 г. Но черезъ 18 лѣтъ взглядъ его совершенно

---

*) Полн. собр. закон., № 8,940.

измѣнился. Изъ представленнаго въ 1762 году императору Петру III проекта расходовъ на этотъ годъ явствовало, что въ тогдашнемъ 15-ти-милліонномъ бюджетѣ оказывался дефицитъ на обыкновенные расходы въ 1.152.023 руб. 94¾ к. Не хватало денегъ на обыкновенные расходы, не говоря уже о расходахъ экстренныхъ, вызываемыхъ предположенною войною за голштинское наслѣдство. Тогда рѣшились прибѣгнуть къ выпуску бумажныхъ денегъ. Въ засѣданіи „учрежденнаго при Дворѣ Собранія“ отъ 18 мая 1762 года было прочитано подписанное его величествомъ повелѣніе, между прочимъ, въ томъ состоящее, чтобы „буде потребныхъ на то денежныхъ суммъ, яко главнѣйшихъ и необходимыхъ способовъ, на лицо нѣтъ, то Его Императорское Величество находитъ удобное и ближайшее къ тому средство въ дѣланіи банкоцеттелей“.

По выслушаніи этого указа, „предъявленный способъ къ скорому полученію денегъ найденъ основательнымъ“ *). Отсюда ясно, что прибѣгая къ выпуску бумажныхъ денегъ, правительство имѣло въ виду лишь одну цѣль: найти средство „къ скорому полученію денегъ“. Но въ указѣ, данномъ сенату 25 мая 1762 г. указаны уже иныя побудительныя къ тому причины: „хотимъ теперь собственно отъ насъ сіе важное всей Имперіи, а паче купечеству и коммерціи показать благодѣяніе и для того повелѣваемъ: надѣлать какъ наискорѣе банковыхъ билетовъ на 5 милліоновъ рублей и распредѣлить ихъ по такимъ казеннымъ мѣстамъ, откуда наибольшая выдача денегъ бываетъ, дабы оные употребляли ихъ въ расходъ, какъ самыя наличныя деньги, ибо мы хотимъ и чрезъ сіе повелѣваемъ, чтобы сіи билеты и въ самомъ дѣлѣ за наличную монету ходили“.

Однако въ царствованіе Петра III „всему государству“ не удалось „почувствовать великую отъ банка пользу“. Это случилось уже при Екатеринѣ II. Въ началѣ ея царствованія однако мысль объ учрежденіи государственнаго банка и о выпускѣ бумажныхъ денегъ на нѣкоторое время была

*) Соловьевъ. XV, 357 (въ приложеніяхъ).

оставлена. Можетъ быть причиною тому былъ взглядъ императрицы на сущность банковъ, что „банки не что иное, какъ вѣрное хранилище денегъ“, что „банковъ безъ большого числа денегъ учредить не можно, а всѣмъ извѣстно, сколь мало еще въ народѣ денегъ.., хотя исчислить и со времени царя Алексѣя Михайловича, то ни по пяти рублей на каждаго человѣка, живущаго въ Имперіи нашей, не придетъ“ *). Или можетъ быть императрица разсчитывала улучшить то плачевное состояніе финансовъ, которое она застала, возвышеніемъ налоговъ, централизаціей управленія доходами, до того времени находившагося въ завѣдываніи цѣлаго ряда независимыхъ другъ отъ друга финансовыхъ и другихъ, чисто административныхъ учрежденій, а также уничтоженіемъ условій, вредно дѣйствовавшихъ на развитіе промышленности и торговли. Такое направленіе финансовой политики дѣйствительно преобладало въ первые годы царствованія Екатерины II. Уменьшенъ былъ вредный и тягостный для земледѣлія налогъ на соль; послѣдовалъ рядъ мѣръ, направленныхъ частью къ возстановленію утраченныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ, частью къ изысканію новыхъ, отмѣнены были привилегіи разныхъ торговыхъ компаній, уничтожены нѣкоторыя монополіи, стѣснявшія торговлю.

Благодаря такимъ улучшеніямъ, увеличились государственные доходы; но для поправленія финансовъ требовалось сдѣлать еще очень многое, а главное ввести въ нихъ болѣе порядка и болѣе бережливости. Объ этомъ однако мало заботилось правительство Екатерины II. Можетъ быть причиною тому были и особенности характера императрицы. Щедрая до крайности, любившая окружать себя блескомъ и роскошью, она не умѣла и не могла быть бережливою. Къ тому же въ эти первые годы царствованія Екатерины созрѣли завоевательные планы ея, началось вмѣшательство въ польскія дѣла и все сильнѣе сталъ чувствоваться недостатокъ средствъ, необходимыхъ для поддержанія такой политики.

---

*) Соловьевъ, XX, 191.

Начатая въ 1768 г. первая турецкая война потребовала, кромѣ внѣшнихъ займовъ, увеличенія многихъ государственныхъ налоговъ на 20%, но все-таки средствъ оказалось недостаточно. И вотъ рѣшились наконецъ обратиться къ забракованному было проекту Петра III о выпускѣ бумажныхъ денегъ. Согласно выработанному генералъ-прокуроромъ и утвержденному императрицею плану, для открытія операцій предполагалось собрать въ Петербургѣ и Москвѣ до 1 мил. рублей капитала мѣдными деньгами и на первый разъ выпустить на такую же лишь сумму ассигнацій черезъ коммисаріатскую и провіантскую канцеляріи, но съ тѣмъ, чтобы размѣнъ ассигнацій производился въ учрежденныхъ для того банкахъ. Если окажется, что ассигнаціи будутъ приниматься охотно и что мѣсяца черезъ три не болѣе половины ихъ будетъ внесено къ промѣну, то выпустить еще столько же, а потомъ и болѣе, до 3 мил. руб.",

Планъ кн. Вяземскаго былъ принятъ, и 21 декабря 1768 г. послѣдовалъ манифестъ объ учрежденіи въ Россіи ассигнаціонныхъ банковъ—одного въ Петербургѣ, другого въ Москвѣ. Оба банка находились въ завѣдываніи банковой экспедиціи, директоръ которой представлялъ отчеты непосредственно самой императрицѣ.

Изъ этого видно, что новыя учрежденія, получившія названіе банковъ, не были банками въ истинномъ значеніи этого слова. Ихъ дѣятельность ограничивалась пріемомъ изготовленныхъ правительствомъ и подписанныхъ въ сенатѣ ассигнацій; банки должны были обмѣнивать на нихъ звонкую монету и слитки, поступающіе отъ частныхъ лицъ и казенныхъ мѣстъ, а равно и размѣнивать предъявляемыя ассигнаціи на монету, сами же они не производили обыкновенныхъ банковыхъ операцій, не имѣли самостоятельнаго кредита, ни собственныхъ фондовъ. Они даже не имѣли вліянія на выпускъ ассигнацій и не отвѣчали за безостановочный размѣнъ ихъ.

При первыхъ выпускахъ ассигнацій правительство поступало очень осторожно. Тѣмъ мѣстамъ, въ которыя поступали ассигнаціи, предписано было производить платежи частнымъ лицамъ мѣдными деньгами, а ассигнаціями вы-

давать только четвертую долю слѣдуемой къ выдачѣ суммы, „развѣ если бы самъ кто просилъ болѣе".

Прибѣгая къ новымъ выпускамъ ассигнацій, правительство мотивировало ихъ тѣмъ, что оно имѣетъ въ виду лишь „облегчить хожденіе мѣдныхъ денегъ". Въ первое время спросъ на ассигнаціи былъ такъ великъ, что явилась даже возможность взимать отъ $^1/_4$% до $^1/_2$% лажа при ихъ выдачѣ. Вскорѣ стали обнаруживаться послѣдствія такого значительнаго требованія на ассигнаціи: вся мелкая монета скопилась преимущественно въ столицахъ и во многихъ мѣстахъ сталъ ощущаться недостатокъ мелкихъ размѣнныхъ денегъ, что заставило правительство учредить во многихъ городахъ размѣнныя конторы.

Таковы были важнѣйшія мѣры относительно ассигнацій съ 1769 г. по 1786 г. Пока правительство умѣло воздержаться отъ значительныхъ выпусковъ ассигнацій, пока обезпеченъ былъ безостановочный размѣнъ ихъ, до тѣхъ поръ онѣ были простыми представителями денегъ къ значительной выгодѣ страны, умножившими въ ней орудія мѣны. Но уже и въ этомъ періодѣ стали обнаруживаться нѣкоторые зловѣщіе симптомы. Началось съ подделки ассигнацій. Первый ея опытъ, состоявшій въ превращеніи 25 рублевыхъ ассигнацій въ 75 рублевыя, открытъ былъ въ 1771 году. Въ виду предположенія, что подделка производилась за границей, запрещенъ былъ ввозъ ассигнацій изъ-за границы и вывозъ ихъ. Еще большимъ зломъ была быстро возраставшая дороговизна жизни. Значительное увеличеніе средствъ правительства, роскошь двора и высшихъ классовъ общества, которымъ подражали и другіе классы населенія, не мало способствовали возрастанію дороговизны, по преимуществу въ столицахъ и большихъ центрахъ. Это обратило, наконецъ, вниманіе правительства, и въ 1772 г. данъ былъ Сенату указъ: „найти пристойныя средства къ отвращенію возвысившейся здѣсь на съѣстные припасы и прочія потребныя къ содержанію вещи цѣны и представить свое мнѣніе". Мнѣніе, представленное сенатомъ, неизвѣстно. Возрастаніе выпусковъ ассигнацій слѣдовало одно за другимъ весьма быстро и къ 1774 г. ихъ было въ обращеніи уже 20 милліоновъ, что не могло уже не поколебать къ нимъ довѣрія въ публикѣ, а потому

правительство рѣшилось остановиться на этой цифрѣ и дальнѣйшихъ выпусковъ не производить; но это было лишь благое, но не осуществившееся пожеланіе.

Имѣлся ли металлическій фондъ для покрытія всего количества выпущенныхъ ассигнацій? Продолжали-ли ассигнаціи быть простыми представителями денегъ, какими онѣ были первоначально, или же онѣ обратились уже въ долговыя обязательства государства, т. е. въ бумажныя деньги? Правительство все еще продолжало увѣрять, что онѣ сохраняютъ свое первоначальное значеніе; но если мы обратимъ вниманіе на постоянное паденіе курса ассигнаціоннаго рубля, на возраставшую повсемѣстно дороговизну, на паденіе вексельнаго курса, то должны будемъ придти къ заключенію, что о полномъ обезпеченіи выпущенныхъ ассигнацій не могло быть и рѣчи, такъ какъ въ этомъ случаѣ правительство не достигло бы увеличенія своихъ средствъ.

Первоначально требовалось, чтобы казенныя мѣста, получая изъ Ассигнаціонныхъ Банковъ ассигнаціи, представляли бы въ замѣнъ ихъ равную сумму звонкою монетою, но уже на первыхъ порахъ онѣ ограничивались представленіемъ, вмѣсто звонкой монеты, лишь обязательствъ о полученіи ими ассигнацій на такую-то сумму. Такихъ обязательствъ было выдано въ теченіе первой турецкой войны на 12.719.750 р. *).

Было бы несправедливо однако обвинять императрицу, какъ это дѣлаетъ англійскій посланникъ при русскомъ дворѣ лордъ Мальмсбери, будто она одна лишь видѣла въ выпускѣ бумажныхъ денегъ самое лучшее средство, чтобъ избѣжать всѣхъ финансовыхъ затрудненій. Эту же мысль раздѣляли, за немногими исключеніями, почти всѣ приближенные къ ней люди, которые также думали, что выпускомъ бумажныхъ денегъ правительство оказываетъ благодѣяніе народу, потому что имѣетъ возможность, благодаря этому средству, не увеличивать налоговъ и податей и тѣмъ не накладывать на народъ новыхъ тягостей. Такъ, напр., когда изъ примѣрнаго расписанія доходовъ и „непремѣнныхъ рас-

*) Н. Бржескій. Государственные долги Россіи.

ходовъ" на 1785 г. оказался значительный дефицитъ, то кн. Вяземскому поручено было изыскать, „чѣмъ недостатокъ пополнить безъ тягости народной". Въ представленномъ на Высочайшее усмотрѣніе „планѣ" князь предлагалъ увеличить нѣкоторые налоги и сборы, но планъ этотъ не былъ одобренъ преимущественно благодаря оппозиціи гр. Безбородко, который находилъ, что „средства сіи не согласуются вовсе съ правосудіемъ и милосердіемъ Вамъ роднымъ"; по мнѣнію гр. Безбородко, гораздо лучше для покрытія дефицита „искать средства безъ тягости народной: помощь таковая можетъ быть весьма заимствована изъ Ассигнаціоннаго Банка".

Предложеніе гр. Безбородко было принято, и остаточныя казначейства получили изъ Ассигнаціоннаго Банка „пособіе" въ размѣрѣ 3 мил. рублей.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ становилось все затруднительнѣе. Политическій горизонтъ омрачался: въ не далекомъ будущемъ предвидѣлась война и опять возникъ вопросъ, откуда взять денегъ? Тогда на Высочайшее усмотрѣніе представлена была записка главнаго директора ассигнаціоннаго банка гр. Шувалова. Доказывая невозможность внутренняго займа у дворянъ и купцовъ, Шуваловъ совѣтовалъ просто увеличить число находящихся въ обращеніи ассигнацій до 100 милліоновъ. Записка Шувалова передана была на разсмотрѣніе особой комиссіи, согласившейся въ главныхъ основаніяхъ съ его проектомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія сдѣлала расчетъ внутреннихъ государственныхъ долговъ, которыхъ оказалось 30.400.000 руб., да предстояла еще надобность отпустить на разныя надобности 9.800.000. руб. Генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій сильно и резонно возражалъ противъ дальнѣйшихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, но его мнѣніе оставлено было безъ вниманія и 28 іюня 1786 г.—въ 25 лѣтнюю годовщину царствованія императрицы—послѣдовалъ манифестъ объ учрежденіи заемнаго банка и о преобразованіи ассигнаціонныхъ банковъ въ Петербургѣ и Москвѣ въ государственный ассигнаціонный банкъ, которому и предоставлено было производство различныхъ банковыхъ операцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ манифестомъ объявлено о выпускѣ ассигнацій

до 100 милліоновъ, „ибо число оныхъ, доселѣ выпущенное, не удовлетворяетъ въ полной мѣрѣ нуждамъ и хотѣнію людей общему имѣть ихъ болѣе“. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ томъ же манифестѣ дано было торжественное обѣщаніе „за Насъ и преемниковъ Императорскаго Россійскаго престола, что число банковыхъ ассигнацій никогда и ни въ какомъ случаѣ не долженствуетъ простираться въ нашемъ государствѣ выше 100 милліоновъ рублей“.

Но выпущенныхъ ассигнацій хватило однако не надолго и пришлось отказаться отъ этого обѣщанія. Понятно, что излишній выпускъ неразмѣнныхъ ассигнацій долженъ былъ вызвать паденіе ихъ курса, который понижался въ слѣдующей постепенности.

въ 1786	г.	за 1 руб.	ассигнаціями	давали	98	коп.	серебромъ.
„ 1787	„	„	„	„	97	„	„
„ 1788	„	„	„	„	92 5/9	„	„
„ 1789	„	„	„	„	91 3/4	„	„
„ 1790	„	„	„	„	87	„	„
„ 1791	„	„	„	„	81 3/10	„	„
„ 1792	„	„	„	„	79 1/3	„	„
„ 1793	„	„	„	„	74	„	„
„ 1794	„	„	-	„	71	„	„
„ 1795	„	„	„	„	68 1/2	„	„

Государственнымъ финансамъ больше всего пришлось пострадать отъ этого, такъ какъ подати и другіе сборы, взимаемые ассигнаціями, не имѣли уже своего прежняго значенія, а расходы между тѣмъ значительно увеличились. Дефицитъ въ бюджетѣ сдѣлался хроническимъ *).

---

*)

Въ 1787	г.	дефицитъ	составлялъ	12.101.957	р.
„ 1788	„	„	„	20.953.330	„
„ 1789	„	„	„	22.194.273	„
„ 1790	„	„	„	29.080.191	„
„ 1791	„	„	„	27.086.450	„
„ 1792	„	„	„	20.514.905	„
„ 1793	„	„	„	12.232.357	„
„ 1794	„	„	„	8.699.351	„
Итого за 8 лѣтъ . . .				152.858.814	р.

Паденіе курса бумажныхъ денегъ оказало сильное вліяніе и на вексельный курсъ; такъ, въ голландскихъ штиверахъ рубль стоилъ въ 1787 г.—37 шт., въ 1791 —27½, а въ 1793 г. 22½ штивера. Конечно, исключительную причину этого нельзя видѣть въ бумажныхъ деньгахъ, но несомнѣнно, что излишній выпускъ ихъ являлся главнѣйшимъ факторомъ паденія курса нашего рубля за границею. Другимъ не менѣе печальнымъ явленіемъ была дороговизна всѣхъ предметовъ потребленія. Она сдѣлалась до такой степени чувствительною, что правительство принуждено было увеличить оклады всѣмъ служащимъ и отпуски суммъ въ придворную контору. Мѣры, которыя предпринимались для устраненія этого зла, свидѣтельствуютъ о такомъ же непониманіи причины явленія, какъ и во времена Алексѣя Михаиловича. Для поправленія финансовъ правительство прежде всего должно было позаботиться о сокращеніи расходовъ, о введеніи порядка какъ въ управленіи финансами, такъ и въ расходованіи ихъ, а еще болѣе въ поднятіи производительности труда.

Но болѣе всего пострадали отъ выпусковъ бумажныхъ денегъ экономическій бытъ страны, ея торговля и промышленность. Результатомъ рѣзкихъ колебаній денежной единицы было исчезновапіе кредита и невозможность вести солидныя торговыя и промышленныя предпріятія, которыя и уступили мѣсто спекуляціи на повышеніе и пониженіе курса.

Необходимость покрытія возраставшихъ расходовъ побудила наконецъ къ увеличенію налоговъ: подушный сборъ увеличенъ съ 70 к. до 1 р., цѣна соли съ 35 до 40 к., съ объявленныхъ купеческихъ капиталовъ наложенъ былъ 1%, увеличена цѣна гербовой бумаги и т. п.

Общее финансовое разстройство достигло своего крайняго предѣла въ 1796 г. Помимо прочихъ расходовъ, персидская война потребовала милліоновъ, а казна была почти истощена. Дальнѣйшій выпускъ бумажныхъ денегъ становился уже положительно невозможнымъ, такъ какъ и безъ того уже сверхъ предѣльныхъ 100 мил. рублей было выпущено 56.683.335 р. Для изысканія новыхъ источниковъ доходовъ

учреждена была комиссія, которая рѣшила предложенную ей задачу очень просто, но нельзя сказать, чтбы удовлетворительно: она порѣшила удвоить цѣнность мѣдной монеты, т. е. чеканить изъ пуда мѣди 32 р. вмѣсто 16 и возбудила вопросъ о выписываніи изъ-за-границы золота и серебра для перечеканки въ монету. Кромѣ того ею же былъ предложенъ и новый таможенный тарифъ, благодаря которому доходъ долженъ былъ повыситься на 8 мил. руб.

Такимъ образомъ изъ бѣглаго обзора состоянія государственныхъ финансовъ Россіи мы видимъ, что хотя въ продолжительное царствованіе императрицы Екатерины II наши финансы процвѣтали не болѣе какъ въ предшествующее и послѣдующее время, тѣмъ не менѣе нельзя не отнести къ крупнымъ заслугамъ этого царствованія значительное упорядоченіе финансоваго управленія какъ въ центральныхъ, такъ и въ мѣстныхъ его органахъ. Но важнѣе всего, что въ это именно царствованіе совершился переходъ отъ прежняго натуральнаго хозяйства къ современному хозяйству денежному; банковое дѣло и развитіе кредита хотя и зародилось раньше, но развилось и окрѣпло также въ это царствованіе.

А. С. Вруцевичъ.

Восточная политика Императрицы Екатерины II.

Восточная политика императрицы Екатерины II, представляющая одинъ изъ фазисовъ развитія такъ называемаго „Восточнаго вопроса" дала блестящіе результаты.

„Восточный вопросъ" обозначаетъ совокупность вопросовъ касающихся существованія Оттоманской имперіи и преимущественно европейскихъ ея владѣній. Для самой Турціи это — вопросъ жизни или смерти, для большей части западно-европейскихъ государствъ онъ состоитъ въ стремленіи препятствовать усиленію могущества Россіи, что невыгодно отразится на ихъ собственныхъ интересахъ.

Черногорія, Румынія, Греція, Египетъ и христіанское населеніе Оттоманской имперіи желаютъ разрушенія Турціи въ видахъ усиленія собственнаго могущества, что же касается Россіи, то для нея „Восточный вопросъ" состоялъ въ покровительствѣ христіанамъ греко-восточнаго исповѣданія.

Долгое время по отношенію къ христіанамъ лозунгомъ магометанъ была постоянная война съ невѣрными, конечная цѣль которой обращеніе ихъ въ исламъ; христіане въ прежнее время отвѣчали мусульманамъ тѣмъ же. Враждебныя отношенія христіанъ къ магометанамъ нѣсколько измѣнились съ появленіемъ въ Европѣ въ XIV вѣкѣ турокъ, которые положили основаніе могущественному государству. Вновь образовавшееся въ XV вѣкѣ турецкое государство оказало вліяніе на международную политическую жизнь Европы; его побаивались и вмѣстѣ съ тѣмъ искали союза съ нимъ. Въ этомъ отношеніи первый шагъ сдѣланъ былъ Франціей въ эпоху реформаціи; ею положено было начало дипломатическимъ сношеніямъ съ Турціей тогда, когда прочія европейскія государства чуждались сношеній съ Портою. Впослѣдствіи и другія европейскія державы послѣдовали примѣру Франціи.

Россія вступила на путь сношеній съ Турціей съ 1475 года, когда Крымъ подпалъ владычеству ея. Поводомъ для сношеній послужили притѣсненія, которымъ подвергались со стороны турокъ русскіе купцы въ Азовѣ и Кафѣ. Въ 1492 году Іоаннъ III при посредничествѣ Менгли-Гирея сносился съ Баязетомъ II, но постоянныхъ сношеній завязать не удалось, хотя султанъ далъ грамоту, которой охранялись всѣ торговыя права и преимущества русскихъ купцовъ въ турецкихъ владѣніяхъ.

Въ княженіе Василія III была попытка со стороны Москвы заключить союзъ съ султаномъ противъ Литвы и Крыма, но эта попытка не имѣла успѣха: послѣ этого сношенія все-таки продолжались и носили по преимуществу торговый характеръ. Стали появляться и угрожающіе признаки: Турція объявила Казань „юртомъ султана“. Москва же считала ее „юртомъ великаго князя московскаго“, Турція искала удобнаго мѣста на Дону для постройки турецкаго города. Въ 1541 году во время набѣга крымцевъ на Москву, подъ начальствомъ Саипъ-Гирея вмѣстѣ съ ними были и турки; послѣдніе все чаще помогаютъ крымцамъ, вслѣдствіе чего отношенія къ Москвѣ обостряются, чему въ значительной степени способствовало завоеваніе Казани и Астрахани. Султанъ побуждалъ хана крымскаго и ногайцевъ нападать на владѣнія Москвы и защищать Казань и Астрахань. Съ цѣлью предотвращенія опасности, грозившей Москвѣ со стороны Константинополя, Іоаннъ Грозный отправляетъ нѣсколько разъ пословъ съ напоминаніемъ о прежнихъ дружественныхъ отношеніяхъ; между прочимъ Москва, выражая желаніе и на будущее время оставаться въ такихъ же отношеніяхъ, предложила Турціи союзъ „на цесаря римскаго и польскаго короля, и на чешскаго, и на французскаго, и на иныхъ королей, и на всѣхъ государей италійскихъ“. Но союзъ не былъ заключенъ, такъ какъ непремѣннымъ условіемъ такового Селимъ II поставилъ возвращеніе Казани и Астрахани султану.

Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича явились, кромѣ прежнихъ недоразумѣній, новыя осложненія: донское казачество, признававшее надъ собою верховную власть Московскихъ царей нападало на азовскихъ и ногайскихъ казаковъ, которые считались подданными турецкаго султана. Старанія москов-

скаго правительства завязать снова дружественныя сношенія и переговоры о союзѣ не имѣли успѣха: султанъ уклонялся отъ союза, все дѣло сводилъ на донскихъ казаковъ и требовалъ „свести казаковъ донскихъ, разрушить крѣпости по Дону и Тереку“. Москва утверждала, что казаки „бѣглые люди, воры, разбойники“ дѣйствуютъ самовольно, безъ царскаго вѣдома, но Турція, повидимому, этому не вѣрила.

Борисъ Годуновъ помогалъ австрійскому двору въ войнѣ съ Турціей, поэтому мирныхъ сношеній съ нею не было, такъ продолжалось и въ смутное время. Возобновились сношенія съ Турціей съ избраніемъ Михаила Ѳеодоровича, которыя принимали то мирный, то явно враждебный характеръ, главными вопросами въ этихъ сношеніяхъ были—союзъ противъ Польши и нападенія донскихъ казаковъ на предѣлы Турціи. Въ 1642 году, послѣ рѣшенія Азовскаго вопроса, отправлены были въ Турцію послы, которымъ удалось договориться, что „царь запретитъ донскимъ казакамъ ходить въ Черное море и грабить предѣлы Турціи“, султанъ же обѣщалъ распорядиться, „чтобы крымскій ханъ, кафинскій паша и азовскій князь не нападали на московскія владѣнія“.

Но такъ какъ обѣ стороны хорошо понимали, что выполнить эти условія почти невозможно, то московское правительство стало сближаться съ Польшей съ цѣлью привлечь ее къ союзу на случай серіозныхъ столкновеній съ Турціей. Въ 1667 году во время переговоровъ въ Андрусовѣ былъ поднятъ вопросъ о союзѣ съ Польшей противъ Турціи, но Польша отклонила его, опасность же, грозившая вслѣдствіе измѣны гетмана Дорошенка самой Польшѣ, заставила польское правительство обратиться съ предложеніемъ къ Ромодановскому и Самойловичу продолжать военныя дѣйствія вмѣстѣ съ польскими войсками, но это предложеніе не было принято. Враждебныя отношенія съ Турціей прекратились заключеніемъ въ 1681 году Бахчисарайскаго перемирія, по которому правобережную Украйну и Запорожье Турція признавала за Москвой.

Въ правленіе царевны Софіи отношенія къ Турціи получаютъ иной характеръ: до сихъ поръ Москва держалась оборонительнаго положенія, теперь же она переходитъ въ наступленіе, вслѣдствіе присоединенія Россіи къ „священному союзу“ противъ Турціи, который по инииціативѣ польскаго ко-

роля Яна Собѣскаго составился въ 1683 году изъ Польши Австріи и Венеціи, подъ покровительствомъ папы Иннокентія XI. Союзники мечтали объ изгнаніи турокъ изъ Европы и рѣшили привлечь къ этому и другихъ государей, въ особенности же московскихъ. Въ 1684 году начались переговоры въ Андрусовѣ. длились два года: 21 апрѣля 1686 г. заключенъ былъ вѣчный миръ съ Польшею. Слѣдствіемъ участія Россіи въ союзѣ противъ Турціи были два неудачныхъ крымскихъ похода подъ начальствомъ князя В. В. Голицына.

Петръ Великій въ первые годы своего самодержавнаго правленія, повидимому уклонялся отъ войны съ Турціей, но вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ греческаго духовенства и указаній на то, что время для войны очень благопріятно, возобновилъ борьбу съ Турціей; предприняты были два азовскихъ похода (1695 и 1696 г.) слѣдствіемъ которыхъ было взятіе у устьевъ Дона сильной турецкой крѣпости Азова, въ нее переселены были стрѣльцы и городовые казаки и на мысѣ Таганрогъ рѣшено было Петромъ Великимъ построить гавань.

Въ 1697 году снаряжено было великое русское посольство къ императору германскому, королямъ англійскому и датскому, къ римскому папѣ, къ голландскимъ штатамъ и въ Венецію. Цѣлью посольства было объявлено: „подтвержденіе древней дружбы и любви, ослабленіе враговъ креста Господня, салтана турскаго, хана крымскаго и всѣхъ бусурманскихъ ордъ“. Великими полномочными послами были назначены Лефортъ, Головинъ и думный дьякъ Возницынъ. Въ Голландіи посольство вело переговоры о помощи Россіи въ войнѣ съ Турціей. но переговоры не увѣнчались успѣхомъ, генеральные штаты отклонили предложеніе Петра; онъ вскорѣ узналъ, что англійскій король вмѣстѣ съ Голландіей хлопочутъ о примиреніи Австріи съ Турціей. Изъ Англіи Петръ направился въ Вѣну къ Леопольду I, гдѣ велъ переговоры объ условіяхъ заключенія мира съ Турціей, при чемъ Петру желательно было добиться отъ Турціи уступки Керчи, но Леопольдъ, находя требованія Петра справедливыми, говорилъ, что нужно Керчь раньше взять, во всякомъ случаѣ онъ обѣщалъ ничего не предпринимать относительно мира съ Турціей безъ соглашенія съ Петромъ. Переговоры не были доведены до конца, соглашеніе не оформлено, такъ какъ Петръ поспѣшилъ въ Москву

получивъ извѣстіе о стрѣлецкомъ бунтѣ, между тѣмъ онъ предполагалъ и въ Венеціи, отъ поѣздки въ которую онъ принужденъ былъ отказаться, поднять вопросъ о турецкихъ дѣлахъ.

Въ 1698 году въ Карловицѣ открылся конгрессъ для окончанія турецкой войны, представителемъ Россіи былъ отправленъ думный дьякъ Возницынъ, который требовалъ уступки Керчи и всѣхъ владѣній на берегу Азовскаго и Чернаго моря, находившихся въ рукахъ русскихъ. Турки не согласились. Возницынъ пригрозилъ немедленнымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій—турки уступили и заключили перемиріе на два года, этимъ временемъ Петръ воспользовался для заключенія мира. Въ Константинополь былъ отправленъ думный дьякъ Украинцевъ съ дьякомъ Чередеевымъ. Отправлены они были на военномъ кораблѣ для того, чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе на турокъ: удивить и напугать ихъ. Переговоры длились съ ноября 1699 г. по іюль 1700 г. 3-го іюля 1700 г. заключено было перемиріе на 30 лѣтъ: Азовъ, построенные Петромъ городки – Таганрогъ, Павловскій городъ, Міюсъ остались за Россіей, отъ пріобрѣтенія Керчи Петръ отказался. 8 августа 1700 г. Петръ получилъ извѣстіе о заключеніи мира съ Турціей, а 9-го августа русскія войска двигались уже къ границамъ Швеціи.

Но когда въ 1701 г. въ Константинополь былъ отправленъ князь Д. М. Голицынъ съ цѣлью получить отъ Турціи разрѣшеніе русскимъ кораблямъ свободно плавать по Черному морю, то поѣздка эта не увѣнчалась успѣхомъ: турки отказали. Голицынъ вынесъ убѣжденіе, что турки недоброжелательно относятся къ Россіи и готовы воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы вернуть утраченное. П. А. Толстому, отправленному въ Константинополь въ 1701 году, для постояннаго пребыванія при дворѣ султана, съ цѣлью отвратить возможность новой войны, котораго турки встрѣтили очень подозрительно, удалось вывѣдать, что главный противникъ Россіи, побуждающій распространеніемъ тревожныхъ слуховъ Турцію къ борьбѣ съ Россіею, крымскій ханъ. Толстой при помощи матери султана свергнулъ великаго визиря, сочувствовавшаго планамъ крымскаго хана, вскорѣ

въ 1703 г. умеръ Мустафа II, престолъ занялъ братъ его Ахметъ.

Жалобы крымскаго хана въ 1706 г. на религіозныя преслѣдованія татаръ русскими и заявленіе желанія переселиться въ предѣлы Турціи, а также старанія французскаго посла поссорить Турцію съ Россіей, извѣстія пришедшія отъ крымскаго хана о появленіи будто бы русскаго флота въ Азовскомъ морѣ, извѣстіе о Полтавской побѣдѣ и появленіе самаго Карла XII въ предѣлахъ Турціи и интриги его при дворѣ султана направленныя противъ Россіи,—все это достигло своей цѣли: 20 ноября 1700 г. султанъ рѣшилъ объявить Россіи войну, Толстой посаженъ въ Семибашенный замокъ. Послѣ неудачнаго Прутскаго похода въ 1711 г. Петръ заключилъ миръ съ съ Турціей, по которому Россія уступала Турціи прибрежье Азовскаго моря съ г. Азовомъ Петръ обязался срыть три крѣпости, обѣщалъ не вмѣшиваться въ польскія дѣла и долженъ былъ пропустить Карла XII въ Швецію чрезъ русскія владѣнія. Условія Прутскаго договора не сразу были приведены въ исполненіе, поэтому поводу возникли пререканія, въ декабрѣ 1711 г. Порта заявила, что считаетъ Прутскій договоръ нарушеннымъ Россіей и войну объявленною. Но при помощи англійскаго и голландскаго пословъ удалось заключить новый договоръ: Петръ долженъ вывести свои войска изъ Польши и совершенно отказаться отъ вмѣшательства въ ея дѣла, Порта же обязалась удалить изъ своихъ предѣловъ Карла XII, хотя срока для этого не было установлено, на правомъ берегу Днѣпра оставленъ за Москвою только Кіевъ, отошедшій къ ней по вѣчному миру съ Польшей 1686 г., запрещалось всякое вмѣшательство Россіи въ дѣла правобережной Украйны; между Черкаскомъ и Азовомъ нельзя было строить новыхъ крѣпостей. Договоръ былъ заключенъ на 25 лѣтъ, но его не думали исполнять: Петръ не выводилъ войскъ изъ Польши, Карлъ XII оставался въ Турціи и возбуждалъ султана къ войнѣ съ Россіей.

29 ноября 1712 г. султанъ объявилъ войну и велѣлъ посадить русскаго посла Толстого и посланнаго ему въ помощь въ 1711 году для переговоровъ Шафирова въ Семибашенный замокъ. До войны дѣло не дошло, подписанъ былъ новый мирный договоръ: Россія обязана вывести свои войска изъ

Польши въ двухмѣсячный срокъ, Петръ не имѣетъ права въѣзда въ Польшу, даже безъ войска. Съ этого времени до самой кончины Петра В. между Россіей и Портой установились мирныя отношенія, хотя Петръ всегда мечталъ отнять у Турціи уступленныя ей земли. Черногорцамъ, сербамъ и другимъ христіанскимъ народностямъ Балканскаго полуострова, приставшимъ къ Россіи противъ Турціи во время Прутскаго похода, предложено было переселиться въ предѣлы Россіи: нѣкоторые переселились и получили болѣе или менѣе значительныя имѣнія, преимущественно въ Малороссіи.

При первыхъ двухъ преемникахъ Петра В., Екатеринѣ I Алексѣевнѣ и Петрѣ II Алексѣевичѣ, отношенія съ Турціей были мирныя; разрывъ послѣдовалъ въ царствованіе Анны Іоанновны по поводу польскихъ дѣлъ, когда Россія вмѣшалась въ дѣла Польши по поводу вопроса о диссидентахъ. Турція, подстрекаемая Франціей (Вильневъ), потребовала, на основаніи договора съ Петромъ В., невмѣшательства въ дѣла Польши. Русскому резиденту Неплюеву удалось устранить недоразумѣнія. Порта нашла вмѣшательство Россіи дѣломъ естественнымъ, только бы русское правительство находилось въ мирѣ съ Турціей. Второй поводъ къ столкновенію: стремленіе Россіи присоединить Кабарду, которую Турція считала собственностью крымскаго хана; третій поводъ: своевольный проходъ войскъ крымскаго хана, по дорогѣ въ Персію черезъ владѣнія Россіи, что повело къ кровавому столкновенію русскихъ съ татарами на Кавказѣ.

Устранить эти недоразумѣнія, несмотря на всѣ старанія французскаго посла Вильнева раздуть ихъ, Неплюеву удалось сравнительно легко, такъ какъ въ то время Турція вела неудачную войну съ Персіей. Избраніе на Польскій престолъ курфюрста саксонскаго Августа III при помощи Россіи, противникомъ котораго выступилъ воевода познанскій—Станиславъ Лещинскій, тесть французскаго короля Людовика XV, котораго поддерживала поэтому Франція, подало поводъ Вильневу поссорить Турцію съ Россіей.

Въ это время въ Турціи возникли смуты, Неплюевъ и его помощникъ Вешняковъ совѣтовали начать войну, которая, по ихъ мнѣнію, рано или поздно неизбѣжна. Неплюевъ былъ

отозванъ, въ Петербургѣ большинство правительственныхъ лицъ стояло за безотлагательную войну и въ 1735 году гр. Остерманъ, указывая на цѣлый рядъ нарушеній мирныхъ договоровъ со стороны Турціи, въ письмѣ къ великому визирю просилъ высылки уполномоченныхъ на границу для устраненія недоразумѣній; просьба не была исполнена и Россія считая условія мира нарушенными, объявила Турціи войну. Несмотря на цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ Миниха, пришлось войну окончить преждевременно.

Война началась походомъ на Крымъ. Бахчисарай, столица Крыма, занятъ былъ русскими войсками, крымскій полуостровъ сильно опустошенъ, но Миниху не удалось окончательно занять Крымъ вслѣдствіе болѣзней, открывшихся въ войскахъ отъ непривычнаго климата. Австрійцы же, союзники Россіи, терпѣли одно пораженіе за другимъ. Составленъ былъ новый планъ веденія войны на 1739 годъ. Минихъ взялъ Очаковъ, разбилъ 90-тысячное войско турецкое, подъ начальствомъ великаго визиря, на голову у м. Ставучанъ, занялъ крѣпость Хотинъ, переправился черезъ Прутъ и занялъ Яссы. Между тѣмъ Австрія, союзница Россіи, безъ вѣдома послѣдней заключила съ Турціей отдѣльный миръ, по которому уступала Бѣлградъ, Орсову и все Сербское королевство. Въ эту войну потери Россіи были велики (до 100 т. войска, множество лошадей и воловъ), продолжать войну съ Турціей безъ союзниковъ было невозможно, поэтому при посредничествѣ франц. посла Вильнева начались переговоры съ Турціей, которые въ сентябрѣ 1739 года окончились Бѣлградскимъ миромъ; Россія возвратила Турціи всѣ завоеванныя земли, удержавъ только часть южнорусской степи между Днѣпромъ и Бугомъ. Въ царствованіе Елисаветы Петровны русское правительство держалось въ отношеніи Турціи осторожной политики, несмотря на то, что русскій резидентъ Вешняковъ совѣтовалъ воспользоваться тяжелымъ положеніемъ Турціи, истомленной неудачными войнами съ Персіей и Россіей, и разорить Турцію. Въ это время ухудшилось положеніе балканскихъ христіанъ, которые смотрѣли на Россію, какъ на единственную избавительницу отъ мусульманскаго ига. Турція стала сильно преслѣдовать христіанъ, послѣдніе же спасались переселеніемъ въ предѣлы Россіи.

Чтобы переселенія не вызвали осложненій, русское правительство издало указъ, вопреки мнѣнію Вешнякова, затруднившій переселенія: переходъ черезъ границу Россіи безпаспортнымъ былъ запрещенъ. Вешняковъ совѣтовалъ отвести земли на югѣ Россіи для поселеній славянъ, которые могутъ быть полезны Россіи въ будущихъ войнахъ съ Турціей.

Адр. Неплюевъ, назначенный послѣ смерти Вешнякова въ Константинополь, сталъ дѣйствовать рѣшительно, турецкое правительство сдѣлалось податливымъ: исполняло всѣ требованія Россіи и не нарушало мира съ ней. Съ назначеніемъ же послѣ Неплюева Обрѣзкова поднятъ былъ опять вопросъ о переселеніяхъ балканскихъ христіанъ въ Россію. Поводомъ къ этому послужило переселеніе въ Россію австрійскихъ сербовъ. Сербы переселились въ XVII вѣкѣ изъ Турціи въ Австрію при Леопольдѣ I, оказали сильную поддержку ему въ войнахъ съ Турціей и Венгріей, но въ срединѣ XVIII вѣка они, вслѣдствіе подчиненія ихъ венгерцамъ и притѣсненій со стороны послѣднихъ, рѣшились переселиться въ предѣлы Россіи.

Полковникъ Хорватъ чрезъ русскаго посла въ Вѣнѣ Бестужева просилъ отвести для поселенія сербовъ земли въ Малороссіи; предложеніе было принято: сербы поселились отъ Архангельскаго городка вдоль по южному Бугу и по рр. Синюхѣ и Висѣ, имъ разрѣшено было построить крѣпость св. Елисаветы. Переселеніе сербовъ въ Россію вызвало движеніе во всемъ остальномъ славянскомъ мірѣ: черногорцы, болгары, сербы и даже валахи рѣшили переселиться въ предѣлы Россіи, изъ Молдавіи прибылъ депутатъ Замфирановичъ для ходатайства объ этомъ. Русское правительство прямого отвѣта не дало и поручило Обрѣзкову получить согласіе Порты на переселеніе славянъ, на что Обрѣзковъ отвѣтилъ, что Порта, конечно, не дастъ своего согласія на массовое переселеніе славянъ, отдѣльныя же переселенія, вѣроятно, будетъ оставлять безъ вниманія.

Французскій посолъ обратилъ вниманіе Турціи на постройку Хорватомъ крѣпости. Произошли объясненія, дѣло дошло до третейскаго суда пословъ Англіи и Австріи, сначала дѣло было рѣшено въ пользу Россіи, потомъ послы запросили свои ка-

бинеты по этому вопросу, тянулось такъ до 1754 года. когда султанъ Махмудъ приказалъ прекратить препирательства. Преемникъ его Османъ возобновилъ переговоры и русское правительство, соблюдая осторожность въ отношеніи Турціи, пріостановило постройку крѣпости.

Въ 1755 черногорскій владыка обратился къ Россіи за помощью противъ турокъ, но получилъ уклончивый отвѣтъ и обѣщаніе чрезъ Обрѣзкова, при удобномъ случаѣ, сдѣлать представленіе Портѣ. Долгое время удобнаго для этого случая не представлялось, такъ какъ Россія участвовала въ семилѣтней войнѣ и старалась сохранить мирныя отношенія съ Турціей, которыя продолжались въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны Петра III Ѳеодоровича и первые годы царствованія Екатерины II Алексѣевны.

Вмѣшательство Россіи въ 1763 году въ дѣла Польши по поводу избранія новаго короля послѣ смерти Августа III и возведеніе на польскій престолъ кандидата Россіи Станислава Августа Понятовскаго обострило отношенія между Турціей и Россіей. Россія выдвинула вопросъ о диссидентахъ, ввела войска въ предѣлы Польши и добилась признанія за диссидентами правъ. Для противодѣйствія русскому вліянію въ 1768 году образовалась барская конфедерація, вступившая въ борьбу съ русскими войсками; конфедераты обратились къ заступничеству Порты, которую возбуждала къ войнѣ съ Россіей Франція, доказывая, что усиленіе Россіи на счетъ Польши невыгодно для Турціи. Правительство Франціи, недовольное своимъ посланникомъ Верженемъ, отправило въ помощь ему Сенъ-При и затѣмъ особаго агента Толя, послѣдній уговорилъ конфедератовъ уступить Турціи Волынь и Подолію. если она окажетъ помощь Польшѣ. Это предложеніе сломило твердость Турціи.

Поводомъ же къ разрыву послужило нападеніе одного изъ гайдамацкихъ отрядовъ, подъ начальствомъ атамана Шила, во время вспыхнувшаго возстанія въ Заднѣпровской Украйнѣ, на татарское пограничное мѣстечко Балту (Голты).

Русское правительство предложило вознаградить населеніе разореннаго мѣстечка Голты, гайдамаки были наказаны, Турція отвергла предложеніе русскаго правительства, требуя сначала удаленія русскихъ войскъ отъ границъ Турціи, затѣмъ очи-

щенія Подоліи, наконецъ очищенія всей Польши. Обрѣзковъ былъ приглашенъ великимъ визиремъ на аудіенцію, на которой визирь обошелся съ нимъ грубо—оскорбительно осыпалъ его упреками и велѣлъ заключить его въ Семибашенный замокъ (25 сент. 1768 г.)

Турція всячески старалась убѣдить другія державы, что главная виновница разрыва—Россія, нарушительница договоровъ, русское же правительство въ циркулярной нотѣ къ европейскимъ дворамъ объясняло справедливость и прямоту русской политики и указывало на несправедливость Порты, побуждаемой врагами Россіи. Зима 1768 года прошла въ приготовленіяхъ къ войнѣ. Въ январѣ 1769 г. подполковникъ русской службы, родомъ болгаринъ, Каразинъ, отправленъ былъ для агитаціи противъ турокъ среди христіанъ Балканскаго полуострова: черногорцевъ, албанцевъ, босняковъ, герцеговинцевъ и македонцевъ. Императрица была увѣрена въ успѣхѣ, сообщая Салтыкову о разрывѣ съ Турціей, писала: „Команды я поручила двумъ старшимъ генераламъ... Еслибъ я турокъ боялась, то мой выборъ палъ бы неизмѣнно на лаврами покрытаго Салтыкова... На начинающаго Богъ! Богъ же видитъ, что не я зачала. Не первый разъ Россіи побѣждать враговъ!“

Императрица энергично руководила приготовленіями къ войнѣ, особенно заботилась о приведеніи въ боевую готовность флота. Подобно Петру В., учредившему предъ Прутскимъ походомъ въ 1711 г. сенатъ, императрица учредила государственный совѣтъ, который долженъ былъ заняться приготовленіями къ открытію военныхъ дѣйствій, но Россія оказалась плохо подготовленной къ войнѣ. Въ январѣ 1769 года по приказанію султана крымскій ханъ вторгнулся въ предѣлы Россіи, опустошилъ Новую Сербію, это нашествіе татаръ было послѣднимъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ указало на необходимость уничтоженія самостоятельности крымскаго царства и расширенія предѣловъ Россіи до береговъ Чернаго моря. Россія въ первое время ограничилась преимущественно оборонительной войной. Кн. Голицыну удалось разбить великаго визиря у Хотина и овладѣть этою крѣпостью (1769). Русскія войска вступили въ Молдавію, заняли Яссы и населеніе Молдавіи присягнуло на подданство Россіи. Въ 1770 году въ первыхъ числахъ мая

русскія войска перешли въ наступленіе. 7 іюля Румянцевъ разбилъ стотысячную армію крымскаго хана на берегахъ р. Ларги и весь лагерь былъ захваченъ русскими.

21 іюля Румянцевъ одерживаетъ блестящую побѣду надъ самимъ великимъ визиремъ при Кагулѣ; у визиря было 150 т. войска, съ тыла русскимъ грозила 80 т. армія крымскаго хана, турецкій лагерь со всѣми запасами и 130 пушками достался русскимъ. Побѣдители при Ларгѣ и Кагулѣ были щедро награждены, Румянцевъ получилъ чинъ фельдмаршала. Осенью 1770 г. гр. Петръ Панинъ взялъ Бендеры, ранѣе этого сдались Измаилъ, Килія, Аккерманъ, нѣсколько позже занятъ былъ русскими войсками Браиловъ. Русскія войска заняли Молдавію и Валахію. Турки очистили лѣвый берегъ Дуная, такимъ образомъ крымскіе татары были отрѣзаны совершенно отъ турокъ и уже не могли оказывать имъ помощи.

Въ запискахъ Рунича встрѣчается замѣчаніе, что Кагульская битва, устранившая опасность грозившую Россіи, можетъ быть сравнена съ Полтавскою.

„Побѣда эта, по словамъ С. М. Соловьева, напомнила древнюю исторію, когда горсть грековъ разбивала полчища персидскія; обстоятельства были одинаковыя. и тогда и теперь шла борьба между Азіею и Европою, между европейскимъ качествомъ и азіатскимъ количествомъ“.

Одновременно съ побѣдами Румянцева на сушѣ русскій флотъ одержалъ блестящую морскую побѣду въ Архипелагѣ.

Тотчасъ послѣ разрыва съ Турціей возникла мысль о снаряженіи экспедиціи въ Архипелагъ, заговорилъ объ этомъ въ государственномъ совѣтѣ Григорій Орловъ, который поддерживалъ сношенія съ греками, пріѣзжавшими въ Петербугъ. Онъ настаивалъ на томъ, что цѣлью войны должно быть свободное плаваніе по Черному морю. Рѣшено было вооружить подданныхъ Турціи въ Мореѣ, Албаніи, Черногоріи, Далмаціи. Уже въ XVII вѣкѣ Крижаничъ указывалъ на союзъ съ греками и прочими христіанскими подданными Порты, какъ на лучшее средство уничтоженія Турціи; въ этомъ направленіи дѣйствовалъ и Петръ В. въ 1711 г.; эту же мысль проводилъ и Вешняковъ, русскій посолъ въ Турціи въ царствованіе Елисаветы Петровны.

Съ цѣлью возбужденія возстанія въ Турціи отправлены были агенты; въ случаѣ успѣха Россія могла бы продиктовать Портѣ условія мира.

„Есть основаніе думать, говоритъ Брикнеръ, что въ Россіи мечтали о присоединеніи къ ней турецкихъ областей; можетъ быть, у Григорія Орлова и Екатерины II явилась мысль объ окончательномъ уничтоженіи Турціи".

Для осуществленія этихъ плановъ нуженъ былъ флотъ, между тѣмъ преемники Петра В. не заботились о флотѣ и онъ пришелъ въ большой упадокъ, поэтому поводу Екатерина II, побывавъ въ Кронштадтѣ въ 1765 году, писала Панину: „У насъ въ излишествѣ людей и кораблей, но мы не имѣемъ ни флота, ни моряковъ".

Критикуя дѣйствія судовъ, маневрировавшихъ въ присутствіи государыни, заключаетъ свое письмо Екатерина II замѣчаніемъ: „Надобно сознаться, что корабли походили на флотъ, выходящій каждый годъ изъ Голландіи для ловли сельдей, но не на военный, такъ какъ ни одинъ корабль не умѣетъ держаться въ линіи".

Вопросъ о сооруженіи флота былъ предметомъ оживленныхъ преній въ государственномъ совѣтѣ, сама государыня принимала дѣятельное участіе въ обсужденіи этого вопроса. Начальникомъ экспедиціи къ берегамъ Греціи назначенъ былъ гр. Алексѣй Григорьевичъ Орловъ. Въ іюлѣ 1769 года отправлена была первая эскадра подъ начальствомъ адмирала Спиридова, за ней слѣдовала вторая подъ начальствомъ Эльфинстона, весною 1770 г. отправилась третья.

Императрица слѣдила за движеніемъ эскадръ, недовольна была медленными дѣйствіями адмираловъ, торопила ихъ нападеніемъ „на медвѣдя въ берлогѣ".

Снаряженіе архипелажской экспедиціи встревожило западноевропейскія державы, въ особенности Францію. Первый министръ герц. Шуазель, узнавъ объ отправленіи русскаго флота насмѣшливо сказалъ прусскому послу Гольцу: „Слышали вы о новомъ феноменѣ, о русскомъ флотѣ? вотъ и новая морская держава появилась!"

Онъ же представилъ кабинету Людовика XV записку, въ которой доказывалъ необходимость уничтоженія русскаго флота

до достиженія имъ Гибралтара, но король и прочіе министры отвергли проектъ нападенія на русскій флотъ и эскадра благополучно достигла береговъ Балканскаго полуострова и острововъ Архипелага. Съ появленіемъ русскаго флота вспыхнуло возстаніе въ Мореѣ, поднять же повсемѣстное возстаніе среди христіанъ подданныхъ султана оказалось невозможнымъ, даже возстаніе въ Мореѣ не увѣнчалось успѣхомъ.

Вольтеръ сравнилъ нападеніе Россіи на Турцію съ походомъ Аннибала на Римъ, но императрица на это отвѣчала: „Кареагеняне имѣли дѣло съ колоссомъ, который былъ въ полной силѣ, тогда какъ мы стоимъ противъ слабаго призрака, котораго всѣ части распадаются по мѣрѣ того, какъ къ нимъ прикасаешься".

24 іюня 1770 года произошелъ бой въ Хіосскомъ заливѣ; героемъ этого сраженія былъ адмиралъ Спиридовъ, корабль котораго столкнулся съ турецкимъ адмиральскимъ, послѣдній былъ зажженъ русскими бомбами, на русскомъ кораблѣ произошелъ взрывъ пороха и оба корабля пошли ко дну. Спиридовъ однако спасся. Турецкій флотъ, испуганный взрывомъ скрылся въ Чесменскую гавань у западнаго малоазіатскаго берега. Капитанъ Грейгъ, впослѣдствіи адмиралъ, предложилъ сжечь турецкій флотъ въ чесменской бухтѣ съ помощью брандеровъ, т. е. судовъ, наполненныхъ зажигательными снарядами. Онъ же взялся и выполнить это дѣло. Четыре греческихъ судна наполнены были гранатами, бомбами; когда же русскія суда усиленной пальбой привели въ замѣшательство турецкій флотъ, Грейгъ пустилъ брандеры въ средину его, отъ сожженнаго турецкаго флота уцѣлѣлъ только одинъ корабль, который отдался въ плѣнъ русскимъ.

Чесменскій бой произошелъ 26 іюня 1770 года. Извѣстіе о подвигѣ русскаго флота очень обрадовало Екатерину II и въ восторгѣ отъ него она воскликнула: „Дивенъ Богъ въ чудесѣхъ своихъ". Была отслужена соборная панихида Петру В., основателю русскаго флота, участники боя щедро награждены; Орловъ названъ былъ Чесменскимъ.

„Чесменскій бой, по словамъ Брикнера, можетъ быть сравненъ съ битвою при Лепанто 1571 г., такъ какъ они не достигли желанной цѣли, т. е. заключенія выгоднаго мира".

Хіосская и Чесменская битвы могли бы имѣть важныя послѣдствія, если бы русскій флотъ пошелъ прямо къ Дарданеламъ и появился бы у стѣнъ самого Константинополя, но онъ занялся покореніемъ острововъ Архипелага, между тѣмъ турки, съ помощью французскаго агента барона Тотта, успѣли укрѣпить Дарданелы, и когда русскій флотъ приступилъ къ нимъ, то встрѣтилъ такое сопротивленіе, что долженъ былъ отступить. Побѣды 1770 года заставили Турцію завести мирные переговоры съ Россіей, но она намѣренно затягивала ихъ, разсчитывая на поддержку западныхъ державъ, непріязненно относившихся къ успѣхамъ Россіи. Франція даже открыто поддерживала Турцію; Пруссія и Австрія предложили свое посредничество въ переговорахъ, но императрица не хотѣла допустить таковаго; шведскій король Густавъ III сближался съ врагами Россіи, понятно, что при такихъ обстоятельствахъ турки были неуступчивы. Пришлось одновременно съ переговорами продолжать военныя дѣйствія.

Въ концѣ 1770 года Григорій Орловъ внесъ въ государственный совѣтъ проектъ нападенія на Константинополь: совѣтъ кромѣ того призналъ нужнымъ занятіе Крыма русскими войсками.

Въ 1771 году кн. В. Долгорукій двинулся въ Крымъ и въ двѣ недѣли занялъ его. Русскіе овладѣли Перекопомъ, Евпаторіей и Еникале. Крымскіе татары, не разсчитывавшіе на помощь Турціи, низложили своего хана и возвели на престолъ преданнаго Россіи Саипъ-Гирея; вскорѣ Крымъ отложился отъ Турціи и объявилъ независимость. Конечно, независимость Крыма была мнимою, татары во всемъ подчинялись Россіи. Долгорукій награжденъ званіемъ Крымскаго.

Между тѣмъ Румянцевъ не могъ предпринять рѣшительныхъ дѣйствій на Дунаѣ, такъ какъ нуждался въ подкрѣпленіяхъ. Екатерина II же не могла ему отправить таковыхъ, потому что въ это время занята была войною съ Польшей, внутри же Россіи вспыхнулъ Пугачевскій бунтъ.

Только въ 1774 г. Румянцеву посланы подкрѣпленія подъ начальствомъ Суворова и Каменскаго; Румянцевъ перешелъ Дунай и осадилъ Силистрію. Каменскій же и Суворовъ двинулись противъ великаго визиря къ Балканамъ, разбили турокъ

подъ Шумлою и направились по дорогѣ къ Константинополю; тогда Абдулъ-Гамидъ послалъ уполномоченныхъ въ лагерь Румянцева при Кучукъ-Кайнарджи и снова открылисъ переговоры, начатые еще въ 1771 г., но прерванные открытіемъ военныхъ дѣйствій и продолжавшіеся въ теченіе 1772 года.

Во время переговоровъ Екатерина II требовала для Россіи только одного небольшого острова на Архипелагѣ, независимости Крыма и Молдаво-Валахіи отъ Турціи, но противъ послѣдняго требованія запротестовала Австрія, угрожая Россіи войною. Фридрихъ II, король прусскій, дѣйствовавшій въ союзѣ съ Россіей въ Польшѣ, предложилъ произвести вмѣстѣ съ Пруссіей и Австріей первый раздѣлъ Польши, отказываясь помогать Россіи въ случаѣ войны ея съ Австріей изъ-за Молдаво-Валахіи. Императрица Екатерина II должна была уступить и согласиться на первый раздѣлъ Польши, послѣдовавшій въ 1772 году.

Извѣстіе объ участи Польши произвело тяжелое впечатлѣніе на турокъ, которые считали вѣроятнымъ существованіе между великими державами кое-какихъ соглашеній и относительно раздѣла владѣній Турціи.

Въ 1774 году турецкая война окончилась Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ. По условіямъ этого мира султанъ Абдулъ-Гамидъ обязался: 1) признать независимость татаръ крымскихъ, буджакскихъ и кубанскихъ, 2) уступить Россіи Азовъ, обѣ Кабарды, долины Кубани и Терека, Керчь, Еникале и Кинбурнъ съ прилегавшею къ нему степью между Бугомъ и Днѣпромъ, 3) открыть свободное плаваніе русскимъ купеческимъ судамъ изъ Чернаго въ Средиземное море, 4) предоставить русскимъ подданнымъ въ турецкихъ областяхъ всѣ права, которыми пользовались французы и другіе наиболѣе покровительствуемые народы, 5) даровать прощеніе всѣмъ своимъ подданнымъ христіанамъ, замѣшаннымъ въ послѣднемъ возстаніи, 6) допустить русскихъ резидентовъ въ Константинополѣ ходатайствовать передъ диваномъ по дѣламъ Молдаво-Валахскимъ, 7) уплатить контрибуцію въ $4^1/_2$ милліона, 8) признать императорскій титулъ за русскими государями и называть ихъ падишахами, 9) распространить амнистію на Грузію и Мингрелію, 10) предоставить право русскимъ подданнымъ.

безъ всякой платы, посѣщать Іерусалимъ и другія святыя мѣста и 11) даровать свободу вѣроисповѣданія балканскимъ христіанамъ.

Россія изъявила согласіе имѣть при дворѣ султана посланника или полномочнаго министра второго ранга и консуловъ съ переводчиками для охраны интересовъ русскихъ купцовъ въ предѣлахъ Турціи и обязалась вывести войска изъ Грузіи и Мингреліи съ тѣмъ условіемъ, чтобы крѣпости ихъ охранялись не турецкими, а туземными войсками.

Договоръ былъ утвержденъ султаномъ въ январѣ 1775 г. и открывалъ широкій путь вмѣшательству Россіи во внутреннія дѣла Турціи. Европейскія державы съ завистью и недовольствомъ отнеслись къ успѣхамъ Россіи.

Императрица Екатерина II, разговаривая о заключеніи мира, гордилась тѣмъ, что соглашеніе съ Турціей состоялось безъ участія въ переговорахъ другихъ державъ, съ радостью говорила объ условіяхъ мира, щедро наградила полководцевъ и дипломатовъ, по поводу заключенія мира устроено торжественное празднество. Румянцевъ награжденъ званіемъ Задунайскаго.

Россія нуждалась въ отдыхѣ отъ войны, стоившей много денегъ и людей, между тѣмъ Кучукъ-Кайнарджійскій миръ былъ въ дѣйствительности только перемиріемъ. Столкновеніе между Россіей и Турціей стало неизбѣжнымъ, такъ какъ условія этого мира для Турціи были очень невыгодны.

Поэтому порта всячески старалась уклониться отъ выполненія условій договора—то не платила контрибуціи, то не пропускала русскихъ судовъ изъ Архипелага въ Черное море, то агитировала въ Крыму противъ Россіи. Турція никакъ не могла освоиться съ той мыслью, что Крымъ уже не принадлежитъ ей больше.

По Кучукъ-Кайнарджійскому миру Россія признала за султаномъ въ Крыму религіозное значеніе, какъ за преемникомъ калифовъ, главою всего мусульманскаго міра, но онъ сталъ домогаться верховныхъ правъ въ области гражданской и политической, чего, разумѣется, не могла допустить Екатерина II,

которая стремилась къ упроченію русскаго вліянія въ Крыму, съ цѣлью подготовить его присоединеніе къ Россіи; султанъ же питалъ надежду и обнаруживалъ домогательства возвратить Крымъ подъ свою власть. Вслѣдствіе этого Крымъ становится театромъ борьбы двухъ враждебныхъ другъ другу вліяній— русскаго и турецкаго.

Въ Крыму появляются двѣ партіи русская и турецкая, начинаются смуты, которыя сопровождаются частою смѣною хановъ и смотря по тому какая изъ партій осиливаетъ, на престолѣ появляются то приверженцы Россіи, то ея враги. Междоусобицы даютъ поводъ Россіи вмѣшиватьея въ дѣла Крыма.

Въ 1775 г. свергнутъ былъ преданный Россіи, возведенный на престолъ въ 1771 году кн. Долгорукомъ, ханъ Сагибъ-Гирей, турецкая партія возвела приверженца Турціи Девлетъ-Гирея. Такъ какъ этотъ выборъ былъ не въ интересахъ Россіи, то она стала поддерживать своего кандидата Шагинъ-Гирея, брата Сагибъ-Гирея.

Рѣзкія дѣйствія Девлетъ-Гирея противъ приверженцевъ Россіи и военныя приготовленія Турціи, побудили Екатерину II отдать приказаніе Румянцеву двинуть часть войска въ Крымъ, въ ноябрѣ 1776 г. Девлетъ Гирей бѣжалъ въ Турцію, а Шагинъ-Гирей весною 1777 года возстановленъ на престолѣ Крымскаго царства.

Новый ханъ не могъ пользоваться, какъ ставленникъ Россіи расположеніемъ своихъ подданныхъ. Деспотъ отъ природы, расточительный Шагинъ-Гирей съ первыхъ дней своего правленія вызвалъ противъ себя негодованіе. Онъ хотѣлъ въ дѣйствительности быть независимымъ и произвести необходимыя преобразованія, для усиленія своего государства, въ европейскомъ духѣ, но этимъ онъ возбудилъ противъ себя сильную староверческую турецкую партію и опять началась усобица. Между прочимъ онъ задумалъ завести въ Крыму регулярное войско, но оно погубило хана: среди войска вспыхнулъ мятежъ; этимъ воспользовалась Турція и изгнанный кн. Долгорукимъ въ 1771 году приверженецъ ея Селимъ Гирей превозглашенъ былъ ханомъ.

Тогда Россія опять поддержала Шагинъ-Гирея и въ февралѣ 1778 года, съ появленіемъ русскихъ войскъ въ Крыму, мятежъ былъ усмиренъ, власть Шагинъ-Гирея возстановлена, мурзы изъявили ему покорность. Въ мартѣ 1779 года Турція подписала конвенцію, которой подтверждался Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ и Шагинъ-Гирей признавался крымскимъ ханомъ, русскія войска вышли изъ Крыма.

Такое положеніе дѣлъ становилось для Россіи невыносимымъ: борьба съ Турціей въ дѣйствительности продолжалась въ Крыму, можно было ожидать во всякое время возникновенія новой войны съ нею. Тѣмъ сильнѣе становилось желаніе покончить съ Крымомъ навсегда однимъ ударомъ, оставаться независимымъ онъ не могъ; подобнаго рода предложеніе высказано было Потемкинымъ, который считалъ присоединеніе Крыма необходимымъ, при чемъ указывалъ на легкость и законность этого дѣла. Но присоединеніе не могло обойтись безъ войны съ Турціей, а для успѣшности этой войны необходимо было обезпечить себя со стороны Австріи, заключить же съ нею союзъ не представляло затрудненій: императоръ Іосифъ II заискивалъ въ это время у могущественной Россіи, потому что хотѣлъ во что бы ни стало присоединить Баварію къ Австріи, воспользовавшись пресѣченіемъ царствовавшей въ ней династіи Виттельсбаховъ, родственной Габсбургамъ, но встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны прусскаго короля Фридриха II. Кромѣ того Іосифъ II имѣлъ особые виды на Турцію: увеличить свои владѣнія присоединеніемъ Молдавіи и Валахіи.

Въ 1779 году Іосифъ II обязался за себя и за своихъ преемниковъ гарантировать Россіи всѣ ея владѣнія и всѣ договоры ея съ Турціей, и въ случаѣ нарушенія договоровъ съ турецкой стороны объявить Портѣ войну. Все это было скрѣплено свиданіемъ Іосифа II съ Екатериной II во время его пріѣзда въ Россію; первая встрѣча между ними произошла въ Могилевѣ, а затѣмъ по приглашенію Екатерины II Іосифъ побывалъ въ Петербургѣ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1779 года родился великій князь Константинъ Павловичъ. Въ манифестѣ, опубликованномъ по этому поводу, было сказано, что отъ новорожденнаго можно ожидать увеличенія славы и могущества Россіи. Имя, данное великому

князю, заключало въ себѣ намекъ на имѣвшуюся для него въ виду карьеру. Кормилицею была гречанка. Въ это время Екатерина II бесѣдовала съ англійскимъ посломъ Гаррисомъ, отецъ котораго былъ ученымъ знатокомъ древняго міра, о грекахъ, при чемъ замѣтила, что имъ предстоитъ великая будущность. На празднествѣ, устроенномъ по случаю рожденія Константина Потемкинымъ, читались греческія стихотворенія. На медали, выбитой по поводу этого событія, изображены Софійскій храмъ въ Константинополѣ и Черное море, подъ которымъ сіяетъ звѣзда. Уже съ 1777 года существовало училище— для молодыхъ грековъ, изъ нихъ же выбирались товарищи для забавъ великаго князя Константина Павловича, съ раннихъ лѣтъ усвоившаго себѣ греческій языкъ.

Такимъ образомъ „Греческій проектъ“, объ осуществленіи котораго начали хлопотать Потемкинъ и Безбородко, созрѣвалъ именно во время пребыванія Іосифа II въ Россіи“ (Брикнеръ III 390).

Путешествіе Іосифа II въ Россію сильно безпокоило турокъ, опасавшихся завоевательныхъ стремленій Австріи. Стахіевъ же, по порученію Екатерины II, заявилъ въ Константинополѣ о совершенной „невинности ея свиданія съ императоромъ“.

Формальнаго союза между Россіей и Австріей не состоялось, вслѣдствіе возникновенія нѣкоторыхъ недоразумѣній. Между тѣмъ родные братья Шагинъ-Гирея подняли противъ него возстаніе и онъ долженъ былъ бѣжать изъ Крыма. Тогда императрица обратилась къ Іосифу II съ предложеніемъ заключить союзъ, онъ отвѣчалъ, что готовъ на всякое соглашеніе на счетъ всевозможныхъ событій, какія могутъ быть слѣдствіемъ крымскихъ смутъ. Послѣ этого петербургскій кабинетъ сдѣлалъ вѣнскому слѣдующія предложенія: „Между тремя монархіями (русской, австрійской и турецкою) должно быть навсегда независимое отъ нихъ государство, образованное изъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, подъ именемъ Дакіи и подъ скипетромъ государя греческаго исповѣданія. Россія пріобрѣтаетъ Очаковъ съ областью между Бугомъ и Днѣстромъ и одинъ или два острова въ Архипелагѣ. Австрія пріобрѣтаетъ сосѣдственныя съ нею турецкія земли. Если война пойдетъ съ такимъ успѣ-

хомъ, что можно будетъ изгнать турокъ изъ Европы, то возстановляется греческая имперія въ полной независимости и на престолъ ея возводится внукъ императрицы русской, великій князь Константинъ Павловичъ, который откажется отъ правъ своихъ на престолъ русскій, ибо двѣ эти короны не должны быть соединены на одной главѣ“.

Іосифъ II согласился на эти требованія, но съ условіемъ, чтобы Австрія, кромѣ турецкихъ областей, прикрывающихъ Галицію и Венгрію, получила еще всѣ Венеціанскія области, Венеція же была бы вознаграждена Мореей, Кандіей, Кипромъ и другими островами. Англія, Франція, Испанія должны были тоже получить части изъ турецкихъ владѣній. Таковъ былъ знаменитый „греческій проектъ“.

Шагинъ-Гирей былъ возстановленъ на престолѣ Крыма русскими войсками подъ начальствомъ Потемкина, но смуты не прекращались, такъ какъ ханъ, несмотря на представленія Россіи, преслѣдовалъ враговъ своихъ; жестокости Шагинъ-Гирея повлекли за собою то, что онъ принужденъ былъ отказаться отъ престола въ пользу русской императрицы, и Крымъ безъ всякаго сопротивленія присоединенъ былъ къ Россіи указомъ 8 апрѣля 1783 г. Шагинъ-Гирей поселился въ предѣлахъ Россіи, въ Воронежѣ.

Вѣсть о присоединеніи Крыма къ Россіи вызвала сильное волненіе въ Турціи, но Порта нашла нужнымъ на первыхъ порахъ признать это присоединеніе, что и было сдѣлано конвенціей 28 декабря 1783 г. Кромѣ Крыма присоединены были Тамань и Кубань. Общественное мнѣніе въ Турціи было настроено противъ акта, противъ Россіи, и раздавался ропотъ противъ престарѣлаго султана Абдулъ-Гамида.

Императрица Екатерина II 7 апрѣля 1783 года извѣщала Іосифа II письмомъ, что новыя непріязненныя дѣйствія Порты принуждаютъ ее къ принятію рѣшительныхъ мѣръ; немного спустя Іосифу II было сообщено о присоединеніи Крыма, императоръ оказался довольнымъ этимъ событіемъ, которое считалъ выгоднымъ для Австріи, такъ какъ это могло сдержать турокъ отъ нападеній на Австрію, отъ наступательной войны.

Екатерина II въ нѣкоторыхъ письмахъ Іосифу II изъявляетъ свою благодарность за его косвенное содѣйствіе занятію Крыма и обѣщаетъ при случаѣ дѣйствовать также для доставленія выгодъ Австріи.

Въ запискѣ къ Кауницу по этому поводу Іосифъ II высказалъ предположеніе, что императрица имѣла въ виду присоединеніе къ Австріи Молдаво-Валахіи. Предположенія эти были напрасны, такъ какъ на корону Дакіи былъ уже кандидатъ: есть основанія думать, что эта корона составляла конечную цѣль, достиженіемъ которой мечталъ удовлетворить свое честолюбіе Потемкинъ.

Какое же громадное значеніе имѣло для Россіи присоединеніе Крыма, доказательствомъ этого можетъ служить замѣчаніе Леопольда Тосканскаго, брата Іосифа II, что Россія отнынѣ станетъ господствовать на Черномъ морѣ такъже, какъ она уже господствовала на Каспійскомъ морѣ и что Россія съ береговъ Крыма во время станетъ угрожать Турціи нападеніемъ на Константинополь. Разсказывали также, что Екатерина II впослѣдствіи выразилась, что она прибыла въ Россію безприданницей, но въ Тавридѣ и Польшѣ пріобрѣла себѣ приданое.

Съ присоединеніемъ Крыма Россія достигла на югѣ своихъ естественныхъ предѣловъ, утвердилась на берегахъ моря. Понтійскія степи, служившія такъ долго привольемъ для кочевыхъ монгольскихъ ордъ, чрезъ которыя проходили почти всѣ народы, опустошавшія европейскій христіанскій міръ, всѣ „бичи Божіи“,—эти степи вошли въ границы европейскаго христіанскаго государства, подчинились цивилизаціи, стали житницею Европы, убѣжищемъ для ея колонистовъ, что имѣло важное всемірно - историческое значеніе для всей Европы.

Управленіе вновь присоединеннымъ краемъ, переименованнымъ въ Тавриду (его древне-греческое названіе), поручено было князю Потемкину, намѣстнику Новороссіи. Потемкинъ употребилъ много усилій для устройства ввѣреннаго ему края. Построены были города, для заселенія пустыннаго плодороднаго края, Потемкинъ вызывалъ сюда раскольниковъ, нѣмцевъ-ко-

лонистовъ, грековъ, армянъ, ласково обходился съ татарами, стараясь удержать ихъ отъ выселенія въ Турцію; многія земли были розданы русскимъ вельможамъ, которые переселяли въ этотъ край крестьянъ изъ внутреннихъ губерній.

Тамъ, гдѣ не было и сотни тысячъ народа, чрезъ какіе-нибудь восемь лѣтъ считалось болѣе полумилліона населенія. Потемкинъ усилилъ въ этомъ краѣ земледѣліе, скотоводство, содѣйствовалъ развитію винодѣлія, шелководства и тонкоруннаго овцеводства. Появились новые города. Николаевъ, съ крѣпостью и верфью, Херсонъ съ казармами для войскъ и верфью, Екатеринославъ, который Потемкинъ мечталъ сдѣлать главнымъ городомъ всего южнаго края: здѣсь онъ думалъ открыть университетъ, построить соборъ въ родѣ знаменитаго храма Петра и Павла въ Римѣ, украсить городъ колоннадами на подобіе древнихъ Аѳинъ и т. п. На всѣхъ верфяхъ началась дѣятельная постройка судовъ и въ короткое время созданъ былъ Черноморскій флотъ, гаванью для котораго долженъ былъ служить Севастополь—одна изъ лучшихъ гаваней во всемъ мірѣ.

Однимъ словомъ, на устройство южнаго края Потемкинъ положилъ много ума и энергіи.

Въ 1787 году, въ январѣ мѣсяцѣ, Екатерина II по просьбѣ Потемкина предприняла путешествіе на югъ Россіи, чтобы лично ознакомиться съ своими новыми владѣніями подобно тому, какъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ перваго раздѣла Польши, она предприняла путешествіе въ Могилевъ для ознакомленія съ ново-пріобрѣтеннымъ краемъ, Бѣлоруссіей; въ Могилевѣ императрица встрѣтилась съ Іосифомъ II, въ немъ рѣшалась участь Порты и положено начало сближенію Россіи съ Австріей для совмѣстныхъ дѣйствій, направленныхъ противъ Турціи.

Путешествіе въ Крымъ имѣло характеръ политической демонстраціи, вызова по адресу Турціи, такой образъ дѣйствій русскаго двора могъ только ускорить рѣшеніе вопроса о турецкой войнѣ.

Въ этомъ путешествіи императрицу сопровождала блестящая свита многочисленныхъ придворныхъ, нѣкоторые изъ

иностранныхъ пословъ: французскій гр. Сегюръ и австрійскій маркизъ де-Линь; въ пути около Херсона къ свитѣ присоединился императоръ германскій Іосифъ II, подъ именемъ графа Фалькенштейна, здѣсь то окончательно былъ скрѣпленъ наступательный союзъ Россіи съ Австріей противъ Турціи.

Іосифъ II сопровождалъ Екатерину II въ Крымъ, въ Каневѣ произошла встрѣча съ польскимъ королемъ Станиславомъ Августомъ Понятовскимъ.

Во время путешествія много было театральнаго, искусственнаго, вся великолѣпная обстановка была устроена Потемкинымъ, съ цѣлью произвести возможно большій эффектъ этимъ путешествіемъ не столько въ Россіи, сколько за границей.

Путешествіе было торжествомъ Потемкина, получившаго возможность показать ввѣренный его управленію край въ самомъ выгодномъ свѣтѣ съ одной стороны, съ другой стороны блестящимъ символомъ торжества Европы надъ Азіей, принятія Европой во владѣніе отъ Азіи такъ долго спорныхъ земель.

Сегюръ утверждаетъ, что устраивая это путешествіе Потемкинъ тѣмъ самымъ хотѣлъ довести Екатерину II до объявленія войны Турціи.

Конвенціею 28 декабря 1783 г. Турція признала присоединеніе Крыма къ Россіи, но чѣмъ болѣе она приходила въ себя послѣ громового удара, поразившаго ее, тѣмъ яснѣе она сознавала всю важность потери.—Турки говорили: „пока Крымъ находится въ рукахъ Россіи, Турцію можно сравнить съ домомъ безъ дверей, въ который каждую минуту безпрепятственно могутъ явиться воры".

Верженъ, французскій посолъ въ Константинополѣ предсказывалъ, что Екатерина II, не ограничиваясь пріобрѣтеніемъ Крыма, сдѣлаетъ нападеніе на Турцію съ цѣлью уничтожить ее. Потемкинъ же въ запискѣ о необходимости занятія Крыма прямо говорилъ, что цѣлью Россіи должно быть полное господство на Черномъ морѣ.

Послѣднее татарское царство подпало власти Россіи, очутился въ этой власти сѣверный берегъ Чернаго моря, съ ко-

тораго враждебный флотъ не преминетъ при первомъ удобномъ случаѣ явиться предъ Константинополемъ. Предупредить опасность, кинуться на врага, когда онъ не ожидаетъ нападенія, не приготовился къ нему, вотъ поступокъ, который могъ быть внушенъ Портѣ отчаяніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благоразуміемъ, не говоря уже о чужестранныхъ внушеніяхъ —Англіи и отчасти Пруссіи.

Лѣтомъ 1787 г. русскій посолъ въ Константинополѣ Булгаковъ получилъ отъ Порты ультиматумъ, которымъ требовалось: выдача молдавскаго господаря Маврокордато, бѣжавшаго въ Россію; отозваніе русскихъ консуловъ изъ Яссъ, Бухареста и Александріи; допущеніе турецкихъ консуловъ во всѣ русскіе торговые города и гавани; признаніе грузинскаго царя Ираклія, поддавшагося Россіи, турецкимъ подданнымъ; право Турціи осматривать всѣ русскія суда, выходящія изъ Чернаго моря. Разрывъ становился неизбѣжнымъ. Россія занятая приготовленіями къ войнѣ хотѣла отсрочить начало военныхъ дѣйствій, но въ засѣданіи дивана 2 августа было рѣшено объявить Россіи войну.

5 августа Булгаковъ былъ приглашенъ на конференцію, осыпанъ упреками и, такъ какъ онъ отвергъ предъявленныя къ нему требованія, прямо оттуда былъ отправленъ въ Семибашенный замокъ, вопреки условіямъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира.

Турція требовала возвращенія Крыма и указывала на нарушенія Россіей Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Такимъ образомъ главнымъ поводомъ къ войнѣ былъ Крымъ.

Въ Россіи разрывъ приписывали преимущественно козпямъ англійскаго и прусскаго двора, но упускали изъ виду, что сама Россія своимъ образомъ дѣйствій довела Турцію до крайняго раздраженія (Брикнеръ III 424).

Для Екатерины II самымъ важнымъ было въ это время: какъ поступитъ Австрія? Іосифъ II примкнулъ къ Россіи и въ письмѣ отъ 30 августа 1787 г. изъявилъ готовность исполнить свое обязательство въ качествѣ союзника Россіи.

„Очень сожалѣю, сказано между прочимъ въ письмѣ императора, что мы въ эту минуту не находимся въ Севастополѣ,

откуда отправились бы привѣтствовать въ Константинополь султана и его неразумныхъ совѣтниковъ пушечными выстрѣлами".

Теперь оба союзника питали надежду на осуществленіе проекта раздѣла Турціи. Раньше во время переговоровъ по этому вопросу, Россія и Австрія не могли придти къ точно опредѣленному соглашенію, теперь же война должна была рѣшить, насколько удобоисполнимы проекты обѣихъ державъ вообще и какую долю добычи придется получить каждому отдѣльно.

Надежды Екатерины II и Іосифа II относительно раздѣла Турціи не сбылись: онѣ оказались тщетными. Одинъ изъ современниковъ-публицистовъ въ минуту разрыва писалъ: „Если турки останутся побѣдителями, они не пойдутъ въ Москву; за то русскіе, разбивъ турокъ въ двухъ сраженіяхъ, непремѣнно явятся въ Константинополь".

Россія была застигнута объявленіемъ войны врасплохъ и оказалась неподготовленной къ немедленному открытію военныхъ дѣйствій, но и Турція очутилась не въ лучшемъ положеніи подобно тому, какъ это было и въ 1768 году.

Затруднительное положеніе Россіи увеличивалось вслѣдствіе того, что Пруссія, недовольная союзомъ Австріи съ Россіей, въ лицѣ Фридриха Вильгельма II, заключила союзъ съ Польшей съ враждебными противъ Россіи намѣреніями; шведскій же король Густавъ III рѣшилъ воспользоваться турецкой войной для возвращенія завоеванныхъ у Швеціи земель въ Финляндіи. Союзница Россіи Австрія вмѣсто наступательной войны противъ Турціи дѣйствовала болѣе оборонительно, да при томъ не особенно удачно.

Назначеніе главнокомандующаго представляло значительныя затрудненія вслѣдствіе соперничества Потемкина съ Суворовымъ, Репнина съ Румянцевымъ. Алексѣй Орловъ не принялъ предложенія командовать флотомъ. Князь Щербатовъ въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ порицалъ образъ дѣйствій русскаго правительства, съ одной стороны своей заносчивостью, заставившаго Турцію объявить войну, съ другой—недостаточно подготовленнаго къ открытію военныхъ дѣйствій.

Замѣтно было въ это время нѣкоторое безпокойство императрицы.

Пр. де-Линь говоритъ, что она сильно безпокоилась, показывая, впрочемъ, видъ, что не сомнѣвается въ успѣхѣ. Храповицкій, одинъ изъ секретарей Екатерины II занесъ 2 сент. въ свой дневникъ выраженіе императрицы: „Нельзя себя обольщать надеждою, но, кажется, Богъ поможетъ хорошо дѣло кончить“.

12-го сентября подписанъ былъ манифестъ о войнѣ. „Плакали“, пишетъ Храповицкій въ этотъ день о Екатеринѣ II.

Противъ Турціи Россія выставила флотъ, двѣ арміи: одну украинскую, подъ начальствомъ Румянцева (37000 ч.) между Бугомъ и Прутомъ, для защиты русскихъ границъ отъ Польши и Турціи, другую главную армію, екатеринославскую (80000 ч.), подъ начальствомъ Потемкина, для охраны сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, предназначенную преимущественно для наступательныхъ дѣйствій противъ турокъ.

На первыхъ порахъ турки болѣе всего могли грозить Николаеву и Херсону, такъ какъ при выходѣ изъ Днѣпровскаго лимана у нихъ находилась крѣпость Очаковъ, подъ прикрытіемъ этой крѣпости турецкій флотъ заграждалъ доступъ съ моря въ устьѣ Днѣпра; противъ Очакова на длинной песчаной косѣ выстроено было Потемкинымъ Кинбурнское укрѣпленіе, защита котораго поручена была Суворову. Для турокъ было важно овладѣть Кинбурномъ, а для русскихъ Очаковымъ, но Потемкинъ не рѣшился на штурмъ Очакова. Онъ составилъ другой планъ: прежде всего пустить въ дѣло Севастопольскій флотъ и истребить морскія силы Турціи. Но тутъ русскихъ постигла неудача: флотъ, отправленный къ берегамъ Турціи, застигнутъ былъ бурею, разбитъ, многія суда затонули, одинъ большой корабль съ разбитыми снастями, безъ мачтъ, увлеченъ былъ теченіемъ въ Босфоръ и попалъ въ руки турокъ.

Потемкинъ пришелъ въ отчаяніе, сообщая о случившемся, преувеличивалъ размѣры вреда, нанесеннаго флоту. „Флотъ севастопольскій, доносилъ онъ императрицѣ, разбитъ бурею, остатокъ его въ Севастополѣ, все малыя и ненадежныя суда, и лучше сказать неупотребительныя, корабли и большіе фре-

гаты пропали—Богъ бьетъ, а не турки... Я прошу о порученіи начальства другому".

Потемкинъ, прося объ отставкѣ, предлагалъ даже вывести войска изъ Крыма. Екатерина не смутилась, она отвергла предложеніе подобнаго рода, указала, что нужно перейти изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, итти на Очаковъ или Бендеры. „Прошу ободриться, писала она Потемкину, и помнить, что бодрый духъ и неудачу поправить можетъ".

Въ послѣдующее время съ театра военныхъ дѣйствій не приходило извѣстій по цѣлымъ недѣлямъ. Впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не происходило важныхъ дѣйствій. Очевидно не было выработано заблаговременно точнаго плана дѣйствій. Приходилось изъ Петербурга посылать въ армію подробныя инструкціи.

Весною 1788 г. Потемкинъ повторилъ свое предложеніе о выводѣ войскъ изъ Крыма, но и на этотъ разъ императрица не дала согласія. Между тѣмъ Потемкина вскорѣ ободрило удачное дѣло Суворова.

Турки, воспользовавшись гибелью русскаго флота, не замедлили напасть на Кинбурнъ и поддержанные флотомъ съ моря высадились въ количествѣ 5000 человѣкъ, осадили Кинбурнъ съ суши и съ моря. Суворовъ бросился на турокъ. Битва тянулась чуть не цѣлый день, Суворовъ раненъ былъ картечью въ бокъ и пулею въ плечо, подъ нимъ была убита лошадь, но все-таки онъ оставался въ строю. Къ 10 часамъ вечера турки загнаны были въ море, потоплены, немногіе спаслись на своихъ лодкахъ. Суворовъ награжденъ андреевскимъ орденомъ. Побѣда эта обрадовала и Потемкина и Екатерину.

Послѣ этого Потемкинъ принялся энергично за возстановленіе черноморскаго флота: на Бугѣ, на Дону, гдѣ только были верфи закипѣла постройка судовъ, въ Севастополѣ производилось исправленіе старыхъ, въ Кременчугѣ и Херсонѣ заготовлялись большія лодки для гребной флотиліи, на которую посажены были опытные моряки и запорожцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Потемкинъ устраивалъ, формировалъ и обучалъ полки,

состоявшіе частью изъ новобранцевъ, вводилъ улучшенное вооруженіе, много заботился о здоровьѣ войска и его хорошемъ питаніи.

Къ веснѣ парусный флотъ былъ готовъ и выступилъ въ море, гребная флотилія, подъ начальствомъ вступившаго въ русскую службу принца Нассау, готовилась напасть на турецкій флотъ, стоявшій въ Очаковскомъ лиманѣ; флотъ два раза разбилъ турецкую эскадру, заставилъ удалиться ее отъ Очакова. Побѣда эта обрадовала Екатерину II и она писала Потемкину: „хорошо посмѣется, кто посмѣется послѣднимъ; справедливость, право и истина на нашей сторонѣ“ (Брикнеръ III. 432).

Къ врагамъ Россіи въ это время присоединилась Швеція. Россія попыталась заключить союзъ съ Польшей противъ Турціи на слѣдующихъ условіяхъ: Россія гарантируетъ неприкосновенность Польши, кромѣ того, въ случаѣ удачной войны съ Турціей, Польша получаетъ часть Бессарабіи и Молдавіи. Но прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ II или, вѣрнѣе говоря, его министръ Герцбергъ открыто сталъ противодѣйствовать союзу Россіи съ Польшей и преобразовательная партія въ Польшѣ, задумавшая воспользоваться благопріятнымъ временемъ для реформъ въ государственномъ строѣ, предпочла заключить союзъ съ Пруссіей, направленный противъ Россіи. Пруссія же имѣла тѣ же виды, что и въ первую турецкую войну, т. е. не вступая ни съ кѣмъ въ войну распространить свои владѣнія на счетъ Польши. Она домогалась уступки Данцига, Торна, Познани, Калиша и Галиціи, Австрія же и Россія пусть вознаграждаютъ себя на счетъ Турціи. Пруссія хотѣла достигнуть своихъ цѣлей путемъ дипломатическимъ, грозила войною, шведскій же король Густавъ III спѣшилъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи, на свое требованіе возвращенія Финляндіи получилъ отказъ, вслѣдствіе чего объявилъ войну, разсчитывая, что ему легко будетъ напасть на беззащитный Петербургъ и принудить къ уступкѣ завоеваній Петра Великаго и Елисаветы Петровны.

Еще въ 1739 г. между Швеціей и Турціей заключенъ былъ оборонительный союзъ, на случай разрыва одной изъ этихъ державъ съ Россіей. Въ первую турецкую войну Швеція не

вступилась за Турцію, такимъ образомъ договоръ этотъ въ самой Швеціи считался, повидимому, недѣйствительнымъ, Густавъ же воспользовался старымъ договоромъ, какъ поводомъ къ войнѣ.

При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ для Россіи Потемкинъ въ концѣ іюля 1788 г. приступилъ къ осадѣ Очакова, гарнизонъ котораго усиленъ былъ до 16000 человѣкъ, но медлилъ, ожидая прибытія осадной артиллеріи. Онъ надѣялся взять Очаковъ безъ большой потери людей, началась изнурительная пятимѣсячная осада. Война затянулась. Между союзниками, русскими и австрійцами, возникли пререканія въ медленности. Іосифъ II, озабоченный неудачами австрійцевъ, не надѣялся на осуществленіе плана раздѣла Турціи.

Наконецъ 6 декабря 1788 г. Очаковъ, послѣ страшнаго напряженія силъ, взятъ былъ штурмомъ, сопровождавшимся чрезвычайнымъ кровопролитіемъ и грабежомъ. Битва продолжалась съ ранняго утра до полудня, дрались съ ожесточеніемъ; болѣе 8000 турокъ убито и до 5000 взято въ плѣнъ съ 309 пушками и множествомъ припасовъ, русскихъ пало около 3000 человѣкъ.

Екатерина II очень интересовалась осадою Очакова, ожидала съ нетерпѣніемъ извѣстій о взятіи этой крѣпости. Получила же она радостную вѣсть о взятіи Очакова во время болѣзни и сказала, что оно вылѣчило ее отъ недуга, при чемъ прибавила, что Очаковъ навсегда останется достояніемъ Россіи.

Іосифъ II поздравилъ Екатерину съ радостнымъ событіемъ; французскій дворъ казался недовольнымъ взятіемъ Очакова, въ минуту взятія котораго русскими французскій посолъ въ Константинополѣ занятъ былъ составленіемъ плана спасенія Очакова и дальнѣйшихъ дѣйствій противъ русскихъ, за то прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ II признавалъ доблесть русскаго войска, говоря о взятіи Очакова, какъ о „grande nouvelle“, что очень понравилось Екатеринѣ; въ Вѣнѣ говорили: „Русскій флотъ изъ Очакова въ два дня можетъ приплыть въ Дарданелы“ (Брикнеръ III. 434). Турція была поражена паденіемъ Очакова, среди же южныхъ славянъ и грековъ ожили надежды на свободу.

Уже въ началѣ второй турецкой войны такъ же, какъ и въ первую, возникъ планъ нападенія на Турцію, со стороны Средиземнаго моря. Осенью 1787 г. началась подготовка экспедиціи; начальникомъ флота былъ назначенъ адмиралъ Грейгъ.

Россія разсчитывала на религіозныя и національныя чувства Балканскихъ христіанъ. Назначено было большое количество агентовъ и эмиссаровъ, которые изъ Италіи должны были дѣйствовать на православное населеніе Балканскаго полуострова, предполагалось распространить въ большомъ количествѣ манифесты съ призывомъ православныхъ христіанъ къ возстанію. Послѣ отказа А. Орлова принять начальство надъ экспедиціей, начальникомъ ея былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Заборовскій, выдвинувшійся въ первую турецкую войну. Флотъ подъ начальствомъ Грейга долженъ былъ обогнуть западную Европу, Заборовскій же сухимъ путемъ отправиться во Флоренцію и отсюда руководить экспедиціей, которая представляла для Порты большую опасность. Но осуществленіе этого плана оказалось невозможнымъ вслѣдствіе протеста западно-европейскихъ державъ противъ появленія русскаго флота въ водахъ Архипелага.

Въ этотъ разъ Англія тоже не дала согласія, расчеты же на Францію не оправдались. Въ одной изъ политическихъ брошюръ того времени поднятъ былъ вопросъ: „не обязанъ ли испанскій дворъ въ силу договоровъ препятствовать проходу въ Средиземное море флота, предназначеннаго для нападенія на Турцію?“ Попытка нанять транспортныя суда въ Англіи вызвала запрещеніе англійскаго кабинета подобнаго рода сдѣлокъ англійскихъ подданныхъ съ русскимъ правительствомъ, въ газетахъ появилось предупрежденіе всѣмъ англичанамъ вступать въ русскую службу въ качествѣ матросовъ. Наемъ транспортныхъ судовъ въ Пруссіи и Голландіи встрѣтилъ тоже затрудненія, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1788 г. изъ Франціи полученъ запросъ въ Петербургѣ: „намѣрена ли Россія отправить экспедицію въ Средиземное море?“ Къ этому прибавлено во 1-хъ, такое предпріятіе свидѣтельствовало бы о желаніи Россіи расширить свои предѣлы на счетъ Турціи и во 2-хъ, предложено

посредничество для возстановленія мира между Турціею и Россіею.

Въ виду подобнаго отношенія западной Европы къ задуманной экспедиціи, переговоры о ней прекратились, къ тому же присоединилось новое обстоятельство, которое заставило рѣшительно отказаться отъ проекта снаряженія экспедиціи въ Архипелагъ, флотъ приходилось употребить противъ другого врага, Швеціи: Густавъ III около этого времени въ своемъ ультиматумѣ требовалъ возвращенія Портѣ Крыма и возстановленія границъ Турціи 1768 г.

Во время осады Очакова и послѣ взятія его Екатерина II не упускала изъ виду первоначальной цѣли войны и мечтала объ осуществленіи своей любимой мысли—раздѣла Турціи.

„Дать куски Англіи, Франціи и Гишпаніи, говорила Екатерина, остатка довольно для великаго князя Константина Павловича, pour un cadet de la maison; зачѣмъ не быть обѣимъ отраслямъ въ такой связи, какъ дворы Бурбонскіе, т. е. Франція и Гишпанія“. О великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ въ другой разъ она выразилась: „C'est un cadet de la maison; онъ долженъ искать себѣ карьеры, онъ ее найдетъ, увидите, грековъ можно оживить, Константинъ мальчикъ хорошъ, онъ чрезъ тридцать лѣтъ изъ Севастополя проѣдетъ въ Царьградъ. Мы теперь рога ломаемъ, а тогда будутъ уже сломлены и для него будетъ легче“ (Брикнеръ III. 488).

Взятіе Очакова не оправдало надеждъ на скорое заключеніе мира, оно не могло не возбудить опасеній Пруссіи, Англіи относительно дальнѣйшей судьбы Турціи, послѣдняя же, подстрекаемая вышесказанными державами и Голландіей, не заключала мира, несмотря на побѣды русскихъ войскъ. Весною 1789 г. возникла мысль заключить миръ съ Турціей при посредничествѣ Франціи, но вспыхнувшая революція лишила ее возможности участвовать въ рѣшеніи общеевропейскихъ дѣлъ; въ то же время Екатерина II рѣшительно отказалась отъ принятія услугъ Пруссіи. Прусскій посолъ Герцбергъ, пожимая руку русскому послу Нессельроде говорилъ: „Если бы на насъ положились, то и Крымъ, и Очаковъ были бы ваши“.

Екатерина II отмѣтила противъ донесенія Нессельроде: „Намѣстникъ Божій, вселенною распоряжающій: зазнались совершенно!“ (Брикнеръ III. 489).

И въ то время, когда Потемкинъ совѣтовалъ соблюдать крайнюю осторожность въ отношеніи Пруссіи, Екатерина предпочитала оставаться вѣрной союзу съ Австріей и скорѣе готова была на уступки Турціи, чѣмъ Пруссіи.

Кампанія 1789 года была удачною для русскихъ. Во время осады Очакова Румянцевъ, охранявшій границу со стороны Польши и Турціи, занявъ Яссы не двигался впередъ, несмотря на понужденія Екатерины II соединиться съ австрійцами для совмѣстныхъ дѣйствій въ Молдавіи. Не любившій австрійцевъ, считавшій себя оскорбленнымъ, что не онъ былъ главнымъ начальникомъ арміи, Румянцевъ просилъ объ отставкѣ, а такъ какъ Екатерина II рѣшила уже раньше отозвать его съ театра войны въ Петербургъ, на случай ожидавшейся тогда войны съ Пруссіей, то на отставку послѣдовало согласіе императрицы, такимъ образомъ Румянцевъ предупредилъ исполненіе рѣшенія государыни и удалился въ деревню къ одному молдаванскому боярину, сдавъ предварительно начальство надъ арміей Репнину, и оставался почти до самаго заключенія мира въ Молдавіи. Императрица долго сохраняла непріязненное чувство къ Румянцеву, говоря: „Я не могла выжить его изъ Молдавіи“.

Такимъ образомъ въ 1789 году Потемкинъ получилъ начальство надъ обѣими арміями, украинской и екатеринославской. Сознавая свою неспособность къ военнымъ дѣйствіямъ, Потемкинъ предоставилъ Суворову дѣйствовать противъ турокъ самостоятельно, сохранивъ за собою руководство общимъ планомъ кампаніи.

Съ этого момента начинается рядъ блестящихъ побѣдъ русскихъ надъ турками, виновникомъ которыхъ былъ Суворовъ. Главная квартира, въ это время находившаяся первоначально въ Яссахъ, переведена была по близости къ Бендерамъ.

Весною 1789 года Дерфельденъ разбилъ турокъ при Прутѣ и взялъ Галацъ, турки намѣревались взять Очаковъ, поэтому борьба сосредоточилась на лѣвомъ берегу Дуная. Суворовъ,

соединившись съ австрійцами, подъ начальствомъ принца Кобургскаго, напалъ по дорогѣ изъ Яссъ въ Бухарестъ на значительный турецкій отрядъ при Фокшанахъ и разбилъ его. Извѣстіе о побѣдѣ при Фокшанахъ 29 іюля 1789 года очень обрадовало Екатерину II, потому что въ этомъ сраженіи русскіе и австрійцы дѣйствовали сообща и такимъ образомъ опровергались слухи, ходившіе въ то время объ охлажденіи между Россіей и Австріей. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Екатерина II даже плакала при полученіи извѣстія объ этой побѣдѣ.

Мѣсяцъ спустя изъ-за Дуная вступила въ Валахію 90000-ная армія подъ начальствомъ великаго визиря, половину которой визирь направилъ противъ принца Кобургскаго; разсчитывая на то, что Суворовъ стоитъ далеко, верстъ за сто. Въ тотъ моментъ, когда турки готовились напасть на австрійцевъ, неожиданно на нихъ налетѣлъ Суворовъ съ 7000 войска и завязалась битва. Къ русскимъ присоединились австрійцы. Турки были разбиты на голову и обращены въ бѣгство. Австрійцевъ и русскихъ въ этомъ сраженіи участвовало не болѣе 25000 человѣкъ. Сраженіе произошло у рѣчки Рымника, пушки и весь лагерь достались побѣдителямъ, но преслѣдованіе непріятеля вслѣдствіе утомленія войска было невозможнымъ. Суворовъ награжденъ былъ титуломъ графа Рымникскаго.

Австрійцы овладѣли Хотиномъ, заняли Бѣлградъ, Потемкинъ и принцъ Ангалатъ взяли Бендеры на Днѣстрѣ, которые сдались имъ безъ кровопролитія, и Аккерманъ у устьевъ Днѣстра. Репнинъ, побѣдивъ турокъ при Исакчи, осаждалъ Измаилъ. Адмиралъ де-Рибасъ, иностранецъ состоявшій на русской службѣ, овладѣлъ турецкимъ фортомъ у мѣстечка Хаджибея, лежавшаго на берегу Чернаго моря между Аккерманомъ и Очаковымъ и положилъ основаніе городу Одессѣ.

Начали говорить о мирѣ. Булгаковъ, освобожденный изъ плѣна, отправился къ Потемкину для совѣщаній объ условіяхъ мира, турки соглашались заключить перемиріе, но имъ возразили, что Россія желаетъ или окончательнаго мира или войны.

Въ это самое время Данія, хотѣвшая помочь Россіи противъ Швеціи, остановлена была угрозами Пруссіи и Англіи, Пруссія

и новая ея союзница Польша грозили Россіи войной; Густавъ III, освобожденный отъ опасности со стороны Даніи, успѣлъ пріобрѣсти средства къ продолженію войны. Война эта для Шведовъ окончилась неудачно, но они не заключали мира, союзникъ же Россіи Іосифъ II умеръ въ 1790 г., отъ преемника его Леопольда нельзя было ожидать дѣятельной поддержки, впослѣдствіи онъ заключилъ миръ съ Турціей. Россіи одной предстояло продолжать борьбу. .

Въ началѣ 1790 г. Густавъ III возобновилъ военныя дѣйствія. На морѣ произошло два сраженія, въ первомъ русскіе одержали побѣду надъ шведскимъ флотомъ, запертымъ въ Выборгскомъ заливѣ; во второмъ потерпѣли пораженіе, что и дало только возможность Густаву III съ честью окончить войну, для продолженія которой у него не было средствъ. 3 августа 1790 г. заключенъ былъ миръ въ Верельской долинѣ, оба государства остались при прежнихъ границахъ, какія были до войны. Густавъ III обязался не вмѣшиваться въ турецкія дѣла, Екатерина II отказывалась отъ права вмѣшательства въ дѣла шведскія.

Между тѣмъ русскія и австрійскія войска въ началѣ 1790 г. дѣйствовали медленно, только флотъ продолжалъ опустошать берега Турціи подъ начальствомъ адмирала Ушакова. Совершено было два похода: сначала къ берегамъ Кавказа и Малой Азіи, отъ Анапы до Синопа, а потомъ къ сѣверо-западнымъ берегамъ, и вездѣ русскіе разбивали турецкія эскадры.

Сухопутное войско съ большими потерями заняло крѣпость Килію въ устьяхъ Дуная, въ концѣ же ноября Суворовъ, посланный съ 40000 войска, осадилъ сильную турецкую крѣпость Измаилъ, считавшуюся неприступной и защищенную гарнизономъ до 35000 человѣкъ съ 300 пушекъ.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ крѣпость была взята приступомъ 16 декабря 1790 г. Штурмъ продолжался съ 5 часовъ утра до 9 часовъ, когда русскіе заняли крѣпостныя стѣны. Русскимъ войскамъ, проникшимъ въ городъ, приходилось брать чуть не каждый домъ. Общая рѣзня продолжалась до 4 часовъ пополудни, городъ былъ отданъ на три дня на разграбленіе.

Чуть не весь гарнизонъ и населеніе Измаила избиты, русскихъ погибло не менѣе 10000 человѣкъ. Взятіе Измаила произвело сильное впечатлѣніе на современниковъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ Потемкинъ отправился въ Петербургъ и въ апрѣлѣ торжествовалъ побѣды надъ турками великолѣпнымъ праздникомъ, который онъ устроилъ для Екатерины II въ своемъ Таврическомъ дворцѣ.

У турокъ съ давнихъ поръ существовало преданіе, что Константинополю грозитъ опасность со стороны народа, котораго должно было ожидать съ сѣвера. Теперь русскія войска приближались къ Константинополю, въ немъ царили страхъ и уныніе, было строжайше запрещено говорить о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ. Населеніе волновалось, можно было ожидать возстанія. Когда же пришло извѣстіе о взятіи Измаила, волненіе достигло крайнихъ размѣровъ, заговорили о необходимости укрѣпить Стамбулъ, о всеобщемъ ополченіи, болѣе чѣмъ когда либо возлагались надежды на заступничество Пруссіи и Англіи, надежды эти, какъ показали послѣдующія обстоятельства, не были напрасны.

Со вступленіемъ на престолъ Германіи Леопольда II отношенія между Австріей и Россіей измѣнились: онъ вскорѣ сблизился съ Пруссіей, Герцбергъ хотѣлъ защитить Турцію отъ завоеваній Россіи и Австріи и имѣлъ въ виду въ качествѣ посредника при заключеніи мира требовать для Пруссіи значительныхъ выгодъ. Австрія по его мнѣнію должна была возвратить Польшѣ Галицію, Польша же въ замѣнъ того уступила бы Данцигъ и Торнъ Пруссіи. Съ этою цѣлью послѣдовало заключеніе между прусскимъ и австрійскимъ дворомъ Рейхенбахской конвенціи. Во время переговоровъ австрійцы заявили, что не считаютъ себя въ чемъ либо обязанными предъ Россіей, Леопольдъ взялъ на себя роль посредника между Россіей и ея противниками.

Послѣ отъѣзда Потемкина въ Петербургъ, за отсутствіемъ фельдмаршала въ арміи распоряжался Репнинъ, который въ іюлѣ 1791 года напалъ на турокъ при Мачинѣ и разбилъ ихъ, въ то же время на Кавказѣ русскими взята крѣпость Анапа.

Турки предложили перемиріе, Репнинъ поторопился принять его. Потемкинъ, узнавъ о предложеніяхъ турокъ, выѣхалъ изъ Петербурга въ армію для веденія переговоровъ, но еще до прибытія Потемкина въ армію Репнинъ подписалъ прелиминарныя условія мира.

Въ Яссахъ Потемкинымъ получено было извѣстіе о блистательной побѣдѣ Ушакова надъ турецкимъ флотомъ въ 10 миляхъ отъ Босфора и преслѣдованіи имъ турецкаго разбитаго флота, такъ что нѣсколько избитыхъ турецкихъ кораблей, унесенныхъ теченіемъ, появилось подъ окнами дворца султана и навели ужасъ на весь Константинополь.

Но такъ какъ Репнинъ подписалъ прелиминарныя условія, то побѣда Ушакова лишила Потемкина возможности поставить болѣе выгодныя условія, пришлось продолжать начатые переговоры въ Яссахъ. которые длились нѣсколько недѣль. Во время переговоровъ въ Яссахъ Потемкинъ заболѣлъ лихорадкой и велѣлъ везти себя въ любимый имъ Николаевъ, но на пути скончался 5 октября 1791 г., въ степи, окруженный лишь нѣсколькими близкими къ нему лицами. Тѣло его обратно было привезено въ Яссы, послѣ обычныхъ обрядовъ и церемоній отвезено въ Херсонъ и погребено въ тамошнемъ соборѣ.

Переговоры съ турками продолжались, для ихъ окончанія отправленъ былъ Безбородко, въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго, въ Яссы, гдѣ наконецъ заключенъ былъ миръ 29 декабря 1791 г. на слѣдущихъ условіяхъ: подтвержденіе Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, признаніе уступки Крыма Россіи, Тамани и кубанскихъ татаръ навсегда, пріобрѣтеніе Россіей степи между Бугомъ и Днѣстромъ съ Очаковымъ; Турція обязалась заплатить контрибуцію 12 милліоновъ піастровъ (7 милліоновъ руб.), но гр. Безбородко, послѣ того какъ эта сумма была включена въ договоръ, отъ имени императрицы отказался отъ ея полученія

Такимъ образомъ Россія утвердилась окончателно на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Екатерина II выражала сожалѣніе. что заключеніе мира остановило адмирала Ушакова на пути въ Константинополь.

Въ началѣ войны императрица питала надежду нанести окончательный ударъ Турціи и положить конецъ ея существованію въ Европѣ, но ожиданіямъ этимъ не было суждено осуществиться: угрожающее положеніе Англіи и Пруссіи, враждебное отношеніе Польши, шведская война, а также смерть Іосифа II и Потемкина, заставили Екатерину II, несмотря на громкія побѣды Суворова, успѣшныя дѣйствія черноморскаго флота, отказаться отъ осуществленія „греческаго проекта“ и довольствоваться скромными условіями Ясскаго мира.

„Заключеніе Ясскаго мира, по словамъ Брикнера, можно было считать успѣхомъ, такъ какъ Россія освободилась отъ войны, требовавшей страшнаго напряженія силъ и значительныхъ пожертвованій. Во время войны Россія встрѣтила всевозможныя затрудненія и принужденная бороться противъ многихъ и сильныхъ непріятелей, удержала за собою прежнее вліяніе и значеніе“. (III 498).

Е. Э. Правосудовичъ.

РАЗДѢЛЫ ПОЛЬШИ *).

I.

Польскій вопросъ до царствованія императрицы Екатерины.—Обстоятельства, побудившія императрицу вмѣшаться въ польскія дѣла.—Рѣчь еп. бѣлорусскаго Георгія Конисскаго.—Смерть короля Августа III.—Избраніе королемъ Станислава Понятовскаго.

Польскій вопросъ, понимаемый въ смыслѣ вѣроисповѣдно-политическаго возсоединенія юго-западныхъ русскихъ провинцій съ Русью, еще до царствованія императрицы Екатерины II имѣлъ очень длинную исторію и принималъ различныя историческія фазы.

Литовская Русь, искусственно соединенная съ Польшею (въ XVI в.), согласно своимъ кореннымъ историческимъ традиціямъ, во все время своего политическаго подчиненія Польшѣ тяготѣла къ единовѣрной Московской Руси и по существу имѣла мало общаго съ чуждою ей шляхетской Польшей. Обстоятельство это съ первыхъ же дней по возсоединеніи стало сильно озабочивать польское папство. Верховные правители Польши, всецѣло ввѣрившіеся католическому духовенству, желавшему подчинить весь міръ римскому владыкѣ, объявили войну своимъ же поддавнымъ

---

*) Настоящій историческій очеркъ составленъ главнымъ образомъ по слѣдующимъ сочиненіямъ: Костомарова „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой", Соловьева—„Исторія паденія Польши". Водовозова—„Очерки изъ исторіи XVIII в.", Кояловича—„Чтенія по исторіи западной Россіи", Иловайскаго—„Гродненскій сеймъ 1793 г.", Карѣева—„Паденіе Польши въ исторической литературѣ" и др. Выдержки изъ нѣкоторыхъ польскихъ писателей—Корзона Калинки, Крашевскаго, а также нѣмецкаго писателя Смита и др. приводятся по вышеупомянутому труду Карѣева.

на почвѣ религіозной и національной нетерпимости. Цѣлыми вѣками длится гоненіе на православіе, преслѣдованіе и угнетеніе русскаго народа за то только, что онъ русскій, православный. Русскій народъ превращается въ польское „быдло“ и подвергается со стороны пановъ и кседзовъ насиліямъ и преслѣдованіямъ.

При Іоаннѣ-Казимирѣ (1648—1668), воспитанникѣ іезуитовъ, религіозно-племенной фанатизмъ достигаетъ высшаго кульминаціоннаго пункта. И съ этого времени Польша пожинаетъ плоды своей политики: начинается—непрекращающееся до роковаго конца—постепенное (внѣшнее) разложеніе государства...

Первою отпадаетъ отъ Польши Малороссія. Защищая свою православную вѣру и русскую народность, казаки, во главѣ съ Богданомъ Хмельницкимъ, долго и упорно борются со шляхетско-іезуитскою Польшей. Она вторгается за Днѣпръ, казаки даютъ рѣшительный отпоръ, идутъ на нее, подымаютъ Волынь, Подолію и, наконецъ, спасаются подъ скипетръ царя православнаго,—возсоединяются съ Великою Московскою Русью (1654). Притѣсненія протестантовъ вызываютъ вслѣдъ затѣмъ войну со Швеціей и, по Оливскому миру (1660), Польша утрачиваетъ Лифляндію. Объединившаяся Великая и Малая Русь выступаетъ на защиту угнетаемыхъ Польшею своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ въ Бѣлоруссіи, на Волыни и Подоліи.—Война оканчивается Андрусовскимъ миромъ (1667), по которому Россія возвращаетъ себѣ отъ Польши исконное достояніе свое—Кіевъ, Черниговъ, Сѣверскую землю и Смоленскъ. Въ свою очередь Турція, послѣ непродолжительной борьбы, беретъ себѣ отъ Польши Подолію съ Каменцомъ (1672). Въ теченіе второй половины XVII в. Рѣчь Посполитая теряетъ почти четвертую часть своей сборной территоріи. Польша, „отъ моря до моря“, образовавшаяся въ 1569 году, просуществовала менѣе столѣтія.

Еще Іоаннъ-Казимиръ въ XVII в. сознавалъ шаткость Польши, какъ политическаго цѣлаго, и пророчески восклицалъ на варшавскомъ сеймѣ 1661 года:

— „Придетъ время, когда Рѣчь Посполитая, ослабленная собственными раздорами, сдѣлается добычею сосѣдей...

O, utinam sim falsus vetes“!. Для спасенія государства онъ предлагалъ корону царю Алексѣю Михайловичу, который какъ извѣстно, велъ долгую борьбу съ Польшей изъ-за національно-вѣроисповѣдныхъ интересовъ. Неизбѣжность паденія Польши становится столь очевидной въ половинѣ XVII вѣка, что даже мелкій трансильванскій князь, Юрій Ракочи, задумалъ произвести раздѣлъ Польши между сосѣдними государствами и съ этою цѣлью двинулъ даже войско... Но, конечно, не съ силами трансильванскаго князя было рѣшить сложный польскій вопросъ.

Такимъ образомъ еще въ половинѣ XVII в. исторія поставила межъ Россіей и Польшей роковой вопросъ, при рѣшеніи котораго одна изъ сторонъ должна была кончить свое политическое существованіе. Петръ Великій потребовалъ отъ Августа II, чтобы православнымъ въ отправленіи ихъ религіи были предоставлены одинаковыя права съ католиками. Анна Іоанновна и Елисавета Петровна продолжали переговоры въ томъ же духѣ, но безплодно. Польское правительство охотно обѣщало не стѣснять религіозной совѣсти, но на самомъ дѣлѣ, по обыкновенію, не исполняло своихъ обѣщаній. Но ни при Петрѣ, ни при его ближайшихъ преемникахъ Россія не подымала прямо вопроса о возсоединеніи Западной Россіи, ограничиваясь лишь ходатайствомъ предъ польскимъ кабинетомъ за православное населеніе.

Къ половинѣ XVIII в. польскій вопросъ созрѣлъ. Обстоятельства настойчиво потребовали такого или иного его рѣшенія. „Екатерина наслѣдовала отъ Елисаветы, говоритъ Кояловичъ, богатую подготовку для чисто русскаго народнаго разрѣшенія польскаго вопроса. Елисавета твердо стояла на исторически-пріобрѣтенномъ Россіей правѣ защищать православныхъ Польскаго королевства и своею народною политикой привлекла къ себѣ весь западно-русскій народъ“. (Кояловичъ—„Исторія русскаго самосознанія“. СПБ 1884 г., стр. 384). Екатерина продолжила политику своей предшественницы.

Событія слагались такъ, что острая форма стараго историческаго польскаго вопроса совпала съ самымъ началомъ

царствованія Екатерины, длилась болѣе тридцати лѣтъ и кончилась въ послѣдніе годы этого царствованія, за годъ до смерти императрицы.

На коронацію Екатерины (осенью 1762 г.), въ Москву прибылъ бѣлорусскій епископъ Георгій Конисскій и въ торжественной привѣтственой рѣчи обратилъ вниманіе императрицы на тяжелое состояніе западно-русской православной церкви. „Знаю, говорилъ онъ, какъ далече отстоитъ благословенная Богомъ Палестина отъ тѣснаго израилю Египта, и состоянія людей хотя единовѣрныхъ, но въ польской области заключенныхъ. Здѣсь свѣтильникъ вѣры, отъ дней Владимировыхъ зажженый, блистаетъ доселѣ; у насъ свѣтильникъ оный свирѣпствующіе отъ запада вихри на многихъ мѣстахъ совсѣмъ прекратили. Здѣсь храмы Господни славословіемъ имени Его свободно гремятъ; у насъ храмы множайшіе отняты, прочіе опустошены, развѣ совъ и врановъ гнѣздящихся гласы издаютъ. Здѣсь чѣмъ кто благочестивѣе, тѣмъ честнѣе; у насъ благочестивымъ называться въ стыдъ ставятъ; за благочестіе раны, узы, темницы, домовъ разореніе, а нерѣдко и живота лишеніе терпимъ... Однако въ толикахъ египетскихъ озлобленіяхъ и столько отстоя объ благополучія подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, не хотимъ уступить имъ въ разсужденіи настоящей радости. Смѣемся, сквозь слезы утѣшаемся, и въ горести души торжествуемъ и въ послѣднемъ утѣсненіи. А для чего такъ? Надежда избавленія нашего веселитъ насъ". Въ заключеніе Георгій Конисскій прямо называлъ себя и свою паству вѣрными подданными Ея Величества. Императрица Екатерина, понявъ основныя требованія русской національной политики, въ 1762 году предписала русскому послу въ Варшавѣ, графу Кейзерлингу сдѣлать настоятельныя представленія въ пользу православныхъ подданныхъ въ Польшѣ. Для усиленія въ Польшѣ русской партіи, она отправила въ Варшаву въ качествѣ полномочнаго министра князя Рѣпнина, человѣка энергичнаго и настойчиваго. Нельзя сказать, чтобы Рѣпнинъ вполнѣ ясно представлялъ русскія задачи въ польско-литовскихъ

провинціяхъ *), но ему нельзя отказать въ рѣшительномъ проведеніи разъ намѣченныхъ цѣлей, въ умѣньи доводить поставленный вопросъ до конца.

Полномочному русскому министру при польскомъ дворѣ прежде всего пришлось принять дѣятельное участіе при избраніи польскаго короля Станислава Августа.

Избраніе короля издавна было самымъ важнымъ государственнымъ моментомъ во внутренней жизни Польши. Этимъ моментомъ опредѣлились будущія внутреннія событія въ политической жизни страны. Отъ характера короля зависѣлъ ходъ внѣшней политики государства и характеръ его отношеній къ другимъ государствамъ. Вотъ почему въ избраніи польскаго короля были заинтересованы всѣ сосѣднія съ Польшей державы, имѣвшія при дворѣ свои партіи. Вмѣшательство иностранцевъ придавало избранію характеръ международнаго акта, и публицистъ XVIII в. имѣлъ основаніе назвать польское право избранія короля—„химерическимъ“. (Гр. Вельгорскій). Въ XVIII в. это право менѣе всего принадлежало на практикѣ самимъ полякамъ.

Еще при жизни короля Августа III въ Польшѣ боролись двѣ партіи: придворная, во главѣ которой стоялъ очень вліятельный при Августѣ III министръ Брюль и зять его Мнишекъ, и партія Чарторыжскихъ, которую руководили два брата князья Чарторыжскіе. Послѣдняя партія склонялась къ Россіи. Екатерина поставила своей задачей противодѣйствовать избранію сына Августа III, курфирста Саксонскаго, за котораго стояла первая, брюлевская партія, и поддержать своего кандидата изъ партіи Чарторыжскихъ, при посредствѣ которыхъ она надѣялась провести необходимыя въ Польшѣ реформы. Князья Чарторыжскіе представляли собою старый вліятельный родъ въ Польшѣ. За ними стояла многочисленная шляхта, падкая на деньги...

Изъ всѣхъ кандидатовъ на польскій престолъ для Екатерины былъ наиболѣе соотвѣтствующимъ литовскій стольникъ—Станиславъ Понятовскій. Это былъ довольно образованный и податливый по характеру человѣкъ. Путешествіями

*) Онъ, напр., высказывалъ опасеніе, какъ бы уніаты, видя, что православнымъ въ краѣ дается больше правъ, не стали переходить въ православіе. Ему почему то представлялось это нежелательнымъ.

за границей онъ сумѣлъ развить въ себѣ бывалость, умѣнье обращаться со всякого рода людьми, изящный внѣшній лоскъ, что, при красивой наружности, дѣлало его очень привлекательнымъ въ обществѣ. Онъ зналъ нѣсколько языковъ, любилъ искуства, умѣлъ краснорѣчиво обо всемъ говорить, плѣнялъ каждаго своею любезностью и предупредительностью, легко прощалъ оскорбленія, не терпѣлъ ссоръ, и, угождая всѣмъ, старался примирять враждующихъ. Такой человѣкъ могъ бы быть желаннымъ королемъ для страны, находившейся въ покойномъ состояніи, но не для Польши, постепенно приходившей въ разстройство. Станиславъ не обладалъ твердой волей, чтобы бороться съ препятствіями. Онъ любилъ пожить въ свое удовольствіе и въ отношеніяхъ къ людямъ болѣе всего искалъ для себя спокойной и пріятной жизни. Иногда онъ одушевлялся искреннимъ желаніемъ помочь своей родинѣ, но всякая инниціатива его пугала, а непріятель съ болѣе или менѣе значительной силой казался ему неодолимымъ препятствіемъ. Въ критическіе моменты онъ совершенно терялся. Иногда это былъ очень проницательный король, но, какъ замѣтилъ одинъ изъ историковъ паденія Польши, „сила его воли не соотвѣтствовала проницательности его взглядовъ“ (Смитъ). Его считали двоедушнымъ, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ безхарактернымъ. Императрица хорошо знала способности избраннаго кандидата, по поводу котораго открыто говорили, что Россія желаетъ имѣть въ польскомъ королѣ послушнаго вассала, который волею неволею долженъ будетъ содѣйствовать осуществленію дальнѣйшихъ предположеній императрицы.

Екатерина и Станиславъ Понятовскій переписывались. Въ концѣ іюля 1762 г., т. е. черезъ мѣсяцъ по вступленіи на престолъ, Екатерина писала гр. Понятовскому: „Я немедленно отправляю гр. Кейзерлинга посломъ въ Польшу, чтобы сдѣлать васъ королемъ по смерти Августа III; если же моему послу не удастся сдѣлать васъ королемъ, я хочу, чтобы королемъ былъ князь Адамъ Чорторыжскій.“ Политическимъ союзникомъ Россіи въ это время была Пруссія, извлекшая для себя не мало пользы отъ дружбы съ Россіей. Въ 1764 г. между этими державами былъ заключенъ особый союзъ, однимъ изъ пунктовъ котораго было соглашеніе си-

лою оружія поддерживать въ Польской республикѣ право вольнаго избранія короля.

Устроивъ свою сильную внутреннюю партію въ Польшѣ, Екатерина позаботилась устранить всѣ внѣшнія препятствія, какія могли встрѣтиться при избраніи новаго короля. Она больше всего опасалась вмѣшательства Франціи. Затрудненія пришли однако не съ этой стороны, а со стороны Турціи, въ которой тогда главное вліяніе имѣлъ французскій посланникъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Порта соглашалась на избраніе королемъ не иностраннаго принца, а природнаго поляка, но только не Станислава Понятовскаго. Его избраніе, по объясненію турецкаго правительства, не могло быть признано Портою: онъ молодъ, неопытенъ и не женатъ. Брачные узы, по мнѣнію Порты, заключенные послѣ избранія, могутъ усилить власть короля и создать въ будущемъ большія затрудненія для Турціи. Если указанныя обстоятельства будутъ устранены, Порта готова изъявить свое согласіе на любой выборъ, который будетъ сдѣланъ „по соглашенію берлинскаго и петербургскаго дворовъ“ Сущность сдѣланной Портою оговорки объясняется тѣмъ, что въ 1763 г. многіе приписывали Екатеринѣ желаніе повѣнчаться съ Станиславомъ Понятовскимъ, по избраніи его польскимъ королемъ. Противъ этого проекта энергично выступила Франція, будто бы внушившая Портѣ—мысль объ устраненіи намѣченнаго кандидата. Есть также нѣкоторое основаніе предполагать здѣсь негласное воздѣйствіе самого союзника Россіи, Фридриха. Екатерина очень ловко отвела направленный противъ ея политики ударъ. Она предложила Понятовскому, чтобы онъ, „въ виду настоящаго положенія дѣлъ и опасеній, внушенныхъ Портѣ относительно брака, въ который онъ можетъ вступить по восшествіи на польскій престолъ, обручился или обвѣнчался немедленно, до открытія избирательнаго сейма“. Послѣ нѣкотораго колебанія, Понятовскій согласился на включеніе въ условія договора избранія статьи, смыслъ которой былъ тотъ, что король обязуется вступить въ бракъ, если пожелаетъ, безъ политическаго осложненія интересовъ Польши.

По смерти Августа III, избирательный сеймъ продолжался съ 16 по 26 августа 1764 г. Послѣднимъ ко-

ролемъ польскимъ дѣйствительно былъ избранъ графъ Станиславъ Понятовскій, добровольно и легкомысленно согласившійся взять на себя громадную отвѣтственность управлять государствомъ въ самый критическій моментъ его историческаго существованія. По замѣчанію одного польскаго историка, „Станиславъ Августъ горячо желалъ престола ради славы (dla chwały), а достигъ его путемъ наименѣе славнымъ и упорно за этотъ престолъ держался, хотя послѣдній приносилъ ему не разъ омерзеніе (obrzydzenie) и безсиліе“ (Калинка „Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta“ I, стр. 50).

Интересную рѣчь сказалъ польскій историкъ Нарушевичъ королю Станиславу Понятовскому по вступленіи его на польскій престолъ. „Напрасно вы приняли корону Польши,—говорилъ онъ, между прочимъ, съ грустью королю,—вы не поправите положенія сего государства. Посмотрите, ваше величество, что вы приняли отъ вашихъ предшественниковъ? Раздоры и несогласія внутри, ограбленную казну, отсутствіе дисциплины въ войскахъ, опустѣлые замки, опустѣвшіе города, правленіе безъ... рады, безтолковые сеймы и при всемъ этомъ грозное вокругъ сосѣдство. Ваше величество! Если Казимиръ Великій, имѣвшій въ своихъ рукахъ право суда и законодательства, войско и казну, ничего не могъ сдѣлать, то что же вы, какъ король избирательный и ограниченный въ своихъ правахъ, можете сдѣлать? Ничего. Вамъ остается одно—терпѣть за чужіе грѣхи и быть мишенью для выстрѣловъ ненависти, потому что на высокомъ мѣстѣ стоите...“ (Липранди: „Польша и польскій вопросъ“ СПБ. 1901 г. 24),

Рѣпнинъ свободно распоряжался въ Польшѣ, какъ римскій диктаторъ. Сами польскіе историки (какъ напр. Корзонъ) объясняютъ это ничтожествомъ (никчемствомъ) и политической деморализаціей всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ имѣли соприкосновеніе какъ самъ Рѣпнинъ, такъ и вообще русскіе генералы и офицеры. Польская республика постепенно превращалась какъ] бы въ русскую провинцію. Король Станиславъ вначалѣ пытался было противодѣйствовать диктатурѣ Рѣпнина, но безуспѣшно. Поводомъ постояннаго вмѣ-

шательстваРоссіи являлись диссиденты и защита ихъ политическихъ правъ.

II.

Диссидентскій вопросъ. Сеймъ 1766 г. и вызванныя имъ конфедераціи въ Торнѣ, Слуцкѣ, Радомѣ и др. Сеймъ 1767 г. и арестъ еп. Солтыка. Права диссидентовъ.

Польская національность, преданная западно-католической церкви, составляла въ Рѣчи Посполитой лишь около четвертой части всего населенія. Правами гражданства и даже просто правами человѣческаго существованія пользовался въ ней лишь тотъ, кто былъ полякъ и католикъ. Другія вѣроисповѣданія и другія національности, къ которымъ принадлежало три четверти жителей государства, почти не признавались. Вопросъ о государственныхъ правахъ не католиковъ, православныхъ и протестантовъ, или такъ называемый диссидентскій вопросъ, былъ поднятъ не Екатериной, а самой исторіей. Это былъ старый вопросъ вѣроисповѣдной борьбы въ Польшѣ, яркой нитью проходившій черезъ всю исторію Польши и нерѣдко озарявшій ея историческіе пути пламенемъ бунтовъ, возстаній, насилій...

Но то, что возможно было въ XVI и XVII в., стояло въ противорѣчіи съ духомъ и воззрѣніями XVIII вѣка. Насиліе религіозной совѣсти и лишеніе государственныхъ правъ той части населенія, которая не принадлежала къ господствующей вѣрѣ, было несогласно съ предписаніями философіи времени, съ духомъ религіозной терпимости XVIII в.

Поэтому Екатерина и Фридрихъ стали требовать у Станислава Понятовскаго въ 1766 г. уравненія правъ разновѣрцевъ. Пруссія въ этомъ случаѣ дѣйствовала во имя своихъ національныхъ интересовъ. Интересы Россіи всецѣло опирались на правахъ защиты единовѣрнаго русскаго народа. Вначалѣ никто не ожидалъ, чтобы вопросъ о диссидентахъ, съ которымъ издавна привыкли считаться польскіе политики, принялъ при Екатеринѣ столь острыя формы и, говоря словами русскаго публициста-славянофила, „сталъ

тѣмъ рычагомъ, которымъ, наконецъ, свороченъ былъ центръ тяжести польскаго государственнаго бытія" (Аксаковъ. „Полное собраніе сочиненій". М. 1886 г. III. 572).

15 сентября 1766 года Рѣпнинъ, русскій посланникъ въ Польшѣ, получилъ отъ императрицы подробную инструкцію дипломатическихъ требованій, которыя должны быть предъявлены польскому сейму. Инструкція заканчивалась слѣдующими словами: „Если сеймъ не согласится ни на что, надлежитъ вамъ, имѣя въ Варшавѣ диссидентовъ сколько возможно въ большемъ числѣ, приготовить ихъ къ тому, дабы они, отъѣзжая тогда всѣ вдругъ отъ сейма съ учиненіемъ по тамошнимъ обрядамъ правительства протестаціи, могли составить между собою конфедерацію, и оною формально просить помощи и защищенія у насъ, или же и вообще своихъ сосѣдей, которые нынѣ въ ихъ пользу интересуются". Эту инструкцію поддержали прусскій король и даже Англія. Императрица требовала, чтобы православные наравнѣ съ католиками могли быть выбираемы въ сеймовые послы и на высшія судебныя мѣста и чтобы православный архіепископъ присутствовалъ въ сенатѣ.

Провести однако эти требованія на практикѣ было довольно трудно. Католики не могли допустить, чтобы, говоря словами историка Соловьева, „человѣкъ, который нынче шелъ съ поникшей головой, гонимый и презрѣнный, завтра поднялъ голову и явился всюду, какъ полноправный гражданинъ, явился съ свѣжей памятью объ обидѣ и со средствами къ мести; а если бы обиженный отъ радости и забылъ объ обидѣ, то обидчикъ о ней не забудетъ; духовные католическіе не могли себѣ представить, какъ архіерей, священникъ презрѣнной, мужицкой (хлопской) вѣры, трепетавшій до сихъ поръ при видѣ католическихъ духовныхъ лицъ, получитъ равное съ ними положеніе". Русское вмѣшательство казалось неопаснымъ. Имѣя примѣры въ прошломъ, Польша могла думать, что и на этотъ разъ диссидентскій вопросъ не приведетъ ни къ чему...

Что касается Пруссіи, то Польша въ то время сознавала себя слишкомъ могущественной предъ своей западной сосѣдкой, чтобы бояться Фридриха II. Въ 1764 году Польша

имѣла (безъ Курляндіи) $11^1/_2$ мил. населенія при территоріи въ 13.000 кв. миль, тогда какъ Пруссія владѣла $3^1/_2$ миллiонами при 2,840 кв. миляхъ. Польское рыцарство было далеко многочисленнѣе прусской арміи и имѣло въ своихъ вотчинахъ болѣе населенія, нежели прусскій король во всемъ государствѣ. Уже полъ вѣка Польша не участвовала въ войнахъ, не знала государственнаго долга и фискальнаго гнета, была богата хлѣбомъ, лошадьми, серебромъ въ магнатскихъ замкахъ. Польскій историкъ Корзонъ восклицаетъ, что при такихъ условіяхъ, „можно было бы вести болѣе чѣмъ семилѣтнюю войну съ цѣлымъ свѣтомъ!“

Сеймъ 1766 г. (начался въ октябрѣ) показалъ, какъ далеко было польское правительство отъ намѣренія слѣдовать духу прогрессивной философіи своего времени и дать какія-либо права диссидентамъ. Одинъ изъ депутатовъ этого сейма, Гуровскій, началъ было рѣчь о правахъ диссидентовъ. Поляки пришли въ такое возбужденіе, что грозили изрубить его въ куски, если онъ станетъ продолжать. Рѣпнину было указано вѣрное средство для побужденія польскаго правительства къ уступчивости: образовать конфедерацію между диссидентами, которые должны были обратиться къ Россіи съ просьбою о помощи. Въ случаѣ, если Чарторыжскіе отказались бы содѣйствовать дѣлу, Рѣпнину поручалось поднять противную имъ партію. Панинъ непосредственно обратился къ Чарторыжскимъ съ рѣшительнымъ вопросомъ: намѣрены ли они помогать диссидентамъ? Такъ какъ Чарторыжскіе отвѣтили уклончиво, то рѣшено было организовать конфедерацію *).

И дѣйствительно, 9 марта 1767 г. въ Торнѣ образовалась конфедерація изъ протестантовъ, маршаломъ которой былъ избранъ графъ фонъ-Гольцъ. Другая конфедерація—право-

*) Конфедераціи часто встрѣчаются въ исторіи Польши.—Это собственно собраніе представителей общества, иногда и правительства, для рѣшенія вопросовъ, угрожавшихъ интересамъ преимущественно дворянскимъ. Въ отличіе отъ сеймовъ и сеймиковъ, конфедераціи рѣшали дѣла большинствомъ голосовъ, а для осуществленія своихъ требованій конфедераты нерѣдко прибѣгали къ вооруженной силѣ.

славныхъ организовалась въ Слуцкѣ подъ маршальствомъ генерала Грабовскаго. Представители диссидентскихъ конфедерацій были приняты королемъ въ аудіенціи 28 апрѣля и допущены къ его рукѣ. Это было знакомъ законности конфедерацій. Кромѣ торунской и слуцкой конфедерацій, Рѣпнинъ организовалъ еще генеральную католическую конфедерацію изъ враговъ фамиліи Чарторыжскихъ. Маршальство этой конфедераціи кн. Рѣпнинъ предложилъ находившемуся въ изгнаніи князю Радзивиллу, первому богачу Литвы.— Князю обѣщано было позволеніе возвратиться въ отечество, съ возстановленіемъ во всѣхъ его правахъ, но съ условіемъ дѣйствовать въ интересахъ Россіи. Радзивиллъ согласился. Онъ отвѣтилъ Рѣпнину, что проникнутый чувствомъ самой живой признательности къ императрицѣ за предлагаемое покровительство, покорный ея великодушной волѣ, для блага республики и всѣхъ добрыхъ патріотовъ, обѣщаетъ, что будетъ всегда держаться русской партіи, что приказанія, которыя угодно будетъ русскому двору дать ему, всегда будутъ приняты съ уваженіемъ и покорностью.

Рѣпнину только этого и нужно было. Радзивиллы своею популярностью въ краѣ могли доставить дѣлу громадный успѣхъ. И дѣйствительно, къ началу іюня 1767 года въ Литвѣ образовалось уже 24 конфедерацій, маршалами которыхъ повсюду выбраны были друзья Радзивилла. Въ Польшѣ и Литвѣ конфедераціи считали подъ своими знаменами до 80,000 шляхты. 3 іюня Радзивиллъ, окруженный толпою шляхты, торжественно выѣхалъ въ Вильну, а черезъ три недѣли послѣ этого провозглашенъ былъ генеральнымъ маршаломъ соединенной польско-литовской конфедераціи, собравшейся въ Радомѣ. Послѣдняя конфедерація радомская составилась изъ католиковъ, которые откликнулись на предложеніе русскаго посла, имѣя въ виду при помощи русскихъ свергнуть короля и Чарторыжскихъ. Дѣло въ томъ, что Чарторыжскимъ, имѣвшимъ сильное вліяніе на короля Станислава Понятовскаго (родственника Чарторыжскихъ), удалось достигнуть нѣкоторыхъ нововведеній въ государственномъ организмѣ Польши: ограничить нѣсколько власть магнатовъ, устроить особыя комиссіи для завѣдыванія казною, войскомъ, судами и пр. Все это не могло нравиться свободолюбивой

шляхтѣ, которой всякія нововведенія казались посягательствомъ на ихъ права, и они воспользовались случаемъ, чтобы заявить свою оппозицію Чарторыжскимъ. Что касается диссидентскаго вопроса, то радомскіе конфедераты были совершенно равнодушны къ нему.

Крупные успѣхи диссидентскихъ конфедерацій встревожили поляковъ и особенно католическое духовенство. Краковскій епископъ Солтыкъ сталъ на челѣ религіознаго движенія. Его пятнадцать секретарей день и ночь писали пастырскія посланія, направленныя противъ диссидентовъ. Довольно сильное, хотя и безрезультатное оппозиціонное движеніе со стороны поляковъ сказалось на осеннемъ сеймѣ 1767 г. —23 сентября, когда долженъ былъ начаться сеймъ, у князя Радзивилла съѣхались послы, чтобы вмѣстѣ отправиться на засѣданіе. Послы были однако задержаны пріѣздомъ нунція, который, вступивъ въ залъ, началъ говорить одушевленную рѣчь на тему о стойкости католиковъ въ борьбѣ съ диссидентами. Отъ имени папы онъ заклиналъ пословъ ни въ какомъ случаѣ не соглашаться на назначеніе отъ республики делегатовъ для переговоровъ съ русскимъ посломъ, потому что слѣдствіемъ переговоровъ можетъ быть гибель вѣры. Нунцію удалось наэлектризовать пословъ. Слышались со всѣхъ сторонъ клятвы, что послы готовы погибнуть за вѣру, что мученическая смерть будетъ имъ пріятнѣе уступокъ диссидентамъ и т. п. Вдругъ явился въ собраніе Рѣпнинъ. Ему совѣтовали не входить въ залъ, но онъ не обратилъ вниманія на эти совѣты и вошелъ прямо въ середину толпы. Его встрѣтили демонстративными заявленіями, что всѣ готовы умереть за вѣру.—„Перестаньте кричать", сказалъ громко Рѣпнинъ, „а будете продолжать шумѣть, то и я съ своей стороны шумъ заведу, и мой шумъ будетъ сильнѣе вашего". По водвореніи тишины, Рѣпнинъ продолжалъ: —„Я пріѣхалъ только съ визитомъ къ князю Радзивиллу, а не трактовать съ вами, потому что никто изъ васъ этой чести имѣть не можетъ, не будучи уполномоченъ отъ республики. Частнымъ образомъ, по-пріятельски, скажу вамъ, что удивляюсь и сожалѣю, видя васъ въ такомъ возбужденномъ состояніи. Вы позабыли, сколько имѣете доказательствъ доброжелательства ея императорскаго величества, позабыли,

что только подъ ея покровительствомъ могли вы сконфедероваться для сохраненія своей вольности и правъ".—„Мы соединились также и для сохраненія закона католичества", отвѣчало собраніе.—„Никто не отнимаетъ у васъ правъ имѣть ревность къ своему закону; эта ревность, конечно, похвальна, возразилъ Рѣпнинъ, но развѣ кто хочетъ нарушать права римскаго вѣроисповѣданія? Если вы подлинно вѣрны своему закону, то должны исполнять его справедливыя предписанія, чтобы никому въ вѣрѣ принужденія не дѣлать, быть непоколебимыми въ сохраненіи своихъ обязательствъ и въ отданіи справедливости каждому. Если хотите жить въ добромъ сосѣдствѣ съ Россіей и пользоваться покровительствомъ ея императорскаго величества, то соблюдайте договоры".

Сеймовое засѣданіе 1 октября началось рѣчью епископа кіевскаго, который, обратясь къ королю, требовалъ, чтобы тотъ не на словахъ только, а на дѣлѣ показалъ свое правовѣріе. Король отвѣчалъ, что кромѣ усердія въ вѣрѣ католической, онъ обязанъ еще имѣть попеченіе о благополучіи отечества; напомнилъ объ обязательствахъ, въ которыя сама нація вступила чрезъ конфедерацію и посольство, отправленное къ императрицѣ; указалъ на вредъ, который произойдетъ, если этихъ обязательствъ не исполнить, и въ заключеніе требовалъ, чтобы прочтенъ былъ приговоръ конфедераціи. Когда приговоръ былъ прочтенъ, начался страшный шумъ. Со всѣхъ сторонъ кричали: „Кто подписалъ грамоту?" На это отвѣчалъ секретарь конфедераціи, что подписали маршалы по приговору соединенной генеральной конфедераціи. Тутъ поднялся епископъ Солтыкъ. „Вся конфедерація и сочинявшіе совѣтники отъ роду кредитныхъ грамотъ не читывали и вѣрно грамотѣ не умѣютъ, рѣзко заявилъ онъ, если такую грамоту подписали.—Впрочемъ, я этому не удивляюсь, потому что конфедерація принуждена была къ этому силою отъ абсолютной державы, но мы теперь можемъ и должны все ею сдѣланное ко вреду Польши ниспровергнуть, въ томъ числѣ и эту грамоту, какъ противную религіи и вольности. Согласны ли всѣ на это?" Большая часть пословъ закричали: „согласны!" Король

слегка протестовалъ противъ такой рѣчи, но на его протестъ никто не обратилъ вниманія.

„Удивительное явленіе представляла въ это время Польша, говоритъ историкъ Соловьевъ. Народныя силы, казалось, пробуждались послѣ долгаго усыпленія, обнаруживалось необыкновенное единодушіе... но для чего? Для того-ли, чтобы установить лучшій порядокъ, освободиться отъ иностраннаго вліянія? Нѣтъ... для того, чтобы не сдѣлать ни малѣйшей уступки требованіямъ диссидентовъ, чтобы не признать никакихъ правъ за христіанами другихъ исповѣданій, кромѣ католическаго“ (С. Соловьевъ: „Исторія паденія Польши“, стр. 35). „Я не могу довольно изобразить, писалъ Рѣпнинъ, сколь заражена здѣшняя нація суевѣріемъ и фанатизмомъ“. Кромѣ фанатизма толпы, Рѣпнина приводило въ отчаяніе двоедушіе людей, руководившихъ толпою. Посолъ ясно видѣлъ, напр., что и прежній вѣрный секретарь его, примасъ Подоскій, близко сошелся съ еп. Солтыкомъ, съ Красинскимъ (епископомъ Каменецкимъ), маршаломъ Мнишкомъ, Потоцкимъ и др. Дѣйствуя, въ пользу національно-польскихъ интересовъ, эти вожаки-патріоты пріѣзжали, однако, къ Рѣпнину и нисколько не стѣснялись дѣлать разные доносы другъ на друга. Такой образъ поведенія согласовался съ ихъ этикой и защитой отечества отъ посягательства иностранцевъ. „Изволите видѣть, писалъ Рѣпнинъ, съ сколь честными людьми я дѣло имѣю и сколь пріятны должны быть мои обороты и поведеніе; истинно боюсь, чтобы самому, въ семъ ремеслѣ съ ними обращаясь, мошенникомъ, наконецъ, не сдѣлаться“. Но главнымъ мучителемъ посла былъ все тотъ же Солтыкъ. „Если хотимъ мы успѣха въ диссидентскомъ дѣлѣ на будущемъ сеймѣ, писалъ Рѣпнинъ, то необходимо надобно будетъ епископа краковскаго и подобныхъ фанатиковъ забрать подъ караулъ, а инакъ съ ними никакимъ образомъ не совладѣемъ“.

Но слѣдующаго сейма не пришлось ждать. Солтыкъ былъ арестованъ раньше.

Во вторникъ 2 октября у краковскаго епископа собралось провинціальное засѣданіе малой Польши. Въ своемъ домѣ хозяинъ не стѣсняясь высказывался противъ диссидентовъ

еще рѣзче, чѣмъ на сеймѣ. Солтыка поддержали своими рѣчами воевода краковскій—Венцлавъ Ржевускій и епископъ кіевскій—Залускій. Всѣ были согласны съ ораторами, кромѣ одного маркиза Волепольскаго, краковскаго земскаго посла, у котораго хватило смѣлости указать иную сторону дѣла—на обязательство предъ императрицей. Но его никто не слушалъ. По окончаніи засѣданія, Солтыкъ отправился ужинать къ маршалу Мнишку.—Рѣпнинъ далъ Игельстрому приказъ арестовать его на обратномъ пути. Такъ какъ Солтыкъ не поѣхалъ назадъ, а расположился ночевать у Мнишка, то полковнику Игельстрому ничего не оставалось, какъ войти въ домъ Мнишка и арестовалъ Солтыка. Затѣмъ онъ отправился къ Залускому, захватилъ его. Въ тоже время подполковникъ Штакельбергъ забралъ Ржеувскаго и сына его Северина, старосту долинскаго. Арестованные отправлены были подъ сильнымъ конвоемъ въ Вильну, гдѣ генералъ-поручику Нумерсу приказано было содержать ихъ въ довольствѣ. На просьбы делегатовъ объ освобожденіи арестованныхъ Рѣпнинъ отвѣчалъ: — „Арестованныхъ не выпущу, потому что они заслужили свою участь; я не отдаю никому отчета въ моихъ поступкахъ, кромѣ одной моей государыни, и если хотите, можете обратиться прямо къ ней съ своею просьбою. По всемилостивѣйшему обѣщанію ея императорскаго величества, преимущества и безопасность каждаго члена республики будутъ свято соблюдаемы, если вы, въ свою очередь, будете свято сохранять свои обязательства, заключающіяся въ послѣднихъ актахъ конфедераціи и въ грамотѣ, отправленной къ ея императорскому величеству съ посольствомъ всей сконфедерованной республики, если земскіе послы поступать будутъ въ силу данныхъ имъ отъ сеймиковъ инструкцій".

Назначенная затѣмъ для окончательнаго рѣшенія диссидентскаго дѣла, особая комиссія въ засѣданіи 19-го ноября 1767 года постановила: всѣ диссиденты шляхетскаго происхожденія уравняются съ католическою шляхтою на всѣхъ политическихъ правахъ; но королемъ можетъ быть только католикъ, и религія католическая остается господствующею. Бракъ между католиками и диссидентами дозволяется; изъ дѣтей, рожденныхъ отъ этихъ браковъ, сыновья остаются

въ религіи отца, дочери—въ религіи матери, если только въ брачномъ договорѣ не будетъ на этотъ счетъ особенныхъ условій. Всѣ церковныя распри между католиками и диссидентами рѣшаются смѣшаннымъ судомъ, состоящимъ на половину изъ католиковъ и на половину изъ диссидентовъ. Диссиденты могутъ строить новыя церкви и заводить школы; они имѣютъ свои консисторіи и созываютъ синоды для дѣлъ церковныхъ и т. п. Россія брала на себя охрану старыхъ польскихъ учрежденій и гарантировала цѣлость Польши. Сеймъ слѣдующаго 1768 года подтвердилъ безъ возраженій законы о некатоликахъ и о русской гарантіи. На немъ, кромѣ того, было рѣшено избавить крестьянъ отъ самовластнаго панскаго суда и подчинить ихъ общимъ судамъ; воспрещены были наѣзды пановъ одинъ противъ другого и т. п.

III.

Барская конфедерація. Затрудненія Россіи, вызванныя первой турецкой войной. Участіе въ положеніи Польши западныхъ государствъ, особенно Франціи. Пораженіе конфедератовъ.

Партія недовольныхъ вмѣшательствомъ русскихъ властей въ польскія дѣла во главѣ съ каменецкимъ епископомъ Красинскимъ, его братомъ Михаиломъ и Іосифомъ Пулавскимъ (адвокатомъ) съ тремя сыновьями, составили въ мартѣ 1768 г. въ Барѣ конфедерацію противъ сейма 1767 года, и рѣшили единодушно протестовать противъ дарованія правъ диссидентамъ и противъ русской гарантіи. Желая придать дѣлу возможно широкую огласку и перенести его какъ бы на международный судъ, они отправили делегацію въ Турцію, а самъ епископъ поѣхалъ въ Саксонію и въ Парижъ, гдѣ пытался возбудить среди французовъ сочувствіе къ судьбѣ своего отечества и умолялъ о дарованіи помощи „бѣдной“ Польшѣ. Барская конфедерація дала сильный толчокъ диссидентскому движенію. По образцу Барской, въ странѣ появилось много мелкихъ конфедерацій: въ Галиціи—подъ предводительствомъ Потоцкаго, въ Люблинѣ подъ предводительствомъ Рожевскаго и др. Война приняла партизанскій характеръ. Край пришелъ въ смятеніе. Торговля

остановилась. Мирное сообщеніе задерживалось. „Вербунки" въ войско конфедератовъ, вымогательства припасовъ и денегъ отягощали народъ, который, извѣрившись въ возможность порядка въ Польшѣ, съ меньшей охотой приставалъ къ конфедератамъ. Громкія слова за вѣру и свободу не производили теперь впечатлѣнія на массу. „Трудно было, говоритъ Соловьевъ,—подниматься за вѣру, полагаясь только на слова какого-нибудь монаха-фанатика, не видя, кто и какъ утѣсняетъ вѣру; трудно было подниматься за свободу, которою пользовались немногіе и пользовались для того, чтобы составлять конфедерацію то противъ одного, то противъ другого, приглашая на помощь чужія войска".

Современникъ польской неурядицы, историкъ Лелевель, видѣвшій съ своей точки зрѣнія въ Барской конфедераціи пробужденіе шляхты отъ прежней оцѣпенѣлости, все-таки долженъ былъ сознаться, что „народъ находился въ такомъ недужномъ состояніи, что, выходя изъ него, не могъ сразу возвратить себѣ прежнихъ своихъ силъ". Лелевель, а за нимъ и другіе историки не отрицаютъ того, что Барской конфедераціей Польша обострила свои отношенія къ Россіи. А это обстоятельство подготовило паденіе Польши.

Болѣе дальновидные поляки, видя все усиливающіяся безпорядки, вызываемые конфедераціями, рѣшили просить Екатерину, какъ ручательницу законности въ Польшѣ, принять мѣры къ подавленію Барской и возникшихъ по ея образцу конфедерацій. Екатерина поручила Рѣпнину разогнать конфедератовъ. Рѣпнинъ выполнилъ приказаніе по скольку русскимъ войскамъ приходилось открыто считаться съ конфедератами. Города, занятые ихъ войсками: Баръ, Бердичевъ, и другіе были отняты у нихъ. Но мелкія шайки конфедератовъ продолжали свое дѣло. Разсыпавшись по всей странѣ, они продолжали сѣять рознь между Россіей и Польшей, пользуясь для этого всякими средствами, не исключая насилій, воровства, грабежа... Они чувствовали себя тѣмъ болѣе свободно, что Венгрія и Силезія были недалеко, куда они во всякое время могли убѣжать, не опасаясь преслѣдованій... Генералитетъ конфедератовъ находился въ Венгріи, въ Еперіешѣ (Пряшевъ), а главная квартира—въ Тешенѣ. Во главѣ генералитета былъ гр. Пацъ.

Не обращая вниманія на пораженіе конфедератовъ, римско-католическое духовенство продолжало свою политику вѣроисповѣдной нетерпимости и стремилось во что бы то ни стало насадить унію въ русскихъ областяхъ. Станиславъ Понятовскій по этому поводу въ одномъ изъ частныхъ писемъ пишетъ такимъ образомъ: „Нѣсколько фанатиковъ стали грозить крестьянамъ нашей Украйны всевозможными дѣйствіями, если они не перестанутъ быть греками—неуніатами и не обратятся въ грековъ-уніатовъ, т. е. не перестанутъ объяснять Тройцу, какъ объясняютъ ее въ Петербургѣ, и не начнутъ объяснять ее по римскому способу. Судите, могутъ ли несчастные крестьяне тутъ понимать что нибудь? Но этого было достаточно, чтобы возмутить ихъ, а возстаніе этихъ людей—не шутка. Ихъ много, они вооружены и свирѣпы, когда возмутятся. Они теперь побиваютъ своихъ господъ съ женами и дѣтьми, католическихъ священниковъ и жидовъ. Уже тысячи человѣкъ побито. Бунтъ распространяется быстро, потому что фанатизмъ религіозный соединяется у нихъ съ жаждою воли. Фанатизмъ греческій и рабскій борется огнемъ и мечемъ противъ фанатизма католическаго и шляхетскаго. Вѣрно одно, что безъ барской конфедераціи этого новаго несчастья не было бы“. Дѣйствительно, на защиту православной народности литовско-польскихъ провинцій поднялось православное населеніе юго-западной Руси, подъ предводительствомъ Максима Желѣзняка, послушника Чигиринскаго матронинскаго монастыря и Гонты, уманскаго сотника, довольно образованнаго по тому времени человѣка.—Для воспламененія толпы по краю распространенъ былъ подложный манифестъ Екатерины II, призывавшій истреблять ксендзовъ, ляховъ и жидовъ. Желѣзнякъ и Гонта вызвали почти одновременно съ Барской конфедераціей огромное волненіе по всему краю, извѣстное въ исторіи подъ названіемъ „колівщины“ и „палівщины“. Въ Умани, имѣніи гр. Потоцкаго, произошла извѣстная уманская рѣзня. Усмирять народное возстаніе, согласно обязательству, должна была опять таки Россія. Сначала Рѣпнинъ, а потомъ Кречетниковъ подавили возстаніе.

Одно обстоятельство въ гайдамацкомъ возстаніи совершенно случайно осложнило положеніе дѣлъ. Гайдамацкій

начальникъ, Шило, преслѣдуя поляковъ до мѣстечка Балты, лежавшаго на тогдашней турецкой границѣ, увлекся и перешелъ за пограничную рѣчку, Кодыму, въ турецкія владѣнія... И такъ какъ турки стали защищать поляковъ, то Шило разбилъ турокъ, напалъ на татарское селеніе Галту и перебилъ скрывавшихся въ немъ поляковъ.

Напрасно Россія объясняла, что нападеніе на турецкія владѣнія сдѣлано не русскими войсками, а своевольными шайками гайдамаковъ, польскихъ подданныхъ. Турція заявила свое недовольство, зачѣмъ Россія вводитъ войска свои въ Польшу и распоряжается ея внутренними дѣлами, заключила въ Семибашенный замокъ русскаго посланника, Обрѣзкова, и объявила Россіи войну. Такъ началась первая турецкая война.

Война эта сильно поддержала конфедерацію и временно пріостановила дипломатическія успѣхи Россіи въ польскомъ вопросѣ. Король и окружавшіе его паны воспользовались раздѣленіемъ русскихъ войскъ, чтобы стать въ независимое отношеніе къ Россіи. Выжидая, какая сторона возьметъ верхъ, чтобы къ той и пристать, они совершенно отказались содѣйствовать Россіи въ успокоеніи Польши, въ подавленіи конфедераціи. Имъ казалось, что перемѣна военнаго счастья и заступничество западныхъ державъ за Польшу заставитъ русскую императрицу отказаться и отъ диссидентовъ и отъ гарантіи существующаго въ Польшѣ порядка. И дѣйствительно, Россія, подъ вліяніемъ военныхъ затрудненій, не прочь была пойти на компромиссъ въ дессидентскомъ вопросѣ. По крайней мѣрѣ кн. Волконскій давалъ понять панамъ, что Россія можетъ сдѣлать нѣкоторыя уступки относительно диссидентовъ, но только подъ условіемъ, если сами диссиденты обратятся къ ней и заявятъ желаніе отказаться отъ нѣкоторыхъ своихъ правъ... Екатерина отозвала даже энергичнаго и рѣзкаго Рѣпнина и назначила на его мѣсто мягкаго и слабохарактернаго кн. Волконскаго. Но король, руководимый патріотами, и конфедераты и слышать не хотѣли о какомъ-либо компромиссѣ. Не стыдясь выпрашивать денегъ у русскихъ пословъ, польскіе патріоты думали, что уже недалеко время, когда Россія безъ всякихъ компромиссовъ вынуждена будетъ отказаться отъ своихъ правъ

на Польшу. Все зависѣло отъ исхода первой турецкой войны.

Но война съ Турціей была удачна для Россіи. Она прославила русское оружіе блистательными побѣдами и открыла Россіи путь къ обладанію Чернымъ моремъ. Обстоятельства измѣнились. Заступничество Турціи надѣлало Польшѣ много хлопотъ и приблизило ее къ гибели. Даже турки замѣтили, что между конфедератами нѣтъ порядка, они стали обращаться съ ними презрительно. Турецкій визирь открыто смѣялся надъ поляками. „Знаете ли, говорилъ онъ своимъ пашамъ, что такое польская вольность? У нихъ въ томъ вольность состоитъ, чтобы не знать надъ собою никакого закона“. Недовольные Турціею конфедераты уходили въ Венгрію, а потомъ въ Силезію, подъ защиту Австріи, которая изъ-за демонстраціи противъ Россіи пріютила ихъ у себя, но на самомъ дѣлѣ имѣла въ виду воспользоваться землями распадавшейся Польши.

Только Франція хотѣла оказать конфедератамъ существенную помощь. Герцогъ Шуазель, первый министръ Людовика XV, призналъ конфедерацію, какъ законное учрежденіе, вызванное крайними обстоятельствами, въ которыхъ находилась Польша. Сочувствуя конфедератскому движенію, Шуазель согласился даже выдавать пенсіи вожакамъ конфедераціи. Въ 1768 г. онъ отправилъ къ конфедератамъ драгунскаго капитана Толеса съ значительною суммою денегъ. Познакомившись однако съ конфедератами поближе, Толесъ нашелъ, что на нихъ не стоитъ тратить французскихъ денегъ. Желая осторожно увѣдомить объ этомъ герцога Шаузеля, и боясь, чтобы письмо его не попалось въ руки полякамъ, Толесъ двусмысленно писалъ Шуазелю: „такъ какъ я ненашелъ въ этой странѣ ни одной лошади, достойной занять мѣсто въ конюшняхъ королевскихъ, то я возвращаюсь во Францію съ деньгами, которыхъ не хотѣлъ употреблять на покупку клячъ“. Въ 1771 году къ конфедератамъ былъ отправленъ Дюмурье, чтобы помочь имъ установить порядокъ въ ихъ военныхъ движеніяхъ. Дюмурье, очень наблюдательный и умный полководецъ оставилъ, между прочимъ, любопытныя записки, въ которыхъ ярко обрисовалъ бытъ и нравы тогдашней Польши. Въ об-

щемъ и на Дюмурье конфедераты произвели такое же невыгодное для себя впечатлѣніе, какъ и на Толеса. „Нравы вождей—азіатскіе, писалъ Дюмурье, изумительная роскошь, безумныя издержки, длинные обѣды, игры и пляски—вотъ ихъ занятія. Войско конфедератовъ простиралось отъ 16 до 17,000 человѣкъ; но войско это было подъ начальствомъ осьми или десяти независимыхъ вождей, несогласныхъ между собою, подозрѣвающихъ другъ друга, иногда дерущихся другъ съ другомъ и переманивающихъ другъ у друга солдатъ. Все это была кавалерія, состоявшая изъ шляхтичей, равныхъ между собою, безъ дисциплины, дурно вооруженныхъ, на худыхъ лошадяхъ; шлахта эта не могла сопротивляться не только линейнымъ русскимъ войскамъ, но даже и казакамъ. Ни одной крѣпости, ни одной пушки, ни одного пѣхотинца. Конфедераты грабили своихъ поляковъ, тиранили знатныхъ землевладѣльцевъ, били крестьянъ, завербованныхъ въ войско. Товарищи (шляхта) не соглашались стоять на часахъ, они посылали для этого крестьянъ, а сами играли и пили въ домахъ; офицеры въ это время играли и плясали въ сосѣднихъ замкахъ“. Начальники конфедераціи очень разочаровались въ Дюмурье, когда узнали, что онъ прибылъ въ Польшу безъ денегъ. Они ожидали найти у него неизсякаемый источникъ кредита, въ которомъ въ то время испытывали большую нужду. Дюмурье не безъ сарказма отвѣчалъ имъ, что, судя по ихъ образу жизни, они не нуждаются въ деньгахъ. Онъ далъ знать Шуазелю, чтобы тотъ пересталъ высылать пенсіи людямъ, совершенно не умѣющимъ цѣнить помощи Франціи и не понимающимъ положенія дѣла, къ которому призваны. Но способности и энергія, по замѣчанію Дюмурье, перешли въ Польшѣ отъ мужчинъ къ женщинамъ, которые занимались дѣлами въ то время, какъ мужчины вели женоподобную жизнь. „Правленіе въ Польшѣ чисто аристократическое, говоритъ Дюмурье, но у аристократіи нѣтъ народа, которымъ бы она управляла, ибо нельзя дать это имя милліонамъ рабовъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ; Польша представляетъ тѣло съ головами и желудками, но безъ рукъ и безъ ногъ; Польша походитъ на сахарную плантацію, и потому не можетъ сохранить независимости; завоеванныя части края

выиграли съ перемѣною властителей". Эти отзывы человѣка, который не имѣлъ никакой причины смотрѣть враждебно на Польшу, всего лучше объясняютъ намъ дальнѣйшую судьбу этой страны.

Любопытна характеристика Дюмурье нѣкоторыхъ вождей конфедераціи. По словамъ Дюмурье, Пацъ былъ человѣкъ преданный удовольствіямъ, очень любезный, но легкомысленный; болѣе смѣлый, чѣмъ храбрый, и болѣе честолюбивый, чѣмъ способный. За то онъ хвалитъ генеральнаго секретаря Богуша, который управлялъ всѣмъ. Пулавскій былъ храбрый и предпріимчивый молодой человѣкъ, но непостоянный, неумѣвшій остановиться ни на одномъ планѣ, невѣжда въ военномъ искусствѣ, но считавшій себя, однако, великимъ полководцемъ вслѣдствіе преувеличенныхъ похвалъ, которыми осыпали его соотечественники.

Тѣмъ не менѣе подъ руководствомъ опытнаго въ военномъ дѣлѣ Дюмурье дѣла конфедератовъ стали нѣсколько поправляться. Конфедераты захватили въ свои руки нѣкоторыя крѣпости и даже объявили короля Станислава-Августа измѣнникомъ, а тронъ его—вакантнымъ. При такихъ обстоятельствахъ, король тѣснѣе примкнулъ къ Россіи и далъ письменное обязательство дѣйствовать во всемъ согласно волѣ императрицы, никого не награждать, не наказывать безъ ея одобренія, не раздавать безъ ея согласія никакихъ должностей и вообще находиться у нея въ зависимости. Заручившись покорностью короля, новый русскій посланникъ Сальдернъ 20 іюня 1771 года издалъ грозную декларацію, въ которой объявилъ всѣхъ конфедератовъ разбойниками и объявлялъ, что впередъ русскія войска не будутъ считать ихъ военно-плѣнными и будутъ вѣшать взятыхъ въ плѣнъ. Въ то же время посланный противъ конфедератовъ Суворовъ послѣдовательно разбилъ ихъ войска подъ Ужендовымъ (въ апрѣлѣ 1771 г.), затѣмъ двинулся по направленію къ Волыни, гдѣ разбилъ партію Новицкаго, потомъ повернулъ въ противоположную сторону и подъ Ландскороною побѣдилъ самого Дюмурье и, наконецъ, около Замостья—Казиміра Пулавскаго, у котораго отнялъ всѣ орудія. Причиною этихъ пораженій было не столько отсутствіе у поляковъ храбрости и умѣнія жертвовать за свое отечество

сколько отсутствіе согласія и дисциплины. Дюмурье, видя невозможность дисциплинировать польскія войска и установить согласіе между ихъ вождями, оставилъ Польшу.

IV.

Конфедераты въ Литвѣ. Попытка захватить Станислава Понятовскаго. Политическое вмѣшательство въ дѣла Польши Россіи, Пруссіи и Австріи. Предварительные переговоры и первый раздѣлъ Польши.

Конфедератское движеніе захватило и Литву, гдѣ душою конфедератовъ былъ гетманъ литовскій Огинскій. Вначалѣ ему улыбнулось военное счастье. Онъ разбилъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько русскихъ отрядовъ. Суворовъ просилъ главнокомандующаго позволить ему итти на Огинскаго. Но главнокомандующій Веймарнъ, по своимъ особымъ соображеніямъ, не разрѣшалъ похода. Суворовъ не послушался своего начальника и съ тысячью человѣкъ бросился изъ Люблина на Огинскаго, увѣдомивъ Веймарна о своемъ походѣ коротенькою записочкою: „Пушки—впередъ... и Суворовъ—за ними“. Пройдя 200 верстъ въ теченіе четырехъ дней, онъ нагналъ Огинскаго за Слонимомъ въ Столовичахъ, ночью 11 сентября 1771 года. Огинскій, старый сибаритъ, покойно проводилъ время съ какой-то француженкою. При внезапной тревогѣ, онъ едва успѣлъ сѣсть на коня и убѣжать въ Кенигсбергъ. Его казна, имущество, гетманская булава достались русскимъ. Суворовъ былъ отданъ подъ судъ за непослушаніе, но императрица освободила его отъ отвѣтственности.

Терпя вездѣ чувствительныя неудачи, конфедераты рѣшились прибѣгнуть къ отчаянному средству: захватить въ свои руки короля, котораго объявили лишеннымъ короны. Выполнить это довольно смѣлое порученіе взялся нѣкто Стравинскій. Планъ былъ обдуманъ Стравинскимъ во всѣхъ подробностяхъ. Пулавскій долженъ былъ изъ Ченстохова приблизиться къ Варшавѣ и выманить оттуда русское войско для того, чтобы облегчить заговорщикамъ арестъ короля и принять плѣнника, когда заговорщикамъ удастся до-

быть его. Первое Стравинскому удалось: русскія войска дѣйствительно вышли, оставивъ въ городѣ только двѣсти человѣкъ. Подобравъ себѣ соотвѣтствующихъ товарищей: Луковскаго, Козьму Косинскаго и тридцать конфедератовъ, Стравинскій отправился въ Варшаву подъ видомъ мужиковъ, поставщиковъ сѣна въ доминиканскій монастырь. Ксендзы были съ ними за одно. Для плѣннаго короля за городомъ была приготовлена спеціальная карета. Темной ночью, съ 3-го на 4-е ноября король, проведя вечеръ у своего дяди, канцлера Чарторыжскаго и ничего не подозрѣвая, возвращался въ каретѣ. Его сопровождали: адъютантъ, два гайдука и нѣсколько человѣкъ придворной прислуги. Заговорщики условились притвориться русскими. На Медовой улицѣ, поровнявшись съ проѣзжавшей мимо королевской каретой, они дали нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ... Служители и спутники короля моментально разбѣжались. Громко разговаривая между собою по-русски, заговорщики вытащили короля изъ кареты за ноги, нанесли легкую рану саблею по головѣ и потащили по грязи. На вопросы испуганныхъ выстрѣлами обывателей, отворявшихъ окна и спрашивавшихъ, что случилось, заговорщики по-русски отвѣчали, что русскіе солдаты поймали бѣглаго и ведутъ. За городомъ Станислава-Августа посадили верхомъ на лошадь. Подъ Варшавою, въ Маримонтѣ, его конь упалъ въ ровъ и сломилъ себѣ ногу. Король завязъ въ грязи. Пока его вытаскивали и искали другую лошадь, большая часть заговорщиковъ успѣла уѣхать впередъ. Около короля остался только Косинскій съ шестью конфедератами. Они повезли короля дальше, но въ темнотѣ сбились съ дороги и попали въ болото. Такъ какъ имъ показалось, что идутъ дѣйствительные русскіе, то всѣ они разбѣжались, исключая Косинскаго. Король умолялъ Косинскаго спасти его. Косинскій тронулся просьбою короля, бросился къ его ногамъ и сталъ просить, чтобы ему даровали впослѣдствіи прощеніе. Король обѣщалъ. Косинскій провезъ короля на хуторъ къ какому-то нѣмцу. Оттуда дали знать въ Варшаву. За королемъ пріѣхала карета и доставила его обратно во дворецъ. Такъ кончилось похищеніе короля, напоминающее собою скорѣе забавный актъ комедіи, или анекдотъ, чѣмъ дѣйствитель-

ное событіе изъ жизни злополучнаго Станислава Понятовскаго.

Приключеніе съ королемъ сильно возмутило вѣнценосцевъ сосѣднихъ державъ. Императрица Марія-Терезія, король Фридрихъ II императрица Екатерина прислали Станиславу Августу свои дружескія поздравленія съ избавленіемъ отъ непріятностей. Вездѣ заговорили о неуваженіи польскаго народа къ высшей власти вообще. Станиславъ-Августъ съ этихъ поръ охладѣлъ къ католикамъ. При свиданіи съ папскимъ нунціемъ, онъ прямо сказалъ ему: „Вотъ—слѣдствія благословенія, которые вы дали Пулавскому“. Съ этого времени король еще болѣе почувствовалъ симпатіи къ Россіи, въ которой видѣлъ гарантію не только спокойствія государства, но и безопасности своей жизни.

Франція продолжала сочувствовать Польшѣ. Неудача миссіи Дюмурье не охладила желанія французскихъ правителей помочь единовѣрному государству. Послѣ Дюмурье въ Польшу было послано французское войско подъ предводительствомъ Віоменила, которому удалось хитростью овладѣть Краковомъ. Французы пробрались въ городъ черезъ подземную трубу, устроенную для стока нечистотъ. Неосторожный русскій комендантъ Штакельбергъ, тоже позволившій водить себя за носъ какой то полькѣ, былъ захваченъ врасплохъ. Но на выручку Штакельбергу двинулся Суворовъ, осадилъ Краковъ и заставилъ его сдаться. Конфедераты были окончательно обезсилены. „Послѣдней пѣснью шляхтской Рѣчи Посполитой, говоритъ Крашевскій, былъ гимнъ барскихъ конфедератовъ. Съ ними падала старая, католическая и рыцарская Польша, и на ея развалинахъ развѣвались уже новыя знамена“ (Kraszewski: „Polska w czasie trzech rozbiorow—1772—1799 г. Studya do historyi ducha i obyczaju“. Poznań. 1873—1875, стр. 17).

Насталъ очень удобный моментъ для политическаго вмѣшательства въ дѣла Польши, и Фридрихъ II подалъ мысль объ оторженіи отъ Польши нѣкоторыхъ воеводствъ.

Какъ опубликованный историческій матеріалъ (дипломатическая переписка дворовъ по раздѣламъ Польши), такъ

и специальныя изслѣдованія по вопросу о томъ, кому принадлежала инипіатива перваго раздѣла Польши, не оставляютъ въ настоящее время никакого сомнѣнія въ томъ, что дѣло было задумано Фридрихомъ II, которому однако нужно было пустить въ ходъ все свое политическое искусство, чтобы добиться желаннаго результата. Впрочемъ, и Фридрихъ II лишь приводилъ въ исполненіе намѣреніе, существовавшее еще у его предшественниковъ.—Мысль объ отдѣленіи отъ Рѣчи Посполитой части ея территоріи въ пользу Пруссіи внушалась чрезполосностью главнѣйшихъ составныхъ частей прусской монархіи. Прусскій король думалъ осуществить эту мысль въ союзѣ съ Россіей, которой и предлагалъ соотвѣтствующее вознагражденіе.—Это вознагражденіе вполнѣ согласовалось съ политикой „собиранія Руси“ русскихъ царей. Пріобрѣтеніе литовско-польскихъ областей было заключительнымъ актомъ этого собиранія. Для Россіи мысль о раздѣлахъ Польши все-таки не была столь привлекательной, какъ для Австріи и Пруссіи. Польша и безъ того все болѣе и болѣе подчинялась ея власти, и русская политика могла предвидѣть, что рано или поздно вся Польша соединится съ Россіею въ одно политическое тѣло. Но это ясно предвидѣлъ и дальновидный прусскій король, въ интересахъ котораго было во что бы то ни стало воспрепятствовать поглощенію Польши Россіей. Въ 1770 г. 3 сентября Фридрихъ II при свиданіи въ Нейштадѣ съ австрійскимъ императоромъ порѣшили, что ихъ собственная безопасность и равновѣсіе Европы требуютъ остановить чрезмѣрное расширеніе Россіи, которая уже наложила желѣзную руку на Польшу и замышляетъ въ то же время разрушить Турцію. Нерѣшительную Марію Терезію Фридрихъ II убѣждалъ всякими резонами согласиться на раздѣлъ Польши: „Велите посмотрѣть въ вашихъ архивахъ, совѣтовалъ онъ, между прочимъ, австрійскому посланнику, не найдется ли тамъ кое-какихъ притязаній на то или другое польское воеводство, которое могло бы вамъ пригодиться. Нужно воспользоваться случаемъ: я возьму свою долю, Россія — свою“ *). Не долго думая, прус-

*) Замѣчательно, что даже папа Климентъ XIII видѣлъ въ раздѣлѣ Польши актъ, необходимый для „интересовъ религіи“. Его святѣйшество

скій король занялъ прилегавшую къ Пруссіи Вармійскую область, а Австрія—герцогство Ципъ (которое еще въ 1412 г. подарено было Польшѣ Людовикомъ Венгерскимъ). Но Пруссія и Австрія прекрасно понимали, что безъ согласія Россіи, болѣе всѣхъ заинтересованной въ польскомъ вопросѣ, ихъ планы ничего не значатъ. Съ 1769 г. по осень 1772 г. русскій кабинетъ всячески отдѣлывался отъ настойчивыхъ проэктовъ Пруссіи, которые были сообщаемы съ разными видоизмѣненіями черезъ королевскаго брата, принца Генриха, и посланника при петербургскомъ дворѣ Сольмса. Принцъ Генрихъ засталъ Екатерину совершенно неподготовленной къ проекту раздѣла Польши. Екатерина долго колебалась. При рѣшительности ея характера, это колебаніе является очень знаменательнымъ. Оно указываетъ, что русская императрица не видала никакой необходимости въ раздѣлѣ и въ душѣ ему не сочувствовала. Въ сентябрѣ 1771 г. прусскій король сообщалъ Россіи, что Австрія рѣшительно приступаетъ къ союзу съ Турціею, что за Турцію—Франція, и поэтому, если Россія станетъ продолжать войну съ Турціею, то встрѣтится съ двумя стами тысячъ европейскихъ союзниковъ Турціи. Главнымъ мотивомъ союза Австріи съ Турціей были опасенія политическаго могущества Россіи, которая послѣ побѣдъ надъ Турціей продиктовала ей хотя не особенно выгодныя для себя, но чувствительныя для Австріи условія: уступку небольшого острова на Архипелагѣ для удобства торговли и признаніе независимости Крыма, Молдавіи и Валахіи. Съ послѣднимъ Австрія ни за что не хотѣла мириться.

Дѣйствительно, Австрія, не разрывая наружно-дружественныхъ отношеній къ Россіи, заключила тайный договоръ съ Турціею, по которому получила отъ послѣдней значительную сумму (22 милліона гульденовъ), часть Валахіи и выгодныя торговыя условія, но за то обѣщала содѣйствовать возвращенію земель, завоеванныхъ Россіею у Турціи. Россіи по-

писалъ Маріи Терезіи: „нападеніе на Польшу и ея раздѣленіе является не только политическимъ дѣломъ, но и въ интересахъ религіи; для духовныхъ пользъ костела совершенно необходимо, чтобы вѣнскій дворъ сколь возможно дальше распространилъ свое господство въ Польшѣ“.

неволѣ приходилось согласиться на предлагаемый обрѣзъ Польши, иначе ей предстояла въ перспективѣ или война съ нѣсколькими врагами разомъ, или заключеніе съ Турціею крайне невыгоднаго мира. Война съ Австріей изъ-за Турціи совершенно не входила въ планы Россіи. Конечно, это была бы совершенно неопасная война, если бы Россіи помогъ Фридрихъ II *). Но прусскій король вилялъ на всѣ стороны и во всякомъ случаѣ не намѣренъ былъ помогать Россіи безкорыстно. Онъ настаивалъ на своемъ проектѣ удалить международное столкновеніе къ общему согласію всѣхъ трехъ государствъ безъ войны, на счетъ Польши, которая, въ силу сложившихся обстоятельствъ, явилась страдающей стороной, не имѣвшей прямого отношенія къ счетамъ Россіи съ Турціей, Пруссіей и Австріей.—Нужно отдать справедливость дальновидности прусскаго короля. Его проектъ лучшимъ образомъ примирялъ желанія Австріи, Пруссіи, Турціи и (по необходимости) Россіи. Чувствительная императрица Марія-Терезія притворно вздыхала надъ судьбою бѣдной Польши и, какъ будто только послѣ долгаго упорства, исполнила настойчивое желаніе сына Іосифа и министра Кауница и дала свое согласіе. Прусскій король выдумывалъ всевозможныя причины для оправданія своего поступка: онъ объяснялъ полякамъ, будто польскіе короли овладѣли землями, принадлежавшими поморскимъ князьямъ, а онъ считалъ за собою право наслѣдства послѣ давно угасшихъ поморскихъ князей. Ему очень хотѣлось включить еще въ отнимаемыя владѣнія важнѣйшіе торговые города: Гданскъ (Данцигъ) и Торунь (Торнъ). Русскій министръ Панинъ, въ переговорахъ объ этомъ съ Сольмсомъ, упорно настоялъ оставить за Польшею эти города, на томъ основаніи, что отдача ихъ прусскому королю стѣснитъ и убьетъ польскую торговлю и приведетъ Польшу къ крайнему упадку и разо-

*) Любопытенъ отзывъ Фридриха II о Екатеринѣ II въ письмѣ къ австрійскому дипломату Кауницу: „Вы не знаете Русской Императрицы, она очень горда, очень честолюбива, тщеславна и потому сладить съ ней трудно; такъ какъ она—женщина, то съ нею нельзя говорить, какъ мы говоримъ съ министромъ, съ ней надобно поступать осторожно, чтобы не раздражать ея.

ренію. Россія заняла Бѣлоруссію, пространство, заключавшее 2,200 кв. миль и до полутора милліона жителей. Это была самая худшая часть всего Польскаго государства какъ по отношенію къ природнымъ достоинствамъ почвы, такъ и по отношенію къ обработкѣ и устройству. — Пруссія взяла восточную Пруссію, а Австрія—Галицію. Австріи достался самый лакомый кусокъ, заключавшій въ себѣ богатыя соляныя копи Бохніи и Велички и около 500 селъ. Этотъ первый раздѣлъ Польши нужно было еще утвердить на сеймѣ, какъ будто бы онъ былъ сдѣланъ по добровольному согласію поляковъ. Штакельбергъ, бывшій тогда русскимъ посланникомъ, легко это устроилъ. Большая часть пословъ была на жалованьи у державъ, задумавшихъ раздѣлъ. Нѣкоторые изъ пословъ получали по 300 и болѣе червонцевъ въ мѣсяцъ, а распорядителю сейма, или маршалку, Адаму Понинскому, назначено было 3000 червонцевъ въ мѣсяцъ. Сеймъ открылся въ 1773 г. въ видѣ конфедераціи и подписалъ всѣ условія раздѣла.

„Екатерина не могла не радоваться, говоритъ Соловьевъ, пріобрѣтенію Бѣлоруссіи; она не могла не понимать, что здѣсь сдѣлалось русское дѣло, что здѣсь была заслуга ея для Россіи, заслуга, которая вводила ее въ русскую исторію, въ самую суть этой исторіи, давала ей мѣсто въ значительномъ ряду собирателей русской земли; и нельзя не прибавить, что для нея это было очень важно къ сроку совершеннолѣтія ея сына. Но радость не могла быть полною; дѣло отзывалось горечью: здѣсь было блестящее завоеванье, собираніе русской земли—съ одной стороны, а съ другой—раздѣлъ. Нельзя было не чувствовать горечи при мысли, что двѣ сосѣднія державы, не участвовавшія нисколько въ борьбѣ, не потерявшія ни. одного изъ своихъ подданныхъ ни на Вислѣ, ни на Днѣстрѣ или Дунаѣ, даромъ взяли отъ Польши равныя съ Россіей доли, и при этомъ доля короля Прусскаго была гораздо важнѣе по выгодѣ положенія, по видамъ округленія, о которомъ такъ хлопотали всѣ государства; Пруссія безспорно не расширялась только, а усиливалась, пріобрѣтала еще большее значеніе; французскій министръ съ насмѣшкой указывалъ на это Россіи, и насмѣшку эту надобно было стерпѣть безотвѣтно. Фридрихъ прого-

ворился о правѣ Россіи и о своемъ и австрійскомъ безправіи...“ Эти мысли особенно развиты Костомаровымъ въ его „Послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой“, а также и у нѣкоторыхъ изъ польскихъ историковъ,—напр., Калинки— („Четырехлѣтній сеймъ“, „Послѣдніе годы царствованія Станислава Августа“ и др.). Когда раздѣлъ совершился, Сольмсъ въ Петербургѣ получилъ слѣдующее письмо отъ прусскаго принца Генриха: „Во всемъ этомъ дѣлѣ я не думалъ о собственныхъ выгодахъ. Когда дѣло идетъ о счастьѣ государствъ, не должно примѣшивать сюда частныхъ интересовъ. Я вмѣняю себѣ въ славу, что служилъ великой императрицѣ и былъ полезенъ королю и моему отечеству; это мнѣ льститъ гораздо болѣе, чѣмъ пріобрѣтеніе какой-нибудь области. Я имѣю право говорить, что пребываніе мое въ Петербургѣ ознаменовано началомъ сношеній, поведшихъ къ тѣснѣйшему союзу между королемъ и Россіей. Я имѣю доказательство болѣе, чѣмъ въ 20 собственноручныхъ письмахъ короля, что я поставилъ вопросъ, который повелъ къ соглашенію. Но я не требую за это вознагражденія; я ищу только славы, я признаюсь вамъ, что я буду счастливъ, получа эту славу изъ рукъ ея величества императрицы русской; желаніе мое исполнится, если она удостоитъ, по случаю принятія во владѣніе земель отъ Польши, почтить меня письмомъ, которое будетъ служить доказательствомъ, что я содѣйствовалъ этому великому дѣлу. Повторяю вамъ откровенно, что я буду смотрѣть на это письмо, какъ на величайшій монументъ моей славы“. Желаніе принца было исполнено, императрица написала ему: „По принятіи во владѣніе губерніи Бѣлорусской, считаю справедливымъ засвидѣтельствовать вашему королевскому высочеству, сколь чувствую себя обязанною за всѣ работы, употребляемыя имъ при совершеніи этого великаго дѣла, котораго ваше высочество можетъ считаться первымъ виновникомъ“ *). Вольтеръ въ свое время писалъ

---

*) Въ другомъ мѣстѣ императрица писала о принцѣ Генрихѣ, что онъ „тяжелъ, какъ свинцовая птица, но очень уменъ, а наружность такъ холодна, какъ крещенскіе морозы“.

Фридриху: „говорятъ, что раздѣлъ Польши—ваше дѣло, я этому охотно вѣрю, потому что это—геніальная вещь".

V.

Четырехлѣтній сеймъ и его постановленія.

Первый раздѣлъ, какъ громовой ударъ, пробудилъ польскую національность отъ ея оцѣпенѣнія. Пятнадцать лѣтъ, наступившихъ послѣ перваго раздѣла (1773—1788 г.), польскіе историки (Смитъ, Лелевель, Крашевскій и др.) считаютъ однимъ изъ наиболѣе счастливыхъ періодовъ польской исторіи. Въ частности, Смитъ, напр., убѣжденъ, что „первый раздѣлъ Польши былъ благопріятенъ для націи, ибо онъ извлекъ ее изъ ея летаргіи, чтобы призвать къ новой жизни". Для исторической параллели Смитъ указываетъ на примѣръ Германіи: „У нея Франція отняла лѣвый берегъ Рейна, но это обстоятельство послужило только къ паденію мелкодержавія и прогрессу страны". И съ Польшей было бы то же самое, если бы послѣ раздѣла нація дозволила вести себя мудрой политикѣ болѣе, нежели увлеченію страстей (Карѣевъ—„Паденіе Польши", стр. 138).

Екатерина II не прочь была содѣйствовать реформамъ въ Польшѣ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы государство это, не дѣлаясь само сильнымъ и потому оставаясь попрежнему въ русской опекѣ, могло тѣмъ не менѣе превратиться въ болѣе благоустроенную страну, чтобы этимъ устранить всѣ поводы для вмѣшательства другихъ сосѣдей. Но для Австріи и Пруссіи реформы въ Польшѣ были нежелательны. Фридрихъ II былъ принципіальнымъ врагомъ всякихъ реформъ, которыя вывели бы Рѣчь Посполитую изъ ея анархическаго состоянія. Анархія въ Польшѣ была очень кстати для усиленія Пруссіи.

„Съ 1775 г., по словамъ Крашевскаго, польское общество облагородилось, усилилась любовь къ отечеству, увеличилась готовность жертвовать; только, къ сожалѣнію, нравы не могли особенно измѣниться. Однако, когда нація ставитъ на своемъ алтарѣ идеалы и имъ поклоняется, это есть признакъ того, что она къ нимъ стремится. Не въ чело-

вѣческихъ силахъ перерожденіе общества въ одинъ день" (Kraszewski: „Polska w czasie trzech rozbiorow" II. 240).

Хотя Россія получила и худшую часть Польши по первому раздѣлу, но ея административный престижъ и моральная сила въ Польшѣ стояли высоко. Безъ согласія главнымъ образомъ Россіи поляки не могли сдѣлать ни одного шага въ своемъ государствѣ. Это обстоятельство возбудило зависть въ Австріи и особенно въ Пруссіи. Австрійскій и прусскій кабинеты рады были втянуть Россію въ какую угодно авантюру, только бы ослабить ея вліяніе въ Польшѣ. Случай скоро представился.

Въ 1787 г. Россія начала въ союзѣ съ Австріей вторую войну съ турками и въ первый годъ этой войны терпѣла неудачи, была въ довольно затруднительномъ положеніи. Дѣла союзника ея, австрійскаго императора, тоже шли неудачно. Пруссія, изъ вражды къ Австріи, стала выказывать явную непріязнь къ Россіи. Съ нею за одно дѣйствовала Англія. Шведскій король готовился къ походу въ Финляндію. При такихъ обстоятельствахъ Екатерина согласилась на предложенный Станиславомъ-Августомъ союзъ съ Польшею. За союзъ съ Россіей, кромѣ короля, стояли Щенсный Потоцкій, Браницкій, Ржевускій. Другіе вліятельные члены сейма и самъ маршалъ сейма, Малаховскій, на котораго Штакельбергъ сильно разсчитывалъ, оказались приверженцами Пруссіи. Но наиболѣе ревностнымъ пруссофиломъ былъ Игнатій Потоцкій. Во время предварительныхъ переговоровъ союзъ Станислава Понятовскаго съ Россіей могъ казаться легко осуществимымъ; но лишь только заикнулись о немъ на сеймѣ 1788 г. (такъ называемый „четырехлѣтній сеймъ" 1788 –1792 г.), союзъ встрѣтилъ такую оппозицію, что о немъ не могло быть и рѣчи. Пруссія очень искусно воспользовалась руссофобскимъ настроеніемъ сейма, чтобы склонить его на свою сторону. Опираясь на патріотическую партію, прусскій посланникъ представилъ посламъ ноту, въ которой объявилъ, что Польшѣ слѣдуетъ остерегаться вредныхъ для нея союзовъ съ Россіей. Съ своей стороны посланникъ предложилъ союзъ съ Пруссіей, гарантированный 40,000-ми войска въ случаѣ нападенія на Польшу Россіи.

Очень кстати заговорилъ онъ о самомъ больномъ для Польши вопросѣ—о необходимости внутреннихъ преобразованій, которыя должны быть проведены въ такомъ духѣ, чтобы совершенно ослабить въ государствѣ дѣйствіе законовъ 1773-го года, охраняемыхъ Россіей. Полякамъ казалось, что вся Европа будетъ противъ нихъ, если они примутъ русскія предложенія. Рѣшено было не расходиться, пока не устроится все, что могло бы служить къ обновленію и усиленію Польши.

По крупнымъ реформаторскимъ замысламъ, „четырехлѣтній" сеймъ предоставлялъ собою выдающееся явленіе. Онъ поражалъ прежде всего многолюдностью депутатовъ. Съ 1791 г. количество пословъ сейма было увеличено новымъ приливомъ депутатовъ. Всего участвовало на сеймѣ около 600 лицъ. Такого стеченія пословъ Варшава давно не видала. На четырехлѣтнемъ сеймѣ принималъ участіе, между прочимъ, польскій историкъ Нарушевичъ, открыто примкнувшій къ партіи реформъ. Хотя не всѣ послы принимали участіе въ засѣданіяхъ сейма, тѣмъ не менѣе общее возбужденіе и ревность къ общественнымъ дѣламъ были велики. Крашевскій по поводу четырехлѣтняго сейма замѣчаетъ, что онъ „измѣнилъ совершенно не только политическія отношенія страны, но почти и все общество. Правда, не могло оно избавиться отъ своего характера и легкомыслія, но мысли и стремленія, имъ овладѣвшія, повергались существенному измѣненію".

На сеймѣ поднятъ былъ вопросъ о перемѣнѣ конституціи или, лучше сказать, о такомъ ея устройствѣ, которымъ совершенно уничтожались бы всѣ рѣшенія сеймовъ 1773—1775 гг. Вотъ главнѣйшія положенія проекта новой конституціи. Главнымъ центральнымъ учрежденіемъ въ государствѣ признавался сеймъ, который дѣлился на 2 палаты (избы): сенаторскую и посольскую. Вся законодательная власть сосредоточивалась въ избѣ посольской; сенаторская—могла останавливать ея рѣшенія лишь до слѣдующаго сейма. Исполнительная власть находилась въ рукахъ короля и министровъ (стражи короля). Король безъ министровъ не могъ

ничего рѣшать. „Постоянный совѣтъ“ при королѣ уничтожался *).

Министры (стража) отвѣчали передъ сеймомъ. Король стоялъ внѣ отвѣтственности. Верховный судъ также принадлежалъ сейму. Сеймъ покровительствовалъ условіямъ, заключеннымъ панами съ крестьянами. Такія условія считались „непорушными“. Сеймъ объявлялся постояннымъ съ выборомъ пословъ на 2 года, и дѣла рѣшались на немъ большинствомъ голосовъ.—Королевская власть объявлена наслѣдственной. Поляки въ самомъ концѣ своего политическаго существованія убѣдились, что избраніе короля большею частью ведетъ за собою дурное царствованіе, а другое царствованіе въ свою очередь подготовляетъ ошибочное избраніе. Основнымъ закономъ служили также цѣлость и неприкосновенность польскихъ границъ. Прежнее право каждаго депутата своимъ несогласіемъ („liberum veto“) останавливать сеймовыя рѣшенія —уничтожалось разъ на всегда. Конфедераціи тоже уничтожались. Права шляхты и горожанъ оставались прежнія. Но на сеймикахъ могли участвовать лишь лица съ извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ. Состоятельнымъ горожанамъ открывалась возможность выхода въ шляхтичи. Купецъ, напр., заводившій фабрику или входившій въ какое-либо промышленное или торговое предпріятіе, пріобрѣтавшій земли, тѣмъ самымъ выходилъ изъ городского сословія и дѣлался шляхтичемъ.

Изъ реформъ частнаго характера слѣдуетъ отмѣтить дарованіе правъ мѣщанамъ. Во время этого сейма польскіе мѣщане энергично напоминали о своихъ правахъ. Около 140 городовъ прислали на сеймъ своихъ депутатовъ.—Была назначена особая комиссія для разработки проекта о правахъ мѣщанъ. Съ послѣднимъ проектомъ выступилъ ярый

---

*) „Постоянный совѣтъ“ („Rada przy boku j. k. m. nieustająca“), которому очень сочувствовали Чарторыжскіе и осуществленію котораго всѣми силами противился Фридрихъ II, былъ дѣломъ Штакельберга. Это было довольно непопулярное учрежденіе въ Польшѣ. Уставъ совѣта былъ редактированъ Древновскимъ, подчашимъ ломжинской земли, секретаремъ конференціи и сейма. По этому уставу, Станиславъ Понятовскій превращался въ простого предсѣдателя „рады“, члены которой были выборными.

приверженецъ старины—Сухоржевскій. Уполномоченные отъ городовъ получали право участвовать на сеймѣ. Мѣщане избавлялись отъ суда пановъ, могли покупать земли и становиться шляхтичами. Послѣ засѣданія, на которомъ состоялось это рѣшеніе, послы прямо изъ собранія отправились въ ратушу и записались въ мѣщанскія книги. На пирахъ купцы и ремесленники, въ знакъ общенія, сидѣли рядомъ съ дворянами.

Главнымъ составителемъ этой конституціи былъ Коллонтай. Его мнѣнія раздѣляли: маршалъ Малаховскій, Нѣмцевичъ, Хребтовичъ. Игнатій и Станиславъ Потоцкіе, Сапѣга, Солтыкъ и другіе. Король также объявилъ себя за новую конституцію. Его плѣняли теперь возглашаемыя патріотами слова: „Король—съ народомъ, народъ—съ королемъ". Кромѣ того, запутанный въ долгахъ, онъ надѣялся своей уступчивостью пріобрѣсти чрезъ сеймъ необходимыя суммы и пристроить своихъ родственниковъ.

Проектовъ на сеймѣ вообще было выработано очень много. Но для разсмотрѣнія ихъ и санкціи требовалось время. А поляки не привыкли вводить что-либо въ государственный механизмъ безъ споровъ. Патріоты все думали о преобразованіяхъ, горячо говорили: „сбросимъ оковы, забудемъ несогласія"; но большинство пословъ тянули дѣла, особенно когда приходилось поступиться какою-нибудь изъ привилегій шляхты. Въ преніяхъ по разнымъ вопросамъ безпрестанно отклонялись отъ дѣла, занимаясь посторонними предметами и большею частью мелочами. Такъ, напр., споръ о налогѣ шкурами, поднятый на томъ же четырехлѣтнемъ сеймѣ, продолжался цѣлыхъ двѣ недѣли. Налогъ къ тому же оказался совершенно неудачнымъ. Другія постановленія сейма также не удавались.

Четырехлѣтній сеймъ въ 1789 г. установилъ между прочимъ такъ называемое вѣчное пожертвованіе („ofiara wieczysta") рыцарскаго сословія, въ родѣ подоходнаго налога для увеличенія рессурсовъ государственной казны и для сформированія 100.000 корпуса національнаго войска. По статистическимъ даннымъ 1764—1766 г., т. е. первыхъ годовъ царствованія Станислава-Августа, по введеніи нѣ-

которыхъ финансовыхъ реформъ, бюджетъ Рѣчи Посполитой составлялъ около 13.000.000 злотыхъ. Послѣ перваго раздѣла, отнявшаго у Польши обширныя провинціи, доходы достигали уже 18.000.000 (1776—1777 г.), а чрезъ девять лѣтъ, въ 1787 г., они возросли еще на три милліона. Въ 1791 г., въ моментъ наибольшаго напряженія податныхъ силъ, общая сумма доходовъ доходила до 40.000.000 злотыхъ. Когда государство получало дохода 18.000.000 зл., количество войска въ Польшѣ равнялось 16.000 человѣкъ ($11^1/_2$ тысячъ давала Польша и $4^1/_2$—Литва. Карѣевъ—„Паденіе Польши", 368). Постановленіе четырехлѣтняго сейма о 100 тысячной арміи, конечно, не могло быть осуществлено по недостатку средствъ. Калинка винитъ въ этомъ шляхту и систему присяги, которая была положена въ основаніе показаній доходовъ и только вводила въ искушеніе людей, привыкшихъ ничего не платить. Вообще, шляхта старалась всѣми мѣрами уклониться отъ несенія тягостей въ пользу государственнаго бюджета. Сейму пришлось впослѣдствіи понизить цифру войска до 65,000, но и эта цифра была не по силамъ государства.

VI.

Конституція 3 мая. „Сукцессія". Значеніе конституціи. Сужденія о ней польскихъ и русскихъ историковъ.

Болѣе дальновидные послы хорошо знали на основаніи опытовъ предшествовавшихъ сеймовъ, что одни проекты и предположенія дѣла не составятъ. А между тѣмъ минута была критическая. Нужно было дѣйствовать рѣшительно и немедленно. Поэтому часть патріотовъ, составивъ заговоръ изъ 60 человѣкъ, рѣшились сразу покончить дѣло и ввести новую конституцію. Воспользовавшись разъѣздомъ пословъ по случаю пасхи и удержавъ въ Варшавѣ своихъ приверженцевъ, они внесли проектъ конституціи на сеймъ 3 мая 1791 г., когда послы еще не успѣли вернуться. Собралось ихъ всего лишь 157 человѣкъ. Въ залу засѣданія впущено было множество постороннихъ посѣтителей, особенно изъ мѣщанъ, которые, конечно, стояли за преобразованія. Засѣданія начались чтеніемъ депешъ отъ польскихъ посланни-

ковъ при разныхъ дворахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣщалось о заговорахъ противъ Польши, о тайныхъ намѣреніяхъ приступить къ новому ея раздѣлу и т. п. Такого рода извѣстія сильно электризовали пословъ. Въ сильной яркой рѣчи Кицинскій представилъ картину нежелательнаго русскаго вмѣшательства... Противъ конституціи высказывались Ожаровскій, Четвертынскій, Сухоржевскій; но патріоты кричали, не давали имъ говорить, прерывая ихъ рѣчь на каждомъ словѣ. Особенной запальчивостью отличался Сухоржевскій. Онъ привелъ въ собраніе своего шестилѣтняго сына и сказалъ, что предъ лицомъ пословъ убьетъ малютку, если только падетъ шляхетская свобода. Присутствующіе вырвали изъ его рукъ ребенка. Ему не давали говорить. Онъ бросался на полъ и, барахтаясь руками и ногами, ползъ къ торну, умоляя короля позволить ему продолжать рѣчь въ защиту шляхты и ея правъ.

Хорошо понимая, что наибольшее количество смутъ и несогласій происходило въ Польшѣ изъ-за избирательности королевскаго престола, патріотическая партія рѣшила назначить преемника Станиславу Понятовскому, не прибѣгая для этого къ шумному голосованію. Дополнительные послы (съ 1791 г.) и были выбраны именно съ цѣлью скорѣйшаго разрѣшенія вопроса о преемникѣ Станиславу Понятовскому. Рѣшено было предложить корону Фридриху Августу, саксонскому князю съ тѣмъ, чтобы послѣ него королемъ былъ его сынъ. Избраніемъ этого князя въ польскіе будущіе короли еще болѣе укрѣплялась связь между Польшей и Пруссіей. Хотя далеко не всѣ послы были согласны съ такимъ рѣшеніемъ вопроса о наслѣдованіи польскаго престола,— нѣкоторые прямо заявляли, что на предварительныхъ сеймикахъ вопросъ о сукцессіи не ставился,—тѣмъ не менѣе, чтобы предотвратить въ будущемъ возможность вмѣшательства иностранныхъ державъ въ вопросъ о престолонаслѣдіи, послы согласились съ намѣченнымъ выборомъ Фридриха-Августа, не обративъ вниманія даже на то обстоятельство, что саксонскій князь имѣлъ только дочь, и послѣ смерти князя польскій престолъ достался бы тому, кто будетъ избранъ ея мужемъ. А при такомъ условіи Польша все равно не избѣгала борьбы партій. По характерному вы-

раженію историка, это была доктринерская, не основанная ни на какихъ реальныхъ видахъ „погоня за наслѣдственною монархіей безъ монарха“ (Корзонъ). Такимъ образомъ, какъ говоритъ Корзонъ, „тріумфальное шествіе возрождающагося національнаго духа пословъ сейма продолжалось лишь до того момента, пока не коснулись избирательности престола, которая уже два вѣка казалась шляхтѣ необходимымъ условіемъ свободы. Это дѣло наслѣдственности трона стало трагическимъ узломъ въ критическій моментъ, когда долженъ былъ рѣшаться вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи или гибели Польши. Не нужно было предвидѣть, достаточно было смотрѣть и слушать вокругъ себя, чтобы понять, что существовавшая въ теченіе вѣковъ форма правленія найдетъ много защитниковъ, что нельзя будетъ безъ сильнаго потрясенія всего зданія вынуть камень, лежащій въ его основаніи. Сеймовое большинство не обратило вниманія на дѣлавшіеся въ этомъ смыслѣ протесты, но послѣдніе производили впечатлѣніе на головы, наполненныя предразсудками, закоснѣлостью, привычками золотой вольности и мечтами о сладкой жизни въ мирѣ, объ уваженіи къ Польшѣ, со стороны другихъ державъ за ея отвращеніе къ захватамъ. Выраженіе „сукцессія“ до глубины души возмущало консервативнаго шляхтича и, что хуже всего, пробуждало въ немъ ложное и преступное представленіе, что Польша безъ вольности уже не можетъ быть его отечествомъ“. По поводу „сукцессіи“ Калинка выражаетъ ту мысль, что сразу, насильственно ее не слѣдовало бы вводить. Прежде, говоритъ онъ, нужно было бы отвѣтить на вопросы: 1) желалъ ли наслѣдственности народъ такъ сильно, чтобы быть готовымъ въ случаѣ надобности защищать ее съ оружіемъ въ рукахъ? 2) приняла ли бы корону избранная династія? и 3) согласились ли бы на эту перемѣну сосѣди?... Отвѣты могли быть лишь отрицательные.

Тѣмъ не менѣе горячіе реформаторы, видѣвшіе въ быстрыхъ преобразованіяхъ единственное спасеніе Польши, настояли на „сукцессіи“. При всеобщихъ крикахъ: „виватъ конституція!“ —новое устройство было принято. Король присягнулъ ему и отправился съ послами въ костелъ. Изъ 157 пословъ до 69 были противниками конституціи 3 мая, но,

видя всеобщее увлеченіе, дали на нее свое согласіе. Изъ пословъ, пріѣхавшихъ потомъ, большинство тоже должны были примириться съ совершившимся фактомъ. Франція, Англія, Италія и др. западныя государства одобрили конституцію. Это обстоятельство особенно подбодрило поляковъ.

Патріоты шумно ознаменовали обновленіе государственнаго механизма большими празднествами и манифестаціями. „Это такое дѣло, восклицали поляки, котораго цѣлые вѣка дожидались". Всюду слышались, читались даже на дамскихъ лентахъ все тѣ же слова: „Король—съ народомъ, народъ—съ королемъ". Въ провинціи патріоты дѣйствовали всѣми средствами для популярности конституціи: усердно разъясняли смыслъ конституціи, пугали иностраннымъ нашествіемъ, увѣряли, что саксонскій князь согласился принять польскій престолъ послѣ Станислава, чѣмъ, казалось, обезпечивалась поддержка Германіи, возбуждали польскую гордость блескомъ совершеннаго дѣла и т. п. Во всѣхъ городахъ Польши произносились праздничныя рѣчи, шли пиршества...

По замѣчанію новѣйшаго историка Сореля („Европа и Французская революція"), „Польская революція имѣла ту рѣдкую особенность, что она вызывала одновременно удивленіе и сторонниковъ французской революціи и самаго непримиримаго изъ ея противниковъ. Это—самая прекрасная эпоха въ новой исторіи Польши", говоритъ Сорель о конституціи 3 мая. „Она исходила изъ духа, который царствовалъ во Франціи и который въ XVIII в. проносился по всей Европѣ". Она роднила Польшу съ Франціей и сразу измѣнила европейское общественное мнѣніе въ пользу поляковъ. Многіе изъ тогдашнихъ европейскихъ извѣстныхъ парламентскихъ дѣятелей (Беркъ, Фоксъ, Сійесъ, Вольней и др.) восхваляли конституцію и видѣли въ ней залогъ возрожденія Польши. Поляки смотрѣли на законодателей 3 мая, какъ на творцовъ своего новаго политическаго бытія, какъ на воскресителей своей независимости. По мнѣнію польскихъ историковъ, конституція 3 мая дала Польшѣ очень много: она создавала правительство, соединяла въ одно цѣлое правительственныя комиссіи, уничтожала конфедераціи, требо-

вала для сеймовыхъ рѣшеній санкціи сената... Нація въ постановленіяхъ конституціи сознавала свои прежнія ошибки. Самый переворотъ не стоилъ никому ни одной капли крови. По фигуральному выраженію Крашевскаго, эта конституція „клала на морщинистое лицо Рѣчи Посполитой новое, юношеское обличье". Гильфердингъ утверждаетъ, что „конституція 3 мая хотѣла искупить грѣхи старой Польши относительно народа открытіемъ широкаго доступа низшимъ классамъ въ шляхетское сословіе, постепеннымъ ушляхетненіемъ всего польскаго народа. Иначе быть не можетъ съ той точки зрѣнія, которая въ польскомъ шляхетствѣ полагаетъ идеалъ совершенства и высшую цѣль своего народа: это стремленіе ввести простой народъ въ шляхетскую сферу, проглядываетъ... во всѣхъ идеалахъ польскихъ либераловъ относительно будущей роли простого польскаго народа".

Нѣмецкіе историки, въ противоположность польскимъ, не желаютъ видѣть въ конституціи 3 мая почти никакихъ достоинствъ. „Чѣмъ была эта знаменитая конституція? спрашиваетъ, напр., Смитъ. Соотвѣтствовала ли она всѣмъ отъ нея требованіямъ? Далеко нѣтъ. Это было довольно безтолковое издѣліе („ein ziemlich konfuses machwerk"), безъ логики, полное противорѣчій, полное старопольскихъ предразсудковъ, мѣстами покрытое пестрыми заплатами изъ чужихъ конституцій, которыя должны были ее украсить, а въ сущности только выдавали, отъ какой матеріи ихъ отрѣзали". Она дѣйствительно устранила нѣкоторыя частныя злоупотребленія, но общій строй государства шелъ по старому".

Что касается русскихъ историковъ, то, не отрицая дѣйствительныхъ достоинствъ конституціи, они довольно обстоятельно выяснили ея отрицательныя стороны. Кояловичъ говоритъ, что „считать конституцію образцомъ совершенства могутъ только одни польскіе шляхтичи. Въ ней сразу бросается два капитальныхъ недостатка. Въ ней нѣтъ свободы совѣсти. Латинство въ ней признается такъ же фанатически господствующимъ, какъ въ старыя времена. Иновѣрцамъ дается только частная личная свобода въ предѣлахъ вѣротерпимости, очевидно въ подражаніе вѣротерпимости въ Россіи, но гораздо ўже ея, т. е. безъ равноправности въ государственной средѣ. Затѣмъ—въ ней нѣтъ свободы хлопству.

Допущено только облегченіе, напр., въ томъ, что хлопа нельзя было убить безнаказанно, какъ въ старыя времена. Но извѣстно, что это постановленіе сдѣлано было еще на радомскомъ сеймѣ и сдѣлано по настоянію представителя Россіи, князя Рѣпнина" („Чтенія по исторіи западной Россіи" Кояловича. 298). По словамъ Иловайскаго, конституція 3 мая „была послѣднею и самою значительною попыткою къ возрожденію со стороны умирающей Польши. Но въ жизни народа, такъ же какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка, законъ своевременности дѣйствуетъ одинаково. Сильное средство не спасаетъ больного организма, когда оно приходитъ слишкомъ поздно и когда организмъ уже не въ состояніи выдерживать борьбу съ неблагопріятными условіями. Въ подобномъ случаѣ возбужденіе обыкновенно ускоряетъ конецъ" („Гродненскій сеймъ" XVII стр.).

Пятнадцать лѣтъ отдыха и мира, данные Польшѣ судьбой послѣ перваго ея раздѣла, мало въ общемъ дали для внутренняго благоустройства государства. „Всѣ эти цвѣтки,— говоритъ Соловьевъ о преобразовательныхъ движеніяхъ Польши послѣ перваго ея раздѣла,—показавшіеся на поверхности почвы при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ, не были признаками возрожденія Польши". Преобразовательная дѣятельность Станислава-Августа только слегка коснулась поверхности; пораженное неизлѣчимою болѣзнью общественное тѣло способно было только къ судорожному предсмертному движенію, когда поднялся восточный вопросъ. „За скорое паденіе конституціи 3 мая ручался, по словамъ Соловьева, параличъ государственнаго и народнаго тѣла, которое нельзя было возбудить къ жизни никакими реформами, никакими восторженными приказами, портупеями и поясами" (Соловьевъ—„Исторія паденія Польши" 152, 154, 246).

И дѣйствительно, когда энтузіазмъ шляхты прошелъ, не замедлила обнаружиться оборотная сторона конституціи. Этого не отрицаютъ сами польскіе писатели. Слабымъ фактомъ конституціи 3 мая было то обстоятельство, говоритъ Калинка, что она „почти ничего не сдѣлала для крестьянъ. И вотъ государство, которое пожелало воспрянуть изъ паденія, которое признаетъ старыя свои ошибки и стремится исправить свое правленіе, не дѣлаетъ ничего для улучшенія

участи того класса, который сама же конституція 3-го мая называетъ самой полезной силой. Можно было бы сказать, что польская шляхта, спасая старину, имѣла въ мысляхъ не весь народъ, а самое себя". Поэтому крестьяне (хлопы) были совершенно равнодушны къ прогрессивнымъ начинаніямъ (позднія начинанія!) конституціи 3-го мая. Польское правительство, ничего не дѣлало, чтобы вывести народъ изъ этого равнодушія. Шляхта вовсе не думала поступаться своими привилегіями въ пользу крестьянъ. Крестьяне бѣгали отъ помѣщиковъ цѣлыми толпами. Несмотря на то, что мѣщанамъ даны на сеймѣ самосудъ и право голоса въ своихъ дѣлахъ, многіе города и мѣстечки управлялись богатыми панами и эти паны не признавали никакихъ постановленій сейма, направленныхъ къ ограниченію ихъ власти. Мѣщане, ссылаясь на вновь изданный законъ, протестовали, приносили жалобы, но дѣло кончалось тѣмъ, что, по просьбѣ пановъ, начальники военныхъ командъ расправлялись съ ними, какъ съ бунтовщиками. Многочисленныя жалобы и всеобщія смуты напугали сеймъ, и онъ издалъ приказаніе, чтобы горожане и крестьяне оставались покорными прежней власти. Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ практически уничтожались столь восторженно теоретически принятые законы. Иностранцы только дивились непостоянству поляковъ. Вольтеръ, находившійся въ перепискѣ съ главными дѣятелями перваго раздѣла Польши, въ своихъ письмахъ говоритъ о непостоянствѣ польской политики, а въ посланіи къ барскимъ конфедератамъ прямо замѣчаетъ, что сосѣди вступили въ Польшу по праву, которое позволяетъ входить въ домъ сосѣда, когда въ немъ—пожаръ.

VII.

Волненія въ Польшѣ и Литвѣ. Планы Пруссіи. Отношеніе Россіи къ конституціи 3 мая. Походы Коховскаго и Кречетникова. Пораженіе поляковъ. Тарговицкая конфедерація.

„Читая исторію польскаго правленія, говоритъ Жанъ-Жакъ Руссо, съ трудомъ понимаешь, какимъ образомъ столь странно устроенное государство могло просуществовать такъ

долго". Несмотря однако на несовершенства государственнаго правленія Польши, женевскій философъ совѣтуетъ полякамъ держаться своей конституціи. „Храбрые поляки,— восклицаетъ онъ,—остерегайтесь, какъ бы не испортить своего положенія изъ-за слишкомъ большого желанія блага. Думая о томъ, что вы можете пріобрѣсти, не забывайте того, что вы можете потерять. Исправьте, если возможно, злоупотребленія своей конституціи, но не презирайте ее, сдѣлавшую васъ тѣмъ, чѣмъ вы есть". Совѣтъ былъ напрасенъ. Поляки, считавшіеся съ безпорядками („Polska nierządem stoi") и привыкшіе легко относиться ко всякимъ реформамъ, въ данномъ случаѣ остались совершенно вѣрными своему національному характеру.

Въ то время, когда въ Варшавѣ шли конституціонныя торжества, въ разныхъ мѣстахъ государства вспыхивали уже новые бунты и мятежи. Масса разныхъ нелѣпыхъ слуховъ волновала невѣжественныя массы. Разнеслась молва, что русскіе въ Украинѣ привозятъ цѣлыя телѣги ножей, чтобы вооружить населеніе на новую рѣзню. Снова начались доносы и жестокія преслѣдованія. Доносили, напримѣръ, что хлопы въ молитвахъ поминаютъ царицу: оказалось, что то была не русская императрица, а царица небесная. Русскіе томились въ тюрьмахъ и съ радостью встрѣчали казнь, какъ избавленіе отъ мукъ. На Литвѣ подвергся преслѣдованію поставленный кіевскимъ митрополитомъ архіерей Садковскій. Его обвинили, между прочимъ, въ томъ, что онъ будто бы составлялъ тайныя собранія для присяги русской императрицѣ, схватили, привезли въ Варшаву и заключили въ тюрьму. Въ виду этихъ мнимыхъ волненій, поляки стали требовать, чтобы русскіе отряды были выведены изъ Польши. Къ этому особенно подстрекалъ поляковъ прусскій посолъ Люккезини.

Прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ II, наслѣдникъ Фридриха II-го, открыто высказалъ мысль, что ему нужны польскіе города Данцигъ и Торнъ съ ихъ округами, такъ какъ они вводили чрезполосицу въ земли, доставшіяся Пруссіи по первому раздѣлу. Чтобы принудить поляковъ къ уступкѣ этихъ городовъ, онъ наложилъ огромныя пошлины въ 12 проц. на суда, проходившія по Вислѣ, такъ что для поляковъ почти невозможна была заграничная торговля.

Теперь онъ обѣщалъ сбавить эти пошлины, если ему уступятъ Данцигъ и Торнъ, и предлагалъ полякамъ политическій и вмѣстѣ торговый союзъ. Вопросъ объ уступкѣ этихъ городовъ подымался на сеймѣ. Люккезини бился изо всѣхъ силъ, хлопоча объ интересахъ Пруссіи. „Если бы Данцигъ и Торнъ были прикованы къ небу, говорилъ король, то и тогда я добуду ихъ". Съ цѣлью пріобрѣтенія этихъ городовъ прусскій король сталъ подумывать о сближеніи съ Россіей. А поляки попрежнему легкомысленно вѣрили въ его безкорыстную дружбу.—Ихъ посланникъ въ Константинополѣ заключилъ отъ имени Польши и Пруссіи, не спрашивая даже согласія у послѣдней, тайный союзъ съ турками противъ русскихъ. А въ это самое время Люккезини, пріѣхавши въ столицу султана, уже хлопоталъ о примиреніи русскихъ съ турками, потому что лишь съ окончаніемъ турецкой войны можно было налечь на Польшу. Екатерина разсердилась, когда узнала о договорѣ поляковъ съ турками. Не совсѣмъ довольная Штакельбергомъ, она отозвала его изъ Польши и назначила въ Варшаву Булгакова, бывшаго прежде посланникомъ въ Турціи. Булгакову поручено было выжидать хода событій и понемногу составлять партію. На жалованье преданнымъ Россіи панамъ въ его распоряженіе было послано до 70000 червонцевъ.

По поводу конституціи 3 мая 1791 года Булгаковъ, въ роли какъ бы совершенно посторонняго зрителя, еще щедрѣе другихъ угощалъ польскихъ пановъ и ничѣмъ не высказывалъ своего неудовольствія. Поляки не спѣшили извѣщать Россію о новой конституціи и только въ концѣ 1791 г., черезъ восемь мѣсяцевъ по объявленіи конституціи, представили Булгакову офиціальное сообщеніе о совершившемся переворотѣ, выражая надежду, что русская императрица одобритъ его, какъ такое дѣло, которое обезпечиваетъ порядокъ въ Польшѣ. Булгаковъ замѣтилъ, что сообщеніе подано нѣсколько поздно, но объявилъ, что ничего не можетъ сказать, пока не получитъ указаній изъ Петербурга. Прошелъ мѣсяцъ, другой—отвѣта не было. Поляки уже начали тревожиться. Все еще питая надежду на прусскаго короля, они не разъ обращались къ Люккезини, который, прибывъ опять посломъ въ Варшаву, велъ себя по обыкно-

венію двусмысленно: то говорилъ, что прусскій король не обязанъ поддерживать конституціи 3-го мая, какъ введенную безъ его вѣдома, то совѣтовалъ полякамъ во всемъ положиться на прусскаго короля и продолжалъ возбуждать ихъ противъ Россіи. Между тѣмъ Россія, Пруссія и Австрія вели уже втихомолку переговоры о новомъ раздѣлѣ Польши. Но прежде нужно было уничтожить конституцію 3-го мая. Неблагодарный трудъ устраненія этой конституціи взяла на себя Екатерина при содѣйствіи Щенснаго Потоцкаго, Ржевускаго и нѣкоторыхъ другухъ магнатовъ, которые, будучи недовольны новыми порядками, удалились на время въ Вѣну и тамъ стали замышлять противъ конституціи.

Изъ русскихъ политиковъ новыми порядками въ Польшѣ особенно интересовался Потемкинъ — извѣстный дипломатъ, устроитель Новороссіи и Тавриды, пользовавшійся большимъ расположеніемъ императрицы. — Онъ не скрывалъ своего намѣренія присоединить къ Россіи Волынь и Подолію. Для борьбы съ королемъ и его новыми приверженцами онъ указывалъ на испытанное уже средство—на конфедерацію. Потемкину не суждено было, впрочемъ, видѣть плодовъ своей дипломатіи. Онъ умеръ въ 1792 г. Послѣ его смерти, когда миръ съ турками послѣ второй войны былъ окончательно обезпеченъ, императрица привела въ исполненіе планы Потемкина. Екатерина хорошо понимала, что согласіе въ Польшѣ продержится недолго и что тамъ обязательно явится партія недовольныхъ, которая по обыкновенію обратится къ ней за помощью. „Партія (въ Польшѣ) сыщется всегда, какъ нужно будетъ“,—говорила Екатерина о польскихъ дѣлахъ. Дальнѣйшія обстоятельства дѣйствительно оправдали ея слова. Въ 1792 году польскіе магнаты—Потоцкій и Ржевускій, „движимые местью и необузданнымъ честолюбіемъ“, какъ говоритъ Крашевскій, явились въ Петербургъ, ничего не зная о предполагаемомъ раздѣлѣ. Къ нимъ присоединился и Браницкій, который, будто бы по случаю смерти Потемкина, выпросился въ отпускъ изъ Варшавы, давъ королю клятву сохранять вѣрность конституціи 3-го мая. Въ Петербургѣ магнаты условились составить конфедерацію, а Екатерина обязывалась для поддержанія конфедератовъ снова двинуть войска въ

польскіе предѣлы *). Хотя до Варшавы скоро дошли слухи о новомъ заговорѣ, замышляемомъ въ Петербургѣ, но поляки, надѣясь на прусскаго короля, не безпокоились. Ихъ ждало большое разочарованіе. Когда патріотическая партія пожелала наконецъ опредѣленно узнать объ отношеніи Пруссіи къ Польшѣ, польскому послу прямо объявили въ Берлинѣ, что прусскій король не обязанъ защищать конституцію 3-го мая. Саксонскій князь, выбранный преемникомъ Станиславу, тоже далъ сейму знать, что онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ принять польскаго престола, безъ согласія сосѣднихъ державъ, и, въ случаѣ принятія, требовалъ измѣненій нѣкоторыхъ пунктовъ въ конституціи, съ которыми былъ несогласенъ: онъ желалъ, напримѣръ, чтобы войско вполнѣ отъ него одного зависѣло, а не отъ сейма и т. п.

Наступило 3 мая 1793 года. Польскіе патріоты шумно отпраздновали годовщину новой конституціи, а чрезъ двѣ недѣли Булгаковъ, наконецъ, подалъ сейму декларацію, то есть отвѣтъ на бумагу, въ которой сеймъ извѣщалъ русское правительство о конституціи 3 мая. Въ декларацiи говорилось, что новый сеймъ во зло употребилъ довѣріе шляхты, устроивъ монархическое правленіе ко вреду старой польской свободы. При этомъ исчислялись вины противъ Россіи: нарушеніе прежней гарантіи, притѣсненія православныхъ, оскорбительныя выраженія, какія произносились противъ русскихъ на сеймѣ, тайный союзъ съ Турціей и проч. Въ заключеніе было сказано, что императрица склонилась на просьбу многихъ благомыслящихъ поляковъ и рѣшилась подать имъ помощь для возстановленія старинныхъ поль-

---

*) Въ 1772 г. 8 дек. императрица Екатерина издала указъ на имя генерала Кречетникова, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Вы всемѣрно стараться будете, чтобы со вступленіемъ новыхъ областей подъ скипетръ нашъ, пресѣклись въ оныхъ всякія злоупотребленія, несправедливости, угнетенія, разбои, смертоубійства и тому подобные безпорядки, а въ изслѣдованіи дѣлъ мерзкія пытки, обвиняющія виноватаго, какъ и невиннаго, и всякія суровыя казни. Однимъ словомъ, мы желаемъ, чтобы сіи области не токмо силою оружія были намъ покорены, но чтобы вы людей, въ оныхъ живущихъ, добрымъ, порядочнымъ, правосуднымъ, снисходительнымъ, кроткимъ и человѣколюбивымъ управленіемъ Россійской имперіи присвоили, дабы они сами причину имѣли почитать отторженіе свое отъ анархіи республики польской за первый шагъ къ ихъ благоденствію“.

скихъ учрежденій; поэтому и надѣется, что всѣ, кому дорого спокойствіе отечества, присоединятся къ ихъ партіи. Декларація произвела сильное впечатлѣніе. Полякамъ больше ничего не оставалось, какъ вооружаться противъ Россіи. Король вмѣстѣ съ патріотами обратились съ просьбою о помощи къ Пруссіи, Саксоніи, Австріи. Пруссіи больше вилять нельзя было—она отказала въ помощи. Австрія и Саксонія не позволила привозить въ Польшу оружіе изъ своихъ предѣловъ. Оставленные всѣми, поляки стали готовиться къ войнѣ одни. Въ критическую минуту ими овладѣло сильное патріотическое воодушевленіе. Богачи не жалѣли пожертвованій. Бѣдные жертвовали, кто что могъ. Охотники и воинскія команды, бывшія у разныхъ пановъ, вошли въ національныя ополченія. Но народъ, издавна деморализованный неопредѣленной политикой, былъ равнодушенъ къ воинскому пылу. Ему да беземельной шляхтѣ было все равно, отъ кого ни зависѣть. Охотниковъ не успѣли обучить. Войско было плохо одѣто и вооружено. Мѣстами недоставало даже пороху, не говоря про другіе военные запасы. Въ литовскомъ войскѣ, которое должно было оберегать Польшу со стороны русской границы, считалось всего 10,000 человѣкъ съ десятью пушками. Только теперь патріоты задумали строить въ Вильнѣ новый литейный заводъ и выписывать пушки изъ Англіи. Исключая Костюшки, у поляковъ не было ни одного порядочнаго военачальника. При такихъ обстоятельствахъ часть русскаго войска въ количествѣ 64.000 двинулась изъ Бессарабіи въ южные передѣлы Польши подъ начальствомъ Коховскаго, а другая часть въ количествѣ до 32000 подъ начальствомъ Кречетникова—въ Литву. Кромѣ военныхъ задачъ на русскихъ войскахъ лежала еще обязанность устраивать въ разныхъ городахъ частныя конфедераціи, которыя потомъ слились бы въ одну подъ начальствомъ главной или генеральной конфедераціи. Главная конфедерація въ первый разъ устроилась въ мѣстечкѣ Тарговицѣ, въ нынѣшней Подольской губерніи, отчего и извѣстна подъ именемъ Тарговицкой конфедераціи. При Потоцкомъ находились Браницкій и Ржевускій. Двигаясь за русскими войсками внутрь страны и устраивая частныя конфедераціи въ главныхъ городахъ, тарговичане въ тоже

время разсылали по всей Польшѣ постановленія, согласно которымъ всѣ прежніе суды и присутственныя мѣста уничтожались. Признавался лишь судъ конфедераціи и властей, отъ нея постановленныхъ. Требовалось, чтобы всѣ подати и пожертвованія отнынѣ вносились въ казну конфедераціи, чтобы всѣ лица, не желавшія терять своихъ имѣній, въ двухмѣсячный срокъ присягали на вѣрность и проч.

Характерно, что нація, незадолго передъ тѣмъ преданная конституціи 3 мая, охотно примкнула къ Тарговицкой конфедераціи, направленной противъ этой конституціи. Четырехлѣтній сеймъ обвиняли въ установленіи въ Польшѣ деспотизма и называли его „варшавскимъ заговоромъ“— („spisek warszawski“). Конституція 3 мая была отмѣнена не горстью честолюбивцевъ, какъ это утверждается нѣкоторыми польскими историками, а чуть ли не всей націей, такъ какъ подавляющее большинство польской шляхты было противъ реформъ. Несогласіе державъ на реформы въ данномъ случаѣ опиралось на несогласіе польскаго шляхетства.

Противъ Коховскаго поляки могли выставить армію числомъ около 40000 человѣкъ, подъ главнымъ начальствомъ племянника короля, Іосифа Понятовскаго. Изъ второстепенныхъ ея начальниковъ видное мѣсто занималъ Костюшко *). Товарищи Костюшки по оружію были ничтожные люди. Они только ссорились между собою и съ Понятовскимъ. Самъ Іосифъ Понятовскій принималъ на себя видъ строгаго, взыскательнаго военачальника, но не умѣлъ толково распоряжаться. По польскому обычаю, въ его лагерѣ шли шумные пиры съ картежной игрою.

*) Сынъ небогатаго шляхтича, онъ въ числѣ первыхъ кончилъ курсъ наукъ въ корпусѣ Чарторыжскаго въ Варшавѣ и, для довершенія образованія, отправленъ былъ на казенный счетъ во Францію, гдѣ и усвоилъ себѣ новые взгляды энциклопедистовъ. Ему тѣмъ легче было проникнуться сочувствіемъ къ народу, что въ юности онъ самъ видѣлъ жестокости пановъ, страшное украинское возмущеніе и послѣдовавшія затѣмъ казни. Возвратившись въ Польшу, онъ долженъ былъ вести жалкую жизнь при дворѣ одного богатаго пана, полюбилъ его дочь и имѣлъ случай испытать на себѣ всю силу польскаго тщеславія. Когда любившая его дѣвушка предпочла ему знатнаго жениха, огорченный Костюшко оставилъ Польшу и отправился въ Америку сражаться противъ англичанъ за независимость Сѣверо-американскихъ штатовъ. Онъ отличился въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, за что получилъ орденъ Цинцината и вернулся въ Польшу защищать ея независимость.

Къ войску ждали и короля, которому сеймъ поручилъ всѣ военныя распоряженія. Станиславъ однако не только не пріѣзжалъ, но напротивъ безпрестанно посылалъ совѣты Понятовскому избѣгать сраженій съ русскими. Но поляки и безъ того не могли утвердиться ни въ одномъ укрѣпленномъ мѣстѣ, вслѣдствіе нераспорядительности своихъ предводителей. Ихъ войска потерпѣли рядъ пораженій при Полонномъ, при Дубенкѣ и др. Почти безъ сопротивленія были заняты: Вильна, Минскъ, Гродна, Брестъ, Несвижъ и др. Православное населеніе завоевываемыхъ областей сочувствовало русскимъ. Паны въ страхѣ тысячами присоединились къ конфедераціи, утѣшая себя тѣмъ, что они дѣйствуютъ по принужденію и, слѣдовательно, оправданы въ глазахъ отечества.

Въ Варшавѣ король волновался, метался, не зная, что дѣлать. Іосифъ Понятовскій совѣтовалъ ему продолжать войну, а если онъ боится гнѣва Екатерины, то предлагалъ ему дозволить себя похитить: его будутъ держать въ войскѣ, какъ будто по принужденію. Патріоты совѣтовали ему въ крайности совершенно уѣхать изъ Польши. Онъ ни на что не рѣшался. При такихъ обстоятельствахъ патріотическая партія соглашалась на союзъ съ Россіей и готова была принять отъ Екатерины всякое правленіе, только бы она не отдавала ихъ на жертву конфедератамъ. Обманувшись въ прусскомъ королѣ, патріоты теперь пылали къ нему крайнимъ негодованіемъ и уже мечтали отомстить ему съ помощью русскихъ. Король писалъ Екатеринѣ письма оправдывая себя всѣми способами и дѣлая предложенія о союзѣ, о томъ, чтобы наслѣдникомъ польскаго престола былъ великій князь Константинъ Павловичъ. Отвѣтъ Екатерины былъ ясенъ и кратокъ. Она требовала признанія конфедераціи и подчиненія ей короля. Нечего было дѣлать: король собралъ совѣтъ. Большинствомъ восьми голосовъ противъ пяти рѣшено покориться. Польское войско было распущено, всѣ генералы должны были выйти въ отставку. Конфедераты образовали новое, преданное имъ войско, уменьшивъ его число. Маршалъ Малаховскій, Сапѣга, Игнатій Потоцкій уѣхали въ Дрезденъ. Вслѣдъ за ними туда же скоро отправились Коллонтай и Костюшко.

Тарговицкіе конфедераты забрали всю власть въ свои руки. Населеніе и большинство пановъ спокойно ждали развязки событій. Разныя темныя личности: шулера, казнокрады, выгнанные изъ службы подъячіе, спѣшили пристать къ конфедераціи, чѣмъ надѣялись избѣгнуть отвѣтственности за свои проступки. Сиверсъ, бывшій послѣ Булгакова посломъ въ Польшѣ, говоритъ, что конфедерація вначалѣ принесла пользу Россіи, но потомъ много ей повредила жестокими насиліями и неправдами, которыя приписывали русскимъ. Ея предводители, исключая Щеснаго Потоцкаго, думали только о личныхъ выгодахъ. Безхарактерный король уже мирился съ конфедератами. По поводу пребыванія ихъ въ Брестъ-Литовскѣ, онъ сказалъ: „Жаль, тамъ мѣсто такое нездоровое..“ Послѣ того, какъ король присталъ къ тарговицкой конфедераціи, масса военныхъ польскихъ начальниковъ покинули польскую службу и уходили заграницу. Щесный Потоцкій обращался съ королемъ очень высокомѣрно, дѣлалъ ему нотаціи. какъ школьнику, за прежнюю преданность патріотамъ. Отъ него требовали, чтобы приставая къ конфедераціи, онъ осудилъ, какъ измѣнниковъ, прежнихъ своихъ друзей. Король плакалъ, доходя чуть не до помѣшательства. Доводилось королю и раньше терять свое достоинство, но никогда еще ему не приходилось терпѣть столько униженій. Возстановляя старые порядки, конфедераты предписывали строгое исполненіе религіозныхъ обрядовъ, запрещали музыку въ постъ и проч. Этимъ они однако дали отличное орудіе сосѣднимъ державамъ для оправданія второго раздѣла Польши. Прусскій король, вводя въ нее войска свои, объявлялъ, что ему нужно позаботиться о безопасности своихъ владѣній, „такъ какъ вся Польша отравлена якобинскимъ ядомъ“.

Хотя успѣхъ Тарговицкой конфедераціи польскіе историки и объясняютъ непатріотичнымъ поведеніемъ польскихъ военачальниковъ, покидавшихъ службу и даже оставлявшихъ отечество послѣ „акцесса“ короля къ Тарговицкой конфедераціи, тѣмъ не менѣе едва ли подлежитъ сомнѣнію, что эта конфедерація примирила населеніе Польши съ безспорнымъ фактомъ русскаго безапелляціоннаго господства въ краѣ и облегчила поэтому русскимъ войскамъ за-

пятіе Варшавы. Послѣ того, какъ Тарговицкая конфедерація выполнила свою задачу, Екатеринѣ ничего не стоило ее уничтожить. Поводовъ для этого можно было найти много. Императрица заявила предводителямъ конфедераціи, что она „думала войти въ Польшу къ готовой конфедераціи, но вмѣсто того русскія войска дошли до Варшавы и конфедерацію открыли за спиною арміи. Сами они не сдержали слова". Упрекъ былъ справедливъ. Конфедераты должны были распустить свои войска (въ 1793 г.). „Трудно сказать, говоритъ Костомаровъ, какая изъ конфедерацій была законнѣе, —тарговицкая или та, которая произвела реформы въ Варшавѣ (т. е. 3 мая). Впослѣдствіи исторія заклеймила первую позоромъ, какъ главную виновницу послѣдовавшаго вслѣдъ за нею паденія Польши, но, правду сказать, она невиновнѣе въ этомъ прежней конфедераціи, создавшей конституцію 3 мая. Нельзя ставить исключительно въ вину тарговичанамъ, что они обратились къ сосѣдямъ: противники ихъ тоже дѣлали. Да если бы конституція (3 мая) и восторжествовала надъ оппозиціею и старымъ порядкомъ, то все-таки неизбѣжно было впослѣдствіи возстаніе крестьянъ, борьба нешляхты со шляхтою и слѣдовательно внутреннее междоусобіе... Внутренними усобицами воспользовались бы внѣшнія силы". Польша находилась тогда какъ бы въ заколдованномъ кругу, изъ котораго не было выхода. Выходъ возможенъ былъ бы въ томъ случаѣ, если бы Польша, какъ пишетъ Костомаровъ, „не имѣла вовсе сосѣдей, помѣщалась бы на какомъ-нибудь островѣ, отдѣлялась отъ другихъ государствъ горами и степями" („Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой", II. 116).

VIII.

Попытки Австріи въ союзѣ съ Пруссіей остановить революціонное движеніе во Франціи. Второй раздѣлъ Польши. Гродненскій сеймъ.

Прусскій король понялъ, что именно теперь настало самое удобное время осуществить свои давнившіе планы на счетъ Данцига и Торуня, уступки которыхъ отъ Польши онъ безплодно добивился дипломатическимъ путемъ. Если при первомъ раздѣлѣ Польши ему на-руку была турецкая война,

то теперь очень кстати пришлось революціонное движеніе во Франціи, подавить которое взялась Австрія. Какъ разъ въ это именно время волны французской революціонной бури рвались въ Германію съ запада, и она еле-еле была въ состояніи защищать себя отъ нихъ. Прусскіе политики хорошо понимали, что могло бы выйти изъ ихъ государства, если бы волны польской бури, все болѣе и болѣе поднимаясь, одновременно хлынули въ Германію и съ востока. Пруссіи предстояла перспектива быть раздавленной своими сосѣдями. Понятно, почему прусскій король предпочиталъ давить другихъ, чѣмъ самому быть раздавленнымъ. Не безъ основаній онъ принялъ участіе въ подавленіи революціоннаго движенія во Франціи: какъ союзникъ въ этой войнѣ Австріи, онъ добивался за труды и издержки вознагражденія за счетъ Польши.

На французовъ тогда составился взглядъ, какъ на очень легкомысленную націю. Представлялось, что Франція, по творившимся тогда въ ней безпорядкамъ, представляла собою нѣчто въ родѣ Польши, и что побѣдить французовъ вообще ничего не стоитъ. Французскіе эмигранты увѣряли прусаковъ и австрійцевъ, что какъ только они вступятъ во Францію, къ нимъ присоединится сильное войско изъ недовольныхъ, что вся Франція приметъ союзниковъ, какъ освободителей, что народъ недоволенъ переворотомъ и въ душѣ остается вѣрнымъ прежнему порядку, готовъ умирать за своихъ королей и за свое дворянство. Ходили слухи, что между французскими прогрессистами большія несогласія; слѣдовательно, успѣхъ коалиціи, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію. 25-го іюля опубликованъ былъ грозный манифестъ къ французамъ съ подписью предводителя прусскихъ войскъ Фердинанда, герцога брауншвейгскаго, по которому французамъ обѣщались разныя милости австрійскаго императора и прусскаго короля, если они будутъ покорными подданными своего государя. Въ случаѣ же, если французы окажутъ малѣйшее оскорбленіе или стѣсненіе своему королю, его фамиліи и тюльерійскому двору, союзники грозили произвести надъ Парижемъ такую примѣрную экзекуцію и такъ перевернуть въ немъ все вверхъ дномъ, что французы всегда будутъ помнить...

Грозный манифестъ однако нисколько не испугалъ французовъ. Онъ только побудилъ ихъ скорѣе кончить съ монархіею, которая и безъ того была на волоскѣ. 10-го августа 1795 г. былъ низложенъ король и объявлена республика; 2-го сентября въ парижскихъ тюрьмахъ были умерщвлены друзья стараго порядка, а 20 того же мѣсяца французы показали пруссакамъ обратную дорогу изъ Франціи. Послѣ безполезной канонады при Вальми, прусскія войска отступили назадъ въ чрезвычайномъ разстройствѣ, страдая отъ проливныхъ дождей и отъ смертельнаго поноса. Послѣ этого союзными державами устроено было въ Люксенбургѣ совѣщаніе о томъ, что дѣлать далѣе. Со стороны Пруссіи были бывшій въ Вѣнѣ посланникомъ Гаутвицъ и Люккезини, со стороны Австріи—баронъ Шпильманъ и князь Рессъ. Представителемъ Россіи былъ посланникъ при прусскомъ дворѣ—Алопеусъ. Баронъ Бретейлъ представлялъ лицо Людовика XVI, тогда уже сидѣвшаго въ заключеніи въ Тамплѣ. Квартира прусскаго короля находилась недалеко отъ Люксембурга, въ селеніи Мерль. Прусскіе уполномоченные въ самомъ началѣ совѣщанія отъ имени императора заявили, что такъ какъ предпринятый походъ стоилъ издержекъ и большой траты людей, то его прусское величество не иначе будетъ принимать въ ней дальнѣйшее участіе, какъ пожелавши вознагражденія въ виду будущихъ своихъ издержекъ и усилій. Это вознагражденіе должно состоять въ присоединеніи къ Пруссіи извѣстной полосы Польши. Австрійскому министру при петербургскомъ дворѣ дано было порученіе просить императрицу о согласіи на немедленное вступленіе прусскаго короля во владѣніе польскими землями, которыя онъ желаетъ пріобрѣсти въ качествѣ вознагражденія за военную попытку остановить революціонное движеніе во Франціи, независимо отъ осуществленія видовъ императора австрійскаго на соотвѣтственныя польскія провинціи. Императрица приказала 5 декабря 1792 г. вице-канцлеру Остерману дать рѣшительный отвѣтъ графу Гольцу, прусскому посланнику, содержащій согласіе на вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу. Гольцъ подалъ карту, гдѣ его король обозначилъ демаркаціонную линію отъ Ченстохова у силезской границы черезъ Раву до Сольдау, на сѣверной границѣ Польши съ

восточною Пруссіею. Города Гданскъ, Торунь, Ленчица, Сѣрадзъ, Піотрковъ, Калишъ, Гнѣзно и Познань отходили къ Пруссіи.

Съ своей стороны россійская императрица тоже опредѣлила границы пространства, какое было ей угодно присоединить отъ Польши. Мнѣніе Екатерины препровождено было прусскому королю 5-го декабря, а окончательный договоръ былъ подписанъ 12 января 1793 года въ Петербургѣ. Къ Россіи отошли земли, лежащія въ слѣдующихъ границахъ: „начиная линію отъ селенія Друи, лежащаго на лѣвомъ берегу Двины, на углу границы Семигаліи, проводя ее на Нарочь и Дуброву, оттуда слѣдуя по частному рубежу Виленскаго воеводства на Столицы, потомъ на Несвижъ, потомъ до Пинска, а оттуда переходя чрезъ Куневъ между Вышегородомъ и Новой Греблей, близъ границы Галиціи, съ которою соединясь и слѣдуя по ней до рѣки Днѣстра, откуда, идя внизъ по рѣкѣ Днѣстру, доходитъ до Ягорлика, до пункта, прежде составлявшаго границу между Россіею и Польшею“ (Изъ деклараціи Кречетникова).

Привести въ исполненіе договоръ о раздѣлахъ Екатерина поручила не Булгакову, который былъ въ это время уже отозванъ, а Сиверсу, его преемнику.

Оправдывая свое участіе во второмъ польскомъ раздѣлѣ, Екатерина въ своихъ рескриптахъ, данныхъ посланнику Сиверсу и начальнику русскихъ войскъ Игельштрому, поясняетъ, что раздѣлъ дѣлается для того, чтобы „избавить землю и грады, нѣкогда Россіи принадлежавшіе, единоплеменниками ея населенные и единую вѣру съ ними исповѣдующіе, отъ соблазна и угнетенія имъ угрожающихъ“; что присоединяются „земли, вошедшія въ составъ польской республики, которыя въ древности принадлежали къ Россіи, гдѣ города построены русскими князьями, гдѣ жители происходятъ отъ одного племени, какъ и русскіе,— и притомъ—наши единовѣрцы...“ „Сіи и многія другія уваженія, говоритъ Екатерина, рѣшили насъ на дѣло...“ (Объявленіе Екатерины отъ 2 марта 1792 г.).

Для утвержденія деклараціи объ уступкѣ земель Россіи и Пруссіи по второму раздѣлу созванъ былъ сеймъ въ Гроднѣ, куда, по настоянію Сиверса, прибылъ и король Стани-

славъ-Августъ. Еще до открытія сеймиковъ русскій посланникъ принялъ мѣры къ тому, чтобы на сеймъ были выбраны такіе послы, которые могли бы подписать все,что имъ прикажутъ. Для этой цѣли приведены были въ дѣйствіе два сильнѣйшихъ двигателя: подкупъ и страхъ. Въ польскомъ обществѣ была развита страшная продажность, что дало основаніе Сиверсу характеризовать это общество въ письмѣ къ своей дочери въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „въ этомъ несчастномъ краѣ нѣтъ вовсе чести; можетъ быть, она скрывается гдѣ-нибудь въ крестьянскихъ хатахъ, но я того мнѣнія, что она очень далека отъ королевскаго дворца, сейма и всего панскаго общества". Другіе въ своихъ симпатіяхъ къ Россіи руководились надеждами на личныя выгоды. Третьимъ надоѣли безпрестанныя неустройства и безвыходныя смуты Рѣчи Посполитой. Они перестали надѣяться на что-нибудь въ будущемъ и приходили къ убѣжденію, что при соединеніи съ Россіею въ краѣ будетъ болѣе спокойствія. Всѣ тогда готовы были идти лучше подъ власть Россіи, чѣмъ Пруссіи. Поэтому Холмская земля, напр., добровольно обратилась къ Екатеринѣ и просила принять ее подъ свою власть „Если намъ, писано въ ея прошеніи, суждено неизбѣжно отпасть отъ тѣла Рѣчи Посполитой, то мы хотимъ подъ кроткимъ господствомъ вашего императорскаго величества пользоваться свободою наравнѣ съ другими новозанятыми краями".

Около Сиверса были паны, получавшіе изъ Россіи жалованье за свои услуги и деньги для подкупа пословъ. Въ числѣ этихъ пановъ были братья Коссаковскіе и Забѣлло, дѣйствовавшіе въ Литвѣ; Пулавскій, маршалъ конфедераціи, на Волыни; Міончинскій и Анквичъ, маршалъ постояннаго совѣта, въ Краковскомъ и Сендомирскомъ воеводствахъ. Очень полезны были Сиверсу: Ожаровскій—комендантъ Варшавы (потомъ гетманъ), Билинскій—маршалъ сейма, Залускій, Попинскій и другіе. Всѣ эти паны получили тысячи червонцевъ отъ русскаго и прусскаго посланниковъ и продавали свое отечество. И дѣствительно, на сеймѣ, который открытъ былъ въ іюнѣ 1793 г., нашлось немало ораторовъ, говорившихъ объ уступкѣ земель Россіи. Рѣчистѣе всѣхъ былъ посолъ Нарбутъ. „Сознаемся, говорилъ онъ, что у Рос-

сіи есть причины жаловаться на Польшу, на послѣднемъ сеймѣ къ Россіи было мало уваженія, разорванъ былъ трактатъ о гарантіи, мы предпринимали противъ нея войну. Все это заслуживало, чтобы Рѣчь Посполитая теперь прибѣгнула къ такимъ средствамъ, которыя бы заставили Россію забыть все прошедшее и привели къ истинному примиренію съ великодушною императрицею, которой дружба можетъ еще воскресить для Польши счастливые дни. Назначимъ же депутацію для заключенія вѣчнаго союза съ Россіею. Но совсѣмъ другое у насъ съ Пруссіею. Берлинскому кабинету мы должны всѣми настоящими несчастьями; онъ первый побудилъ Польшу разорвать гарантію Россіи и требовать очищенія краевъ Рѣчи Посполитой отъ русскихъ войскъ, чрезъ что ему удалось устроить недружелюбныя отношенія къ Россіи. Нынѣшнія притязанія прусскаго короля противны его дружественнымъ договорамъ съ Польшею, ибо онъ торжественно гарантировалъ ей цѣлость ея владѣній". Послѣ многихъ споровъ, былъ поставленъ, наконецъ на баллотировку вопросъ: вести ли переговоры съ одной Россіей или въ одно время съ Пруссіей? Большинствомъ голосовъ рѣшили въ томъ смыслѣ, чтобы ихъ вести съ одной Россіей. Послѣ многихъ споровъ и увертокъ депутація была выбрана, и 22 іюня 1793 г. подписанъ былъ трактатъ объ уступкѣ земель Россіи. Такъ окончилъ Гродненскій сеймъ половину своей работы—дѣло съ Россіей. Послѣ этого началось дѣло съ Пруссіей, которое оказалось гораздо труднѣе. Посланникамъ пришлось помучиться съ упрямствомъ и съ уловками сейма цѣлыхъ два мѣсяца, прежде чѣмъ были улажены прусскія дѣла.

Еще до подписанія трактата съ Сиверсомъ, прусскій посланникъ Бухгольцъ прислалъ 9 іюля ноту, которой просилъ назначить спеціально делегацію съ надлежащими полномочіями для окончанія переговоровъ съ прусскимъ королемъ. Эта нота вызвала большія недоумѣнія на сеймѣ. „Намъ объявили, что прусскій король ввелъ войско въ Польшу для преслѣдованія якобинцевъ, говорили депутаты. Ну, что же... теперь они истребили якобинцевъ, которыхъ тамъ и не было, такъ мы можемъ назначить делагацію, которая бы вела переговоры единственно о выводѣ прусскихъ войскъ

изъ польской территоріи". Ободренные извѣстіемъ изъ Вѣны, что хотя русскій и прусскій министры при вѣнскомъ дворѣ сильно стараются у императора о признаніи законнымъ раздѣла Польши, но императоръ австрійскій не охотно даетъ свое согласіе, такъ какъ боится увеличенія территоріи союзныхъ государствъ,—поляки, по нынѣшней политической терминологіи, начали обструкцію, старались, какъ можно тянуть время, въ ожиданіи благопріятныхъ поворотовъ въ политикѣ. Одни предлагали, между прочимъ, обратиться къ императору съ просьбой о посредничествѣ и пріостановить на время занятія сейма. Другіе агитировали за окончательное закрытіе сейма. Третьи совѣтовали просить защиты противъ прусскихъ притязаній у русской императрицы. „Мы уступили Россіи область, какъ бы понеся справедливое наказаніе за то, что нарушили гарантіи Россіи, объявили вражду этой монархіи, по наущенію Пруссіи,—говорилъ Карскій,—но за что же мы будемъ давать области прусскому королю? Скорѣе онъ, какъ главный возбудитель противъ Россіи, долженъ бы былъ теперь поплатиться за насъ". „Москва и Пруссія,—говорилъ Красподембскій, открытый сторонникъ конституціи 3 мая и другъ Костюшки,—не одно и тоже. Москва происходитъ отъ одного съ нами племени и мало отъ насъ разнится по образу мыслей, обычаямъ и правамъ; въ соединеніи съ Москвою, можетъ быть, мы увидимъ обоюдное счастье обоихъ народовъ. Но съ Пруссіей мы не сойдемся никогда. Старая пословица говоритъ: пока свѣтъ стоитъ свѣтомъ — полякъ не будетъ нѣмцу братомъ". Но надежды на Россію были тщетны. Послѣ этого сеймъ сталъ прибѣгать ко всякимъ уловкамъ, обольщаясь различными надеждами, но посланники русскій и прусскій начали посылать сейму одну за другой угрожающія ноты. Сиверсъ былъ расположенъ къ Польшѣ и соболѣзновалъ о ея несчастной судьбѣ: онъ соображалъ, что поляки скорѣе могли бы примириться съ своею судьбою, если бы Рѣчь Посполитая была вся нераздѣльно присоединена къ Россіи. Многіе и заявляли именно такое желаніе Сиверсу, конечно, не столько изъ дѣйствительнаго расположенія, сколько изъ желанія поссорить Россію съ Пруссіей. Екатерина приказала Сиверсу поспѣшить окончаніемъ прусскаго дѣла въ угоду прусскому королю.

Побуждаемый прусскимъ посланникомъ Бухгольцемъ, Сиверсъ долженъ былъ прибѣгнуть наконецъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. 22 августа онъ расположилъ два батальона гренадеръ на террасѣ и на дворѣ замка, гдѣ находилась сеймовая изба, ссылаясь на то, что будто бы получены извѣстія о заговорѣ, составленномъ противъ священной особы короля, сеймоваго маршала и почтенныхъ особъ изъ сената. Генералъ Раутенфельдъ получилъ приказаніе разставить пикетъ, чтобы никто изъ постороннихъ (арбитровъ) не вошелъ въ сеймовую избу, и самъ съ 12 офицерами долженъ былъ присутствовать въ засѣданіи сейма въ этой же избѣ. Въ четыре часа пополудни стали съѣзжаться послы. Пріѣхалъ и король. Нѣкоторые изъ пословъ хотѣли съ негодованіемъ уйти назадъ, но ихъ не пустили гренадеры. Тогда многіе потребовали удаленія русскихъ войскъ и рѣшили послать объ этомъ просьбу Сиверсу. Послѣдній согласился на удаленіе офицеровъ изъ залы, кромѣ генерала Раутенфельда, и рѣшительно заявилъ, что до тѣхъ поръ никто изъ членовъ сейма не выйдетъ изъ замка, пока не будетъ принятъ проектъ Подгорскаго объ уступкѣ земель Пруссіи. Узнавъ, что нѣкоторые послы хотятъ убѣжать, Сиверсъ приказалъ никого не выпускать изъ города, арестовалъ четырехъ пословъ и 12 сентября опять окружилъ замокъ двумя батальонами гренадеръ. Послы съѣхались въ залу около 8 часовъ вечера и ужаснулись, увидя, что съ ними намѣрены поступить рѣшительно. Раздались крики негодованія патріотовъ; одинъ посолъ (Гославскій) предложилъ всѣмъ выйти изъ избы, но онъ вышелъ только одинъ, за нимъ никто не послѣдовалъ. Наконецъ, рѣшили не открывать засѣданія, пока не освобождены будутъ арестованные послы. Начались сношенія съ Сиверсомъ, но русскій посланникъ не соглашался ни на какія уступки и прислалъ сейму проектъ трактата. Это вызвало еще большій протестъ патріотовъ. Было уже около 4 часовъ утра. Сандомирскій посолъ Блещинскій, тоже патріотъ, но характера мягкаго, сказалъ: „Я съ своими товарищами держался до сихъ поръ того мнѣнія, что засѣданіе не можетъ быть открыто, но теперь уже такъ поздно: не вижу никакихъ средствъ кончить споръ, а между тѣмъ надобно обратить вниманіе и на здоровье его величества.

Я бы согласился на открытіе засѣданія только съ тѣмъ условіемъ, чтобы тотчасъ же рѣшить: можемъ ли мы продолжать сеймовую дѣятельность, пока не возвратятся арестованные послы? Надѣюсь, что законъ, существующій для такихъ обстоятельствъ, возьметъ верхъ, а я всегда—за него". Не видя другого средства отстоять свои явно попираемыя права, послы рѣшили молчать. „Согласна ли сеймовая изба на то, спросилъ сеймовый маршалъ, чтобы депутація подписала прусскій трактатъ, присланный на сеймъ русскимъ посланникомъ?" Послы молчали. Маршалъ повторилъ тотъ же вопросъ. Изба молчала. Маршалъ въ третій разъ спросилъ тѣми же словами. Никто не отвѣчалъ. „Молчаніе — знакъ согласія", сказалъ маршалъ. „Проектъ принятъ единогласно". Всѣ встали молча и вышли изъ залы, отирая слезы. На башнѣ ударило четыре часа. Въ монастыряхъ раздавался звонъ, зовущій благочестивыхъ къ утренѣ, и напоминавшій о суетѣ всего мірского, и вмѣстѣ съ тѣмъ о суетѣ пропадавшей такъ безславно Рѣчи Посполитой" (Костомаровъ).

„Народъ молчалъ, когда шляхетскіе депутаты волновались въ Гроднѣ вслѣдствіе требованій Россіи и Польши. Оказались слѣдствія того, что впродолженіе вѣковъ народъ молчалъ, и шумѣлъ только одинъ шляхетскій сеймъ, на немъ только раздавались красивыя рѣчи. Но такое явленіе не могло быть продолжительно, и сеймъ принужденъ былъ онѣмѣть, потому что все вокругъ было нѣмо. Быть можетъ, нѣкоторые будутъ поражены этимъ нѣмымъ засѣданіемъ сейма; быть можетъ, въ нѣкоторыхъ возбудится сильное сочувствіе къ онѣмѣвшимъ депутатамъ; но развѣ ихъ не сильнѣе поражаетъ еще болѣе страшное онѣмѣніе, онѣмѣніе цѣлаго народа. Развѣ они не видятъ въ онѣмѣніи депутатовъ послѣдняго сейма только необходимое слѣдствіе онѣмѣнія цѣлаго народа?" (Соловьевъ — „Исторія паденія Польши",—313). До какой степени поляки привыкли относиться съ легкимъ сердцемъ къ судьбамъ своего отечества, объ этомъ можно судить по тому, что даже по поводу Гродненскаго сейма, такъ повидимому оскорбившаго національно-политическое самолюбіе поляковъ, въ Варшавѣ были пиры и торжества. „Ни одинъ народъ не отдавалъ такъ весело своей земли, какъ поляки", писалъ Щуровскій Колонтаю

по поводу варшавскихъ празднествъ, устроенныхъ послѣ Гродненскаго сейма. „Среди конвульсивнаго метанія нѣсколькихъ благородныхъ людей, толпа справляла тризну по Рѣчи Посполитой“ (Крашевскій). Даже гродненскій сеймъ не убѣдилъ поляковъ въ томъ, что отечество—въ опасности, и они склонны были объяснять совершившійся фактъ по-своему, подыскивать для него основанія, не обидныя для польскаго самолюбія.

Въ чемъ однако сходилось тогда большинство поляковъ, такъ это въ отношеніи Станиславу Понятовскому. За 27 лѣтъ короля имѣли возможность узнать самые различные классы общества, и въ немъ разочаровались всѣ: и патріоты, и конфедераты, и поляки, и русскіе. Польскій историкъ Нарушевичъ, этотъ польскій „Карамзинъ“, питавшій вначалѣ къ королю симпатіи, возненавидѣлъ его, когда узналъ поближе характеръ Станислава Понятовскаго. Говорятъ, что послѣдній разъ польскій историкъ встрѣтился съ Станиславомъ въ 1793 г., когда король возвращался съ Гродненскаго сейма. На совѣтъ короля продолжать начатый трудъ историкъ съ негодованіемъ отвѣчалъ, что не возьметъ пера въ руки, что теперь ему не для кого писать. Большой трудъ по исторіи Польши Нарушевича такъ и остался не конченнымъ (доведенъ до 1386 г.). Глубоко оскорбленный въ своихъ патріотическихъ чувствахъ, Нарушевичъ въ торжественной одѣ („Oda na obrazy polaków starożytnych“) приглашалъ подняться изъ праха „мощнымъ скипетромъ управлявшихъ нѣкогда краемъ“ и посмотрѣть, что дѣлалось вокругъ. Въ другомъ своемъ стихотвореніи подъ заглавіемъ „Голосъ мертвецовъ“ поэтъ отъ имени почивающихъ въ Краковскихъ гробницахъ польскихъ скиптроносцевъ высказываетъ свое разочарованіе въ судьбахъ Рѣчи-Посполитой. Великіе мертвецы обращаются съ суровою рѣчью къ потомству и говорятъ, что всѣ бѣдствія Польши произошли отъ ослабленія королевской власти.

Но поэтическими одами и риторическими возгласами трудно было поднять историческое самосознаніе того общества, въ которомъ лучшія гражданскія чувства давно были надломлены и исковерканы двоедушной политикой лицъ, стоявшихъ во главѣ правленія государствомъ.

Покладистость поляковъ дала поводъ Сиверсу говорить, что „Польша въ рукахъ Россіи, какъ мягкій воскъ, которому во всякое время можно дать любую форму по усмотрѣнію императрицы“.

Послѣ второго раздѣла Польши Екатерина велѣла отчеканить медаль съ изображеніемъ карты отнятыхъ областей и съ надписью кругомъ ея: „Отторженное возвратихъ“. Эта надпись была вѣрна въ томъ смыслѣ, что отнятыя провинціи навсегда отнимались отъ Польши и составили органически неразрывное единство съ своей старой исторической митрополіей—Россіей, которой прежде и принадлежали. Но эта надпись грѣшила въ томъ смыслѣ, что по второму раздѣлу далеко еще не всѣ русскія области возвращались къ Россіи. Какъ извѣстно, Галицкая, Червонная и Угорская Русь навсегда остались за рубежомъ Россіи.

IX.

Послѣднія попытки Польши возвратить политическую самостоятельность. Замыслы патріотовъ. Янъ Килинскій. Костюшко и его планы. Пасха 1794 г. Послѣднее возстаніе поляковъ.

Польша сохраняла лишь признакъ бывшей политической самостоятельности и вся была въ долгахъ. Ея государственный долгъ достигъ 34 мил. золотыхъ. Изъ нихъ 300.000 червонцевъ Екатерина взяла на себя. Съ уничтоженіемъ конфедераціи, приняты были болѣе рѣшительныя мѣры къ искорененію злоупотребленій, ею допущенныхъ. Польская армія была уменьшена до 15,000 человѣкъ.

Послѣ второго раздѣла въ Польшѣ были сдѣланы послѣднія попытки возвратить государству самостоятельность. Главными руководителями новаго заговора были: Костюшко, Колонтай, Малаховскій, Игнатій Потоцкій, Нѣмцевичъ. Есть извѣстіе, что Костюшко, переодѣтый, ѣздилъ даже въ Литву, останавливался въ Гроднѣ у Краснодембскаго для совѣщанія съ патріотами. Въ разные мѣста Польши отъ имени болѣе знатныхъ пановъ: Огинскаго, Сапѣги, Черторыжскаго и проч. были снаряжены особыя депутаціи, которыя должны были волновать шляхту. Пріѣзжая какъ бы по порученію

папа хлопотать объ имѣніи, захваченномъ врагами, они осторожно разузнавали на мѣстѣ настроенія поляковъ и не разбирали средствъ для достиженія цѣли: однимъ давали деньги, другимъ обѣщали награды, пугали иноземною властью, у третьихъ возбуждали шляхетскую гордость,—смотря по обстоятельствамъ... Много имъ помогали женщины. Молодыя дамы возбуждали своихъ поклонниковъ къ возстанію и усердно собирали на него пожертвованія. Но главную помощь все-таки оказывали ксендзы, подстрекавшіе къ возстанію и на исповѣди и въ церковныхъ проповѣдяхъ. Въ Варшавѣ устраивали тайныя сходки Дзялинскій и банкиръ Капостасъ, въ Вильнѣ—Ясинскій. Союзниками ихъ были преимущественно шляхтичи, разсчитывавшіе на личныя выгоды, мѣщане, приверженцы конституціи 3-го мая, всякаго рода бездомный народъ, которому терять было нечего, и особенно, конечно, молодежь, все еще не оставлявшая своихъ мечтаній о самостоятельности Польши.

Между тѣмъ Сиверсъ, допустившій нѣкоторую невнимательность по отношенію къ русскимъ дѣламъ въ Польшѣ, былъ отозванъ изъ Варшавы, и посланникомъ варшавскимъ былъ назначенъ Игельштромъ, которому удалось накрыть одну изъ патріотическихъ сходокъ и арестовать нѣсколько лицъ. Но въ общемъ онъ распоряжался неискусно. Его политика была слишкомъ откровенна, что совершенно не соотвѣтствовало обстоятельствамъ, требовавшимъ умѣнья скрывать и говорить не то, что думалось... Польскую знать онъ раздражалъ своей солдатской рѣзкостью, обходился со всѣми, какъ съ подчиненными ему офицерами, бранился, горячился до того, что высказывалъ всѣ свои подозрѣнія; въ запальчивости открывалъ сдѣланные ему доносы и тѣмъ предупреждалъ заговорщиковъ. Ко всему этому онъ подчинился еще вліянію графини Залусской, которая нерѣдко руководила имъ, какъ хотѣла.

Новая революція началась изъ-за нежеланія Мадалинскаго, стоявшаго у Остроленки, исполнить посланное къ нему предписаніе распустить войска, что требовалось послѣднимъ сеймомъ. Мадалинскій не только не распустилъ войскъ, но двинулся съ ними въ польскія области, отошедшія къ Пруссіи, ограбилъ въ одномъ городкѣ прусскую военную казну

и благополучно прошелъ въ Сандомирское воеводство, гдѣ къ нему присоединились также сандомирскія войска. Это было по сосѣдству съ Краковскимъ воеводствомъ, гдѣ также началось возстаніе. Сюда поспѣшилъ Костюшко, воспламенившій патріотическій духъ поляковъ красноречивыми воззваніями, въ которыхъ съ горестью указывалось, что въ Польшѣ болѣе не существуетъ свободы, что польское слово—въ оковахъ, и иноземныя войска покровительствуютъ измѣнникамъ, грабящимъ отечество. „Помогайте, писалъ онъ. спѣшите подъ знамя отчизны; жертвуйте, кто что можетъ, доставляя войскамъ все необходимое: весь народъ будетъ вамъ благодаренъ“. Въ Краковѣ былъ устроенъ высочайшій совѣтъ для управленія возстаніемъ. Начались обыкновенныя въ такихъ случаяхъ преслѣдованія. Одинъ другого подозрѣвалъ въ измѣнѣ, въ недостаткѣ патріотизма. Дѣлались доносы, оговоренныхъ заключали въ тюрьму, подвергали взысканію и проч. Всякій жертвовалъ по мѣрѣ силъ. Мѣщане однако жаловались, что съ нихъ брали безъ всякой милости. Сами патріоты не очень раскошеливались.—Полной преданностью дѣлу и безкорыстіемъ отличался только Костюшко. Съ своей стороны и Игельштромъ тоже доводилъ до общаго свѣдѣнія, что „чудовищные замыслы патріотовъ съ ихъ наглыми покушеніями на права собственности (насильственные захваты имущества для военныхъ цѣлей) будутъ наказаны, что не могутъ быть терпимы злодѣянія дерзкихъ людей, возстающихъ противъ законной власти, и правительство явится во всей грозѣ для преступниковъ“. Для уничтоженія „адскаго духа безначалія“ Бухгольцъ также объявилъ о введеніи прусскихъ войскъ. Австрійскій посланникъ высказалъ только, что Австрія не сочувствуетъ возстанію. Станиславъ Понятовскій заставилъ своихъ приближенныхъ написать увѣщаніе къ полякамъ, въ которомъ совѣтовалъ не поддаваться внушеніямъ патріотовъ: „Польша и такъ разорена, говорилъ король, начинать теперь возстаніе - значило бы отнимать послѣднее у народа и давать новый предлогъ тѣмъ, кто желалъ бы истребить самое польское имя“. Деклараціи не образумили патріотовъ, воинственный духъ которыхъ особенно поднялся послѣ того, какъ Костюшкѣ въ битвѣ при Рацлавицахъ удалось разбить русское войско, отпра-

вленное Игельштромомъ подъ начальствомъ генерала Денисова. Русскіе отступили, оставивъ на полѣ битвы пушки и до 450 убитыми.

Слухи о побѣдѣ Костюшки разошлись по всей Польшѣ въ страшно преувеличенномъ видѣ и много помогли дѣлу патріотовъ. Игельштромъ сталъ подумывать о защитѣ Варшавы, но Залусская охлаждала его воинственный пылъ и уговорила не обременять города постоемъ. Въ Варшавѣ было не болѣе 8000 русскаго войска и до 4000 польскаго, подъ начальствомъ преданнаго Россіи Ожаровскаго. Пруссаки тоже пришли въ Варшаву и, не входя въ городъ, предусмотрительно заняли одно изъ городскихъ предмѣстій. Игельштромъ очень неудачно размѣстилъ свои войска частями въ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ города.

Костюшко искалъ популярности, особенно ласкалъ крестьянъ и поддерживалъ въ нихъ духъ мечтами объ освобожденіи. Онъ носилъ деревенскую одежду, всячески братался съ крестьянами, будучи увѣренъ, что только при ихъ участіи и возможенъ успѣхъ возстанія. „Но все это, говоритъ Соловьевъ, не привело ни къ чему. Придавленные крестьяне не понимали, какое у нихъ можетъ быть общее дѣло съ шляхтою... Крестьяне не поднимались, а между тѣмъ шляхта сильно встревожилась, увидавъ поведеніе генералиссимуса относительно крестьянъ, и нисколько не думала сообразоваться съ этимъ поведеніемъ", (Соловьевъ—Исторія паденія Польши", 343).

Возстаніе подготовлялось такъ искусно, что даже нѣкоторые изъ польскихъ начальниковъ ничего не знали о готовившемся крупномъ столкновеніи съ русскими. Однимъ изъ очень ловкихъ агитаторовъ возстанія былъ мѣщанинъ, принадлежащій къ цеху сапожниковъ, Янъ Килинскій. Онъ состоялъ членомъ городского управленія, или магистрата и былъ очень популяренъ среди ремесленниковъ. Однажды Игельштрому донесли, что Килинскій вмѣстѣ съ ксендзомъ Мейеромъ въ одной кофейнѣ уговаривалъ къ возстанію польскихъ офицеровъ. Объ этой сходкѣ донесли Игельштрому, который встрѣтилъ Килинскаго словами:

— „Мерзавецъ! негодяй! повѣшу"!

— „Чѣмъ же я виноватъ,—отвѣчалъ Килинскій, когда вспышка гнѣва у Игельштрома прошла,— значитъ насъ обманулъ президентъ города: онъ сказалъ, что вы поручили ему сообщить членамъ, чтобы они наблюдали за духомъ и расположеніемъ умовъ обывателей. Вотъ я и исполнялъ его предписаніе... Да, я говорилъ за возстаніе, но если бы я говорилъ иначе, кто же бы пошелъ со мною на откровенность, какъ же бы я узналъ, кто что думаетъ".—„Да, я давалъ такое порученіе", сказалъ успокоенный Игельстромъ, потрепавъ Килинскаго по плечу и шутливо прибавивъ: „Однако какой вы опасный человѣкъ, г-нъ Килинскій. Ну, хорошо... старайтесь, не останетесь безъ награды". Килинскому только этого и нужно было. Послѣ такого разговора онъ могъ совершенно свободно подготовить возстаніе.

Вообще, русскія власти въ Варшавѣ не стояли тогда на должной высотѣ. Начальникъ русскихъ войскъ Ожаровскій былъ очень слабохарактеренъ, притомъ же ему было 80 лѣтъ—возрастъ, когда трудно совмѣщать въ себѣ всѣ качества дальновиднаго распорядительнаго генерала. Послѣдствія русской нераспорядительности тяжело сказались на Пасху 1794 г.

Пасха въ этомъ году поляками и русскими праздновалась одновременно. По соглашенію русскихъ властей съ духовенствомъ, въ виду возможныхъ большихъ уличныхъ собраній ночью, было заранѣе предписано, чтобы служба на Свѣтлое Воскресенье совершалась во всѣхъ польскихъ церквахъ непремѣнно въ 8 часовъ вечера. На сходкѣ ремесленниковъ Килинскій объявилъ, что „въ великую субботу русскіе запрутъ весь народъ въ костелахъ, для чего и приставлены къ костеламъ пушки, захватятъ арсеналъ, а если это имъ не удастся, то зажгутъ городъ и будутъ всѣхъ рѣзать". (Русскіе солдаты нерѣдко ссорились съ поляками и въ раздраженіи говорили: „Смотрите, если будете бунтовать, чтобы изъ васъ не сдѣлали ветчины на Пасху"). Полагаютъ, что Игельштромъ, съ согласія польскихъ начальниковъ, думалъ воспользоваться случаемъ, когда всѣ поляки будутъ въ церкви, чтобы овладѣть арсеналомъ и поэтому распорядился поставить у главныхъ костеловъ пушки. Быть можетъ, пушки ставились для предупрежденія возможныхъ

демонстрацій. Такъ или иначе, но орудія смерти, выставленныя при костелахъ въ великій христіанскій праздникъ,—производили тяжелое впечатлѣніе и на католиковъ и на православныхъ. Заговорщики рѣшили поспѣшить возстаніемъ. Оно назначено было на святой, въ четвергъ въ три часа, и должно было начаться по звону церковнаго набата и по выстрѣламъ изъ арсенала. Но возстаніе случайно произошло ранѣе, въ ночь на четвергъ.

Килинскому, дѣятельно распоряжавшемуся наканунѣ возстанія въ среду относительно порядка, въ какомъ должны были дѣйствовать заговорщики, было сообщено, что вахмистръ въ ратушѣ, которому онъ довѣрился, пошелъ доносить о возстаніи русскимъ властямъ. Не медля ни минуты, онъ тотчасъ же велѣлъ ударить въ набатъ. Заговорщики стали быстро собираться въ условленныхъ мѣстахъ. Отрядъ польскаго войска сейчасъ же напалъ на небольшой русскій пикетъ, стоявшій при пушкахъ у воротъ Саксонскаго сада, прогналъ его и заклепалъ пушки. Другіе польскіе отряды овладѣли арсеналомъ, пробравшись туда боковыми входами. Раздались сигнальные выстрѣлы изъ пушекъ. Народъ бросился къ арсеналу за оружіемъ. У ратуши тоже собирались толпы. Мужчины хватали въ оружейныхъ лавкахъ какое попадалось оружіе и разсыпались по городу бить русскихъ Звонъ набата не умолкалъ. Раздавались крики: „До брони! до брони (къ оружію)! Бей москаля“! Русскіе выскакивали изъ домовъ. Ихъ тотчасъ же убивали. Пули сыпались на проходившихъ солдатъ изъ-за каждаго угла, съ заборовъ, съ крышъ, изъ оконъ. Врывались въ дома и рѣзали безоружныхъ людей, даже и не военнаго званія; не щадили и поляковъ, почему-либо подозрѣваемыхъ въ сочувствіи русскимъ. Всеобщая свалка, вопли умиравшихъ, грохотъ выстрѣловъ, неистовые крики,—все это наводило ужасъ на мирныхъ гражданъ, запиравшихся въ своихъ домахъ. Король, проснувшись въ 5 часовъ утра и увидѣвъ, что его собственная гвардія ушла помогать возстанію, послалъ къ Игельштрому двухъ польскихъ генераловъ просить его, чтобы онъ удалился изъ города. Игельштромъ не могъ согласиться на это и отправилъ къ королю для переговоровъ своего племянника. Но несмотря на охрану польскихъ на-

чальниковъ, чернь на дорогѣ схватила и растерзала посланнаго. Тщетно Игельштромъ ждалъ къ себѣ войскъ изъ другихъ, отдаленныхъ мѣстъ города, посылалъ къ нимъ экстренныя приказанія... Нѣкоторые изъ русскихъ пытались хитростью пробиться къ Игельштрому, но безуспѣшно. Не было никакой возможности сражаться съ невидимымъ непріятелемъ, который сыпалъ пулями изъ каждаго закоулка. Но Игельштромъ, несмотря на всѣ нападенія, тѣмъ не менѣе продолжалъ упорно стоять на мѣстѣ. На слѣдующій день онъ рѣшился двинуться къ тому мѣсту, гдѣ у рогаток стояли прусскія войска. Оставивъ 400 человѣкъ для охраны главной квартиры *), Игельштромъ съ остальными пошелъ черезъ Долгую улицу. Съ большимъ трудомъ и огромными потерями русскимъ удалось соединиться съ пруссаками, при содѣйствіи которыхъ Игельштрому удалось спастись. Подъ нимъ было убито двѣ лошади. Самъ онъ былъ раненъ въ лицо и удалился въ Ловичъ, гдѣ, наконецъ, собралъ свои разсѣянные отряды. Въ квартирѣ Игельштрома взято много золота, серебряный сервизъ, подаренный ему Екатериною, и другія драгоцѣнности. Между прочимъ, былъ захваченъ архивъ съ бумагами, изъ которыхъ заговорщики узнали, кому изъ поляковъ русское правительство платило жалованье. Всего во время возстанія убито было русскихъ до 2,300 человѣкъ и взято въ плѣнъ около 1,700 (въ томъ числѣ болѣе 160 офицеровъ). Болѣе богатые изъ варшавскихъ жителей мало участвовали въ возстаніи. Всего, кромѣ польскихъ войскъ, сражалось на улицахъ не болѣе 20,000 человѣкъ. 6-го апрѣля въ Варшавѣ Костюшко объявленъ былъ главнымъ начальникомъ возстанія и устроенъ временный распорядительный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Закржевскаго. Въ него вошли: Зайончекъ, Килинскій, Шидловскій и другіе.

Временные военные успѣхи поляковъ вскружили голову польскимъ патріотамъ. Патріотическій восторгъ сообщался людямъ, до того времени совершенно равнодушнымъ къ судьбамъ Польши. Въ укрѣпленіи Варшавы участвовали всѣ

---

*) Весь этотъ отрядъ погибъ.

жители города, дамы и даже дѣти. Костюшко усердно хлопоталъ о вооруженіи и о сборѣ пожертвованій. Предполагалось всеобщее ополченіе. Всякій отъ 18 до 40 лѣтъ долженъ былъ вооружаться. Мечтали набрать войска до 400,000 человѣкъ, но ополченіе шло туго, и едва набрали до 40,000, да и эти силы состояли большею частью изъ плохо вооруженныхъ и обученныхъ новичковъ и были разбросаны по всей Польшѣ. У самаго Костюшки находилось не болѣе 16,000 регулярнаго войска да 10,000 вооруженныхъ косами крестьянъ. Запасовъ обыватели попрежнему доставляли мало.— Наложенныя для содержанія войска подати не вносились. Множество помѣщиковъ избѣгая повинностей, удалялись въ Галицію. Съ наступленіемъ холодовъ, Костюшко нѣсколько разъ долженъ былъ умолять общество доставить войскамъ если не шинели, то по крайней мѣрѣ хоть сермяги или войлочныя одѣяла. Видя себялюбіе шляхты, онъ еще болѣе прежняго сталъ возлагать надежду на однихъ хлоповъ. Въ маѣ онъ издалъ знаменитый универсалъ объ освобожденіи крестьянъ, надѣясь найти въ крестьянахъ сильную опору для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Но расчетъ былъ плохой.

Корзонъ доказываетъ, что отношеніе польскаго крестьянства и шляхты къ манифесту Костюшки о вольности было иное, чѣмъ какое ожидалось (см. его сочиненіе: „Wewnętrzne dziejie Polski za Stanisława Augusta“ 1763—1795 года, т. I, стр. 490—494). Крестьяне, столько разъ обманываемые польскими демагогами, не поддавались обѣщаніямъ, хотя обѣщанія на этотъ разъ исходили отъ лучшаго и самаго честнаго изъ поляковъ. Слухи о намѣреніи Польши освободить своихъ крестьянъ и манифесты Костюшки сильно встревожили сосѣднія державы. Освобожденіе крестьянъ въ то время казалось большой соціальной опасностью, побудившею сосѣднія правительства скорѣе приступить къ третьему раздѣлу Польши. Характерна выдержка изъ письма, писаннаго въ 1794 г. графомъ Безбродко кн. Рѣпнину: „Образъ мыслей поляковъ сдѣлался такого рода, что зараза легко и далѣе распространиться можетъ, вольность крестьянъ и т. п. удобны раздражить вашихъ поселянъ. Сіи разсужденія рѣшили

на уничтоженіе Польши и на раздѣлъ ея земель“ (Русскій Архивъ“ 1873 г. стр. 478).

X.

Безпорядки въ Литвѣ. Дѣйствія Костюшки. Сдача Кракова. Пораженіе Костюшки. Третій раздѣлъ Польши.

Волненія въ старой Польшѣ одновременно отозвались и въ Литвѣ, которая, несмотря на разницу въ этнографическомъ и вѣроисповѣдномъ составѣ населенія, вслѣдствіе долгой политической связи съ Варшавой, привыкла такъ или иначе отражать на себѣ общее положеніе дѣлъ въ Польшѣ. Притомъ же въ Литвѣ было большое рим.-католическое населеніе, также польская шляхта, которой далеко не безразлично было то, что дѣлалось въ Варшавѣ.

Во главѣ патріотической партіи въ Вильнѣ стоялъ Ясинскій. Русскими войсками (3000 человѣкъ и 19 орудій) распоряжался генералъ Арсеньевъ, безпечный, довѣрчивый и также находившійся подъ властью одной польки. Артиллеріей командовалъ Тучковъ. Замокъ, арсеналъ и другія важныя мѣста находились въ рукахъ поляковъ. Арсеньевъ до послѣдней минуты не хотѣлъ и слышать объ опасности отъ какого-либо возстанія и запретилъ Тучкову держать на готовѣ зажженные фитили у пушекъ. Тучковъ, довѣряя больше своимъ наблюденіемъ, чѣмъ въ данномъ случаѣ приказаніямъ начальства, скрывалъ фитили въ латунныхъ фонаряхъ. Гораздо дѣятельнѣе Арсеньева былъ гетманъ Коссаковскій. Онъ усердно хлопоталъ, чтобы какъ можно скорѣе распустить польское войско, и поляки отъ души его ненавидѣли. На хуторѣ у брата, гдѣ думалъ онъ провести праздникъ Пасхи, на него вдругъ напали патріоты. Коссаковскій едва могъ спастись черезъ калитку и ускакать въ Вильну. Здѣсь онъ настойчиво говорилъ, что нужно скорѣе вывести войско, но Арсеньевъ только смѣялся надъ его трусостью. Между тѣмъ возстаніе было назначено въ первый день Пасхи. Ясинскій приказалъ въ часъ ночи всѣмъ собираться къ замку. Вильна вдругъ поднялась по звуку набата и по пушечному выстрѣлу. Русскіе были застигнуты врас-

плохъ. Арсеньева тотчасъ захватили въ его квартирѣ, но не сдѣлали ему никакого вреда за его крайнюю снисходительность къ полякамъ. Его и другихъ русскихъ, взятыхъ въ плѣнъ, отправили подъ стражу въ арсеналъ. Гетманъ Коссаковскій думалъ бѣжать, но это ему не удалось: онъ спрятался на чердакѣ за трубою. Его отыскали и повели подъ стражу на веревкѣ съ пинками и плевками. Одинъ Тучковъ былъ въ курсѣ дѣла. При первомъ звукѣ набата, онъ вскочилъ на готовую осѣдланную лошадь и поскакалъ съ казакомъ за городъ къ своей батареѣ. Хотя у заставы ихъ остановили, но они бросились въ глухой переулокъ, разломали заборъ, осторожно перевели лошадей и огородами выбрались въ поле. Собравъ около себя довольно сильное войско (около 2200 человѣкъ), Тучковъ началъ бомбардировать городъ. Арсеньевъ, по требованію поляковъ, послалъ къ Тучкову предписаніе, чтобы онъ немедленно прекратилъ кровопролитіе и положилъ оружіе. Но Тучковъ заявилъ, что его войска до послѣдней крайности будутъ защищаться, и еще усилилъ бомбардировку. Нѣсколько разъ поляки нападали на него, но были отбиты. Понимая однако опасность своего положенія среди враговъ, превосходившихъ его оружіемъ, Тучковъ въ послѣдующую ночь снялся съ лагеря и по труднымъ, глинистымъ дорогамъ двинулся къ Гроднѣ. гдѣ съ успѣхомъ выдержалъ битву съ настигшими его польскими войсками. Подъ Гродной онъ соединился съ отрядомъ русскихъ войскъ, находившихся подъ начальствомъ Цицiанова.

Между тѣмъ въ Вильнѣ русскіе люди были всѣ перехвачены и надъ нѣкоторыми изъ нихъ по разнымъ поводамъ былъ назначенъ строгій судъ. Поляки особенно рады были избавиться отъ гетмана Коссаковскаго. Его присудили къ смерти и повезли на казнь (около ратуши) съ большой церемоніей. Сначала шли салдаты съ барабанами, потомъ въ каретѣ везли гетмана въ желтомъ халатѣ, какъ онъ былъ взятъ; по бокамъ кареты ѣхали конные, а сзади трубачи играли маршъ. Казнь совершилась въ безмолвіи. Всѣ боялись строгаго Ясинскаго, принявшаго на себя обязанности временнаго директора края, по внушенію котораго Коссаковскій былъ казненъ.

Рядъ политическихъ казней былъ совершенъ и въ Варшавѣ, съ тою, впрочемъ,—разницею, что общество стало требовать здѣсь казни тѣхъ поляковъ, которые передавались русскимъ. Напрасно временный совѣтъ обѣщалъ назначить судъ. Толпа самовольно настроила висѣлицъ и осадила тюрьмы. Принуждены были выдать ей Ожаровскаго, Анквича, Забѣлло и епископа Коссаковскаго. Всѣ они безъ дальнихъ объясненій были повѣшаны. Дряхлаго старика Ожаровскаго принесли на казнь въ креслѣ: онъ былъ уже совсѣмъ безъ памяти. Забѣлло безпрестанно кланялся народу и хотѣлъ говорить рѣчь; но толпа прервала его криками: „Молчать, измѣнникъ!“ Анквичъ тоже обратился было къ народу: „Благородный народъ, неужели въ тебѣ нѣтъ сострадапія?“. Но толпа не хотѣла его слушать. Тогда онъ спокойно понюхалъ табаку и подарилъ палачу свою золотую табакерку, сказавъ: „Не мучай меня долго“. Епископъ Коссаковскій сначала лишенъ былъ сана. Онъ хотѣлъ оттянуть дѣло, указывая и на другихъ виновныхъ; но это ему не удалось. Передъ казнью его такъ избили и отодрали, что онъ былъ еле живъ. Казалось, опасность грозила и русскимъ плѣннымъ. Однако вышло наоборотъ. Послѣ упомянутыхъ казней съ ними стали обращаться ласковѣе. Назначили имъ опредѣленное содержаніе и даже дали священника. Поляки говорили имъ: „Не бойтесь ничего, вы храбрые люди, исполнили свой долгъ, а не такъ, какъ наши измѣнники“. Толпу волновали слухи о приближеніи русскихъ и прусскихъ войскъ, о новыхъ замышляемыхъ измѣнахъ. Король не смѣлъ отлучаться за городъ или даже на берегъ Вислы: сейчасъ разносилась молва, что онъ хочетъ бѣжать. Поговаривали, что къ побѣгу побуждали его неважныя финансовыя обстоятельства.

„Скарбъ короля егомосци“, т. е. финансовыя дѣла Станислава Понятовскаго, находились далеко не въ блестящемъ состояніи. Онъ привыкъ жить расточительно и часто нуждался. Польскіе историки не скрываютъ, что онъ иногда позволялъ себѣ добывать деньги непозволительными средствами. „Одна Польша,—говоритъ Корзонъ,—имѣла ту особенную судьбу, что ея король былъ продаженъ. Станиславъ Августъ представляетъ изъ себя оригинальное, чуть не

единственное явленіе этого рода. Какъ ни испорченъ былъ шляхетскій народъ, какъ ни разстроенъ государственный механизмъ, мы не думаемъ, чтобы катастрофа могла совершиться такъ легко, такъ быстро при другомъ королѣ съ такою же слабою волею, но съ чистыми руками". Какъ бы въ опроверженіе разнесшихся слуховъ о своей финансовой несостоятельности, король пожертвовалъ на дѣло возстанія 15,000 злотыхъ и этимъ сразу поднялъ свой престижъ въ глазахъ толпы. Когда онъ являлся въ народѣ, его встрѣчали съ восторгомъ. Волненія и казни безъ суда очень огорчили Костюшку, хотя и онъ требовалъ строгаго взысканія съ лицъ, служившихъ иностраннымъ государствамъ. Больше порядка и законности стало въ Варшавѣ съ пріѣздомъ Игнатія Потоцкаго и Коллонтая, которые устроили верховный совѣтъ по образцу Краковскаго. Совѣтъ возвращался къ старопольскимъ традиціямъ. Въ него вообще не были допущены мѣщане.—Самъ Килинскій занялъ лишь второстепенную должность помощника.

Между тѣмъ Костюшко испыталъ первую значительную неудачу при Щекоцинахъ отъ соединенныхъ русскихъ и прусскихъ войскъ. Костюшко ничего не зналъ о приходѣ пруссаковъ. Его войско было окружено. Поляки потеряли до 1000 убитыми и 8 пушекъ. Это было 6-го іюня. Въ то же время у Холма совершенно былъ разбитъ польскій генералъ Зайончекъ, отступившій къ Люблину и потребовавшій, чтобы городъ приготовился къ осадѣ. Въ городской ратушѣ собралось экстренное засѣданіе по этому поводу, на которомъ Зайончеку пришлось выслушать много обидныхъ для своей воинской чести замѣчаній. „Мы, пожалуй, защищались бы, говорили ему не стѣсняясь люблинцы, да вотъ бѣда: нѣтъ у насъ предводителя". Потерявъ надежду на люблинцевъ, Зайончекъ вынужденъ былъ уйти за Вислу. Русскій генералъ Дерфельденъ занялъ Люблинъ. Вслѣдъ за тѣмъ повстанцы потеряли Краковъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: Костюшко поручилъ защиту Кракова генералу Винявскому, человѣку очень нераспорядительному. На всякій случай Костюшко далъ ему пакетъ, который дозволилъ распечатать въ случаѣ крайней опасности. Когда подошли къ Кракову 3000 пруссаковъ, Винявскій счелъ это уже достаточнымъ

войскомъ, чтобы распечатать пакетъ. Тамъ приказывалось въ случаѣ невозможности сопротивленія сдать городъ австрійцамъ, но ни въ какомъ случаѣ не пруссакамъ. Винявскій предложилъ городъ начальнику ближайшаго австрійскаго отряда; но тотъ объявилъ, что онъ не уполномоченъ отъ своего правительства на принятіе города. Тогда Винявскій отправился къ пруссакамъ для переговоровъ, которые не кончились ничѣмъ. Начальники прусскаго войска воспользовались трусливымъ настроеніемъ Винявскаго и съ 3000 чел. овладѣли укрѣпленнымъ городомъ, въ которомъ было до 7000 гарнизона. Винявскій бѣжалъ въ Австрію. Поляки объявили его измѣнникомъ, но онъ былъ только трусомъ.

Съ потерей Кракова положеніе диктатора Костюшки становилось трагическимъ. Краковское воеводство было самое усердное изъ всѣхъ въ цѣлой Польшѣ. Хуже всего было то, что въ Варшавѣ плохо понимали важность минуты. Поляки не могли проникнуться сознаніемъ общности политическихъ интересовъ и продолжали вести свои обычныя интриги. Было совершено еще нѣсколько политическихъ казней. Разгорѣвшихся страстей и интригъ не могло остановить и воззваніе Костюшки, въ которомъ говорилось: „Опомнитесь, обыватели! Вы услуживаете врагамъ нашимъ, которые только того и желаютъ, чтобы у насъ не было никакого правительства. Можетъ быть, вамъ милъ образъ воина, готоваго поднять за васъ всѣ тягости, но я не желаю, чтобы какая-нибудь печаль на лицѣ моемъ отравила минуту свиданія съ вами. Вы, которыхъ горячая отвага увлекаетъ на мелкую дѣятельность, приходите лучше сюда, въ войско, гдѣ вамъ представится настоящее дѣло“.

Вскорѣ обстоятельства потребовали присутствія въ Варшавѣ самого Костюшки. Городъ осаждали двѣ арміи—русская—подъ начальствомъ Ферзена и прусская, при которой находился прусскій король. Между осаждавшими арміями начались нелады. Поэтому Варшава мало страдала отъ бомбардировки союзныхъ войскъ. Будь въ это время у поляковъ единодушіе, не трудно было отогнать союзниковъ отъ города, такъ какъ и у нихъ тоже не было единодушія. Екатерина была очень недовольна, что прусскій король вздумалъ осаждать Варшаву вмѣсто того, чтобы итти противъ

французовъ. Русскіе порою вступали даже въ дружественныя сношенія съ поляками. Костюшко, по просьбѣ генерала Хрущова, отослалъ къ нему его жену и дѣтей, бывшихъ въ плѣну въ Варшавѣ. Мадалинскій мѣнялся подарками съ русскимъ полковникомъ Волковымъ, съ которымъ былъ прежде знакомъ. Война принимала идиллическія формы. Союзники простояли безплодно подъ Варшавою два мѣсяца. Что касается Австріи, то она, предвидя окончательную катастрофу Польши, тоже постаралась ввести свои войска въ Польшу. Австрійцы заняли Люблинъ вмѣсто Дерфельдена, какъ будто для охраненія своихъ границъ. Они не пропускали припасовъ къ Варшавѣ, но избѣгали стычекъ съ польскими войсками и отступали при ихъ появленіи.

Поляки все надѣялись, что съ наступленіемъ осенняго времени война прекратится, а потомъ они успѣютъ собраться съ силами, или въ дѣлахъ Европы произойдетъ какая-нибудь перемѣна въ ихъ пользу. Дѣйствительно, осенью 1794 года на театрѣ войны наступилъ моментъ, когда варшавяне могли подумать, что ихъ дѣла еще не такъ плохи и могутъ измѣниться къ лучшему. Дѣло въ томъ, что нѣсколько небольшихъ польскихъ отрядовъ успѣли произвести волненіе въ тылу прусскихъ войскъ и захватили прусскій транспортъ съ военными припасами. Для пруссаковъ явилась опасность быть отрѣзанными, и Фридрихъ Вильгельмъ поспѣшилъ оставить Варшаву. Въ одно время съ нимъ отступилъ отъ Варшавы и Ферзенъ. Поляки торжествовали, но не сумѣли воспользоваться выгоднымъ моментомъ хотя бы для того, чтобы стянуть побольше войскъ въ Варшаву. А въ Литвѣ въ это время русскіе брали Вильну, которая, послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ приступовъ, сдалась русскому генералу Кноррингу (12 авг.). Надо было кончать дѣло. Между дворами еще не было произнесено выраженіе — „конецъ Польшѣ", но оно уже чувствовалось въ дипломатической атмосферѣ Петербурга и Берлина. Въ канцеляріяхъ и военныхъ лагеряхъ, чиновники и военные ясно видѣли, что все идетъ къ тому, и только не знали, какъ это совершится. Что было желательно въ данномъ случаѣ для Пруссіи — это было ясно само собою: для обладателя Бреславлемъ, Познанью и Кенигсбергомъ сама природа предуказывала вѣрную

границу въ линіяхъ теченія Нѣмана и Вислы. Точно также ясно было, что Россія, положившая столько силъ и принесшая столько жертвъ изъ-за Польши, пожелаетъ получить свою часть въ общемъ дѣлежѣ, къ которому пристанетъ по старой привычкѣ и Австрія, не желавшая ограничиваться одной только пассивной ролью зрительницы раздѣловъ.

Екатерина поручила веденіе войны Румянцеву-Задунайскому, дабы, по ея словамъ, войско обрадовалось, услышавъ, что обожаемый Велизарій снова ими предводительствуетъ. Румянцевъ велѣлъ Суворову соединиться съ генераломъ Ферзеномъ и итти на Варшаву. Суворовъ явился подъ Брестомъ. Его появленіе было очень неожиданно. Поляки сначала были увѣрены, что это не тотъ Суворовъ, который стоялъ на границахъ Турціи, а его однофамилецъ. Подъ Брестомъ стоялъ въ то время Сѣраковскій съ незначительными силами. Несмотря на все неудобство позиціи, занятой русскими войсками, послѣдніе напали на Сѣраковскаго и въ двухъ битвахъ совершенно разсѣяли его отрядъ, взявши 28 пушекъ и до 500 человѣкъ плѣнными. Сѣраковскій съ остатками войска отступилъ къ Вислѣ. Костюшко, узнавъ о пораженіи Сѣраковскаго, пріѣхалъ къ нему, ободрилъ упавшихъ духомъ солдатъ похвалилъ ихъ храбрость, даже многимъ назначилъ награды. Онъ согласился съ Сѣраковскимъ итти противъ Ферзена. Послѣ одержанной побѣды Суворову была открыта дорога къ Вислѣ. Съ своей стороны Ферзенъ двинулся на соединеніе съ нимъ, послѣ многихъ усилій перешелъ Вислу съ лѣваго берега на правый и остановился у Маціовицъ (около ста верстъ къ юго-востоку отъ Варшавы). Костюшко рѣшился предупредить его соединеніе съ Суворовымъ и велѣлъ собраться отрядамъ, какіе были у него на правомъ берегу Вислы. Сошлось не болѣе 11.000 человѣкъ. Силы Ферзена были чуть-ли не вчетверо значительнѣе. Поляки двинулись къ Маціовицамъ и стали на болѣе возвышенномъ мѣстѣ у замка Замойскихъ. Русскіе, перейдя болота, должны были выбивать непріятеля изъ его позиціи пушками, потомъ вступили въ ружейную перестрѣлку и наконецъ бросились въ штыки. До 8,000 поляковъ было убито, около 200 взято въ плѣнъ. Когда польская

кавалерія бѣжала, Костюшко бросился, чтобы остановить ее, но конь подъ нимъ споткнулся, и онъ упалъ. Его настигли два казака и два корнета и оглушили ударами пикъ и сабли. Казаки по обычаю тотчасъ принялись снимать съ него одежду, срывать перстни съ пальцевъ. Увидя на перстнѣ изображеніе краковской шапки одинъ изъ корнетовъ воскликнулъ: „Да это Костюшко". Раненый очнулся и сказалъ: „Да, я—Костюшко, дайте воды". Одинъ казакъ тотчасъ бросился за водою. Другіе бережно подняли его, одѣли вновь въ прежнюю одежду и на пикахъ понесли въ замокъ. Русскіе генералы оказывали особенное уваженіе Костюшкѣ и заботливо ухаживали за больнымъ.—Въ битвѣ при Маціовицахъ былъ взятъ въ плѣнъ польскій писатель Нѣмцевичъ. Въ его карманѣ нашли вновь написанную имъ драму: „Возвращеніе съ того свѣта". Русскіе офицеры читали ее вслухъ и хвалили. При извѣстіи о плѣнѣ Костюшки въ Варшавѣ началась общая паника. Женщины въ отчаяніи рыдали до истерики. Народъ кричалъ: „Нѣтъ Костюшки, пропало отечество!" Дѣти плача спрашивали: „Гдѣ нашъ дорогой Костюшко"? Совѣтъ писалъ Костюшкѣ: „Мы всѣ до единаго человѣка готовы собою для тебя пожертвовать. Мы слышали, что русскіе обращаются съ тобою человѣколюбиво; и мы также будемъ поступать съ русскими плѣнными". Костюшко отвѣчалъ, чтобъ думали объ отечествѣ, а объ немъ болѣе не заботились. Костюшко былъ очень храбрый и честный полководецъ. Находясь въ плѣну у русскихъ, онъ писалъ въ Варшаву, чтобы поляки непремѣнно розыскали и прислали въ цѣпяхъ въ русскій лагерь 9 бѣжавшихъ польскихъ офицеровъ, которые одни изо 100, взятыхъ въ плѣнъ и оставленныхъ на честное слово, измѣнили этому слову. „Не присоединимъ, писалъ онъ, къ нашимъ потерямъ величайшую изъ потеръ—славы и чести; пусть начальство покажетъ, какъ оно гнушается подобною подлостью". Костюшко—отправленъ въ Петербургъ, гдѣ при Екатеринѣ онъ содержался подъ строгою стражею. Императоръ Павелъ отпустилъ его на честное слово. Послѣ этого онъ уже никогда не сражался болѣе противъ русскихъ, сколько впослѣдствіи Наполеонъ ни дѣлалъ ему лестныхъ предложеній. Онъ умеръ въ 1817 году въ Швейцаріи.

Осень 1794 г. была рѣшительнымъ временъ для Польши. Послѣднія силы ея были истощены. Дѣло, впрочемъ, было не въ войскахъ. По исчисленіямъ польскихъ историковъ, передъ началомъ возстанія въ Польшѣ было 26—27 тысячъ войска, а къ концу его оно уже доходило до 95.000, т. е. Костюшко при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, послѣ второго раздѣла Польши создалъ почти такую армію, которую поставилъ четырехлѣтній сеймъ. Войско могло быть. Главное, послѣ Костюшки не было человѣка, который сумѣлъ бы нравственно объединить поляковъ и поддержать въ нихъ какое-либо согласіе. Костюшку разбили не столько войска, сколько моральное настроеніе страны. Главная сила, въ которой Костюшко съ своими друзьями видѣли спасеніе Польши, былъ народъ. Ожидалось, что общество принесетъ послѣдній грошъ на алтарь отечества. Но ожиданія оказались тщетны. Краковское воеводство не дало и десятой доли того, чего ожидалъ Костюшко. Обыватели сандомирскаго воеводства смотрѣли на Костюшку, какъ на своего врага, который пришелъ обирать ихъ... и еще хуже—лишить ихъ вѣковыхъ правъ. Многіе спѣшили оставить свои дома и бѣжали въ Германію. Другіе поневолѣ должны были платить деньги и высылать крестьянъ въ ополченіе, проклинали свое время, сами не зная, на кого взвалить вину, и молили Бога, чтобы такъ или иначе только поскорѣе кончилось бы такое разорительное возстаніе. Чѣмъ энергичнѣе дѣйствовалъ Костюшко съ высочайшимъ варшавскимъ совѣтомъ, тѣмъ больше онъ терялъ приверженцевъ, тѣмъ яснѣе было приближеніе конца. Если поляки не хотѣли находиться подъ властью иноземныхъ правителей, то нельзя сказать, чтобы для нихъ былъ привлекателенъ политическій идеалъ Костюшки, который сулилъ имъ не старую шляхетскую Польшу, а новую, чуждую ихъ духу, Польшу, которая приходилась нѣсколько сродни принципамъ французской революціи.

Начальство надъ войсками въ Варшавѣ послѣ Костюшки принялъ Вавржецкій, человѣкъ честный, но малоспособный. Онъ занялся укрѣпленіемъ Праги и собралъ въ ней около 20,000 войска. Суворовъ, соединившись съ Ферзеномъ, быстро двинулся къ Варшавѣ. Подъ Прагой онъ явился 22 октября съ оглушительнымъ барабаннымъ боемъ и шумною музыкой.

Поляки все таки надѣялись, что осада затянется надолго. Но въ первую же ночь уже выросла противъ правой стороны Праги сильная батарея. Цѣлый день 23-го числа приготовлялись къ осадѣ. Въ 5 часовъ слѣдующаго утра поднялась сигнальная ракета, и всѣ колонны бросились на приступъ. Къ 8 часамъ утра было уже кончено. Солдаты, мстя за своихъ убитыхъ въ Варшавѣ, никого не щадили: изрублено было до 12000 поляковъ. Гибли и женщины и дѣти. Вся Прага завалена была трупами. Самъ Суворовъ ѣздилъ по улицамъ и только кричалъ, чтобы спасались въ лагерь, гдѣ плѣнные были въ безопасности. Жители Варшавы съ высокаго берега, на которомъ расположенъ городъ, видѣли все это кровопролитіе и трепетали за свою участь. По первому требованію Суворова, магистратъ отправилъ къ нему избранныхъ людей для переговоровъ о сдачѣ города. Суворовъ принялъ посланныхъ, сидя на обрубкѣ дерева, отбросилъ свою шпагу и крикнулъ: „Миръ и согласіе“. Все оружіе и военные запасы сложили за городомъ. Вавржецкій вывелъ еще оставшіяся войска. 29 октября Суворовъ уже торжественно въѣзжалъ въ Варшаву. Въ рапортѣ фельдмаршалу Румянцеву онъ писалъ: „Виватъ, великая Екатерина, все кончено. Варшава обезоружена“. Большинство польскихъ солдатъ, услышавъ о дарованномъ всѣмъ прощеніи, добровольно приходило въ Варшаву, гдѣ всѣхъ распускали по домамъ. Колонтай, взявъ изъ пожертвованныхъ Костюшкѣ денегъ до 15,000 червонцевъ, бѣжалъ за границу. По третьему раздѣлу Россія получила земли между Нѣманомъ и верхнимъ Бугомъ, т. е, нынѣшнія Ковенскую, Виленскую и Гродненскую губерніи. Новая граница шла по теченію Нѣмана черезъ Ковну, Гродну, потомъ къ Бресту и далѣе до границы съ Галиціей, (въ общемъ около 2000 кв. миль). Австрія пріобрѣла Сандомиръ, Люблинъ и всѣ земли, ограниченныя на сѣверѣ и востокѣ Бугомъ, а на западѣ Вислою и Пилицей. Остальныя части Польши вмѣстѣ съ городомъ Варшавою присоединены къ Пруссіи. Станиславъ-Августъ, котораго Екатерина 30 лѣтъ тому назадъ возвела на польскій престолъ, былъ перевезенъ въ Гродну и здѣсь ею же низложенъ, послѣ того, какъ онъ сослужилъ ей службу „послѣдняго польскаго короля“. Онъ вскорѣ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ жилъ въ рос-

копной обстановкѣ, получая большую пенсію. Умеръ онъ въ царствованіе Павла Петровича. Съ прекращеніемъ существованія Польши, рушилась и формально-ленная зависимость отъ нея Курляндскаго герцогства. Петръ Биронъ сложилъ съ себя знаки герцогскаго достоинства и на ландтагѣ 1795 года въ Митавѣ было рѣшено присоединеніе Курляндіи къ Россіи. Это присоединеніе состоялось, такъ сказать, домашнимъ образомъ, безъ всякихъ переговоровъ съ другими державами. На Курляндію уже давно всѣ привыкли смотрѣть какъ на безспорное русское достояніе. На западной границѣ Россія получала новыхъ непосредственныхъ сосѣдей: Пруссію и Австрію.

20 ноября литовскій генералъ-губернаторъ Рѣпнинъ обнародовалъ отъ своего имени манифестъ о вступленіи русскихъ въ управленіе Литвою и привелъ жителей этой страны къ присягѣ на вѣрноподданство русской императрицѣ, а 14 декабря 1794 г. Екатерина II дала указъ сенату о присоединеніи къ Россіи на вѣчныя времена великаго княжества Литовскаго и о раздѣленіи его на двѣ губерніи: Виленскую и Слонимскую *).

Такъ кончила Польша свое старое политическое существованіе. Самое имя ея, какъ государства, было уничтожено. „Надъ ней совершился историческій приговоръ, говоритъ Кояловичъ, давно заявленный исторіей и давно требовавшій раздѣленія ея, какъ польско-русскаго государства, на двѣ части: польскую и русскую. Это былъ неминуемый приговоръ. Но къ этому приговору, который могъ бы и не касаться политической жизни чисто польской части Польши, Пруссія прибавила свою давнюю страсть усиливаться западно-славянскими землями, а примѣру Пруссіи послѣдовала и Австрія, которая, какъ извѣстно, вся сложена изъ различныхъ кусочковъ и для которой все равно, какіе получаются кусочки чужой земли, лишь бы получались“ („Чтенія“—301).—„Случилось то, что должно было случиться,—

---

*) Въ 1806 г. Наполеонъ образовалъ независимое Варшавское герцогство, большею частью изъ земель, отошедшихъ къ Пруссіи. Послѣ 1814 года эти земли, подъ названіемъ Царства Польскаго, отошли къ Россіи.

говоритъ нѣмецкій историкъ Зибель, —когда великій и даровитый народъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ столѣтій подвергаетъ себя политическому и нравственному самоубійству. Судьба прошла надъ виновными и невинными съ потрясающей силой и выразилась въ катастрофѣ, ужаснѣе которой свѣтъ не припомнитъ со времени Іерусалима. При такой картинѣ невольно закрываешь глаза и сомнѣваешься въ существованіи справедливости и въ Провидѣніи, но не видно ли также изъ этого и того, что націи тогда только старѣютъ и умираютъ, когда передъ тѣмъ сами себя губятъ?" Катастрофа, случившаяся въ концѣ XVIII в. съ нѣкогда могущественной Рѣчью Посполитой, принадлежитъ къ числу тѣхъ крупныхъ историческихъ событій которыя полагаютъ рѣзкихъ грань между двумя періодами въ историческомъ существованіи народа. Къ этому кризису, какъ къ заключительному политическому аккорду, какъ бы объединяющему весь ходъ чрезвычайно разнообразной по тонамъ піесы, сводится въ концѣ концовъ вся самостоятельная государственная жизнь Польши. И съ этого же момента начинается новѣйшая исторія польскаго народа, насчитывающая уже сто съ лишнимъ лѣтъ.

Коренныя польскія области не легко, конечно, мирились съ фактомъ окончательнаго паденія политической самостоятельности Рѣчи Посполитой. Позднѣйшія возстанія 1831 и 1861 годовъ ясно показали неугасшія еще сепаративны стремленія поляковъ. Но что касается бѣлорусскихъ провинцій, то здѣсь населеніе со времени раздѣловъ Польши перестало помышлять о возстановленіи польскаго королевства.

Впрочемъ, „вопросъ о внутреннемъ состояніи Сѣверо-Западнаго края отъ присоединенія его къ Россіи до смерти императрицы Екатерины II,—какъ говоритъ Турцевичъ въ предисловіи къ „Сборнику документовъ, касающихся административнаго устройства Сѣверо-Западнаго края при императрицѣ Екатеринѣ II",—пока еще не затронутъ нашей исторической литературой. Причиной такого явленія несомнѣнно служитъ то обстоятельство, что до настоящаго времени

мало еще издано источниковъ, относящихся къ разсматриваемой эпохѣ" *). Извѣстно, что первые русскіе генералъ-губернаторы присоединенныхъ областей—Тутолминъ и Рѣпнинъ все-таки „не переставали опасаться новаго возстанія, на что указываетъ ихъ переписка, помѣщенная въ XVI томѣ Сборника Русскаго Историческаго Общества. Въ концѣ мая 1795 г. Тутолминъ, опасаясь очевидно безпорядковъ, проситъ князя Рѣпнина оставить въ минской губ. нѣкоторые полки „хотя до того времени, когда совершится торжественное сей губерніи открытіе". Въ апрѣлѣ 1796 г. Рѣпнину сообщили, что въ Вильнѣ появилось много неизвѣстныхъ людей „въ какихъ то черныхъ шапкахъ". Это извѣстіе заставило его тотчасъ же сдѣлать распоряженіе о передвиженіи полковъ. Виленскому губернатору Тормасову предписано было зорко слѣдить за всѣми пріѣзжающими, за поведеніемъ людей въ трактирахъ, въ корчмахъ, на большихъ дорогахъ и вообще въ разныхъ публичныхъ мѣстахъ и обо всемъ немедленно доносить ему. Но, принимая на всякій случай такія мѣры предосторожности, Рѣпнинъ не придавалъ серьезнаго значенія слухамъ о возстаніи. „Знаю я, какъ вы", писалъ онъ Ланскому 30 апрѣля 1796 г., „что слухи разсѣеваемые не имѣютъ никакого вѣроятія и суть сущія враки; но понеже весь здѣшній народъ, по несчастію, таковъ, что одна часть тѣ враки выдумываетъ и разсѣеваетъ, другая тому, по глупости и легкомыслію, вѣритъ, а третья всего того боится и отъ страха всѣ тѣ враки увеличиваетъ, то тѣ и презрительные враки, по ихъ существу, оставаясь враками и совершенною небылицею, не менѣе однакожъ важны послѣдствіями, которыя отъ нихъ произойти могутъ, клонясь всѣ къ тому, чтобы увѣрить здѣшнихъ вертопраховъ и глупцовъ, что мы входимъ въ войну съ турками ли, или съ прусаками, и что имъ между тѣмъ должно пользоваться и бунтовать" (Предисловіе Турцевича

---

*) Это обстоятельство побудило Виленскую Археографическую Комиссію заняться изданіемъ „Сборниковъ документовъ, касающихся административнаго устройства Сѣверо-Западнаго края при Екатеринѣ II".

къ „Сборнику“ LXXXV и LXXXVI стр.). Только въ Гроднѣ была открыта попытка мелкой шляхты къ бунту, но и она не имѣла успѣха. Дѣло благополучно кончилось арестомъ десяти человѣкъ. Нѣкоторое броженіе умовъ происходило въ Варшавѣ и въ Галиціи, но въ бѣлорусскихъ областяхъ все было тихо. „Мятежная дурость здѣсь, кажется, утихла“, писалъ въ концѣ мая 1796 г. Рѣпнинъ Тутолмину. Тутолминъ въ свою очередь тоже писалъ Рѣпнину: „У меня, благодареніе Богу, становятся обитатели часъ отъ часу спокойнѣе, и ежели бы не раздражали ихъ обиды, отъ военныхъ причиняемыя то можно бы было нѣкоторымъ образомъ дѣлать счетъ и на ихъ привязанность, по крайней мѣрѣ, по наружнымъ поступкамъ должно себя такъ ласкать“. Такія заявленія высшихъ администраторовъ представляютъ несомнѣнныя доказательства того что въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ еще при Екатеринѣ улеглись всѣ политическія волненія, и установилось вполнѣ мирное и спокойное теченіе общественной жизни“ (ibid LXXXVII).

Русскія власти энергично принялись за административное устройство края. Еще въ царствованіе Екатерины въ немъ для безопасности гражданъ была введена сильная полицейская власть, приняты мѣры къ прекращенію злоупотребленій по судопроизводству, отмѣнены жестокія пытки и казни, начаты разслѣдованія правъ по имущественно-владѣльческимъ интересамъ. „Литовскій Статутъ“ хотя и не потерялъ еще своего юридическаго значенія, но его сила была уже значительно ослаблена постепеннымъ введеніемъ екатерининскихъ законоположеній и учрежденій. Кромѣ того, было обращено серьезное вниманіе на правильность почтовыхъ сообщеній, улучшенія дорогъ Санитарное состояніе городовъ и жалкое положеніе народнаго образованія вызвали рядъ соотвѣтствующихъ мѣропріятій. Подъ русскимъ административнымъ режимомъ былъ положенъ конецъ своеволію шляхты и магнатовъ. Народъ польскій сталъ подъ сѣнь твердаго, точно опредѣленнаго закона.

Такимъ образомъ Провидѣніе не окончательно прогнѣвалось на политическую Рѣчь Посполитую. Неумолимый

историческій рокъ поразилъ ее, какъ политическое цѣлое, но онъ сохранилъ ее, какъ этнографическую единицу славянской разновидности и далъ для значительной части польскаго народа возможность дальнѣйшаго культурнаго развитія въ тѣсномъ союзѣ съ великимъ славянскимъ государствомъ. Извѣстное изреченіе—„die Weltgeschichte ist das Weltgericht“ имѣетъ глубочайшія историко-соціальныя основанія.

Ѳ. А. Кудринскій.

Литературная дѣятельность императрицы Екатерины II.

Широта взглядовъ, чуткая отзывчивость къ явленіямъ и запросамъ современности, энергія характера, предпріимчивость и разносторонность дѣятельности, обыкновенно, считаются мужскими качествами, не свойственными женской природѣ. Сочетаніе этихъ качествъ въ женщинѣ представляется необычайнымъ и удивительнымъ даже въ настоящее время, когда сфера женской дѣятельности значительно расширилась, и она, выйдя за предѣлы тѣснаго интимнаго домашняго кружка, понемногу выступаетъ на арену общественной плодотворной работы. Еще болѣе поражаетъ сочетаніе этихъ свойствъ въ женщинѣ, жившей въ тотъ вѣкъ, когда для особъ ея пола, за самыми рѣдкими исключеніями, совсѣмъ не было выхода за предѣлы гостиной, дѣтской и кухни. Такова была императрица Екатерина II, замѣчательная, можно сказать, феноменальная женщина своего вѣка, сумѣвшая приковать къ себѣ вниманіе и сдѣлаться предметомъ восторженнаго поклоненія не только своихъ подданныхъ, но и передовыхъ людей Запада, „властителей думъ“ того времени, напр., знаменитаго Вольтера. Если многое въ этомъ поклоненіи можетъ быть объяснено ея высокимъ положеніемъ, ея мѣстомъ, которое иногда краситъ человѣка, то не подлежитъ сомнѣнію и то, что это поклоненіе вызвано дѣйствительно искреннимъ увлеченіемъ ея разносторонними талантами, широтой и плодотворностью ея дѣятельности. Въ ея государственныхъ предпріятіяхъ, въ разнообразныхъ планахъ и начинаніяхъ, въ привычкахъ домашней жизни и даже слабостяхъ сказался именно мужской, гибкій и глубокій умъ, оригинальный и чуткій. Сама императрица признавалась, что чувствуетъ себя гораздо лучше въ мужскомъ обществѣ, и что если бы ей случилось попасть въ общество версальскихъ дамъ, то онѣ не нашли бы ее интересной. Будучи умной и образо-

ванной женщиной, велѣніемъ судьбы поставленной во главѣ великаго народа, она съ достоинствомъ несла свое высокое бремя, сумѣла поставить себя въ центрѣ передовыхъ начинаній своего вѣка. Для современниковъ, непосредственно, такъ сказать, осязавшихъ плоды ея трудовъ, она была богоподобнымъ существомъ, обладающимъ способностью производить „изъ разногласія согласье и изъ страстей свирѣпыхъ счастье“ и даже самый хаосъ „дѣлить на сферы стройно и союзомъ цѣлость ихъ крѣпить“, какъ выразился поэтъ; быть солнцемъ, обтекающимъ свои предѣлы и дающимъ всему свѣтъ и теплоту.

Мы, отдаленные потомки, не можемъ, конечно, во всемъ раздѣлять этого восторженнаго мнѣнія современниковъ Екатерины; руководясь строгой справедливостью и безпристрастіемъ исторической критики, мы найдемъ много недостатковъ и въ политической дѣятельности и въ личной жизни императрицы, но, по требованію той же справедливости, мы отдадимъ ей дань уваженія и признаемъ, что императрица была центральной личностью своего вѣка, руководительницей общественнаго мнѣнія, воспитательницей новыхъ общественныхъ идеаловъ: отъ нея исходили и въ ней находили поддержку прогрессивныя общественныя теченія, ею же они регулировались, принимая форму, наиболѣе удобную, наиболѣе примѣнимую. Даже литература Екатерининскихъ временъ находитъ себѣ объясненіе, источникъ, вдохновеніе и движущее начало или въ личности императрицы или въ ея трудахъ. Всѣ писатели того времени или воспѣвали личность и дѣла императрицы Екатерины, или питались идеями, нашедшими себѣ доступное для общества выраженіе въ ея знаменитомъ „Наказѣ“; тамъ находили они основаніе для своихъ сужденій о состояніи общества, для оцѣнки его нравственнаго уровня и для точной формулировки своихъ положительныхъ идеаловъ; таковы, напр. писатели сатирики XVIII вѣка, во главѣ которыхъ надо поставить Фонвизина.

Но и помимо этого вліянія на современную литературу идеями, высказанными въ знаменитомъ „Наказѣ“, императрица Екатерина имѣетъ самое близкое отношеніе къ литературѣ XVIII вѣка, какъ довольно разносторонняя и плодовитая писательница, обнаружившая и недюжинный литературный талантъ и прекрасное знакомство съ состояніемъ со-

временнаго общества, нравы котораго она изображаетъ въ своихъ произведеніяхъ. Правда, будучи нѣмкой по происхожденію и начавши изучать русскій языкъ уже въ юношескомъ возрастѣ, императрица Екатерина не могла побороть всѣ трудности этого языка, какъ сама признавала, иногда затруднялась свободнымъ пользованіемъ русской рѣчью и принуждена была прибѣгать къ помощи сотрудниковъ; но это нисколько не ослабляетъ ея значенія въ качествѣ писательницы, тѣмъ болѣе, что тогдашній литературный языкъ вообще былъ далекъ отъ совершенства; напротивъ, весьма замѣчательно и похвально это стремленіе писать по-русски въ то время, когда и коренные то русскіе люди не уважали и даже пренебрежительно относились къ своему языку. Императрица Екатерина оставила послѣ себя потомству довольно крупное, по крайней мѣрѣ, по количеству, литературное наслѣдство; помимо упомянутаго уже „Наказа", даннаго въ руководство „Комиссіи для составленія новаго уложенія", ею написанъ рядъ комедій, въ которыхъ изображаются современные нравы, заразительныхъ своею веселостью комическихъ оперъ, статей въ сатирическихъ журналахъ, педагогическихъ опытовъ и т. п; пробовала она свои силы даже въ области популярной науки, и все это сдѣлала въ тотъ вѣкъ, когда литература и занятія ею, даже жрецами ея, разсматривались еще какъ забава, отдыхъ отъ дѣла, „какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ", а не какъ серьезное дѣло, могущее составить цѣль всей жизни.

Приступая къ обзору литературной дѣятельности императрицы Екатерины II, въ главнѣйшихъ ея проявленіяхъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя обойти молчаніемъ ея „Наказъ", такъ какъ помимо иного и очень разносторонняго историческаго значенія, онъ имѣлъ огромное значеніе литературное.

„Наказъ" не можетъ быть названъ литературнымъ произведеніемъ въ тѣсномъ смыслѣ, онъ относится къ области законодательства, но его нельзя назвать и правительственнымъ актомъ, подобнымъ указамъ и инструкціямъ. „Съ „Наказомъ", говоритъ одинъ изслѣдователь (Щебальскій), повелѣно было сообразоваться судьямъ при рѣшеніи дѣлъ, особенно уголовныхъ, но сообразоваться съ его духомъ, а не буквою; онъ данъ былъ самой „Комиссіи уложенія" къ руководству, а не къ исполненію. Таковъ его характеръ въ отношеніи къ раз-

личнымъ органамъ государственной власти; что касается до неофиціальной публики, то по отношенію къ ней онъ не имѣлъ ровно никакой обязательной силы. Съ этой точки зрѣнія его надо разсматривать какъ нравственно политическій кодексъ, какъ книгу заключающую въ себѣ ученіе о свойствѣ и обязанностяхъ правительства, о взаимныхъ отношеніяхъ между нимъ и гражданами, о народномъ образованіи, о значеніи суда, о взаимныхъ отношеніяхъ и особыхъ правахъ разныхъ сословій и т. п.". Въ Наказѣ императрица въ изложеніи мыслей своихъ, необязательныхъ для каждаго русскаго въ отдѣльности, позволяла себѣ подходить къ идеалу; она не повелѣвала, но совѣтовала, убѣждала, объясняла, короче говоря, выражала свои идеи, которая желала бы насадить въ обществѣ безъ всякаго къ тому принужденія. Разсматриваемый съ этой стороны, „Наказъ" ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть обойденъ вниманіемъ при разсмотрѣніи литературной дѣятельности императрицы Екатерины. Въ качествѣ произведенія, пытающагося провести въ жизненный оборотъ новыя идеи, „Наказъ" могъ быть написанъ только человѣкомъ, чуждымъ предразсудковъ, воспитанныхъ долговременными привычками, и не связанный узами многовѣковой традиціи; а такимъ человѣкомъ и была императрица Екатерина. Ей легче было, чѣмъ кому бы то ни было изъ русскихъ, выразить свои задушевныя мечтанія, новыя понятія, не стѣсняясь никакой привязанностью къ основамъ прошлаго, легче было попытаться провести ихъ въ жизнь, тѣмъ болѣе что на сторонѣ ея были и выгоды положенія царственной особы, облеченной самодержавною властью.

Идеи, нашедшія себѣ болѣе или менѣе полное развитіе и выраженіе въ „Наказѣ", зародились и были пережиты императрицей Екатериной еще задолго до того времени, когда она получила возможность свободнаго ихъ выраженія во всеуслышаніе. Исключительное положеніе при жизни императрицы Елисаветы, холодно относившейся къ невѣсткѣ за ея слишкомъ большой умъ, неудачная семейная жизнь и полное отсутствіе внутренней связи съ супругомъ, человѣкомъ ограниченнымъ, наконецъ, влеченіе собственнаго „философскаго" ума—все это сдѣлало то, что великая княгиня Екатерина съ головой погрузилась въ чтеніе книгъ, передумала и перечувствовала все найденное въ произведеніяхъ такъ называемой „просвѣтительной"

литературы XVIII в., получавшей тогда все большее и большее распространеніе въ Европѣ и овладѣвавшей умами передовыхъ людей разныхъ странъ. Вступая на престолъ и беря въ свои руки бразды правленія многочисленнымъ народомъ, Екатерина имѣла уже вполнѣ сложившійся и опредѣленный взглядъ на существенные вопросы государственной жизни, на отношенія власти и подчиненныхъ, разныхъ общественныхъ слоевъ между собою, на ходъ административной машины и т. д. Естественно было ей, получивши власть, всѣ эти идеи и взгляды провести въ жизнь, внѣдрить въ сознаніе если не всей народной массы, то, по крайней мѣрѣ, руководящихъ слоевъ, создать новую эру и прославить свое имя. Задаваясь законодательными цѣлями, она въ руководство „Комиссіи, созванной для выработки новаго проекта „уложенія“ и дала своего рода инструкцію, или, точнѣе, рядъ совѣтовъ, указаній, наставленій, которые должны были пролить новый свѣтъ на разныя стороны государственной и общественной жизни, расширить кругозоръ многочисленныхъ представителей народа, поставить ихъ законодательную работу на серьезную „философскую“ основу. Вотъ почему „Наказъ“ начинается уясненіемъ главнѣйшихъ принциповъ государственной жизни, принятіе которыхъ дѣлало бы Россію дѣйствительно европейской державой. Эти основные принципы—равенство всѣхъ предъ закономъ, гражданская свобода или вольность. Всѣ должны быть „подвержены“ однимъ законамъ, что „требуетъ хорошаго установленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньшее ихъ стяжаніе имѣющихъ и обращать себѣ въ собственную пользу чины и званія, порученныя имъ только, какъ правительствующимъ особамъ государства. Гражданскую свободу, или „вольность“, Екатерина опредѣляетъ такъ: „Вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть и чтобы не быть принуждену дѣлать то, чего хотѣть не должно“. „Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ“. „Ничего не должно запрещать законами, кромѣ того, что можетъ быть вредно или каждому особенно или всему обществу“. Эти основоположенія представляются дѣйствительною новостью, серьезною попыткою провести не только въ правительственный обиходъ, но и главнымъ образомъ въ общественное сознаніе начала, или со-

всѣмъ неизвѣстныя или мало извѣстныя, поставить самую власть въ границы, строго опредѣленныя закономъ, и заставить дѣйствовать каждаго не по личному усмотрѣнію въ мѣру принадлежащей власти, но на основахъ требованія строгой законности.

Стремясь къ проведенію въ жизнь идеи законности, свободы, императрица Екатерина, естественно, должна была остановиться съ большимъ вниманіемъ на такихъ сторонахъ русской жизни, которыя требовали наибольшаго упорядоченія. Поэтому вопросы о крестьянахъ, уголовномъ судопроизводствѣ, наказаніяхъ и т. п. составляютъ предметъ особенно тщательнаго разсмотрѣнія. Правда, въ вопросѣ о крестьянахъ императрица Екатерина трактуетъ съ оговорками, въ родѣ, напр. того, что не слѣдуетъ „вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ", что „законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества, при чемъ однако весьма нужно, чтобы предупреждены были тѣ причины, кои столь часто приводили въ непослушаніе рабовъ противъ господъ своихъ" и т. п; но это объясняется общимъ направленіемъ мыслей императрицы, по которому „законоположеніе должно примѣняться къ народному умствованію, ибо люди ничего такъ хорошо не дѣлаютъ, какъ только то, что дѣлаютъ вольно, непринужденно и слѣдуя природной склонности". А каковы тогда были „народное умствованіе" на этотъ счетъ и „природная склонность", видно изъ того, какимъ нападкамъ подвергся „Наказъ" со стороны лицъ, удостоенныхъ довѣрія императрицы, поручившей имъ предварительный просмотръ „Наказа", и открыто выраженнаго желанія представителей разныхъ сословій имѣть крѣпостныхъ людей. Въ угоду этимъ критикамъ Екатерина, какъ она сама говорила, „перемарала" свой „Наказъ". Несмотря на неблагопріятныя условія, она однако усиленно старается провести въ общественное сознаніе мысль, что съ точки зрѣнія государственной пользы крѣпостное право вредно, что трудъ людей, не имѣющихъ собственности и работающихъ не на себя, непроизводителенъ, что даже народонаселеніе слабо увеличивается при необезпеченности положенія, и рекомендуетъ, по крайней мѣрѣ, „по силѣ нашей о благополучіи тѣхъ людей пещись и избѣгать случаевъ, чтобы не приводить людей въ неволю, развѣ крайняя необходимость

къ учиненію того привлечетъ, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной". Извѣстно, что крестьяне при Екатеринѣ не только не были освобождены, но объ этомъ не поднималось даже серьезнаго вопроса; скорѣе положеніе ихъ ухудшилось; но наша рѣчь идетъ не о соотвѣтствіи идей Екатерины съ практическими мѣропріятіями того времени, а о самомъ возникновеніи идей, попыткѣ провести ихъ въ общее сознаніе, подготовить въ обществѣ такое „умонаклоненіе", которое сдѣлало бы возможнымъ и самое практическое примѣненіе идей.

Гораздо свободнѣе высказывается императрица по вопросамъ, касающимся уголовнаго законодательства. Она стремится къ тому, чтобы охранить, по возможности, личность гражданина отъ судейскаго произвола и устранить безполезныя жестокости, которыхъ въ тотъ вѣкъ было много. Стоитъ припомнить болѣе или менѣе выдающіеся процессы предшествующей эпохи, въ родѣ напр. процесса Волынскаго, Долгорукихъ, или знаменитое „слово и дѣло", чтобы понять, какъ жестоко велось тогда судопроизводство и какое широкое примѣненіе имѣла пытка. Естественно, что императрица всячески вооружается противъ пытки. Пытка, по ея мнѣнію, самое надежное средство „обвинить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго". „Обвиняемый, терпящій пытку, не властенъ надъ собою въ томъ, чтобы могъ говорить правду. Мучимый болью, невинный закричитъ, что виноватъ, лишь бы только мучить его перестали". Пытка, по мнѣнію Екатерины, уже потому несправедлива, что налагаетъ наказаніе на человѣка прежде его осужденія. „Человѣкъ не можетъ считаться виновнымъ прежде судебнаго приговора, и законы не могутъ лишать его своей защиты, прежде чѣмъ доказано будетъ, что онъ ихъ нарушилъ. „Если же это нарушеніе не извѣстно, то не слѣдуетъ и мучить невиннаго. Мучить человѣка, еще не признаннаго преступникомъ, несправедливо и такимъ образомъ безполезно". Точно также она признаетъ вредными и ничего не достигающими жестокія наказанія за уголовныя преступленія. Назначеніе наказаній, говоритъ она, не въ томъ, „чтобы мучить тварь, чувствами одаренную", но чтобы „воспрепятствовать виноватому впредь вредить обществу и отвратить со-

гражданъ отъ содѣянія подобныхъ преступленій", а потому надо установить систему такихъ наказаній, которыя, соотвѣтствуя" преступленіямъ, оставляли бы въ сердцахъ людей живой и долгій слѣдъ и въ то же самое время не были бы „люты надъ тѣломъ преступниковымъ". Чтобы наказаніе произвело желаемое дѣйствіе, довольно и того, когда „зло имъ причиненное (преступнику) превосходитъ выгоду, ожидаемую отъ преступленія". Сила наказанія не въ его жестокости, а въ отношеніи къ нему наказываемаго; и нестрогое наказаніе можетъ принести большую пользу, чѣмъ строгое, если только наказываемый нравственно болѣе чувствителенъ, а потому Екатерина находитъ, что „въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими". Лучшимъ средствомъ противъ преступленій императрица считаетъ не наказаніе, а предупрежденіе преступленій путемъ распространенія просвѣщенія, равенства всѣхъ предъ закономъ и распространенія уваженія къ закону. „Хотите предупредить преступленія,—сдѣлайте, чтобы законы меньше благодѣтельствовали разнымъ между гражданами чинамъ, нежели всякому особо гражданину; сдѣлайте, чтобы люди боялись законовъ и никого бы, кромѣ нихъ, не боялись. Хотите предупредить преступленія,—сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми. Самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія".

Многое изъ рекомендуемаго императрицей Екатериной не могло практически привиться по недостаточной подготовкѣ тогдашняго общества къ воспріятію новыхъ идей; многое имѣетъ характеръ теоріи, вообще не приспособленной къ практикѣ, обличая въ авторѣ въ извѣстной мѣрѣ идеолога; но при всемъ томъ значеніе „Наказа" и его глубокое вліяніе не подлежитъ никакому сомнѣнію. Хотя комиссія, въ руководство которой данъ былъ „Наказъ", разошлась, ничего положительнаго не сдѣлавъ, но публично высказанныя императрицей мысли не могли пройти мимо ушей членовъ этой комиссіи и должны были оставить свой слѣдъ въ ихъ умахъ, заставить задуматься надъ такими вопросами, которые прежде не подымались. Такимъ образомъ, Екатериной пущены были въ оборотъ новыя идеи; эти идеи, конечно, не могли сразу сдѣлаться об-

щимъ достояніемъ, всеобщимъ факторомъ историческаго развитія русскаго общества, но должны были образовать болѣе или менѣе значительныя группы единомышленниковъ, послѣдователей императрицы, которые распространили эти идеи въ глубь и ширь, сдѣлали ихъ съ теченіемъ времени своего рода общими мѣстами. Мало-по-малу сталъ вырабатываться новый идеалъ и политической и общественной жизни, стали распространяться въ обществѣ болѣе точныя понятія о законности, о равенствѣ всѣхъ предъ закономъ и т. п, пока все это не сдѣлалось общимъ достояніемъ. Конечно, это дѣлалось не сразу, а очень медленно, и многое привилось уже значительно позже. Говоря все это, мы, конечно, далеки отъ мысли утверждать, что всѣ эти новыя начала имѣютъ своимъ источникомъ только „Наказъ". Столь сложное дѣло, какъ внѣдреніе въ общество новыхъ идей, новыхъ понятій и правилъ, совершается подъ дѣйствіемъ сложныхъ причинъ, и если общество не подготовлено до нѣкоторой степени къ воспріятію ихъ или, по крайней мѣрѣ, не предрасположено, то никакія единичныя усилія ничего не подѣлаютъ. И въ обществѣ Екатерининскаго времени, несомнѣнно, были благопріятныя броженія независимо отъ „Наказа", но „Наказъ" содѣйствовалъ ускоренію біенія общественнаго пульса, будилъ дремлющія силы авторитетнымъ словомъ, исходящимъ съ высоты престола, призывалъ къ новой жизни, къ новымъ общественнымъ построеніямъ горячо и громко. Что это было такъ, подтверждается тѣмъ, что литература Екатерининскаго времени, какъ своего рода термометръ и барометръ умственной жизни народа, является отраженіемъ и выраженіемъ идей, нашедшихъ себѣ формулировку въ „Наказѣ". Во имя этихъ идей писатели сатирическаго направленія, напр. Фонвизинъ, обличаютъ общественные недостатки, а когда хотятъ дать положительный идеалъ, то говорятъ чуть не буквально словами „Наказа". Литература эта въ видѣ комедій, сатирическихъ журналовъ, аллегорическихъ повѣстей и т. п, уподобляется каплѣ, долбящей камень частымъ паденьемъ, вызываетъ плодотворное броженіе умовъ, наводитъ лучшіе умы на плодотворную работу, будитъ общество, заставляетъ его выйти изъ спячки, и, несомнѣнно, къ концу царствованія Екатерины русское общество по своимъ понятіямъ и настроенію было не то, что при ея вступленіи на престолъ

Такимъ образомъ, идеи, не нашедшія себѣ полнаго примѣненія въ законодательствѣ, нашли свое приложеніе въ литературѣ, въ умахъ лучшихъ людей, сыграли роль воспитательнаго фактора. Роль „Наказа“ въ дѣлѣ воспитанія общественной мысли можно, думается, сравнить съ ролью такъ называемыхъ „людей сороковыхъ годовъ“, которые были говоруны, мало знали въ практическомъ отношеніи Россію, питались отвлеченными началами нѣмецкой философіи, и ничего положительнаго, что можно было бы смѣрить и взвѣсить, не сдѣлали, но которые своими рѣчами, благороднымъ энтузіазмомъ, увлекательной діалектикой, страстнымъ горячимъ преклоненіемъ предъ просвѣщеніемъ и умственными силами человѣка пробудили общественное сознаніе, подготовили почву для практической работы, выразившейся между прочимъ и въ великомъ актѣ освобожденія простого народа, о чемъ мечтала и Екатерина, но столкнулась съ подводнымъ камнемъ общественной къ нему неподготовленности. „Идеалистическія ожиданія Екатерины не исполнились (говоритъ новѣйшій историкъ литературы (Пыпинъ), разсуждая о „Наказѣ“), но „Наказъ“ не остался безъ своего историческаго вліянія. День изданія „Наказа“ былъ днемъ нашего дѣйствительнаго вступленія въ европейскую жизнь, нашего внутренняго пріобщенія къ европейской цивилизаціи, днемъ, въ который русскіе въ первый разъ получили право именоваться гражданами. Теоретическія идеи „Наказа„ никогда не были законодательными опредѣленіями. Но онѣ явились во многихъ отношеніяхъ руководящими началами нашего положительнаго права. Отголосокъ „Наказа“ слышится въ законодательныхъ актахъ, какъ самой императрицы, такъ и императора Александра I. „Наказъ“ остался, наконецъ, источникомъ, изъ котораго въ то время и долго послѣ почерпали опору тѣ писатели, которые стремились разъяснить здравыя требованія человѣчности и просвѣщенія“.

Пробужденная русская общественная мысль заговорила, и ея рѣчи. какъ мы уже упомянули, отразились въ лучшей части литературы Екатерининскаго времени. Вѣкъ Екатерины въ исторіи нашей литературы знаменуется особеннымъ подъемомъ, сильнымъ и ускореннымъ пульсомъ: замѣчается обиліе разнаго рода произведеній, изъ которыхъ нѣкоторыя, сыгравъ свою роль, умерли для потомства, а нѣкоторыя пріобрѣли безсмер-

тіе и сохранили свой не только историческій, но и художественно-литературный интересъ и до сего времени. Появленіе новыхъ идей и новыхъ понятій, проникновеніе ихъ въ общественную среду отмѣчается не только горячимъ сочувствіемъ, но и страстнымъ увлеченіемъ умѣлыхъ и неумѣлыхъ адептовъ, которые всячески заботятся о распространеніи того, что они считаютъ за лучшее; это увлеченіе прежде всего сказывается въ переоцѣнкѣ стараго, критическомъ къ нему отношеніи, что совершенно понятно, такъ какъ взглядъ на жизнь съ новыхъ сторонъ даетъ возможность ярче видѣть прорѣхи стараго, укоренившіеся и господствующіе недостатки. Поэтому и литература такихъ моментовъ въ большинствѣ случаевъ принимаетъ сатирическій характеръ, обличительный. Это наблюдается и относительно литературы Екатерининскаго времени, ведущей свою генеологію отъ „Наказа"; она въ подавляющемъ количествѣ носитъ сатирически-обличительный характеръ. И сама императрица внесла съ своей стороны лепту въ эту сокровищницу обличенія русскихъ недостатковъ во имя новыхъ идеаловъ. Она написала рядъ комедій, въ которыхъ осмѣяла, какъ старые русскіе предразсудки, грубые нравы, такъ и неумѣлое обезьянье увлеченіе всѣмъ тѣмъ, что идетъ съ „просвѣщеннаго" Запада. Если въ обличеніи второго она отчасти предупреждена была Фонвизинымъ, то въ обличеніи перваго его опередила: ея комедія „О время" написана на цѣлыхъ десять лѣтъ ранѣе знаменитой комедіи „Недоросль".

Писать комедіи императрица Екатерина начала въ 1772 году. Цѣль и назначеніе своихъ піесъ она такъ объясняетъ въ письмѣ къ Гримму: „Во 1, пишу комедіи потому, что это меня забавляетъ, во 2, потому что желала бы поднять національный театръ, который, за неимѣніемъ новыхъ піесъ, находится въ нѣкоторомъ пренебреженіи". Но за этими внѣшними побужденіями академикъ Гротъ видитъ другія. Видя вокругъ себя проявленіе человѣческихъ слабостей и недостатковъ, Екатерина хотѣла дѣйствовать путемъ слова. Она проводитъ въ своихъ комедіяхъ гуманныя идеи, объясняетъ и защищаетъ свои реформы, осмѣиваетъ не одни грубыя суевѣрія и пороки но и новую грубость и невѣжество, покрываемыя лоскомъ французской образованности, пристрастное увлеченіе всѣмъ иностраннымъ съ презрѣніемъ къ отечественному. Не даромъ

еще современная Екатеринѣ критика признала комедіи императрицы началомъ русской общественной комедіи и критики общественныхъ нравовъ. „Вы первый, говоритъ извѣстный Новиковъ въ своемъ „Живописцѣ“, сочинили комедію (О время) точно въ нашихъ нравахъ; вы первый съ такою благородной смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствующіе“. Отмѣчая вліяніе Екатерининскихъ комедій на общество, онъ продолжаетъ: „Истребите изъ сердца своего всякое пристрастіе, не взирайте на лицо; порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія. Низкостепенный порочный человѣкъ, видя осмѣиваемаго себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только единой Вами угнетаются, а превосходительство, удрученное пороками, хотя въ первый разъ въ жизни своей восчувствуетъ равенство свое съ низкостепенными“.

Комедіи императрицы Екатерины не блестятъ выдающимися литературными достоинствами, которыя дѣлали бы ихъ замѣчательными во всѣхъ отношеніяхъ произведеніями даже для своего вѣка; въ нихъ мы не найдемъ художественной цѣлостности, стройности, драматическаго движенія; дѣйствующія лица слишкомъ много говорятъ, въ повѣствовательной формѣ сообщается много такого, что составляетъ суть содержанія и, такимъ образомъ, должно быть выражено въ драматической формѣ; второстепенныя лица лишены всякаго драматическаго интереса и оригинальности. Напр. характеристика главнаго дѣйствующаго лица въ комедіи „О время“, Ханжахиной, дается не столько изображеніемъ послѣдовательной смѣны ея дѣйствій, сколько посредствомъ разсказовъ служанки Мавры. Болѣе всего неудачными и искусственными въ комедіяхъ императрицы является слуги, которыя говорятъ и думаютъ совсѣмъ не такъ, какъ свойственно людямъ ихъ положенія въ Россіи XVIII в.; это не крѣпостные люди, происходящіе изъ русскаго крестьянства, а весьма близкіе сколки со слугъ разныхъ французскихъ комедій: Дорины, Лафлеши и т. п. лица, носящія только русскія имена. Иногда слуги высказываютъ такія мысли, которыя не снились и не могутъ даже присниться ихъ господамъ, и степень умственнаго развитія обнаруживаютъ гораздо большую, чѣмъ эти послѣдніе. Такъ Мавра, служанка Ханжахиной, читаетъ „Ежемѣсячныя сочиненія“,

„Клевеланда“ и разсуждаетъ столь возвышенно: „Всѣхъ осуждаемъ, всѣхъ цѣнимъ, всѣхъ пересмѣхаемъ, всѣхъ злословимъ, а того и не видимъ, что смѣха и осужденія сами достойны. Когда предубѣжденія заступаютъ въ насъ мѣсто здраваго разсудка, тогда сокрыты отъ насъ собственные пороки, а явны только погрѣшности чужія: видимъ мы сучекъ въ глазу ближняго, а въ своемъ и бревна не видимъ“. За чтеніе книгъ Ханжахина называетъ Мавру бусурманкой, такимъ образомъ, изображается стоящей ниже своей служанки въ умственномъ отношеніи, что, конечно, совершенно не естественно.

Многіе изъ этихъ несомнѣнныхъ недостатковъ комедій императрицы мы должны отнести не къ свойствамъ личнаго таланта ихъ автора, а поставить на счетъ господствовавшихъ тогда эстетическихъ понятій, установленныхъ схемъ построенія драматическихъ произведеній; этими недостатками страдаютъ, хотя и въ меньшей степени, произведенія и болѣе талантливыхъ писателей того вѣка, напр. Фонвизина (особенно „Бригадиръ“). Неестественность изображенія, въ частности, слугъ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что имъ особенно существеннаго значенія не придавали, въ качествѣ матеріала, изображающаго нравы; слуги играли роль, похожую на роль хора въ древне-греческой драмѣ; они выражали необходимыя автору мысли, а какъ выражали, не считалось особенно важнымъ и не обращалось на это вниманія; даже у писателей позднѣйшаго времени и болѣе сильныхъ въ художественномъ отношеніи мы встрѣчаемъ слѣды этой небрежности въ изображеніи второстепенныхъ лицъ, въ частности слугъ; припомнимъ, напримѣръ, Грибоѣдовскую Лизу. Слабость изображенія слугъ въ комедіяхъ императрицы Екатерины можно объяснить еще и плохимъ сравнительно знакомствомъ ея съ лицами этой категоріи, которыхъ она уже по самому своему высокому положенію не могла наблюдать близко.

Но при указанныхъ недостаткахъ, вообще комедіи императрицы отличаются трезвымъ реализмомъ и обнаруживаютъ въ авторѣ глубокую наблюдательность, умѣнье улавливать характерныя черты людей, отчетливое пониманіе нравственнаго и умственнаго состоянія того общества, которое въ нихъ изображается. Приходится изумляться, гдѣ и когда успѣла императрица такъ

хорошо познакомиться съ интимной стороной жизни русскаго дворянства, изучить слабости, пороки, предразсудки, подмѣтить характерное для нихъ выраженіе. Императрица не была русскою по происхожденію, къ тому же и случаевъ наблюдать русскую жизнь безъ прикрасъ, на распашку, повидимому, имѣла мало. „Государь, говоритъ Щебальскій, находится вообще въ невыгодномъ положеніи для того, чтобы дѣлать наблюденія; въ присутствіи Высочайшихъ особъ рѣдко кто высказывается, рѣдко даже кто остается самимъ собою“, стараясь свои мысли и слова пріурочивать къ тому, что предполагается пріятнымъ государю или служащимъ выраженіемъ преданности и почтительнаго вниманія къ высокой особѣ; кромѣ того, и кругъ наблюденій очень ограниченъ; государь лишенъ возможности производить наблюденія внѣ избраннаго круга, видѣть людей запросто въ ихъ домашней обстановкѣ, словомъ, закулисная, такъ сказать, жизнь его подданныхъ отъ него скрыта. Несмотря на эти неблагопріятныя условія, въ комедіяхъ императрицы мы найдемъ весьма оригинальное, мѣткое и очень живое изображеніе нравовъ русскаго общества, знаніе разнаго рода обычаевъ, предразсудковъ, примѣтъ и даже своеобразныхъ выраженій, какъ будто бы авторъ знакомъ былъ съ глухими уголками провинціальныхъ русскихъ городовъ и помѣстій. Можно догадываться, что многое изъ вошедшаго въ комедіи императрицы собрано ею и припасено изъ наблюденій надъ русской жизнью еще въ Елисаветинскія времена, когда и положеніе Екатерины не было столь высоко, и самая придворная жизнь было полна старорусскихъ особенностей, въ которыхъ должна была принимать участіе и великая княгиня Екатерина. Императрица Елисавета часто любила ѣздить по богомольямъ, по долгу гостить въ имѣніяхъ у своихъ вельможъ, особенно въ подмосковныхъ, и въ этихъ путешествіяхъ ее сопровождалъ весь дворъ, а также и великій князь-наслѣдникъ престола съ супругою. Эти особенности жизни старой императрицы, эти частыя посѣщенія Москвы и соприкосновеніе съ средой чисто русскихъ людей дворянскаго слоя дали богатый матеріалъ императрицѣ-писательницѣ, помогли ей разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ надъ жизнью и послѣ когда она сдѣлалась императрицей и когда задумала писать комедіи.

Содержаніе комедіи „О время“ не сложно. Къ внучкѣ Московской барыни Ханжахиной сватается пріѣзжій изъ Петербурга молодой человѣкъ Молокососовъ, за котораго ходатайствуетъ нѣкто Непустовъ. Сватовство это идетъ очень медленно и неудачно, такъ какъ Ханжахина подъ разными предлогами затягиваетъ дѣло, не рѣшаясь разстаться съ деньгами, которыя нужно дать въ приданое за внучкой. Сбиваетъ ее съ толку и Вѣстникова, припоминающая непочтительное къ себѣ отношеніе со стороны Молокососова, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Самъ Молокососовъ портитъ дѣло тѣмъ, что неосторожно смѣется надъ суевѣрнымъ разсказомъ Ханжахиной о пѣтухѣ, который снесъ яйцо передъ смертью ея мужа. Ханжахина такъ разгнѣвалась, что рѣшительно отказываетъ ему отъ дому. Но въ дѣло вмѣшивается служанка Мавра, которая и научаетъ Молокососова дѣйствовать черезъ Вѣстникову, очень любящую лесть и подарки. Выслушавъ нѣсколько почтительно льстивыхъ словъ и получивши въ подарокъ отъ Молокососова кольцо, Вѣстникова перемѣняетъ гнѣвъ Ханжахиной на милость, и дѣло кончается согласіемъ ея на бракъ внучки съ Молокососовымъ Въ эти несложныя рамки Екатерина сумѣла вложить довольно яркую картину тогдашнихъ нравовъ, и главныя лица комедіи выступаютъ передъ нами, какъ живыя. Особенно удался императрицѣ типъ старой ханжи, пустосвятки Ханжахиной, постоянно толкующей о Богѣ, молитвѣ, воздержаніи и т. п., но личиной богомолья и религіознаго усердія умѣющей прикрывать жадность, черствость и безсердечіе. Она суевѣрна, зла и жестока къ своимъ крѣпостнымъ, грубо невѣжественна и совершенно неразвита. По словамъ служанки Мавры, она чуть-ли не цѣлый день молится то дома, то по церквамъ. „Кто добродѣтелей ищетъ въ долгихъ молитвахъ, говоритъ Мавра, и наружныхъ обыкновеніяхъ и обрядахъ, тотъ боярыню мою безъ похвалы не оставитъ. Она строго наблюдаетъ дни праздничные, къ обѣднѣ всякій день ѣздитъ, свѣчу предъ праздника всегда ставитъ, мяса по постамъ не ѣстъ. Нынѣшнихъ обычаевъ и роскоши терпѣть не можетъ“. Но молитвѣ она придаетъ чисто внѣшнее значеніе, отбываетъ какъ повинность предъ Богомъ, за исполненіе которой должна послѣдовать своевременно награда, какъ чиновнику чинъ за выслугу лѣтъ. „Встаетъ она по утру въ 6 часовъ и, слѣдуя древнему

похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ предъ образами лампаду, потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акаоистъ. потомъ чешетъ свою кошку, поетъ стихъ: „блаженъ, иже и скоты милуетъ". А при семъ пѣніи и насъ тоже миловать изволитъ—иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы; то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ, то подаетъ попу кадило, то съ внучкой, для чего она молода, бранится; то по четкамъ кладетъ поклоны, то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданаго съ рукъ сжить". Она жалуется постоянно на свою бѣдность, безпомощное вдовье положеніе, но умѣетъ обдѣлывать темныя дѣлишки, и деньги отдаетъ въ ростъ по самымъ лихвеннымъ процентамъ. Особенную религіозность Ханжахина обнаруживаетъ тогда, когда предвидятся какіенибудь расходы; за эту религіозность она и прячется, чтобы не расходоваться. „О постѣ и воздержаніи твердитъ она всѣмъ своимъ людямъ весьма часто, а особливо при раздачѣ указного и мѣсячины; сама же никогда столько прилежности къ молитвѣ не показываетъ, какъ въ то время, когда, приходя къ ней, должники требуютъ отъ нея за забранные по счетамъ товары платы". Сама Ханжахина разсказываетъ Непустову, какъ она была возмущена тѣмъ, что ей помѣшали молиться. „Обѣщалась я, чтобы до вечерни положить пятьдесятъ поклоновъ передъ образомъ, которымъ моя покойная бабушка благословила покойную мою матушку. И лишь только начала, анъ гляжу, вошелъ маминъ сынъ и стоитъ, какъ демонъ, въ горницѣ. Я ему говорю: поди вонъ, не мѣшай мнѣ, проклятый, молиться; а онъ мнѣ въ ноги; я ему и въ другой разъ молвила: поди ты, сатана, вонъ, а онъ, ничего не говоря, совъ мнѣ въ руку бумажку, да самъ и ушелъ. Какъ вы думаете, что въ этой бумажкѣ написано? Онъ осмѣлился просить позволенія жениться. Этимъ привелъ онъ меня въ такое сердце, въ такое, батька мой, сердце, что я и число поклоновъ позабыла и не знаю, сколько положила и сколько еще класть надобно. Однакожъ велѣла его высѣчь и положить женитьбу ту на спинѣ; позабудетъ онъ у меня мѣшать мнѣ класть поклоны". О степени ея невѣжества свидѣтельствуютъ ея собственныя слова

о томъ, что вмѣсто шестнадцатаго ребенка у ней родился камешекъ (а ребенка выкрали), который она и теперь носитъ за пазухой: „каковъ ни на есть да милъ, какъ настоящее дитя“ — а о суевѣріи—разсказъ о томъ, какъ съ полки упалъ любимый горшочекъ ея покойнаго мужа, „изъ котораго онъ всегда молочную кашу кушивать изволилъ; упалъ, да вдребезги разбился, а въ горницѣ то никимъ кого не было“; она думаетъ, что это не передъ добромъ, и боится, какъ бы не умереть.

Рядомъ съ этой ханжей и пустосвяткой выведены достойныя ея сестрицы—Вѣстникова и Чудихина. Основная ихъ черта, какъ и Ханжахиной, невѣжество и суевѣріе, но у каждой есть свои особенности, оттѣняющія и дающія картинѣ полноту. Вѣстникова, какъ показываетъ самое ея прозвище, переносчица всякихъ вѣстей, сплетница и мастерица устраивать свадьбы; при этомъ на старости лѣтъ она любитъ молодиться и кокетничать, очень неравнодушна къ лести и любитъ подарки. Первыя слова, съ которыми она является къ Ханжахиной: „А знаешь-ли ты, какую чудную сложили свадьбу? По всему городу сказываютъ (даже уже и къ знатнымъ боярамъ дошло),-что будто-бы ты за Молокососова внучку свою выдаешь. Статочное-ли это дѣло? Выдать дѣвку за такого несноснаго дурака“,— и начинаетъ всячески разстраивать эту свадьбу, припоминая, что еще въ дѣтствѣ Молокососовъ къ ней былъ непочтителенъ; „да и мать его была дура непомѣрная. а нянька дѣвчина высокая, худощавая, косая и глупая“. Болтая безъ устали, она передаетъ разныя вѣсти, при чемъ изъ самыхъ сущихъ пустяковъ старается создать важное, дѣлаетъ изъ мухи слона: „Въ Петербургѣ вода такъ была высока, что весь городъ потонила, и люди на кровляхъ насилу себѣ мѣсто находили,—и если не потонули всѣ, такъ, по крайней мѣрѣ, съ голоду мрутъ, а ни правительство ни полиція ни о чемъ не думаютъ“. Невинное сообщеніе изъ Петербурга о приготовленіи къ масляницѣ на крутыхъ удивленіе горокъ она понимаетъ, какъ обиnякъ, какъ намекъ на какія то затѣваемыя важныя дѣла. „Крутенька гора-то затѣвается, говоритъ она, Вы увидите. Я ничего не говорю, однако я точно догадываюсь, что это значитъ“.

Третья сестрица, Чудихина, отъ суевѣрнаго страха боится шагъ сдѣлать безъ разнаго рода предосторожностей;

охраняетъ себя всяческими таинственными средствами: нашептываніемъ, корешками, роснымъ ладономъ и т. п. Пріѣхавши къ Ханжахиной, она ни за что не рѣшается переступить порогъ, такъ какъ услыхала сверчка, приходитъ въ ужасъ, когда Мавра ей сообщаетъ, что она сидитъ и гадаетъ на картахъ на томъ мѣстѣ, гдѣ тридцать лѣтъ назадъ умеръ человѣкъ, и искренно увѣрена, что съ молоду испорчена колдуньей-мачехой, засадившей ей въ животъ щуку, а въ спину собаку, ссорами которыхъ и объясняетъ всѣ свои болѣзни; боится умереть скоро, потому что у нея курица пѣла пѣтухомъ и т. п. Особенность Чудихиной сравнительно съ сестрами въ томъ, что она любитъ мѣшаться въ чужія, особенно семейныя дѣла,—поссорить мужа съ женой, жениха съ невѣстою для нея первое удовольствіе, ради котораго она не останавливается ни предъ каки трудностями. Мужа съ женой она поссорила, подкупивши слугъ подсматривать за женой и перехватывать ея письма, которыя отсылала мужу. Это она дѣлаетъ изъ любви къ искусству, потому что, какъ признается, ей вчужѣ досадно, что „всѣ любятся да любятся, и никто за этакими пакостями не смотритъ“. Чудихина служитъ въ этой комедіи еще для изображенія неразумной материнской любви и нелѣпаго воспитанія дѣтей. Своей неразумной любовью къ сыну она напоминаетъ Простакову и, такимъ образомъ, является ея предшественницей въ нашей художественной литературѣ. Влюбленная въ достоинства своего сына, она боится, какъ бы его не сглазили, бережетъ пуще своего глазу и это обереганіе выражаетъ тѣмъ, что цѣлую зиму съ лежанки не спускаетъ, а когда онъ боленъ, „ничѣмъ, окромя блиновъ и сластей“, не кормитъ; сыну 18 лѣтъ, а для того, чтобы ему ночью чего-нибудь не причудилось, въ головахъ у него спитъ мама (кормилица); отъ сглазу мать съ мамой попеременно его слизываютъ, а онъ при такомъ усиленномъ уходѣ „совсѣмъ тѣмъ все худѣетъ, все печалится“. Чудихина очень недовольна тѣмъ, что сына ея не дѣлаютъ капраломъ, хотя онъ ужъ кончилъ азбуку и скоро за часословъ примется.

Эти три образа сестрицъ даютъ намъ столь яркую картину дворянскаго „темнаго царства“ XVIIIв., что невольно является мысль объ аналогіи съ подобными же картинами Островскаго изъ темнаго царства купеческаго половины XIX в.; предраз-

судки, суевѣріе, грубость и невѣжество Екатерининскихъ старухъ—это тѣже недостатки, которые столѣтіемъ позже подмѣтилъ Островскій въ средѣ купеческой; такимъ образомъ измѣнились лишь время и среда, но не существо дѣла. Это убѣждаетъ насъ въ жизненности и правдивости Екатерининскихъ типовъ, свидѣтельствуя, какъ о прекрасномъ знаніи императрицей русскихъ нравовъ, такъ и о силѣ ея литературнаго таланта, умѣвшаго находить для разработки самыя жизненныя темы. Идеалъ, во имя котораго императрица разитъ это темное царство, имѣетъ свой источникъ въ „Наказѣ“. Устами своихъ положительныхъ героевъ она старается провести здравыя понятія о вѣрѣ, благочестіи и вообще разумный взглядъ на жизнь, по которому „снисхожденіе и любовь къ ближнимъ есть обязанности человѣка, закономъ намъ предписанныя; суевѣріе есть порокъ, и нравоученіе закона запрещаетъ вѣрить баснямъ“. Комедія заканчивается уже приведенными нами словами Мавры о сплетняхъ, злословіи, склонности у другихъ замѣчать сучекъ въ глазу и не видѣть у себя бревна, какъ результатахъ невѣжества, пренебреженія требованій здраваго разсудка.

Въ тѣсной связи съ комедіей „О время“ стоитъ комедія „Именины г-жи Ворчалкиной“. Ворчалкина родная сестра по духу Ханжахиной, Вѣстниковой и Чудихиной. Тоже суевѣріе, невѣжество, свойственное невѣжеству легковѣріе и самодурство, ставящее свой произволъ на первомъ мѣстѣ, мы находимъ въ Ворчалкиной. Она вѣритъ въ возможность изданія такого закона, которымъ на десять лѣтъ запрещаются браки, возмущается тѣмъ, что „подкидышковъ подбираютъ да кормятъ, да за ними ходятъ, какъ за благородными“ и, подобно Самсону Силычу изъ „Своихъ людей“ Островскаго, полагаетъ, что можетъ распоряжаться судьбой дѣтей по личному усмотрѣнію, потому только, что она мать. „Ахъ, батька мой, говоритъ она Таларикину, развѣ я въ своемъ домѣ не вольна, развѣ дѣти то не мои... Моя дочь... и будетъ за тѣмъ, за кого я выдать ее хочу“. Сама Екатерина ставитъ въ связь эту комедію съ первой и въ уста Ворчалкиной влагаетъ недовольство тѣмъ, что „сдѣлана камедь имъ въ ругательство, да и играютъ ее“, что „сватья и кума тутъ представлены, да таки точнехонько тутъ описаны“, и что „имъ бѣднымъ достается, а вступиться

некому". Но помимо этой старой темы въ „Именинахъ г-жи Ворчалкиной" Екатериной затронута новая—излишнее, уродливое увлеченіе русскихъ людей заграничными модами, обычаями и легкомысліемъ, какъ дурнымъ осадкомъ нѣкоторыхъ условій европейской жизни и мысли. Въ лицѣ Олимпіады, дочери Ворчалкиной, Екатерина изобразила русскую модницу XVIII в., „щеголиху", какъ тогда говорили, и въ ея разговорахъ сохранила для потомства оригинальный жаргонъ людей этой категоріи, а въ лицѣ претендента на ея руку Ферлюфюшкова-щеголя, „петиметра", типы въ то время очень распространенные въ русскомъ обществѣ и, надо добавить, чрезвычайно противные, по отсутствію въ нихъ всякой нравственной основы и презрительно-высокомѣрному отношенію ко всему, что не подходитъ подъ ихъ понятія. Олимпіада спитъ до полудня, по три-четыре часа посвящаетъ туалету, даже въ разговорахъ съ служанкой жеманничаетъ; она вѣтрена и очень занята своей внѣшностію Ее очень безпокоитъ, не мало ли она нарумянена, не осунулось ли у ней лицо, не ввалились ли глаза, не слишкомъ ли низка прическа. Другихъ болѣе серьезныхъ интересовъ у нея нѣтъ, нѣтъ у ней и нравственныхъ принциповъ. О замужествѣ она отзывается какъ о такой глупости, которую никогда не поздно сдѣлать, да и не стоитъ дѣлать. „Выйти замужъ—на это даже и смотрѣть гадко, не только что дѣлать. Это impoli—итти за одного, это слово въ слово, какъ сказать другимъ адоратерамъ, что вы недостойны этой чести, а я не хочу весь свѣтъ обидѣть". По ея мнѣнію, можно умереть со скуки, когда никого „адоратеровъ" вокругъ не будетъ. Комедіи, балы и маскарады—единственная сфера, въ которой она чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ, и безъ чего для нея жизнь не въ жизнь. Рѣчь Олимпіады отличается своеобразной оригинальностью и пестритъ множествомъ выраженій не русскаго строя. Про сестру Христину она говоритъ, что та *глазѣетъ* на Таларикина. „Я знаю, что у нихъ (Христины и Таларикина) *великое маханье* (любезности), только мнѣ кажется, что онъ въ *болванчики* (мужья) ей не годится". Объ обморокѣ сестры она такъ разсказываетъ: „Она *неславно помахала и посадила себѣ въ голову вздоръ*, а матушка *не нашла въ томъ своего счета* и заблагоразсудила сестрицыно *желаніе поворнуть вверхъ дномъ*. Оттого родилась у ней *ипохондрія*;

она плачетъ, глаза ввалились и *ужасть* какъ она страшна". „Ахъ, да какъ смѣшны Спесовъ и другіе, которые *даютъ себѣ воздухи.* Я въ такой теперь *дистракціи*, что отъ скуки бъ чего-нибудь поѣла".

Ферлюфюшковъ, какъ уже замѣчено, щеголь, „петиметръ", а вмѣстѣ съ тѣмъ враль и кривляка, въ которомъ замѣтенъ зародышъ отчасти Репетилова, отчасти Хлестакова. Подобно Олимпіадѣ, онъ долгое время проводитъ за своимъ туалетомъ, цѣлыя ночи напролетъ играетъ въ карты, ложится спать въ шесть часовъ утра, рисуется своей слабостью и нѣжностью организаціи, нюхаетъ eau de luce, на ночь натираетъ лицо французской помадой, въ притворномъ изнеможеніи падаетъ на кресло, не можетъ безъ смѣху видѣть, что на служанкѣ въ домѣ Ворчалкиной, несмотря на зимнее время, надѣто „круазе". „Ахъ, diable, ты дѣвушка разумная, говоритъ онъ Просковьѣ, прерывая рѣчь свою хохотомъ: да и у знающихъ барынь служишь, а какъ одѣта. Въ нынѣшній сезонъ на тебѣ батавія, да еще и не батавія, а самый легкій круазе". Ферлюфюшковъ рисуется тѣмъ, что не платитъ долговъ и никогда не намѣренъ этого дѣлать, предоставляя своимъ кредиторамъ честь быть имъ обманутыми; но это только на словахъ, на дѣлѣ онъ очень боится кредиторовъ, готовъ въ трудную минуту надавать имъ всяческихъ обѣщаній, за неисполненіе которыхъ и подвергается отъ одного изъ нихъ побоямъ. Смущенный и растерявшійся отъ этой неожиданности, онъ опять начинаетъ пѣтушиться, когда увидѣлъ сбѣжавшихся на его крикъ людей. Особенно онъ рисуется передъ Олимпіадой, которую находитъ и красивой и очень интересной. Сцена его разговора съ Олимпіадой напоминаетъ объясненія Хлестакова съ Марьей Антоновной въ „Ревизорѣ". Тоже ломанье, тоже интересничанье и таже пустота въ соединеніи съ увѣренностью въ своей неотразимости.

Изъ другихъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи „Именины г-жи Ворчалкиной" останавливаетъ на себѣ вниманіе Спесовъ, представитель барственной спеси, какъ показываетъ самая его фамилія; онъ постоянно величается знатностью своего происхожденія, родовитостію; сватовство къ дочери Ворчалкиной считаетъ „снисхожденіемъ съ своей стороны, которое она, конечно, съ радостію приметъ и откажетъ Таларикину". Другихъ претендентовъ на руку Христины онъ считаетъ полнымъ ничтожествомъ и очень

возмущается тѣмъ, что въ присутствіи Ворчалкиной и ея дочерей они осмѣливаются противорѣчить, „забывъ, что этакіе дворянчики у отца его и дѣда въ знакомцахъ живали".

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ комедій, императрицей Екатериной въ томъ же 1772 году написано еще нѣсколько другихъ, посвященныхъ тѣмъ же темамъ. Это комедіи: „Передняя знатнаго боярина", „Госпожа Вѣстникова съ семьей", „Невѣста невидимка". Сюда же надо присоединить и написанныя уже въ 80-хъ годахъ: „Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями" и „Недоразумѣнія", а также „Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье", написанную въ подражаніе „Виндзорскимъ проказницамъ" Шекспира. Всѣ эти пьесы особеннаго значенія не имѣютъ и почти ничего новаго не прибавляютъ къ тому, что дано въ первыхъ двухъ комедіяхъ.

Послѣ 1772 года въ художественно-литературной дѣятельности императрицы Екатерины наступаетъ довольно продолжительный перерывъ, длившійся цѣлыхъ десять лѣтъ. Свое долгое молчаніе императрица прервала въ 1783 году участіемъ въ журналѣ „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова", который издавала извѣстная Е. Р. Дашкова. Здѣсь она помѣщала разныя свои статьи и между прочимъ „Были и небылицы". Между комедіями Екатерины и ея „Былями и небылицами" есть тѣсная связь, какъ въ самомъ предметѣ, такъ и литературныхъ пріемахъ; онѣ написаны въ томъ же „улыбательномъ" духѣ, т. е. въ веселомъ и шутливомъ тонѣ, въ какомъ написаны и комедіи, и касаются тѣхъ же недостатковъ, взятыхъ изъ современной жизни, т. е. имѣютъ значеніе общественной сатиры. „Были и небылицы" впрочемъ и не были первымъ опытомъ журнально-публицистической дѣятельности императрицы. Еще въ 1769—70 гг. кабинетъ-секретаремъ Козицкимъ издавался сатирическій журналъ „Всякая всячина", которымъ, внѣ всякаго сомнѣнія, руководила сама Екатерина, направляя стрѣлы сатиры исключительно на недостатки русскаго общества, безъ рѣзкости и раздражительности нападокъ на правительственные органы, чѣмъ страдали другіе сатирическіе журналы того времени. Во „Всякой всячинѣ" помѣщались и собственныя статьи императрицы подъ псевдонимомъ „Патрикѣя Правдомыслова". По крайней мѣрѣ, въ бумагахъ ея найдено одно изъ писемъ Патрикѣя Правдомыслова, которое по мысли, языку

и нѣкоторымъ оборотамъ сходно не только съ письмами, подъ этимъ псевдонимомъ помѣщенными во „Всякой всячинѣ“, но и съ нѣкоторыми другими статьями.

Въ „Собесѣдникѣ“ Екатерина принимала очень дѣятельное участіе. Въ каждомъ нумерѣ помѣщались ея „Записки касательно русской исторіи“, а также „Были и небылицы“, инкогнито автора которыхъ ни для кого не составляло секрета. „Были и небылицы“, большею частью, остроумная, не рѣдко проникнутая сатирой болтовня, не имѣющая ни опредѣленнаго плана ни формы. Авторъ говоритъ иногда отъ своего имени о всевозможныхъ предметахъ, осмѣиваетъ замѣчаемыя имъ странности, чертитъ сатирическіе портреты; иногда онъ заставляетъ говорить въ такомъ же смыслѣ своего „дѣдушку, человѣка глубокомыслящаго и словоохотнаго“, „остраго и умнаго, но иногда недогадливаго“; рѣчи дѣдушки и самого автора пересыпаются отступленіями, примѣчаніями, оговорками, словомъ представляютъ прихотливую игру пера, руководимаго веселостію и остроуміемъ. Авторъ помѣщаетъ будто бы полученныя имъ письма по поводу „Былей и небылицъ“, свои на нихъ отвѣты, выдержки изъ записной книжки и т. п.: словомъ, въ отношеніи формы „Были и небылицы“ представляютъ совершенный хаосъ; но несмотря на это, онѣ достигали своей цѣли и очень больно задѣвали тѣхъ, противъ кого были направлены. Несомнѣнно, что императрица, чертя замысловатые узоры своихъ „Былей и небылицъ“, нерѣдко имѣла въ виду опредѣленныя личности, и сатира ея не нравилась многимъ изъ тѣхъ, кто имѣлъ основаніе узнавать себя въ ней. Намеки на это есть въ самихъ „Быляхъ и небылицахъ“. Здѣсь помѣщено письмо нѣкоего Угадаева, который пишетъ автору „Былей и небылицъ“: „Напрасно изволите думать, что въ описаніяхъ Вашихъ закрытые лики остаются сокрытыми. Я и семья моя знаемъ и угадываемъ, кто они таковы, да и не мы одни столь догадливы; знакомые намъ тоже угадываютъ. Я сіе Вамъ сообщаю для осторожности Вашей, ибо на Васъ многіе сердятся“. На это письмо авторъ „Былей и небылицъ“ отвѣчаетъ, что предположенія Угадаева доказываютъ только то, что „Были и небылицы“ „вытащены изъ обширнаго моря естества; что семья и знакомцы Угадаева, какъ и всѣ, плаваютъ въ той же стихіи и, можетъ статься, попали непаро-

комъ нѣкоторые изъ Васъ въ рукавъ"; что „Были и небылицы" наполнены тѣмъ, что въ людяхъ водится, но люди тутъ безъ имени, а описывается умоположеніе человѣческое". Большинство писемъ и отзывовъ, помѣщенныхъ въ „Быляхъ и небылицахъ", вымышлены, представляютъ только стилистическій пріемъ, очень употребительный въ XVIII в. но есть и такія, которыя дѣйствительно были получены императрицей отъ разныхъ лицъ; таковъ, напр., рядъ вопросовъ, предложенныхъ автору „Былей и небылицъ" Фонвизинымъ. Эти вопросы были помѣщены въ „Быляхъ и небылицахъ" съ отвѣтами на нихъ, въ которыхъ слышно довольно замѣтное раздраженіе на излишнюю прямолинейность вопрошателя. Особенно раздражилъ вопросъ относительно шпыней и балагуровъ, имѣющихъ чины и весьма большіе. Отъ лица дѣдушки, душимаго кашлемъ, дается смѣлому вопрошателю урокъ „не врать, а паче письменно безъ опасенія", и указывается; что не всѣмъ же быть „Маремьянами плачущими и о всемъ мірѣ косо и криво пекущимися, отъ коихъ обыкновенно въ десяти шагахъ слышенъ уже духъ скрытой зависти противъ ближняго"; что могутъ быть „полезны и балагуры, когда къ словоохотію присоединяютъ природный умъ, или знаніе пріобрѣтеннаго смысла, либо знаніе старины, или что ни есть подобное". Эти дѣдушкины рѣчи съ кашлемъ произвели сильное впечатлѣніе на автора вопросовъ, и онъ поспѣшилъ съ своимъ извиненіемъ, тоже помѣщеннымъ среди „Былей и небылицъ". Въ этомъ извиненіи Фонвизинъ сознается, что нѣкоторые вопросы не умѣлъ написать внятно, отказывается отъ дальнѣйшихъ вопросовъ, „чтобы не быть невиннымъ образомъ обвиняему въ свободоязычіи и не подать повода другимъ къ дерзкому свободоязычію, которое всей душой ненавидитъ".

Одновременно съ „Былями и небылицами" въ „Собесѣдникѣ" печатались статьи императрицы Екатерины по русской исторіи подъ заглавіемъ: „Записки касательно россійской исторіи". Причина пробужденія интереса въ императрицѣ къ занятіямъ исторіей несомнѣнно заключалась въ настроеніи общества того времени и чуткой отзывчивости ея на всѣ современные запросы. Россія достигла при Екатеринѣ высокаго положенія въ системѣ Европейскихъ государствъ; но не существовало еще исторіи государства и народа, создавшаго могу-

щественную имперію; въ обществѣ появилось сильное стремленіе къ ознакомленію съ прошлымъ своего народа. Это стремленіе нашло себѣ и практическое выраженіе; частные люди собирали и хранили не только лѣтописи, но и разнаго рода правительственные акты, постановленія, регламенты, сказанія, путешествія и т. п. Усердіемъ частныхъ любителей старины стало собираться и печататься много историческихъ матеріаловъ первостепенной важности; изданы были первыя лѣтописи, Судебникъ, Русская Правда, громадный сборникъ историческихъ документовъ подъ заглавіемъ: „Древняя россійская вивліоѳика"; дѣлались попытки научной разработки историческихъ матеріаловъ и даже связнаго послѣдовательнаго изложенія всего хода русскаго прошлаго, какова, напр. „Исторія" князя Щербатова; издавались прежніе историческіе труды, не нашедшія себѣ изданія ранѣе, напр., „Исторія" Татищева и т. д. Такое пробужденіе интереса къ историческому знанію, несомнѣнно, должно было найти соотвѣтствующій откликъ въ душѣ самой императрицы и вовлечь ее самое въ эту общую напряженную работу. Императрица не только покровительствовала и оказывала помощь тѣмъ, кто занимался исторіей, но и сама приняла дѣятельное участіе въ общей работѣ. Она очень усердно занималась изученіемъ русскаго прошлаго: читала сочиненія, касающіяся русской исторіи, лѣтописи, акты, дѣлала выписки, сличенія и т. п. Ей хотѣлось имѣть исторію Россіи, написанную хорошимъ литературнымъ перомъ, исторію, которая могла бы привлечь возможно большее количество читателей. Она сама берется за перо и дѣлаетъ попытку написать такую исторію. Въ результатѣ этого труда и были „Записки касательно россійской исторіи", печатавшіяся въ „Собесѣдникѣ" и доводящія повѣствованіе до нашествія татаръ до роковой битвы на берегахъ Калки. Записки эти предназначались, какъ показываетъ предисловіе, для юношества, и императрица заботилась не столько объ оригинальности и самостоятельности высказываемыхъ мнѣній, сколько объ изложеніи добытаго изъ источниковъ матеріала одушевленнымъ языкомъ, что ей и удалось до извѣстной степени.

Занятія императрицы Екатерины исторіей насъ, однако, интересуютъ не столько сами по себѣ, сколько потому, что они отразились и на ея художественно-литературной дѣятель,

пости. Вскорѣ послѣ написанія „Записокъ касательно россійской исторіи“, подъ вліяніемъ изученія историческихъ матеріаловъ, повѣствующихъ о древне-русскихъ событіяхъ, императрицею были написаны двѣ историческія піесы: „Представленіе изъ жизни Рюрика“ и „Начальное управленіе Олега“ (обѣ въ 1786 г.). Обѣ піесы названы подражаніемъ Шекспиру „безъ сохраненія обыкновенныхъ театральныхъ правилъ“, подъ которыми разумѣются ложно-классическія правила о единствѣ времени и мѣста. Впрочемъ, подражаніе Шекспиру этимъ и исчерпывается; иначе говоря, императрица заимствовала у Шекспира только внѣшніе пріемы и не обратила вниманія на главную, существенную особенность Шекспировскихъ произведеній—глубину содержанія, тонкое и отчетливое изображеніе характеровъ, свидѣтельствующее объ умѣньи автора проникать въ душу человѣка и подмѣчать мельчайшія ея изгибы. Въ вышеуказанныхъ піесахъ, какъ и въ другихъ ея драматическихъ произведеніяхъ, мы не найдемъ вполнѣ живыхъ лицъ, блещущихъ разнообразіемъ свойствъ; въ этомъ отношеніи Екатерина осталась вѣрна господствовавшей тогда ложно-классической теоріи, эстетическимъ требованіямъ французскихъ теоретиковъ. Но для того, чтобы уподобиться Шекспиру, мало одного желанія, нужно и талантъ имѣть шекспировскій; заслуживаетъ серьознаго вниманія уже то обстоятельство, что Екатерина интересуется писателемъ (и даже пробуетъ ему подражать), который, при всѣхъ своихъ выдающихся достоинствахъ, не только не признавался, но и порицался литературными авторитетами того времени. Это свидѣтельствуетъ о тонкости ея художественнаго вкуса и о томъ, что въ литературныхъ вопросахъ она не стѣснялась „смѣть свое сужденіе имѣть“.

Содержаніе первой піесы таково: Новгородскій старѣйшина Гостомыслъ, видя постоянные безпорядки въ Новгородѣ, передъ смертью завѣщаетъ призвать на княженіе, по закону старшинства, своего внука Рюрика, сына старшей дочери и финскаго короля, несмотря на то, что въ Новгородѣ у него есть любимый внукъ Вадимъ, сынъ младшей дочери. Послѣ смерти Гостомысла, Вадимъ и его приверженцы возражаютъ противъ призванія иноземцевъ, не знающихъ ни славянскаго языка, ни обычаевъ, однако Новгородцы, исполняя завѣщаніе стараго вождя, отправляютъ посольство къ Рюрику, который

и приходитъ въ Новгородъ съ братьями — Синеусомъ и Труворомъ, родственникомъ Олегомъ, пасынкомъ Оскольдомъ и вельможей Рогволодомъ. По прибытіи въ Новгородъ, онъ дѣлитъ Русь между братьями, Олегомъ, Оскольдомъ и Рогволодомъ, а себѣ беретъ Новгородъ. Между тѣмъ Вадимъ поднимаетъ возстаніе, которое однако быстро усмиряетъ посадникъ Добрынинъ, сумѣвшій успокоить мятежниковъ и взять въ плѣнъ Вадима. Рюрикъ оказываетъ великодушіе по отношенію къ Вадиму, руководствуясь правиломъ, что „подданные обожаютъ милосердіе“. „Пусть Рюрикъ, говоритъ онъ, окажется, каковъ есть. Онъ, видя винныхъ предъ собою, съ горячей ревностью возьмется всегда за изслѣдованіе общему добру причиненнаго ущерба или обиды; по кой часъ вина уже извѣстна, виновный изобличенъ, и надлежитъ, вынувъ мечъ, приступить къ мщенію, тогда мечъ тотъ, который не выпалъ никогда изъ моей десницы, благодаря боговъ, противу общихъ непріятелей, падаетъ изъ дрожащихъ рукъ моихъ, и въ винномъ вижу я лишь человѣка“. Въ этихъ словахъ древняго князя звучитъ мысль самой императрицы Екатерины и со сцены возвѣщается то правило, которымъ она руководилась въ жизни и которое мы найдемъ въ „Наказѣ“.

„Начальное управленіе Олега“ начинается сценами, изображающими закладку Москвы при самыхъ добрыхъ предзнаменованіяхъ. Во время этого торжества являются послы изъ Кіева съ жалобой на Оскольда, который отмѣняетъ древніе обычаи, принявши христіанскую вѣру. Олегъ отправляется въ Кіевъ, лишаетъ Оскольда власти, и тотъ бѣжитъ къ练Униграмъ, незадолго предъ тѣмъ прошедшимъ около Кіева. Между тѣмъ привозятъ въ Кіевъ Прекрасу, невѣсту Игоря, устраивается пышная свадьба, при чемъ Прекраса въ честь Олега получаетъ имя Ольги. Послѣ свадьбы Олегъ отправляется въ походъ на Царьградъ и подъ стѣнами его заключаетъ славный миръ; видится съ греческимъ императоромъ, принимаетъ угощеніе, присутствуетъ на играхъ на ипподромѣ и въ заключеніе прибиваетъ свой щитъ къ столбу ипподрома.

Въ Олегѣ, какъ и въ Рюрикѣ, проскальзываютъ черты, свойственныя человѣку XVIII в.; онъ не вѣритъ, или, по крайней мѣрѣ, скептически относится къ суевѣрнымъ примѣтамъ, на которыя ссылаются жрецы, какъ на знакъ, предвѣщающій счастливую

судьбу новому городу, и обнаруживаетъ рыцарское великодушіе, возвращая осажденнымъ грекамъ присланные ему въ видѣ подарка съѣстные припасы, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что осажденнымъ припасы нужнѣе, чѣмъ осаждающимъ.

Въ „Начальномъ управленіи Олега“ мы встрѣчаемся съ новой особенностію сочиненій императрицы Екатерины, введеніемъ въ содержаніе піесы народнаго элемента, хотя еще не совсѣмъ смѣлое и обильное. Пѣсни дѣвушекъ, наряжающихъ къ вѣнцу Прекрасу, которыми начинается 3-е дѣйствіе піесы: „Перекатно, красно солнышко, перекатно, и ты, звѣзда, закатилася, перехожа наша подруженька“ и „По сѣничкамъ, по сѣничкамъ, тутъ ходила-гуляла молодая боярыня“—взяты во всей ихъ безыскусственной простотѣ изъ сборниковъ простонародныхъ пѣсенъ, послѣдняя—изъ сборника, изданнаго Трутовскимъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что императрица обнаруживаетъ интересъ къ народной поэзіи, признаетъ ее достойнымъ заимствованій источникомъ. Это составляетъ не малую заслугу въ тотъ чопорный вѣкъ, когда простонародье и его поэзія совершенно игнорировались жрецами литературы, какъ не заслуживающія вниманія.

Интересъ императрицы Екатерины къ народной поэзіи не ограничился только заимствованіемъ нѣкоторыхъ пѣсенъ, вставленныхъ въ вышеупомянутую пьесу; въ числѣ сочиненій императрицы есть нѣсколько такихъ, въ которыхъ и сюжетъ и все содержаніе заимствованы изъ народной поэзіи. Таковы такъ называемыя комическія оперы: „Новгородскій богатырь Боеславичъ“, „Храбрый и смѣлый витязь Архидѣчъ“, „Федулъ съ дѣтьми“, „Горе-богатырь Косометовичъ . Содержаніе первой оперы взято изъ былинъ о Новгородскомъ богатырѣ Василіи Буслаевѣ, при чемъ взяты оттуда же почти всѣ дѣйствующія лица—это мать Василія Амельфа Тимофѣевна, самъ Василій, его пріятели Ѳома и Потапюшка, Садко и др. Въ обществѣ своихъ пріятелей Ѳомы и Потапюшки Василій завелъ бой съ мужиками Новгородскими. Посадники Садко и Чудинъ жалуются матери Василья на его озорство и просятъ ее унять чадо милое. Мать упрашиваетъ Василья прекратить „шутки не удалыя“ и перестать ходить на улицу на Рогатицу. Василій отвѣчаетъ, что никого онъ не боится, кромѣ матери, и готовъ не ходить на улицу, но не даромъ же дана ему сила великая;

поэтому онъ проситъ у матери благословенія выбрать товарищей, „съ кѣмъ было-бы слово молвить, съ кѣмъ отвѣдать своей руки". „Ты вели мнѣ дать, говоритъ онъ, зелена вина и наварить пива; я дамъ почесть всему граду и найду чрезъ то товарищей, чтобъ были они на мою руку". Получивъ дозволеніе Василій устраиваетъ пиръ у своего „двора бѣлокаменна", разсылаетъ бирючей приглашать на пиръ всѣхъ желающихъ, но „спросясь только съ своей силою, понадѣявшись на буйну голову". Слухъ объ этой затѣѣ встревожилъ новгородцевъ; они, собравшись на вѣче, разсуждаютъ о томъ, что трудно имъ ждать добра отъ Василія, „пропадетъ отъ него земля славянская, княжество старорусское". Въ молодомъ возрастѣ онъ надѣлалъ много зла а теперь замышляетъ собрать себѣ товарищей. Посадники устраиваютъ пиръ богаче Васильева и заманиваютъ Василія, чтобы узнать чего имъ ждать отъ него, и въ случаѣ надобности, поискать себѣ другого князя. На пиру Василій буянитъ и ссорится съ новгородцами, и они хотятъ выгнать его изъ города. Мать Василія, узнавши, какая бѣда стряслась надъ ея дѣтищемъ, запираетъ Василія въ глубокій погребъ, а къ посадникамъ отправляетъ своего дворецкаго съ дорогими подарками, съ рѣчами умильными, но посадники не хотятъ принимать подарковъ и съ толпой народа приходятъ ко двору Васильеву. Василій вырывается изъ погреба, хватаетъ ось дубовую и разгоняетъ ею толпу, тѣснитъ до рѣки Волхова. Пріунывшіе посадники являются съ повинной, просятъ у Василія прощенія и даютъ ему крѣпкую запись, чтобы быть ему княземъ надъ Новгородомъ, землею славянскою и старорусскою.

Мы остановились на подробномъ изложеніи содержанія этой пьесы, чтобы показать, какъ близко оно къ содержанію былины о Василіи Буслаевѣ и какъ широко Екатерина пользовалась народнымъ сюжетомъ, стремясь къ сохраненію народнаго колорита и оставляя въ сторонѣ чопорныя правила ложно-классической традиціи. „Не только чопорный Рассинъ, говоритъ по поводу этой піесы Щебальскій, но и Вольтеръ съ ужасомъ отвернулись бы отъ этого княжескаго сына, бьющагося на кулачки, запертаго въ погребѣ и разгоняющаго толпу мужиковъ дубовою осью вмѣсто оружія. Зато все это черты, похищенныя изъ самой жизни, переносящія насъ въ иной міръ и дышащія правдой. Можно жалѣть, что

Екатерина недостаточно отдалась тому теченію, которое уносило ее изъ круга понятій французскихъ риторовъ, и что она, какъ въ Боеславичѣ, такъ и въ другихъ піесахъ считала нужнымъ платить дань псевдо-классицизму. Но чтобы съ успѣхомъ стать на новой почвѣ, нужно имѣть кромѣ вѣрнаго чутья и большой литературный талантъ".

Такимъ же народнымъ характеромъ отличается и опера „Федулъ съ дѣтьми", почти вся состоящая изъ разнаго рода пѣсенъ. Нѣкоторыя изъ нихъ настолько были популярны, что распѣвались въ свѣтскихъ блестящихъ гостиныхъ даже въ XIX в, напр. пѣсня Дуняши: „Во селѣ, селѣ Покровскомъ, среди улицы большой, разыгралась, расплясалась красна дѣвица душа", и пѣсня „дѣтины" обращенная къ Дуняшѣ: „Слушай, радость, одно слово, гдѣ ты, свѣтикъ мой, живешь? Тамъ ли, гдѣ свѣтелка нова? Скажи, какъ, мой свѣтъ, слывешь". Литературныхъ достоинствъ эта піеса не имѣетъ, но она полна заразительной веселости и стремленія автора правдиво безъ прикрасъ изобразить безыскусственность народной жизни. Федулъ говоритъ народными пословицами, его дѣти поютъ и веселятся. Благодаря этой заразительной веселости „Федулъ съ дѣтьми" долго не сходилъ со сцены.

Изъ другихъ комическихъ оперъ больше останавливаетъ на себѣ вниманіе опера „Горе-богатырь Косометовичъ", такъ какъ она имѣетъ отношеніе къ современнымъ событіямъ. Подъ видомъ Горе-богатыря въ ней осмѣянъ шведскій король Густавъ III, который, пользуясь затруднительными обстоятельствами Россіи по случаю 2-ой турецкой войны, въ 1788 году внезапно вторгнулся въ русскіе предѣлы. Такое вѣроломство со стороны Густава раздражило Екатерину чрезвычайно, а между тѣмъ обстоятельства складывались очень неблагопріятно для шведскаго короля. Надѣясь на неожиданность своего нападенія, онъ заранѣе предвкушалъ торжество побѣды и, говорятъ даже, отправляясь въ походъ, приглашалъ Стокгольмскихъ дамъ на балъ въ Петербургскій Зимній дворецъ; вмѣсто побѣдъ, однако, ему пришлось терпѣть пораженія. Естественно, что принявшія комическій оттѣнокъ похвальбы Густава сообщили раздраженію Екатерины сатирическое направленіе, и ею овладѣло желаніе осмѣять неудачливаго противника.

Опера „Горе-богатырь Косометовичъ“ представляетъ нѣчто въ родѣ пародіи на древне-русскаго богатыря и подражаніе Сервантесовскому Донъ-Кихоту. Очень правдоподобно, что она заимствована изъ русскихъ сказокъ; по крайней мѣрѣ, подвиги Горе-богатыря напоминаютъ подвиги героя народной сказки „Тараканъ богатарь“. Піеса начинается съ того, что наскучивъ насмѣшками слугъ матери надъ своею ни къ чему непригодностью и наслышавшись отъ сказальщиковъ о богатырскихъ дѣлахъ, Косометовичъ проситъ у матери разрѣшенія отпустить его на богатырскіе подвиги, себя показать, людей посмотрѣть. Мать сначала колеблется, но наконецъ уступаетъ просьбамъ сына и убѣжденіямъ „барскихъ барынь“. Горе-богатырь благодаритъ „барскихъ барынь“ за содѣйствіе и обѣщаетъ, когда завладѣетъ окіянъ-моремъ, устроить тамъ для нихъ пиръ, прислать въ подарокъ куницъ, соболей, черныхъ и красныхъ лисицъ, камки, фаты и бархаты“ (Намекъ на похвальбы Густава устроить пиръ въ Петербургѣ), Послѣ этого богатырь выбираетъ себѣ коня богатырскаго, но очень неудачно, и довольствуется мезенской клячей съ ходою (иноходью); при выборѣ богатырскаго вооруженія тоже постигаетъ Косометовича неудача: ни одинъ богатырскій доспѣхъ не приходится ему въ пору — все непомѣрно велико. Богатырь ужъ собирается всѣ доспѣхи перепортить—перековать по своей мѣркѣ, да слуга Кривомозгъ догадывается посовѣтовать сдѣлать новые доспѣхи изъ картона, а на голову сшить косую пушистую шапочку. И вотъ въ этомъ снаряженіи Горе-богатырь отправляется совершать подвиги; ѣдетъ онъ съ Кривомозгомъ и Торопомъ по чистому полю, видитъ дымъ, который принимаетъ за непріятельскую пальбу, рѣшаетъ объѣхать непріятеля сбоку, свертываетъ по тропинкѣ направо и наѣзжаетъ на избушку, у порога которой сидитъ однорукій старикъ сторожъ. Горе-богатырь, мучимый голодомъ, силой хочетъ проникнуть въ избушку, но старикъ ухватомъ обращаетъ его въ бѣгство. (Здѣсь намекъ на неудачную осаду Густавомъ Нейшлота, гдѣ незначительнымъ гарнизономъ командовалъ старый однорукій комендантъ Барановъ). Послѣ этой неудачи богатырь останавливается въ лѣсу, гдѣ его находитъ посланецъ отъ матери съ порученіемъ какъ можно скорѣй привести домой. Не находя другого средства отклонить своего господина отъ дальнѣйшихъ похожденій,

слуги рѣшаются его напугать, и во время его сна начинаютъ улюлюкать, трубить въ трубы, будто происходитъ травля медвѣдя. Со страху попасть воображаемому медвѣдю въ лапы Горе-богатырь залѣзаетъ на дерево: тамъ его находятъ слуги и обманомъ уводятъ домой, гдѣ ему уже пріискали невѣсту Гремилу и устраиваютъ торжественную встрѣчу.

6 Среди произведеній Екатерины есть нѣсколько такихъ, которыя направлены противъ масонства что свидѣтельствуетъ объ отрицательномъ отношеніи къ этому ученію со стороны императрицы-писательницы.

Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что масонство имѣло въ свое время серьезное значеніе; это была реакція противъ матеріализма, невѣрія и исключительнаго господства черстваго разума, проповѣдь котораго шла изъ лагеря такъ называемыхъ энциклопедистовъ. Этимъ объясняется огромный успѣхъ масонства у насъ въ Россіи въ вѣкъ Екатерины. Люди, жаждавшіе вѣры, не удовлетворявшіеся однимъ только раціональнымъ знаніемъ, или заключались въ тѣсный кругъ строгой церковности, или, если связь съ церковностью была уже порвана, что случалось гораздо чаще среди русскихъ образованныхъ людей XVIII в., искали утѣшенія въ подобіи религіи, въ мистической экзальтаціи, составлявшей сущность масонскаго ученія. Отсюда таинственныя собранія масонскихъ ложъ, кабаллистическіе знаки и эмблемы, устрашающіе способы пріема въ члены масонскаго общества и тому подобные, иногда шутовскіе аксесуары масонства; отсюда же и то почти наивное довѣріе къ разнаго рода людямъ, будто бы надѣленнымъ сверхъестественными силами и знаніями, а на самомъ дѣлѣ ловкимъ мошенникамъ и проходимцамъ, въ родѣ знаменитаго Калліостро, которые подъ маской мистицизма и чудодѣйствій безстыднымъ образомъ эксплоатировали довѣрчивыхъ людей, жаждущихъ откровеній и знанія тайнъ загробнаго міра. Истинное значеніе масонства едва ли могло быть надлежащимъ образомъ понято всѣми здраво разсуждающими современниками; а внѣшняя таинственность и присосавшееся къ нему или одновременно съ нимъ развивавшееся мистическое шарлатанство ясны были всякому,—и въ умахъ людей трезвыхъ, съ раціоналистической складкой ума, должны были вызывать отрицательное къ себѣ отношеніе и насмѣшку, какъ своего рода

общественное умопомѣшательство. Къ числу такихъ людей принадлежала Екатерина, воспитавшая свой умъ на сочиненіяхъ Вольтера, Монтескье и другихъ раціоналистовъ XVIII в. Ея уму, требовавшему ясности и опредѣленности, ея настроенію духа, не терпѣвшему темныхъ картинъ, наконецъ, ея инстинктамъ государыни, угадывавшей въ масонскихъ ложахъ питомникъ революціонныхъ клубовъ, масонство было антипатично.

Главнѣйшія сочиненія Екатерины, направленныя противъ масонства, написаны въ 80-хъ годахъ XVIII столѣтія; но смѣшная сторона масонства была подмѣчена Екатериной еще въ 1758 году и затронута въ маленькой піесѣ подъ названіемъ: „Тайна противо-нелѣпаго общества, открытая непричастнымъ оному". Противо-нелѣпое общество противоположно масонству, которое признается нелѣпымъ. Въ этомъ противо-нелѣпомъ обществѣ все идетъ какъ разъ наоборотъ; здѣсь уважается разумъ, „самое начало общества идетъ отъ того времени, въ которое общій разсудокъ въ свѣтъ вошелъ, а начальствующая ложа находится на горѣ Истины, лежащей къ сѣверу отъ горы Шутокъ". Въ піесѣ изображается принятіе въ общество неофита. Принятіе состоитъ въ томъ, что онъ безъ завязанныхъ глазъ и во всей одеждѣ „для того, что почитается неучтиво и неблагопристойно въ честной бесѣдѣ быть обнаженнымъ", отрицается отъ всякой мистической дребедени и бросаетъ въ огонь книги, наполненныя всякими нелѣпостями, „служащими къ ежедневному умноженію числа въ обманъ вдающихся". Затѣмъ принимающій даетъ неофиту наставленіе никогда не забывать, „что человѣческій здравый разсудокъ препятствуетъ видѣть мечтанія, а разумъ—вдаваться въ небылицы", и изъясняетъ три эмблемы — пучекъ розогъ, простыню для качанія съ надписью: „non plus ultra" и зѣвающій ротъ; первая должна напоминать принимаемому въ общество, что „не идущіе по стезямъ здраваго разсудка и совращающіеся съ пути разума подобны дѣтямъ, коихъ исправляютъ розгою", вторая—что дозволяющій себя „качать тѣлеснымъ и душевнымъ образомъ подаетъ худое мнѣніе о своемъ благоразуміи", а третья—что „сказка, особливо нелѣпая и безъ вкуса, производитъ зѣвоту". Затѣмъ слѣдуетъ катехизисъ противо-нелѣпаго общества въ вопросо-отвѣтной формѣ, суть котораго заключается въ доказательствѣ того, что „только дѣтямъ

свойственно играть въ жмурки, и что дѣтямъ уподобляется и тотъ, кто съ завязанными глазами хочетъ яснѣе пріобрѣсти познаніе, или самъ обманываетъ, или обманывается, что недостойно взрослаго человѣка слушать сказки о кикиморахъ, химерахъ и привидѣніяхъ и разыгрывать тайны, подобныя театральнымъ, о которыхъ всякъ другъ другу на ухо шепчетъ, дѣлать необычайныя и странныя тѣлодвиженія, въ просторѣчіи называемыя обезьянствомъ". Такимъ образомъ піеска представляетъ пародію на разныя дѣйствія, практиковавшіяся при пріемѣ въ число членовъ масонскихъ ложъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣяніе масонскихъ таинственныхъ ученій.

Когда въ 80 годахъ XVIII ст. масонство усилилось и получило у насъ въ Россіи широкое распространеніе, а одновременно съ тѣмъ появились и разные обманщики и шарлатаны, эксплоатировавшіе довѣрчивыхъ людей разными таинственными дѣяніями, въ родѣ вызова умершихъ или добыванія „философскаго" камня, Екатерина подняла на масонство литературное гоненіе, поставивъ его на одну доску съ разнаго рода шарлатанствомъ. Противъ масонства императрицей написано три комедіи: „Обманщикъ", „Обольщенный" и „Шаманъ Сибирскій". Въ каждой изъ этихъ піесъ встрѣчается личность, которая съ помощью различныхъ продѣлокъ обманываетъ простаковъ и обогащается на ихъ счетъ.

Въ „Обманщикѣ" подъ именемъ Калифалкжерстона выведенъ извѣстный плутъ Калліостро; онъ проживаетъ въ домѣ нѣкоего Самблина, который вѣритъ, что Калифалкжерстонъ можетъ малые алмазы передѣлывать въ большіе, переговариваться съ людьми прошлыхъ вѣковъ, напр., Александромъ Македонскимъ, исцѣлять всякія болѣзни и т. п. Самблинъ готовъ сдѣлать все, что угодно, для своего Калифакушки, чѣмъ и пользуется нѣкто Додинъ, чтобы за соотвѣтственную мзду черезъ Калифалкжерстона получить согласіе на женитьбу на дочери Самблина. Калифалкжерстонъ такъ очаровываетъ довѣрчиваго простака, что тотъ отдаетъ ему свое золото и алмазы въ твердой увѣренности, что силою чаръ и волшебства этотъ кудесникъ возвратитъ ихъ въ удесятеренномъ размѣрѣ. Обманщикъ кладетъ золото и алмазы въ карманъ и пытается скрыться заграницу; но его ловятъ, драгоцѣнности отбираютъ и передаютъ потерпѣвшему Самблину.

Въ комедіи „Обольщенный" выведетъ уже не обманщикъ, а человѣкъ искренно и незамѣтно для себя увлекшійся мистическими бреднями и сдѣлавшійся фанатикомъ новаго ученія. Радотовъ (такъ называется герой комедіи) изображается человѣкомъ полусумасшедшимъ, во всякомъ случаѣ потерявшимъ умственное равновѣсіе; онъ ни съ кѣмъ не говоритъ, а если и говоритъ, то странныя и непонятныя вещи; „углубясь въ мысляхъ, сидитъ на стулѣ предъ книгою", не слышитъ и не видитъ, „глаза утупя недвижимъ, точно аки написанъ на картинѣ", то „ходя явно бредитъ и вздоръ несетъ", то „шепчетъ, говоритъ будто съ духами". За собой онъ увлекъ и дочь свою Taису, которая подъ вліяніемъ отцовскихъ бредней „цѣлуетъ листочки цвѣтовъ затѣмъ, что „на каждомъ листѣ душокъ обитаетъ" и говоритъ, „будто на булавочномъ концѣ нѣсколько тысячъ умѣщается". Подъ вліяніемъ очарованія Радотовъ даетъ себя обмануть проходимцамъ Протолку и Бѣбину, которые, играя роль людей, надѣленныхъ высшимъ знаніемъ и добродѣтелью, успѣваютъ взять у него деньги и документы, что однако раскрывается, раскрываетъ глаза Радотову и отрезвляетъ его. Въ этой комедіи, называя масоновъ мартышками (мартинисты), Екатерина уподобляетъ ихъ Чудихиной (изъ ком. „О время"). Бритягинъ, призванный въ „Обольщенномъ" выражать собственныя мысли автора, съ упрекомъ говоритъ Радотову: „Вспомни самъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ колико ты смѣялся со мною сестрѣ нашей двоюродной Чудихиной, теперь уподобляяся предубѣжденіями точно ей". (Можетъ быть, тутъ намекъ на Новикова, который привѣтствовалъ въ „Живописцѣ" комедію „О время", а теперь былъ въ числѣ главныхъ масоновъ). Устами тогоже Бритягина императрица выражаетъ и свое отрицательное отношеніе къ благотворительной дѣятельности послѣдователей масонства, находя соединеніе добрыхъ дѣлъ съ масонскою таинственностью излишествомъ, „когда благимъ узаконеніемъ открыты всевозможныя у насъ къ такимъ установленіямъ удобства". На слова Бритягина о томъ, что масоны „въ намѣреніи имѣютъ потаенно заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ то: школы, больницы и т. п. и для того стараются привлекать къ себѣ людей богатыхъ", Бритягинъ и отвѣчаетъ вышеприведенными словами

смыслъ которыхъ тотъ, что незачѣмъ дѣлать таинственно то, для совершенія чего никакой тайны не требуется.

Таково же въ общемъ содержаніе и третьей комедіи, направленной противъ масонства, „Шаманъ Сибирскій“. Въ ней обманщикъ, пользующійся людскимъ легковѣрьемъ и склонностію къ таинственности,—вывезенный изъ Сибири въ Петербургъ шаманъ Амбанъ—Лай, который быстро пріобрѣтаетъ себѣ репутацію чародѣя и врачевателя всѣхъ недуговъ. Пользуясь этой репутаціей, онъ устраиваетъ свои дѣлишки при помощи разнаго рода кривляній, чудачества и юродства, угожденія слабостямъ и вкусамъ своихъ покровителей. Плутни его въ концѣ концовъ раскрываются, и онъ попадаетъ подъ стражу для вящаго назиданья публики, какъ это дѣлалось во всѣхъ тогдашнихъ комедіяхъ. Сама Екатерина объясняла эту піесу, какъ сатиру, направленную противъ масонства. Всѣ эти три піесы, взятыя вмѣстѣ, даютъ довольно вѣрную картину русскаго мистическаго легковѣрія и не лишенную таланта сатиру на масонство, хотя въ литературномъ отношеніи онѣ стоятъ не особенно высоко.

Подводя итоги всему сказанному о художественно-литературной дѣятельности императрицы Екатерины II, мы должны отмѣтить, что эта дѣятельность, отличалось особенной продуктивностію и разнообразіемъ. Ни высокое положеніе, ни труды государственные не мѣшали Екатеринѣ чутко относиться къ самымъ разнообразнымъ и животрепещущимъ вопросамъ современности, схватывать или уже бывшія въ ходу или только еще нарождавшіяся теченія русской жизни и каждому изъ нихъ дать соотвѣтствующее освѣщеніе. Если литературные ея труды и не выдаются по своимъ художественнымъ достоинствамъ, то имъ ни въ какомъ случаѣ нельзя отказать ни въ талантливости, ни въ трезвости проводимыхъ взглядовъ, ни въ относительной свободѣ отъ стѣснительныхъ правилъ, предписывавшихся тогдашней эстетической теоріей, ни тѣмъ болѣе въ возможной увлекательности и веселости и даже сравнительной легкости языка.

М. Соколовъ.

Журнальная дѣятельность императрицы Екатерины Второй.

Источники. *Пекарскаго.* Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности императрицы Екатерины Второй.
Державина. Сочиненія съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота, т. 8.
Добролюбова. Сочиненія т. I, издан. 1876.
Порфирьева. Исторія русской словесности, ч. 2, отд. 2, изд. 1884.

Хотя журнальная дѣятельность императрицы Екатерины Второй продолжалась очень короткое время, всего два съ лишнимъ года, и ограничилась близкимъ участіемъ въ изданіи журналовъ „Всякая всячина" и „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова" и помѣщеніемъ въ нихъ нѣсколькихъ статей сатирическаго, полемическаго и историческаго характера, тѣмъ не менѣе эта дѣятельность сопровождалась чрезвычайно важными послѣдствіями для русской литературы и журналистики. Сатирическій голосъ, раздавшійся съ высоты царскаго престола, нашелъ себѣ откликъ среди большинства выдающихся современныхъ литераторовъ, изъ которыхъ весьма многіе, воспользовавшись провозглашенною еще въ началѣ царствованія свободою мысли и слова, устремились на безпощадную борьбу со всѣми недостатками и пороками тогдашняго русскаго общества. Произошло неслыханное для того времени оживленіе нашей журналистики: вслѣдъ за возникновеніемъ „Всякой Всячины" въ томъ же 1769 году появляется семь новыхъ журналовъ одного направленія со своею „прародительницею", какъ тогда называли „Всякую всячину" „И то и сіо"—Чулкова, „Ни то ни сіо"—Рубана, „Поденщина"—Тузова, „Смѣсь"—неизвѣстнаго издателя, „Трутень"—Новикова, „Адская почта"—Эмина, „Полезное съ пріятнымъ"—неизвѣстнаго. Въ 1770 году всѣ эти журналы прекращаютъ свое существованіе, кромѣ „Всякой Всячины" и „Трутня", а на нихъ мѣсто появляются новые: „Парнасскій щепетильникъ"—Чулкова, „Пустомеля" неизвѣстнаго; въ слѣдующіе годы, взамѣнъ „Всякой Всячины" и „Трутня", возникаютъ: „Трудолюбивый Муравей" (1771) Рубана, „Старина и Новизна" (1772—3) Рубана, „Вечера" (1772), „Живописецъ" (1772), „Мѣшанина" (1773), „Кошелекъ" (1774) Новикова. Послѣ 1774 года журналы стали поя-

вляться рѣже, но все-таки число ихъ было значительное. Наибольшею извѣстностью пользовались: „С-Петербургскій Вѣстникъ (1778—81), „Разсказчикъ забавныхъ басенъ“ (1781) Аблесимова, „Утро“ (1786), „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова (1783—4), „Дѣтское чтеніе для сердца и ума“ (1785—9), „Уединенный Пошехонецъ“ (1786), первый въ Россіи провинціальный журналъ, издававшійся въ Ярославлѣ „Ежемѣсячное изданіе“ (1787), продолженіе „Пошехонца“; „Зеркало свѣта“ (1786—7) Богдановича и Туманскаго, „Лѣкарство отъ скуки и заботъ“ (1786—7) Туманскаго, „Новый С-Петербургскій Вѣстникъ“ (1786—7) Богдановича, „Почта духовъ“ (1789), Крылова, „Сатирическій Вѣстникъ“ (1790—2) Страхова, „Московскій журналъ“ (1791—2) Карамзина, „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ (1793—4) Подшивалова и Сахацкаго, „Аглая“ (1794—5) Карамзина, „Муза“, (1796) Мартынова. Сатира всѣхъ этихъ журналовъ идетъ по слѣдамъ, проложеннымъ сатирою Кантемира и Сумарокова; т. е, бичуетъ, съ одной стороны, оставленные намъ до-петровскою стариною недостатки и пороки, а съ другой, тѣ изъ нихъ, которые развились подъ вліяніемъ неправильно понятой со временъ Петра Великаго западно-европейской цивилизаціи; разница была только въ томъ, что Екатерининская сатира, во-первыхъ, строже относилась къ порокамъ, глубже проникала въ осмѣиваемые недостатки, а во-вторыхъ, при этомъ руководствовалась не общими соображеніями разума, а новыми гуманными идеями 18 вѣка и, преслѣдуя пороки, старалась провести эти идеи во всѣ сферы русской жизни, воспитанія, образованія, законодательства и управленія и во всѣ отношенія между людьми. Такъ какъ причиною древнихъ русскихъ пороковъ было невѣжество, какъ слѣдствіе отсутствія правильнаго воспитанія и образованія, а причиною новыхъ пороковъ было иноземное вліяніе, проникавшее въ Россію либо посредствомъ путешествій за границу, либо путемъ воспитанія русскихъ дѣтей иностранными воспитателями, то журнальная Екатерининская сатира и обрушилась на всѣ грубые пороки и недостатки, проистекавшіе отъ этихъ двухъ главныхъ причинъ, а именно: суевѣріе, ханжество, праздность, жадность къ наживѣ, произволъ въ семейной жизни, лихоимство, ябеда, несправед-

ливость судей, жестокости крѣпостного права, поклоненіе модѣ, пристрастіе ко всему иностранному, въ особенности французскому, рабское подражаніе иностранцамъ и презрѣніе къ отечественному и т. п.

Такимъ образомъ, результатомъ журнальной дѣятельности императрицы Екатерины нужно признать созданіе новой просвѣтительной силы, которая, возникнувъ вслѣдъ за окончаніемъ неудачныхъ законодательныхъ работъ Комиссіи депутатовъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ государства для составленія Проекта новаго уложенія, должна была проводить въ сознаніе русскихъ людей тѣ же новыя гуманныя идеи 18 вѣка, которыя оказалось невозможнымъ провести въ законодательство, вслѣдствіе неподготовленности почвы, вслѣдствіе недостатка у депутатовъ необходимыхъ познаній и умственнаго развитія.

Обратимся къ разсмотрѣнію содержанія принадлежащихъ Екатеринѣ статей, помѣщенныхъ въ „Всякой Всячинѣ" и „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова".

Журналъ „Всякая Всячина" появился въ январѣ 1769 года и прекратилъ свое существованіе въ концѣ слѣдующаго 1770 года, переживъ всѣ другіе современные журналы. Издателемъ его былъ объявленъ Козицкій, состоявшій на службѣ въ кабинетѣ и „при собственныхъ Ея Императорскаго Величества дѣлахъ у принятія челобитенъ", впослѣдствіи адъюнктъ академіи наукъ; тайнымъ редакторомъ журнала была императрица. Всѣ помѣщенныя въ „Всякой Всячинѣ" статьи Екатерины написаны „въ улыбательномъ духѣ", т. е. весело, шутливо, что объясняется отчасти живымъ, веселымъ и остроумнымъ характеромъ государыни, не любившей, по словамъ принца де-Линь, ни слишкомъ печальнаго, ни слишкомъ ученаго, ни чувствительнаго, отчасти же тогдашнимъ взглядомъ на сатиру, которая „смѣхомъ исправляетъ нравы". Въ нѣкоторыхъ изъ первыхъ сочиненій Екатерины, появившихся въ этомъ журналѣ, можно замѣтить неудовольствіе императрицы противъ обилія новыхъ сатирическихъ журналовъ, отличающихся чрезмѣрною рѣзкостью обличенія недостатковъ и пороковъ. Къ числу такихъ статей принадлежитъ напримѣръ сохранившееся въ бумагахъ Екатерины письмо ея, предназначавше-

еся, очевидно, для „Всякой Всячины“, но оставшееся почему-то ненапечатаннымъ.

„Госпожа бумагомарательница „Всякая Всячина“! По милости вашей, нынѣшній годъ отмѣнно изобилуетъ недѣльными изданіями. Лучше бы мы любили изобиліе плодовъ земли, нежели жатву словъ, которую вы причинили. Ѣлибы кашу, да оставили бы людей въ покоѣ: вѣдь и профессора Рихмана бы громъ не убилъ, если бы онъ сидѣлъ за щами, а не выдумалъ шутить съ громомъ. Хрѣнъ бы васъ всѣхъ съѣлъ! Даже да и намъ, старикамъ и старухамъ, спуска нѣтъ. Для чего вы меня съ сестрою обижаете? Я васъ въ лицо не знаю. Не она, а вы насъ описываете. Ну, хорошо ли это, я васъ спрашиваю. Вѣдь я знаю тетку — она ея сосѣдъ. Ругатели какіе! Ну, развѣ вы мнѣ не попадетесь за городомъ, гдѣ ни на есть навстрѣчу“...

Желая дать иное направленіе журнальнымъ статьямъ, императрица обращается съ совѣтомъ къ тогдашней сатирѣ „не все же писать одни обличенія, но не пропускать описывать твердаго блюстителя вѣры и закона, хвалить сына отечества, пылающаго любовью и вѣрностью къ государю“.

Ни одинъ изъ сатирическихъ журналовъ не обратилъ вниманіе на совѣтъ императрицы; большинство продолжало соперничать другъ передъ другомъ въ смѣлости изобличенія недостатковъ и пороковъ. Тогда императрица вынуждена была измѣнить направленіе своихъ журнальныхъ статей, принявъ на себя роль защитницы существующаго порядка вещей противъ нападковъ тогдашней сатиры. Такимъ характеромъ отличаются два письма Екатерины, подписанныя Патрикеемъ Правдомысловымъ, одно напечатанное въ „Всякой Всячинѣ“, а другое сохранившееся въ бумагахъ императрицы, но, очевидно, предназначенное для того же журнала. Первое письмо государыни начинается указаніемъ на существованіе въ одной части согражданъ толковъ объ отсутствіи у насъ правосудія; желая изслѣдовать, „отъ чего бы такой вредъ къ намъ вкрался, и справедливы ли жалобы о неправосудіи паипаче тогда, когда всякій честный согражданинъ признаться долженъ, что, можетъ быть, никогда и нигдѣ, какое бы то ни было правленіе, не имѣло

болѣе попеченія о своихъ подданныхъ, какъ нынѣ царствующая надъ нами Монархиня имѣетъ о насъ, въ чемъ ей, сколько намъ извѣстно и изъ самыхъ опытовъ доказывается, стараются подражать и главныя правительства", императрица разсматриваетъ, „гдѣ теперь та болячка, на которую жалуются, что правосудія нѣтъ, въ законахъ-ли, въ судьяхъ или же въ насъ самихъ". По мнѣнію государыни, неправосудіе не въ законахъ, такъ какъ они хотя и запутаны, какъ и во всей Европѣ, но „передъ нею мы имѣемъ ту выгоду, что Ея Величествомъ созвана вся нація для составленія новаго проекта узаконеній; слѣдовательно, питаемся надеждою о поправленіи тогда, когда Европа вся не видитъ конца конфузіи. А между тѣмъ, пока новые законы поспѣютъ, будемъ жить, какъ отцы наши жили, съ тѣмъ барышомъ противу нихъ, что мы ощущаемъ болѣе отъ вышней власти человѣколюбія, нежели они". На вопросъ о томъ, не заключается ли причина жалобъ на неправосудіе въ судьяхъ, императрица отвѣчаетъ утвердительно. „Судьи у насъ, какъ и вездѣ, всякіе. У насъ ихъ опредѣляютъ обыкновенно изъ военнослужащихъ или изъ приказныхъ людей безъ великаго знанія. Во многихъ европейскихъ земляхъ, а паипаче во Франціи, покупаютъ за деньги судейскія мѣста другъ у друга, какъ товаръ. Такъ какъ нельзя утверждать, чтобы всѣмъ судьямъ была врождена настолько справедливость, что могла бы замѣнить недостатокъ знаній, то и нужно признать, что жалоба на неправосудіе отчасти падаетъ на судей и на нравы".

Считая наиболѣе вѣрнымъ предположеніе, что неправосудіе въ насъ самихъ, императрица объясняетъ, что „такія жалобы всегда исходятъ отъ неправой стороны, которая, будучи по справедливости обвинена судьею, кричитъ о несправедливости и, слѣдовательно, сама судитъ несправедливо. Прямая жалоба на неправосудіе можетъ быть только тогда, когда осуждена справедливая сторона. Но чтобъ много подобныхъ дѣлъ могло проходить сквозь строгое разсматриваніе трехъ апелляцій и въ присутствіи тяжущихся, вѣрить тому нельзя. Такихъ людей, которые захотѣли бы быть несправедливыми и оставить на бумагѣ доказательства своего плутовства, на свѣтѣ немного. Однако

сіе доказательство слабо. Долгъ нашъ, какъ христіанъ и какъ согражданъ, велитъ намъ имѣть почтеніе къ установленнымъ для нашего блага правительствамъ и не поносить ихъ несправедливыми поступками и жалобами. Впрочемъ я не судья и вѣкъ имъ не буду, а разсудилъ за нужное написать къ вамъ для того, что нѣкоторые дурные шмели на сихъ дняхъ нажужжали мнѣ въ уши своими разговорами о мнимомъ неправосудіи судебныхъ мѣстъ. Но, наконецъ, я догадался, почему они такъ жужжатъ: промотались, и не осталось у нихъ, окромѣ прихотей, на которыя по справедливости слѣдуетъ отказъ. Изъ всего сказаннаго выходитъ, что нигдѣ больше несправедливости и неправосудія нѣтъ, какъ въ насъ самихъ. Любезные сограждане! Перестанемъ быть злыми, не будемъ имѣть причины жаловаться на неправосудіе".

Оставшееся ненапечатаннымъ письмо Екатерины направлено противъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ журналовъ, въ особенности противъ „Трутня" Новикова, и содержитъ въ себѣ сатирическое изображеніе жизни не по средствамъ. „При такой жизни человѣкъ неминуемо впадаетъ въ неоплатные долги, которые принуждаютъ его выманивать деньги у честныхъ людей или у правительства: когда и то и другое не удается, то разстроенное состояніе разстраиваетъ и мысли и доводитъ ихъ до того, что, позабывъ сами себя, долгъ и должность, окромѣ прихотей, не вмѣщаютъ у себя въ головѣ, не разбирая способы, какъ бы получить по своему желанію". Живя сообразно съ средствами, человѣкъ испытываетъ душевное спокойствіе; выходя же изъ такого состоянія, онъ не можетъ ничего ждать для себя, кромѣ безпрестанныхъ прихотей, слѣдовательно, душевныхъ и тѣлесныхъ безпокойствъ и необузданныхъ мыслей; а въ такомъ положеніи справедливый отказъ считается обидою, должное послушаніе тягостью, частныя неудовольствія общимъ и это оттого, что находятъ себѣ при каждомъ шагу препятствія. Иные несчастные теряютъ даже различіе между добрыми и худыми дѣлами, вслѣдствіе того, что они вышли изъ того положенія, въ которомъ быть должны, и находятся въ томъ положеніи, въ которомъ быть не должны. Насколько распространено обыкновеніе жить не по средствамъ, можно судить по тому, что въ одномъ году правительству

было подано такими людьми девятьсотъ прошеній, изъ которыхъ лишь десять признаны были дѣльными. „Мое мнѣніе есть, что ребятамъ не довольно толкуютъ, въ чемъ состоитъ справедливость или несправедливость, а то нельзя бы всякому не знать, что прихотливая просьба сама собою есть несправедливость, и что прихотями иногда отъ прямыхъ убогихъ отнимаютъ и время и примѣчанія у правительства. Слышалъ я, будто здѣсь и такіе люди, коихъ почти увѣрить не можно, что все то, что имъ по справедливости не принадлежитъ, а они того требуютъ, что тѣ требованія есть прихоть. Мнѣ обѣщали такого человѣка показать. Я признаюсь, что любопытенъ узнать образъ мыслей такого человѣка, и упрямство или кривотолки, или тупость тому причина“.

Кромѣ приведенныхъ писемъ Правдомыслова, въ журналѣ „Всякая Всячина“ находится довольно много и другихъ статей, защищающихъ существующій порядокъ вещей и вышедшихъ несомнѣнно изъ-подъ пера императрицы, хотя документальными данными доказать этого нельзя. Что касается другихъ сочиненій, помѣщенныхъ въ томъ же журналѣ, то большинство принадлежащихъ какъ Екатеринѣ, такъ и прочимъ сотрудникамъ „Всякой Всячины“, отличается обличительнымъ характеромъ, подобно всѣмъ выходившимъ въ то время литературнымъ журналамъ. Но между сатирою „Всякой Всячины“ и сатирическими произведеніями всѣхъ другихъ журналовъ существовала большая разница, раздѣлившая весь тогдашній журнальный міръ на два лагеря, изъ которыхъ на одной сторонѣ стояла „Всякая Всячина“ и листокъ Чулкова „И то и се“, а на другой сторонѣ былъ „Трутень“ Новикова, а за нимъ всѣ прочіе журналы. По мнѣнію Всякой Всячины, для исправленія нравовъ современнаго общества посредствомъ осмѣянія его пороковъ и недостатковъ, необходимо „не цѣлить на особъ, но единственно на пороки, руководствоваться снисхожденіемъ и человѣколюбіемъ, такъ какъ, кто только видитъ пороки, не имѣя любви, тотъ не способенъ подавать наставленія другому. Всѣ разумные люди признать должны, что одинъ Богъ только совершенъ, люди же смертные никогда безъ слабостей не были, не суть и не будутъ. И потому надобно

поставить слѣдующія правила: а) не называть слабостей пороками, б) хранить во всякомъ случаѣ человѣколюбіе и в) не думать, чтобъ людей совершенныхъ найти можно было и для того, г) просить Бога, чтобъ намъ далъ духъ кротости и снисхожденія". Новиковъ и другіе держались иного взгляда на сатиру. По ихъ мнѣнію, человѣческія слабости достойны сожалѣнія, а не похвалъ. „Никогда того не думаю", писалъ Новиковъ, „чтобы на сей разъ не покривилась своею мыслью и душою наша прабабка (Всякая Всячина), давъ знать, что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оные. Многіе слабой совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ нему человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкъ обыкновенны, и что должно оныя прикрывать человѣколюбіемъ, слѣдовательно, они порокамъ сшили изъ человѣколюбія кафтанъ; то такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе назвать пороколюбіемъ. По моему мнѣнію, больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который оныя снисходитъ, или (сказать по-русски) потакаетъ.. Любить деньги есть также слабость, почему слабому человѣку простительно брать взятки и набогащаться грабежами. Пьянствовать также слабость или еще привычка; однако пьяному можно жену и дѣтей прибить до полусмерти и подраться съ вѣрнымъ другомъ".

Возникшая вслѣдствіе такого различія взглядовъ полемика между двумя группами сатирическихъ журналовъ съ теченіемъ времени стала принимать болѣе и болѣе рѣзкій характеръ, иногда даже касаясь личности пишущихъ. Такъ, „Трутень" усмотрѣлъ вину „Всякой Всячины" въ томъ, „что на русскомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ и русскихъ писаній разумѣть не можетъ". Всякая Всячина, съ своей стороны, не осталась въ долгу предъ Новиковымъ, заставивъ одного изъ своихъ героевъ высказать такой отзывъ о „Трутнѣ": „Не въ свои де этотъ авторъ садится сани. Онъ де зачинаетъ писать сатиры на придворныхъ господъ, знатныхъ бояръ, дамъ, судей именитыхъ и на всѣхъ. Такая смѣлость де ничто иное есть, какъ дерзновеніе. Полно де его недавно отпряла Всякая Всячина очень хорошо, да это еще ничего: въ старыя времена послали бы де его потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого

ни на есть царства русскаго владѣнія (намекъ на Сибирь), но нынче де дали волю писать и за такія сатиры не наказываютъ. Вѣдь де знатный господинъ не простой дворянинъ, что на немъ то же взыскивать, что и на простолюдинахъ. Кто де не имѣетъ почтенія и подобострастія къ знатнымъ особамъ, тотъ уже худой слуга".

Вообще, въ своихъ нападкахъ на „Всякую Всячину" журналы противоположнаго лагеря больше всего намекали или на придворныхъ, или на знатныхъ лицъ. Разбирая взгляды „Всякой Всячины", „Смѣсь" между прочимъ помѣстила о ней такой отзывъ: „Бабушка въ добрый часъ намѣревается исправлять пороки, а въ блажной даетъ имъ послабленіе (или уже она выжила изъ ума). Она говоритъ, что подьячихъ искушаютъ, и для того они берутъ взятки, а это такъ на правду походитъ, какъ то, что чортъ искушаетъ людей и велитъ имъ дѣлать злое... Завела она ссору между внучатами... Знаете ли, почему она увѣнчана толикими похвалами, въ листкахъ ея видными? Во-первыхъ, скажу, потому, что многія похвáлы сама себѣ сплетаетъ; потомъ, по причинѣ той, что разгласила, будто въ ея собраніи многіе знатные господа находятся; итакъ нѣкоторые, можетъ статься, думая хваленіемъ ихъ сочиненій войти въ ихъ милость, засыпали похвалами Всякую Всячину".

Подобнаго рода полемика съ лицомъ, стоявшимъ во главѣ „Всякой Всячины", понятно, не могла быть продолжительною, и въ слѣдующемъ 1770 году почти всѣ сатирическіе журналы должны были прекратить свое существованіе; остались только „Трутень" да „Всякая Всячина", но они перестали помѣщать обличительныя статьи и вскорѣ также должны были сойти со сцены, вѣроятно, вслѣдствіе равнодушія общества. Вмѣстѣ съ „Всякою Всячиною" прекратилась на нѣкоторое время и журнальная дѣятельность императрицы Екатерины, до 1783 года. Только въ 1772 году, когда Новиковъ, принимаясь за изданіе своего новаго журнала „Живописецъ", посвятилъ его будто бы неизвѣстному ему автору комедіи „О время", императрица отвѣчала на это посвященіе „Письмомъ къ господину Живописцу", въ которомъ, не признавая приписываемаго ея комедіи успѣха, объяснила, что „при сочиненіи оной находящіяся въ ней умоначертанія

взяты изъ собственной своей семьи, гдѣ имѣется обширное поле и для болѣе искуснаго пера". Писала государыня лишь для своей забавы и будетъ считать себя достаточно вознагражденною, если ея малыя сочиненія принесутъ удовольствіе разумнымъ людямъ. Если же ея произведенія не доставятъ никому увеселенія, то хотя этимъ не воздержится отъ писанія, такъ какъ ненавидитъ праздность, однако не будетъ издавать своихъ сочиненій. „Имени своего я не скрываю, но и не пишу его, дабы въ первый разъ не явилось оно въ свѣтѣ въ заглавіи комедій, что для меня самого было бы комедіею; а прибыли въ томъ никому нѣтъ, Карпомъ ли или Сидоромъ меня зовутъ. Еще остается мнѣ отвѣтствовать на вашу просьбу. Вы хотите, чтобъ я прислалъ къ вамъ какія-нибудь сочиненія мои; сіе съ охотою впредь я исполню и сожалѣю о томъ только, что на сей случай никакихъ у меня готовыхъ не случилось, ибо я цѣлые пять мѣсяцевъ занятъ былъ сочиненіями комедій, коихъ пять готовыхъ имѣю, и нѣкоторыя изъ нихъ отосланы на театръ, а прочіе туда же въ походъ собираются. Я впрочемъ есть, государь мой, вашъ охотный слуга, сочинитель комедіи „О время".

Новиковъ помѣстилъ это письмо въ началѣ своего журнала и потомъ во все время изданія принялъ за правило, по словамъ академика Пекарскаго, каждый разъ послѣ особенно рѣзкихъ обличительныхъ статеекъ помѣщать какую-нибудь громкую оду въ честь императрицы или диѳирамбъ князю Орлову, или обращеніе къ графу Панину. Впрочемъ, все это, кажется, не долго помогало, по крайней мѣрѣ, во второй части „Живописца" Новиковъ, видимо сдерживался или былъ сдерживаемъ.

До 1783 года императрица Екатерина не принимала никакого участія въ тогдашней журналистикѣ, почему, можетъ быть, и большинство современныхъ журналовъ не представляютъ почти ничего замѣчательнаго. Въ маѣ 1783 года выходитъ въ свѣтъ первая книжка новаго журнала „Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова", издаваемаго по желанію академіи наукъ директора, ея сіятельства Е. Р. Дашковкой, какъ сказано въ предувѣдомленіи къ нему; въ теченіе всего года издается девять томовъ журнала, въ слѣдующемъ 1784 году Собесѣдникъ, по не-

извѣстной намъ причинѣ, прекращаетъ свое существованіе съ шестнадцатою книжкою. Журналъ расходится въ огромномъ, по тогдашнему времени, количествѣ, въ 1812 экземплярахъ, благодаря тому, что въ изданіи принимаютъ участіе лучшія литературныя силы и въ числѣ ихъ сама императрица, которая выступила вновь на журнальное поприще съ цѣлымъ рядомъ статей сатирическаго характера подъ общимъ заглавіемъ „Былей и Небылицъ" и „Запискам и касательно Россійской исторіи".

„Были и Небылицы" напечатаны въ первыхъ восьми книжкахъ Собесѣдника. Первоначально императрица думала назвать свои статьи Бреднями, но впослѣдствіи измѣнила свое рѣшеніе, о чемъ разсказываетъ такъ: „Когда началъ писать, право, не зналъ, что то будетъ слыть Былями и Небылицами; но вотъ какъ рѣдкое сіе твореніе свѣту извѣстно сдѣлалось: написавъ нѣсколько страницъ, началъ я придумывать заглавіе, или, лучше сказать, какъ всякая вещь имѣетъ свое имя, то какъ назвать и новорожденное дитя? Тутъ, какъ молнія, выскочило изъ моего пера громкое названіе Были и Небылицы".

По мнѣнію Я. Грота, „Были и Небылицы" задуманы были императрицею подъ вліяніемъ шутки и сатиры „Фелицы" Державина, рѣшившихъ господствующее направленіе Собесѣдника, и даже самое заглавіе ихъ какъ будто навѣяно извѣстнымъ стихомъ

И быль и небыль говорить.

Первыя статьи Былей и Небылицъ появились въ іюнѣ 1783 года во второй книжкѣ Собесѣдника съ короткимъ предисловіемъ слѣдующаго содержанія: „Великое благополучіе! Открывается поле для меня и моихъ товарищей, зараженныхъ болячкою бумагу марать перомъ, обмакнутымъ въ чернила. Печатается Собесѣдникъ — лишь пиши да пошли, напечатано будетъ. Отъ сердца я тому радъ. Увѣряю, что хотя ни единаго языка я правильно не знаю, грамматикѣ и никакой наукѣ не учился, но не пропущу сего удобнаго случая издать Были и Небылицы; хочу имѣть удовольствіе видѣть ихъ напечатанными".

Были и Небылицы представляютъ собою рядъ безсвязныхъ, веселыхъ, остроумныхъ очерковъ и размышленій о

всякой всячинѣ, обо всемъ, что взбредетъ на умъ наблюдательному человѣку. Вотъ какъ отзывается самъ авторъ о своемъ трудѣ: „Начавши писать, не знаю никогда, что напишу, а какъ рукою поведу по бумагѣ, то мысль сматывается, какъ нитка съ клубка: но какъ пряжа не всегда ровна, то попадается и потолще и потонѣе, а иногда и узелокъ или что-нибудь и совсѣмъ не принадлежащее къ пряжѣ, ниткѣ и клубку, но совсѣмъ постороннее и къ другимъ вещамъ слѣдующее... Иногда мысль прерывается совершенно случайнымъ обстоятельствомъ. Здѣсь мнѣ муха сѣла на носъ и прервала мои мысли, такъ что письма окончать не могъ; съ другой стороны признаться должно, что она ко времени сѣла, ибо страница ужъ приходила къ концу". Иногда разсказъ разрастается болѣе и болѣе, и мысль постепенно дѣлается серіознѣе. „Когда начинаю писать, обыкновенно мнѣ кажется, что я коротокъ умомъ и мыслями, а потомъ, слово къ слову приставляя, мало-по-малу строки наполняю: иногда самому мнѣ невдогадъ, какъ страница исписана, и очутится на бумагѣ мысль краткодлинная, да еще съ такимъ хвостомъ, что умные люди въ нихъ выискиваютъ тонкомысліе, глубокомысліе, густомысліе и полномысліе; но, съ позволенія сказать, все сіе въ собственныхъ ихъ умахъ, а не въ моихъ строкахъ кроется; ибо неумные въ нихъ ни ума ни всего вышеписаннаго не находятъ. Да къ чему тутъ и быть? Всякъ вѣдаетъ или не вѣдаетъ (хотя то часто было объявлено), что я первоначальныхъ правилъ грамматики отнюдь не знаю, а еще менѣе (не бывъ ничему ученъ) возмогу порядочно мысли и умъ настроить, аки клавикорды либо скрипицу".

Несмотря на такое предупрежденіе автора, Были и Небылицы въ большинствѣ своихъ статей обнаруживаютъ намѣреніе императрицы дѣйствовать путемъ слова противъ окружавшихъ слабостей и пороковъ тогдашняго общества, проводя въ его сознаніе нравственныя наставленія въ пріятной и забавной формѣ. Отсюда объясняется тотъ непринужденно-веселый тонъ, который проникаетъ отъ начала до конца всѣ очерки, отсюда и отвѣтъ на предложеніе Фонвизина взять на себя трудъ описать ябедника или лихоимца, что все, влекущее за собою гнусность и отвращеніе, въ

Быляхъ и Небылицахъ мѣста имѣть не можетъ; изъ нихъ строго исключается все то, что не въ улыбательномъ духѣ“. Съ тою же цѣлью прикрыть свои размышленія и выразить ихъ въ шутливой формѣ императрица всегда заставляетъ высказывать свои мысли различныхъ вымышленныхъ лицъ также веселаго характера: чаще всего у нея дѣйствуетъ дѣдушка автора, человѣкъ глубокомысленный и словоохотливый, который ничего такъ не любитъ, какъ кого смѣшить; въ томъ только встрѣчаетъ затрудненія, что не всякій въ смѣшномъ расположеніи Когда дѣдушка не сумѣетъ разсмѣшить кого-нибудь, то онъ тотчасъ оборотитъ рѣчь на что-нибудь пріятное для того человѣка, и этимъ произведетъ легкую улыбку, подобно какъ искусный врачъ производитъ легкую испарину, и тѣмъ довольствуется. Я часто нахожу его сидящимъ въ одиночествѣ и смѣющимся и догадываюсь, не отъ хорошей ли онъ погоды бываетъ въ улыбательномъ духѣ“. Этотъ дѣдушка, высказывая самыя задушевныя мысли Екатерины, играетъ въ „Быляхъ и Небылицахъ“ ту же роль, какая въ комедіи „Недоросль“ Фонвизина принадлежитъ Стародуму.

Иногда разсказъ ведется отъ лица двоюроднаго брата дѣдушки, человѣка тоже веселаго и проказливаго, или же друзьями автора, изъ которыхъ одинъ Н. Н. Н. болѣе плачетъ, нежели смѣется, а другой А. А. А., болѣе смѣется, нежели плачетъ. Нѣкоторое участіе въ разсказахъ принимаетъ также любимая кума дѣдушки, „высокая, толстая, дочь архангельскаго мелкаго торговца, который терся около голландскихъ купцовъ, всѣмъ кланялся до земли, цѣловалъ ихъ въ полы; наживъ достатокъ, вздумалъ дочь свою воспитать на иностранный образецъ, для чего отдалъ ее въ какой-то пансіонъ, гдѣ она получила ума „обвертки съ двѣ“, а потомъ выдалъ ее замужъ за отставного дворянина. Будучи дородна, она старалась скрыть свой недостатокъ проворствомъ и легкостью, для чего сдавливала узкими башмаками пальцы своихъ ногъ вершка на два, а такъ какъ отъ ногъ ея оставалось еще четверть аршина безъ обуви, то ноги ея, вертясь на высокихъ и тонкихъ каблукахъ, не сносили безъ наклоненія наставленнаго на нихъ вѣса и заставляли куму часто падать. Кромѣ того, кума была щеголиха,

любила по модѣ одѣваться, завидовала другимъ женщинамъ, не хвалила хорошихъ, не любила красавицъ, съ мужемъ была брюзглива, съ людьми нравна и скупа; въ красотѣ, въ умѣ и знаніи мѣры себѣ не ставила, во всѣ разговоры вступалась, все знала лучше прочихъ людей, за все принималась, но рѣдко что ей удавалось. Мужа любила, хотя исподлобья на другихъ изрѣдка глазѣла, не весьма таясь. Дѣдушка говоритъ, что инымъ удается, поступая такъ, „оберегать столицу добродѣтели". Я на сихъ дняхъ спрошу у него, что подъ тою рѣчью разумѣлъ; неужели это какое ни на есть масонское слово, не замыкающее въ себѣ никакого смысла, а выдумано только для закрытія?"

Согласно вышеуказанному взгляду автора на свой трудъ, въ немъ попадаются страницы, какъ будто написанныя съ тою только цѣлью, чтобы чѣмъ нибудь наполнить листъ. Таково, напримѣръ, заклятіе противъ скуки, сдѣланное 64-мя наудачу подобранными глаголами: „Пусть ее ищетъ, родитъ, несетъ, влечетъ, даетъ, наноситъ, приноситъ, кормитъ... или напишетъ, кто изволитъ, лишь бы не встрѣтили ея, читая Былей и Небылицъ".

Но такихъ страницъ немного, большинство же статей посвящено осмѣянію различныхъ общественныхъ недостатковъ, какъ самолюбіе и чванство, тщеславное и безвкусное щегольство, пристрастіе къ иностранному, въ особенности къ французскому языку и нравамъ и т. п. Что особенно придавало Былямъ и Небылицамъ интересъ для современниковъ, это то, что послѣдніе легко узнавали въ вымышленныхъ лицахъ наиболѣе видныхъ тогдашнихъ общественныхъ дѣятелей, несмотря на то, что императрица въ третьей книжкѣ Собесѣдника, отвѣчая на собственное письмо отъ лица Петра Угадаева къ издателю или издательницѣ Былей и Небылицъ, объяснила, что въ своихъ статьяхъ она имѣла въ виду не личности, а умоположеніе человѣческое. „Буде вы и семья ваша между знакомыми вашими нашли сходство съ предложенными описаніями въ Быляхъ и Небылицахъ, то сіе доказываетъ, что Были и Небылицы вытащены изъ обширнаго моря естества. Хотя не имѣю чести знать ни васъ ни семьи, ниже знакомцевъ вашихъ, но какъ они, равномѣрно какъ и всѣ плаваютъ въ той же стихіи,

то, статься можетъ, что попались нѣкоторые изъ васъ ненарокомъ въ рукавъ. Были и Небылицы наполнены тѣмъ, что въ людяхъ водится, но люди тутъ безъ имени, а описывается умоположеніе человѣческое до Карпа и Сидора тутъ дѣла нѣтъ. Буде же Карпъ и Сидоръ сердится и желаетъ быть описанъ лучше, пусть пришлетъ описаніе своей особы: слово отъ слова внесенъ въ Были и Небылицы".

Весьма многіе портреты современныхъ дѣятелей, окружавшихъ Екатерину и нашедшихъ свое отраженіе въ быляхъ и небылицахъ, были понятны для тогдашняго образованнаго общества, но утратили навсегда свое значеніе для потомковъ. Къ числу такихъ портретовъ, въ которыхъ современники признавали извѣстныхъ лицъ, принадлежатъ прежде всего портретъ самолюбиваго, приписываемый Чоглокову, мужу бывшей гофмейстерины Екатерины въ то время, когда она была еще великою княгинею. Самолюбивый изображенъ человѣкомъ, любящимъ только себя и никого другого. „Все, что принадлежитъ ему: мамы, няни, бани, вѣники, собаки, огородъ, пиво, полпиво, поваръ, казалось ему отмѣнными качествами снабдено, для того только, что ему принадлежало. Его деревянный, на каменномъ фундаментѣ домъ, на половину вросшій въ землю, внутри весьма посредственно убранный, казался ему великолѣпнымъ. Жена его съ утра до вечера брюзжала и слыла глуповатою, дѣти были шалуны, но онъ имъ цѣны не ставилъ и приписывалъ имъ душевныя и тѣлесныя безсчетныя дарованія. Онъ приписывалъ красоту и добродѣтели своимъ лошадямъ, изъ которыхъ одна была рыжая, съ бѣльмомъ на глазу, а другая вороная, короткошея, кургузая".

Портретъ нерѣшительнаго долженъ былъ принять на себя оберъ-камергеръ И. И. Шуваловъ, имѣвшій особенное значеніе при дворѣ Елисаветы Петровны и пользовавшійся благосклонностью Петра Третьяго. Во время государственнаго переворота, возведшаго Екатерину на престолъ, Шуваловъ былъ на сторонѣ противниковъ великой княгини, чѣмъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе императрицы; приписавъ же причину этого событія княгинѣ Дашковой, онъ вызвалъ къ ней охлажденіе государыни и отчасти отказъ отъ участія въ Собесѣдникѣ. „Нерѣшительный въ младенчествѣ слылъ

умницею, въ юношествѣ оказывалъ желаніе умничать, въ совершеннолѣтіи каковъ? увидите изъ слѣдующаго. Онъ ходитъ бодро; но когда два шага сдѣлаетъ направо, то одумавшись пойдетъ налѣво; тутъ встрѣчаемъ онъ мыслями, кои принуждаютъ его итти впередъ, потомъ возвращается вспять. Каковъ же путь его, таковы его и мысли. Сосѣдъ мой отъ роду своего не говаривалъ пяти словъ и не дѣлалъ ни единаго шагу безъ раскаянія потомъ объ ономъ. По утру вспомнитъ, что у васъ столъ хорошъ; отъ утра до обѣда мучится перѣшимостью, ѣхать ли или не ѣхать къ вамъ; рѣшиться, къ обѣду къ вамъ пріѣдетъ, сядетъ съ вами за столъ, тутъ вдругъ нападаетъ на него воздержаніе отъ пищи: сколько ни будутъ потчевать, не станетъ ѣсть подъ отговоркою, что желудокъ или животъ болитъ, и оттого сдѣлается утороплениымъ; къ концу стола опомнится, когда кушанья начнутъ прибирать: начнетъ тогда съ застылыхъ блюдъ что-нибудь хватать и кончаетъ обѣдъ закусками, позабывъ, что животомъ жаловался за полчаса передъ тѣмъ. Мой сосѣдъ двадцатью въ день скупъ и мотъ, богатъ и бѣденъ, хорошъ и дуренъ, доволенъ и не доволенъ, и все, что изволишь; только счастливъ не бываетъ, для того что слѣдуетъ всѣмъ своимъ мыслямъ на часъ и не имѣетъ ни единой, которая бы не перебита была другою. Когда я гляжу на него, тогда онъ, утупя глаза въ полъ, передо мною важничаетъ, труся однако мнѣ мысленно. Часто я смѣюсь надъ нимъ; говоря съ нимъ дружески, привожу его въ чувство; по тѣмъ не поправляется его состояніе; лишь ропщетъ на меня заочно, а въ глазахъ мнѣ льститъ. Бывъ съ нимъ въ размолвкѣ на Святой недѣлѣ, встрѣтилъ его нечаянно на улицѣ, спросилъ куда идетъ; къ вечернѣ, отвѣтствовалъ онъ; но вмѣсто того, нѣсколько минутъ только спустя завелъ меня къ танцовщицѣ; сія, стоя передъ зеркаломъ, пляску твердила; тутъ сосѣдъ мой тотчасъ вздумалъ поволочиться, началъ правоучительныя проповѣди; пока говорилъ, пляска продолжалась передъ зеркаломъ безпрерывно; въ отвѣтъ же ему сказано было: „Куда, мой свѣтъ, ты скученъ“! Съ тѣмъ мы и вышли“.

На ряду съ такими описаніями, въ Быляхъ и Небылицахъ попадаются изображенія различныхъ недостатковъ, встрѣ-

чавшихся у многихъ лицъ тогдашняго общества. Такъ авторъ разсказываетъ напр. о своей встрѣчѣ у одного вельможи-покровителя съ многими чужестранными и нашими барами, „между которыми онъ примѣтилъ одну особу отмѣннаго нрава и заботливости, которая не могла скрыть своего нетерпѣнія, если не могла слышать все то, что говорили между собою присутствующіе. Онъ переѣзжалъ изъ дома въ домъ, чтобы развозить слышанныя новости, которымъ онъ придавалъ собственный смыслъ и важность. Безпокоился также очень, когда его не позовутъ обѣдать или ужинать туда, куда приглашены его товарищи. Себя онъ ставилъ очень высоко, отчего часто былъ недоволенъ, думая, что ему не воздается должное почтеніе. Выдумывалъ басни и потомъ разсказывалъ ихъ съ важнымъ видомъ и будто по отличной довѣренности за слышанную имъ быль. Словомъ, своею пронырливостью и мелкостью онъ возбудилъ противъ себя отвращеніе“. Или же авторъ зналъ одну женщину, слывшую разумною, ученою и благонравною. Она въ дѣтствѣ училась по-французски у одного гасконца, въ зрѣлыхъ годахъ стала учиться пѣть, на клавикордахъ играть и по-италіански говорить; чтеніе романовъ и французскихъ театральныхъ сочиненій потомъ довершило всю глубину премудрости. Добродѣтель ея состояла въ щедро изливаемыхъ слезахъ, и кошелекъ друзей своихъ часто для бѣдныхъ раскрывала, но щедрость всегда относила на свой счетъ. Благонравіе ея состояло въ томъ, что она выказывала горячую любовь ко всѣмъ, считала до двухсотъ друзей, до четырехсотъ пріятелей и пріятельницъ. Переписку вела съ 60 человѣками; съ людьми же, не очень съ нею короткими, она на все соглашалась; напротивъ съ любезными ей друзьями обо всемъ спорила; о туфляхъ, о собакѣ, о дорогѣ или о цвѣтѣ бороды армянскаго архимандрита. Дѣвушкамъ ея и друзьямъ, кучеру, лакею, дворецкому и любезному мужу доставалось слышать громогласныя ея поученія, которыя были наполнены непріятными нарѣчіями, бранными словами и угрозами. За столомъ она отказывалась отъ хвалимыхъ блюдъ и ѣла то, что могла въ тарелку выплюнуть. Споры и противорѣчія ея смягчались обыкновенно нѣжными приговорами: Душа моя, ты не понимаешь; ты, любезный другъ,

говоришь неправду; я все для тебя потеряла, и я бы знатнѣе и счастливѣе была за другимъ, когда бы чортъ меня съ тобою не свесъ; меня всѣ, душа моя, обожаютъ за то, что я не такого дурного нрава, какъ ты. Заѣхавъ къ ней въ деревню въ отсутствіе мужа и найдя ее въ слезахъ, я напомнилъ ей старинную пословицу: Розно, такъ тошно, а вмѣстѣ такъ тѣсно. О дивное благонравіе".

Интересенъ здѣсь взглядъ императрицы на прежнее и нынѣшнее время и на значеніе воспитанія для человѣка. „Когда мы были молоды", разсказываетъ дѣдушка, „тогда праздность, закутанная въ копюхову одежду, не шаталась по улицамъ, подъ видомъ прогулки для здоровья. Сіе тогда почиталось безчинствомъ. Сонъ нашъ продолжался до полудня; остальную часть дня проводили, сидя у окошка, играніемъ въ карты до разсвѣта и долѣе; должность, къ которой невольно наряжены бывали, немного съ лѣнцою отправляли; но понеже казалось, что въ свѣтѣ кое что поправки требовало, то люди охотнѣе нынѣшняго упражнялись въ разговорахъ, касающихся до поправленія того-сего; разговоры же сіи велись вполголоса или на ушко, дабы лишней какой бѣды оные кому изъ насъ не нанесли; слѣдовательно, громогласіе рѣдко между нами слышно было; бесѣды же получали оттого нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ, ибо разговоры, смѣхъ, горе и все, что вздумать можешь, открыто и громогласно отправляется. Всѣ нынѣшніе пороки, по мнѣнію дѣдушки, ничего не значатъ; они схожи на стекающее полноводіе; вода же, пришедъ въ прежнія границы и берега свои, возымѣетъ теченіе естественнѣе прежняго; берега суть воспитаніе".

Своеобразный характеръ „Собесѣдника любителей россійскаго слова", сообщенный этому журналу участіемъ въ его изданіи самой императрицы, состоитъ, кромѣ особенностей его сатиры, еще въ полемическомъ его направленіи. Въ первой книжкѣ журнала напечатано было объявленіе, въ которомъ, вмѣстѣ съ приглашеніемъ къ сотрудничеству, содержалась просьба издателей ко всѣмъ любителямъ русскаго слова и ко всей публикѣ присылать критическія ста-

тьи на сочиненія, помѣщенныя въ Собесѣдникѣ, прямо княгинѣ Дашковой, которая не замедлитъ напечатать ихъ безъ всякой перемѣны въ томъ же журналѣ. Въ той же книжкѣ издатели, признавая критику однимъ изъ лучшихъ средствъ очищенія русскаго языка и развитія отечественной литературы, просили всѣхъ присылать имъ свѣдѣнія объ иностранныхъ словахъ и выраженіяхъ, употребляемыхъ модными женщинами и господчиками въ русскихъ разговорахъ, для осмѣянія въ журналѣ тѣхъ людей, которые природнымъ языкомъ своимъ гнушаются. Этотъ критическій отдѣлъ Собесѣдника сообщилъ большое оживленіе журналу, но вмѣстѣ съ тѣмъ послужилъ причиною того, что императрицѣ весьма скоро должна была занять прежнее положеніе защитницы существующаго порядка вещей, положеніе, которое занимала она и во „Всякой Всячинѣ", а затѣмъ полемика повлекла за собою охлажденіе Екатерины къ журналу и нѣкоторымъ его сотрудникамъ.

Уже во второй книжкѣ Собесѣдника напечатана была замѣтка какого то Любослава (очевидный неудачный переводъ слова филологъ), личность котораго не установлена съ точностью—предполагаютъ больше всего Морозова, потомъ Румовскаго или Лепехина—замѣтка о неправильности языка въ Быляхъ и Небылицахъ, въ особенности по поводу употребленія словъ „единакій" вмѣсто „одинакій" и „выполнить" вмѣсто „исполнить". Императрица отвѣтила въ третьей книжкѣ Собесѣдника на критику Любослава слѣдующимъ образомъ: „Скучны грамматическія критики на II, на Ы, на Я, на Е, на ОЙ, наипаче намъ, неграмотнымъ людямъ. Сомнительно, чтобъ многія такія критики читали. Признаюсь, что, раскрывъ вторую часть Собесѣдника и отыскавъ Были и Небылицы, оныя прочелъ въ угодность самолюбію, какъ водится, хотя почти оныя наизусть знаю, а грамматическія поправки я не читалъ и отнюдь ими не исправленъ. Надѣяться можно, что наши грѣшные падежи никому вреда не нанесутъ. Дѣдушка мой говоритъ, будто бы онъ во всякомъ писаніи, ищетъ не II, не Ы, не Е, не ЫЙ, не ОЙ, но полномыслія и густомыслія, которыхъ онъ болѣе любитъ, нежели плодородіе словъ безъ полномыслія и густомыслія".

Большій интересъ возбудили напечатанные въ третьей книжкѣ Собесѣдника съ разрѣшенія императрицы вопросы Фонвизина и отвѣты государыни на каждый изъ нихъ. Вопросы эти, какъ подвергавшіе критикѣ весь почти тогдашній строй жизни, сложившійся не безъ участія Екатерины, не могли, понятно, ей понравиться, и она поспѣшила отвѣтить на нихъ сейчасъ же, чтобы предупредить другіе отвѣты въ нежелательномъ духѣ; кромѣ того, и въ последующихъ статьяхъ Былей и Небылицъ императрица нерѣдко вспоминала о нихъ. Вотъ эти вопросы съ отвѣтами въ томъ видѣ, какъ они появились въ Собесѣдникѣ.

1 вопросъ Фонвизина. Отчего у насъ спорятъ сильно въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія?

1 отвѣтъ Екатерины. У насъ, какъ и вездѣ, всякій споритъ о томъ, что ему не нравится или не понятно.

2 вопросъ. Отчего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ?

2 отвѣтъ Многіе добрые люди вышли изъ службы, вѣроятно, для того, что нашли выгоду быть въ отставкѣ.

3 вопросъ. Отчего всѣ въ долгахъ?.

3 отвѣтъ. Оттого въ долгахъ, что проживаютъ болѣе нежели дохода имѣютъ.

4 вопросъ. Если дворянствомъ награждаются заслуги, а къ заслугамъ отверсто поле для всякаго гражданина, отчего же никогда не достигаютъ дворянства купцы, а всегда или заводчики или откупщики?

4 отвѣтъ. Одни, бывъ богатѣе другихъ, имѣютъ случай оказать какую ни на есть такую заслугу, по которой получаютъ отличіе.

5 вопросъ. Отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній Правительства?

5 отвѣтъ. Для того, что вольныхъ типографій до 1782 года не было.

6 вопросъ. Отчего не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ перевелись общества между благородными?.

6 отвѣтъ. Отъ размножившихся клубовъ.

7 вопросъ Отчего главное стараніе дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобъ поскорѣй сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобъ поскорѣй сдѣлать ихъ не служа въ гвардіи унтеръ-офицерами?

7 отвѣтъ. Одно легче другого.

8 вопросъ. Отчего въ нашихъ бесѣдахъ слушать нечего?

8 отвѣтъ. Оттого, что говорятъ небылицу.

9 вопросъ. Отчего извѣстные и явные бездѣльники принимаются вездѣ равно съ честными людьми?

9 отвѣтъ. Оттого, что на судѣ не изобличены.

10 вопросъ. Отчего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

10 отвѣтъ. Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго.

11 вопросъ. Отчего знаки почестей, долженствующіе свидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ къ носящимъ ихъ ни малѣйшаго душевнаго почтенія?

11 отвѣтъ. Оттого, что всякій любитъ и почитаетъ лишь себѣ подобнаго, а не общественныя особенныя добродѣтели.

12 вопросъ. Отчего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?

12 отвѣтъ. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурно, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

13 вопросъ. Чѣмъ можно возвысить упадшія души дворянства? Какимъ образомъ выгнать изъ сердецъ нечувственность къ достоинству благороднаго званія? Какъ сдѣлать, чтобъ почтенное титло дворянина было несомнѣннымъ доказательствомъ душевнаго благородства?

13 отвѣтъ. Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними покажетъ несомнѣнно, колико души ободрены, либо упали. Самая наружность, походка и проч., то уже оказываетъ.

14 вопросъ. Имѣя Монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ удостоиваться Ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ?

14 отвѣтъ. Для того, что вездѣ, во всякой землѣ и во всякое время родъ человѣческій совершеннымъ не родится.

14 вопросъ. Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ и весьма большіе?

14 отвѣтъ. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли.

НБ. Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то начли бы на нынѣшняго одного — десять прежде бывшихъ.

15 вопросъ. Отчего многіе пріѣзжіе изъ чужихъ краевъ, почитавшіеся тамъ умными людьми, у насъ почитаются дураками, а наоборотъ, отчего здѣшніе умницы въ чужихъ краяхъ часто дураки?

15 отвѣтъ. Оттого, что вкусы разные, и что всякій народъ имѣетъ свой смыслъ.

16 вопросъ. Гордость большей части бояръ гдѣ обитаетъ: въ душѣ или въ головѣ?

16 отвѣтъ. Тамо же, гдѣ нерѣшимость.

17 вопросъ. Отчего въ Европѣ весьма ограниченный человѣкъ въ состояніи написать письмо вразумительно и отчего у насъ часто преострые люди пишутъ такъ безтолково?

17 отвѣтъ. Оттого, что тамо, учась слогу, одинако пишутъ; у насъ же всякъ мысли своя не учась на бумагу кладетъ.

18 вопросъ. Отчего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостью, потомъ же оставляются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются?

18 отвѣтъ. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется.

19 вопросъ. Какъ истребить два сопротивные и оба вреднѣйшіе предразсудка: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?

19 отвѣтъ. Временемъ и знаніемъ.

20 вопросъ. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

20 отвѣтъ. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корени всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ.

Для объясненія нѣкоторыхъ вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ необходимо привести выдержку изъ письма императрицы къ княгинѣ Дашковой, писаннаго еще до выхода третьяго тома Собесѣдника, слѣдовательно, до 28 іюля 1783 года. „Это (вопросы) идетъ несомнѣнно отъ оберъ-камергера въ отмщеніе за портретъ нерѣшительнаго во второй части. Прошу васъ обратить вниманіе, что 14 пунктъ помѣщенъ два раза, можетъ быть, съ намѣреніемъ, чтобы возможно было одинъ изъ нихъ исключить, не нарушая счета. — Эта предосторожность, жалкая сама по себѣ, не совершенно ли похожа на оберъ-камергера, который во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ дѣлаетъ одинъ шагъ впередъ, а другой назадъ“. Это письмо Екатерины приводитъ къ убѣжденію въ томъ, что она въ Быляхъ и Небылицахъ иногда описывала придворныхъ, и вопросы считала мщеніемъ со стороны И. И. Шувалова за портретъ его въ нерѣшительномъ, почему и на вопросъ 16: „Гордость большей части бояръ обитаетъ въ душѣ или головѣ?“ не задумываясь отвѣчала: „Тамъ же, гдѣ нерѣшительность“, намекая на то, что она догадалась, откуда идутъ эти вопросы.

Изъ всѣхъ приведенныхъ вопросовъ болѣе другихъ, кажется, возбудилъ неудовольствіе императрицы вопросъ Фонвизина: „Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе?“ на который государыня отвѣчала, что онъ родился отъ свободоязычія. „Здѣсь, очевидно, имѣлся въ виду, главнымъ образомъ, оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, принятый въ короткій кружокъ Екатерины еще въ то время, когда она была великою княгинею. По свидѣтельству графа Сегюра, это былъ человѣкъ очень богатый, съ именемъ, которое знаменито по родству съ императорскимъ семействомъ... Онъ пользовался не значеніемъ, но скорѣе величайшимъ расположеніемъ императрицы; ее за-

бавляли его странности, она смѣялась надъ его шутовскими продѣлками и распущенностью его образа жизни. Какъ онъ не стѣснялъ никого, а забавлялъ всѣхъ, то ему все спускали, и онъ имѣлъ право дѣлать и говорить то, что другому никакъ бы не было дозволено". Въ своихъ запискахъ императрица отзывается о Нарышкинѣ такъ: „Никто не заставлялъ меня столько смѣяться, какъ онъ. Левъ Нарышкинъ былъ рожденъ арлекиномъ, и если бы не его происхожденіе, то онъ, конечно, нашелъ бы чѣмъ существовать... Впослѣдствіи Екатерина написала на его комедію „Безпечный" и двѣ статейки шутливаго характера. Державинъ воспѣвалъ оберъ-шталмейстера въ своихъ одахъ:

Что нужды мнѣ, кто по паркету
Подъ часъ и кубари спускалъ?

. . . .

Что нужды мнѣ, что все зефиромъ
Съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летя,
Доволенъ былъ собою, міромъ,
Шутилъ, рѣзвился, какъ дитя?

. . . .

Хвалю тебя: ты въ смыслѣ здравомъ
Пресчастливо провелъ свой вѣкъ.

Императрица не ограничивалась отвѣтами на вопросы Фонвизина и въ четвертой книжкѣ Собесѣдника заставила своего дѣдушку сдѣлать отзывъ о вопросахъ неизвѣстнаго и отвѣтахъ сочинителей Былей и Небылицъ: „Въ наши времена никто не любилъ вопросовъ, ибо съ оными и мысленно соединены были непріятныя обстоятельства; намъ подобные обороты кажутся неумѣстны; шуточные отвѣты на подобные вопросы не суть нашего вѣка... Вамъ совѣтую, если задачи свѣту задавать хотите, искать оныхъ въ моемъ любимомъ ларцѣ; напримѣръ, прямая академическая задача: коей причины ради носъ въ длину, а ротъ поперекъ, а не инако; или для чего руки, ноги, крылья у животныхъ попарно, а не поодиночкѣ? Подобные вопросы подадутъ случаи къ испытанію малоизвѣстнаго и къ заключеніямъ глубокоизысканнымъ...

Другъ мой, П. И. П., который больше плачетъ, нежели смѣеться, смертельно влюбленъ въ вопросы; наипаче пер-

вый ему чрезвычайно поправился по своей, говоритъ онъ, блистательной ясности. Впрямь, говоритъ онъ, что отвѣтствовать можно па такой убѣдительный вопросъ: Отчего у насъ сильно спорятъ въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія? Когда же усмотрѣлъ отвѣтъ: У насъ, какъ и вездѣ, всякій споритъ о томъ, что ему не нравится или не понятно, тогда онъ нахмурился и сталъ такъ пасмуренъ, какъ будто между солнцемъ и имъ проходящее тѣло покрыло его мракомъ; свободоязычіе отпряглось изъ одноколки, на которой скакало на двацати-вопросной станціи, видя пыль, вертящуюся около роспусковъ съ отвѣтами.

Другъ мой, А. А. А., который болѣе смѣется, нежели плачетъ, принялъ вопросы и отвѣты съ улыбкою и прочелъ тѣ и другіе прилежно; первые уподобилъ сборной ухѣ, а вторые свѣжепросольнымъ огурцамъ.

Далѣе дѣдушка разбираетъ внимательно 14 вопросовъ: „Отчего въ прежнее время шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ и весьма большіе? и отвѣчаетъ на него, что въ прежнія времена врать не смѣли, а паче письменно безъ опасенія. Въ доказательство того, что шуты имѣли значеніе и прежде, дѣдушка разсказываетъ, что отецъ его при домѣ князя Цезаря съ ребячества находился и въ ономъ вмѣстѣ съ сыномъ князя Ѳедора Юріевича Ромодановскаго воспитанъ былъ, гдѣ случаи имѣлъ много о старинѣ слышать; онъ помнилъ маскарадъ, гдѣ Бахусъ, сидящій на бочкѣ, въ провожаніи семидесяти кардиналовъ, переѣхалъ черезъ Неву; дѣдушка часто и много разсказываетъ о свадьбѣ въ ледовомъ домѣ и о присутствовавшихъ при оной, и какъ весна свистала.... Когда дѣдушка дошелъ до шпыней, тогда разворчался необычайно и крупно, говоря: Шпынь безъ ума быть не можетъ, въ шпынствѣ есть острота; зато, что человѣкъ остро что скажетъ, вѣдь не лишить его выгодъ тѣхъ, кои въ обществѣ даются, въ обществѣ живущимъ или обществу служащимъ. Балагуры, по сказкамъ дѣдушкинымъ, бываютъ не скучны; когда къ словоохотію присоединяютъ природный умъ или знаніе пріобрѣтеннаго смысла, либо знаніе старины, или что ни есть подобное, а скучны лишь Мареміаны плачущія и о всемъ мірѣ косо и

криво пекущіяся, отъ коихъ обыкновенно въ десяти шагахъ слышенъ уже духъ скрытой зависти противъ ближняго. Дѣдушка разгорячась молвилъ: Зависть есть свойственникъ ненависти, и для того онъ намъ совѣтовалъ отъ оной удержаться и пороку сему не давать воли".

Общее впечатлѣніе, произведенное всѣмъ тѣмъ, что было высказано императрицею въ отвѣтъ на вопросы Фонвизина, было впечатлѣніе неумѣстности этихъ вопросовъ и невозможность прямого ихъ рѣшенія. Все это понялъ Фонвизинъ, приславшій потомъ „письмо къ г. сочинителю Былей и Небылицъ отъ сочинителя вопросовъ", въ которомъ даетъ объясненія по нѣкоторымъ неудачно выраженнымъ имъ вопросамъ. Относительно нечувственности къ достоинству благороднаго званія авторъ поясняетъ, что онъ былъ пораженъ замѣченною имъ нечувственностью многихъ злонравныхъ и невоспитанныхъ членовъ сего почтеннаго общества. Онъ видѣлъ множество лицъ, состоящихъ на службѣ потому только, что ѣздятъ на парѣ; множество другихъ вышли въ отставку сейчасъ, какъ только получили право впрягать четверню. Словомъ, онъ видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ. „Я дворянинъ, и вотъ что растерзало мое сердце; вотъ что подвигло меня сдѣлать сей вопросъ. Легко станется, что я не умѣлъ положить его на бумагу, какъ думалъ, но я думалъ честно и имѣю сердце, пронзенное благодарностью и благоговѣніемъ къ великимъ дѣяніямъ всеобщія нашея Благотворительницы". Далѣе авторъ приноситъ свою благодарность за отвѣтъ на его вопросъ: „Отчего тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства?" Этотъ отвѣтъ подаетъ Фонвизину надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія. „Да облобызаемъ мысленно, съ душевною благодарностью десницу правосуднѣйшія и премудрыя Монархини. О если бы я имѣлъ талантъ вашъ, г. сочинитель Былей и Небылицъ, съ радостью начерталъ бы я портретъ судьи, который, считая всѣ свои бездѣльства погребенными въ архивѣ своего мѣста, беретъ въ руки печатную тетрадь и вдругъ видитъ въ ней свои скрытыя плутни, объявленныя во всенародное извѣстіе. Съ какою бы живостью изобразилъ я, какъ, пораженный

симъ нечаяннымъ ударомъ, безсовѣстный судья блѣднѣетъ, какъ трясутся его руки, какъ при чтеніи каждой строки языкъ его нѣмѣетъ, и по всѣмъ чертамъ его лица разливается стыдъ, проникнувшій въ мрачную его душу, можетъ быть, въ первый разъ отъ рожденія. Вотъ, г. сочинитель Былей и Небылицъ, вотъ портретъ, достойный забавной, но сильной вашей кисти". Вопросъ: Отчего у насъ не стыдно не дѣлать ничего? авторъ объясняетъ въ смыслѣ—отчего празднымъ людямъ не стыдно быть праздными? Статьею о шпыняхъ и балагурахъ Фонвизинъ хотѣлъ показать только несообразность балагурства съ большимъ чиномъ. „Вы, можетъ быть, спросите меня, для чего же вопроса моего не умѣлъ я такъ написать, какъ теперь говорю, то на это отвѣчу вашимъ же отвѣтомъ: во всякой землѣ и во всякое время родъ человѣческій совершеннымъ не родится".

Исполнивъ просьбу Фонвизина относительно помѣщенія его письма на страницахъ Собесѣдника, императрица прибавила слѣдующую замѣтку: „Послѣ сей добровольной исповѣди, напечатанной по собственному прошенію кающагося, сочинителю Былей и Небылицъ не остается что-либо сказать, тѣмъ паче, что онъ въ душѣ своей увѣренъ, что сей поступокъ господина сочинителя вопросовъ сходствуетъ съ обычаемъ достойнымъ похвалы православнаго христіанина, по которому за грѣхомъ вскорѣ слѣдуетъ раскаяніе и покаяніе; но въ семъ случаѣ разрѣшеніе зависитъ не отъ кого иного, какъ отъ многоголовной публики мое же дѣло тутъ постороннее". Замѣтку свою императрица оканчиваетъ вышеуказаннымъ уклоненіемъ отъ изображенія въ Быляхъ и Небылицахъ ябедниковъ и всего того, что не въ улыбательномъ духѣ. „Что жъ касается до даннаго мнѣ совѣта, чтобъ я описаніе ябедника и мздоимца на себя взялъ, на то въ отвѣтъ скажу, возблагодаривъ напередъ за похвалы, въ коихъ себя нимало не узнаю, что въ Быляхъ и Небылицахъ гнусности и отвращеніе влекущее не вмѣщаемы: изъ оныхъ строго исключается все то, что не въ улыбательдухѣ и не по вкусу прародителя моего, либо скуку возбудить могущее и паипаче горесть и плачь разогрѣвающія драмы. Ябедниками и мздоимцами заниматься не есть наше

дѣло; мы и грамматику худо знаемъ, гдѣ намъ проповѣди писать".

Въ пятой книжкѣ Собесѣдника, къ концу Былей и Небылицъ приложено письмо къ автору отъ одного изъ издателей журнала, вѣроятно, княгини Дашковой, въ которомъ Были и Небылицы осыпаны самыми восторженными похвалами и объявлено, что читатели уже плачутъ, услыхавъ объ отъѣздѣ автора и о прекращеніи его произведеній. На это письмо императрица отвѣчала въ шестой книжкѣ „Краткодлиннымъ отвѣтомъ тому изъ господъ издателей Собесѣдника, который удостоилъ сочинителя Былей и Небылицъ письмомъ", гдѣ авторъ проситъ не печатать болѣе похвалъ его сочиненіямъ, помня басню Ворона и Лисица и пословицу: Кто дѣвушку хвалитъ? Отецъ да мать". Въ концѣ отвѣта Екатерина опять вспоминаетъ про Петра Угадаева, говоря, что семья такихъ лицъ часъ-отъ-часу болѣе распространяется. Богъ съ нею. Рекрутскимъ наборомъ, вѣроятно, ихъ число убудетъ, а если война воспослѣдуетъ, то разъѣдутся еще болѣе, а подвиги ихъ хвалить станемъ на ряду со всѣми вѣрными сынами отечества".

Полагая, что императрица осталась недовольна тѣмъ, что похвала Былямъ и Небылицамъ исходила отъ издателя собесѣдника, княгиня Дашкова послала государынѣ новое письмо къ издателямъ журнала, въ которомъ неизвѣстный авторъ восторгается Былями и Небылицами и находитъ, что всѣ другія статьи, принадлежащія даже Державину, Фонвизину, Капнисту, наводятъ только скуку. Къ письму прибавлено примѣчаніе: „Издатели Собесѣдника совершенно согласны съ сочинителемъ въ томъ, что Были и Небылицы заслуживаютъ похвалу отъ всѣхъ любителей забавныхъ и острыхъ произведеній ума человѣческаго. Сіе совсѣмъ новаго рода сочиненіе, конечно, служитъ къ украшенію сего изданія; чтожъ касается до прочихъ твореній, находящихся въ Собесѣдникѣ, то на вкусы всѣхъ угодить невозможно, и безъ посредственныхъ сочиненій не будетъ и хорошихъ, почему иногда и не весьма хорошія сочиненія помѣщать въ Собесѣдникѣ должно, дабы ободрить молодыхъ сочинителей къ дальнѣйшимъ подвигамъ въ ихъ предпріятіи. Прося им-

ператрицу возвратить письмо для помѣщенія его въ новой книжкѣ журнала, княгиня Дашкова прибавила, что „мое мнѣніе о Быляхъ и Небылицахъ не принадлежитъ мнѣ одной, и что нашъ журналъ падетъ безъ нихъ. Скажу даже болѣе: насъ покинутъ совсѣмъ, и тѣ, которые мѣшаютъ писателямъ быть нашими сотрудниками, будутъ считать себя болѣе чѣмъ когда-либо въ правѣ преслѣдовать всѣхъ тѣхъ, которые осмѣлятся имѣть умъ и наклонность къ литературѣ. При полной довѣрчивости, подъ скипетромъ добродѣтельнаго государя и философа, пользуясь притомъ счастіемъ быть въ такихъ отношеніяхъ, какъ я, надобно имѣть очень пресмыкающуюся душу, чтобы бояться кого бы то ни было: но я боюсь сдѣлаться невиннымъ орудіемъ неудовольствій, навлекаемыхъ на честныхъ людей отъ ихъ начальниковъ. Если бы авторъ Былей и Небылицъ захотѣлъ быть столь благосклоннымъ и сказалъ бы нѣсколько словъ въ ободреніе писателей, то оказалъ бы тѣмъ услугу покорному издателю и въ то же время публикѣ“.

Имератрицѣ не могла понравиться такая грубая лесть, и она оставила письмо безъ отвѣта; но въ седьмой книжкѣ Собесѣдника появилась, вѣроятно, внушенная ею насмѣшливая статейка за подписью Каноника, извѣстнаго покровителя былей и небылицъ, члена общества незнающихъ, Ignorant Bambinelli, т. е. Нарышкина, гдѣ задѣта была и личность самаго хвалителя. „Мнѣ, кажется, для читателей и писателей равно опасна прививка стужи, происходящая отъ жидкости частицъ, либо отъ естественнаго хлада. Сей столь прилипчивъ, что посредствомъ бумаги и пера сообщается отъ писателя къ читателю гораздо скорѣй, нежели разобрать можно чтеніемъ намѣреніе писателя; къ сему роду холодной лихорадки соединяются обыкновенно всѣ примѣты: нѣкоторое нетерпѣніе, чесаніе глазъ, неспокойное пребываніе на одномъ мѣстѣ, ломаніе пальцъ, топтаніе ногою, сжиманіе плечъ и тому подобное“.

Въ восьмой книжкѣ Собесѣдника въ послѣдній разъ появились Были и Небылицы императрицы Екатерины. Между многими шутливыми замѣтками и письмами къ сочинителю Былей и Небылицъ обращаетъ на себя вниманіе „завѣщаніе продолжателю этихъ статей“, гдѣ авторъ объявляетъ, что пе-

редаетъ свое имѣніе „Были и Небылицы“ (имреку) съ тѣмъ:

1. Что ему самому, или кому онъ отдастъ, повѣритъ, продастъ или заложитъ, для продолженія оныхъ, не писать шороховато, либо съ трудомъ, аки подымая тягости на блокѣ.

2. Писавъ думать не долго и не много, наипаче не потѣть надъ словами.

3. Краткія и ясныя израженія предпочитать длиннымъ и кругловатымъ.

4. Кто писать будетъ, тому думать по-русски.

5. Иностранныя слова замѣнить русскими, а изъ иностранныхъ языковъ не занимать словъ; ибо нашъ языкъ и безъ того довольно богатъ.

6. Краснорѣчія не употреблять нигдѣ, развѣ само собою на концѣ пера явится.

7. Слова класть ясныя и, буде можно, самотеки.

8. Скуки не вплетать нигдѣ, наипаче же умничаньемъ безвременнымъ.

9. Веселое лучше всего; улыбательное же предпочесть плачевнымъ дѣйствіямъ.

10. За смѣхомъ, за умомъ, за прикрасами не гоняться. Не запрещается однакожъ оныхъ употреблять вездѣ тутъ, аки струи.

11. Ходулей не употреблять, гдѣ ноги могутъ служить, то есть, надутыхъ и высокопарныхъ словъ не употреблять, гдѣ пристойнѣе, пригожѣе, пріятнѣе и звучнѣе обыкновенныя будутъ.

12. Врача, лѣкаря, аптекаря не употреблять для писанія Былей и Небылицъ, дабы не получили врачебнаго запаха.

13. Проповѣдей не списывать и нарочно оныхъ не сочинять.

14. Гдѣ индѣ коснется до нравоученія, тутъ оныя смѣшивать наипаче съ пріятными оборотами, кои бы отвращали скуку, дабы красавицамъ острокаблучнымъ не причинить истерическихъ припадковъ безвременно.

15. Глубокомысліе окутать ясностью, а полномысліе легкостью слога, дабы всѣмъ способнымъ учиниться.

16. Пустомысліе и слабомысліе откинуть вовсе, буде можно.

17. На всякія мысли смотрѣть не съ одного конца, но съ разныхъ сторонъ, дабы избирать удобно было видъ тотъ, который разсудку пріятнѣе представится.

18. Стихотворческія изображенія и воображенія не употреблять, дабы не входить въ чужія межи.

19. Желается, чтобъ сочинитель скрылъ свое бытіе, и вездѣ бы было его сочиненіе, а его самого не видно было и нигдѣ не чувствовалось, что онъ тутъ дѣйствуетъ, и для того совѣтуется ему говорить такъ, чтобъ не онъ говорилъ, а безъ того умъ его или глупость равно не способны будутъ читателямъ.

Сіе пишу въ совершенной памяти и въ полномъ здравіи.

Послѣднею статьею, завершившею навсегда журнальную дѣятельность императрицы, была помѣщенная въ восьмой книжкѣ Собесѣдника „Общества незнающихъ Ежедневная Записка", имѣющая въ концѣ подпись—Скрѣпилъ извѣстный Канонникъ. Черновыя бумаги Екатерины содержатъ только часть этой записки, поэтому мы не имѣемъ твердаго основанія утверждать, что вся она написана рукою императрицы. Подпись Канонника, которою пользовался всегда Л. А. Нарышкинъ, а также нѣкоторыя другія обстоятельства, какъ напримѣръ его отношенія къ княгинѣ Дашковой, заставляютъ предполагать, что записка была имъ и задумана и частью написана. Записка общества незнающихъ представляетъ протоколъ занятій во время засѣданій членовъ общества, которое названо Ignoranti Bambinelli и которое, безъ всякаго сомнѣнія, было пародіею общества тогдашнихъ ученыхъ, собиравшихся для обсужденія различныхъ научныхъ вопросовъ въ только что основанной Россійской академіи. Президентомъ этого учрежденія была назначена, какъ извѣстно, княгиня Дашкова, потерявшая расположеніе Екатерины со времени ея вступленія на престолъ и возбудившая противъ себя оберъ-шталмейстера Нарышкина, который не могъ простить 14 вопроса Фонвизина, напечатаннаго въ Собесѣдникѣ съ разрѣшенія княгини, и платилъ ей за это насмѣшками надъ директоромъ и надъ академіею. Въ ссорѣ императрица приняла сторону Нарышкина и въ ноябрѣ 1783 года взяла назадъ отъ княгини Дашковой всѣ не на-

печатанныя статьи Былей Небылицъ и этимъ прервала всякую связь съ Собесѣдникомъ.

Для образца приведемъ выдержки изъ отрывка, безспорно принадлежащаго императрицѣ.

„23 числа поутру засѣданіе началось чтеніемъ ежедневныхъ записокъ прошедшихъ дней.

Примѣчаніе. Чтеніе продолжалось въ тишинѣ, понеже слушая не говорили.

НБ. Во время чтенія двое изъ засѣдателей стали дремать, о чемъ доложено особо, и потому учиненъ словесный приговоръ, другъ друга почаще потчевать табакомъ да, сверхъ того, дать право сосѣдямъ спящихъ разбудить локтемъ либо колѣномъ.

По прочтеніи ежедневныхъ записокъ учинено.

Опредѣленіе: Отдать въ печать, что исполнено въ тотъ же день.

Того же числа къ вечеру въ 8 часовъ изъ Палаты безъ чутья вступило въ Палату съ чутьемъ предложеніе въ такой силѣ:

Понеже само по себѣ слово чутье подлежитъ различнымъ толкованіямъ, того для не благоволитъ ли Палата съ чутьемъ назначить точное опредѣленіе онаго яснѣйшими израженіями, дабы по важности того дѣла, единачество понятія о томъ установиться могло для общаго благовѣреннаго имъ дѣла.

НБ. Сіе предложеніе подписано всѣми членами, исключая одного, который оспорилъ посылку онаго.

О чемъ не мѣшкатно доложено.

Учинили рѣшеніе:

Доложить на другой день поутру.

А вотъ отрывокъ изъ другихъ частей записки:

17 числа поутру сдѣланы два важныя опредѣленія.

Положено: Знающимъ болѣе нежели писать, читать и четырехъ первыхъ правилъ ариѳметики, всѣмъ безъ всякаго изъятія отказать (въ пріемѣ въ члены общества).

Собраніе раздѣлить на двѣ Палаты. Первая имѣетъ слыться: Палата съ чутьемъ; вторая—Палата безъ чутья.

Члены будутъ переходить по временамъ, какъ болѣе или менѣе окажутъ способности, изъ одной Палаты въ другую.

Понеже засѣданіе продолжилось за полдень.

Того же вечера собранія не было.

19 числа поутру.

По долгомъ разсужденіи.

Положено: Невѣждъ вовсе не принимать, также не знающихъ безъ чутья.

Того же дня послѣ обѣда дано членамъ дозволеніе писать, и предписаны имъ слѣдующія правила:

1. Не писать иного, окромѣ того, что на умъ придетъ.

2. Головоломнаго и высокоумнаго не писать.

3. Писать аки съ конца пера.

4. Въ собраніи скучнаго не читать.

5. Веселаго не издавать инако, какъ прочтя напередъ въ собраніи.

6. Элегій, эпиграммъ или одъ не читать инако, развѣ окажутся съ чрезвычайнымъ чутьемъ; въ противномъ случаѣ, на оныхъ, связавъ въ пукъ, учинить надпись: *мимо*.

20 числа поутру соглашенось Палатѣ безъ чутья дать привилегію чинить предложенія, Палатѣ же съ чутьемъ предоставлены рѣшенія. Того же числа послѣ обѣда вышло запрещеніе, чтобъ отнюдь и ни подъ какимъ видомъ по воздуху не летать съ крыльями или безъ крыльевъ.

НВ. Развѣ крылья сами вырастутъ, или кто предпріялъ или предприметъ летать, самъ собою оперится.

Оперившимся дозволяется линять, когда то будетъ имъ угодно.

„Записки касательно Россійской Исторіи" императрицы Екатерины появились раньше Былей и Небылицъ, уже въ первой книжкѣ Собесѣдникѣ и продолжали выходить въ этомъ журналѣ послѣ ихъ прекращенія до 15 тома, послѣ котораго напечатана была только одна книжка Собесѣдника, и послѣдній долженъ былъ замолкнуть навсегда, потерявъ интересъ для тогдашней публики съ прекраще-

ніемъ участія въ немъ государыни. Записки занимаютъ въ Собесѣдникѣ почти половину журнала (1348 страницъ) и доведены до 1224 года, въ отдѣльномъ же изданіи, появившемся въ 1801 году съ именемъ императрицы Екатерины II, продолжены до 1726 года. Происхожденіе записокъ объясняется тою же самою цѣлью, которую преслѣдовала императрица въ своей журнальной дѣятельности. Екатерина внимательно слѣдила за всѣмъ тѣмъ, что волновало въ то время западную Европу, и, понимая, что движеніе умовъ, перенесенное въ Россію, имѣло бы весьма гибельныя послѣдствія по отношенію къ существующему порядку вещей, старалась воспрепятствовать распространенію нѣкоторыхъ идей въ своемъ государствѣ. Но, не желая задерживать просвѣщеніе своего народа и понимая хорошо особое значеніе въ этомъ отношеніи исторической науки, императрица сама принимается за русскую исторію и въ своихъ статьяхъ, помѣщаемыхъ въ Собесѣдникѣ, даетъ образецъ, какъ должны развиваться въ Россіи историческія знанія. Впослѣдствіи, еще при жизни Екатерины, многіе ея взгляды были отвергнуты исторической критикою, съ чѣмъ согласилась и сама государыня, тѣмъ не менѣе она не нашла возможнымъ передѣлывать свой трудъ: „Что написано, то написано: по крайней мѣрѣ, ни нація ни государство въ оныхъ не унижено“, такъ отозвалась она въ своихъ Запискахъ. Эти слова достаточно выясняютъ цѣль труда императрицы, состоявшую въ томъ, чтобы изобразить важнѣйшія событія древней русской исторіи, въ которыхъ обнаружились достоинства русскаго народа и его блестящая судьба, и тѣмъ опровергнуть взводимыя иностранными писателями клеветы на Россію. Для этого императрица не старалась только восхвалять русскій народъ, напротивъ, она касалась и весьма многихъ темныхъ сторонъ древне-русской жизни, но, какъ говоритъ она въ предисловіи, она хотѣла показать, что „родъ человѣческій вездѣ и по вселенной единакія имѣлъ страсти, желанія и намѣренія и къ достиженію употреблялъ нерѣдко единакіе способы“. Для удобства сравненія русской исторіи съ иностранною, императрица въ концѣ разсказа своего о каждомъ князѣ прилагаетъ таблицу современныхъ ему государей европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ и африкан-

скихъ. Кромѣ всего этого, Екатерина въ своихъ „Записках", изображая нѣкоторыя темныя дѣйствія русскихъ князей, набрасываетъ иногда на нихъ свѣтлый колоритъ или же пытается придать имъ видъ законности не только по понятіямъ того времени, но и по воззрѣніямъ современнымъ.

Записки начинаются короткимъ разсказомъ новгородскаго лѣтописца о скиѳахъ и славянахъ, которыхъ онъ считаетъ единоплеменнымъ народомъ, получившимъ свое названіе отъ именъ князей Скиѳа и Славяна, родныхъ братьевъ. Авторъ подробно останавливается на нравахъ и образованности скиѳовъ и потомъ переходитъ къ описанію руссовъ, которыхъ онъ считаетъ кореннымъ населеніемъ сѣверной Россіи, принявшимъ потомъ къ себѣ славянъ, пришедшихъ съ Дуная. Варяговъ авторъ называетъ народомъ одного племени съ славянами, жившими по берегамъ Балтійскаго моря и имѣвшими сношенія съ руссами, вслѣдствіе чего Гостомыслъ передъ своею смертью прямо указалъ согражданамъ на Рюрика съ братьями, какъ на людей, достойныхъ править Русью. Объ Аскольдѣ и Дирѣ говорится, что Рюрикъ послалъ ихъ защищать жителей Кіева отъ хазаръ, и что Олегъ пошелъ въ этотъ городъ, чтобы провѣрить жалобы на Аскольда: „найдя знатно основательными" предъявленныя обвиненія, Олегъ лишилъ его княженія, какъ ослушника. О хитрости, употребленной Олегомъ, объ убійствѣ Аскольда и Дира составитель не упоминаетъ. Въ разсказѣ о мщеніи Ольги древлянамъ опущены весьма многія лѣтописныя подробности; сватовство князя Мала и Константина Порфиророднаго авторъ Записокъ считаетъ маловѣроятнымъ, такъ какъ великая княгиня Ольга имѣла въ то время уже около 60 лѣтъ, и кромѣ того, Константинъ былъ женатъ, и жена его принимала и угощала Ольгу; впрочемъ сватовство Мала авторъ считаетъ возможнымъ по участію, которое принимала великая княгиня въ правленіи государствомъ. О смерти Святослава разсказывается, что онъ утонулъ въ Днѣпрѣ во время боя. Исторія ссоры Владимира съ братьями изложена такъ, что всѣ три брата остаются совершенно правыми, вина же падаетъ на Свѣнельда и Блуда, которые и несутъ за это наказаніе.

Несмотря на указанныя особенности Записокъ императрицы Екатерины, отличающія ихъ отъ историческихъ произведеній послѣдующихъ временъ, трудъ государыни долженъ быть признанъ имѣющимъ немаловажное значеніе въ развитіи русской исторіи на ряду съ извѣстными сочиненіями предшественниковъ Карамзина, Татищева и Щербатова. Значеніе Записокъ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что онѣ представляютъ, вмѣстѣ съ помянутыми произведеніями современныхъ историковъ, первый опытъ составленія русской исторіи на основаніи лѣтописныхъ источниковъ, а не изъ созданій собственнаго воображенія, къ чему прибѣгали весьма многіе изъ тогдашнихъ ученыхъ, за отсутствіемъ надлежащихъ фактическихъ данныхъ. Сравнительно съ сочиненіями Татищева и Щербатова, „Записки" Екатерины представляютъ то преимущество, что изложены онѣ болѣе подробно и въ болѣе легкой формѣ, что для современниковъ, при ихъ недостаточномъ развитіи и непривычкѣ къ умственному труду, было не маловажно. Не даромъ и Собесѣдникъ помѣстилъ такой отзывъ въ своей заключительной статьѣ. „Сіи записки, собранныя рукою истиннаго и нелицемѣрнаго любителя россійскаго народа, дали сему изданію нѣкоторую степень важности и сотворили оное книгою, полезною каждому россіянину".

Можно даже предполагать, что прекращеніе журнала Собесѣдника вызвано было тѣмъ, что императрица перестала помѣщать въ немъ свои „Записки касательно Россійской Исторіи".

Подобно „Былямъ и Небылицамъ" и „Записки" императрицы вызвали появленіе статей, посвященныхъ критической оцѣнкѣ произведенія съ различныхъ сторонъ. Такъ, еще въ третьей книжкѣ Собесѣдника было напечатано „письмо къ г. сочинителю записокъ о Россійской исторіи", написанное недавно вернувшимся изъ-за границы Румянцевымъ, гдѣ авторъ подъ видомъ критики скрылъ похвалу простотѣ, правдѣ и ясности изложенія. „Вы, мнѣ кажется, не весьма удачнымъ образомъ въ свое сочиненіе вступили", писалъ онъ; неужто вы вздумали намъ болѣе сказать въ тетрадкахъ своихъ, нежели мы начитаться можемъ въ лѣтописцахъ.

Первая тетрадка ваша, напримѣръ, по крайней мѣрѣ, не подаетъ намъ сей надежды. Какое ваше, напримѣръ, о происхожденіи Россіянъ сухое и маловажное объясненіе". Императрица была очень недовольна этимъ письмомъ, предполагая, что публика не пойметъ ироніи автора, а приметъ его нападенія за обличеніе недостатковъ ея записокъ о Россійской исторіи, тѣмъ не менѣе разрѣшила напечатать письмо въ Собесѣдникѣ, но на него ничего не отвѣчала, а только подсмѣялась надъ его нерусскими оборотами рѣчи въ четвертой книжкѣ журнала, заставивъ своего дѣдушку замѣтить, что онъ „не любитъ того, кто, писавъ по-русски, думалъ на иностранномъ языкѣ; ибо, читая по-русски, мысли и обороты иностраннаго языка, намъ, русакамъ, кажется сумбуръ несносный. Сіе мнѣ привело на память косыхъ красавицъ, коихъ я смолоду никогда не любилъ, и которыхъ по двойномъ взглядѣ я судилъ быть двуязычными".

Не получивъ отвѣта на свое письмо, Румянцевъ обратился въ седьмой книжкѣ Собесѣдника съ новымъ письмомъ уже къ автору Былей и Небылицъ, подписавшись „Ни одной звѣзды во лбу не имѣющій", и къ нему присоединилъ составленное имъ „Предисловіе къ исторіи Петра Великаго", гдѣ, желая задѣть самолюбіе императрицы, восхвалилъ дѣятельность Петра, Екатерину же назвалъ „порожденіемъ Петровымъ". Императрица помѣстила въ той же книжкѣ Собесѣдника „Отвѣтъ на письмо къ сочинителю Былей и Небылицъ, подъ № 19 напечатанное", гдѣ въ довольно рѣзкой формѣ опровергла доводы Румянцева „Вы требуете, писала она, чтобъ я открылъ преніе противу толь именитой особы: вамъ кажется сіе дѣло нетрудное; но не моему перышку передѣлать, перемѣнить, переломить, убавить, исправить, что въ свѣтѣ водится. Я изъ тѣхъ людей для которыхъ свѣтъ пойди, какъ можетъ, а жить въ ономъ, какъ опредѣлено. Перемытарить оный мнѣ казалось дѣло возможное, пока я не слегъ горячкою (которую у насъ запросто называютъ къ бородѣ); но съ того времени вещи мнѣ инако казаться стали. Изъ сего вы увидите, государь мой, что, по моему мнѣнію, крылышки скорѣе облиняютъ, нежели, что въ свѣтѣ есть, въ угодность вашу перемѣниться можетъ. Буде я васъ за-

дѣлъ непарокомъ, то уповаю, вамъ отъ того лихо не воспослѣдовало. Письмо ваше свидѣтельствуетъ, что вы пребываете здравы и, вооружаяся противу тщеславія другихъ, сами желаете прославитѣся. Сей запахъ человѣчества меня не болѣе удивляетъ, какъ и требованія ваши внести въ Были и Небылицы приложенное вами предисловіе къ исторіи, хотя то многимъ не сообразно казаться будетъ".

Педагогическія воззрѣнія императрицы Екатерины II и вліяніе ихъ на реформу духовной школы.

I.

Всякаго реформатора въ области народнаго просвѣщенія мы должны прежде всего оцѣнивать по достоинству его взглядовъ на обученіе и воспитаніе. Взглядъ на образованіе и цѣль его есть свѣтъ, освѣщающій путь всякимъ педагогическимъ мѣропріятіямъ, есть тонъ, на который настраивается вся гармонія школьнаго дѣла. Организація школьной жизни направляется къ одной цѣли—сформировать того идеальнаго воспитанника, котораго ожидаетъ реформаторъ отъ школы, сообразно съ своими взглядами на образованіе. Стремится реформаторъ путемъ школы образовать спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ государственной службы, выдрессировать опытныхъ чиновниковъ,—и являются спеціальныя школы съ характеромъ профессіональныхъ государственныхъ учрежденій. Но возникаетъ новый, лучшій взглядъ на образованіе, требующій не обученія только человѣка для отправленія государственныхъ повинностей, но воспитанія его, какъ существа духовно-нравственнаго, развитія всѣхъ духовныхъ силъ его,—и согласно съ этимъ взглядомъ преобразовываются всѣ отрасли школьной жизни. Такой именно переворотъ и произвели педагогическія воззрѣнія императрицы Екатерины II въ организаціи русскихъ школъ. Просвѣщенная императрица силою своего генія поняла слабыя стороны Петровскаго профессіональнаго образованія и лично въ своихъ произведеніяхъ выяснила русскому обществу новый гуманный взглядъ на образованіе, болѣе согласный съ понятіемъ о человѣкѣ. Мысли Екатерины о воспитаніи создали новую эру въ исторіи русской педагогіи: разрушая петровскую систему обученія, онѣ положили у насъ начало той педагогіи, которую теперь называютъ педагогіею сердца. Начертанный рукою Екатерины идеалъ воспитанія проведенъ былъ ею перво-

начально въ школы свѣтскія, а потомъ онъ внесъ свѣтъ и теплоту въ школы духовныя — училища и семинаріи. Чтобы уяснить себѣ, какъ отразились воззрѣнія великой императрицы на организаціи этихъ школъ, уяснить, что сдѣлано Екатериной для нихъ, надо припомнить, каковы были духовныя школы по регламенту Петра I.

Реформа Петра, пошатнувъ весь строй древне-русской жизни, создала новую систему воспитанія,—систему профессіональную. Въ основѣ послѣдней лежалъ взглядъ на человѣка, какъ на орудіе, предназначенное только къ отправленію государственныхъ повинностей. Правительство высказалось, что оно не видитъ никакой другой цѣли образованія, кромѣ значенія его для приготовленія къ той, или другой профессіи: „и изъ школы бы во всякія потребы люди, благоразумно учася, происходили въ церковную службу, и въ гражданскую,—воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство“. Поэтому правительство не заботилось уже объ образованіи, какъ гармоническомъ развитіи всѣхъ душевныхъ силъ человѣка, чтобы онъ лучше соотвѣтствовалъ своему назначенію, оно заботилось лишь о наученіи его тому или другому ремеслу государственному, старалось приноровить человѣческій организмъ къ возможно лучшему отправленію государственной службы.

При служебномъ взглядѣ на образованіе правительству необходимо было раздѣлить всѣхъ подданныхъ государства на группы, которыя бы вѣдали отдѣльныя отрасли государственной службы и получали соотвѣтствующее образованіе. Такими группами сдѣлались образовавшіяся къ тому времени сословія, изъ которыхъ каждое въ особой школѣ начало получать профессіональное образованіе, соотвѣтствующее роду его службы. Всѣ правительственныя распоряженія по этому вопросу сводились къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: а) профессію занимаетъ тотъ, кто приготовился къ ней спеціальнымъ образованіемъ; б) каждый наслѣдуетъ профессію своего отца; в) никто сторонній къ этой профессіи не можетъ имѣть доступа. Такимъ образомъ петровскія школы были сдѣланы не только спеціальными, но и сословными.

Сословно-профессіональное направленіе въ школьномъ образованіи сообщилось и духовнымъ школамъ: онѣ были предна-

значены спеціально для лицъ духовнаго званія, при чемъ по распоряженію царскаго величества за обученіе въ духовныхъ школахъ лицъ другихъ сословій положено было наказывать трехлѣтней каторгой, или по меньшей мѣрѣ учившіяся здѣсь иносословныя лица подвергались большому штрафу *). Издано было много указовъ, строжайше воспрещавшихъ принимать въ духовныя школы солдатскихъ, помѣщичьихъ, вотчинныхъ и крестьянскихъ дѣтей. Руководствуясь ими, духовное начальство само отказывало тѣмъ изъ свѣтскихъ лицъ, которыя желали получать образованіе въ духовныхъ школахъ. Исключенія составляли рѣдкое явленіе.

Принципъ профессіональности и сословности имѣлъ сильное вліяніе на всю организацію школьнаго образованія, его колоритомъ были окрашены всѣ стороны школьной жизни.

Вопросъ, чему должны учиться ученики въ духовныхъ, сословно-профессіональныхъ школахъ въ то время рѣшался очень просто. Въ программу обученія должно было войти все то, что необходимо было знать священнослужителямъ для лучшаго отправленія возложенныхъ на нихъ обязанностей; или, выражаясь словами Петра, духовное образованіе должно было стремиться къ тому, чтобы ученики „вся, яже попу и діакону надобно знать, изучились“, т. е. чтобы они „православной вѣры катехизисъ достаточно знали и по согласію содержащей въ ней артикулъ имѣли“ **). Общее образованіе съ этой точки зрѣнія вовсе было не нужно, законодательство имѣло въ виду образованіе не человѣка вообще, а спеціально духовнаго.

Различаясь по задачамъ и своей спеціально-сословной подготовкѣ учащихся, духовная школа отличалась отъ другихъ школъ и своимъ воспитательнымъ строемъ. Нравственность, какъ цѣль воспитанія, не была тогда сознана, какъ нравственность общечеловѣческая; явились особые кодексы нравственности для духовныхъ лицъ, особые—для дворянъ. Въ одной инструкціи школьнымъ учителямъ духовной школы рисуется слѣдующій идеалъ нравственности для ихъ учениковъ: „без-

---

*) Веселаго—Очеркъ исторіи морск. кадетскаго корпуса, стр. 23—24.

**) Изъ резолюціи Петра на прошеніи Филоѳея Лещин. Чтенія им. общ. стр. и древ. рос. 1863 г., кн. IV ср. П. С. З. Р. И. № 7660 и др.

чиннаго и зазорнаго житія, пьянства, лакомства и всякой игры, брани, браки, татьбы, обманства и прочихъ тому подобныхъ закону Божію и чину церковническому подозрительныхъ причинъ отнюдь бы никто не чинилъ“. Игра, которая запрещается, какъ порокъ, для дѣтей духовныхъ, составляетъ въ другой инструкціи едва не добродѣтель для шляхты.

Несмотря на такое различіе, во всѣхъ школахъ того времени въ воспитательномъ отношеніи была одна общая черта, которая непосредственно вытекала изъ взгляда на образованіе, какъ на государственную службу. Коль скоро понятіе образованія поглощалось понятіемъ службы, всѣ педагогическія мѣры, направленныя къ воспитанію въ ученикѣ человѣка, не могли уже имѣть мѣста въ школахъ: онѣ всецѣло замѣнены были дисциплинарными мѣрами. Дисциплина являлась не результатомъ воспитательныхъ мѣръ, но единственнымъ выраженіемъ ихъ. Для наблюденія за поведеніемъ учениковъ въ бурсахъ организована была цѣлая дисциплинарная система. Ихъ раздѣляли по станицамъ и „для всегдашняго страха“ выбирали изъ нихъ десятниковъ, пятидесятниковъ, сотниковъ и старосту, людей добросовѣстныхъ, которымъ и поручено было имѣть за учениками всегда „крѣпкое смотрѣніе“. Духовныя школы при такихъ порядкахъ обратились изъ воспитательныхъ заведеній въ казармы съ командирами во главѣ, въ казармы, гдѣ все было основано на началахъ субординаціи, дисциплины и карательныхъ мѣрахъ.

Чтобы уяснить, какъ жилось ученикамъ въ этихъ казармахъ, гдѣ собственно не воспитывали, а обучали духовному артикулу, надо припомнить духъ того времени суровый и жестокій и то напряженіе государственнаго механизма, у маховаго колеса котораго сталъ великій царь-плотникъ. Вся страна была какъ на военномъ положеніи, всѣ были призваны къ государеву дѣлу, дѣлать и умирать тамъ, гдѣ кто поставленъ. Жизнь человѣческая цѣнилась очень низко, выше всего была государева служба, поглащавшая человѣка. Этотъ духъ сообщился и духовной школѣ. Вступившій въ нее вмѣстѣ съ тѣмъ поступалъ на службу, принималъ даже присягу съ крестнымъ цѣлованіемъ въ томъ, что „будетъ служить (т. е. учиться), пока животовъ (жизни) хватитъ“. Сообразно съ этимъ авторитетъ закона ставился на первомъ мѣстѣ, проступки учени-

ческие становились преступленіями наказанія за нихъ — уголовными карами. Послѣдпія песли ученики даже за самые незначительные проступки. Царившая въ этотъ желѣзный, крутой вѣкъ палка и розга обширно примѣнялись и къ духовной школѣ Изобрѣтательность педагоговъ въ этомъ примѣненіи по истинѣ была изумительна: сѣкли, „подъ колоколами“, „на воздусѣхъ“, „съ подсыпкой“, сѣкли поодиночкѣ и цѣлыми классами, сѣкли за вину и такъ себѣ, „дабы впредь не повадно было.“ Сѣкли, а въ прописяхъ и грамматикахъ писали утѣшительныя сентенціи о пользѣ розги, заимствованныя изъ азбуковниковъ XVII в., писали даже панегирикъ розгѣ, „которая умъ острить и исправляетъ глупыхъ“, что „самъ Духъ Святый велитъ бить дѣтище розгой“. Въ другомъ учебникѣ половины XVIII в. читаемъ: „цѣлуйте же розгу, бичъ и жезлъ, лобзайте: та суть безъ вины, тѣхъ не проклинайте“. Но могли ли не проклинать, или по крайней мѣрѣ не жаловаться злосчастные школьники на то, что отравляло ихъ молодую жизнь? Свои жалобы они излили въ своихъ грустныхъ семинарскихъ пѣсняхъ, въ одной изъ которыхъ, носившей названіе „горе“, такъ воспѣвается семинарское житье.

Житье въ школѣ не по насъ,
Въ одинъ день сѣкутъ сто разъ,
О горе, о бѣда,
Сѣкутъ насъ завсегда!..
Какъ учителя узришь,
Полумертвъ въ школѣ сидишь,
Хоть какого молодца,
Сокрушитъ школа до конца.. и т. д. *).

Понятно теперь почему правительству для набора учениковъ въ семинарію иногда приходилось посылать конвойныхъ солдатъ и силою отнимать дѣтей отъ родителей, считавшихъ школу хуже солдатчины. Вотъ напр., горькій вопль дьячка, отдающаго своихъ сыновей въ семинарію:

Всѣ мои знакомцы и вся моя родня, соберитеся сюда!
Посмотрите, какая на меня пришла бѣда!
Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ,
И въ проклятую семинарію на муку обираютъ.

*) Истор. Влад. дух. сем., соч. Кс. Надеждина. 1875 г., стр. 65—66.

О, мои дѣтушки сердешные,
Не на ученье васъ берутъ, но на мученье безконешное,
Лучше бы вамъ не родиться на сей свѣтъ, а хоть и
родиться
Тогожъ часа киселемъ задавиться и въ воду утопиться,
О мои милые дѣтушки,
И бѣлые лебедушки!
Лучше бы васъ своими руками въ землю закопалъ
Нежели въ семинарію на муку отдалъ!
Прощайте, мои дѣтушки, ужъ мнѣ васъ не видать,
И съ вами уже никогда не живать *).

Эта суровая школа заставляла даже поступившихъ въ нее учениковъ совершать побѣги, но такихъ отыскивали, возвращали въ семинарію съ конвоемъ въ цѣпяхъ и наказывали, какъ дезертировъ, по всей строгости законовъ.

Такова была духовная школа петровскаго времени.

Съ восшествіемъ на престолъ императрицы Екатерины II наступилъ новый періодъ въ исторіи народнаго образованія. Прежній утилитарный взглядъ на образованіе, какъ на приготовленіе къ какой-либо профессіи, какъ на одну дрессировку для извѣстнаго опредѣленнаго рода занятій и, главнымъ образомъ, для пользы службы государственной, былъ отвергнутъ новымъ правительствомъ въ самомъ принципѣ, какъ несогласный съ достоинствомъ человѣка—существа нравственнаго и духовнаго и приводящій къ гибельнымъ результатамъ. „Съ давняго уже времени, пишетъ со словъ самой императрицы Бецкій, имѣетъ Россія академію и разныя училища и много употреблено иждивенія для обученія наукамъ и художествамъ, но мало, буде совсѣмъ ничего, существенныхъ отъ того плодовъ собрано". Такое печальное состояніе школьнаго образованія, по мнѣнію новаго либеральнаго правительства зависитъ отъ несостоятельности всей прежней образовательной системы, которая, какъ можно скорѣе, должна быть замѣнена новою педагогическою теоріей.

*) Изъ интермедіи XVIII в. Наука и литер. въ Россіи при Петрѣ I. Пекарскій, т. I, ст. 454.

Эта новая теорія, высказанная и развитая Екатериной II въ ея наказѣ, инструкціи Салтыкову, въ сказкахъ о царевичѣ Хлорѣ и царевичѣ Фивсѣ, была взята на прокатъ съ запада. Педагогическія идеи императрицы, какъ извѣстно, сложились подъ вліяніемъ идей знаменитыхъ педагоговъ — Локка, Руссо и другихъ западно-европейскихъ мыслителей. Сочиненія Локка „о воспитаніи дѣтей“ и Руссо „Эмиль или воспитаніе“ были переведены на русскій языкъ и служили исходнымъ пунктомъ педагогическихъ воззрѣній Екатерины и ея ближайшихъ сотрудниковъ. Въ основѣ этой педагогической теоріи лежалъ взглядъ на воспитываемый субъектъ, какъ на tabula rasa, какъ на живую статую безъ всякаго содержанія. Воспитаніе должно сформировать изъ него идеальнаго гражданина. Но, чтобы оно могло безпрепятственно выполнить свою задачу, новая теорія требовала изолированія воспитанника отъ всякаго сторонняго вмѣшательства и даже насильственнаго разрыва его съ семьей. При такихъ условіяхъ она бралась образовать „новую породу людей, или новыхъ отцовъ и матерей“, какъ выражается Бецкій въ своемъ Генеральномъ Учрежденіи.

Дальнѣйшая разработка новаго педагогическаго принципа привела реформаторовъ народнаго образованія къ сознанію, что государственное благосостояніе зиждется не только на распространеніи въ обществѣ непосредственно полезныхъ спеціальныхъ знаній, но и на общемъ образованіи ума и сердца гражданъ, на народномъ развитіи и нравственности. Съ точки зрѣнія новой теоріи обученіе остается въ тѣни, большее же вниманіе обращается на воспитаніе. Локкъ и Руссо оба настоятельно проводили мысль о преимуществѣ воспитанія предъ обученіемъ. Знаменитый авторъ Эмиля, какъ извѣстно, отрицалъ всякую цивилизацію и не придавалъ большой цѣны знанію, а Локкъ прямо заявлялъ, что въ числѣ вещей, необходимыхъ къ доброму воспитанію дѣтей, знаніе есть, дѣйствительно, вещь самая маловажная. Съ ихъ же словъ императрица Екатерина въ инструкціи Салтыкову писала, что „языки и знанія суть меньшая часть воспитанія“, и что „воспитаніе замыкается въ четырехъ вещахъ: а) въ добродѣтели, б) въ учтивости, в) въ добромъ поведеніи и г) въ знаніи *).

*) Соч. имп. Екат. II-й; изд. 1849 г., т. I, стр. 202.

Знаніе, такимъ образомъ, поставлено не только послѣ добраго поведенія, но и послѣ учтивости. Все воспитаніе, по словамъ императрицы, состоитъ „въ умонаклоненіи къ добру" *). Въ тѣхъ же, конечно, видахъ и Бецкій, въ своемъ Генеральномъ Учрежденіи, старается унизить „просвѣщенный науками разумъ", который во многихъ случаяхъ „паче во вредъ бываетъ". Безспорно, что мысли эти съ современной точки зрѣнія тенденціозны, но онѣ въ то время имѣли громадное значеніе, какъ рѣзкій протестъ противъ всякой профессіональности и сословности образованія. Въ самомъ школьномъ обученіи Екатерина и ея сподвижники уже ставятъ на первомъ планѣ образованіе общее, открывающее просторъ способностямъ и наклонностямъ человѣка, дающее ему возможность выбрать себѣ дѣятельность сообразно съ его природою и характеромъ, а образованію спеціальному, гдѣ воля ограничивается опредѣленными рамками, они отводятъ второе мѣсто. Еще не соизмѣримо выше значеніе Екатерининской педагогической теоріи, какъ нравственной системы воспитанія. Она, преобразуя прежняго учителя-командира въ отца-воспитателя, ставитъ на недосягаемую высоту его авторитетъ, которому воспитанники должны подчиняться безпрекословно. „Кто съ дѣтства не поваженъ, писала Екатерина въ инструкціи Салтыкову, повиноваться приказанію и совѣту приставниковъ, тотъ, созрѣвъ, не въ состояніи будетъ слушать здраваго разума и справедливости **). Поставленный такъ высоко на пьедесталѣ новой педагогіи наставникъ, по ней, не долженъ злоупотреблять своимъ положеніемъ: онъ, какъ отецъ, долженъ вникать въ индивидуальныя особенности воспитанниковъ, знать его нужды, быть для него примѣромъ, образцомъ учтивости и вѣжливости. Онъ долженъ, по той же инструкціи, „поваживать дѣтей къ обычаямъ добрымъ", вложить въ нихъ правила добродѣтели, послушанія, благородства и больше всего заботиться о воспитаніи сердца. Отношенія его къ воспитанникамъ должны быть гуманны, наказанія тѣлесныя не допускаются. Для цѣлей воспитанія наставникъ долженъ лишь воспользоваться естественными

*) Тамъ же, стр. 201.

**) Тамъ же, стр. 213.

благородными инстинктами дѣтской души, чувствами стыда и чести. „Никакое наказаніе, говоритъ Екатерина, дѣтямъ полезно быть не можетъ, буде не соединено со стыдомъ, что учинили дурно“ *). „Стыдъ и страхъ поношенія, пишетъ она въ Наказѣ, суть средства укорительныя и могущія воздержать множество преступленій“ **). При такомъ отношеніи учащихъ и учащихся школа, по мысли Екатерины, должна обратиться въ семью съ наставникомъ во главѣ, въ семью, изъ которой должны быть изгнаны палки, розги и другія орудія прежней казарменной педагогіи. Кромѣ серіознаго наученія, Екатерина для учащихся считала необходимымъ „веселіе“, подъ которымъ разумѣла невинныя игры и музыка. Понятно, какимъ новымъ словомъ должна была прозвучать эта теорія въ бурсацкихъ казармахъ петровскаго времени и какой переворотъ она должна была произвести во всемъ строѣ духовной школы.

Вопросъ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній поднятъ былъ самой императрицею въ первый же годъ ея царствованія. Въ своей инструкціи комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ ***), Екатерина говоритъ между прочимъ, и о низкомъ уровнѣ духовнаго просвѣщенія, потому что нѣтъ добраго учрежденія для воспитанія и приготовленія кандидатовъ священства. „Прошло уже 40 лѣтъ, пишетъ она, со времени изданія Духовнаго Регламента, но и по сіе время архіерейскія семинаріи состоятъ въ весьма маломъ числѣ достойныхъ и надежныхъ учениковъ, въ худомъ учрежденіи для наукъ и въ бѣдномъ содержаніи“. Въ мѣткой характеристикѣ духовныхъ школъ императрица находитъ неудовлетворительными всѣ стороны быта семинарій--учебную, воспитательную и экономическую. Въ той же инструкціи она вкратцѣ намѣчаетъ и программу для реформы духовно-учебныхъ заведеній. Она находитъ необходимымъ составить подробные штаты и опредѣлить суммы на содержаніе семинарій и училищъ, расширить курсъ семинарскаго образованія введеніемъ общеобразовательныхъ наукъ — математики, исторіи, географіи, поднять нравственность уче-

---

*) Тамъ же, стр. 209.
**) Тамъ же, стр. 17.
***) Текстъ инструкціи въ П. С. З. Р. И., т. XVI, № 11,718.

никовъ. Въ 1764 г. для начертанія полнаго проекта преобразованія по волѣ самой императрицы составлена была особая комиссія изъ трехъ наиболѣе талантливыхъ духовныхъ лицъ, пользовавшихся благорасположеніемъ ея: Гавріила, еп. Тверского, Иннокентія Псковскаго и іером. Платона Левшина (впослѣд. митроп. Московскаго). Составленный этими лицами проектъ важенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ находятъ себѣ полное выраженіе современные ему взгляды, высказанные самыми просвѣщенными людьми того времени, солидарными съ новыми педагогическими идеями самой императрицы.

Въ этомъ проектѣ уже отсутствуетъ прежній утилитарно-профессіональный взглядъ на образованіе: кромѣ спеціальныхъ знаній, по нему, необходимѣе еще общее образованіе ума и въ особенности гуманное воспитаніе сердца. Сообразно съ этимъ, проектъ въ обширныхъ размѣрахъ вводитъ въ семинарскій курсъ преподаваніе наукъ общеобразовательныхъ. Онъ предполагаетъ въ младшихъ семинаріяхъ преподаваніе классическихъ языковъ, ариѳметики, географіи, исторіи риторики съ піитикой, логики, моральной философіи и богословія. Въ курсѣ большихъ семинарій прибавляется еще нѣмецкій и французскій языки, предпочтительно послѣдній, геометрія, метафизика и полемическое богословіе. Помимо этого, проектъ отличаетъ отъ большихъ семинарій Московскую академію названіемъ „духовнаго университета, какъ такого мѣста, гдѣ всякимъ наукамъ обучаются". Относительно воспитательной части комиссія руководствовалась особымъ, какъ говоритъ проектъ, предписаніемъ императрицы, „чтобы ученіе соединено было съ добрымъ учащихся воспитаніемъ". Для этого предполагалось завести при семинаріяхъ общежитія „на однихъ благоразумныхъ правилахъ, подъ добрымъ и неопускаемымъ присмотромъ". Каждый учитель долженъ быть вмѣстѣ и воспитателемъ; проектъ налагалъ на него обязанность внимательно наблюдать не только за успѣхами, но и за поведеніемъ семинаристовъ, посѣщать послѣднихъ въ жилищахъ, возбуждать ихъ совѣтами къ прилежному храненію учрежденнаго порядка, бывать съ ними въ церкви и во всемъ подавать собою примѣръ. Въ педагогическихъ мѣрахъ проекта, касавшихся разныхъ школьныхъ провинностей, находимъ значительное смягченіе прежней крайне суровой системы наказаній. Прежніе батоги, розги, палки совершенно изгоняются

изъ употребленія. Наиболѣе чувствительными наказаніями признаются: обуваніе провинившагося въ лапти, назначеніе ему прислуживать на кухнѣ и за столомъ, угрозы тѣлеснымъ наказаніемъ, исключеніемъ изъ семинаріи и отдачею въ солдаты. Въ данномъ случаѣ мы видимъ, что проектъ не отступаетъ совершенно отъ прежней системы устрашенія воспитанниковъ: очевидно, сами члены комиссіи находили слишкомъ уже рѣзкимъ для казарменнаго бурсака такой переходъ отъ прежней суровой дисциплины къ нѣжностямъ новой педагогіи *).

Разсматриваемый проектъ по случайнымъ обстоятельствамъ остался неутвержденнымъ императрицею и не былъ приведенъ въ исполненіе въ цѣломъ его видѣ. Тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ громадное практическое значеніе: подъ его вліяніемъ производилась дальнѣйшая реформа духовно-учебныхъ заведеній, его педагогическія идеи восприняты были ближайшими руководителями духовнаго образованія, которые и дали имъ практическое приложеніе къ духовной школѣ. Мы прослѣдимъ вліяніе педагогическихъ воззрѣній этого проекта на организацію учебной и воспитательной части духовныхъ школъ.

Екатерининская теорія школьнаго образованія, какъ мы сказали, требовала, чтобы ученіе направлялось прежде всего къ общему развитію умственныхъ способностей учащихся, а потомъ уже задавалась практическими и спеціальными цѣлями. Послѣдовательно проводя этотъ основной принципъ, надо было совершенно отдѣлить общее образованіе отъ спеціальнаго, или же обязать дѣтей духовенства обучаться въ обыкновенныхъ, общеобразовательныхъ школахъ, которыя въ XVIII в. во множествѣ основывало правительство, оставивъ на содержаніе духовнаго вѣдомства только спеціальныя школы для приготовленія кандидатовъ священства. Но съ точки зрѣнія сословной замкнутости духовенства, которая въ царствованіе Екатерины не только не ослабѣла, но, по традиціи, получила еще большее развитіе, ни того, ни другого нельзя было допустить. Духовенство по-прежнему желало видѣть свою школу словеснымъ заведеніемъ, воспитанники котораго предназначались „быть

*) Проектъ подробно изложенъ въ „Труд. Кіев. Дух. Акад.“ 1867 г., т. III, ст. 588—601. Мы пользуемся Знаменскимъ „Духов. школы“, ст. 470—480.

министрами, или первенствующими служителями Царя Царей", желало имѣть школу, удовлетворяющую всѣмъ потребностямъ въ дѣлѣ духовнаго образованія, безъ всякой сторонней помощи. Поэтому проектъ присоединяетъ общее образованіе къ специальному курсу въ самыхъ духовныхъ школахъ, на подобіе того, какъ это дѣлаетъ Духовный Регламентъ. Смѣшанный характеръ духовно-учебныхъ курсовъ, удовлетворяя стремленію духовенства къ самозамкнутости, невыгоденъ былъ однако въ интересахъ образованія общаго. При господствѣ старыхъ сословныхъ традицій, общеобразовательные предметы духовной школы—математика, географія, исторія—при первомъ же своемъ появленіи въ курсѣ семинарскихъ наукъ получили второстепенное, экстраординарное значеніе и постоянно оставались въ пренебреженіи со стороны учителей и учениковъ. Введеніе экстраординарныхъ предметовъ въ курсъ обученія зависѣло отъ матеріальныхъ средствъ семинаріи и отъ вкусовъ епархіальныхъ архіереевъ; эти предметы читались „сколь возможно въ краткости" и по большей части не были обязательными для всѣхъ учениковъ. Самое преподаваніе ихъ приноравлялось къ интересамъ службы духовной. Въ инструкціи преосвящ. Симона Рязанскаго высказывается, напримѣръ, такой очень характерный взглядъ на преподаваніе математики: „какъ для конца духовныхъ людей не все столь нужно изъ математики, чтобы безъ онаго обойтись было не можно, то и слѣдуетъ присовокупить къ нашимъ школьнымъ упражненіямъ только то, что изъ сей науки нужно или къ разумѣнію Св. Писанія и къ прочимъ наукамъ, какъ то: наипаче къ физикѣ, или къ общему обращенію" *). Имѣя въ виду цѣль обученія семинаристовъ, пр. Симонъ въ той же инструкціи предписывалъ: 1) „впечатлѣвать, чтобы они готовились непремѣнно въ духовное званіе, а не въ иные чины, чтобы не уподобиться Исаву, который за ушицу продалъ первенство свое Іакову и лишился отчаго и Божія благословенія, 2) не забывать высоты своего призванія быть служителями Божіими" **). Въ этомъ духѣ и велось преподаваніе въ семинаріи всѣхъ предметовъ

*) Исторія Рязан. Дух. Сем. Агнцева Ряз., 1889 г., стр. 121.

**) Ibid, стр. 223, пр. 2-е. Инстр. преосв. Симона помѣщена въ ряз. еп. вѣд. за 1866 г.

семинарскаго курса. Такимъ образомъ, специальное образованіе совершенно подавляло въ духовныхъ школахъ общее, и попытка Екатерининской реформы соединить спеціальное и общее образованіе имѣла не много болѣе успѣха, чѣмъ подобная же попытка Ѳеофана Прокоповича.—Однако, благодаря вліянію просвѣтительныхъ идей Екатерининскаго времени, само спеціальное образованіе получало новую жизненную силу, сближаясь съ жизнью и понятіями общества. Въ XVIII в. богословская истина впервые отрѣшилась отъ своего условнаго языка, доступнаго для однихъ только школяровъ и заговорила на общедоступномъ русскомъ языкѣ. При Екатеринѣ же Великой ведется дѣятельная борьба противъ сухой схоластической учености, возникаетъ стремленіе поставить богословскую науку въ органическую связь съ дѣйствительностью и современностью. Сама жизнь способствуетъ этому движенію, знакомя русскихъ людей съ современными философскими и богословскими вопросами. Философія французскихъ энциклопедистовъ заставило духовное начальство обратить вниманіе на усовершенствованіе и обновленіе философскаго преподаванія въ семинаріяхъ. Аристотель замѣняется Баумейстеромъ, и въ лекціи философіи начинаютъ проникать идеи новой философіи—Бэкона, Декарта, Лейбница, казавшіяся наиболѣе благопріятными для обоснованія религіозныхъ истинъ. Въ преподаваніе философіи вводится элементъ историческій, каждая глава учебника предваряется историческимъ изложеніемъ прежнихъ философскихъ мнѣній объ ея предметѣ.

Такимъ образомъ, екатерининская педагогическая теорія не могла произвести полной реформы учебной части духовныхъ школъ, по причинѣ ихъ сословнаго характера. Въ принципѣ отказавшись отъ профессіональнаго взгляда на образованіе, она не могла изгладить на проектѣ всѣхъ связанныхъ съ нимъ недостатковъ. Правда, она полагаетъ начало общему образованію, но смѣшиваетъ его со спеціально духовнымъ, отводитъ ему второстепенное мѣсто, соединяетъ общее и спеціальное образованіе механически, но не органически. При всѣхъ прибавленіяхъ и измѣненіяхъ въ семинарскомъ курсѣ въ интересахъ общаго образованія, реформаторы стараются неизмѣнно сохранить и его прежній сословно-профессіональный характеръ, признаваемый необходимымъ въ интересахъ службы церковной. Гораздо

болѣе практическаго приложенія имѣла новая педагогическая система въ дѣлѣ воспитанія, тѣмъ болѣе, что и сама она, какъ мы сказали раньше, оставляя въ тѣни учебную часть, всецѣло занята правилами гуманнаго воспитанія. Эти воспитательныя идеи и требованія новыхъ школьныхъ реформъ съ большимъ сочувствіемъ были встрѣчены въ духовномъ вѣдомствѣ, нашли для себя хорошо подготовленную почву въ средѣ руководителей духовнаго образованія и проведены въ практику школьнаго дѣла.

Вышеизложенная инструкція императрицы Екатерины и составленный подъ вліяніемъ ея проектъ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, какъ общая схема духовно-учебной реформы, послужилъ поводомъ для отдѣльныхъ инструкцій, составленныхъ нѣсколькими просвѣщенными епископами для руководства въ подвѣдомыхъ ихъ надзору семинаріяхъ. Эти инструкціи, содержа въ себѣ детальную разработку новыхъ педагогическихъ воззрѣній примѣнительно къ частной практикѣ, даже и современнаго читателя могутъ поразить обиліемъ того духа любви и гуманности, который вносится ими въ дѣло школьнаго воспитанія. Познакомимся съ нѣкоторыми ихъ воззрѣніями, наиболѣе характерными для новыхъ педагогическихъ идей.

По требованію новыхъ инструкцій ученическія общежитія не должны были болѣе походить на старыя бурсы „образомъ монастыря", „съ стужительнымъ и заключенію плѣнническому подобнымъ житіемъ". Духовныя школы должны были, согласно съ изложенными воззрѣніями Екатерины, организоваться на подобіе большихъ семействъ, съ которыхъ начальники и учителя замѣняли бы мѣсто отцовъ, основывая свое значеніе на началахъ любви и своего нравственнаго авторитета. „Ректоръ и префектъ, по словамъ разсматриваемыхъ инструкцій, неотмѣнно и сами долженствуютъ жить въ семинаріи, и присмотръ денноношный, какъ отцы за дѣтьми и пастыри за стадомъ, не только, какъ на учителя за учениками, имѣть". „Учитель обязанъ, читаемъ въ инструкціи Владим. дух. семинаріи, по состоянію своему заступить у учениковъ мѣсто родителей: и потому чѣмъ менѣе сами родители вспомоществуютъ въ наставленіи дѣтей своихъ, тѣмъ болѣе трудиться есть долгъ учительскій. Учитель долженъ поступать со всѣми учениками оте-

чески, т. е. ласково и любовно... Онъ долженъ имъ дать примѣтить, что ему пріятно, когда они прилежны и въ школу всѣ часто ходятъ, и что онъ ихъ любитъ. Принявъ на себя чувствія и поступки чадолюбиваго отца, учитель долженъ быть ласковъ, не долженъ быть никогда угрюмымъ, сердитымъ и вспыльчивымъ. Паче же всего не долженъ онъ никогда опускать ласковаго уговариванья, которое по-часту имѣетъ великое дѣйствіе, что напоминанію тѣхъ охотно слѣдуемъ, коихъ любимъ и уважаемъ". Инструкція подробно останавливается на тѣхъ средствахъ, которыми учитель можетъ пріобрѣсти уваженіе и любовь своихъ воспитанниковъ: въ этихъ цѣляхъ онъ прежде всего долженъ избѣгать всего того, „что хотя малымъ худымъ казаться можетъ", долженъ быть благочестивъ, любвеобиленъ ко всѣмъ и доволенъ своимъ положеніемъ. Инструкція входитъ въ ближайшія отношенія учителя къ ученикамъ, предлагаетъ благоразумныя педагогическія средства для обращенія съ дѣтьми различныхъ способностей, характера и поведенія *).

Относительно поведенія учениковъ школьныя инструкціи уже не ограничивались одними дисциплинарными требованіями порядка и сословнаго приличія, а старались держаться въ своихъ предписаніяхъ на точкѣ зрѣнія общечеловѣческой морали и общепринятыхъ правилъ внѣшняго благоповеденія. Сообразно съ новыми понятіями о достоинствѣ человѣка въ нихъ уже не столько говорилось о смиреніи учениковъ, сколько о чести и благородствѣ. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи инструкціи митр. Платона. Онѣ предписываютъ воспитателямъ „вперять въ учениковъ благородное честолюбіе, которымъ бы они, яко пружиною, были управляемы въ поступкахъ". Нельзя не видѣть въ этихъ предписаніяхъ стремленія поднять духовенство изъ того униженнаго общественнаго положенія, въ которомъ оно находилось. Чтобы съ дѣтства пріучить пастыря къ сановитости и благородству въ мысляхъ и поступкахъ, училищные педагоги должны были удерживать семинаристовъ отъ всѣхъ грубыхъ пороковъ, занятій и увеселеній, свойственныхъ необразованнымъ и „подлымъ людямъ", а „подавать имъ

---

*) Истор. Влад. дух. семин., стр. 97—100. Инструкція помѣщена въ дѣлѣ архива консисторіи „о званіи учительскомъ", составлена въ 1786 г.

матеріи къ разговорамъ и другому упражненію, приличныя ихъ состоянію и благоразумныя", наблюдать, чтобы и съ высшими себя и съ равными, своими товарищами, они держали себя тоже благородно и вѣжливо, удалялись отъ знакомствъ съ дурными людьми, сохраняли благопристойность даже въ играхъ. Въ нѣкоторыхъ инструкціяхъ мы находимъ любопытныя наставленія, какъ воспитанники должны держать себя „предъ учителемъ своимъ, предъ почетными свѣтскими и духовными особами, какъ подходить подъ благословеніе, какъ просить онаго, какъ и на какую станцію отступить, какъ смотрѣть на него, на запросы отвѣчать, какъ держать руки, шляпу и какъ всего себя порядочно и вѣжливо представлять", равно, „какъ сидѣть къ столу, какъ порядочно имѣть предъ собою тарелку, ложку, ножъ и прочее, какъ дружкѣ съ дружкою тогда обращаться или что подать". Платонъ рекомендуетъ даже, чтобы „господа учители разговоры между собою серьезные и забавные имѣли по-часту при ученикахъ, а особливо въ часы общихъ гуляній, отъ чего могутъ сіи послѣдніе научиться лучшему между людьми обхожденію и пристойной смѣлости", а также освободиться отъ своей „дикости" *). Съ тою же цѣлью начальство поощряло знакомства семинаристовъ съ благородными свѣтскими людьми, устраивало семинарскіе праздники, акты и диспуты, на которые собиралась масса посторонней публики. На этихъ праздникахъ, кромѣ пѣвческихъ хоровъ, участвовали цѣлые оркестры музыки, исполняя не духовныя только, но и свѣтскія піесы: марши, вальсы и русскія пѣсни.

Съ особенною подробностью новыя инструкціи останавливаются на наказаніяхъ, въ виду того огромнаго значенія, которое они имѣли въ прежней педагогіи. Этимъ наказаніямъ теперь придается совершенно иной смыслъ. „Наказанія, читаемъ въ инструкціи одной духов. семинаріи, суть зло, опредѣленное преступленіями правилъ для учащихся. Учитель долженъ при наказываніи учениковъ имѣть единное только ихъ исправленіе **). Инструкціи мит. Платона, особенно сильно отражающія

*) Знаменскій. Духов. школы, стр. 709—714.

**) Ист. Влад. д. сем. стр. 93. Изъ дѣла консист. архива „о дачѣ новыхъ предписаній учителямъ семинарій, сост. въ въ 1782 г.

въ себѣ педагогическія воззрѣнія импер. Екатерины II, предписывали исправлять учениковъ болѣе „моральнымъ образомъ“, „усмирять по разсужденію постыженіемъ“ и обращеніемъ къ ихъ „благородному честолюбію“ и вообще вести дѣло воспитанія такъ, чтобы они исполняли свои обязанности „не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть“. На первомъ планѣ въ дѣлѣ воспитанія поставляются увѣщанія и дружественныя предостереженія учениковъ *). Къ наказаніямъ дозволялось приступать уже послѣ истощенія увѣщательныхъ попытокъ къ исправленію ученика и употреблять ихъ съ строгою постепенностью. Инструкція Влад. дух. семинаріи воспрещаетъ а) „ремни, палки, линейки и розги; б) пощечины, толчки и кулаки; в) драніе за волосы, за уши, ставленіе на колѣни; г) всѣ пострамленія и честь трогающія устыженія, какъ то: уши ослиныя, названіе скотины, осла и т. п.“. Сѣченіе розгами допускалось только для учениковъ низшихъ классовъ, съ согласія ректорскаго, дабы сѣченіемъ не приводить дѣтей въ ожесточеніе **). Впрочемъ, въ исключительныхъ случаяхъ, съ распоряженія самого архіерея, отъ сѣченія не освобождались и богословы. За то въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, тѣлесныя наказанія совершенно были воспрещены. Такое, напр., либеральное постановленіе сдѣлалъ въ концѣ XVIII в. еп. Владимірскій Ксенофонтъ; по его распоряженію во всѣхъ классахъ семинаріи сдѣланы были надписи: poena corporalis prohibetur ***). Далѣе мы увидимъ, что на практикѣ эти наказанія не исчезли изъ употребленія, и примѣненіе ихъ зависѣло по большей части отъ вкусовъ ближайшихъ руководителей духовно-учебныхъ заведеній.

Проводя новыя педагогическія идеи въ своихъ инструкціяхъ, наиболѣе просвѣщенные пастыри старались осуществлять ихъ на дѣлѣ и прежде всего своимъ личнымъ примѣромъ. Исторія сохранила намъ имена многихъ архипастырей екатерининскаго времени, отличавшихся особенно близкими и сердечными отношеніями къ своимъ семинаріямъ. Таковы были-

*) Знаменскій, стр. 716.

**) Ист. Влад. д. сем. стр. 92.

***) Т. е. тѣлесное наказаніе запрещается.

Платонъ, митр. московскій, Симонъ Лаговъ, еп. рязанскій, Ксенофонтъ Владимірскій, Дамаскинъ Нижегородскій, Меѳодій Тульскій и мн. др. Семинарія была для нихъ семьею, теплымъ угломъ, гдѣ они отдыхали отъ тяжестей епархіальнаго служенія. Они вникали во всѣ нужды учениковъ и учителей, знакомы были съ умственными и нравственными качествами воспитанниковъ и нерѣдко знали послѣднихъ по именамъ; сами они провѣряли отмѣтки воспитанниковъ, награждая лучшихъ изъ нихъ подарками. Въ разныхъ епархіяхъ доселѣ хранятся преданія о мѣстныхъ архипастыряхъ прежняго времени, какъ снисходительно относились они во время частныхъ своихъ визитовъ въ семинарію къ шалостямъ и проказамъ воспитанниковъ, принимая даже иногда личное участіе въ невинныхъ играхъ учениковъ. Иначе уже относятся эти просвѣщенные епископы и къ самимъ школьнымъ учителямъ. Изъ писемъ Платона можно, напримѣръ, видѣть, какъ простъ и любвеобиленъ онъ былъ въ бесѣдахъ съ учителями, „любя ихъ, какъ своихъ любезныхъ братьевъ“. . . .

Своими инструкціями и личнымъ примѣромъ епархіальные епископы устанавливали въ подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ новые порядки, согласные съ требованіями новой гуманной педагогіи. Семинарскіе преподаватели усвоивали мало-по-малу духъ новыхъ педагогическихъ требованій и уже воздерживались отъ старинныхъ командирскихъ замашекъ. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ сами епископы вмѣшиваются въ отношенія учителей къ воспитанникамъ и преслѣдуютъ своею властью не только грубыя мѣры школьныхъ взысканій, но и грубое обращеніе съ учениками. Учителя, прибѣгавшіе по старой привычкѣ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, за превышаніе власти подвергались выговорамъ и даже совершенному увольненію отъ должности. Владимірская консисторія, при преосв. Викторѣ въ 1785 г., дѣлаетъ даже выговоръ учителю семинаріи Грязневскому за то, что онъ назвалъ дуракомъ одного воспитанника философіи [1]. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ внушеній, запрещеній и взысканій создавались новыя отношенія между

[1] Подробности этого дѣла изложены въ истор. Влад. духовн. семин. стр. 96—97.

воспитателями и воспитанниками, настроивалась на новый тонъ вся гармонія школьнаго образованія. Духовная школа перестала уже быть такою страшною, какою она была въ петровское время. А это было однимъ изъ главныхъ условій для примиренія бурсака со школою. Теперь духовенство добровольно уже записывало своихъ дѣтей, безъ тѣхъ строгихъ мѣръ, какія практиковались прежде. Въ концѣ XVIII в. уже не раздавалось звона цѣпей на ногахъ жертвъ, предназначенныхъ къ школьной жизни, и не ходили по градамъ и весямъ цѣлыя команды солдатъ для ловли разбѣжавшихся и для набора новыхъ бурсаковъ. Бурсакъ хотя и не съ радостью, но все же при измѣнившихся условіяхъ школьной жизни, добровольно шелъ въ школу и жилъ въ ней. Случаи бѣгства изъ школы встрѣчаются значительно рѣже. Въ протоколахъ духовно-учебныхъ заведеній того времени противъ именъ нѣкоторыхъ дѣтей можно читать даже такія отрадныя отмѣтки, какъ „желаетъ въ школу",—„отослать въ школу, коли самъ желаетъ" и т. д. *).

Впрочемъ мы нисколько не намѣрены преувеличивать вліяніе идей екатерининскаго времени на духовныя школы, чтобы тѣмъ не ввести въ заблужденіе читателей. Школьныя отношенія подъ вліяніемъ гуманныхъ идей екатерининскаго времени, дѣйствительно, смягчались, но еще далеко было до того идеала, который проповѣдывала новая педагогія. Если въ однихъ семинаріяхъ преслѣдовалось грубое обращеніе съ учениками, то въ другихъ сходили съ рукъ и болѣе рѣзкія проявленія старинпаго командирства. Въ самой троицко-лаврской семинаріи въ офиціальныхъ отмѣткахъ объ успѣхахъ учениковъ, которыя читалъ самъ Платонъ, учителя щеголяли такого рода, напр., фразами: non verbis, sed verberibus ad studia sunt exciitandi, ad progrediendum in studiis calcaribus exscitantur; или: hic est frater stultitiae и т. д. Равнымъ образомъ и excitatio verberibus вовсе не было такою рѣдкостью, какъ можно предполагать на основаніи платоновыхъ инструкцій. Тѣлесное наказаніе учениковъ продолжало производиться даже и въ текущемъ столѣтіи, доставляя удовольствіе уличной публикѣ наслаждаться любопытнымъ зрѣлищемъ исправленія бурсаковъ **)

*) Истор. Рязан. дух. сем. Агнцева 1889 г., стр. 98.

**) Знаменскій. Духов. школы., стр. 725—729.

Екатерининская реформа духовнаго образованія шла сверху и чѣмъ болѣе спускалась внизъ, тѣмъ становилась безсильнѣе, теряясь совершенно въ нижнихъ слояхъ педагогическаго міра. Мы уже видѣли, какъ стремленіе дать мѣсто общему образованію въ семинарскомъ курсѣ разбилось о сословность духовныхъ школъ По едва ли не самою главною причиною, мѣшавшею полному осуществленію проекта и инструкцій была образовавшаяся вѣками грубость разныхъ дѣтинъ непобѣдимой злобы, которая не поддавалась никакимъ благороднымъ мѣрамъ исправленія и служила не малой поддержкой прежнихъ суровостей въ педагогической практикѣ. „Суровый типъ семинарскаго бурсака, пишетъ проф. Знаменскій, мужественно крѣпился противъ всякихъ заигрываній и нѣжностей новой гуманной педагогіи, сбивая съ толку всю ея сантиментальность, и побѣдоносно перешелъ изъ XVIII в. въ XIX-й почти цѣлымъ и невредимымъ“ *). Да и невозможно требовать, чтобы отвлеченная идея, взятая на сторонѣ, могла сразу перевоспитать цѣлое сословіе, образовать новую породу людей. Педагогическая система импер. Екатерины исполнила свою великую историческую миссію уже тѣмъ, что она познакомила русское духовенство съ новыми идеями воспитанія, которыя были усвоены лучшими людьми сословія и приложены къ практикѣ школьнаго дѣла. Она не перевоспитала сословія, но послужило закваскою, которая все смѣшеніе квасить. Благодаря этимъ идеямъ, русская духовная школа выступаетъ на новый путь, начинаетъ новую эру своего развитія, такъ что всѣ историки духовныхъ семинарій и духовнаго просвѣщенія начинаютъ новый періодъ духовной школы съ этого именно времени. Педагогическія воззрѣнія императрицы Екатерины помогли духовнымъ школамъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ мы видимъ ихъ въ настоящее время.

Объ историческихъ фактахъ должно и судить исторически, а не прилагать къ нимъ современную точку зрѣнія. Мы должны не останавливаться на несоотвѣтствіи той или другой стороны екатерининской реформы духовнаго образованія съ нашими современными педагогическими системами, а взглянуть

*) Духов, школы., стр. 729.

на нее исторически. Историческое же значеніе этой реформы несоизмѣримо. Сравнивая образовательную дѣятельность импер. Екатерины съ таковою же дѣятельностью Петра Великаго, современники говорили: „Петръ Великій создалъ въ Россіи людей; Ваше Величество влагаете въ нихъ души". Эти слова безъ всякихъ ограниченій приложимы и къ реформѣ духовныхъ школъ. Что представляли собою духовныя школы Петровскаго времени? Первый опытъ формальной постановки педагогіи, не пошедшій дальше формы: контуры мертвыхъ тѣлъ, не имѣющихъ ни духа, ни живительной силы. Императрица Екатерина оживила эти скелеты, вложила въ нихъ душу превративъ казарму въ школу, какъ воспитательное заведеніе.

Заботы Императрицы Екатерины II о распространеніи образованія въ Полоцкой и Могилевской губерніяхъ.

> Богъ терпитъ на землѣ всѣ вѣры и языки...; насилія не надобно, довольно школъ. Вы хотите предупредить преступленіе, сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми, чтобы неимущіе могли учиться безъ платежа, а имущіе—за умѣренную плату.
>
> Изъ письма императрицы Екатерины II королю Фридриху II.

Въ 1772 году присоединены были къ Россіи, какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ 6 февраля 1774 г. „нѣкоторыя провинціи, общеназываемыя Бѣлой Россіей" *). Это были княжество Инфляндское, часть Полоцкаго воеводства (по правую сторону Двины), воеводства Витебское и Мстиславское и часть воеводства Минскаго **). Въ административномъ отношеніи новопріобрѣтенная область раздѣлена была на семь провинцій, изъ которыхъ три: Двинская, Полоцкая и Витебская присоединены были къ Псковской губерніи, а изъ остальныхъ четырехъ провинцій: Могилевской, Оршанской, Мстиславской и Рогачевской образована Могилевская губернія. Въ 1778 г. провинціи, присоединенныя къ Псковской губерніи, были отдѣлены отъ нея и образовали Полоцкую губернію, при чемъ какъ эта губернія, такъ и Мо-

*) I Полн. собраніе зак. т. XIX. № 14122. Въ смыслѣ этого указа земли, пріобрѣтенныя отъ Польши въ 1772 г. и впослѣдствіи нерѣдко назывались въ правительственныхъ актахъ Бѣлоруссіей. Въ этомъ исключительно смыслѣ и я для краткости буду называть Полоцкую и Могилевскую губерніи Бѣлоруссіей.

**) Отъ Минскаго воеводства перешли къ Россіи въ 1772 г. Гомельскій и Рогачевскій уѣзды и мѣстечко Пропойскъ.

гилевская устроены были на основаніи Положенія объ учрежденіи губерній 1775 г. *).

На всемъ пространствѣ присоединенной въ 1772 г. территоріи, съ населеніемъ въ 1.360,000 душъ, образованіе юношества всецѣло находилось въ рукахъ римско-католическаго духовенства.

Главнымъ образомъ работали на этомъ поприщѣ іезуиты. Въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Оршѣ, Могилевѣ, Динабургѣ (нынѣ Двинскъ) и Мстиславлѣ іезуиты имѣли обширные кляшторы и при нихъ содержали свои коллегіи, въ которыхъ дворянское и шляхетское юношество и получало свое образованіе.

Полное іезуитское учебное заведеніе, согласно уставу 1599 г. **) распадалось на два отдѣленія: младшее (studia inferiora) и старшее (studia superiora).

Младшее отдѣленіе по уставу должно было состоять изъ 5 классовъ. 5-й классъ имѣлъ 2 годичный курсъ, остальные—одногодичный.

Въ младшемъ отдѣленіи по уставу изученіе грамматики древнихъ языковъ (латинскаго и греческаго) составляло у

*) Западныя границы Полоцкой и Могилевской губерній стали совпадать съ нынѣшними границами Витебской и Могилевской губерній лишь съ 1793 года, когда къ нимъ прирѣзаны были нѣкоторыя земли, присоединенныя къ Россіи по 2-му раздѣлу Польши. До 1793 года западныя границы были слѣдующія: отъ впаденія Друи въ Днѣпръ граница шла по этой рѣкѣ до с. Боздѣличи. Отсюда граница шла по нынѣшнему Сѣненскому уѣзду до озера Стержень близъ нынѣшнихъ деревень и селеній Рыбаковщины, Новое Село, Вядецъ, Липовичи, Устье, Барсуки, Бобовка, Косуново, Волотницы, Стуканы, Б. Нозки. Отъ озера Стержени до Двины граница шла тамъ же, гдѣ идетъ она и нынѣ, отдѣляя Сѣненскій уѣздъ отъ Лепельскаго. Западной границей Полоцкой губерніи была рѣка Двина. Напомнить объ этихъ границахъ рѣшительно необходимо, такъ какъ въ существующихъ нынѣ историческихъ картахъ западная граница Россіи показывается нерѣдко невѣрно. Я опредѣляю границы Могилевской губерніи до 1793 г. на основаніи карты могилевскаго намѣстничества 1786 г., составляющей нынѣ собственность Могилевскаго городского управленія. I Пол. Собр. зак. т. XIX, № 13998. Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ Турчиновича. СПБ. 1857 г., стр. 237—238 Могил. Старина. Вып. I. Ст.: Карта Могилевскаго Намѣстн. 1786 г.—Романова.

**) Kellner. Erziehungs geschichte. T. I. стр. 247 и слѣд. Von Raumer. Geschichte der Pàdagik. T. I. Стр. 262—285.

іезуитовъ начальный, исходный пунктъ обученія, а изученіе реторики—послѣднюю стадію обученія. Всѣ другіе предметы, обыкновенно входящіе нынѣ въ программы среднихъ учебныхъ заведеній, какъ то: отечественный языкъ, географія, исторія, ариѳметика, новые языки занимали въ іезуитскихъ школахъ XVII и первой половинѣ XVIII столѣтій болѣе, чѣмъ второстепенное значеніе, и на преподаваніе ихъ отводимо было очень мало времени.

Курсъ старшаго класса по уставу 1599 г. долженъ былъ продолжаться два или три года. Эти годы посвящаемы были изученію философіи, морали и математики.

Къ этимъ двумъ отдѣленіямъ въ нѣкоторыхъ іезуитскихъ заведеніяхъ прибавлялось третье, въ которое поступали наиболѣе способные изъ окончившихъ курсъ старшаго отдѣленія. Въ теченіе четырехъ лѣтъ эти юноши изучали священное писаніе, еврейскій языкъ, богословіе и казуистику, подъ именемъ которой разумѣли сводъ правилъ относительно совершенія таинствъ и исполненія пастырскихъ обязанностей.

При іезуитскихъ кляшторахъ въ Бѣлоруссіи къ 1772 году было только два полныхъ учебныхъ заведенія: въ Полоцкѣ и въ Витебскѣ. Но курсъ старшаго отдѣленія въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ продолжался лишь одинъ годъ. Въ Полоцкѣ кромѣ того было и богословское отдѣленіе, но курсъ и этого отдѣленія продолжался лишь одинъ годъ.

Всѣ прочія учебныя заведенія іезуитовъ были лишь пятиклассныя, за исключеніемъ Мстиславскаго, въ которомъ были лишь три первые класса низшаго отдѣленія *).

Въ описываемое время доминирующее положеніе въ программѣ пятиклассныхъ училищъ іезуитовъ занималъ попрежнему латинскій языкъ, языкъ богослуженія римско-католической церкви, языкъ вульгаты, языкъ, на которомъ іезуиты сносились съ Римомъ, на которомъ папа писалъ

---

*) Свящ. Морошкинъ. Іезуиты въ Россіи, т. 1, стр. 54—67. Сапуновъ. Истор. зап. 75-лѣтія Витебской гимназіи 1884 г., стр. 13—14 и прил. стр. XVIII. Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщ. въ Россіи, т. 1, столб. 629—630.

свои бреве, буллы и т. п. Для іезуитовъ латинскій языкъ имѣлъ значеніе живого языка, а потому цѣлью преподаванія этого языка поставляемо было доведеніе воспитанниковъ не только до свободнаго пониманія текста древнихъ классическихъ авторовъ, но и до умѣнія свободно владѣть этимъ языкомъ какъ въ устной, такъ и въ письменной рѣчи. При этомъ обращаемо было вниманіе, чтобы воспитанникъ пріучаемъ былъ излагать свою мысль по всѣмъ правиламъ тогдашняго ораторскаго искусства. Весьма понятно, что при такой постановкѣ преподаванія латинскаго языка на изученіе его употребляемо было очень много времени.

Греческій языкъ, въ отступленіе отъ устава 1599 г., во второй половинѣ XVIII вѣка не былъ преподаваемъ въ іезуитскихъ заведеніяхъ Бѣлоруссіи. Во вниманіе къ требованіямъ времени и въ Бѣлорусскихъ іезуитскихъ училищахъ какъ въ училищахъ Австріи, введены были въ замѣнъ греческаго языка нѣкоторые предметы, изученіе которыхъ было признано полезнымъ для учащихся въ практическомъ отношеніи и которыхъ вовсе не зналъ уставъ 1599 г. Накопленіе такихъ предметовъ шло постепенно и къ 1772 году число ихъ было уже очень велико. Къ этому времени въ программу 5 классныхъ учебныхъ заведеній вошли не только математика (первоначально введена была въ Витебскомъ коллегіумѣ), естественная исторія, географія, исторія, отечественный языкъ (значеніе отечественнаго языка дано было языку незначительнаго меньшинства населенія Бѣлоруссіи, языку польскому), но и такіе предметы, какъ „механика, теоретическая и практическая, разнымъ художествамъ присоединенная, художество плотничье и каменьщичье, архитектура гражданская, архитектура военная, баллистика и пиротехника“. Разумѣется, на прохожденіе всей этой массы предметовъ невозможно было найти достаточно времени въ теченіе учебнаго курса, и потому эти предметы проходимы были крайне поверхностно, что несомнѣнно не содѣйствовало подъему умственнаго развитія учениковъ *).

*) Сбор. матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи. т. I, № 29. Столбцы 123—129.

Религіозно-нравственное развитіе учениковъ, въ духѣ требованій римско-католической церкви, составляло одну изъ важнѣйшихъ задачъ іезуитскаго воспитанія. Вѣдь общество іезуитовъ и учреждено было именно съ цѣлью поддержать католическую церковь, снова отвоевать для нея тѣ области, которыя она потеряла въ XVI вѣкѣ, и бороться какъ съ протестантствомъ, такъ и съ другими инославными вѣроисповѣданіями. Но іезуиты далеки были отъ мысли придавать школьному преподаванію закона Божія значеніе единственнаго, или даже наиболѣе дѣйствительнаго средства къ достиженію указанной цѣли. Для преподаванія закона Божія въ училищахъ іезуитскихъ отводимо было только по одному часу въ недѣлю, да сверхъ того по ½ часа употребляемо было въ воскресные и праздничные дни для объясненія евангелія. Религіозно-нравственное воздѣйствіе на учащихся достигалось въ училищахъ іезуитскихъ иными путями. Больше всего имѣла въ этомъ отношеніи та обстановка, среди которой протекала жизнь учащагося въ іезуитскихъ школахъ. Прежде всего чрезвычайно важно въ этомъ отношеніи то, что какъ бы ни было велико число учителей въ учебномъ отношеніи, всѣ они, безпрекословно исполняя волю начальника заведенія, какъ волю самого Христа, должны были дѣйствовать на учащихся въ видахъ ихъ нравственно-религіознаго развитія совершенно согласно. Въ этихъ заведеніяхъ не могло быть случая, чтобы преподаватели держались различныхъ взглядовъ на вопросы религіознаго характера. При такомъ согласномъ дѣйствіи на учениковъ со стороны всѣхъ преподавателей религіозно-нравственныя воззрѣнія, господствующія въ заведеніи, должны были сильно западать въ душу учащихся и глубоко внѣдряться въ ней. Съ другой стороны каждый изъ преподавателей, по воспитательному іезуитскому плану, долженъ былъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы внѣдрять въ души учащихся религіозно-нравственныя воззрѣнія, какія считались въ данное время наиболѣе отвѣчающими нуждамъ времени. Учителямъ поставлено было въ непремѣнную обязанность даже при подготовкѣ къ урокамъ по предметамъ преподаванія тщательно соображать, нельзя ли въ связи съ тѣми положеніями, какія они будутъ развивать

на урокѣ, высказать и какую либо истину христіанскую. Такимъ образомъ и язычники (на урокахъ чтенія латинскихъ и греческихъ авторовъ) становились вѣстниками Христа. Если къ сказанному присоединить еще указаніе на то, что богатыя школьныя библіотеки іезуитовъ подобраны были весьма толково въ ихъ видахъ, что учащіеся всегда находились подъ надзоромъ, что они ежедневно присутствовали при богослуженіи, нѣсколько разъ въ годъ исповѣдывались, что іезуиты были несравненные мастера устраивать религіозныя церемоніи, которыя не могли не производить потрясающаго впечатлѣнія на души учащихся, то будетъ уже понятно, что поступившему въ іезуитскія училища слишкомъ трудно было не выйти изъ него проникнутымъ тѣми воззрѣніями, какія хотѣли внѣдрить въ душѣ учащихся іезуиты *).

Кромѣ іезуитовъ содержали учебныя заведенія съ курсомъ средней школы піары и доминиканы. Піары (societas scholarum piarum) первоначально преслѣдовали одну цѣль— учить дѣтей, особенно лишенныхъ призора родителей, первымъ началамъ чтенія, письма и счета и наставлять ихъ въ истинахъ вѣры. Впослѣдствіи въ XVII столѣтіи, когда школы піаристовъ умножились въ Австріи, ихъ учебная программа расширилась. Піаристы ввели въ нее начала латинскаго языка и въ противоположность іезуитамъ отечественный языкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣсто безпризорныхъ дѣтей они стали все чаще и чаще принимать въ свои заведенія преимущественно дѣтей состоятельныхъ родителей. Въ половинѣ XVIII столѣтія въ соотвѣтствіе нуждамъ времени въ программу школъ піаристовъ внесены были и многіе предметы реальнаго характера **). Въ половинѣ XVIII в. въ Витебскѣ была уже піарская резиденція. Кто и когда основалъ ее, неизвѣстно. Но несмотря на то, что здѣсь была іезуитская коллегія, и піары нашли въ Витебскѣ учениковъ для своей школы, которая была устроена здѣсь не для безпризорныхъ дѣтей, а для дѣтей состоятельныхъ ро-

*) Kellner. Erziehungs geschichte. T. I, стр. 250—251.

**) Die Osterreichische Volksschule. Uon Alex Uon Helfert т. I, стр. 15, 46, 98 и 108.

дителей. Въ этой школѣ были преподаваемы математическіе, историческіе предметы, философія, метафизика и краснорѣчіе. Въ качествѣ отечественнаго языка употреблялся и здѣсь языкъ польскій *).

Доминикане содержали: а) *гимназію* въ Забялахъ (Дрисси. уѣзда, Витебской губ.). Но эта гимназія, возникшая въ 1716 г. на средства, завѣщанныя доминиканамъ однимъ изъ членовъ фамиліи Щитовъ, къ 1772 г. еще не успѣла развиться и состояла изъ двухъ-трехъ классовъ **). Сколько нибудь подробныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній объ устройствѣ этой гимназіи нѣтъ; б) училище въ Дудаковецкомъ монастырѣ (Могил. губ.). Объ этомъ училищѣ извѣстно лишь то, что въ немъ обучали дѣтей дворянъ латинскому, польскому, французскому и нѣмецкому языкамъ ***).

Объ образованіи простого народа римско-католическое духовенство не заботилось,

Принявъ весной 1772 г. Бѣлоруссію подъ свою высокую власть, императрица Екатерина II сдѣлала въ этомъ же году слѣдующія распоряженія относительно римско-католическихъ монастырей:

а) Въ § 19 наказа, по которому вновь назначенные бѣлорусскіе губернаторы должны были управлять вновь присоединенными землями, изображено: о монастыряхъ вы сдѣлаете разсмотрѣніе. 1) Тѣ монахи, кои Намъ не желаютъ присягать, но за-границу уйдутъ, оставляя монастыри пусты, тѣхъ монастырей деревни велите взять въ казенное управленіе. 2) Тоже учините съ деревнями тѣхъ монастырей, кои за-границей. 3) Прочихъ оставьте въ управленіи ихъ имѣній до дальняго о семъ опредѣленія. 4) Езуитскимъ монастырямъ, школамъ и училищамъ сдѣлайте особую перепись. Вы за сими недреманно смотрѣть имѣете, яко за коварнѣйшими изъ всѣхъ прочихъ латинскихъ орденовъ, ибо у нихъ безъ согласія начальниковъ подчиненные ничего предпріять не могутъ.

---

*) Сапуновъ. Историч. зап. 75-лѣтія Витебской гимназіи, стр. 13.
**) Дѣло канцеляріи попечителя Виленскаго уч. окр. 129, № 143.
***) Сбор матер. для истор. просвѣщ. въ Россіи т. I, ст. 64.

б) Плакатомъ генералъ-губернатора, 5 сентября 1772 г., въ исполненіе воли императрицы было объявлено жителямъ Бѣлоруссіи, что императрица торжественно подтверждаетъ всѣхъ и каждаго не только при совершенной и ничѣмъ не ограниченной свободѣ въ публичномъ отправленіи вѣры, но и при законномъ каждаго владѣніи и имуществѣ.

в) Высочайшимъ указомъ 14 декабря 1772 года всѣ римско-католическіе монастыри подчинены власти бѣлорусскаго римско-католическаго епископа, а губернаторамъ Псковскому и Могилевскому предписано имѣть крайнее наблюденіе, дабы католическіе и уніатскіе епископы, каноники, проходскіе попы и всякаго званія ихъ духовные отнюдь не дерзали ни подъ какимъ видомъ ни тайно, ни явно приклонять и обращать православныхъ греческаго исповѣданія въ другой законъ *).

Совокупность всѣхъ этихъ распоряженій не могла не дѣйствовать успокоительно на піаровъ и доминикановъ относительно судьбы находившихся въ ихъ распоряженіи училищъ. Всѣ эти распоряженія рѣшительно направлены были къ утвержденію новыхъ подданныхъ русской императрицы въ ихъ правахъ ихъ владѣній. Они могли утѣшаться и той мыслью, что императрица, любившая просвѣщеніе и уважавшая его, не только не посягнетъ на существованіе учебныхъ заведеній, которыя были содержимы этими монахами, особенно принимая во вниманіе недостатокъ просвѣтительныхъ средствъ въ присоединенной къ Россіи странѣ, но и будетъ покровительствовать имъ въ ихъ дѣятельности. Лишь въ двухъ отношеніяхъ положеніе училищъ должно было радикально измѣниться: 1) училища эти не могли уже оставаться исключительно во власти орденскихъ провинціаловъ, а должны были поступить подъ надзоръ бѣлорусскаго римско-католическаго епископа и 2) начальникамъ и учебному персоналу училищъ нужно было отказаться отъ мысли завлекать въ католичество тѣхъ дѣтей и юношей православнаго исповѣданія, которыя могли попасть въ ихъ школы.

---

*) I. Пол. соб. зак. т. XIX, №№ 13808 и 14122.

Въ иномъ положеніи находились іезуиты. Имъ было извѣстно, что въ Россіи не потерялъ силу законъ императора Петра I (18 апрѣля 1719 г.) *) навсегда запрещавшій іезуитамъ въѣздъ въ Россію. Этотъ законъ и могъ быть примѣненъ къ іезуитамъ. Тѣмъ болѣе они могли опасаться этой крупной непріятности, что императрица Екатерина II, какъ было извѣстно, лично чувствовала сильное нерасположеніе къ іезуитамъ. Это нерасположеніе съ достаточной ясностью проявилось въ установленіи усиленнаго надзора за іезуитами. Іезуитамъ грозила такимъ образомъ серьезная опасность, и имъ нужно было обстоятельно подумать о средствахъ къ устраненію грозившей имъ бѣды. Средство это и было найдено изобрѣтательными іезуитами.

Чтобы отстранить грозившую имъ опасность, іезуиты рѣшились на дѣло, котораго никто отъ нихъ не ожидалъ. Извѣстно, что Высочайшимъ указомъ 16 августа 1772 года на имя бѣлорусскаго генералъ-губернатора графа Чернышева повелѣно было жителямъ Бѣлоруссіи, присоединенной къ Россіи, принести присягу русской императрицѣ въ назначенный срокъ, оканчивавшійся 5 декабря. Относительно латинскаго духовенства въ этомъ указѣ сказано, что оно долженствуетъ подать собой, яко пастыри духовные, первый въ учиненіи присяги примѣръ. Но латинское и уніатское духовенство въ большинствѣ не только не подавало собою перваго примѣра въ этомъ дѣлѣ, а напротивъ, первые подали всѣмъ сословіямъ примѣръ оппозиціи русскому правительству и явнаго отказа подчиняться приказаніямъ новой государыни. Іезуиты ловко воспользовались въ своихъ видахъ этимъ обстоятельствомъ. Замѣтивъ, что движеніе латинскаго духовенства противъ правительства становится очень оживленнымъ, они первые присягаютъ новому правительству, отправляютъ въ своемъ Полоцкомъ костелѣ торжественное молебствіе, на которомъ вспоминается имя государыни и ея наслѣдника и возсылается прошеніе къ Богу о ея здравіи и долгоденствіи. Этого мало: 24 ноября, въ день тезоименитства государыни, въ томъ же Полоцкомъ

---

*) 1. Пол. собр. зак. т. V, № 3356.

костелѣ, еще съ большимъ великолѣпіемъ и эффектомъ, въ присутствіи высшаго туземнаго дворянства, губернатора и его свиты, совершается торжественная литургія, на которой произносятся двѣ проповѣди, предметомъ которыхъ было разсужденіе о настоящемъ праздникѣ. Особенно вѣрноподданнической ревностью отличалась проповѣдь, сказанная на нѣмецкомъ языкѣ о. Катебрингомъ. Вся она была ничто иное, какъ панегирикъ Екатеринѣ. Впечатлѣніе, произведенное поступками іезуитовъ на народонаселеніе Бѣлоруссіи и на русское правительство, было поразительное. Мѣстное латинское и уніатское духовенство, а также шляхта, были ошеломлены этими дѣйствіями іезуитовъ и по старой привычкѣ ввѣрять себя водительству этого вліятельнаго ордена и слѣдовать его мановенію, они теперь волей-неволей потянулись за іезуитами и стали присягать новой государынѣ. Русское правительство изумлено было могуществомъ вліянія іезуитскаго ордена на бѣлорусское духовенство и народонаселеніе и не могло не принять къ свѣдѣнію этого факта. Съ другой стороны, оно сочло себя связаннымъ долгомъ признательности къ этому ордену: услуга была велика и сдѣлана такъ кстати и такъ неожиданно, что нравственно невозможно было не почувствовать благодарности къ такимъ обязательнымъ, умнымъ и искуснымъ благодѣтелямъ.

Чтобы довершить впечатлѣніе, произведенное на русское правительство, тогдашній глава бѣлорусскихъ іезуитовъ ксендзъ Черневичъ, въ сопровожденіи іезуитовъ Лепкевича и извѣстнаго намъ проповѣдника Катебринга, отправился въ Петербургъ для принесенія присяги въ вѣрноподданствѣ даже *отъ имени заграничныхъ членовъ своего общества*.

Такого рода дѣйствіями и умѣньемъ привлечь на свою сторону нужныхъ людей іезуиты достигли своей цѣли: Петровскій законъ былъ отмѣненъ, и императрица обнадежила іезуитовъ, что ихъ орденъ будетъ существовать неприкосновенно въ Бѣлоруссіи *).

Но едва минула іезуитовъ одна бѣда, какъ нагрянула на нихъ другая.

---

*) Морош. Іезуиты въ Россіи, т. I, стр. 69—74.

Въ 1773 г. папа Климентъ XIV издалъ бреве, которымъ навсегда уничтожалось общество іезуитовъ.

Было вполнѣ возможно и естественно предполагать, что православная государыня не встрѣтитъ препятствій къ опубликованію въ своемъ государствѣ буллы верховнаго первосвященника римской церкви,—и опасеніе за свою дальнѣйшую судьбу невольно закралось въ души іезуитовъ.

Вотъ въ это то тревожное для іезуитовъ время въ уніатскомъ мірѣ возникъ одинъ любопытный проектъ, наглядно указавшій, что тотчасъ по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи въ средѣ уніатскаго Бѣлорусскаго духовенства явилась мысль о полной возможности создать такія монашескія учебныя заведенія, въ которыхъ образованіе юношества велось бы до извѣстной степени въ русскомъ духѣ. Проектъ этотъ изложенъ въ запискѣ уніатскаго архіепископа Смогоржевскаго на имя губернатора Кречетникова. Архіепископъ Полоцкій, сказано въ этой запискѣ, предлагаетъ милостивому вниманію г. губернатора готовность своихъ иноковъ (т. е. базиліанъ) заняться здѣсь (въ Полоцкѣ) и въ Витебскѣ, или въ какихъ либо другихъ училищахъ, если бы въ этихъ училищахъ не понадобились услуги оо. іезуитовъ. Онъ ручается за способность къ этому дѣлу своихъ иноковъ, увѣряетъ г. губернатора, что иноки того же ордена съ пользою и честью обучаютъ въ различныхъ училищахъ (они переименованы въ запискѣ). Архіепископъ полагаетъ, что базиліанскій орденъ не уступаетъ ученостью другимъ орденамъ и что повидимому ему всего естественнѣе было бы учить въ публичныхъ училищахъ страны, присоединенной къ Россіи, держась русскаго языка и русскаго обряда *).

Но императрица не хотѣла отказываться отъ услугъ іезуитовъ. По соображеніямъ высшей политики она признала нужнымъ не обнародовать въ Россіи бреве Климента XIV и іезуитамъ дано было разрѣшеніе продолжать „преподавать въ коллегіяхъ своихъ юношеству науки“ **). Проекту Смогоржевскаго не было дано поэтому движенія.

---

*) Кояловичъ. Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ. СПБ. 1873 г., стр. 186.

**) I. Полн. собр. зак. т. XIX № 14102.

Въ началѣ февраля 1774 г. было окончательно признано закопнымъ существованіе всѣхъ вообще состоявшихъ тогда при римско-католическихъ монастыряхъ учебныхъ заведеній. Какъ по Высочайшему Нашему повелѣнію, сказано въ указѣ 6 февраля, генаралъ-губернаторъ Бѣлоруссіи Именемъ Нашимъ чрезъ опубликованный плакатъ прошлаго 1772 г. сентября 5 дня во всѣхъ Бѣлорусскихъ провинціяхъ обнародовалъ, что не токмо торжественно Мы подтверждаемъ всѣхъ и каждаго при совершенной и ничѣмъ не ограниченной свободѣ въ публичномъ отправленіи вѣры, но и при законномъ каждаго владѣніи и имуществѣ, то по сему разумѣется, что и всякаго ордена духовные католическіе, донынѣ въ подданствѣ Нашемъ находящіеся и впредь для жительства въ Бѣлорусскія губерніи пріѣзжающіе и остаться въ подданствѣ нашемъ желающіе, со своими монастырями, школами, разными училищами... пребыть имѣютъ неприкосновенными во всякой цѣлости ихъ древнихъ владѣній и учрежденій, также движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, чего каждый епископъ католическій бѣлорусскій навсегда предостерегать и наблюдать долженъ, дабы таковое наше обнадеживаніе въ разсужденіи всѣхъ орденовъ католическихъ духовныхъ, такъ какъ и іезуитовъ, въ Имперіи Нашей до тѣхъ поръ, пока они сами вѣрноподданническій свой долгъ и присягу непорочно сохранять будутъ, твердымъ и непоколебимымъ на вѣчныя времена оставалось *).

Такимъ образомъ мѣстному населенію Бѣлоруссіи, возсоединенной въ 1772 г. съ Россіей, предоставлена была полная возможность пользоваться излюбленными имъ заведеніями.

Но сохранивъ прежнія школы, императрица не хотѣла допустить ни того, чтобы населеніе Бѣлоруссіи и на будущее время осталось исключительно при тѣхъ школахъ, которыми оно довольствовалось до тѣхъ поръ, ни того, чтобы прежнія школы сохраняли и на будущее время свою организацію, свой прежній духъ.

---

*) I. Полн. собр. зак., XIX., № 14122.

Смотря на возсоединенную съ Россіей въ 1772 году Бѣлоруссію, какъ на древнее достояніе Россіи, Великая Императрица не могла допустить, чтобы жители этой области, ставъ русскими подданными, продолжали оставаться въ томъ же духовномъ отчужденіи отъ Россіи, въ какомъ они находились, состоя подъ властью Польши. Въ мудрости своей она рѣшила объединить духовно вновь пріобрѣтенную область съ внутренними губерніями Россіи. Различными путями шла она къ достиженію этой великой цѣли. Однимъ изъ этихъ путей было устройство школьнаго дѣла въ Бѣруссіи.

Съ перваго года вступленія на престолъ и до своей кончины императрица Екатерина II одной изъ главнѣйшихъ своихъ обязанностей признавала повсемѣстное устройство въ Имперіи правильныхъ общественныхъ училищъ, и уже въ самые первые годы ея царствованія открыты были нѣкоторыя училища. Въ 1775 году сдѣлано было первое распоряженіе о повсемѣстномъ устройствѣ училищъ въ Россіи. Въ этомъ году императрица поручила вновь учреждавшимся тогда приказамъ общественнаго призрѣнія стараться устраивать школы по всѣмъ городамъ, а потомъ и въ тѣхъ селеніяхъ, кои подсудны верхней расправѣ, для всѣхъ тѣхъ, кои добровольно пожелаютъ обучаться въ оныхъ „съ тѣмъ, чтобы неимущіе могли учиться безъ платежа, а имущіе за умѣренную плату". Въ составъ учебнаго курса должны были войти слѣдующіе предметы: законъ Божій для дѣтей православнаго исповѣданія, чтеніе, письмо, ариѳметика и рисованіе. Учителя должны были заботиться не только о томъ, чтобы ученики пріобрѣтали въ этихъ училищахъ извѣстныя свѣдѣнія, но и о томъ, чтобы ученики пріучались къ чистотѣ и опрятности и чтобы пребываніе дѣтей въ школѣ не сопровождалось разстройствомъ ихъ здоровья. Поэтому рекомендовалось наблюдать, „дабы горницы были чисты, полы всякій день выметены и воздухъ въ нихъ перемѣнялся открытіемъ оконъ лѣтомъ во весь день, чтобы дѣти отъ духоты въ горницахъ не потерпѣли въ здоровьѣ своемъ поврежденія". Употребленіе тѣлеснаго наказанія воспрещалось. Ученіе должно было имѣть мѣсто всякій день, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, но „не болѣе двухъ часовъ сряду по

утру и двухъ часовъ сряду послѣ обѣда для однихъ дѣтей одной наукѣ"; по средамъ же и субботамъ ученія послѣ обѣда не полагалось. Назначеніе учителей и ихъ увольненіе отъ должности, а равно и наблюденіе за тѣмъ, чтобы учитель и школы получали назначенное имъ содержаніе въ свое время, должно было составлять обязанность приказовъ общественнаго призрѣнія *).

Но это распоряженіе государыни и въ центральной Россіи приводилось въ исполненіе крайне медленно и неудачно. Да иначе не могло и быть.

Обязанность устроять училища возложена была на приказы общественнаго призрѣнія, но эти приказы только постепенно могли формироваться въ разныхъ губерніяхъ Россіи, на основаніи вышедшаго въ 1775 г. Учрежденія о губерніяхъ; а до времени полнаго образованія этихъ присутственныхъ мѣстъ некому было и заводить училища. Такимъ образомъ со времени изданія учрежденія о губерніяхъ по самому существу дѣла необходимо долженъ былъ пройти извѣстный промежутокъ времени, когда вышеприведенное распоряженіе по необходимости должно было оставаться лишь на бумагѣ. До какой степени указанное сейчасъ обстоятельство задерживало открытіе училищъ, это указываетъ слѣдующій фактъ. Въ концѣ 1777 г. или въ началѣ 1778 г. московскій купецъ Петръ Ларинъ подалъ императрицѣ прошеніе о разрѣшеніи ему устроить на свой счетъ училище въ селѣ Любучахъ (Рязанской губерніи, нынѣ Зарайскаго уѣзда) и принять назначенную сумму 50,000 р. Императрица милостиво приняла прошеніе Ларина и соизволила на его прошеніе, но учрежденіе училища пришлось по необходимости отложить, такъ какъ Рязанское намѣстничество еще не было тогда сформировано по учрежденію о губерніяхъ 1775 года **).

По сформированіи приказовъ дѣло устройства училищъ могло двинуться, но лишь медленно: приказы не могли, если бы даже и вполнѣ того желали, немедленно исполнить

*) Полн. собр. зак. т. XX, № 14392, гл. XXV.

**) Бѣлецкій. Русское начальное училище по уставу 5 августа 1786 г.

волю императрицы относительно повсемѣстнаго учрежденія училищъ. На обязанность приказовъ возложено было учрежденіе и содержаніе не только училищъ, но и другихъ заведеній, какъ то: богадѣленъ и т. п. На все это требовались деньги, а на первое время ихъ и не могло быть много въ распоряженіи приказовъ. Вотъ почему учрежденіе училищъ могло идти лишь крайне медленно *). Императрицѣ хорошо извѣстно было такого рода положеніе дѣлъ. Предпринявъ въ 1780 году поѣздку черезъ Псковъ и Полоцкъ въ Могилевъ и оттуда въ Петербургъ чрезъ Смоленскъ и Новгородъ, императрица не нашла вовсе училищъ не только въ многихъ уѣздныхъ городахъ, но и въ одномъ изъ губернскихъ, именно въ Псковѣ **). И Екатерина II не видѣла въ этомъ нежеланія исполнить ея волю. Была тому другая причина—бѣдность приказовъ общественнаго призрѣнія. И Екатерина, не дѣлая замѣчанія приказамъ за нерадѣніе, на каждую губернію жертвовала довольно значительное количество денегъ именно на устройство школъ.

Но главными причинами, задерживавшими открытіе училищъ, было отсутствіе подробнаго и обстоятельнаго устава начальныхъ училищъ, полное отсутствіе учебныхъ книгъ и пособій и совершенный недостатокъ въ учителяхъ. Въ учрежденіи о губерніяхъ указаны были только общія основныя положенія, но этого было слишкомъ недостаточно, чтобы приказы могли учреждать сколько-нибудь сносныя школы: приказы по необходимости должны были дѣйствовать въ потемкахъ. Для того, чтобы въ Россіи могли устроиться школы и школы хорошія, необходимо было устранить эти причины, но какъ?

---

*) Ө. И. Янковичъ-де-Миріево, или народныя училища при императрицѣ Екатеринѣ II. И. А. Вороновъ, стр. 88.

**) Дневная записка путешествія Ея Императорскаго Величества чрезъ Псковъ и Полоцкъ въ Могилевъ, оттуда обратно чрезъ Смоленскъ и Новгородъ. Сборникъ р. ист. общества т. I Въ записи этой о Псковѣ сказано: „Со стороны приказа общественнаго призрѣнія пріемлются мѣры къ построенію по городамъ школъ и *прочаго полезнаго*, а дворянство на содержаніе своего училища опредѣлило сумму весьма достаточную, на которую уже заготовляются матеріалы“. Екатерина повелѣла выдать на заведеніе городской школы 1000 рублей.

На Витебскую и Могилевскую губерніи положеніе объ учрежденіи губерній распространено было лишь въ 1778 г. Естественно, что здѣсь начальныя русскія школы стали возникать позже, чѣмъ въ центральной Россіи. Однако въ 1780 году въ Полоцкой губерніи было уже 7 такихъ школъ съ 856 учащихся, въ Могилевской 32 школы съ 956 учащихся *). Изъ дѣлъ Полоцкаго Намѣстническаго Правленія за 1784 и 1785 г. г. видно отчасти, что это были за школы. Такъ въ Суражѣ уже въ 1779 году была построена особая городская школа. Но должно быть она построена была плохо, потому что уже въ 1786 году она признана была ветхой. Объ этой школѣ городничій Суражскій 30 декабря 1783 г. доноситъ приказу общественнаго призрѣнія: Обучающихся 16 мѣщанскихъ дѣтей. Лѣта учащихся отъ 6 до 16. Въ школѣ съ 1779—80 г. обучаются русской и польской азбукѣ, твердятъ псалтырь, пишутъ по-русски и по-польски на бумагѣ съ линейками и безъ линеекъ. Впослѣдствіи въ этой школѣ стали обучать еще писанію на доскѣ мѣломъ. Въ Велижѣ обучались „азбуки, читать и писать по-русски и по-польски, читать скорописныхъ писемъ, сочинять письма, ариѳметики". Въ 1784 году въ той школѣ учились и читать „по латинѣ". Учитель получалъ здѣсь жалованья 80 рублей. Въ Невелѣ учащихся было: купеческихъ дѣтей 3, мѣщанскихъ 33. Обучались: „3 въ гимназіи, 11 въ мѣщанина Бородули, 7 у дьячка Блатевича, 15 въ мѣщанина Лакиса". Учащіеся изучали букварь, часовникъ, псалтырь, писать по-русски **).

*) Императрица Екатерина приказала отпустить: на школы Полоцкой губерніи 1100 руб. и на 21 грекорусскую школу по 100 руб. — всего 2100 руб.

**) Сбор. матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Т. I. 886—896. Городомъ наиболѣе неподатливымъ къ дѣлу устройства школъ оказался тогда Люцинъ. Вотъ донесеніе Люцинскаго Магистрата—Городничему: по сообщеніи вашего высокоблагородія отъ 6 февраля 1785 г. взаемно дается знать, что какъ, по выборѣ въ сей магистратъ членовъ никакихъ мѣщанскихъ дѣтей для обученія въ вѣдомствѣ магистрата не имѣлось, а кои прежде сего находились, то по разнымъ мѣстамъ отданы къ обученію, да и нынѣ хотя можно было бы зыскать такихъ, которые бы способные къ наукѣ были, однако не въ состояніи родители ихъ нанимать учителей, а магистрату не съ чего нанимать оныхъ. Къ сему вмѣсто подписки крижаки поставили † †. Февр. 7 дня 1785 г.

Въ Могилевской губерніи очень много содѣйствовали возникновенію школъ знаменитый православный архіепископъ Георгій Конисскій и римско-католическій архіепископъ Сестренцевичъ Богушъ, настойчиво требовавшій, чтобы каждый монастырь устроилъ помѣщеніе для училища.

Вопросъ о лучшей постановкѣ школъ сильно занималъ императрицу; но долго не давалось ей рѣшеніе того труднаго вопроса. Съ любовью собирала императрица отовсюду матеріалы по вопросу объ устройствѣ школъ, внимательно изучала эти матеріалы и съ замѣчательною осмотрительностью въ продолженіе многихъ лѣтъ приготовлялась къ начертанію училищнаго устава и къ открытію училищъ въ Россіи.

Много помогъ ей въ этомъ дѣлѣ ея постоянный въ продолженіе многихъ лѣтъ корреспондентъ Гриммъ. Гриммъ между прочимъ обратилъ вниманіе императрицы на устройство австрійскихъ народныхъ училищъ и выслалъ ей указъ Маріи Терезіи отъ 6 декабря 1774 г. подъ заглавіемъ: „Общій училищный уставъ“, „Историческій очеркъ развитія народныхъ училищъ въ Австріи“ и „Начертаніе для учрежденія нѣмецкихъ школъ“. Относительно этой послѣдней брошюры Гриммъ далъ ей слѣдующій отзывъ: „Ее стоитъ прочесть со вниманіемъ, особенно тѣмъ, кто посвящаетъ себя обученію юношества. Метода, принятая въ этихъ школахъ, заключается въ таблицахъ, на которыхъ для каждаго предмета и каждой науки показана послѣдовательность и связь мыслей, какъ на генеалогическихъ таблицахъ связь поколѣній. Я считаю эту методу пригодною не только для того, чтобы связь идей, относящихся къ каждой наукѣ, запечатлѣлась въ памяти дѣтей прочно, но чтобы они пріучились также къ отчетливости, ясности и точности мышленія, безъ которыхъ лучше и не пріобрѣтать познаній. Составленіе этихъ таблицъ можетъ быть только дѣломъ отличнаго ума, и я считаю безыменнаго автора этой брошюры способнымъ составить очень хорошія таблицы. Надо бы выписать ихъ изъ Вѣны *).

---

*) Письма Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II, изданныя Гриммомъ стр. 432, 433.

Устройство австрійскихъ школъ пришлось по сердцу императрицѣ, и она рѣшила поближе познакомиться съ этимъ дѣломъ.

Въ концѣ мая 1780 г. состоялось въ Могилевѣ свиданіе императрицы Екатерины съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II. Главнымъ предметомъ совѣщаній при этомъ свиданіи были дѣла политическія, но императрица воспользовалась этимъ свиданіемъ и для того, чтобы побесѣдовать съ императоромъ Іосифомъ объ устройствѣ народныхъ училищъ. Однимъ изъ предметовъ такихъ бесѣдъ, пишетъ императрица Гримму, были школы, и судя потому, что я объ нихъ слышала, нормальныя школы—это отличная выдумка.

Подъ впечатлѣніемъ бесѣдъ о школахъ императрица обратилась къ императору Іосифу съ просьбой выслать ей учебныя книги, употребляющіяся въ школахъ *).

Исполняя это желаніе Екатерины, Іосифъ отправилъ 28 мая слѣдующій приказъ намѣстнику Галиціи графу Бригидо: „Императрица Россійская желаетъ ознакомиться съ книгами, которыя употребляются въ нашихъ нормальныхъ школахъ. Вслѣдствіе этого графъ Бригидо имѣетъ отправить съ первымъ отъѣзжающимъ курьеромъ по два экземпляра означенныхъ книгъ, въ возможно лучшихъ переплетахъ“ Графъ Бригидо тотчасъ же исполнилъ этотъ приказъ. Отправлявшійся 4/15 іюня изъ Лемберга курьеръ повезъ съ собой 30 экземпляровъ учебныхъ книгъ, въ томъ числѣ 29 нѣмецкихъ и 1 писанную на славянскомъ языкѣ. Эта книга называлась: „Ручная книга потребна магістромъ Іллірическихъ неунитскихъ малыхъ школъ, составленная директоромъ Темешварскихъ училищъ Янковичемъ-де-Миріево“. Эта книга не была книга учебная и слѣдовательно не требовалась прямо приказомъ императора, и если она попала въ число учебныхъ книгъ, то попала благодаря предположенію графа Бригидо, что, можетъ быть, она заинтересуетъ императри-

---

*) Письма императрицы Екатерины II къ Гримму. Стр. 190—191. Любопытно, что императрица заговорила съ Іосифомъ о школахъ Австріи въ первый же день ихъ совѣщаній.

цу. „Можетъ быть, доносилъ Бригидо императору Іосифу, Ваше Величество найдете умѣстнымъ передать русской императрицѣ и эту книгу". Императоръ Іосифъ нашелъ возможнымъ доставить эту книгу императрицѣ вмѣстѣ съ другими, и такимъ образомъ Екатерина получила больше, чѣмъ она желала. Она желала имѣть лишь учебныя книги, а ей представили не только учебныя книги, а и подробное, обстоятельное, составленное по всѣмъ правиламъ тогдашней педагогики руководство для учителей, и притомъ руководство, составленное православнымъ педагогомъ и для православныхъ школъ въ Австріи *). Императрица получила эти книги изъ рукъ самого Іосифа **).

По возвращеніи въ Петербургъ, императрица передала полученныя ею отъ императора Іосифа книги профессору Эпинусу, преподававшему физику и математику наслѣднику престола, и поручила ему дать мнѣніе относительно того, насколько общій школьный уставъ Маріи Терезіи и принятыя въ тамошнихъ школахъ руководства могутъ быть примѣнены къ дѣлу въ Россіи. При этомъ она высказалась предъ Эпинусомъ, что его не должна смущать громадность суммы, которая потребуется на устройство въ Россіи училищъ, подобныхъ австрійскимъ. Въ то же время она поручила Гримму попросить Дальберга, одного изъ извѣстнѣйшихъ въ то время педагоговъ, еще раньше приславшаго ей проектъ устройства въ Россіи начальныхъ училищъ ***), дать мнѣніе объ австрійскихъ школахъ ****). Гриммъ не замедлилъ отвѣтомъ. „Баронъ Дальбергъ, пишетъ онъ императрицѣ, не ждалъ моего запроса о вѣнскихъ нормальныхъ школахъ. Когда онъ узналъ, что объ этомъ предметѣ бесѣдовали въ Могилевѣ, онъ отвѣчалъ мнѣ: „именно къ образованію нормальныхъ школьныхъ учителей былъ направленъ проектъ, который я осмѣлился послать божественной пор-

---

*) См. die Oesterreichische Volkschule. Von I. A. F. von. Helfert. T. 1. Стр. 590—591.

**) Письма импер. Екатерины II къ Гримму, стр. 183

***) Письма импер. Екатерины II къ Гримму, стр. 115. Это было въ 1778 г. Екатерина сама говоритъ, что она не читала тогда этого проекта.

****) Тамъ же, стр. 183.

мальной школьной учительницѣ". Когда онъ получитъ мой допросъ, онъ будетъ отвѣчать на него прямѣе" *).

Эпинусъ быстро исполнилъ данное ему порученіе и представилъ императрицѣ обстоятельный по школьному дѣлу докладъ **).

Докладъ этотъ весьма интересенъ, и я сдѣлаю изъ него широкія извлеченія.

Императрица одобрила докладъ Эпинуса и безъ замедленій снеслась съ Іосифомъ о присылкѣ людей славянскаго происхожденія, православнаго исповѣданія, знакомыхъ съ положеніемъ школьнаго дѣла въ Австріи. Іосифъ рекомендовалъ ей Янковича-де-Миріево, который и вызванъ былъ въ Россію

Фамилія Янковичей была одна изъ древнѣйшихъ дворянскихъ фамилій—такія свѣдѣнія сообщаются въ монографіи Воронова ***),—и владѣла близъ Бѣлграда селомъ Миріево. Когда турки овладѣли Сербіей, Янковичи вмѣстѣ съ многими знатными сербами переселились въ Венгрію въ 1459 г. Здѣсь въ продолженіе многихъ столѣтій, отличались они геройскими подвигами въ войнахъ противъ турокъ, за что императоромъ Леопольдомъ I-мъ пожалованы были важными преимуществами. Имѣніе ихъ находилось въ Темешварскомъ Банатѣ, на правой сторонѣ рѣки Темеша, въ двухчасовомъ разстояніи отъ Уйпеча; это было мѣстечко Рудня, имѣвшее православную церковь и населенное иллирiянами, исповѣдывавшими православную вѣру. Ѳ. И. Янковичъ родился въ 1741 г. въ мѣстечкѣ Каменицѣ-Сремской, близъ Петервардейна, а окончательное образованіе получилъ въ Вѣнскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ юриспруденцію, камеральные предметы и науки, касающіеся внутренняго государственнаго благоустройства и дохода.

---

*) Письма Гримма къ импер. Екатеринѣ II, стр. 68.

**) Этотъ докладъ въ цѣломъ его объемѣ напечатанъ въ приложеніи къ сочиненію графа Толстого: Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II. СПБ. 1886 г., Прил. 2. Стр. 132—147. Впервые онъ напечатанъ въ Schlozers—Staats-Anzeihen 1783 г. т. II, стр. 257—278. См. мою брошюру: Русское народное училище по уставу 5 авг. 1786 г. стр. 6

***) Стр. 3 и 4.

Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить особенную любовь его къ наукамъ реальнымъ, отразившуюся въ его взглядѣ на народное образованіе. Первоначально Янковичъ поступилъ на службу секретаремъ къ Темешварскому православному епископу Викентію Іоанновичу Видаку, бывшему впослѣдствіи архіепископомъ Карловачскимъ и митрополитомъ всего иллирійскаго славянскаго народа. Здѣсь, при знаніи разныхъ языковъ и миролюбивомъ характерѣ, оказалъ онъ большія услуги правительству, внушая православному духовенству чувства приверженности къ престолу и поддерживая въ немъ миръ и согласіе съ католическимъ духовенствомъ и народомъ римско-католическаго исповѣданія. Потомъ въ 1773 г. Янковичъ опредѣленъ былъ первымъ учителемъ и директоромъ народныхъ училищъ въ Темешварскомъ Банатѣ, гдѣ дѣятельность его по устройству училищъ обратила на него вниманіе правительства: въ 1774 г. императрица Марія Терезія пожаловала ему дворянское достоинство Австрійской имперіи, съ присовокупленіемъ къ настоящей фамиліи названія де-Миріево, по имени села, принадлежавшаго предкамъ его въ Сербіи. Въ грамотѣ сказано: „мы благосклонно примѣтили, видѣли и узнали его хорошіе нравы, добродѣтель, разсудокъ и дарованіе, о которыхъ намъ съ похвалою донесено" и пр.

Къ этимъ свѣдѣніямъ слѣдуетъ прибавить еще слѣдующія, оставшіяся неизвѣстными Воронову и сообщаемыя авторомъ сочиненія: „Австрійская народная школа". Когда въ 1776 г. въ Вѣнѣ рѣшено было начать съ слѣдующаго года преобразованіе православныхъ школъ въ Банатѣ по уставу 1774 года, то сочли нужнымъ вызвать въ Вѣну Янковича. Здѣсь долженъ былъ онъ прежде всего ознакомиться съ организаціей училищъ по новому уставу и изучить ходъ обученія и затѣмъ представить, кому слѣдуетъ, соображенія о томъ, могутъ ли быть устроены православныя училища въ Банатѣ такъ же, какъ они устроены въ Вѣнѣ, и если нѣтъ, то какого рода особенностями должно отличаться по мѣстнымъ потребностямъ устройство этихъ училищъ сравнительно съ вѣнскими училищами. Почти годъ прожилъ въ Вѣнѣ Янковичъ и прожилъ недаромъ. Изучивъ новый

учебный способъ, онъ обстоятельно разъяснилъ, въ какихъ отношеніяхъ онъ приложимъ и въ какихъ не приложимъ къ православнымъ славянскимъ школамъ Австріи; здѣсь же онъ частью перевелъ на славянскій языкъ, частью разработалъ примѣнительно къ нуждамъ православныхъ славянскихъ школъ учебныя книги, употреблявшіяся въ нѣмецкихъ австрійскихъ школахъ; тогда же составлены имъ по образцу книги Фельбигера и упомянутая нами „Ручная книга". Предъ выѣздомъ изъ Вѣны Янковичу удалось выхлопотать значительную сумму на нужды школъ и еще болѣе значительное количество разныхъ учебныхъ принадлежностей. Возвратившись домой, Янковичъ усердно принялся за подготовительныя работы по преобразованію училищъ и уже 10 сентября 1777 г. правительство получило донесеніе, что къ началу слѣдующаго года можно ожидать весьма значительнаго количества хорошо организованныхъ и вполнѣ соотвѣтствующихъ намѣреніямъ императрицы начальныхъ училищъ *).

Вскорѣ затѣмъ послѣдовало приглашеніе Янковича на службу въ Россію, принятое имъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ начались сношенія съ Австріей по вопросу объ устройствѣ училищъ и явилась надежда на возможность воспользоваться опытомъ Австріи по этому дѣлу, не къ чему было особенно спѣшить открытіемъ новыхъ училищъ на основаніи распоряженія 1775 года: въ близкомъ будущемъ виднѣлась возможность начать открытіе уже хорошо организованныхъ училищъ. Тѣмъ не менѣе императрица не желала терять времени, и уже 16 февраля 1781 года послѣдовалъ указъ объ открытіи Исаакіевскаго училища, на счетъ суммъ собственнаго кабинета императрицы. „Нѣтъ сомнѣнія", говорится въ этомъ указѣ, „что въ прочихъ частяхъ города обыватели, по мѣрѣ состоянія своего, не отрекутся содѣйствовать пользѣ согражданъ своихъ и самихъ ихъ, изъ сего ожидаемой". Это внушеніе императрицы подѣйствовало. Въ томъ же году открыто было еще 6 училищъ: Вознесенское, Владимірское, Симеоновское, Андреевское, Введенское и Сампсоніевское.

---

*) Die Osterreichische Volkschule. Von Helfert. T. I, стр. 445, 446.

Съ пріѣздомъ Янковича въ Россію, дѣло объ устройствѣ русскихъ народныхъ училищъ быстро пошло впередъ. Въ томъ же 1782 году образована была императрицей особая коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника П. В. Завадовскаго, бывшаго впослѣдствіи первымъ министромъ народнаго просвѣщенія и по основательному образованію и любви къ просвѣщенію принадлежавшаго къ передовымъ людямъ своего времени. Членами коммиссіи состояли: Эпинусъ, авторъ извѣстнаго уже намъ доклада, и Пастуховъ, состоявшій при принятіи прошеній на Высочайшее имя. Янковичъ не былъ членомъ коммиссіи; онъ былъ только прикомандированъ къ коммиссіи для исполненія ея порученій, но онъ принималъ самое горячее участіе въ трудахъ коммиссіи. Задачей этой коммиссіи было: 1) составить планъ народныхъ училищъ и уставъ ихъ, 2) составить учебныя книги, 3) приготовить способныхъ учителей и 4) завести школы по всей Имперіи.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ коммиссія успѣла въ значительной степени исполнить возложенную на нее задачу, и 22 сентября 1786 г. во многихъ мѣстахъ Россіи праздновалось торжество особое, небывалое,—торжество открытія народныхъ училищъ въ 25-ти губерніяхъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 5 августа 1786 г. устава училищъ.

Посмотримъ теперь, какое же на основаніи этого устава возникло на Руси народное училище.

I. По уставу 5 августа, народныя училища были двухъ родовъ: главныя и малыя. Главныя устроялись въ губернскихъ городахъ и состояли изъ четырехъ классовъ; малыя устроялись какъ въ губернскихъ городахъ, гдѣ одного главнаго оказывалось недостаточно, такъ и въ уѣздныхъ городахъ. Въ малыхъ училищахъ полагалось два класса.

Такимъ образомъ въ этомъ пунктѣ допущены два существенныхъ отступленія отъ устава австрійскаго: 1) уставъ русскихъ народныхъ училищъ не знаетъ нормальныхъ школъ Австріи и 2) не упоминаетъ объ училищахъ сельскихъ. Отступленія эти весьма характерны, въ особенности, если принять во вниманіе, что одинъ изъ членовъ коммиссіи— Эпинусъ и прикомандированный къ ней Янковичъ вполнѣ

сознавали необходимость устроить и въ Россіи какъ нормальныя училища, такъ и сельскія. И если при всемъ томъ имъ не удалось провести въ жизнь своихъ воззрѣній, то очевидно потому, что на это не послѣдовало согласія императрицы.

II. Предметами преподаванія въ главныхъ народныхъ училищахъ были: 1) обученіе письму и чтенію, 2) законъ Божій и правила добронравія, 3) русскій языкъ, 4) латинскій и сосѣдственный, 5) ариѳметика и геометрія, 6) географія всеобщая и русская, 7) исторія всеобщая и русская, 8) естественная исторія, физика и механика, 9) гражданская архитектура и 10) рисованіе.

Распредѣленіе этихъ предметовъ по классамъ было слѣдующее:

Правила добронравія преподавались ученикамъ въ первомъ и второмъ классахъ. Ученики перваго класса почерпали эти правила изъ книжки: „Правила для учащихся“, каковая книжка была читаема непосредственно послѣ букваря. Ученики второго класса читали книгу: „О должностяхъ человѣка и гражданина“. Законъ Божій былъ преподаваемъ въ 1, 2 и 3 классахъ. Въ 1-мъ классѣ ученики проходили священную исторію и краткій катехизисъ; во 2-мъ классѣ повторяли священную исторію и проходили пространный катехизисъ безъ доказательствъ изъ священнаго писанія; въ 3-мъ классѣ проходили православный катехизисъ съ доказательствами изъ св. писанія и изъясненіе евангелій. Русскій языкъ, или лучше сказать,—русская грамматика, (потому что подъ изученіемъ языка понималось еще тогда изученіе грамматики), составлялъ предметъ преподаванія во всѣхъ классахъ. Въ 1 и 2 классахъ ученики проходили „Таблицу о познаніи буквъ, о складахъ, о чтеніи и правописаніи“. Послѣ показанія числа буквъ, ихъ раздѣленія и ихъ произношенія, излагались правила относительно раздѣленія слова на слоги на письмѣ при переносѣ слова съ одной строки на другую, относительно повышенія и пониженія голоса при чтеніи, смотря по знакамъ препинанія, относительно исправности (правильности и выразительности) чтенія и указывались способы въ пріобрѣтенію умѣнья чи-

тать хорошо. Затѣмъ шла рѣчь объ употребленіи большихъ и прописныхъ буквъ, объ употребленіи буквъ подобныхъ и имѣющихъ одинаковое произношеніе, о слитномъ и раздѣльномъ писаніи предлоговъ, о правописаніи частицъ: ли или ль, бъ или бы, же или жъ, и о правописаніи словъ чужестранныхъ. Ученики 3 класса проходили грамматику съ упражненіями въ правописаніи, а для учениковъ 4 класса это изученіе грамматики соединялось съ упражненіемъ въ письменныхъ, въ общежитіи употребительныхъ сочиненіяхъ, какъ то: письмахъ, счетахъ, распискахъ и т. п. Преподаваніе ариѳметики начиналась въ первомъ классѣ, гдѣ учили дѣтей „выговаривать и писать цифры, церковныя и римскія числа". Затѣмъ во 2-мъ классѣ ученики проходили 1-ю часть, въ 3-мъ—2-ю часть ариѳметики. Математическое образованіе учениковъ завершалось въ 4 классѣ изученіемъ геометріи и пріученіемъ чертить планы. Географія преподаваема была въ 3 и 4 классахъ. Въ курсъ 3 класса входили: введеніе во всеобщую европейскую географію и затѣмъ землеописаніе Россійскаго государства; въ курсъ 4 класса—„географія всеобщая и математическая съ задачами на глобусѣ". Изъ исторіи ученики 3 класса изучали 1-ю часть всеобщей исторіи, а ученики 4 класса вторую часть этой исторіи и затѣмъ исторію русскую. Естественная исторія, механика и физика преподаваемы были ученикамъ 4-го класса. Рисованію обучали во 2, 3 и 4-мъ классахъ. Наконецъ во всѣхъ классахъ обучали и латинскому языку.

Въ учебный курсъ малыхъ училищъ входили: обученіе письму и чтенію, законъ Божій и правила доброправія, ариѳметика, начальная русская грамматика и рисованіе. Расположеніе этихъ предметовъ по классамъ совершенно сходно было съ расположеніемъ ихъ въ главныхъ училищахъ, съ тѣмъ только отличіемъ, что ученики 2-го класса по окончаніи 1-й части ариѳметики проходили и другую.

Изъ этого видно, что а) курсъ какъ главныхъ, такъ и малыхъ училищъ, вообще говоря, отличался полнотой; въ учебной программѣ не дано лишь надлежащаго мѣста славянскому языку и пѣнію. Обученіе славянскому языку ограничивалось лишь нѣсколькими часами и имѣло мѣсто при

изученiи складовъ. б) Въ расположенiи тѣхъ предметовъ по классамъ, которые не могли быть пройдены въ одинъ годъ, видно стремленiе избѣжать дробленiя учебныхъ предметовъ на части и придать преподаванiю извѣстнаго предмета въ каждомъ классѣ извѣстную законченность. Это особенно надобно сказать о преподаванiи закона Божiя и русскаго языка. Катехизисъ, напр., проходился въ 1, 2 и 3 классахъ и въ каждомъ изъ этихъ классовъ проходился весь, только въ 1 классѣ въ сокращенiи, во 2-мъ въ болѣе широкомъ объемѣ, но безъ доказательствъ изъ св. писанiя, а въ 3-мъ уже съ доказательствами изъ св. писанiя. Такую же точно постановку Янковичъ желалъ дать и нѣкоторымъ другимъ предметамъ. Такъ Янковичъ желалъ, чтобы всеобщая исторiя, всеобщая и русская географiя были проходимы сначала (въ III классѣ) въ сокращенномъ видѣ, и потомъ (въ IV классѣ) болѣе подробно. Почему въ дѣйствительности не сдѣлано по мысли Янковича, объяснить не могу. Янковичъ считалъ такое распредѣленiе педагогически совершенно состоятельнымъ, и эту мысль раздѣляли съ Янковичемъ педагоги не только Екатерининскаго времени, но и позднѣйшiе. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ тотъ фактъ, что этотъ способъ распредѣленiя предметовъ обученiя въ училищѣ надолго усвоенъ былъ нашей русской школой, и въ духовно-учебныхъ заведенiяхъ его слѣды оставались до преобразованiя въ 1867 г. Въ существѣ своемъ мысль, положенная Янковичемъ въ основанiи распредѣленiя нѣкоторыхъ предметовъ по классамъ въ народныхъ училищахъ, вполнѣ раздѣляется и современными педагогами, но способъ осуществленiя ея совсѣмъ иной сравнительно съ тѣмъ, какой избранъ Янковичемъ. По мысли Янковича, каждый предметъ долженъ быть пройденъ во всѣхъ существенныхъ своихъ пунктахъ въ каждомъ классѣ, и преподаванiе этого предмета въ одномъ классѣ должно отличаться отъ преподаванiя его въ другомъ лишь большимъ количествомъ частныхъ мыслей, вытекающихъ изъ главной, широтой и обстоятельностью разъясненiя и разложенiя каждой главной мысли. Въ настоящее время поступаютъ не такъ. Курсъ преподаванiя извѣстнаго предмета въ каждомъ классѣ или отдѣленiи народной школы опредѣляется съ одной стороны сте-

пенью доступности различныхъ пунктовъ извѣстной науки для понимания ихъ учениками, а съ другой стороны степенью развития учениковъ. Потому въ первый курсъ обыкновенно входитъ не все то, что составляетъ существенное содержание науки, а лишь наиболѣе доступные для понимания учениковъ пункты. Второй, третий и т. д. курсъ даетъ возможность пополнять постепенно пробѣлы, какие допущены въ системѣ науки въ предшествующихъ курсахъ, и въ заключение уже является систематический курсъ науки. Такой способъ распредѣления учебнаго материала, разумѣется, несравненно лучше, чѣмъ способъ, указанный Янковичемъ. Нынѣ даютъ ученику только то, что онъ въ состоянии воспринять; при Янковичѣ и долго послѣ него давали ученику и то, что онъ въ состоянии воспринять, и то, чего онъ не въ состоянии воспринять. Выпускали тогда изъ внимания, что предметъ обучения не станетъ понятнѣе, если преподать его кратко, что, напротивъ, именно эта краткость и служитъ часто причиной непонимания ученикомъ того, что хотятъ ему преподать. Показаннымъ способомъ распредѣления предметовъ по классамъ хотѣли достигнуть, чтобы ученики каждаго класса могли представлять предметъ въ его цѣломъ объемѣ, чтобы повторение его съ постепеннымъ расширениемъ содержания въ каждомъ классѣ давало возможность все глубже и глубже проникать въ сущность предмета; но то и другое возможно лишь подъ тѣмъ условиемъ, если ученики всецѣло поймутъ и усвоятъ себѣ содержание перваго курса. А такъ какъ въ первомъ курсѣ проходится въ краткихъ чертахъ весь предметъ, то понятно, что ученикамъ приходилось усвоять многое изъ области этого предмета лишь на память, и тѣ благие результаты, какие имѣло въ виду разсматриваемое распредѣление предметовъ, не могли быть достигаемы.

Впрочемъ, мы должны сказать, что разсматриваемый способъ распредѣления предметовъ по классамъ примѣненъ былъ не ко всѣмъ предметамъ. Такъ, все содержание ариѳметики чисто механически дробилось на 3 части, и въ 1-мъ классѣ учили лишь писать цифры, во 2-мъ была проходима 1-я часть ариѳметики, а въ 3-мъ вторая часть ариѳметики.

III. „Чтобы юношество способнѣе, порядочнѣе и основательнѣе было наставляемо въ исчисленныхъ предметахъ“, учителя должны были слѣдовать предписанному имъ способу обученія.

Указанія, изложенныя по этому предмету въ уставѣ и руководствѣ учителямъ 1-го и 2-го класса, касаются отчасти обученія вообще и отчасти преподаванія различныхъ предметовъ въ частности.

Наибольшій интересъ представляютъ указанія относительно преподаванія вообще. Поэтому ихъ только я и коснусь.

Учебный способъ, на сколько дѣло касалось вообще преподаванія, долженъ былъ состоять въ совокупномъ наставленіи, совокупномъ чтеніи, изображеніи чрезъ начальныя буквы, въ таблицахъ и вопрошеніи.

а) Подъ именемъ *совокупнаго наставленія* разумѣется такой образъ занятій учителя съ учениками, когда онъ обучаетъ не каждаго ученика порознь, а цѣлыя группы учениковъ, обладающихъ одинаковымъ количествомъ знаній. Такимъ способомъ достигается та выгода, что для отдѣльныхъ учениковъ проходитъ съ пользой все то время, которое предназначается для занятій съ цѣлой группой ихъ, между тѣмъ какъ обученіе каждаго ученика отдѣльно позволяетъ учителю употребить на это дѣло лишь нѣсколько минутъ изъ учебнаго часа. Примѣняя это требованіе къ дѣлу, учитель долженъ былъ, раздѣливъ учениковъ на группы по мѣрѣ ихъ развитія и въ виду суммы ихъ знаній, заниматься съ такими группами попеременно. Занимаясь съ группами, онъ могъ предлагать извѣстные вопросы или всему отдѣленію, или отдѣльнымъ ученикамъ, которыхъ онъ найдетъ нужнымъ спросить. Когда учитель занимался съ цѣлою группою, онъ долженъ былъ наблюдать, чтобы тѣмъ же дѣломъ занимались и другіе ученики, т. е. читали про себя, когда спрошенный читалъ, или соображали отвѣтъ на предложенный одному вопросъ. Особенно долженъ былъ при этомъ учитель обращать вниманіе на слабыхъ учениковъ, заставлять ихъ чаще отвѣчать и повторять отвѣты другихъ.

Но эти усиленныя занятія съ слабыми учениками должны имѣть свою границу и не служить въ ущербъ развитія цѣлой группы. Учитель можетъ покончить свои объясненія съ учениками по извѣстному вопросу, если онъ убѣдится, что двѣ трети учениковъ поняли эти объясненія. „Тѣ же немногіе, которые во всю школьную пору за прочими слѣдовать не успѣли, должны ходить или еще разъ въ тотъ классъ, въ которомъ они отставали, или учитель долженъ имъ сверхъ обыкновенныхъ часовъ показывать особливо".

„Совокупное наставленіе" господствуетъ и въ современной начальной школѣ, но практикуется оно при условіяхъ гораздо болѣе благопріятныхъ, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ. Нынѣ, по крайней мѣрѣ, въ училищахъ, наиболѣе благоустроенныхъ, пріемъ вновь поступающихъ учениковъ совершается одинъ разъ въ годъ и это даетъ возможность не дѣлить учениковъ на мелкія группы и одновременно обучать значительную массу учениковъ. Сто лѣтъ тому назадъ школа не стояла въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ. Уставъ 5 августа 1786 г. прямо предписываетъ учителямъ принимать въ училище желающихъ поступить въ него въ теченіе года, а потому естественно въ классѣ должно было существовать много группъ, такъ много, что значеніе такого пріема обученія, какъ „совокупное наставленіе", по временамъ должно было сводиться чуть не до нуля.

б) Подъ *совокупнымъ чтеніемъ* разумѣется чтеніе одной и той же книги всѣми дѣтьми, при чемъ или всѣ читаютъ вслухъ, или читаютъ вслухъ только сидящіе за извѣстными столами, или отдѣльные ученики, а прочіе читаютъ про себя. Чтеніе избранныхъ статей рекомендовалось вести такимъ образомъ: сначала статья прочитывается или учителемъ, или однимъ изъ учениковъ. Затѣмъ читаютъ ее попеременно или всѣ ученики вмѣстѣ, или часть ихъ, или отдѣльные ученики отъ 8 до 10 и 12 разъ, смотря по величинѣ и трудности статьи и по количеству слабыхъ и нерадивыхъ учениковъ въ классѣ. Чтобы такое чтеніе принесло свою пользу, учителю рекомендовалось быть вполнѣ внимательнымъ къ тому, какъ ученики дѣлаютъ свое дѣло: не шевелитъ ли кто губами, не смотря въ книгу, или не повторяетъ ли кто за другими словъ, не читая самъ вмѣстѣ. Послѣ этого

учитель должен былъ спросить учениковъ, о чемъ они прочитали, и дѣти должны были отвѣчать на эти вопросы по книгѣ. Разумѣется, при этомъ имѣли мѣсто и нѣкоторыя объясненія со стороны учителя. Затѣмъ ученики опять читали статью до 4 или 6 разъ и уже послѣ этого должны были разсказывать содержаніе статьи своими словами. — Мы видимъ, такимъ образомъ, что отъ учителя начальнаго училища и въ XVIII вѣкѣ требовалось, чтобы онъ заботился о пониманіи учениками читаемаго. Но очевидно, что средство для достиженія этой цѣли выбрано было не вполнѣ удачное. Пониманіе учениками смысла статьи не опредѣляется тѣмъ, сколько разъ прочитають ученики статью. Можно прочитать статью и 20 разъ, и все-таки не понять ее, если только содержаніе статьи мало доступно для пониманія читающихъ или если учитель не разъяснитъ читаемаго надлежащимъ образомъ. И такъ какъ многое изъ того, что читалось учениками въ классѣ, дѣйствительно было мало доступно пониманію учениковъ, и на объясненія учителя не имѣли права быть щедрыми, то неудивительно, если чтеніе далеко не всегда благотворно дѣйствовало на развитіе умственныхъ силъ дѣтей.

в) Пріемъ обученія, называемый *изображеніе чрезъ начальныя буквы*, употреблялся при изученіи на память какой-либо статьи. Этотъ пріемъ состоялъ въ томъ, что учитель изображалъ на черной доскѣ начальныя буквы каждаго слова, входящаго въ составъ изучаемой статьи. Состоялъ онъ въ слѣдующемъ: продиктовавъ ученикамъ часть статьи, предназначенной къ изученію учениками на память (правило ариѳметики, правило правописанія или пунктъ катехизиса), учитель изображалъ на доскѣ начальныя буквы всѣхъ произнесенныхъ имъ словъ съ удержаніемъ, гдѣ нужно, прописныхъ и строчныхъ буквъ и знаковъ препинанія. Послѣ того какъ ученики прочитаютъ по написаннымъ буквамъ продиктованное имъ, учитель стиралъ эти начальныя буквы и заставлялъ учениковъ прочитать продиктованное на память и, когда ученикамъ это удавалось, онъ диктовалъ слѣдующій отрывокъ изучаемой статьи, снова писалъ начальныя буквы произнесенныхъ имъ словъ и т. д. Этому пріему обученія въ XVIII вѣкѣ придавали чрезвы-

чайно важное значеніе. При употребленіи его, казалось Янковичу, дѣти въ $1/4$ часа выучатъ на память болѣе, чѣмъ при другихъ условіяхъ въ теченіе цѣлаго дня, и выучатъ самымъ легкимъ образомъ —такъ сказать—„играючи". Кромѣ того, дѣти, казалось тогда, становятся внимательными къ ученію и, смотря на изображенныя на доскѣ буквы, изощряютъ свое зрѣніе. Въ дѣйствительности же этотъ пріемъ обученія не имѣетъ большого значенія: употребляя его, учитель дѣйствительно облегчаетъ для учениковъ возможность запомнить то, что имъ слѣдуетъ выучить на память, но запомнить только механически, разумѣнію же того, что сообщается ученикамъ, онъ рѣшительно не содѣйствуетъ.

г) *Таблицы* есть не что иное, какъ краткое, раздѣльное и систематически-связное изложеніе содержанія того или другого учебнаго предмета. Таблицы эти ближе всего похожи на то, что извѣстно у насъ подъ именемъ программъ конспектовъ, или что представляетъ собой оглавленіе книгъ. Отличаются эти таблицы отъ современныхъ программъ, конспектовъ, а равно и оглавленій больше всего тѣмъ, что онѣ имѣли своей задачей не только обозначить содержаніе предмета, но и помочь ученику въ опредѣленіи того мѣста, какое занимаетъ въ системѣ науки то или другое ея положеніе. Съ этой цѣлью эти таблицы снабжались скобками или писались уступами. Въ таблицахъ съ уступами (онѣ писались учителемъ на классной доскѣ по мѣрѣ прохожденія учебнаго предмета) относительное значеніе частныхъ научныхъ положеній въ системѣ науки наглядно обозначалось для учениковъ тѣмъ разстояніемъ, въ какомъ начинались отъ края доски строчки, посвященныя изложенію содержанія этихъ положеній, а равно и стоящими при этихъ строкахъ буквами алфавита, цифрами и т. п. Такимъ образомъ главныя мысли сочиненія излагались въ строкахъ, начинающихся съ самаго края доски отъ лѣвой руки къ правой; при началѣ такихъ строкъ стояли римскія цифры. Строки, въ которыхъ излагалось содержаніе второстепенныхъ мыслей, начинались не отъ самаго края доски, а въ извѣстномъ растояніи отъ него; при началѣ ихъ ставились прописныя буквы. Строки, въ которыхъ излагалось содержаніе мыслей, служащихъ къ разъясненію этихъ второстепенныхъ

мыслей, начинались еще на большемъ разстояніи отъ края доски; при началѣ ихъ ставились строчныя буквы. И такъ составлялись постепенно таблицы до тѣхъ поръ, пока не исчерпывалось содержаніе предмета. Существеннымъ достоинствомъ такой таблицы считалась ея правильность, т. е. чтобы строки, въ которыхъ излагалось содержаніе главныхъ, второстепенныхъ и третьестепенныхъ мыслей, вполнѣ соотвѣтствовали одна другой относительно исходной своей точки. Въ таблицахъ со скобками главный предметъ изображался посрединѣ доски; съ краю и затѣмъ во всю ширину ея проводилась скобка; за этой скобкой излагалось содержаніе главныхъ частей науки; второстепенныя мысли, служащія къ разъясненію каждой части сочиненія, отдѣлялись отъ этой послѣдней опять скобками и т. д. Такого рода таблицамъ придавали важное значеніе и—не напрасно. Сдерживая постоянно учителя въ опредѣленныхъ предѣлахъ и не позволяя ему нарушать при прохожденіи съ учениками предмета порядокъ научно-систематическаго изложенія его, эти таблицы облегчали въ то же время для учениковъ возможность понять „порядокъ частей науки и ихъ соединеніе“ и лучше запечатлѣть содержаніе науки въ своей памяти.

д) Чтобы убѣдиться, поняли ли ученики то, что они прочитали или что слышали отъ учителя, этотъ послѣдній долженъ былъ предлагать имъ вопросы. Такимъ образомъ является новый общій пріемъ обученія—*вопрошенія*. Качества, которыми должны отличаться вопросы, суть: краткость, не исключающая полноты, опредѣленность и простота. На предложенные вопросы ученики должны отвѣчать не односложными *да* и *нѣтъ*, а полною рѣчью, и по возможности не словами книги, а своими словами, потому что въ этомъ случаѣ всего лучше можно судить, насколько ученики понимаютъ то, что они говорятъ. Въ томъ случаѣ, если ученикъ ничего не отвѣчаетъ на предложенный вопросъ, или отвѣчаетъ „неисправно“, учитель долженъ былъ разузнать, отъ чего это происходитъ, и затѣмъ довести ученика до правильнаго отвѣта. Изъ сказаннаго не слѣдуетъ впрочемъ заключать, что школа, существовавшая по уставу 5 августа 1786 г., допускала такъ называемый *эвристическій способъ* обученія. Главной формой сообщенія ученикамъ свѣдѣній

по всѣмъ предметамъ было тогда чтеніе учениками, подъ руководствомъ учителя, указанныхъ имъ статей. Тогда ученики знакомились, напр., съ правилами чистописанія, читая „Руководство къ чистописанію“, съ правилами счисленія, читая „Руководство къ ариѳметикѣ“. Тогда вообще учителю предписывалось быть какъ можно ближе къ тексту книги для чтенія и не слишкомъ пускаться въ объясненія. „Учитель, читая статью изъ книги для чтенія, говорится въ руководствѣ—не долженъ вмѣшивать ничего посторонняго какъ то: въ первой статьѣ не разсказывать о птицѣ, что она имѣетъ носъ, крылья и пр., ибо объ этомъ будетъ говорено на стр. 17; слѣдовательно, сказать здѣсь сіе не токмо лишнее, но многія сему подобныя вдругъ предлагаемыя реченія отягощаютъ также память учениковъ, а притомъ бываютъ постороннія не довольно искусныхъ учителей примѣчанія иногда весьма ложны“. Что же касается вопросной формы обученія, находящей такое широкое примѣненіе нынѣ, то она употреблялась тогда учителемъ лишь для *повѣрки*, поняли ли ученики то, что они прочитали, или что раньше сказалъ имъ учитель. „Учитель долженъ быть увѣренъ,— говорится въ руководствѣ,—что то, о чемъ онъ учениковъ своихъ спрашивать хочетъ, они уже слышали, или читали; если же нѣтъ, то сказавъ имъ на передъ вкратцѣ или заставивъ нѣсколько разъ прочесть изъ книги, спрашивать тотчасъ же, пока у нихъ содержится оное въ свѣжей еще памяти, исправляя потомъ какъ худо ими разумѣваемое такъ и худо изъясняемое“.

IV. Народныя училища должны были сообщать посѣщающимъ ихъ дѣтямъ солидное элементарное образованіе, но этимъ не должна была ограничиваться ихъ задача. Важно развить въ ребенкѣ умственныя силы, но слишкомъ недостаточно для школы развить только умственныя силы ребенка. Школа должна поставить себѣ цѣлью не только сообщить дѣтямъ извѣстную сумму знаній, но и сдѣлать ихъ благочестными христіанами и вѣрными сынами церкви, образовать изъ нихъ впослѣдствіи полезныхъ членовъ общества. Однимъ словомъ русское народное училище, по мысли законодательницы, должно было стать не только учебнымъ, но и воспитательнымъ заведеніемъ. Екатерина II, какъ извѣстно, всегда на-

стойчиво требовала отъ школы, чтобы она была воспитательнымъ заведеніемъ. „Просвѣщенный науками разумъ—думала она—не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина но во многихъ случаяхъ прямо во вредъ бываетъ, есть ли кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердце его не вкоренены. Посему ясно, что корень всему злу и добру воспитаніе". Очень понятно, что при такомъ взглядѣ на дѣло Екатерина не высоко ставила школы, которыя задавались лишь цѣлью —сообщать своимъ питомцамъ кое-какія знанія, и прежде всего требовала отъ учебнаго заведенія, чтобы учащіеся въ немъ дѣти получили надлежащее воспитаніе. Такой взглядъ императрица высказала уже въ первый годъ своего царствованія, именно въ инструкціи комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ. Выражая свое убѣжденіе въ необходимости преобразовать существовавшія тогда учебныя заведенія для духовенства, Екатерина замѣчаетъ: „Премудрый государь, дѣдъ нашъ, въ Бозѣ усопшій императоръ Петръ Великій такъ написалъ въ Духовномъ своемъ Регламентѣ: разумѣть де надобно о управленіи церкви, когда *нѣтъ свѣта ученія*, то нельзя быть и въ церкви доброму поведенію и нельзя не быть и нестроеніямъ и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ". А мы еще къ тому дополняемъ: когда *нѣтъ добраго учрежденія къ воспитанію* и приготовленію молодыхъ людей, изъ которыхъ бы ко всѣмъ церквамъ добрые пастыри и учители опредѣляемы были, то и нѣтъ въ простомъ народѣ руководства къ отвращенію пагубныхъ дѣлъ, нѣтъ исправленія нравовъ и добраго сознанія въ обществѣ". Согласно этому, императрица требуетъ, чтобы воспитанники имѣющихъ быть преобразованными учебныхъ заведеній были не только „остротою и понятіемъ выборные, но и добронравные", и никакъ не допускаетъ, чтобы въ этихъ заведеніяхъ могли быть воспитанники, которые, „заразившись малымъ знаніемъ, послѣ будутъ проповѣдывать враки, а иногда плевелы". Еще рельефнѣе выразился этотъ взглядъ императрицы въ устройствѣ въ первые годы ея царствованія нѣсколькихъ новыхъ закрытыхъ учебныхъ заведеній—мужскихъ и женскихъ. Въ этихъ заведеніяхъ на воспитаніе обращали такъ много вниманія,

что оно заслоняло для воспитателей важность обогащенія воспитанниковъ свѣдѣніями и развитія ихъ ума; въ этихъ заведеніяхъ учили „играючи". Но опытъ показалъ, что такого рода организація учебныхъ заведеній, гдѣ думаютъ отдѣлить воспитаніе отъ обученія, гдѣ стремленіе правильно воспитать дѣтей соединено съ небрежнымъ отношеніемъ къ правильной постановкѣ обученія, не можетъ быть признана правильною, и со второй половины своего царствованія императрица начинаетъ придавать большее значеніе развитію умственныхъ силъ учениковъ въ самомъ обученіи видѣть воспитательное средство. Уставъ народныхъ училищъ 5 августа 1786 года служитъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Ближайшимъ средствомъ для школы выполнить эту высокую, возложенную на нее задачу, уставъ считаетъ именно обученіе. Потому-то уставъ такъ и настаиваетъ на необходимости поставить разумно дѣло первоначальнаго обученія, потому-то и требуется, чтобы ученики сознательно усвояли себѣ преподаваемое имъ, что въ знаніи, сознательно усвоенномъ, лежитъ уже нѣкоторое основаніе для нравственнаго развитія человѣка. Незнаніе, невѣжество, если и не порокъ само по себѣ, все-таки несомнѣнно ведетъ къ порокамъ, скрывая отъ человѣка его обязанности. Напротивъ развитіе его умственныхъ силъ, расширеніе его умственнаго кругозора само собой представляетъ человѣку возможность дальнѣйшаго нравственнаго усовершенствованія. Несомнѣнно конечно, что человѣкъ развитый умственно не всегда бываетъ добродѣтельнымъ, но нельзя отрицать и того, что при свѣтѣ знанія все же легче отыскать путь, ведущій къ нравственному совершенству, чѣмъ во тьмѣ невѣдѣнія. Чтобы придать затѣмъ обученію болѣе воспитывающей силы, комиссія сочла необходимымъ ввести въ программу учебнаго курса, кромѣ закона Божія, еще правила добронравія. Мы уже видѣли, что непосредственно по изученіи азбуки ученикамъ давали читать книжку „Правила для учащихся". Книжка эта содержала въ себѣ краткія правоученія, разсказы изъ дѣтской жизни и подробное описаніе жизни порядочнаго ученика въ училищѣ и внѣ она-

го. Содержаніе этой книжки не должно было никогда выходить изъ памяти ученика.

Учитель долженъ былъ постоянно напоминать ученикамъ ихъ правила, дабы они самымъ дѣломъ старались исполнить эти правила, и склонять какъ волю, такъ и сердце учениковъ къ охотному подражанію тѣмъ добрымъ примѣрамъ, которые изображены въ книжкѣ. Съ тою же воспитательною цѣлью ученикамъ второго класса давалась для чтенія „Книга о должностяхъ человѣка и гражданина". Истинное благополучіе—такова основная мысль книги—заключается въ насъ самихъ. „Когда душа наша хороша, отъ безпорядочныхъ желаній свободна и тѣло наше здорово, тогда человѣкъ благополученъ. Для пріобрѣтенія этихъ условій благополучія мы должны: напаять нашу душу добродѣтелью пещись надлежащимъ образомъ о нашемъ тѣлѣ исполнять общественныя должности, на которыя мы отъ Бога опредѣлены, и знать правила хозяйства". На этомъ основаніи всѣ должности человѣка и гражданина отнесены къ четыремъ главнымъ разрядамъ: къ образованію души, къ попеченію о тѣлѣ, къ добросовѣстному исполненію общественныхъ должностей и къ заботѣ объ исправномъ домоводствѣ. Изложеніе этихъ то обязанностей и составляетъ содержаніе разсматриваемой учебной книги.

Дальнѣйшимъ затѣмъ воспитательнымъ средствомъ, которымъ могла располагать школа, признавался примѣръ учителя. Благочестіе, любовь къ ученикамъ и къ своему дѣлу, бодрость, терпѣніе, довольство своимъ состояніемъ и всегда аккуратное исполненіе своего дѣла—вотъ свойства, которыми долженъ отличаться учитель и которыя должны дѣлать его примѣромъ, достойнымъ подражанія для его учениковъ.

Къ числу воспитательныхъ средствъ относится далѣе дисциплина.

Трудно представить себѣ, чтобы обученіе шло успѣшно, если въ школѣ нѣтъ дисциплины. Тѣмъ болѣе немыслимо, чтобы безъ дисциплины школа могла оказать благотворное воздѣйствіе на ученика при посредствѣ возбужденія въ немъ добрыхъ навыковъ. Это значеніе дисциплины понимали

всегда и „распущенная“ школа всегда представлялась несоотвѣтствующей своему назначенію. При составленіи устава 5 августа на эту сторону школьной жизни обращено было особенное вниманіе. Но составители устава считали не только возможнымъ, а и необходимымъ дать вопросу о дисциплинѣ совсѣмъ не то значеніе, какое привыкли давать ему до Екатерины. Безъ дисциплины школа немыслима, но чтобы водворить въ школѣ дисциплину, нѣтъ необходимости, да и не слѣдуетъ въ основу отношеній дѣтей къ учителямъ полагать чувство страха. Надобно достигнуть того, чтобы дѣти охотно слушались словъ учителя, чтобы они стыдились оскорбить учителя своими нехорошими дѣйствіями. Прежде всего необходимо, чтобы дѣти имѣли уваженіе, почтеніе и любовь къ учителю. Уваженіе учениковъ къ учителю основывается на умѣньи учителя вести свое дѣло и на его всегдашней исправности въ исполненіи имъ своей обязанности. Почтеніе воздается дѣтьми учителю тогда, когда онъ, аккуратно исполняя свои обязанности, не станетъ подавать ученикамъ повода судить дурно о поведеніи его, какъ человѣка. Любятъ ученики своего учителя, когда видятъ въ немъ чадолюбиваго отца, всегда терпѣливаго и снисходительнаго, готоваго награждать прилежныхъ и благонравныхъ учениковъ, не устающаго разъяснять ученикамъ ихъ обязанности и предостерегать отъ неисполненія ихъ, приказывающаго дѣлать ученикамъ только то, „что дѣльно и полезно“, и не отягощающаго ихъ „приказами изъ пристрастія“. Дальнѣйшимъ необходимымъ условіемъ для того, чтобы учитель могъ поддерживать дисциплину въ классѣ, является его умѣнье дѣйствовать на учениковъ соотвѣтственно особенностямъ, опредѣляемымъ ихъ состояніемъ, поломъ, степенью развитія ихъ умственныхъ силъ, ихъ темпераментомъ и направленіемъ ихъ воли въ ту или другую сторону. Многія изъ правилъ, опредѣляющихъ образъ дѣйствій учителя въ разсматриваемомъ направленіи, вполнѣ сохранили свое значеніе и до настоящаго времени, и стоятъ того, чтобы быть вполнѣ усвоенными и современными учителями.

V. Въ Пруссіи уже въ 1763 г. провозглашенъ былъ принципъ обязательности первоначальнаго обученія для всѣхъ дѣтей, достигшихъ школьнаго возраста. Тотъ же

принципъ выраженъ и въ школьномъ уставѣ Австріи, послужившемъ образцомъ для русскаго устава народныхъ училищъ 5 августа 1786 г. Дидро, въ бытность зимой 1773—1774 года въ Петербургѣ, много и настойчиво убѣждалъ императрицу въ необходимости объявить начальное обученіе обязательнымъ для дѣтей, достигшихъ школьнаго возраста. Въ самой Россіи уже начали раздаваться голоса въ пользу обязательности обученія *). Но существованіе крѣпостного права и трудность создать надлежащее количество училищъ для того, чтобы могли обучаться въ нихъ всѣ дѣти даже горожанъ, заставили императрицу отказаться отъ принятія этого принципа. И въ силу этого какъ въ 1775 г., такъ и въ 1786 г. посѣщеніе дѣтьми училищъ предоставлено доброй волѣ ихъ родителей.

VI. Процвѣтаніе школы въ весьма значительной степени зависитъ отъ того, насколько подготовленъ къ своему дѣлу руководящій ею учитель. Въ сознаніи этой истины Эпинусъ рекомендовалъ въ своемъ планѣ прежде всего приступить къ устройству 3 или 4 нормальныхъ школъ въ Россіи и со всею рѣшительностью слѣдовать правилу, по которому только тотъ можетъ быть учителемъ, кто выдержитъ установленный экзаменъ и получитъ отъ нормальнаго училища удостовѣреніе, что онъ владѣетъ знаніями и умѣньемъ, необходимыми для хорошаго учителя. Къ сожалѣнію, эти умныя замѣчанія не были оцѣнены соотвѣтственно ихъ достоинству и нормальныя школы вовсе не появились въ Россіи. Что касается приготовленія учителей, то эта задача сначала возложена была на главное училище въ Петербургѣ, а затѣмъ (съ 22 сент. 1786 г.) на учительскую семинарію, получившую съ того времени самостоятельное существованіе. Но одна учительская семинарія на всю Россію могла приготовить учителей развѣ только для главныхъ училищъ въ Россіи. Что же касается малыхъ училищъ (а ихъ-то было большинство), то для нихъ семинарія, разумѣется, не могла

---

*) См. мою статью: Вопросъ объ обязательномъ начальномъ обученіи крестьянскихъ дѣтей въ царствованіе Екатерины II-й—въ журналѣ „Народная Школа“, 1875 г., № 4-й.

дать хорошо подготовленныхъ учителей. Откуда же взять учителей для малыхъ училищъ? Уставъ вотъ какъ рѣшилъ этотъ вопросъ. Если въ числѣ кончившихъ курсъ главнаго училища не найдется достаточное количество молодыхъ людей, желающихъ и достойныхъ занять мѣсто учителей малыхъ училищъ, то губернаторъ выписываетъ изъ духовныхъ семинарій намѣстничества способныхъ, по засвидѣтельствованію директора, людей для наполненія мѣстъ учительскихъ и, „по надлежащемъ чрезъ директора въ способѣ учебномъ или и въ другихъ знаніяхъ пріуготовленіи“, доставляетъ ихъ въ заводимыя училища. Само собою понятно, что такой способъ пополненія учительскаго персонала рѣшительно ненадеженъ. Составители устава очень хорошо знали это и, чтобы предотвратить появленіе въ училищахъ по крайней мѣрѣ совсѣмъ негодныхъ учителей, сочли необходимымъ какъ можно подробнѣе указать, какъ долженъ держать себя учитель въ классѣ. До какихъ мелочей доходятъ иногда эти указанія, объ этомъ можно судить хоть по тому, что уставъ рекомендуетъ учителю остерегаться дѣлать предъ учениками смѣшныя тѣлодвиженія, рекомендуетъ ему не показывать ученикамъ, какъ птицы летаютъ, не подражать птичьему, лошадиному или собачьему голосу.

Такимъ образомъ капитальнѣйшій вопросъ о приготовленіи учителей для малыхъ училищъ рѣшенъ былъ уставомъ крайне неудовлетворительно. И въ этомъ обстоятельствѣ надобно искать главнѣйшей причины незначительнаго успѣха Екатерининскихъ малыхъ училищъ.

VII. Въ высшей степени характерно и то, что преподаваніе закона Божія возложено было на учителей. Слишкомъ сомнительно, чтобы эту мѣру могъ посовѣтовать Янковичъ. Въ своихъ проектахъ относительно устройства училищъ въ Россіи онъ постоянно имѣетъ въ виду школьное устройство въ Австріи вообще и на мѣстѣ прежней его дѣятельности въ особенности. Но въ Австріи преподаваніе закона Божія составляло непремѣнную обязанность лица духовнаго, состоящаго во главѣ прихода, и лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ могло быть возлагаемо на обязанность учителя, и то въ тѣсныхъ, строго опредѣленныхъ границахъ. Хотя преподаваніе религіи есть дѣло исключительно духовенства,

говорится въ § 14 устава австрійскихъ училищъ, но особенно въ маленькихъ городахъ и деревняхъ, при многочисленности занятій священника и его помощниковъ, оно можетъ быть возложено и на учителей. Въ такомъ случаѣ учитель можетъ помочь ученикамъ усвоить себѣ то, что они должны выучить наизусть, напримѣръ, тексты св. писанія или табличное расположеніе матеріи, и выслушать выученное ими, а равно убѣдиться посредствомъ вопросовъ, хорошо ли дѣти выучили данный имъ изъ катехизиса урокъ. Но при этомъ учителю не позволяется дѣлать свои собственныя объясненія; онъ долженъ ограничиться лишь тѣми объясненіями, которыя имѣютъ мѣсто въ учебникахъ и какія сдѣлаетъ духовное лицо, котораго это прямое дѣло. Поэтому учители должны присутствовать на урокахъ священника и его помощниковъ, выслушивать ихъ объясненія и замѣчать ихъ, а духовныя лица должны опредѣленно указать мѣста изъ катехизиса, которыя они имѣютъ объяснять въ школѣ или повторять въ церкви, чтобы такимъ образомъ учители могли дѣлать ни болѣе ни менѣе, чѣмъ они должны дѣлать. Такимъ образомъ учитель могъ замѣнять законоучителя въ классѣ лишь въ томъ случаѣ, если послѣднему некогда было посѣтить классъ. Если же въ какой-либо школѣ невозможно было мѣстному священнику вовсе вести преподаваніе закона Божія, то оно поручалось кому-либо изъ лицъ монашествующихъ. Въ Россіи дѣло было поставлено иначе. Здѣсь преподаваніе закона Божія возложено было на учителей.

VIII. Высшимъ правительственнымъ мѣстомъ, завѣдывавшимъ дѣлами народнаго образованія, была комиссія объ училищахъ. На обязанности комиссіи лежало: изданіе книгъ, ландкартъ и заготовленіе всѣхъ нужныхъ для училищъ вещей и высшій надзоръ за исполненіемъ устава училищнаго, для чего комиссія имѣла право посылать въ губерніи особыхъ ревизоровъ. Въ концѣ года комиссія представляла императрицѣ отчетъ о состояніи школъ.

Высшее наблюденіе за школами въ каждомъ намѣстничествѣ принадлежало генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ съ званіемъ попечителей народныхъ училищъ. „Одна изъ первѣйшихъ обязанностей попечителя есть стараться

о распространеніи народныхъ училищъ отъ главнаго, въ губернскомъ городѣ находящагося, не только по городамъ уѣзднымъ, но и по другимъ селеніямъ, колико способы ему то доставлять будутъ". Въ исполненіе этой обязанности онъ долженъ былъ „выписывать" изъ духовныхъ семинарій своего намѣстничества способныхъ молодыхъ людей и допускать ихъ къ учительскимъ должностямъ по надлежащей подготовкѣ. Ему рекомендовалось также заботиться о снабженіи училищъ книгами, ландкартами и мѣстными произведеніями природы или искусства, которыя могутъ найти мѣсто въ училищныхъ библіотекахъ. Наконецъ, какъ председатель приказа общественнаго призрѣнія, онъ являлся необходимо главнымъ лицомъ, отъ котораго зависѣло все благосостояніе училища въ матеріальномъ отношеніи. При объѣздахъ губерніи, губернаторъ долженъ былъ посѣщать и училища. Послѣ губернатора ближайшимъ начальникомъ училищъ былъ директоръ народныхъ училищъ, опредѣляемый на должность генералъ-губернаторомъ. Уставъ требовалъ, чтобы онъ былъ „любитель наукъ, порядка и добродѣтели, доброхотствующій юношеству и знающій цѣну воспитанія". Надлежащая постановка учебной части должна была сдѣлаться главнымъ предметомъ заботливости директора. Онъ долженъ былъ наблюдать, чтобы всѣ, опредѣляющіеся на должности учителей, знали способъ обученія, и не допускать на должности учителя незнакомаго съ этимъ способомъ. Онъ долженъ былъ заботиться, чтобы въ приказѣ было всегда достаточное число книгъ нужныхъ для училища, а равно и ландкартъ. Онъ долженъ былъ смотрѣть за цѣлостью и сохранностью библіотекъ и принимать мѣры къ ихъ умноженію. Въ немъ учителя начальныхъ училищъ должны были встрѣтить себѣ не только начальника, но заботливаго отца, друга, благодѣтеля. Чтобы директоръ могъ имѣть возможность слѣдить за успѣхами учениковъ, учители должны были представлять ему мѣсячные рапорты. Независимо отъ того онъ долженъ былъ и самъ посѣщать училища: главныя еженедѣльно, а малыя въ уѣздныхъ городахъ - хоть одинъ разъ въ годъ. Исключеніе учениковъ изъ училищъ и выдача имъ свидѣтельствъ объ окончаніи курса ученія лежала также на обязанности ди-

ректора. Чтобы при такомъ устройствѣ учебной администраціи малыя училища не остались безъ надзора, изъ гражданъ города выбирался смотритель училища.

Недостатки такого устройства учебной администраціи сами собой очевидны, и жизнь безапелляціонно осудила мысль, лежавшую въ основѣ такого устройства. Интересы школы рѣшительно требуютъ, чтобы управленіе ею было поручено людямъ, знакомымъ съ педагогіей, и притомъ не только теоретически, но и практически.

IX. Въ хозяйственномъ отношеніи уставъ оставилъ училища въ полной зависимости отъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Идея возложить обязанность содержанія училищъ на городскія общества возникла въ умѣ Екатерины, кажется, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Дидро. „Въ бесѣдахъ съ Екатериной о постановкѣ учебнаго дѣла—читаемъ мы въ статьѣ „Екатерина II и Дидро", помѣщенной въ іюньской книжкѣ Русской Старины за 1884 г.—Дидро указывалъ императрицѣ, что въ этомъ случаѣ дѣятельное сочувствіе общества и непосредственное участіе его представителей важнѣе всѣхъ регламентовъ и системъ. Онъ указывалъ ей на примѣръ Германіи, гдѣ школы находятся въ вѣдѣніи городскихъ магистратовъ, и старшины города являются главными представителями городскихъ училищъ. Екатерина одобрила эту мысль. Дидро говоритъ по этому поводу: „если я вѣрно проникъ въ намѣренія императрицы, я долженъ думать, что Ея Величество предполагаетъ ввести въ городахъ своей Имперіи муниципальную магистратуру, расширивъ и возвысивъ ея функціи. Одною изъ обязанностей старшинъ города будетъ председательствовать въ школахъ и заботиться о нихъ". Дидро несомнѣнно вѣрно понялъ мысль императрицы. Не далѣе, какъ черезъ годъ послѣ бесѣды съ Дидро она и издала распоряженіе объ открытіи въ Имперіи школъ, поручивъ при этомъ и содержаніе школъ, и устройство ихъ во всѣхъ отношеніяхъ приказамъ общественнаго призрѣнія. Скоро однакожъ императрица должна была убѣдиться, что русскіе городскіе муниципалитеты рѣшительно не обнаруживаютъ особеннаго участія къ школѣ и что участіе ихъ представителей въ управленіи школой никакъ не можетъ замѣнить школьнаго регламента. Такой

регламентъ и явился въ видѣ устава 5 августа 1786 г. Но и послѣ этого все же содержанiе школъ осталось попрежнему на попеченiи приказовъ общественнаго призрѣнiя. Частью за ними же въ лицѣ выборныхъ смотрителей осталось и наблюденiе за школами. Что изъ этого вышло—мы знаемъ. Лишь немногiе приказы общественнаго призрѣнiя относились сочувственно къ школамъ. Въ большинствѣ школы бѣдствовали.

Въ 1786 г. учреждено было въ 25 губернiяхъ внутренней Россiи 227 школъ съ 516 учителями и съ 14559 учащимися, (въ томъ числѣ 524 учившихся женск. пола). Въ концѣ 1799 году императрица рѣшила учредить школы и въ остальныхъ 16 губернiяхъ Россiи.

Рескриптомъ отъ 3 ноября императрица повелѣла Полоцкому и Могилевскому генералъ-губернатору П. Б. Пасеку приступить къ устройству народныхъ училищъ на первый разъ по крайней мѣрѣ въ губернскихъ и знатнѣйшихъ городахъ его генералъ-губернаторства на счетъ суммъ приказовъ общественнаго призрѣнiя и городскихъ думъ. Въ тоже время комиссiи объ учрежденiи училищъ повелѣно было снабдить предположенныя къ открытiю училища учебными пособiями и назначить подготовленныхъ учителей.

П. Б. Бассекъ тѣмъ болѣе съ любовью взялся за исполненiе возложеннаго на него порученiя, что оно само по себѣ было въ высшей степени симпатично ему. Уже въ концѣ декабря онъ донесъ государынѣ, что въ предѣлахъ Могилевской и Полоцкой губернiй можно устроить постепенно по 7 училищъ (3 главныхъ и 4 малыхъ) и что „содержанiе училищъ самолегчайшимъ образомъ можетъ быть заимствуемо изъ городскихъ доходовъ". Комиссiя объ учрежденiи училищъ съ своей стороны энергично содѣйствовала почтенному генералъ-губернатору въ благомъ дѣлѣ, такъ интерессовавшемъ его. Въ концѣ ноября 1788 г. комиссiя постановила открыть на первый разъ въ Бѣлоруссiи два главныхъ училища: Полоцкое и Могилевское. 5 декабря предсѣдатель комиссiи сдѣлалъ Пассеку всѣ нужныя указанiя относительно устройствъ этихъ училищъ, а въ началѣ 1789 г. онъ отправилъ въ Полоцкъ и Могилевъ какъ избранныхъ

комиссіей спеціально подготовленныхъ учителей, такъ и нужныя для училищъ учебныя пособія.

Въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ 1789 г. въ Полоцкѣ и Могилевѣ были отысканы помѣщенія для училищъ (въ Полоцкѣ училище помѣщено было въ зданіи Богоявленскаго монастыря) и въ дополненіе къ присланнымъ отъ комиссіи учителямъ избраны учителя пограничныхъ сосѣдственныхъ языковъ польскаго и нѣмецкаго.

Въ мартѣ можно было приступить къ открытію главнаго училища въ Могилевѣ. Это торжество и совершилось 15 марта. Совершилось оно съ необыкновенной торжественностью.

Во всѣхъ православныхъ церквахъ и римско-католическихъ костелахъ совершено было въ тотъ день торжественное богослуженіе. По окончаніи богослуженія въ православномъ храмѣ совершенъ былъ знаменитымъ Могилевскимъ архіепископомъ Георіемъ Конисскимъ крестный ходъ въ училище въ сопровожденіи всѣхъ, присутствовавшихъ въ храмѣ. Въ училище къ этому времени уже прибыли архіепископъ р.-к. церквей Сестренцевичъ и знатное р. кат. духовенство. Въ училищѣ прочитано было Высочайшее повелѣніе объ открытіи училища и затѣмъ совершенъ былъ молебенъ. По окончаніи его директоръ училища привѣтствовалъ собраніе рѣчью, и затѣмъ провозглашено было многолѣтіе государынѣ и царствующему дому. Послѣ этого знаменитый духовный ораторъ обратился съ слѣдующей рѣчью къ ученикамъ открывающагося училища:

Мое слово нынѣ къ вамъ, о любезные отроки и отроковицы! Вамъ нынѣ предложено сокровище, котораго ни отцы ваши, ни дальнѣйшіе предки имѣть и снискать не могли: ученія, говорю, различныхъ родовъ, съ коими злата и сребра сокровища соровняться не могутъ. Всякое честное, сказуетъ Соломонъ, въ сравненіи ученія и премудрости, недостойно ея есть. И для чего недостойно? Понеже долгота житія и лѣта жизни въ десницѣ ея, въ шуйцѣ же богатство и слава. Я еще къ Соломону приложу, что ученіе есть начертаніе живое и печать человѣчества. Вопрошенъ бо одинъ отъ философовъ, сколько различествуетъ ученый отъ неученаго,

столько отвѣтствовалъ, сколько человѣкъ отъ скотины. Хотѣлъ бы я много похвалить ученіе при нынѣшнемъ случаѣ, какъ на то неисчерпаемые источники суть, но оное для васъ нынѣ есть манна сокровенная, коей сладость развѣ тогда совершенно познаете, когда ее раскусите. Были, правда, и въ наши молодыя времена по семинаріямъ и академіямъ ученія, какъ-то: философія словесная, нравственная, естественная и вышеестественная, но такія, коихъ, не воздохнувши изъ глубины духа, нельзя упомянуть. Мы въ нихъ многолѣтними трудами находили вмѣсто сокровища угліе, какъ пословица гласитъ. Нельзя спорить, чтобъ многіе соотчичи наши не получали и предъ симъ хорошаго ученія, но получали ѣздя за море, съ великимъ на то иждивеніемъ, или же выписывая оттуду учителей не съ меньшимъ же имѣній потеряніямъ; словомъ, однимъ болярамъ и богатымъ сокровище сіе доставить свободно было, худороднымъ же и убогимъ никакого къ нему приступу не было. Нынѣ вамъ, о отрасли презрѣнныя убогихъ кореней мѣщанства и самаго поселянства, сіе счастіе въ руки досталось; открывается вамъ сокровище не за моремъ, но въ домахъ отеческихъ вашихъ, сидя въ объятіяхъ отцовъ вашихъ и въ лонѣ матернемъ грѣяся, при нищетѣ вашей не теряя золотыхъ лѣтъ вашихъ, въ краткомъ времени, ибо самымъ удобнѣйшимъ способомъ не ученіе, но истинное сокровище можетъ пріобрѣсти, какъ на то и призваны есте. О, благополучіе вашего! понеже призваны есте. О, злополучныхъ нашихъ временъ молодыхъ! понеже и называвшимся никто не отвѣтствовалъ. За симъ слово мое заключаю: будите, отроцы любезные и строковицы, при семъ благополучнѣйшемъ случаѣ какъ губка, тысящными устами своими піющая воду, всѣ силы понятія вашего, разума и тщанія отверзите къ питію нектара сего небеснаго, и трудовъ тѣлесныхъ не щадите противъ всякихъ приключающихся въ ученіи огорченій, помня, что корень только ученія горекъ, плоды же его сладки суть; при томъ тысящными, какъ и губка піющая воду, устами прославляйте истинную отечества матерь и просвѣтительницу народа россійскаго, ея императорское величество Екатерину вторую, которая какъ сама есть сосудъ полонъ премудрости, такъ и вліять оную во всѣхъ тщится: не щадитъ

златы и сребра, дабы и самыхъ нищетныхъ сокровищемъ, злата и сребра честнѣйшимъ, обогатить. Молите убо щедроты Божія, да царствованіе ея величества въ дальнія лѣта столько распространить, сколько щедроты ея распространяютъ свѣтъ ученія, пользу и благополучіе Россійское".

„Невозможно изъяснить того, говорится въ запискѣ объ открытіи Могил. училища, съ коликимъ усердіемъ благодарности принято отъ всѣхъ премудрое сіе попечительнѣйшія матери отечества—великія Екатерины заведеніе! съ коликимъ сожалѣніемъ знающіе вкусъ въ наукахъ обращались на прошедшіе годы, коихъ довольнымъ числомъ юношество прежде одному чтенію и то неправильному невольно жертвовало! съ коликимъ напротивъ того восторгомъ взирали на грядущія лѣта, сею новою методою ученія новое просвѣщеніе, а посему и новое Россіи блаженство обѣщавающія!"

Въ Полоцкѣ главное народное училище открыто 15 апрѣля. И здѣсь открытіе училища совершилось со всей возможной торжественностью *).

Въ офиціальныхъ описаніяхъ открытія Полоцкаго и Могилевскаго училищъ не разъ упоминается о томъ, что населеніе Полоцка и Могилева приняло новыя училища съ чувствомъ глубокой благодарности къ императрицѣ. И это замѣчаніе вполнѣ вѣрно. Иначе и не могло встрѣтить населеніе этихъ городовъ новыя училища.

Во всѣхъ сферахъ жизни императрица твердо проводила свою политику полнаго сближенія Бѣлоруссіи съ внутренними губерніями Россіи, и знаніе русскаго языка, знаніе географіи и исторіи Россіи становилось все болѣе и болѣе необходимымъ для всѣхъ обитателей Бѣлоруссіи; къ какой бы національности они ни принадлежали, какую бы вѣру ни исповѣдывали, они сами чувствовали, что Бѣлоруссія на всегда соединилась съ Россіей и уже не отдѣлима отъ нея. Имъ и оставалось, подчиняясь теченію событій, воспринимать и усвоять себѣ обликъ русскихъ людей, жить русской жизнью. Появленіе русскихъ школъ, при такомъ

*) Сбор. матер. для исч. просв. въ Россіи, т. 1, стр. 16—55.

положеніи дѣлъ, являлось лучшимъ средствомъ какъ къ удовлетворенію назрѣвшихъ уже нуждъ населенія, такъ и къ тому, чтобы облегчить ему возможность скорѣйшаго сближенія съ Россіей.

Въ частности не богатому населенію Полоцка и Могилева, независимо отъ національности и религіи, новыя школы были дороги тѣмъ, что теперь обученіе становилось (оно было безплатное) доступнымъ не только богатымъ людямъ; а и всему населенію и что населеніе получило возможность обучать не только мальчиковъ, а и дѣвочекъ.

Что касается наконецъ жителей Полоцка и Могилева, исповѣдывавшихъ православную вѣру, то понятно, что эта часть населенія съ особенною радостью привѣтствовало открытіе новыхъ училищъ. Въ этихъ школахъ обученіе должно было итти въ строго русскомъ духѣ. и слѣдов. родителямъ православнаго исповѣдыванія явилась возможность отдавать своихъ дѣтей въ учебныя заведенія уже безъ всякаго опасенія за не прикосновенность ихъ вѣры, опасенія. отъ котораго они не могли быть свободны, доколѣ приходилось имъ отдавать своихъ дѣтей для обученія въ монашескія училища.

Общая радость по поводу открытія училищъ усиливалась въ особенности въ виду того факта, что открытіе училищъ послѣдовало въ то время, когда Россія вела двѣ тяжелыя войны. Жителямъ Бѣлоруссіи было весьма пріятно остановиться на мысли, что императрица не забыла ихъ и въ это тяжкое время.

Сказаннымъ вполнѣ объясняется тотъ фактъ, что при самомъ открытіи училищъ въ Полоцкѣ и Могилевѣ нашлось довольно большое число желающихъ учиться. При открытіи Могилевскаго училища въ него поступило 95 мальчиковъ и 8 дѣвочекъ; въ Полоцкое поступило мальчиковъ и дѣвочекъ 117 (число мальчиковъ *) и дѣвочекъ отдѣльно не показано).

Могилевское и Полоцкое главныя училища были первыми чисто русскими училищами, возникшими на почвѣ

---

*) Сбор. матер. для ист. просвѣщ въ Россіи, т. I, ст. 456.

Бѣлоруссіи, до 1789 г. знавшей лишь монашескія латинопольскія школы.

Эти новыя училища повели свое дѣло вполнѣ толково и скоро заслужили симпатіи и расположеніе населенія.

Въ сборникѣ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи помѣщенъ отчетъ директора главнаго Могилевскаго училища о состояніи этого училища въ первомъ году его существованія. Въ отчетѣ говорится междупрочимъо годичномъ испытаніивъ училищѣ, происходившемъ 11января 1790 года (тогда учебный годъ совпадалъ съ гражданскимъ). Директоръ, указавъ на то, что испытаніе это произведено было въ присутствіи генералъ-губернатора,архіепископовъ: Георгія Конисскагои Сестренцевичъ—Богуша, а равно и довольно большаго количества гражданъ, замѣчаетъ: Собраніе, видѣвъ очевидно при происшествіи семъ отличные въ теченіе 9½ мѣсяцевъ оказанные успѣхи малолѣтнихъ отроковъи дѣвицъ, воздало достойную справедливость новоучрежденному ученію. Г. коллежскій ассессоръ Танцовъ и одинъ купецъ тогда же представили дѣтей своихъ изъ іезуитскаго училища въ здѣшнее; а его высокопревосходительство, г. генералъ-губернаторъ приказу общественнаго призрѣнія слѣдующее послалъ предложеніе: при случаѣ испытанія въ здѣшнемъ главномъ народномъ училищѣ съ удовольствіемъ моимъ слышалъ я предлагаемые отъ учителей высшихъ и низшихъ классовъ учащимися вопросы и безъ малѣйшей застѣнчивости, къ обрадованію предстоявшихъ при семъ испытаніи отцовъ и матерей, желанные ихъ отвѣты. Судя о предметахъ, преподаваемыхъ въ каждомъ классѣ и о времени, съ котораго началось существованіе здѣсь главнаго народнаго училища, могу сказать, что труды учителей онаго по успѣхамъ учащихся дѣйствительно соотвѣтствуютъ сему показному заведенію. Почему и рекомендую симъ приказу общественнаго призрѣнія, въ засвидѣтельствованіе общаго удовольствія, объявить имъ признательность и особенную мою похвалу, обнадежа при томъ что подвиги ихъ и радѣтельность въ семъ почтенномъ званіи не останутся въ свое время безъ должнаго награжденія *).

---

*) Сбор. мат для исторіи Просв. т. 1 Ст. 87.

Яркимъ доказательствомъ успѣшности, съ какой вели свои дѣла главныя училища и постепенно возраставшаго къ нимъ расположенія со стороны общества служитъ и фактъ постепеннаго повышенія числа учащихся въ нихъ. Къ 1 января 1796 г. послѣдняго года жизни императрицы Екатерины II, учащихся въ главномъ Полоцкомъ училищѣ было 235, въ Могилевскомъ 198 *).

Спустя два года по открытіи главныхъ училищъ приступлено было къ открытію малыхъ училищъ. Въ 1791 г. открыты такія училища въ Оршѣ, Копысѣ, Мстиславлѣ, Черковѣ и Чаусахъ.

Со стороны отпуска денежныхъ средствъ на содержаніе перечисленныхъ малыхъ училищъ и снабженія ихъ нужными книгами и учебными пособіями не встрѣчалось препятствій къ тому, чтобы немедленно по открытіи главныхъ училищъ было приступлено и къ открытія малыхъ училищъ. Уже въ 1788 г. генералъ-губернаторъ Пассекъ всеподданнѣйше доносилъ, что изъ доходовъ городскихъ думъ Орши, Копыся, Мстиславля, Черикова и Чаусъ можетъ быть употребляемо „безъ оскудѣнія другихъ полезныхъ заведеній" по 500 р. въ годъ. Книгами и учебными пособіями эти училища могли быть спабжены отъ комиссіи народныхъ училищъ. Главнѣйшимъ затрудненіемъ къ открытію этихъ училищъ въ 1789—1790 гг. являлось отсутствіе хорошо подготовленныхъ кандидатовъ на занятіе учительскихъ должностей въ новыхъ малыхъ училищахъ. Къ 1791 г. это препятствіе было устранено тѣмъ, что въ созданной архіепископомъ Георгіемъ Конисскимъ Могилевской духовной семинаріи нашлось нѣсколько учениковъ, которые изъявили согласіе быть учителями въ малыхъ школахъ, по надлежащей подготовкѣ ихъ къ этому дѣлу въ главномъ Могилевскомъ училищѣ. Къ 1791 году ихъ практическія занятія въ училищѣ скончились, и тотчасъ явилась возможность приступить къ открытію малыхъ училищъ. Оршанское малое училище открыто 28 января, Копысское—30 ян-

---

*) Сбор. матеріаловъ для ист. просв. въ Россіи т. 1, Стр. 467, 468.

варя, Мстиславское—4 февраля, Черпковское—6 февраля, Чаусовское—9 февраля *).

И училища этихъ маленькихъ, ничтожныхъ городковъ не остались безъ учениковъ. Особенно значительное количество желающихъ учиться нашлось въ Мстиславлѣ, хотя тамъ и существовало іезуитское училище, именно 65. За Мстиславлемъ по числу заявившихъ желаніе учиться идутъ Черпковъ (54), Чаусы (39), Копысь (47), и Орша (34).

Въ 1793 году Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ Пассекъ задумалъ устроить училище въ Витебскѣ. И такъ какъ ему было донесено, что въ Витебскѣ число желающихъ обучаться дѣтей доходитъ до 200, то онъ ходатайствовалъ предъ комиссіей объ учрежденіи училищъ объ устройствѣ въ этомъ городѣ не малаго, а четырехкласснаго училища, при чемъ просилъ комиссію назначить изъ имѣющихся въ ея распоряженіи кандидатовъ на учительскія должности всѣхъ четырехъ учителей училища и снабдить училище книгами и учебными пособіями. Комиссія исполнила желаніе генералъ-губернатора, и 29 января 1794 г. совершилось торжественное открытіе Витебскаго четырехкласснаго училища **).

Открытіе училища совершилось съ такимъ же торжествомъ, съ какимъ открыты были Полоцкое и Могилевское училища. Въ описаніи этого торжества есть одна замѣтка, на которую нельзя не обратить вниманія. По этому описанію, по окончаніи литургіи, совершавшее ее православное духовенство отправилось въ священномъ облаченіи, въ сопровожденіи множества народа, въ назначенный для училища домъ. Все это шествіе должно было проходить мимо уніатскаго и католическаго монастыря. И вотъ какая интересная вещь совершилась при этомъ! Какъ уніатское, такъ и католическое духовенство—говорится въ описаніи—съ припринадлежащею церемоніей, шли такимъ же образомъ до училища. Въ этомъ фактѣ ясно оказывается, что въ исходѣ

*) Тамъ же. Ст. 37, 38, 99—104 и 459.

**) Сбор. матер. для исторіи просвѣщ. въ Россіи Ст. 109.

XVIII в. католическое духовенство отличалось религіозной терпимостію *).

Но число желающихъ обучаться въ новомъ училищѣ оказалось вовсе не такъ велико, какъ предполагали. Первоначально поступило въ училище всего лишь 27 человѣкъ. Впрочемъ къ концу года оно увеличилось до 50 и, постепенно повышаясь, въ 1796 г. дошла до 64.

Кромѣ изчисленныхъ училищъ, предполагалось открыть еще малыя училища въ Невелѣ и Великѣ, но открытіе этихъ училищъ послѣдовало уже въ послѣдующее царствованіе.

Такимъ образомъ въ Бѣлоруссіи въ царствованіе императрицы Екатерины II возникло 8 новыхъ русскихъ училищъ, имѣвшихъ совершенно такую же организацію, какую имѣли и училища внутренней Россіи. Въ этихъ училищахъ въ 1796 г. обучалось 508 мальчиковъ и дѣвочекъ **).

Такъ по волѣ императрицы зажглись въ Бѣлоруссіи новые очаги народнаго русскаго просвѣщенія.

Взглянемъ теперь на отношеніе императрицы Екатерины II къ училищамъ, находившимся подъ управленіемъ римско-католическаго монашества.

Ни одно изъ монашескихъ училищъ, существовавшихъ въ Бѣлоруссіи до присоединенія ея къ Россіи, какъ сказано выше, не было закрыто русской властью. Они продолжали существовать и во все время царствованія императрицы Екатерины II.

Какъ смотрѣла на нихъ императрица?

Въ письмѣ отъ 17 февраля 1780 г. къ русскому послу въ Варшавѣ графу Штакельбергу императрица, объясняя побужденія, по которымъ она не изволила обнародовать въ Россіи буллы объ уничтоженіи іезуитскаго ордена, говоритъ: общество это, какъ полезное и весьма способное къ воспитанію юношества, оставлено неприкосновеннымъ въ тѣхъ

*) Сапуновъ. Истор. зап. 75 лѣтія Витеб. гим. Стр. 23 и 24

**) Сбор. матер. для ист. просв. въ Россіи. Ст. 470.

областяхъ, гдѣ ихъ никто не можетъ замѣнить въ этомъ отношеніи. Въ другихъ мѣстахъ этого письма императрица говоритъ, что іезуитскій орденъ самымъ лучшимъ образомъ содѣйствуетъ распространенію просвѣщенія, что онъ преимущественно и безпорно полезнѣе всѣхъ прочихъ монашескихъ институтовъ, которые только содѣйствуютъ къ распространенію лѣности и къ уклоненію отъ обязанностей вѣрноподданныхъ *).

Что іезуиты оставлены были въ Россіи исключительно въ силу умѣнья ихъ вести дѣло образованія, въ этомъ весьма позволительно усумниться, но приведенныя мѣста письма императрицы Екатерины II несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что учебнымъ заведеніямъ іезуитовъ императрица оказывала рѣшительное предпочтеніе предъ училищами другихъ монашескихъ орденовъ. Этотъ взглядъ на іезуитскія заведенія императрица не разъ высказывала и въ частной перепискѣ съ Гриммомъ. Въ письмѣ отъ 12 апрѣля 1775 г. императрица замѣчаетъ, что еще нигдѣ не сумѣли устроить школъ, которыя были бы лучше школъ іезуитскихъ, хотя и ограбили ихъ. Въ письмѣ отъ 20 мая императрица замѣчаетъ, что другіе монашескіе ордена сравнительно съ іезуитами—cochons **).

Отрицательныя стороны дѣятельности іезуитовъ императрица прекрасно знала и въ перепискѣ съ Гриммомъ она зачастую называетъ ихъ coquin'амъ за ихъ двуличіе, ихъ любовь къ театральности во всѣхъ дѣйствіяхъ, ихъ ловкость, съ которой они всегда стремятся показать товаръ лицомъ. Она попрежнему считала ихъ опаснѣйшимъ изъ римско-католическихъ монашескихъ орденовъ. И въ виду всего этого она крѣпко держала іезуитовъ въ рукахъ. Но все это не мѣшало императрицѣ хвалить за то, что она видѣла хорошаго въ іезуитскихъ школахъ.

---

*) Свящ. Морошкинъ. Іезуиты въ Россіи, т. I, стр. 167. Главная причина, почему императрица Екатерина II оставила іезуитовъ въ Россіи, стояла въ связи съ общей системой ея дѣйствій по отношенію къ римско-католической церкви. Ю. О. Самаринъ. Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи. 1868 г. стр. 296—303.

**) Письма императрицы II къ Гримму, стр. 20 181.

Въ училищахъ другихъ монашескихъ орденовъ она видѣла мало хорошаго. Тѣмъ не менѣе она не посягала на существованіе и этихъ училищъ. Покровительница просвѣщенія, она полагала, что и эти училища все же могутъ принести извѣстную пользу.

Проникнутая этими убѣжденіями, императрица не препятствовала и увеличенію числа учебныхъ заведеній подъ управленіемъ римско-католическаго духовенства, но въ извѣстныхъ только впрочемъ предѣлахъ. Въ этихъ видахъ она и повелѣла архіепископу Сестренцевичу, всемѣрно охранять установленія, обращающіяся въ богоугодныхъ и обществу полезныхъ учрежденіяхъ, разумѣя просвѣщеніе юношества, служеніе немощнымъ и призрѣніе помощи требующихъ *).

Открытіе новыхъ спеціально для духовенства нужныхъ учебныхъ заведеній она разрѣшала. Такъ іезуиты получили разрѣшеніе устроить семинаріи для новиціевъ въ Полоцкѣ и Двинскѣ. Такъ съ разрѣшенія императрицы, устроена была Сестренцевичемъ въ 1778 г. въ Могилевѣ епархіальная семинарія для 20 клериковъ. Равнымъ образомъ императрица не встрѣтила препятствій и къ тому, чтобы согласиться на приведеніе въ дѣйствіе предположеній архіепископа Сестренцевича объ учрежденіи приходскихъ училищъ при всѣхъ костелахъ и монастыряхъ римско-католическихъ, по мѣрѣ имѣющихся у нихъ на то средствъ. Но если лица, желавшія устроить даже начальное училище которое находилось бы подъ управленіемъ монаховъ, намѣрены были обезпечить его пожертвованіемъ монастырю земельной собственности, то открытіе такихъ училищъ не разрѣшалось. Въ 1786 г. графиня Констанція Гильзенъ, исполняя волю своего мужа, основала въ деревнѣ Замостьѣ Дриссенскаго уѣзда домы для пребыванія 8 ксендзовъ Винцентинскаго ордена съ тѣмъ, чтобы ксендзы, исполняя для прихожанъ требы, учредили нормальныя школы и состояли въ нихъ преподавателями. Для обезпеченія ксендзовъ графиня желала передать имъ въ вѣчное владѣніе и распоряженіе де-

*) Пол. соб. зак. т. XXI, № 15326.

ревни Залишки и Освѣю. Но сенатъ отказалъ въ исполненіи этой просьбы. По присоединеніи Бѣлорусскаго края къ Россіи, мотивировалъ сенатъ свой отказъ даннымъ отъ Ея Императорскаго Величества тогдашнимъ губернаторомъ наказомъ повелѣно. монастыри оставить только въ управленіи ихъ имѣній впредь до дальняго о семъ опредѣленія, а чтобы вновь кто могъ отдавать къ монастырямъ и церквамъ свои мѣстности, на то Высочайшаго повелѣнія нѣтъ *). Это правило и соблюдалось точно во все время царствованія императрицы Екатерины II. Единственнымъ исключеніемъ изъ него является закрѣпленіе за орденомъ Піаровъ пожертвованной имъ княземъ Потемкинымъ деревни Азорково, когда Піарская школа изъ Витебска переведена была въ имѣнье Дубровку **).

Не легко было получить и разрѣшеніе на устройство учебнаго заведенія съ курсомъ выше начальнаго училища. Провинціалъ Доминиканскаго ордена Антоній Орѣховскій, содержавшій въ Дудаковецкомъ монастырѣ на счетъ этого и Шкловскаго монастырей училище „для польскаго юношества", настойчиво ходатайствовалъ въ 1789 г. о томъ, чтобы это училище утверждено было на будущее время жалованною Ея Императорскаго Величества грамотой и чтобы ему оказано было государыней вспомоществованіе. Но ходатайство его, хотя оно поддержано было Сестренцевичемъ, успѣха не имѣло ***).

Въ письмѣ къ Завадовскому отъ 10 мая 1789 года Сестренцевичъ ****) говоритъ, что и кромѣ Орѣховскаго нашлись бы люди, которые хотя и не по такимъ чистымъ побужденіямъ, какъ Орѣховскій, но по другимъ расчетамъ стали бы подражать хорошему примѣру, если бы Сестренцевичъ былъ увѣренъ, что его представленія въ Сенатъ по подобнымъ дѣламъ будутъ уважаемы". Но этой увѣренности у Сестренцевича не было, и ему не приходилось давать ходъ прось-

*) Пол. собр. зак., т. XXII № 16333.

**) Сапуновъ. Истор. зап. 75-лѣтія Витеб. гимн. Прилож. CXLVIII.

***) Сборникъ матер. для ист. просв. въ Россіи, т. I, ст. 63—66.

****) Тамъ же. См. 63.

бамъ въ родѣ тѣхъ, съ какой обратился къ нему Орѣховскій. Въ описываемое время лишь іезуитамъ удалось на средства графини Чернышевой устроить въ Чечерскѣ трехклассное училище.

Въ дѣло внутренней организаціи монашескихъ училищъ императрица лично не вмѣшивалась. Это трудное дѣло, по Ея указаніямъ, велъ избранный ею въ 1774 г. на должность бѣлорусскаго римско-католическаго епископа, съ 1783 г. Архіепископъ Могилевскій Станиславъ Сестренцевичъ-Богушъ.

Избранникъ императрицы не могъ пожаловаться на то, чтобы его власть надъ римско-католическимъ духовенствомъ была очень ограничена. Ему подчинено было все свѣтское и монашествующее духовенство. По собственнымъ словамъ Сестренцевича, онъ, подобно архіереямъ господствующей церкви, получилъ полную власть опредѣлять къ приходамъ священниковъ, раздавать каноничества и прелатства, утверждать настоятелей въ монастыряхъ, смѣнять ихъ, разсматривать монастырскіе доходы и расходы и пр.

Сестренцевичъ и воспользовался этой властью, чтобы поставить римско-католическое духовенство въ то положеніе, которое давало ему возможность, при полной преданности своей вѣрѣ, работать въ интересахъ русскаго государства.

По вступленіи на епископскую бѣлорусскую каѳедру, Сестренцевичъ прежде всего лично обревизовалъ всѣ костелы и монастыри бѣлорусскіе. Онъ не мало огорченъ былъ при этомъ упадкомъ монашеской жизни и дурнымъ поведеніемъ монаховъ, а также запущеніемъ монастырскихъ училищъ. Не оставалось ничего болѣе, какъ преобразовать монашескіе ордена и призвать ихъ къ дѣятельности на новыхъ началахъ. Это преобразованіе епископъ основалъ на просвѣщеніи всѣхъ вообще орденовъ, къ какой бы регулѣ они ни принадлежали, избѣгая при этомъ разумѣется всего того, что противно было догматамъ римско-католической вѣры. Чтобы учить другихъ, нужно самому быть образованнымъ; по этому прежде всего слѣдовало подумать объ образованіи монаховъ. Съ этого и началъ епископъ. Онъ вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ монахамъ учиться проповѣдничеству, исторіи, географіи, отечественной словесности, французскому языку,

математикѣ и даже физіолоіи; чтобы дать на это достаточно времени, облегчилъ разные монашескія упражненія; освободилъ отъ процессій и другихъ церемоній, происходившихъ во время занятій, запретилъ отлучаться изъ монастырей въ извѣстные часы, распредѣлилъ всѣ занятія, время отдохновенія и принятіе пищи и предостергалъ отъ водки.

Открывая духовенству доступъ къ образованію, епископъ звалъ его, по окончаніи образованія, на дѣятельность общеполезную. Просвѣщеніе юношества, служеніе немощнымъ и призрѣніе помощи требующихъ—вотъ-та широкая область общеполезной дѣятельности, въ которой съ пользою можетъ поработать духовенство въ часы свободные отъ исполненія обязанностей, налагаемыхъ на нихъ ихъ званіемъ. Особенно должно поработать духовенство на поприщѣ образованія юношества.

Устраивая новые порядки въ жизни учебныхъ заведеній, которыя содержало р.-католическое духовенство для образованія свѣтскаго юношества, Сестренцевичъ видимо преслѣдовалъ слѣдующія цѣли: а) монахи, говорилъ онъ, никогда не престанутъ утверждать, что нѣтъ дѣла богоугоднѣе и спасительнѣе, какъ злобствовать на еретиковъ, которые не согласно съ ними вѣрятъ. Какой же пользы ожидать можно отъ такого наставленія, въ которомъ человѣконенавидѣніе имѣетъ первое и главное основаніе? Соотвѣтственно этому Сестренцевичъ и старался всячески изгнать изъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ духовенствомъ, этотъ духъ „человѣконенавидѣнія", внушая содержателямъ училищъ воспитывать въ своихъ ученикахъ духъ религіозной терпимости къ иновѣрцамъ. Сестренцевичъ не могъ выполнить этой обширной задачи во всей ея полнотѣ, но имъ во всякомъ случаѣ много сдѣлано для того, чтобы ослабить религіозную нетерпимость своихъ пасомыхъ. Отмѣченное мною выше участіе монаховъ Витебскаго р.-католическаго монастыря въ крестномъ ходѣ вмѣстѣ съ православнымъ духовенствомъ слишкомъ громко говоритъ объ этомъ.

б) Выше я отмѣтилъ проектъ уніатскаго архіепископа Смогоржевскаго о порученіи базиліанамъ устроять училища

для свѣтскаго юношества, въ которыхъ преподаванію дано было бы направленіе въ русскомъ духѣ. Если Смогорневскій понималъ, что съ присоединеніемъ Бѣлоруссіи къ Россіи программы преподаванія и духъ обученія въ монашескихъ школахъ новоприсоединенной къ Россіи области должны измѣниться, то не могъ не понимать этого Сестренцевичъ. И дѣйствительно до насъ дошелъ документъ, ясно свидѣтельствующій о томъ, что Сестренцевичъ, вскорѣ по занятіи епископской каѳедры, считалъ существенно необходимымъ ввести въ монашескихъ училищахъ обученіе русскому языку. Изъ сенатскаго указа 17-го октября 1776 г. видно, что епископъ, въ видахъ снабженія монашескихъ училищъ книгами, по которымъ обучающееся въ нихъ юношество могло бы изучить русскій языкъ, завелъ въ типографіи при консисторіи русскія буквы. Съ теченіемъ времени, по указаніямъ Сетренцевича, введены были въ училищахъ преподаваніе географіи и исторіи Россіи.

в) По повелѣнію императрицы, Сестренцевичъ, какъ и православные епископы обязанъ былъ ввести въ подвѣдомственныхъ ему училищахъ тотъ способъ обученія, какой принятъ былъ въ народныхъ училищахъ по уставу 5-го августа 1786 г. На исполненіе этой воли императрицы Сестренцевичъ энергически настаивалъ, какъ видно изъ его сообщенія комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ отъ 11 августа 1786 г.

Подъ воздѣйствіемъ указанныхъ мѣръ училища, которыя содержало въ Бѣлоруссіи римско-католическое духовенство, теряли мало-по-малу свой прежній характеръ и принимали въ извѣстной мѣрѣ окраску русскихъ учебныхъ заведеній. Особенно іезуиты старались придать такую окраску своимъ коллегіямъ.

Отъ всѣхъ, поступающихъ въ іезутское общество, іезуиты обязательно требовали, чтобы тѣ учились русскому языку. Этотъ языкъ нашелъ себѣ примѣненіе въ ихъ школахъ и въ качествѣ языка преподаванія. Онъ былъ языкомъ преподаванія на урокахъ русскаго языка, русской исторіи и географіи. Учебниками по этимъ предметамъ избраны были тѣ самыя руководства, которыя составлены были для

русскихъ школъ комиссіей объ устройствѣ училищъ. Православнымъ, попадавшимъ въ эти училища, дана была даже возможность слушать уроки Закона Божія правовославнаго исповѣданія, хотя тутъ допущена была большая странность, состоявшая въ томъ, что уроки эти давалъ не православный священникъ, а іезуитъ. Въ библіотеки училища были выписано много русскихъ книгъ; въ числѣ ихъ были даже четьи-минеи. Въ школахъ, іезуитскихъ слышна была по временамъ русская пѣсня.

О томъ, что учащіеся въ іезуитскихъ школахъ воспитываются въ духѣ требованій правительства, въ патріотически-русскомъ духѣ, іезуиты любили говорить громко, и когда имъ нужно показать свои заведенія лицамъ властнымъ, вліятельнымъ, они всегда выдвигали на первый планъ именно эту сторону дѣла.

Благодаря такимъ пріемамъ іезуиты успѣли не только поколебать недовѣріе къ себѣ со стороны многихъ, выдающихся помощниковъ императрицы Екатерины II, каковы были Потемкинъ, Безбородко, Бѣлорусскіе генералъ-губернаторы Чернышевъ и Пассекъ, но и пріобрѣсти ихъ расположеніе. Вотъ какое письмо писалъ въ 1787 году генералъ-губернаторъ Пассекъ генеральному викарію іезуитовъ Ленкевичу: съ удовольствіемъ прочиталъ присланное мнѣ Полоцкимъ губернаторомъ Лунинымъ описаніе наукъ, преподаваемыхъ въ школахъ вашего ордена и языковъ: латинскаго, французскаго, нѣмецкаго польскаго и русскаго и всего, что необходимо для юношества въ видахъ общественнаго положенія. Все это приписываю я ревности и наблюденію Вашему. Для меня ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ видѣть въ порученныхъ мнѣ губерніяхъ благородную молодежь, способную къ отправленію должностей, приличныхъ ея званію, такъ чтобы она могла сдѣлаться полезною отечеству и тѣмъ самымъ годною для исполненія воли нашей всемилостивѣйшей государыни, такъ любящей и покровительствующей науки. Къ этой цѣли направленное преподаваніе наукъ въ вашихъ заведеніяхъ заслуживаетъ похвалы и благодарности отъ всѣхъ. Я первый отдаю эту справедливость вамъ и всѣмъ лицамъ, посвятившимъ себя образованію юношества въ вашихъ заведеніяхъ, въ полной

увѣренности, что ваше дѣятельность и стараніе внѣдритъ въ молодые умы и сердца добрые обычаи, правдивость, честность, обязательную снисходительность, и *героическую* вѣрность къ престолу и отечеству.

Сестренцевичъ не вѣрилъ іезуитамъ, невѣрилъ, что они— такіе горячіе русскіе патріоты, какими они хотѣли выставить себя. Но іезуитамъ удалось себѣ найти слишкомъ сильныхъ покровителей, и Сетренцевичъ долженъ былъ сознаться, что ему бороться съ такимъ обществомъ, каково было общество іезуитовъ.

Поддерживая римско-католическое духовенство въ его дѣятельности по образованію юношества, Сестрицевичъ особенно хлопоталъ объ устройствѣ начальныхъ училищъ.

Исходатайствовавъ разрѣшеніе императрицы на устройство такихъ училищъ при костелахъ и монастыряхъ, Сестрицевичъ распорядился, чтобы при каждомъ монастырѣ была сдѣлана пристройка для помѣщенія училища, или чтобы отведено было для этой цѣли часть монастырскаго зданія. Дѣлая эти распоряженія, Сестрецевичъ поучалъ монаховъ: „да не смотрятъ братія наши на народное просвѣщеніе, какъ на палубу; но пусть стараются о приготовленіи честныхъ гражданъ, вселяютъ въ нихъ расположеніе и милость ко всѣмъ людямъ, несмотря на вѣру, страну и сословіе; пусть учетъ ихъ не предпочитать почести, вращаютъ ихъ сердца, пріучаютъ ихъ къ труду и вѣрному служенію государынѣ и отечеству. Въ наше время, когда такъ справедливо жалуются на развращенность и упадокъ монашескихъ сословій и когда почти никто недумаетъ о томъ, какъ сдѣлать ихъ полезными для государства, суждено было златому вѣку безсмертной Екатерины обратить ихъ на пользу другихъ своихъ подданныхъ.

Сколько удалосьСестренцевичу устроить приходскихъ училищъ при монастыряхъ и приходскихъ костелахъ, полныхъ свѣдѣній объ этомъ мнѣ не удалось собрать. По позднѣйшей вѣдомости (1802 г.) число такихъ училищъ было не меньше 20."

Подведемъ теперь итогъ сказанному.

Бѣлоруссія, послѣ перваго раздѣла Польши, состояла подъ властью императрицы Екатерины II въ теченіе 24 лѣтъ.

Этотъ небольшой 24-лѣтній періодъ имѣетъ крупное значеніе въ исторіи просвѣщенія въ Витебской и Могилевской губерніяхъ.

Вяло и медленно подвигалось впередъ дѣло распространенія образованія въ Бѣлоруссіи до присоединенія ея къ Россіи. Польское правительство не принимало на себя заботъ о распространеніи образованія, представляя это дѣло иниціативѣ главнымъ образомъ римско-католическаго духовенства. А духовенство это приступало къ устройству новыхъ училищъ обыкновенно лишь тогда, когда какое либо богатое лицо жертвовало извѣстному монастырю какое либо крупное имѣніе и обязывало этотъ монастырь на доходъ съ имѣнья содержать училище. И такъ какъ такія событія совершались не часто, то между открытіемъ двухъ училищъ протекало иногда нѣсколько десятковъ лѣтъ. Такъ іезуиты съ 1580 по 1772 г. успѣли устроить въ Бѣлоруссіи лишь 6 училищъ. Съ переходомъ Бѣлоруссіи подъ власть Россіи, дѣло распространенія здѣсь образованія пошло совсѣмъ иначе. И сама императрица, и люди, поставленные ею во главѣ управленія вновь пріобрѣтенной областью, отличались большой любовью къ просвѣщенію. И вотъ, подъ воздѣйствіемъ ихъ, на всемъ пространствѣ Бѣлоруссіи начинаютъ возникать различныя школы, и число ихъ все больше и больше увеличивается. Распространенію ихъ содѣйствуютъ и правительственныя лица и учрежденія, и общественныя учрежденія и частныя лица. И—что замѣчательные всего—средства на открытіе этихъ школъ отыскиваются на мѣстѣ, а вѣдь до 1772 г. мѣстныхъ средствъ, находившихся въ рукахъ не частныхъ лицъ, на открытіе школъ какъ будто вовсе не было.

Другой характерной особенностію разсматриваемаго періода является то, что въ эти годы школа впервые открывается не только для мяльчиковъ но и для дѣвочекъ, и притомъ не только для лицъ привиллегированныхъ сословій, а и для всего народа. До 1772 г. въ школахъ Бѣлорусскихъ

учились лишь мальчики, дѣти лицъ привиллетированныхъ сословій, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ попадали туда дѣти лицъ низшихъ сословій, Въ царствованіе императрицы Екатерины II школа гостепріимно открыла свои двери для дѣтей всѣхъ сословій и обоихъ половъ. На этотъ фактъ краснорѣчиво указалъ въ своей рѣчи при открытіи Могилевскаго училища знаменитый тогдашній витія Георгій Копитскій, и радостно бились въ отвѣтъ на эти слова сердца Могилевскихъ гражданъ, отдавшихъ въ новое училище своихъ „отроковъ и отроковицъ“.

Наконецъ существенно важно и то, что въ разсматриваемый періодъ впервые появилась въ Бѣлоруссіи русская школа, что и старыя Бѣлорусскія школы стала дѣйствовать болѣе или менѣе въ русскомъ духѣ. Смотря на Бѣлоруссію, какъ на исконную русскую землю, императрица понимала, что Бѣлоруссія для духовнаго объединенія съ Россіей нуждается именно въ русской школѣ, и потому созданны ею здѣсь народныя училища рѣшительно ни чѣмъ не отличались отъ училищъ внутренной Россіи. Бѣлоруссія въ ея глазахъ съ 1772 г. стала неотъемлемою частію Россіи, частію, которая должна совершенно и во всѣхъ отношеніяхъ слиться съ внутренними областями Россіи. А потому она не могли не требовать, чтобы и старыя Бѣлорусскія школы приняли русскій характеръ. Императрицѣ Екатеринѣ II не удалось достигнуть этой цѣли вполнѣ, но при ней все же было много сдѣлано для достижеенія этой цѣли.

Таково значеніе царствованія императрицы Екатерины Великой въ исторіи распространенія просвѣщенія въ Полоцкой и Могилевской губерніяхъ.

Въ послѣдніе три года царствованія императрицы Екатерины II, вслѣдствіе 2 и 3-го раздѣловъ Польши, государственныя границы Россіи на западѣ широко раздвинулись, и къ Россіи присоединены были обширныя области, отошедшіе отъ Польши. Дѣятельности творческаго духа великой Императрицы по устройству школьнаго дѣла открылся широкій просторъ. И она не откладывала занятій этимъ дѣламъ, видимо думая вести его въ томъ самомъ направленіи, въ какомъ оно было ведено въ Полоцкой и Могилевской

губерніяхъ. Едва лишь въ 1795 г., сформированы были по положенію 1775 г. губернскія учрежденія въ областяхъ, присоединенныхъ по второму раздѣлу и организована была въ этихъ областяхъ система управленія дѣлами церквей различныхъ исповѣданій, какъ началась передача свѣтскихъ школъ въ вѣдѣніе приказовъ общественнаго призрѣнія, а монашескихъ—въ вѣдѣніе епископовъ. Но вскорѣ послѣ этого императрица скончалась (6 ноября 1796 г.), и дѣло школьнаго устройства въ новоприсоединенныхъ областяхъ сначала пріостановилось, а потомъ пошло по новому пути.

А. Бѣлецкій.

